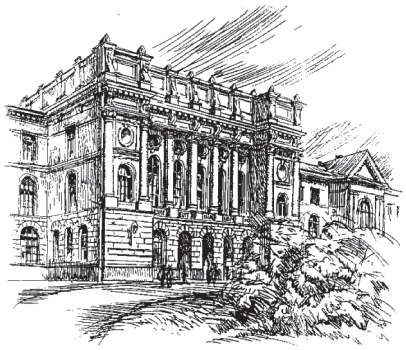
1(118)/2011



Научно-технические ведомости СПбГПУ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Санкт-Петербург. Издательство Политехнического университета

Министерство образования и науки РФ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ СПбГПУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.,* академик РАН;
Костюк В.В., академик РАН; *Лопота В.А.,* чл.-кор. РАН;
Окрепилов В.В., чл.-кор. РАН; *Патон Б.Е.,* академик НАН Украины и РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Федоров М.П.*, чл.-кор. РАН;
Фортов В.Е., академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.,* д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.,* д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.,* д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.,* д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.,* чл.-кор. РАН.

СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Акопова М.А., д-р пед. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор – председатель;
Алмазова Н.И., д-р филол. наук, профессор;
Горюнов В.П., д-р филос. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Пылин В.В., д-р юр. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – отв. секретарь.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал издается в пяти сериях:

Наука и образование;
Физико-математические науки;
Экономические науки;
Информатика, телекоммуникации, управление;
Гуманитарные и общественные науки.

Журнал зарегистрирован в Госкомпечати РФ. Свидетельство № 013165 от 23.12.94.

Подписной индекс **80634** в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Национальной электронной библиотеки на сайте http://www.elibraru.ru.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
Тел. редакции серии (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2011

Содержание

Проблемы XXI века

Мурейко Л.В. *Mass-media: к проблеме социально-культурного кода* 9

Симанова Н.А. *Понимание как основная нормативная система информационного общества* 18

Сайпуллаев М.А. *Проблемы российской региональной политики в области науки и техники (на материале Республики Дагестан)* 21

Протасенко И.Н. *Бонапартизм как модель социальной субъектности* 25

Фролова С.Л. *Духовно-нравственные основы профессионального идеала* 31

Правовые аспекты государственного управления

Снетков В.Н., Фомина Н.А. *Критерии классификации унитарных государств* 36

Тебряев А.А., Конопченко Ю.П. *Социально-правовая теория законного интереса* 42

Колпащикова Е.Ю. *Участие граждан в муниципальном нормотворчестве* 46

Наумов В.В. *Языковая личность как субъект и объект лингвистической экспертизы* 50

Чешенова Т.В. *Особенности электоральных процессов при выборах органов местного самоуправления в муниципальных образованиях Краснодарского края* 58

Профессиональное образование

Баранова И.И. *Лингвометодические основы формирования предметно-коммуникативной компетенции иностранных студентов технических вузов* 62

Баранова И.И., Чуваева К.М. *Особенности обучения и адаптации китайских студентов в поликультурной образовательной среде вузов Российской Федерации* 67

Бызова Н.И., Костерина О.Н. *Формирование навыков работы с терминологической лексикой и специализированными текстами в процессе развития переводческой компетенции* 73

Красавина О.И., Ветрова О.Г. *Информационно-технологическая составляющая переводческой компетенции* 79

Булавинцева Л.И. *Концепция гуманистически ориентированной методической подготовки будущего учителя биологии* 84

Казакова С.В. *Изучение аудиальной культуры как условие профессиональной компетентности учителя музыки* 90

Калмыкова С.В. *Развитие информационно-коммуникативной компетенции преподавателей вуза в среде дистанционной поддержки обучения* 96

Клец Т.Е. *Обучение дискуссионному общению в системе профессионально ориентированной языковой подготовки студентов в техническом вузе* 102

Корнеева Н.Ю. *Современные проблемы профессионального обучения учащихся с ограниченными физическими возможностями* 107

Ларионов В.В., Лисичко Е.В., Постникова Е.И. *Формирование универсального стандарта для методологически ориентированного обучения физике в техническом университете* 112

Мокроусова О.А. *Применение игровых технологий в процессе обучения кандидатов в эксперты по независимой оценке рисков* 116

Речинский А.В. *Система дополнительного профессионального образования в СПбГПУ* 120

Вопросы психологии

Аксенова Е.П., Доминяк В.И. *Особенности Я-концепции карьеры студентов вузов* 126

Исаева З.Ш. *Толерантное поведение как способ решения конфликта* 130

Маленов А.А., Маленова А.Ю. *Психологическое образование как ресурс преодоления трудных ситуаций* 133

Маняпова Е.В. *Особенности агрессивного поведения современных подростков* 143

Михайлова Е.Н. *Исследовательская деятельность педагога в концепции рискологического подхода* 149

Танасов Г.Г. *Психические состояния мужчины и женщины в ситуации переговоров* 152

Юнаковская А.А. *Речевое поведение жителей города (на примере города Омска)* 158

Якушева Л.М. *Мотивация инновационной деятельности преподавателей высшей школы* 163

История российского социума

Кашеваров А.Н. *Современное состояние Русской Православной Церкви* 168

Ковалев С.Н., Михайлов А.А. *Создание баз Балтийского флота СССР в Эстонии и Латвии осенью 1939 – весной 1940 года* 177

Мичурин А.Н. *«Общественный кабинет» министров летом 1915 года и политическая оппозиция* 183

Лепшеев А.А. *Политика правительства Анны Иоанновны в отношении беглых крестьян и дворяне* 188

Международные отношения

Видмарович Б. *Территориальные споры в Восточно-Китайском море* 197

Заяц Н.В. *Особенности конституционно-правовой природы народного представительства в европейских странах* 203

Павшинская М.С. *Правовые основания участия Российского государства в торговых отношениях в первой четверти XVIII века* 209

Актуальные проблемы языкознания

Аликина Е.Ю. *Метафорическое моделирование в туристском дискурсе (на материале русского и немецкого языков)* 213

Быканова В.И. *Доминантные пространственные концепты* 217

Гридасова А.В. *Словообразовательное гнездо как системно-категориальная организация однокоренных слов* 220

Смирнова Ю.С., Мишланова С.Л. *Когнитивные особенности дефиниционного анализа в медицинском дискурсе* 226

Саурбаев Р.Ж. *Структурно-семантический анализ парцеллированных конструкций (на материале английского и татарского языков)* 231

Филиппова Г.Н. *Структурные характеристики синестетических образований в современном немецком языке* 235

Философские и культурологические исследования

Антонова Н.Л. *Проблема оснований в классификации социальных практик* 240

Горюнов В.П. *Наука и религия: единство и борьба противоположностей* 243

Канунникова О.В. *Метаязык в контексте неклассической теории познания* 253

Малкова Е.В. *Философия экономики: феномен виртуализации стоимости* 256

Рослякова М.Д. *Конституирование политического субъекта: опыт феноменологического анализа* ... 261

Шиженский Р.В. *К вопросу о религиозной основе славянской версии indigenous religions* 263

Теория искусства

Абельская Р.Ш. *Александр Галич: рождение одного образа* 269

Васенева Н.В. *Эстетический диалог Б. Шоу и Л.Н. Толстого* 274

Венщиков М.А. *К вопросу о стилистических особенностях росписи храма Богоматери Одигитрии (Афендико) в Мистре* 279

Виноградова О.И. *Фольклорно-мифологические элементы в «романных» повестях А.Ф. Вельтмана* 286

Гиль О.Л. *Образ Веллингтона в документально-художественной литературе* 289

Зиньковская А.В. *Пьеса Б. Шоу «Дом, где разбиваются сердца» как средство отражения и формирования неязыковой действительности* 295

Косяков Г.В. *Мирообразы лирики А.С. Норова* 302

Коптева Э.И. *Традиции риторической биографии в «греческой повести» Д.И. Фонвизина «Каллисфен»* 307

Момот А.Д. *Прагматический компонент концепта «love» в тексте сонетов У. Шекспира* 313

Ростова Н.В. *Новая эстетика в условиях технографической среды: кинематографические приемы и театральное искусство* 317

Гребенникова Д.А. *К проблеме изучения искусства древнерусского лицевого шитья* 323

Хроника

Нарышкина-Прокудина-Горская Н.А. *Моя родословная. Часть 3. «Чтоб не порвалась связующая нить времен». Прокудины-Горские (XVIII–XXI века)* 328

Болотникова Е.Н. *Рецензия на книгу Соловьевой С.В. «На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти»* 336

Серкова В.А. *Обзор научной конференции «Взаимоотношения и взаимовлияние Турции и России в истории»* 338

Сведения об авторах. Контактные данные 343

Аннотации. Ключевые слова 349

Contents

Problems of XXIst century

Mureyko L.V. *Mass-media: to the problem of socio-cultural code* 9

Simanova N.A. *Understanding as a basic normative system of the information-oriented society* 18

Saypullaev M.A. *Problems of Russian regional policy in the field of science and technology (on the material of Dagestan Republic)* 21

Protasenko I.N. *Bonapartism as a model of social subjectiveness* 25

Frolova S.L. *The spiritual and moral basis of professional ideal* 31

Legal aspects of state administration

Snetkov V.N., Fomina N.A. *Criteria of classification of unitary states* 36

Tebryaev A.A., Konopchenko J.P. *Socio-legal theory of legal interest* 42

Kolpaschikova E.Y. *Citizen participation in municipal rulemaking* 46

Naumov V.V. *Linguistic personality as subject and object of linguistic expertise* 50

Cheshenova T.V. *Features of electoral processes at elections of local government institutions in municipal formations of Krasnodar region* 58

Professional education

Baranova I.I. *Basic linguomethodical elements of forming of communicative competence of foreign students of technical universities* 62

Baranova I.I., Chuvaeva K.M. *Teaching Chinese students in polycultural educational environment and their adaptation to Russian high school* 67

Byzova N.I., Kosterina O.N. *Formation of glossary and text processing skills as an element of translation competence* 73

Krasavina O.I., Vetrova O.G. *Computer-aided technical translation as a component of translation competence* 79

Bulavintseva L.I. *The concept of humanistically-oriented methodological training of a prospective biology teacher* 84

Kazakova S.V. *Studying audial cultures as a condition of professional competence of the teacher of music* 90

Kalmykova S.V. *Development of information and communication competence of teachers in high school in the remote support training environment* 96

Klets T.Y. *Discussion teaching in professionally oriented foreign language traning of technical university students* 102

Korneyeva N.Ju. *Modern problems of vocational training of pupils with the limited physical possibilities* 107

Larionov V.V., Lisichko E.V., Postnikova E.I. *Forming of universal standard for methodologically oriented teaching physics in technical university* 112

Mokrousova O.A. *Applying gaming technologies in the process of teaching of candidates who are going to become the experts in independent risk assessment* 116

Rechinskiy A.V. *System of complementary professional education at StPBSPU* 120

Questions of psychology

Aksenova E.P., Dominyak V.I. *Peculiarities of self-concept career university students* 126

Isaeva Z.Sh. *Tolerant behaviour as a way of conflict solving* 130

Malenov A.A., Malenova A.U. *Psychological education as resource of coping difficult situations* 133

Manyapova E.V. *Aggressive behavior features of the modern teenagers* 143

Mikhailova E.N. *Pedagogue's research activities in conception of riskology* 149

Tanasov G.G. *Mental states of man and woman in the situation of negotiations* 152

Yunakovskaya A.A. *Speech behavior of citizens (on example of Omsk)* 158

Jakusheva L.M. *Motivation of the higher school teachers' innovative activity* 163

Aspects of Russian society history

Kashevarov A.N. *Current state of the Russian Orthodox Church* 168

Kovalyov S.N., Mikhailov A.A. *The construction of the Baltic soviet navy bases in Estonia and Latvia in autumn of 1939 – spring of 1940* 177

Michurin A.N. *The Public cabinet in the summer of 1915 and political opposition* 183

Lepsheev A.A. *Anna Ioannovna's government policy concerning fugitive peasants and noblemen* 188

International relationships

Vidmarovic B. *Territorial disputes in the East China sea* 197

Zaiats N.V. *Features of constitutional nature of the human representation in the European countries* 203

Pavshinskaya M.S. *Legal basis of the Russian state participation in trade relations in the first quarter of the XVIII century* 209

Actual problems of linguistics

Alikina E.Yu. *Metaphor modeling in touristic discourse (on the base of Russian and English languages)* 213

Bykanova V. I. *Dominant spatial concepts* 217

Gridasova A.V. *Derivational nest as system and categorical organization of cognate words* 220

Smirnova Yu.S., Mishlanova S.L. *Cognitive peculiarities of definition analysis in medical discourse* 226

Saurbayev R.Zh. *Structural-semantic analysis of the separated constructions (on the material of the English and Tatar languages)* 231

Philippova G.N. *The structural characteristics of synaesthetical units in the modern german language* 235

Philosophical and cultural studies

Antonova N.L. *The problem of foundation in classification of social practices* 240

Goryunov V.P. *Science and religion: unity and struggle of opposites* 243

Kanunnikova O.V. *Metalanguage in the framework of non-classical theory of knowledge* 253

Malkova E.V. *Philosophy of economy: phenomenon of the virtualization of value* 256

Roslyakova M.D. *Institutionalization of the political subject: experience of the phenomenological analysis* 261

Shizhenskiy R.V. *The question about the religious basis of Slavic version indigenous religions* 263

Theory of art

Abelskaya R.Sh. *Alexander Galich: birth of one image* 269

Vaseneva N.V. *Aesthetic dialog between B. Shaw and L.N. Tolstoy* 274

Venshchikov M.A. *On stylistic features of the frescoes of the church Hodigitria-Afendiko in Mystras* 279

Vinogradova O. I. *Folklore and mythological elements in the Veltman's «romance» novels* 286

Hill O.L. *The image of Wellington in the documentary fiction literature* 289

Zinkovskaya A.V. B. *Shaw's «Heartbreak house» as means of reflection and formation of non-linguistic reality* 295

Kosyakov G.V. *World-images of poetry by A.S. Norov* 302

Kopteva E.I. *The traditions of the rhetorical biography at the D.I. Fonvizin's «greek story» «Kallisphen»* 307

Momot A.D. *Pragmatic component of the concept of love represented in the sonnets by W. Shakespeare* 313

Rostova N.V. *New aesthetics in conditions of technographical environment: cinematic and performing arts* 317

Grebennikova D.A. *Methodologies of research of the old Russian icon – painting embroidery* 323

Chronicle

Naryshkina-Prokudina-Gorskaya N.A. *My genealogy. Part 3.* 328

Bolotnikova E.N. *Book review* 336

Serkova V.A. *Review of the scientific conference «The relationship and interaction between Turkey and Russia in history»* 338

About the authors. Contact information 343

Abstracts. Keywords 358

УДК 1:316.37+101.1::316

Л.В. Мурейко

MASS-MEDIA: К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОДА

Проблеме социально-культурного кода, лежащего в основе самой возможности структурирования, упорядочения социальной реальности, все больше внимания уделяют специалисты самых разных отраслей знания. Актуальность ее определяется в том числе и многоплановым кризисом современной цивилизации, связанным с глобализацией и широкой информатизацией общества.

Сегодня в условиях глобализации властные механизмы социального кода в его функции программирования предельно широких масс на определенные действия привлекают особое внимание специалистов в области масс-медиа. Зная эти механизмы, неосознанно для самого человека можно как открыть для него новый потенциал возможностей на основе гуманистических ориентиров, так и использовать в чьих-то корыстных целях при помощи изощренных технологий. Социально-философские основания самой возможности манипулирования сознанием, обстоятельно исследованные в работах С.Г. Кара-Мурзы [11] и Ю.В. Пую [15], требуют конкретизации применительно к механизмам программирования человека на определенные действия со стороны социально-культурного кода. Способны ли массы выйти из формальной коммуникации, к которой ее все больше толкают современные масс-медиа, используя схематичность бинарного кода? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена данная статья.

Исследование особенностей коммуникативных процессов в информационном обществе, основательно проведенное М. Кастельсом, В. Липманом, Е. Тоффлером, Ю. Хабермасом и др., применительно к властным возможностям системы массовой коммуникации конкретизируются в работах С. Блека, В.Н. Блажнова, И.Л. Викентьева, С.Г. Кара-Мурзы, Г.Г. Почепцова.

Роль социально-культурных кодов в построении мифической картины мира представлена в работах Д.С. Раевского, С.С. Бессоновой, В.Ю. Михайлина, С.И. Трунева.

Из последних работ отечественных авторов заслуживает внимания исследование кода истины в социально-культурном ракурсе [20].

Среди зарубежных исследователей, специально анализирующих проблему кода с точки зрения семиологии и в связи с проблемой повседневной рациональности, особо выделяются работы Р. Барта, У. Эко.

Исследование социально-культурного кода в системе масс-медиа представлено в работах Н. Лумана, Ж. Бодрийяра, Ст. Холла, Дж. Фиске.

Несмотря на множество работ, посвященных знаково-символической природе социально-культурного кода, все еще остаются вопросы, которые требуют дальнейшего интегрально-философского анализа его многообразного проявления в повседневной жизни. Особое место в условиях кризиса социальной системы занимают вопросы о роли социально-культурного кода в сохранении индивидуальности, в изменении мировоззренческих структур и организации социума посредством масс-медиа.

Предметом нашего исследования являются закономерности и особенности социального кода, рассматриваемые прежде всего как факторы формообразования и организации со-

циальной реальности посредством масс-медиа в условиях глобализации. Попрубуем выявить властную природу социально-культурного кода и установить особенности структурирования социума в условиях глобализации и переоценки ценностей.

В условиях социальной мобильности современных обществ, в которых индивиды имеют дело с разнообразием нормированных систем верований и убеждений, значимость прежних социальных структур как константных, надежных уменьшается. Связанная с этим качественная трансформация самоопределения отдельного человека как субъекта находит свое выражение в социально-философских исследованиях уже в терминологических преобразованиях: все чаще используются термины «дивидуум» (в противовес индивидууму), «потребитель услуг», «сетенин» (вместо «гражданин»), «netократ», «постчеловек«, «постчеловеческая персона« и др. При этом отмечается тенденция если не разрушения, то трансформации прежних фиксированных социальных групп и прежнего социального порядка в некую иную форму.

Чтобы подчеркнуть тенденцию разрушения классических социальных групп и трансформацию прежних принципов социальных структур в мире, становящемся постиндустриальным и глобализирующемся, используются термины «постсоциальное развитие», «постсоциальное общество», посредством которых общественный порядок определяется прежде всего со стороны дестабилизации и деструктурализации с характерной тенденцией деперсонализации людей.

Итак, современность – это эпоха дестабилизации социального в классическом его значении: как упорядоченного, иерархического, структурированного образования. Симптоматика этого процесса, согласно Ж. Бодрийяру [3], имеет следующий вид: напряженное противостояние («антагонизм») сменяется абстрактным тождеством двух феноменов – «массы» как гиперконформности (имплозивности) и «системы» как безразличного кода. Система все больше проявляет себя через истолкование всего и вся как реального статистического случая или гипотетической модели. При этом массы сегодня понимаются не только как обезличенная общность людей, но и как атомизированное общество, «рассыпанное» на отдельные деперсонализированные единицы, не способные к самоидентификации в силу неустойчивого и неопределенного социального основания для их самоопределения.

Характерная черта человека масс – деперсонализация индивида, представляющая собой некий «срез» общечеловеческого, уходящий своими корнями в архаику – в начало формирования специфики общественной жизни. При этом и те исследователи масс, которые понимали этот «срез» общечеловеческого преимущественно по аналогии со стихией недоступного для логики «темного дна океана» (Г. Лебон, З. Фрейд), и те, которые связывали свойство деперсонализации с особого рода рациональностью поведения на основе повторения, внушения (Г. Тард, Э. Дюркгейм, Б.Ф. Поршнев), в конечном счете видели в деперсонализированном способе общественных отношений мощнейшую стимуляцию общества к жесткому формообразованию в виде несомненной веры, традиции, обычая.

Деперсонализация индивида в массах – это сама *возможность* формообразования человеческого, его проформа. Деперсонализированный индивид – форма многих форм человеческого существования, которая является таковой благодаря свойству трансформации. Вместе с тем деперсонализированный индивид представляет собой хотя и многомерную, но предельную или пограничную форму человеческого существования в его социально-культурной специфике.

Есть ли существенная разница между социально-культурным кодом в первобытные времена и в информационную эпоху? Разумеется, есть, и определяется она тем, что сегодня средства массовой информации, благодаря глобальному охвату человечества за счет их технико-технологической оснащенности, обладают достаточно высокой степенью автономности в осуществлении своих властных функций.

Природа современной массовой коммуникации определяется, во-первых, тем, что массовый продукт как общедоступный производится для усредненно-неопределенных адресатов, и, во-вторых, тем, что он имеет особый (технический) способ поставки, при котором прямая интеракция исключена.

Именно благодаря посредничеству техники прямая интеракция не характерна для современной массовой коммуникации. Как справедливо отмечает Н. Луман, «только машинное производство какого-либо продукта как носителя коммуникации – а не письменность как таковая, – привело к обособлению особой системы масс-медиа» [13, с. 9], трансформирующей картины реальности с помощью знаково-символических средств.

Итак, в основе масс-медиа лежат *технические средства* для широкого и быстрого копирования и распространения сообщений. Характерные признаки продукции масс-медиа – общедоступность, большие тиражи, неопределенная множественность адресата.

Здесь важно то, что *техническая опосредованность между источником информации и ее адресатом создает нейтральную по отношению к конкретному субъекту или пустую форму коммуникативных возможностей, являющуюся унифицированной, структурно-рамочной основой для множественно интерпретирующих ее коммуникативных актов*.

Социальный код – это свод правил или ограничений, обеспечивающих коммуникативное функционирование социально и культурно обусловленной знаковой системы. Социальные коды – безличные процедурно-технические системы, предназначенные прежде всего для нерефлексивно-практической корреляции означающих и означаемых. Коды создают некий каркас, в рамках которого знаки обретают *действенный* смысл. Социальные коды обеспечивают базовое организационно-ориентирующее знание мира, включая в себя неявные предписания, начиная с телесных практик повседневности.

Многие концепции социального кода так или иначе ориентированы на выявление способов связи символических форм социального действия с отношениями власти, являющейся важнейшим фактором формообразования, упорядочивания социальной жизни.

Тайна социального кода, его нераспознанность – самая сердцевина власти. Акт контролирующего выслеживания по своей природе тайный. Как образно заметил Э. Канетти: затаившись, существо нейтрализует свою узнаваемость, становится неотличимым от окружения и не выдает себя ни малейшим шевелением. Оно как бы исчезает, облекаясь чужой кожей и надолго замирая в своем укрытии. Потом уже можно хватать открыто, потому что у жертвы действует страх мощи нераспознанного нападающего [10].

Проблема социального кода – это проблема контроля производимого в обществе смысла действия посредством поддержания определенных отношений властного доминирования и соответственно определенного социального порядка. Понятие социального доминирования предполагает наличие в конкретно происходящем смыслового компонента, организующего и трансформирующего остальные его компоненты, обеспечивая для него возможность формы и структуры, необходимых для социального управления и прогнозирования изменений в обществе.

Базовый социальный код осуществляется посредством субкодов. Код власти, по мнению Н. Лумана [12], важнейший среди других социальных кодов. Специфику кода власти в обществе он видит в его связи с системой коммуникации. Особенность власти в современном обществе состоит в том, что сегодня она *посредством массовой коммуникации стремится к беспрецедентно всеохватывающему упорядочиванию всех социальных процессов. Сами условия усиления власти в плане ее всеохватности определяются рамками возможностей масс-медиа, в которых происходит нейтрализация особенности индивидов посредством генерализации символов, предполагающей множественную и упрощенную интерпретацию типичного*.

Однако не любой ряд генерализированных символов представляет собой код в строгом смысле слова. Код – это структура, могущая для каждого произвольного элемента *в пределах своей области релевантности* найти и заставить подчиниться определенному порядку другой дополнительный элемент: по типу кода переводчика текста или генетического кода.

Эффективность кодов социокультурной сферы применительно к сложным системам связана с их способностью к особой комбинации универсализма и спецификации. При любом распределении элементов во внешней для системы среде код находит для каждого элемента этой системы *свой* комплементарный

фактор. Код осуществляет *внутрисистемные* сопряжения так, чтобы в них был потенциал для дальнейших операций.

При этом важно иметь в виду, что код власти имеет отношение лишь к *способам* символизации властных источников и границ власти, а не к выбору субъекта власти, его распоряжениям и желаниям. Код власти эффективной организации ориентирован на такой порядок вещей, когда система власти превосходит властные возможности отдельного субъекта-властителя.

В целом эффективность кода определяется *принципом бинарного схематизма*, который двузначно структурирует возможные операции.

Власть использует бинарный код следующим образом: *принимая в расчет свои возможности в отношении противоположного и предупреждая* возможное отрицание себя, она для каждой селекции действий устанавливает соответствующие альтернативы их избегания. Великолепную демонстрацию бинарного кода в действии современных масс-медиа находим у Ж. Бодрийяра [5]. Он замечает, что средства массовой коммуникации хорошо освоили технику введения в действие формальной обратимости своих сетей (переписка с читателями, телефонные разговоры со слушателями, опросы на улицах и т. п.). При этом факт расширения интерактивных форм mass-media не приводит к ликвидации ожидаемого социальной системой предопределенного ответа. Обратимость, полагает Бодрийяр, не имеет ничего общего с обоюдностью общения. Средства массовой коммуникации и в целом массовое общество хорошо подготовили иммунитет против их разрушения: они способны включать в себя то, что отрицает их. Они подразумевают как индивидуальную, так и тоталитарную цензуру в самом своем существовании, действуя по принципу «*децентрализованного тоталитаризма*». При этом роль индивидуальности в системе массовой коммуникации – не более чем «эквивалент воскресного рукоделия на периферии системы». Сама система превращает каждого в своей собственный, обособленный, индивидуальный по виду передатчик информации.

Двузначность – конститутивный фактор для символически генерализованных кодов: только она обеспечивает связь универсализма и спецификации, когда каждый элемент системы может быть однозначно соотнесенным с другим ее элементом. Различая правовую и незаконную власть по формуле «или-или», бинарность ставит границу диффузно флуктуирущим властным процессам.

При этом бинарный схематизм кода построен на таком отрицании, при котором отрицаемое находится *внутри системы* и может ею же регулироваться. Иначе говоря, бинарная схема способствует своей институциализации следующим образом: *она стремится к тотальности возможного, конструируя презумпционную полноту через противоположность, втягивая ее в себя посредством формально-нейтральных конструкций*. Итак, *функции бинарных схематизмов, включая их двойственность по отношению к истине, правомерности, ориентированы на универсализм масс-медийных функций кода*.

Код власти в простых системах проявляет свою убедительность с помощью силы. Однако в сложных, высокодифференцированных системах сила как фактор убедительности заменяется ростом технологичности власти. Если ранее для легитимности было немыслимо обойтись без ценностного консенсуса, то в современном обществе в условиях действия бинарного схематизма, нацеленного на взаимообусловленность правового и неправового, легитимизация, перетекая в масс-медийное русло коммуникации, оказывается вне морали.

Сравнивая концепции социального кода Лумана и Бодрийяра, отметим смысловую точку их пересечения. Оба исследователя выделяют в современном обществе прежде всего формализованную сторону смыслообразования, свободную от субъективных пристрастий индивидов. Механизм самовоспроизводства живых систем и биологические характеристики бинарного кода ДНК при этом переносятся на социальную реальность.

Как Луман, так и Бодрийяр представляют нейтрализацию социального субъекта в связи с широким захватом информационной сетью масс-медиа экономики, политики, права, науки и с выходом для них на первый план *техники* формирования смысла. При этом Луман делает акцент на бесплодности попыток выискивать за новой реальностью,

конструируемой масс-медиа, манипуляцию общественным сознанием, поскольку это, по его мнению, результат смыслового самовоспроизводства и самосохранения общественной системы в новых условиях.

В отличие от Лумана, Бодрийяр полагает, что как язык, так и социальную систему в целом, существующие посредством операциональной бинарности, не стоит рассматривать в силу их формальности как предельный способ приблизиться к самовоспроизводству общества по естественному типу. Речь идет о том, что в таком (формальном) варианте обезличенного саморазвития социальной системы нет приближения к объективности вещей и к реальности социальных процессов, несмотря на их независимость от пристрастий субъектов.

Только благодаря поэзии, говорящей языком, разрушающим смысловую структуру языка власти, согласно Бодрийяру, можно перейти от формальных и потребительских ценностей эквивалентности к ценностным отношениям дара и тем самым – к подлинной коммуникации, в основе которой лежит действительная, а не формально-симулятивная взаимность. Отметим в этой связи, что феномен неформального общения высоко оценивается и Г. Минцбергом [14] – автором деловой книги, признанной сегодня бестселлером в области конкретно-практических исследований наиболее эффективной организации.

С точки зрения Ж. Бодрийяра, для выхода из системы формальной бинарности, для возникновения поэзии как социального фактора, отрицающего формальность, еще не достаточно состояния «это ничего не значит», т. е. простой отмены означающего. «Требуется, чтобы означающее упразднялось в ходе строго продуманных операций, а вовсе не «алеаторно»...» [4, с. 345].

Итак, по мнению Бодрийяра, код унифицированных формальных схем имплозивно втянут в сознание масс. Проникнуть к нему извне, чтобы его разрушить, можно лишь средствами языка, родственного ему. Таким языком является язык первобытности, каждое слово которого – элементарная порождающая матрица. В общих для поэзии и языка масс первобытных истоках коренится и нулевой (изначально нейтральный) уровень смысла, возникающий в результате отрицания крайностей по мифологическому типу бинарности. Только таким образом, согласно Бодрийяру, можно сломать смысл, конституированный предельно формальными бинарными схемами, лежащими в основании симуляции реальности.

Отметим, что в концепциях современного общества существуют и иные (по отношению к Бодрийяру) установки в понимании формальной структуры общества. В них сохраняются принципы структуры, системы, порядка как продуктивные, открытые новому. При этом Э. Гидденс [8], связывая критическую установку к существующей структуре общества с реакцией на неудовлетворительное понимание структуры функционализмом и структурализмом, отмечает, что первый из них явно или неявно всегда отождествлял структуру и систему, а второй неправомерно разделял чрезмерно застывшую структуру и субъекта действия. В последнем случае структура понималась как нечто абсолютно противоположное спонтанности социального акта со стороны индивида. Сам Гидденс, различая структуру и структурацию, понимает первую из них как *набор правил*, относящихся к *трансформации* практик. Структура, согласно Гидденсу, определяет *правила трансформации* действия, система выражает относительно *стабильные совокупности* действий, а структурация связана *с изменением правил* (структур) взаимодействия индивидов. Структурация ситуативна (открыта случаю и уникальности индивида), мобильна, она действует по принципу обратных причинных связей или «причинных петель». Это значит, что в результате целенаправленных действий субъектов всегда имеют место непредвиденные последствия, которые оказывают влияние на прежние правила действий, вызывая затем новые не планируемые последствия и т. д.

Концепция «стратегии синтеза» П. Бурдье [6] имеет множество смысловых точек пересечений с теорией структурации Гидденса. Ядром концепции Бурдье является понятие габитуса, призванное объяснить особенность социального порядка и его воспроизводства в условиях социальных изменений. Габитус, в котором субъект и объект взаимосвязаны, можно определить как практический механизм, *процессуально* структурирующий структуры.

И Бурдье, и Гидденс сходятся в том, что человек как рациональное существо творит больше, чем он знает теоретически. Структура в сфере повседневности осваивается нерефлексивно как практическая рациональность. Габитус во взаимодействии с социальной средой, порождением которой является, осуществляет настоящее «онтологическое соучастие, принцип знания без сознания, интенциональности без интенции...» [6, с. 25].

С этой точки зрения уникальность действия, непредвиденное стечение обстоятельств для *практического сознания* в отличие от теоретического оказываются источником полезного регулятивного знания, поскольку они указывают на ограниченность привычной системы координат, которой мы пользуемся.

М. Фуко [19], связывая проблему формообразующих границ знания с особенностью практической рациональности, решает ее с помощью понятия «власть». В концепции Фуко различаются власть в ее конкретном исполнении и власть вообще («диаграмма») как чисто дисциплинарная функция. Диаграмма стремится управлять и распоряжаться жизнью бесконечно большого множества людей. Она проявляется в распределении способностей воздействовать и испытывать воздействие, в активизации и перемешивании всех неформализованных функций и всех аморфных видов материи. Ее задача – уйти из зоны внимания рефлексирующей рациональности.

В зоне пересечения власти и знания – практике – власть имеет дело прежде всего с таким измерением мысли, которое имеет другой характер по отношению к теоретическому виду знания и вызывает особый тип взаимоотношений между зримыми, языковыми, регулятивными формами мышления, когда знаки *вместе с их субъективным прочтением натурализируются, определяя значение предметов без того, чтобы человек знал об этом*.

Как добиться большей степени объективности наших представлений о мире, чтобы преодолеть натурализацию нашей субъективности вместе с нашей рамочной ограниченностью и увидеть вещи в их первозданном виде? Фуко полагает, что для этого необходимо прежде всего выявить социальные основания нормированного, но не рефлексивного мышления и исследовать «микромир» существования человека, не видимый для формально-научного сознания.

В концепции власти Фуко применительно к рассматриваемой нами проблеме особенно ценными являются идеи о диффузных, исчезающе малых взаимоотношениях не великих людей, незначительных идей, мелких стратификаций нашей жизни, предпринимаемых чиновничьим визированием; идеи об обновлении местных обычаев, о небольших изменениях языковых норм, о мелких изобретениях. Действительно, это очень продуктивная мысль, требующая разработки: значимость «среднего» индивида в массах в повседневной жизни неуловимо мала, но именно в этих рутинно-незаметных формах существования люди делают много из того, что затем меняет общество. Ведь именно «серединность», растворенность в практической жизни, невыделенность, благодаря переплетению с несобственным, зачастую провоцирует человека на искреннюю реализацию «своего» без оглядки на номенклатурную цензуру.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Исходя из тезиса о наличии в массовом сознании практической рациональности, подчеркнем важность в этом плане такой идеи: деперсонализация человека масс не означает утраты способности к значимой дифференциации предметов и событий, поскольку: а) структурная организация социальной среды в массовом обществе не исчезает, а приобретает подвижный, процессуальный характер, что подчеркивается термином «структурация» в теории Гидденса; б) индивидуальность в массах не ликвидируется, но трансформируется в иной способ существования (как бы рассыпаясь на мельчайшие частицы, она создает свой микромир, своеобразно инкорпорируя нормы социальных макроструктур, но стремясь уйти из поля их тотального контроля), о чем пишут М. Фуко и П. Бурдье. Если мы признаем в массах полное отсутствие рационального и индивидуального, то в этом случае невозможно объяснить, как человек переходит из неосознанного состояния в осознанное. О сохранении представителями масс хотя бы и в трансформированном виде своей индивидуальности, что сказывается на отсутствии полного совпадения процессов масс-медийного кодирования и индивидуального декодирования,

свидетельствуют также исследования Ст. Холла и Дж.Фиске [22–24]. Это говорит о том, что общество масс не отрицает возможность его неформального структурирования.

2. Фундаментальный общечеловеческий социально-культурный код, хотя он и предполагает множественную интерпретацию, имеет границы, определяемые гуманно-нравственным характером регуляторов социальных отношений. Здесь важно не забывать, по крайней мере, два важных момента. Первый состоит в том, что единый и имеющий свои границы общечеловеческий код не должен пониматься субстанциалистски, одномерно, о чем справедливо и достаточно аргументированно пишет У. Эко [21, с. 482–487]. Второй момент определяется позицией учета рисков при отпущении «на волю» актов интерпретации глубинных оснований организации человеческой жизни. Как справедливо отмечает Г. Бэйтсон [7], общество в своих вариативных экспериментах, которые ставятся над классическим мышлением, должно благоразумно страховаться подобно тому, как это делает акробат в цирке. Нельзя не согласиться и с авторами тех работ [9, 16], где предлагается уже в системе школьного образования обращать внимание на различие между действительной свободой и принуждением к ней.

Подчеркнем: проблема экзистенциально-моральной коррекции усложняющейся масс-медийной техники производства смысла реальности связана с необходимостью поиска новых форм технологии коммуникации. Ядром этих новых технологических форм коммуникации должна быть ставка на самоконтроль человека и проблематизацию той информации, которая кажется несомненной.

3. Принимая многие продуктивные идеи Н. Лумана в его теории социально-культурного кода, все же отметим, что полностью с его позицией мы согласиться не можем. Недостатком данной теории, на наш взгляд, является даже не столько тот факт, что в ней рефлексивная самореференция и рефлексивный самоконтроль человека играют незначительную роль, а то, что она отказывается от поиска условий и средств их усиления, делая ставку на практическую саморегуляцию социальных процессов. Несомненно, процессы деперсонализации в современном обществе расширяются, набирают мощь, но если согласиться с установкой на абсолютную беспомощность рефлексивного сознания, то можно оправдать любые действия, ссылаясь на их адаптивно-функциональную продуктивность, подчиняющую себе правовые, эстетические и моральные феномены.

С другой стороны, говоря о нерефлексивной рациональности, Луман неправомерно упускает из виду экзистенциальную сторону властных отношений. В своих концепциях власти М.М. Бахтин, П. Бурдье, Ж. Бодрийяр, А. Кожев, Ю. Хабермас, С. Жижек, А. Бадью подчеркивают, что власть – сила, в конечном счете обращающая (возвращающая) человека к самому себе. Существует сила поступка, бескорыстной красоты, любви, совести. Бессовестный человек не лишен совести, он не в силах ее нейтрализовать – в нем совесть живет в остроконфликтной форме.

В.В. Бибихин, С.С. Хоружий, Ж. Батай предлагают рассматривать понятие власти не только институционально, но и по модели служения. При этом особой силой в практике управления собой признается *осмысленный* опыт служения. Это важный аспект проблемы власти, установления порядка. Следует подчеркнуть ценность этих работ для рассматриваемых в статье вопросов. Она состоит в следующем. Высокий уровень духовных практик управления собой связан с практикой направления силы экзистенции к власти трансцендентного, связанного с феноменом деперсонализированного индивида. Деперсонализация индивида в широком смысле слова как устремленность к выходу за пределы индивидуального опыта, как самозабвение ради обретения индивидом более широких возможностей имеет несколько разновидностей. Она может проявляться в религиозно-духовном опыте, в светских практиках служения гуманистическим идеалам, в не всегда ответственной творческой одержимости ученых и представителей искусства, в действиях масс, характерной чертой которых является нейтральное отношение к ценностям. И там, где деперсонализация индивида максимально отдалена от возможности саморефлексии, самоидентификации в плане актуальности вопроса о смысле собственной жизни, риск стать одномерно программируемым очень велик. Максимальная адаптация любой ценой, в том

числе безнравственной, неэстетической, – это возможный ход событий по сценарию Н. Лумана. Более приемлемой нам представляется позиция А. Бадью [2]: в условиях неопределенности выживать надо, сохраняя достоинство, и философский разум должен способствовать этому. Как и Луман, мы полагаем, что процесс разрушения прежней статичной системы идентификации индивида, сопровождающийся процессами его массовизации и деперсонализации, имеет и позитивную сторону: нейтрализация определенности индивида в масштабах общества позволяет социальной системе быть более мобильной, оперативно-функциональной, о чем мы более подробно пишем в другой работе [18]. Здесь же хотелось бы подчеркнуть, что, наряду с позитивной ролью деперсонализации современных индивидов, существует и негативная – создание риска ликвидации человечности и переход в режим существования либо по типу инстинктивности животного, либо по типу механичности автомата, к чему зачастую и стремятся современные масс-медиа. Без обращения к технике смыслообразования, обращенной к неконтролируемой индивидом практике повседневности, сегодня не обойтись, но ее необходимо направить в гуманистическое русло. Итак, создание технологий, которые провоцировали бы человека на уровне инстинктивной безопасности к саморефлексии, к актуальности человечного, – насущная задача всей системы социальной коммуникации, включая систему образования и воспитания.

Отметим еще один важный момент в понимании особенности неинституциональной формы власти. В монографии С.В. Соловьевой [17], посвященной специальному исследованию этой проблемы, неинституциональная власть противопоставляется власти, существующей по модели господства. Этот тезис аргументируется, в частности, с обращением к дискурсу и практикам исихазма, которыми создана особая онтология, рассматривающая власть как работу с силой и энергией человека в направлении к благодати и синергии (смыслу) в логике дара – единения – служения. Возникает вопрос: почему же термин «господство» следует рассматривать только в отношении асимметричного отношения возвышения одного субъекта над вовне находящимся другим? Почему отношение господства неприменимо к возвышению человека над самим собой – над разгулом страстей и над подобострастием, над невежеством и ничем не ограниченным познавательным любопытством, которое характерно для тех, кто, войдя в Интернет, забывает про время? Последний случай – это вневременность именно раба, но возможно господство над ним. И это господство – не та высота самоуверенного ощущения себя Богом, – высота, с которой открывается перспектива абсолютной относительности всего. Августин Аврелий в своих «Исповедях» [1], вспоминая себя в подобном состоянии в юности, в пору увлечения софистикой, отмечал: тогда он сам пытался быть Богом, низвергая его в своем неверии. И оказалось, что мир пошлости, злости, множества материальных вещей поднимался выше него и на него наваливался. Сколько раз приходилось слушать пустую болтовню! Сколько раз внимание отвлекалось на красивое личико, странный звук, случайно пробегающую собаку, на паука, занятого ловлей мух. Это бессмысленное любопытство рассеивает нашу индивидуальность во внешнем мире, не дает ей сосредоточиться на лично значимом, чтобы предотвратить наши страдания, а ведь жизнь так быстротечна. Увлеченность множеством впечатлений от внешнего мира рано или поздно болезненно подчеркнет ограниченность возможностей человека. Но многие этого не понимают. «Разве не хотите вы подняться, чтобы жить? – вопрошает Августин и с сожалением продолжает: – Но куда вам подняться, если, говоря словами библейской мудрости, “вы высоко и положили на небо главы свои”» [Пс 72:9]. Необходимо спуститься, чтобы подняться. Это ли не код силы в становлении Господином? В этой связи дискурс и практика исихазма – это именно господство над собой – поверхностным, самоуверенным, кочевником без ориентиров.

Понятие «господство» необходимо сохранить и в дискурсе неинституциализированных форм власти, во всяком случае, применительно к первым шагам овладения собой в обычно нерефлексируемой повседневности, чтобы подчеркнуть преодоление собственной слабости, бессилия, напряжение осмысленного оформления действительного себя и регламентированную практику самоуправления. И, несомненно,

господство экзистенциальное как осмысленное направление индивидуальной энергии в русло трансцендентное имеет качественное отличие от господства институционализированного.

Изложим наши выводы более кратко.

1. Общество масс не отрицает возможность его неформального структурирования.

2. Фундаментальный общечеловеческий социально-культурный код, хотя и предполагает множественную интерпретацию, имеет границы, определяемые гуманно-нравственным характером регуляторов социальных отношений.

3. Следует различать институционализированную и экзистенциальную формы кода власти.

4. В целом проблема социально-культурного кода – это проблема широкого контроля производимого в обществе смысла действия за счет установления и поддержания определенных отношений *властного доминирования* (как институционального, так и экзистенциального) и соответственно определенного социального порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Августин**. Исповедь [Текст] / Августин. – М.: Ренессанс, 1991. – 496 с.

2. **Бадью, А.** Этика: очерк о сознании Зла [Текст] / А. Бадью. – СПб.: Machina, 2006. – 126 с.

3. **Бодрийяр, Ж.** В тени молчаливого большинства, или Конец социального [Текст] / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Урал, 2000. – 96 с.

4. **Он же.** Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 389 с.

5. **Он же.** Реквием по масс-медиа [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. М.М. Федоровой. – Режим доступа: http//highbook.narod.ru/philos/bodr_mm.htm

6. **Бурдье, П.** Начала [Текст] / П. Бурдье. – М.: Sociologos, 1994. – 287 с.

7. **Бейтсон, Г.** Экология разума [Текст]: избр. ст. по антропол., психиатрии и эпистемол. / Г. Бейтсон. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.

8. **Гидденс, Э.** Устроение общества. Очерк теории структурации [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Акад. проект, 2003. – 528 с.

9. **Грякалов, А.А.** Философия человека и антропология образования [Текст] / А.А. Грякалов, И.Б. Романенко, В.И. Стрельченко. – М.: Академия АПК и ППРО, 2007. – 212 с.

10. **Канетти, Э.** Масса и власть [Текст] / Э. Канетти. – М.: Ad Marginem, 1997. – 528 с.

11. **Кара-Мурза, С.Г.** Манипуляция сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2004. – 528 с.

12. **Луман, Н.** Власть [Текст] / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.

13. **Он же.** Реальность масс-медиа [Текст] / Н. Луман. Там же, 2005.

14. **Минцберг, Г.** Структура в кулаке: создание эффективной организации [Текст] / Г. Минцберг. – СПб.: Питер, 2004. – 512 с.

15. **Пую, Ю.В.** Философия манипулирования [Текст] / Ю.В. Пую. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. – 244 с.

16. **Романенко, И.Б.** Экзистенциализм и персонализм: определение образовательных идеалов XXI века [Текст] / И.Б. Романенко // Изв. РГПУ № 5(10): Обществ. и гуманитарные науки (Философия: научн. журн.). – СПб., 2005. – С. 59–65.

17. **Соловьева, С.В.** На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти [Текст] / С.В. Соловьева. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2009. – 248 с.

18. **Стрельченко, В.И.** Деперсонализация человека и функциональность сознания: к проблеме массового общества [Текст] / В.И. Стрельченко, Л.В. Мурейко // Философия права. – 2009. – № 5 (36). С. 45–52.

19. **Фуко, М.** Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности [Текст] / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

20. **Гура, В.А.** Коды истины в истории культуры [Текст] / В.А. Гура, А.С. Сафонова, О.Д. Шипунова // Воп. культурол. – 2010. – № 6. – С. 53–58.

21. **Эко, У.** Отсутствующая структура [Текст] / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.

22. **Fiske, J.** Introduction to Communication Studies [Text] / J. Fiske. – UK: Routledge, 1988. – 174 p.

23. **Fiske, J.** Understanding Popular Culture [Text] / J. Fiske. – Boston: Unwin Hyman, 1989. – 236 p.

24. **Hall, S.** Encoding / Decoding [Text] / S. Hall // Durham M. & Keller D. Media and Cultural Studies: Key Works. – Malden, MA: Blackwell Publishers, 2006. – P. 177–197.

УДК 140.8

Н.А. Симанова

ПОНИМАНИЕ КАК ОСНОВНАЯ НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

XX век дал человеку опыт, позволяющий осознать, что все ныне господствующие устоявшиеся нормативные системы уже не способны отвести надвигающуюся катастрофу.

Подобную ситуацию современности можно обозначить понятием лиминальности в самом широком смысле. Лиминальность – ситуация или событие перехода, пересечения границы, решающего сдвига, коренного изменения. Лиминальность обусловливает процесс развития (а по большому счету всякое движение вообще), но не обязательно им ограничивается. Состояние перехода, по мнению С.А. Смирнова, есть «главный и единственный способ бытия, обитания человека» современности [7, с. 51]. Данный термин дополнит и конкретизирует уже широко используемый понятийный каркас теории синергетики для объяснения событий социального мира. Точка бифуркации и лиминальность – разные характеристики убыстряющегося саморазвития систем в обществе.

Важнейшей из проблем в жизни любого живущего является решение задачи выживания в наличной действительности, что требует от человека адаптации в его социальной ситуации. Однако учитывая «граничность» современного мира, господствование инадаптивной фазы развития (Дж. Симпсон), предполагающей более жесткую борьбу за выживание, необходимо обратиться к преадаптивной стадии как наличию у видов реальной возможности приспособиться к постоянно меняющейся среде. В данном понимании любая система (биологическая или социальная) имеет жизненную необходимость в избыточной вариативности любых преадаптивных форм. И сутью приспособительного процесса с этих позиций является не выработка единой универсальной адаптивной стратегии, а создание максимально широкого набора потенциальных адаптивных путей развития (А.Г. Асмолов, 2002; Д.А. Леонтьев, 1999; М.В. Ромм, 2002; Э.В. Соколов, 1972).

Ограничение, даваемое природой через отдельных индивидов и принятое социумом в качестве нормы, может играть ту же роль, что и игры детей, и карнавальная (шутовская) и смеховая культура (М.М. Бахтин), резерв внутренней вариативности (Ю.М. Лотман). Понимание становится возможным благодаря ограничению бесконечного универсума конечным человеческим разумом. «И именно эта ограниченность, определенность и порождает смысл» [8, с. 32]. С этой точки зрения люди, имеющие видимые и невидимые ограничения именно в биологической базе, являются основным показателем преадаптивности эволюционирующей системы.

Выход на современную проблематику границы как нормы, возникающей объективно, в качестве опоры, формализующей содержание, актуализирующей его, позволяет четче обозначить тенденцию отхода от ограничительной сущности культуры к граничным формам бытия. Культура будет оценивать себя не произвольно и постфактум, а адекватно времени возникновения новых границ бытия.

Подлинная личность рождается всегда на переднем крае развития всеобщей культуры, в создании такого продукта, который становится достоянием всех, а потому не рождается и не умирает вместе со своим «органическим телом». По утверждению Н.К. Оконской, «культура как восприятие другого как иного, инаковость, обеспечивают дифференцированность по-человечески бесконечную. Личность воплощает бесконечное многообразие, сосчитанную бесконечность» [6, с. 215].

Подчеркнем мнение Э.В. Ильенкова о том, что подлинная индивидуальность проявляется не в манерничанье, а в умении делать то, что умеют делать все другие, но лучше всех, задавая всем новый эталон работы [3, с. 388]. Например, можно утверждать, что незрячая личность может научить зрячих видеть яркий свет в темноте, глухой человек – понимать красоту природы,

чувствовать краски этой планеты, аутичный – новому видению мира.

Введение в культурное пространство нового сегмента – преадаптивности как нормы современности – способствует переосмыслению отношения к биологическому пространству, к расширению его границ, что позволит научиться слышать и видеть людей, живущих в пространстве ограниченной возможности бытия, осознать важность «граничного» существования. Понимание этого есть начало становления человечности как основной характеристики в построении структуры саморазвития личности.

Формирование такого отношения, как «понимание», к людям с ограниченными возможностями здоровья позволяет снять страх окружающих, который может и не осознаваться, но биологически подсознательно присутствует как реакция на инаковость. Так, понимание снимает агрессию, не требует принятия того, чего человеку не хочется, создает возможность саморазвития био-социо-культурной уникальной системы «Человек». Под пониманием здесь имеется в виду не просто общение с другим и его познание, а познание как проникновение, вживание, вчувствование в другого, «слияние» с ним и одновременно сохранение дистанции (своего места), вненаходимости.

В понимании осуществляется видение смысла бытия собственного «Я» и бытия «Другого», «видение живого смысла переживания и выражения, видение внутренне осмысленного, так сказать, самоосмысленного явления» [1, с. 229–230]. М.М. Бахтин такое поле встречи двух сознаний называет диалогическим пониманием.

Иными словами, понимание – диалог в отличие от традиционного истолкования диалога как когнитивного (информационно-познавательного) общения представляет собой имманентное противоречие человеческого бытия в его субстанции – событийной общности двух самостоятельных субъектов-индивидуальностей. Признание субстанциальной сущности диалога дает нам основание утверждать, что он всеобщ и универсален, не является какой-то частной формой человеческого общения.

В силу универсальности и всеобщности диалог как субъектно-субстанциальный феномен характерен не только для образовательной деятельности: диалоговая структура как «клеточка» субстанции лежит в основе всех сфер жизнедеятельности человека: экономической, политической, духовной, при условии их нормального функционирования, где нет отчуждения человека от человека, а есть взаимопонимание и толерантность.

В решении этой острейшей проблемы важнейшую роль должна сыграть фундаментальная педагогическая теория, получившая философское обоснование в предложенном школой В.А. Кайдалова варианте философской антропологии как антропологической онтологии. В этом обосновании педагогика обрела бы свою собственную методологию – методологию диалога [4, с. 190]. Педагогика была бы представлена как система своих фундаментальных и основных понятий, т. е. получила бы статус действительно теоретической концепции, обращенной к практике реформирования (модернизации) современного российской образования, что в свою очередь зарождает и новые подходы к развитию смежных наук, в рамках нашего исследования – дефектологии и специальной психологии, где процесс восхождения человека в образ человека возможен также на основе диалогичного понимания, т. е. признания, что саморазвитие личности единственный путь ее зарождения.

Здесь следует также вспомнить знаменитые слова Л.С. Выготского о том, что «развитие аномального ребенка проходит по тем же законам, что и нормального» [2, с. 46, 57], т. е. все концептуальные механизмы, касающиеся структуры саморазвития личности, работают также и в пространстве ограниченной возможности бытия, но с одним существенным дополнением. Самоограничение, подталкиваемое объективно более сложными обстоятельствами (ограниченные возможности бытия), выступает как тренажер, испытание-соревнование, пройдя через которые, человек крепнет и физически, и духовно. Именно потому, что, во-первых, источником всего нового, в том числе и новых возможностей, является «раздвоение единого на противоположные стороны и борьба между ними» (эта формулировка противоречия как причины развития здесь особенно важна). Противоречие наступает раньше, чем для других

людей, острее, чем для других, быстрее назревает к разрешению (только созревшее противоречие может быть конструктивно разрешено и привести к скачку), очевиднее для носителя и для его окружения. Причем носителем выступает не только физический индивид, но и семья, социальная группа, в том числе любой профессиональный, территориальный и временной комплекс. В этом смысле второе – это необходимость соучастия в разрешении противоречия всех вторичных участников инвалида. И понимание по сути должно работать на свою роль каждого участника в разрешении особо заостренного противоречия между предъявляемыми требованиями со стороны социальных институтов и ограниченными возможностями исполнителей, когда в их команде есть инвалид.

Исторически сложились две нормативные системы, стоящие на страже здоровья общества – мораль и право. С нашей точки зрения, в настоящее время формируется третья нормативная система с учетом жизни в информационном обществе – понимание. Рычагом управления системами морали и права являются совесть и страх. В третьей нормативной системе рычагом управления должно быть знание, рождающее смысл и человечность как основу построения структуры саморазвития личности, что в свою очередь уводит каждого от негативного принятия (через страх), умерит совесть и без сопротивления позволит создать действительно моральное правовое свободное общество.

Запреты на полноценность по отношению к лицам с ограниченной возможностью бытия играют роль табу, существующих в первобытных обществах. По точному замечанию Б.В. Маркова, было бы большой ошибкой сводить запреты исключительно к неким объективным угрожающим выживанию факторам. Некие естественно исторически выработанные реакции могут быть мотивированы чисто биологически. Так, страх и агрессия по отношению к непохожим на большинство есть реакция на фиксирование некой границы, требующей выбора (диалектика предела и долженствования, по Гегелю). Бессмысленных запретов и ограничений в современности не меньше, чем в средневековье. В отличие от произвола свободный выбор всегда самоограничение, исходя из разрешения конкретного противоречия и тех сил, которые требуются от индивида, чтобы удержать ситуацию под контролем [5].

Культурное пространство, как выяснено нами, начинает формировать человека, как и биологическое, с момента зачатия. Социальное пространство начинает работать с момента включения человека в систему общественных отношений. Следовательно, процесс формирования индивидуальности начинается в человеке раньше формирования личности и, с нашей точки зрения, как раз способствует адекватному ее становлению.

Срединное положение культуры между миром природы и социальным миром отражает исторический контекст развития культурной системы в ее пространственно-временных изменениях и позволяет сохранить представление о ней как сложной системе, обладающей рядом инвариантных, постоянных черт, характеристик. Благодаря своему срединному положению, культура может играть сразу двойную ограничивающую роль. Не только биология эгоизма, частичности оказывается социально адаптированной внутри социума (З. Фрейд, А. Адлер, К.Г. Юнг и др.), но и социум адаптирует себя к завышенным запросам биологически ограниченных индивидов, демонстрируя раскрывшимся необходимый в этих сложных индивидуальных условиях потенциал бесконечной творческой силы.

Новые возможности действия системы благодаря ее хаотизации через неполноценность являются наградой для понимающих, поскольку открывают не используемые до сих пор и потому находящиеся вне конкурентной борьбы пути для социализации и духовного роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бахтин, М.М.** Автор и герой. К философским основаниям гуманитарных наук [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 1996.

2. **Выготский, Л.С.** Основы дефектологии [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Просвещение, 1990. – 143 с.

3. **Ильенков, Э.В.** Что же такое личность? [Текст] / Э.В. Ильенков // Философия и культура. – М.: Республика, 1991. – 464 с.

4. **Кайдалов, В.А.** Теория диалектического противоречия: фундаментальные и прикладные аспекты

[Текст] / В.А. Кайдалов // Избр. тр. – Пермь: ПГТУ, 2007. – 300 с.

5. **Марков, Б.В.** Ориентирование на краях порядков [Текст] / Б.В. Марков // Стратегии ориентации в постсовременности. – СПб.: Санкт-Петерб. филос. об-во, 1996. – С. 69–97.

6. **Оконская, Н.К.** Мир философии в просторных рамках современных гуманитарных дисциплин [Текст] / Н.К. Оконская // Вестн. ПГТУ: Культура. История. Философия. Право. – 2009. – № 1 (20).

7. **Смирнов, С.А.** Человек перехода [Текст] / С.А. Смирнов // Модели человека в соврем. филос. и психол.: сб. мат. Всерос. конф., 18–19 мая 2005 г. – Новосибирск: НГУ, 2005. – 176 с.

8. **Тульчинский, Г.Л.** Постчеловеческая персонология. Новые проблемы свободы и рациональности [Текст] / Г.Л. Тульчинский. – СПб.: Алетейя, 2002. – 677 с.

УДК 32 (470.67)

М.А. Сайпуллаев

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ (на материале Республики Дагестан)

В 1992 году в России взамен действовавших ранее жестко централизованных подходов к региональной научно-технической политике (НТП) началось формирование основных положений новой концепции государственной научной политики. Стала очевидной настоятельная потребность в проработке региональных аспектов национальной НТП. Рассмотрим, как развивалась региональная НТП в 1990-е годы при переходе к рыночной экономике (на примере Республики Дагестан), так как, с нашей точки зрения, этот вопрос еще в достаточной степени не освещен.

Все республики в составе СССР, ныне ставшие суверенными государствами, развивали науку и технику в русле единой НТП, проводившейся правительством единого государства. После распада Союза ССР его правопреемницей во всех сферах, в том числе и в области НТП, стала Российская Федерация. В СССР и Российской Федерации НТП имела много общего, но были и особенности, различия. Это обстоятельство позволяет увидеть как общие закономерности развития научной сферы, так и частные проявления НТП в территориальном и хронологическом разрезе, в частности в таком этнокультурном регионе, как Республика Дагестан.

Процесс суверенизации субъектов Российской Федерации настоятельно требовал учета межрегиональных различий при разработке и реализации национальной НТП. Неотложность решения проблемы развития науки в регионах России обусловливалась не только тем, что большинство субъектов Федерации не обладали развитой сферой исследований и разработок, но и тем, что научно-технический потенциал в 1991–1992 годах разрушался на периферии более интенсивно в сравнении с регионами, развитыми в научном отношении. Это происходило из-за отсутствия соответствующей целенаправленной деятельности государства по его сохранению и поддержанию в регионах и обвального сокращения военного производства. Многие республики, края и области не имели хозяйственных комплексов, самодостаточных в воспроизводственной деятельности. Производство в них было направлено в основном на общегосударственные нужды и слабо ориентировано на обеспечение потребностей своего населения в продовольствии и товарах народного потребления. Это также наложило отпечаток на структуру научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, имевшихся в регионах. Именно в этот период объективная

необходимость учета региональных факторов заставляла вести разработку теоретических и практических тем по созданию единой системы территориального и отраслевого управления НТП, оценке научно-технического потенциала региона, обобщению практики программно-целевого планирования и управления в регионе. При формировании новой региональной НТП возникла необходимость пересмотра и переосмысления использовавшихся ранее основных понятий и категорий, среди которых особое место занимало понятие «научно-технический потенциал региона» [2, с. 111].

Отсутствие конструктивной программы экономической перестройки, неудачи и ошибки, допущенные при переходе к рыночной экономике, определили тенденции переноса центра тяжести реформ в регионы. Последствия реформ оказались разрушительными, особенно для науки. Состояние ее характеризовалось общим падением потенциала и отсутствием ясных ориентиров. Республика Дагестан в числе других регионов России (Красноярский край, Волгоград, Иваново, Кемерово, Омск, Томск, Новгородская область и мн. др.) оказалась перед необходимостью разработки и обоснования концепции принципиально новой региональной НТП, предусматривающей реформирование сложившейся системы организации научной политики и приведение ее в соответствие с реалиями, запросами и тенденциями современного общественного развития [1, с. 57, 58].

В 1993–1994 годах практически во всех регионах России проводились исследования, мониторинги, призванные увидеть перспективы региональной науки в контексте общего экономического развития регионов и страны в целом. Конечно, данные мониторингов использовались на местах. Но Правительство РФ не могло сформировать какой бы то ни было приемлемой программы региональной политики без данных о развитии регионов, в том числе о региональных научно-технических потенциалах. Результаты мониторинга не были востребованы и использованы федеральным центром в полной мере. По предложению Министерства образования и науки РФ в типовую структуру органов управления регионов, утвержденную постановлением Правительства РФ от 27 мая 1993 года № 490, был включен Комитет по науке и технической политике. Уже к концу 1993 года самостоятельные подразделения (министерства, департаменты, комитеты, отделы), связанные с управлением наукой и высшей школой, существовали в 28 регионах России, а к началу 1995 года – в 35. Кроме того, на территориях было сформировано 8 научно-координационных центров, еще 6 находились в завершающей стадии создания. Активно работал Межведомственный совет по региональной НТП и взаимодействию с высшей школой, созданный совместно с Госкомвузом России и РАН, а также научно-технические или научно-координационные советы в 11 регионах. В 9 регионах функционировали научные центры РАН [5, с. 398].

Правительство РФ 17 апреля 1995 года приняло постановление «О государственной поддержке развития науки и научно-технических разработок», но о поддержке региональной науки в нем не было ни слова, а 23 марта 1996 года утвердило «Основные положения региональной политики в Российской Федерации», где региональная политика в области НТП сводилась лишь к условной фразе: «Поддержка наукоемких производств и развитие высоких технологий» [3, с. 13, 16, 19]. Между тем непосредственно в регионах шло достаточно активное формирование условий развития НТП с учетом возможностей местного экономического и интеллектуального потенциала. Однако диспропорция в территориальном распределении научных сил сохранялась. Расстройство государственной системы организации и управления наукой, разбушевавшаяся рыночная стихия обусловили возникновение всевозможных самодеятельных научных, нередко околонаучных, сообществ, провозгласивших себя академиями различного толка, ориентации и назначения. Не избежала этого процесса и Республика Дагестан. При всей правомерности альтернативных форм и типов организации науки нельзя не видеть, насколько далеки амбиции и притязания многих из этих новообразований от их реального места и роли в подлинно научной жизни общества. У научной общественности

Республики Дагестан сложились определенные соображения о путях организационного реформирования региональной науки. Они сводились к идее сбора и консолидации реального научного потенциала республики, идее межведомственной научной интеграции на общенациональном уровне. В 1997 году этот концептуальный подход был рассмотрен и одобрен на совместном заседании президиума ДНЦ РАН и совета ректоров вузов Республики Дагестан с участием руководителей региональных центров Российских академий медицинских и сельскохозяйственных наук, а также директоров ряда отраслевых НИИ. Накопленный исследовательский опыт, научные традиции, запросы развития республики побудили ДНЦ к созданию новых структур по комплексному изучению проблем экологии, проблем Каспия, а также проблем энергетики, сейсмологии, машиноведения и проблем ислама.

Во второй половине 1990-х годов наметился процесс структурирования, профилирования и регионализации науки по ряду новых линий и направлений. Оздоровление экономической ситуации в стране начиная с 1999 года позитивно повлияло на состояние отечественной науки. В отчете о научно-организационной и финансово-хозяйственной деятельности ДНЦ РАН за 1999–2003 годы отмечалось, что за прошедшие 5 лет в жизни ДНЦ РАН был отмечен существенный рост практически всех основных показателей, характеризующих научную деятельность исследовательских институтов. Учеными научного центра за этот период получены 419 важнейших результатов, 310 научных разработок были предложены для внедрения в народное хозяйство, получено 17 государственных патентов [6]. В республике появился региональный центр Академии медицинских наук, начали создаваться аналогичный центр Академии сельскохозяйственных наук и местные структуры Академии образования. Возникли формирования, организованные на общественных началах. В рассматриваемый период произошли изменения в системе подготовки и повышения квалификации кадров науки. В 1990-е годы в вузах Республики Дагестан и в институтах ДНЦ РАН открылись специализированные (диссертационные) советы по защите кандидатских и докторских диссертаций. В 1999 году в ДГУ функционировало 16 диссертационных советов по защите исследований по 24 специальностям. В 2000 году аспирантуры научно-исследовательских учреждений и вузов Республики Дагестан закончили 214 человек [4, с. 235]. В Российской Федерации немного республик, которые располагают ныне таким мощным представительством академической науки и столь обширной сетью вузовского образования. Однако продолжающийся процесс сворачивания и замораживания бюджетного финансирования при смутном представлении о принципах и механизме формирования внебюджетных фондов развития науки в настоящее время усугубляет кризисные явления в сфере научного производства. Незначительной остается пока и эффективность системы поддержки науки через федеральные и региональные фонды развития. Средства фондов растекаются по множеству творческих микроколлективов и нередко попадают в руки отдельных предприимчивых деятелей и дельцов от науки, поэтому фонды зачастую не оправдывают своего предназначения [8, с. 96].

Новое и в целом позитивное явление в научной жизни республики – это возникновение региональных центров ряда Российских академий, формировавшихся на общественных началах: Академии естественных наук, Инженерной и Технологической академий, Международной академии информатизации, Академии высшего образования и т. д. Провозглашена так называемая Дагестанская национальная академия наук. Естественно, не располагая собственной научной и материальной базой, многие из этих научных учреждений, в их числе и ДНАН, обречены растрачивать свои интеллектуальные возможности не на приращение, а на «жалкое» существование [9, с. 87, 90].

В 1990-е годы неравномерность распределения научного и всего интеллектуального потенциала России по территории обусловила дальнейшую дифференциацию уровней экономического развития регионов. Поломать эту тенденцию должна была конкретная региональная НТП. Процесс

разрушения ранее действовавших схем происходил в научной сфере регионов России вне какой-либо целенаправленной деятельности государства: с одной стороны, не принимались какие-либо специальные решения, отменявшие прежние подходы, а с другой – не предлагалось ничего нового взамен. Тем самым создавался своего рода вакуум в нормативно-правовом регулировании управления сферой науки регионов. Ограниченные возможности Министерства образования и науки РФ по реализации национальной НТП в сочетании с отсутствием у него достаточно действенных рычагов, обеспечивавших влияние на деятельность прочих федеральных органов государственной власти в этой сфере, привели к тому, что механизм управления сферой исследований и разработок формировался в процессе слабо координируемой деятельности центральных министерств и ведомств, суммарные финансовые ресурсы которых, как правило, существенно превосходили возможности Министерства образования и науки. В 1992 г. Министерством образования и науки, высшей школы и технической политики РФ были подготовлены и внесены на рассмотрение Правительства предложения по разграничению полномочий и предметов ведения научно-технической деятельности между федеральными и региональными органами власти. Силами ученых и специалистов тогда же были проведены анализ уровня научно-технического развития отдельных регионов России и проработка концептуальных основ формирования региональной НТП, подготовлен ряд нормативных документов и положений, обеспечивающих ее реализацию. Для осуществления организационной и научно-методической работы по данным вопросам в структуре Управления экономического и правового регулирования НТП Министерства образования и науки был создан специальный Отдел региональной НТП, совместно с РАН образован Межведомственный совет по региональной НТП и взаимодействию с высшей школой.

При обсуждении вопроса об основных положениях концепции региональной НТП отмечалось, что на этапе экономических преобразований главными стратегическими направлениями НТП на региональном уровне должно стать создание на территориях условий для естественной трансформации имеющегося там научно-технического потенциала сообразно происходящим в регионах структурным изменениям экономики и переориентация этого потенциала на решение социально-экономических проблем регионов в Федерации в целом [7, с. 184]. Особое внимание привлекала региональная политика научной деятельности высшей школы России. В 1993 году имелось 14 региональных научно-технических программ и проектов, представленных вузами. Они выполнялись на Северном Кавказе и Дальнем Востоке, в Башкортостане, Красноярском крае, Волгоградской, Ивановской, Кемеровской, Омской, Томской и Новгородской областях. В 1994 году в конкурсе региональных научно-технических программ участвовало уже 46 программ; 18 программ включали гуманитарную тематику [10, с. 172, 177, 178]. В основном это были разработки, связанные с исследованиями по конкретным вопросам. Под конкретно-исторические исследования запрашивали средства ученые Курской («Юго-восток Древней Руси»), Новгородской («Культура»), Вологодской («Европейский Север – памятник отечественной и мировой культуры») областей, Республики Дагестан (8 проектов, в том числе «Ислам на Северном Кавказе»), Адыгеи («Этнокультурное наследие народов России») и др. [11, с. 2]. Как и в других науках, программы гуманитарного направления подтвердили высокую результативность и преемственность в работе ведущих школ России, расположенных в регионах.

Создание в регионах самостоятельных программ – это чрезвычайно важное направление для развития российской гуманитарной науки. Нельзя недооценивать тот факт, что регион сам выбирал приоритеты своего развития, а вслед за ними – приоритетные аспекты исследований. Благодаря таким исследованиям устанавливались полезные связи между регионами (горизонтальные) и между регионом и центром (вертикальные). Ощущалось тяготение к межрегиональным программам. Тем не менее региональные программы по гуманитарным наукам были довольно традиционны. Не было междисциплинарной интеграции. Кроме того, не представлялись на конкурс программы, связанные с исследованием правовых вопросов развития регионального управления, юридических проблем формирования социокультурных комплексов

и др. Во многих программах и проектах серьезно страдала научная сторона исследований. Первый опыт региональных гуманитарных программ показал, что достоинство лучших из них в том, что они исходили из социокультурных приоритетов регионов, из потребностей их культурного возрождения, что исследования ориентировались на эти приоритеты, учитывали работу, которая велась в академических институтах и в различных вузах страны, несмотря на их территориальное расположение. В этом видится ценность развития гуманитарных знаний.

Таким образом, внедрение программно-целевого метода в региональную НТП было вполне оправданно и политически и морально. Региональная наука все тверже вставала на конкурсную основу, выявляя лучшие, наиболее эффективные программы и проекты. Результаты изучения периода 1990-х годов дают основание сделать вывод о возрастающей заинтересованности регионов в развитии сферы исследований и разработок, связанных с данной территорией. В ходе реализации региональных научно-технических программ несравненно четче стало представление о научном и экономическом потенциале регионов и федерального центра. Все это вело к выгоде для обеих сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алимпиев, В.Н.** Государственная научно-техническая политика в регионах - актуальные проблемы и перспективы [Текст] / В.Н. Алимпиев // Регион. и науч.-техн. развитие и сотрудничество. Опыт и проблемы. – Самара, 1996.

2. **Он же.** Проблемы формирования и реализации научно-технической политики на региональном уровне [Текст] / В.Н. Алимпиев. – Самара, 1996.

3. **Гамзатов, Г.Г.** Интеграция, кооперация, консолидация как принципы организационного реформирования региональной научно-технической инфраструктуры [Текст] / Г.Г. Гамзатов // Наука Дагестана сегодня: уровень и масштабы поиска. – Махачкала, 1998.

4. **Дагестан** 2001 [Текст]: стат. сб. – Махачкала, 2002.

5. **Итоги** социолитальной трансформации [Текст]. – М., 2003.

6. **Камилов, И.К.** Научная жизнь Дагестана [Текст]: доклад // Газ. ДНЦ РАН. – 2004, 16 марта.

7. **Научно-техническая** и инновационная деятельность регионов России [Текст]. – Вып. 1–4. – М., 1993–1994.

8. **Региональная** политика Российской Федерации в области высшего и среднего профессионального образования [Текст]. – Вып. VII. – Саранск, 1996.

9. **Региональная** экономическая политика [Текст] // Регионология. – 1995. – № 2.

10. **Региональное** и научно-техническое развитие и сотрудничество. Опыт и проблемы [Текст]. – Самара, 1996.

11. **Решение** коллегии Министерства науки и технической политики Российской Федерации «О региональной научно-технической политике Российской Федерации» от 3 февраля 1993 г. [Текст]. – М., 1993.

УДК 17.033.“20”+316.621

И.Н. Протасенко

БОНАПАРТИЗМ КАК МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Проблема субъекта социально-политической реальности и его системных качеств актуализирована, с одной стороны, трудностями, с которыми столкнулось российское общество в решении вопросов, связанных с формированием гражданского общества, с другой – проблемами преодоления таких социальных зол, как коррупция, правовой нигилизм, политическая индифферентность электората, хлебнувшего дикого капитализма, разочарованного и уверившегося в том, что «лучше не будет». Цель данной статьи – показать, что бонапартизм как режим авторитарной власти, закономерно возникающий после крупнейших революций, является моделью социальной субъектности.

Представление о социальной субъектности связано, в частности, с тем, как общество прививает «добродетели хорошего человека и гражданина» (Аристотель) и востребует (воспитывает и готовит) рассудительных управленцев. Выражаясь языком древних, речь идет о добродетелях гражданина и правителя или в современном варианте – в контексте социальной субъектности – о моделях руководства и подчинения.

Цель автора – социально-философский анализ моделей власти как моделей социальной субъектности. Сложность данной темы, по нашему мнению, состоит в неопределенности толкования ключевого понятия «субъектность», обойденного вниманием исследователей социально-политических трансформаций.

Современные трактовки социальной реальности исходят из двойственного понимания ее характера: человек предстает и как создатель, и как создание этой реальности. С одной стороны, человек как бы застает, включается в социальную реальность, социализируется, с другой – он своей самореализацией, осмысленной деятельностью активно на нее воздействует, изменяя ее по своему разумению. Степень этого «разумения» связана с развитием его интеллекта и субъективности. Человек конструирует социальную реальность своими действиями и в то же время испытывает ряд ограничений, подчас суровых и жестких, налагаемых социальной реальностью на течение его жизни.

Важно учитывать, что становление личности, социального субъекта тесно связано как с процессом социализации, так и с развитием его субъективности, а качество того и другого определяет в конечном счете политическую субъектность – фактор, весьма немаловажный в вопросе будущего в судьбе страны и народа.

Социализация понимается социологами и психологами как процесс, посредством которого ребенок усваивает поведение, навыки, мотивы, ценности, убеждения и нормы, свойственные его культуре, считающиеся в ней необходимыми и желательными. В процессе социализации человек должен приспособиться к условиям своего существования, и другие люди выступают для него как инструкторы, как модели для подражания и как источники подкрепления. При стабильной социально-политической системе подготовка подрастающего поколения, включая его политическую социализацию и воспитание гражданских качеств, обеспечивает сравнительно гармоничную передачу от поколения к поколению основных ценностей и ориентаций. Подчеркнем здесь именно фактор стабильности системы. В условиях системного кризиса, разрушения системы базовых ценностей, привычных условий жизнедеятельности с неизбежностью происходит сбой не только в процессах социализации, атакуется субъективность человека, но также подвергается уничтожению такое системное качество, как субъектность.

Исследователи полагают, что качество субъектности присуще человеку уже в силу принадлежности к социуму, являющейся главным онтологическим условием жизни человека [7]. Неопределенность этой характеристики, по мнению К.С. Пигрова, связана уже с тем, что субъект – особый, нетривиальный компонент социальной реальности, модели которой в системе философского знания неоднозначны [4].

Субъективность – это личностное содержание человека, система его базовых ценностей, субъектность – это манифестация субъективности, системное свойство субъекта. Поведенчески субъектность означает быть способным на поступок. Она характеризует не только возможные формы проявления его (человека) личности, его предназначение, предопределенное его социализацией и неповторимым образом сформировавшейся субъективностью, но и вероятные формы его проявления в поведенческом действовании.

Субъектность на уровне индивидуального человека связана с социальной ролью, социальным предназначением. В идеале они гармонично сочетаются. Однако нередко случается, что проявление субъектности оказывается нелегким делом. Соблазн казаться, а не быть – то, что Э. Фромм определил как феномен бегства от свободы, – как раз свидетельствует о недостаточности субъектности, ее недоразвитости. Трудноуловимость, неопределенность субъектности заключается в норме ее наличия и всегда остро переживается, когда мы чувствуем ее отсутствие. Поясню примером по аналогии. Воздух, которым мы дышим, незаметен для нас. Он является смесью газов в определенной

пропорции, каждый из газов в отдельности не пригоден для жизни человека. Изменение этой пропорции также губительно для человека. Мы реагируем на разреженность горного воздуха, избыточность углекислого газа или кислорода и т. д.

Субъектность, по нашему мнению, – это системное качество личности и именно в силу «нетривиальности субъекта как компонента социальной реальности» весьма многолика и разнообразна в своих манифестациях. Однако можно с уверенностью сказать, что это всегда верхняя граница качества возможного личностного проявления. Норма субъектности – это существование личности в максимальном выражении своих возможностей. Именно недостаток тонуса и нереализованность этой предельности, а иногда и запредельности субъектного проявления нередко или даже почти всегда свидетельствует о недостатке этого системного качества. На простейших примерах понятно, о чем идет речь. Парень защитил девушку от хулиганов, спешащий прохожий не прошел мимо потерявшегося ребенка или человека, которому вдруг стало плохо. Рядовой сотрудник сумел отстоять свою точку зрения, не совпадающую с мнением руководства. Сравните: не защитил – ну, не Джеки Чан; прошел мимо – действительно, очень некогда было; не отстоял, потерял интересную перспективную тематику исследований – так ведь крут и категоричен характер у начальника. Субъектность проявляется парадоксально: с одной стороны, легко – «а как же иначе?», с другой – всегда на усилии, на самопреодолении соблазна легкого пути. Приведу конкретный трагический пример. Известно, что С.С. Прокофьев очень переживал по поводу разгромной статьи А.А. Жданова – публикации, критикующей его творчество. Его изумила не столько агрессивная категоричность оценок, сколько грамотное использование музыкальной терминологии (полифония, атональность и т. п.) в отношении его произведений, что явно было не по зубам партийному функционеру, малосведущему в музыкальной теории. Как впоследствии выяснилось, Жданов «обратился за консультацией» к близкому другу Прокофьева композитору Б.В. Асафьеву. Сам Асафьев умер спустя год.

Субъект – понятие, как известно, обозначающее того, кто осуществляет действие над объектом. Субъект политического контекста – это тот, кто имеет отношение к власти, к принятию решений, несет ответственность за эти решения. Именно политическая сторона схватки вокруг понятия субъекта вскрывает ее подлинный смысл. Человек становится субъектом, когда решает быть для самого себя основанием того, что называется действием. Специалисты отмечают возросший уровень сложности символического оснащения социальных действий [3, с. 7], под которым понимаются знания, нормы, ценности, смысловые полагания и конструкции, формирующие, направляющие и ориентирующие действия. На наш взгляд, вместе с тем следует подчеркнуть скорее динамический характер уровня сложности символического оснащения социальных действий. Динамику мы понимаем как изменения в сторону усложнения или упрощения (деградации, разрушения, подрыва, опошления и изъятия).

Как и каким образом должны измениться субъект и объект власти в условиях смены общественного строя? Как и какая модель власти (и подчинения) усваивается и реализуется обществом?

Аристотель подчеркивал: «Мы одобряем как способность управлять, так и способность быть управляемым, и нам кажется, что в некотором смысле образцовость хорошего гражданина заключается в том, чтобы мочь хорошо командовать и хорошо подчиняться» [1, с. 451].

Винсент Декомб предпринял синтаксический субъективный анализ основных глаголов политического словаря [2, с. 350]. Речь здесь идет о глаголах, необходимых для определения политического режима, – «командовать» и «подчиняться». Философия субъекта доказывает, по мнению Декомба, что эти глаголы могут употребляться в возвратном смысле, соответствующем политическому режиму автономии, т. е. системе, в рамках которой граждане существуют, когда сами мыслят себя в качестве субъектов, и которая имеет место именно потому, что они себя так мыслят.

Для политической философии субъекта, понимаемой таким образом, сказанное кажется неоспоримым. Как показывает Декомб,

существует концепт автономии, связанный с субъектом, который, подчиняясь, устанавливает связь лишь с самим собой, ибо именно от него самого исходит публичная власть. Известно высказывание Ж.-Ж. Руссо о проблеме, поставленной политической философией: «Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [5, с. 160]. Когда Руссо пишет «как и прежде» в смысле до объединения, он хочет сказать, что эту проблему есть смысл ставить перед людьми, жившими до этого в естественном, природном состоянии, без социальных связей, и теперь намеревающимися объединиться в единое общество.

Такое новоевропейское видение субъекта возникло не на пустом месте. Вообще как появился новоевропейский субъект, автономный и максимально должный только самому себе и ничего – обществу? Если рассмотреть ретроспективно изменение моделей руководства и подчинения, то мы можем отметить, что развитие субъектности двигалось от характерного синкретизма общинной формы социальной жизни к автономии и индивидуализму.

Античность характеризуется развитыми формами социального управления и подчинения. Однако и здесь человек вписан в целое (полис). Его гражданские права действительны внутри полиса или как представителя этого полиса вовне. Недаром изгнание как наказание приравнивалось к смертной казни. За пределами полиса человек был беззащитен, высока вероятность быть проданным в рабство. Идея гражданства (античного полиса, Римской республики), принадлежности к конкретному социуму означала не просто фактичность топологии проживания, но возможность участвовать в принятии решений по поводу своей жизни и жизни своей семьи. Речь идет о существенных правах и привилегиях гражданина.

Феодальная политическая модель, принятая при дворе монарха, распространялась и на другие этажи власти. Франсис Гойе в исследовании «Бдительность и “панургия”: восходит ли макиавеллизм к Аристотелю?» цитирует автора, который пишет, что «мы хозяева самим себе и нашим семьям» (Пьер де Лосталь), и это указывает на то, что эти понятия, прежде чем начать употребляться по отношению к власти каждого над своими действиями, первоначально применялись к власти сеньора в городах [8, с. 13–34]. В обществах европейского средневековья молодой человек часто воспитывался и получал образование непосредственно на службе у взрослого мастера. Оруженосец служил рыцарю, подмастерье – цеховому мастеру. Постепенно функции защиты отдельного человека и контроля над ним, ранее выполнявшиеся более тесными сообществами, в которые индивид попадал от рождения, – кланами, деревенскими общинами, вотчинным хозяйством, ремесленным цехом, сословием, переходят к высокоцентрализованным и урбанизированным государственным организациям. Сплоченность этих сообществ уменьшается по мере утраты ими контролирующих и защитных функций. Внутри более всеобъемлющих высокоцентрализованных и урбанизированных государственных обществ отдельный человек все больше вынужден опираться на самого себя. Возрастает мобильность отдельных людей – как в пространственном, так и в социальном смысле этого слова. Преодолевается их прежде неизбежная пожизненная укорененность в семье, родственной группе, локальной общине и других объединениях подобного рода, снижается предопределенность их поведения, целей и жизненных идеалов в рамках этих союзов и естественная идентификация с последними, уменьшается их зависимость и подневольность в отношении защиты жизни, возможности заработать, защиты унаследованного и нажитого или в отношении помощи, совета, участия в принятии решения. Сначала это происходит внутри отдельных особых групп, а затем медленно, в течение столетий, – в более широких слоях и даже в сельских регионах.

В Средние века управление строилось по модели управления землями сеньором. Ренессанс и Просвещение – крупные этапы в смене моделей власти и подчинения. Эмансипация и борьба за гражданские права меняют облик общества и принципы его социально-политического устройства. Происходит диффузия целостной феодальной иерархизированной и социально дифференцированной

целостности, превратившейся в механический конгломерат атомизированных воль.

Главный пульс современной социальной динамики – процесс смыслообразования, целеполагания и целедостижения, реализующийся на разных уровнях субъектной организации социума, границами которого вступают надындивидуальная целостность (общность) и феноменальный уровень (самость), определенный ментальным опытом и самосознанием.

В историко-логической реконструкции общая тенденция формирования модели социально-политического руководства и подчинения выглядит таким образом: Античность – субъектность полиса и идея общего блага, граждане полиса – численное меньшинство. Средневековье – субъектность монарха, вассалитет. Новое время – конституционная монархия, намечается тенденция разрушения и диффузии субъектности подданных монархии, формирование классовой субъектности. Новейшее время – атомизированная субъектность наряду с ассоциированной классовой и государственной (суверенитет).

В современном системном кризисе происходит разрушение государственной субъектности; в личностном развитии заметен акцент на Эго, индивидуализм и права человека; возникает идея гражданина мира; широко распространяются этика, язык и дух корпоративности. Именно кризис вымывает мировоззренческие основания, происходит подмена базовых ценностей, особенно в ситуации нестабильности и экстремального выживания индивида. Системный регресс и деградация губительным образом сказываются на субъектности и части, и целого.

Индивидуальный человек вынужден заново социализироваться в корпоративное мироустройство. Корпоративная субъектность подменяет индивидуальную субъектность.

На уровне индивидуального субъекта имеет смысл говорить, с одной стороны, о субъектности как внешнем выражении его субъективности, с другой – о проблеме усвоения моделей подчинения. Например, М. Фуко, говоря о субъекте, различает два его понимания: субъект, связанный со своей идентичностью, и субъект как подданный, подчиненный другому через контроль и зависимость. Если в XIX веке на первом плане была борьба с эксплуатацией, то сегодня преобладает борьба против порабощения, иначе говоря, против подчинения субъективности [6, с. 168]. Каналы современного подчинения субъективности охватывают разные стороны жизни современного человека. Это – сексуальность, мода и антимода, религиозные верования, здоровье, красота, идеология успеха, воспитание и образование.

Субъективность, скроенную по заданным лекалам, Фуко называет подчинением. То, что российские специалисты называют неудачной школьной реформой, реформой, ухудшающей образовательную конкурентоспособность, обнаруживающей поверхностность в усвоении богатства собственной культуры, является удачей в деле нового подчинения субъективности будущих поколений и соответственно элиминации их самостоятельной и ответственной субъектности. Как точно заметил L.P. Thiele, «Мы можем поэтому сказать, что власть является способностью влиять на людей согласно некоторому проекту» [9, с. 57]. Индивидуальная субъектность становится иллюзорной, квазисубъектностью. Избиратель выбирает, но не решает. Индивидуальная свобода предстает как освобождение от принятия решений.

Современная глобализация атакует субъектность государства. Эта атака осуществляется транснациональными корпорациями, обретающими собственную субъектность. Средством давления становятся инвестиции, ради которых иные государства готовы поступиться и суверенитетом страны, и интересами своего народа. Это качественно новая геополитическая ситуация, некоторые исследователи называют ее неотвратимым будущим. А тех, кто противится этой тенденции, считают ретроградами.

Нам представляется интересным рассмотреть в аспекте модели власти известное высказывание Людовика XIV: «Государство – это Я». По нашему мнению, это не гипертрофия личностного Эго, а формула власти эпохи расцвета феодализма, яркое выражение персонифицированной субъектности государства. Еще один пример модели власти – дефиниция Николая II в домашнем, организованном детьми анкетировании. Он обозначил себя как «Хозяин земли Русской» – в крестьянской стране модель

власти и подчинения, принятая всем сообществом сверху донизу. Пример субъектности монарха интересен и в плане международном. Убийство монарха означает устранение субъекта государственной власти, возможность создания опасной ситуации бессубъектности. Именно непрерывность субъектности власти выражена в высказывании: «Король умер! Да здравствует король!». Смерть монарха грозит утратой субъектности, а в российском контексте и извечной бесхозностью колоссальной территории. Теперь известно, что ни Ленин, ни Свердлов не отдавали распоряжения о расстреле царской семьи (это грозило бы новым обострением международного положения молодой республики – Николай II и Вильгельм II были двоюродными братьями). Однако убийство царских наследников – это стратегия на лишение субъектности государства. Не будет неожиданностью, если вдруг станет известно, что убийство царской семьи осуществлено на английские деньги (как в истории с убийством Павла I). Эта гипотеза еще ждет своих исследователей. Георг V, английский король, как известно, также приходится двоюродным братом Николаю II, однако на просьбу царя спасти его семью английская сторона ответила отказом. Смена властителя (будь то монарх или Генеральный секретарь) – всегда важный, опасный и многое определяющий момент в жизни страны и народа.

Несомненно, бонапартизм как режим авторитарной власти – проявление архаизации (откат революции). Вместе с тем общество закономерно обращается к такого рода архаизации как механизму мобилизации своих ресурсов. Этот процесс сопряжен с ограничением индивидуальной субъектности и усилением надиндивидуальной субъектности. Бонапартизм запускает процессы ресоциализации, реструктурирует социум, восстанавливает разрушенную или утраченную в результате социального катаклизма субъектность общества как социального целого и индивида как части этого целого. Стратегия бонапарта направлена на то, чтобы не просто возник некий «капиталистический класс», но появились буржуазии в собственном смысле слова, т. е. «государственные буржуазии» (И. Валлерстайн), одновременно способные к политическому, экономическому и культурному господству, стратегически состоятельный класс, полномасштабно ответственный за нормальное функционирование государства.

Политическая субъектность проявляется в борьбе за власть, за влияние на принятие решений. Факторы, разрушающие субъектность, работают на углубление кризиса, порождающие ситуацию политической (на уровне государства) и гражданской (на уровне индивидуального человека) бессубъектности.

Таким образом, субъектность как системное качество, присущее субъекту, возникает на базе социализации, становления и развития субъективности и интеллекта, манифестируется в активной деятельной жизненной позиции. Мы рассмотрели разные уровни субъектности (уровень индивидуального человека, класса, государства) и показали, что процесс усвоения человеком и обществом социальных моделей руководства и подчинения является сложным и длительным. Формирование субъектности гражданина, классовой субъектности, субъектности государства – процесс, сопряженный со многими факторами социально-политического, экономического, психологического порядка.

Как известно, по признанию современных политиков, игра в права человека, нарушение баланса интересов общества и индивида привели в конечном счете к провалу политики мультикультурности в Евросоюзе.

На фоне масштабных «беспорядков» в Северной Африке и на Ближнем Востоке, которые длятся с конца прошлого года, бонапартизм как модель власти и подчинения остается актуальным.

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что бонапартизм как модель социальной субъектности четко разводит и соотносит смысловые и формальные границы власти и подчинения. Именно в этом проявляется специфика бонапартизма как режима авторитарной власти, закономерно возникающего в ситуации политической бессубъектности после крупнейших революций и/или в условиях системного кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аристотель.** Политика [Текст] / Аристотель; пер. с древнегреч. С.А. Жебелева // Соч. – В 4 т. Т. 4 / общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983.

2 **Декомб, В.** Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица [Текст] / В. Декомб; пер. с фр. М. Голованивской. – М.: Новое лит. обозр., 2011.

3. **Кимелев, Ю.А.** «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии [Текст]: науч.-аналит. обзор / Ю.А. Кимелев; РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Философии. – М., 2006.

4. **Пигров, К.С.** Дихотомия моделей социальной реальности в свете «основного отношения» [Текст] / К.С. Пигров // Социальная реальность и социальные теории. – СПб., 1998.

5. **Руссо, Ж.-Ж.** Об общественном договоре, или Принципы политического права [Текст] / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты / пер. с фр. – М.: Наука, 1969.

6. **Фуко, М**. Субъект и власть [Текст] / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: избр. полит. статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б.М. Скуратова, под общ. ред. В.П. Большакова. – М.: Праксис, 2006. – С. 161–190.

7. **Шипунова, О.Д.** Интеллект и субъективность. Опыт социальной онтологии [Текст] / О.Д. Шипунова // Филос. науки. Филос. Петербург. – М., 2004. – С. 612–622.

8. **Goyet, F**. Prudence et «Panurgie»: le machiavé lisme est-il aristotélicien? [Text] / F. Goyet // Au-dela de la Poétique: Aristote et la littérature de la Renaissance, éd. – Ullrich Langer, Genéve, Droz, 2002. – P. 13–34.

9. **Thiele, L.P.** Thinking Politics: Perspectives in Ancient, Modern, and Postmodern Political Theory [Text] / L.P. Thiele. – University of Florida New Jersey, by Chatham House Publishers, Inc., 1997.

УДК 378

С.Л. Фролова

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИДЕАЛА

Понятие «идеал» – одно из наиболее часто употребляемых в гуманитарных науках понятий, поскольку идеал является своеобразным выражением духовно-нравственного состояния общества в рамках той или иной исторической эпохи в ее связи с общественным развитием. Наличие огромного количества научных работ, посвященных проблеме идеала, доказывает неиссякаемый интерес философов, психологов, социологов, педагогов к данной проблеме, ее непреходящую актуальность и значимость. Объясняя стойкий интерес исследователей к теме идеалов, В.Е. Давидович в монографии «Теория идеала» писал: «Все исследователи, следуя давно установившейся философской традиции, видят в идеале духовное выражение определенной нормы, образа, отличающегося от повседневной действительности и обладающего побудительной силой к действию, тот образ совершенства, манящий ориентир, на который равняются люди в своей деятельности» [2, с. 31].

Использование в изучении междисциплинарной категории «идеал» лексико-семантического и этимологического методов (на языковом уровне), историко-сравнительного метода анализа философских и психологических концепций идеала (на понятийно-содержательном уровне) позволило не только выделить сущностные, содержательные, структурные и функциональные признаки понятия, но и выявить своеобразную тенденцию в его развитии: понимание сути этой категории с течением времени не меняется, открываются лишь те или иные оттенки значения, а содержание «идеала» претерпевает серьезные изменения и зависит от конкретных исторических условий.

В современном русском языке слово «идеал» многозначное. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова даны два значения этого слова:

1) то, что составляет высшую цель деятельности, стремлений;

2) совершенное воплощение чего-нибудь [9, с. 205].

Современное обществознание трактует понятие «идеал» как высшее совершенство в общественной жизни, в философии, высшую конечную цель деятельности, стремлений, помыслов, организующую и вдохновляющую на решение встающих перед народом жизненно важных задач; воплощение чего-нибудь, совершенный образ чего-либо; предел каких-либо мечтаний [5, с. 87].

Э.В. Ильенков дает многоуровневую характеристику данного понятия:

1) идеал – это тот образ, в согласии с которым носитель идеала желает сформировать будущее;

2) идеал – это цель морального самоусовершенствования;

3) идеал – это образец совершенного Человека;

4) идеал – это представление о высшей цели и назначении человека на земле;

5) эталонный портрет «лучшего Я» [4].

Эти определения еще раз подчеркивают, что категория «идеал» имеет психолого-педагогическое значение, являясь высшей целью самоусовершенствования человека.

Подводя итог лексико-семантическому, этимологическому и понятийно-содержательному анализу категории «идеал», можно выделить следующие его сущностные характеристики:

• идеал – модель будущего совершенного общества;

• идеал – образ совершенной человеческой личности, своеобразный эталон, высший образец, совершенство;

• идеал – идея;

• идеал – высшая конечная цель деятельности;

• идеал – всеобщая форма целеполагающей деятельности;

• идеал – универсальный регулятор поведения и деятельности людей;

• идеал – долженствование.

Идеалы имеют сложное строение, являясь чем-то высшим и общим по отношению к ценностям и ценностным ориентациям. Ближе всего нам точка зрения В.Е. Давидовича, считающего идеал высшей ценностью, с высоты которой оценивается объективное бытие других ценностей. Ценности, по его мнению, «потому и ценности, что их объективное бытие оценено. И оценено оно по шкале, заданной высшей ценностью, то есть идеалом, понимаемым как благо. <...> Идеал, будучи целью всех целей и единством всех ценностей, действительно задает масштаб всей сетке ценностных ориентаций и диспозиций» [2, с. 38–39].

Таким образом, содержание идеала определяется системой ценностей, усвоенной индивидом, т. е. ценностными ориентациями, жизненными планами и целями индивида, и суммой привлекательных качеств, входящих в содержание идеального образа. Связь идеала с убеждениями, сознательными идеями, идейными отношениями как высшими личностными психическими образованиями, нормами, правилами, максимами поведения позволяет включить идеал как духовно-психическую константу, комплекс личностно значимых знаний в архитектонику сознания и мировоззрения на разных уровнях личностной структуры, а именно: на когнитивном, эмоционально-чувственном, эмоционально-волевом и рефлексивно-оценочном уровнях идеал рассматривается как компонент сознания, а на регулятивно-нормативном и экзистенциальном – как ядро мировоззрения.

Итак, изучение и анализ философской и психолого-педагогической научной литературы позволили выявить междисциплинарную сущность термина «идеал», который понимается как привлекательный образ «Я», совершенный, идеальный образец, как высшая идея и желанная цель. Содержание идеала определяется интериоризованными ценностями, т. е. ценностными ориентациями, жизненными планами, целями носителя идеала, совокупностью привлекательных качеств идеального образа. Идеал как структурный компонент сознания и смысловое ядро мировоззрения представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного, поскольку, с одной стороны, отражает объективные общественные потребности и объективно существующие общественные отношения, а с другой – существует в индивидуальном сознании и мировоззрении человека, являясь его собственностью.

Используя экстраполяцию выводов и теоретических положений об идеале, его сущности и содержании на сферу профессиональной деятельности, введем в статью ключевое понятие «профессиональный идеал» и обоснуем его духовно-нравственную основу.

Профессиональный идеал (ПИ) в психолого-педагогической литературе понимается как образ профессионального совершенства [3, 6–8, 10, 11], как желанная высшая цель, идея, мечта. Идеалы составляют основу сознания и мировоззрения человека и определяют его поведение и отношение к действительности. Отсюда ПИ – это профессиональная высшая цель, основа жизнетворчества и жизнестроительства, так как человек живет и трудится в соответствии со своим представлением об успешном профессионале.

Профессиональный идеал обладает полиаспектным содержанием и включает в себя совокупность:

• целей, установок и смыслов, характеризующих ценностный мир личности (на экзистенциальном уровне);

• знаний о социальных и нравственных ценностях, значимых с позиций профессиональной деятельности (на когнитивном уровне);

• профессиональных компетенций (на предметно-практическом уровне);

• профессиональных интересов, потребностей и мотивов (на потребностно-мотивационном уровне);

• профессионально важных качеств личности, гарантирующих с точки зрения носителя идеала успешность в профессиональной деятельности, а также совокупность социально значимых качеств личности, определяющих образ гражданина своей страны, субъекта микросоциума и гарантирующих достижение высокого социального статуса; совокупность нравственных качеств личности, обеспечивающих эмоционально-личностные контакты на основе взаимопонимания и взаимопринятия в коллективе (на эмоционально-волевом уровне).

Вычленить из содержания ПИ индивидуальные и социально значимые черты личности невозможно, поскольку у настоящего профессионала, т. е. у человека с сформированным ПИ, профессионально значимые ценности полностью включены во внутреннюю среду личности, профессиональное и личностное пространства слиты воедино. Данное наблюдение, подтвержденное специалистами в области психологии труда, позволяет сделать вывод, что ПИ – интегрированное понятие, в содержании которого аспект, отвечающий за профессиональную компетентность, как бы «врастает» в духовно-нравственный и социальный аспекты содержания идеала. За счет интеграции профессионального, духовно-нравственного и социального аспектов происходит обогащение содержания ПИ что в свою очередь является признаком профессионального развития личности.

Большая степень действенности ПИ обеспечивается тем, что он включает в себя, помимо духовно-нравственного, «материальное» содержание, ассоциирующееся у носителя идеала с суммой профессиональных компетенций, позволяющих личности быть конкурентоспособной и востребованной. Если материальные блага носителем идеала рассматриваются не как самоцель, а лишь как условие и средство реализации высших духовных потенций, то это не ведет к духовно-нравственной деформации личности. А. Маслоу доказал, что духовные потребности возникают у человека по мере удовлетворения витальных. Современные ученые также считают, что равномерное соотношение материальных и духовных ценностей в ценностных предпочтениях личности считается признаком воспитанного, культурного человека.

По мнению Ю.В. Артюхович, «при характеристике материального аспекта следует четко разграничить материальное потребление и потребительский подход к жизни. В первом проявляется одна из объективных связей человека с его природой и социальной средой, необходимость для него есть, пить, одеваться, иметь жилье, чтобы поддерживать свою жизнь, трудиться, заниматься другими видами деятельности. При потребительском подходе материальное потребление отождествляется со смыслом жизни, так называемые вещные ценности выдвигаются в качестве главного мерила социального престижа и достоинства» [1, с. 43–44].

Профессиональная деятельность является основным источником материальных средств, необходимых для существования человека, поэтому индивидуальный ПИ с необходимостью включает в себя представления индивидуума о том, что должен уметь делать и каким должен быть профессионал, чтобы достичь

материального благополучия. Однако при этом материальная заинтересованность в профессии не превращает ПИ в идеал прагматический, идеал потребления, деформирующий личность. Профессиональный идеал остается духовно-нравственным в своей основе в силу входящих в его содержание ценностей.

Нравственная профессиональная личность – это личность, в равной мере ориентированная на материальные ценности, производимые в процессе труда или получаемые в процессе реализации его продуктов, и на труд как одну из важнейших ценностей. Такая личность, с нашей точки зрения, обладает сформированным ПИ.

Профессиональный идеал, определяющий профессиональные планы, отношения, профессиональную позицию и профессиональную устойчивость, является интегральной характеристикой специалиста-профессионала. Он управляет профессиональными притязаниями личности и запускает механизм мотивации достижений. Поскольку идеал является отдаленной желанной целью, моделью будущей профессиональной карьеры, образом профессионала, то человек выстраивает программу притязаний в соответствии с идеалом. Здесь важным представляется момент, чтобы ПИ опирался на реальные возможности и способности личности, тогда уровень ее притязаний будет адекватным, активность личности достаточной и соответственно деятельность эффективной. Удовлетворенность, достигаемая личностью в процессе деятельности, не только ведет к переживанию положительных эмоций, но и является источником для новых притязаний, а значит, для развития и обогащения содержания ПИ.

Как сложное многокомпонентное образование ПИ инициирует профессиональную активность личности, проявляющуюся как функционально-динамическое качество, интегрирующее всю ее личностную структуру (потребности, притязания, способности, склонности, волю, эмоции, сознание) и обеспечивающее согласованность выполнения общественных требований и проявления самостоятельности в качестве субъекта деятельности. Профессиональный идеал не только управляет личностными структурами, связанными с активностью, но и является непосредственным и основным источником активности при реализации личностью моделей профессионального пространства, которое обладает разной степенью структурированности – аморфности, фиксируемости – регулируемости в зависимости от установочности или проблемности сознания личности. В этой идеальной модели соединяются потребностно-мотивационный и экзистенциальный компоненты (как побуждения к действию) и саморегулятивный, деятельностный, преобразующий компонент. Специфика модели профессионального пространства демонстрирует спектр профессиональных притязаний личности и в то же время определяет диапазон ее возможностей по реализации модели.

Выступая критерием качества профессиональной жизни, ПИ устанавливает соотношение должного и желательного, необходимого и достаточного, определяет контур профессиональной деятельности по личностно значимым координатам, критериям, параметрам. В соответствии с ПИ человек устанавливает меру своей профессиональной активности, уровень сложности профессиональных задач, степень интеллектуальной и физической напряженности при реализации намеченного плана деятельности, оценивает себя и результаты деятельности в границах созданной им модели. Пролонгированное профессиональное поведение личности в рамках модели определяет ее функционально-динамический характер.

Запуская механизм саморегуляции, ПИ обеспечивает процессуальную регуляцию деятельности, поскольку, стремясь реализовать выдвинутые профессиональные цели, чтобы приблизиться к высшей, ценностной цели, личность мысленно прогнозирует свои действия, предвидит и купирует по ходу деятельности возможные трудности, мобилизует личностные резервы.

Профессиональный идеал – это идеал духовно-нравственный, поскольку в процессе его формирования человек усваивает и присваивает нравственные и социальные ценности, имеющие профессиональную значимость. Эти ценности и составляют содержание ПИ. Если человек рассматривает профессию только как источник материальных средств, то говорить о наличии ПИ

в его сознании не приходится. У материально ориентированных людей идеалов нет, есть идолы обладания и преуспеяния, которые не ведут личность к профессиональному совершенству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Артюхович, Ю.В.** Нормативно-ценностная модель личности в социальной динамике [Текст]: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Ю.В. Артюхович. – Ставрополь, 2002. – 296 с.

2. **Давидович, В.Е.** Теория идеала [Текст] / В.Е. Давидович. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1983. – 184 с.

3. **Гоголев, В.Н.** Становление профессионального идеала как фактор формирования направленности личности будущего учителя [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / В.Н. Гоголев. – Л., 1985. – 155 с.

4. **Ильенков, Э.В.** Об идолах и идеалах [Текст] / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1968. – 319 с.

5. **Кондаков, Н.И.** Логический словарь-справочник [Текст] / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.

6. **Которова, О.С.** Формирование профессионального идеала у студентов педвуза на основе работы с художественными текстами [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / О.С. Которова. – Тула, 2003. – 164 с.

7. **Мартишина, Н.В.** Становление и развитие творческого потенциала педагога в системе непрерывного педагогического образования [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук / Н.В. Мартишина. – Рязань, 2009. – 383 с.

8. **Никитина, Н.И.** Профессиональное самовоспитание будущих социальных педагогов в системе непрерывного образования [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2004. – 328 с.

9. **Ожегов, С.И.** Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.

10. **Подобин, А.Е.** Вариативно-ситуационный подход к формированию профессионально-педагогической направленности личности будущего учителя во внеаудиторной деятельности [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / А.Е. Подобин. – Кострома, 1999. – 228 с.

11. **Ярошенко, Н.Н.** Феноменология профессионального идеала в контексте культуры информационного общества [Электронный ресурс]: тр. XI Междунар. конф. «Крым-2004»: Мировые тенденции развития библиотечно-информационной сферы и их отражение на пространстве СНГ. – Режим доступа: http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2004/prog1.html (дата обращения 01.08.2010).

УДК 323.171.2

В.Н. Снетков, Н.А. Фомина

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ УНИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВ

Вопросы классификации унитарных государств весьма актуальны в науке теории государства и права. Связано это прежде всего с тем, что большинство государств мира являются унитарными по форме государственного устройства, но при этом значительно отличаются друг от друга. Кроме того, классификация унитарных государств представляет интерес в аспекте возникновения тенденции регионализации.

Большинство исследователей осуществляют классификацию унитарных государств, взяв за основу критерий взаимодействия местных органов и органов государства.

Так, по мнению А.В. Васильева, унитарные государства делятся на централизованные и децентрализованные. В централизованных государствах местные органы власти не обладают самостоятельными полномочиями при принятии решений, они полностью подчинены центральным органам государственной власти и выполняют их указания. В децентрализованных государствах органы местного самоуправления формируются при определенном участии населения и наделены некоторыми полномочиями самостоятельно принимать решения по отдельным экономическим, организационным и иным вопросам местного значения [1, с. 319–320]. Классифицируя унитарные государства по степени централизации власти, Васильев понимает под этим возможность наличия самостоятельных полномочий у органов местного самоуправления наряду с государственными органами.

О.А. Кудинов также предлагает классифицировать унитарные государства в зависимости от того, как «юридически строятся отношения между центральными и региональными органами государства – на началах централизации или на началах децентрализации» [2, с. 92]. К децентрализованным он относит такие унитарные государства, в которых региональные органы формируются независимо от центральных органов, поэтому юридические отношения между ними строятся на началах децентрализации (Великобританию, Новую Зеландию и Японию). К централизованным Кудинов относит унитарные государства, где подчинение региональных органов центру осуществляется при посредстве должностных лиц, назначаемых из центра (Францию, Нидерланды, Норвегию, Швецию, Финляндию). Кроме того, он отмечает, что степень и даже формы централизации отнюдь неодинаковы и в странах второй группы, например в Швеции на региональном уровне кроме должностных лиц, назначаемых из центра, действуют также выборные органы.

В отличие от А.В. Васильева под централизацией власти О.А. Кудинов понимает не наличие компетенции у органов, а порядок формирования властных структур. Думается, что централизация власти подразумевает и порядок формирования органов государства, и наличие у этих органов самостоятельной компетенции.

Кроме того, рассмотрев данный подход к классификации унитарных государств, следует отметить, что по степени централизации власти необходимо выделять еще и промежуточную форму централизации между централизованными и

децентрализованными с целью объективного представления всех форм взаимодействия центральной власти и регионов в рамках унитарного государства.

В.Н. Хропанюк, так же как А.В. Васильев и О.А. Кудинов, считает, что по степени зависимости местных органов от центральных органов унитарное государство может быть централизованным и децентрализованным. «Принято считать государство централизованным, если во главе местных органов государственной власти стоят назначенные из центра чиновники, которым подчинены местные органы самоуправления. Так, в Финляндии местное самоуправление возглавляется губернатором, который назначается президентом. В децентрализованных унитарных государствах местные органы государственной власти избираются населением и пользуются значительной самостоятельностью в решении вопросов местного значения» [3, с. 116]. Но в отличие от вышеупомянутых авторов Хропанюк указывает на наличие «смешанных систем местного государственного устройства» [Там же], в которых присутствуют признаки централизации и децентрализации.

Несмотря на то что В.Н. Хропанюк выделяет помимо централизованных и децентрализованных унитарных государств еще и смешанную систему, думается, что формулировка «местное государственное устройство» является не совсем корректной с точки зрения науки теории государства и права, так как органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Кроме того, относительно централизованные государства также можно классифицировать на виды.

В связи с этим наиболее приемлемой представляется классификация унитарных государств по признаку централизации власти, созданная Э.П. Григонисом и В.П. Григонисом. В зависимости от организации власти в административно-территориальных единицах, т. е. на местах, унитарные государства они подразделяют на централизованные (жестко централизованные), относительно централизованные (относительно децентрализованные) и полностью децентрализованные [4, с. 63–64].

Существуют два способа организации власти на местах – местное управление и местное самоуправление. Местное управление означает, что управление на местах осуществляется представителями центральной власти, а местное самоуправление – это осуществление власти выборными от населения органами, которые управляют самостоятельно в пределах своей компетенции.

Централизованными или жестко централизованными унитарными государствами являются такие государства, в которых осуществляется исключительно местное управление. Примером такой организации власти является Корейская Народно-Демократическая Республика (Северная Корея) [Там же. С. 64–65].

Относительно децентрализованные государства характеризуются различным сочетанием местного управления и местного самоуправления в административно-территориальных единицах различных уровней: высшего, среднего, низового. В некоторых зарубежных странах имеются все три уровня административно-территориальных единиц, например в Португалии и во Франции, в других странах только два уровня, например в Армении, Польше, Финляндии.

Сочетание местного управления и местного самоуправления в относительно децентрализованных унитарных государствах может осуществляться по следующим схемам. Во-первых, на высшем уровне может производиться совмещение местного управления и местного самоуправления, в то время как на низшем уровне будет только местное самоуправление (например, во Франции). Во-вторых, на высшем уровне будет местное управление, а на низшем – местное самоуправление, как в Армении. В-третьих, и на высшем, и на низшем уровне будет сочетание местного управления и местного самоуправления (Нидерланды). Сочетание местного самоуправления и местного управления, характерное для относительно децентрализованных унитарных государств часто называют европейской моделью местного самоуправления.

Другой моделью местного самоуправления является англо-американская, реализуемая в децентрализованных унитарных государствах, где на всех уровнях административно-территориальных единиц действует только местное самоуправление и отсутствует местное управление. Данная система характерна для Великобритании и Новой Зеландии.

Свое представление о классификации унитарных государств в зависимости от организации публичной власти есть у Б.А. Страшуна, который также разделяет унитарные государства на децентрализованные, относительно децентрализованные и централизованные [5, с. 692]. В децентрализованных унитарных государствах, считает он, существует конституционное распределение полномочий между центральной властью и территориальными единицами высшего уровня, что сближает их с федеративными государствами [Там же]. Децентрализованное унитарное государство предполагает наличие статуса автономии в своем составе.

По мнению Страшуна, относительно децентрализованными унитарными государствами являются такие государства, в которых высшие территориальные единицы носят исключительно или главным образом административный характер, а самоуправляются лишь низовые единицы. Централизованные унитарные государства – это государства, где нет местной автономии вообще, а функции власти на местах осуществляют только назначенные сверху администраторы. Это государства с выраженными авторитарными политическими режимами [Там же. С. 694].

Таким образом, Б.А. Страшун определяет степень централизации власти в унитарном государстве не только порядком управления, но и наличием автономии. Думается, что критерий наличия или отсутствия автономии является неабсолютным. Так, в частности, децентрализованное унитарное государство Великобритания не полностью состоит из автономий.

По мнению Э.П. Григониса и В.П. Григониса, унитарные государства подразделяются не только по различным классификациям в зависимости от организации власти в административно-территориальных единицах, но и на простые и сложные унитарные государства [4, с. 64–65].

Считаем, что унитарные государства действительно следует классифицировать не только по одному основанию (в зависимости от организации власти в административно-территориальных единицах), но и по другому – в зависимости от состава унитарного государства.

В соответствии с критерием наличия или отсутствия автономных образований в унитарном государстве все унитарные государства можно поделить на простые, сложные и региональные (регионалистские). Простое унитарное государство состоит исключительно из административно-территориальных единиц, наделенных одинаковым статусом во взаимоотношениях с центральной властью. Сложное унитарное государство в свой состав помимо административно-территориальных единиц включает автономии.

По мнению А.С. Комарова, автономия или автономное образование – это самоуправляющееся образование [6, с. 77].

Д.В. Березовский, автономией признает самоуправляемую территорию, образованную по национальному, религиозному или иному признаку [7, с. 88].

С данной позицией категорически не согласен Б.А. Страшун, указывающий, что автономия – «это статус, предполагающий определенную совокупность прав, а не территория» [5, с. 708].

Все автономные образования можно подразделить на территориальные и экстерриториальные. Территориальные автономии в зависимости от цели создания классифицируются на территориальные и национально-территориальные, именуемые еще этнотерриториальными автономными образованиями.

Следует согласиться с И.В. Ивановым в том, что «обращает на себя внимание некоторая терминологическая путаница, имеющаяся в юридической литературе. Если территориальные автономии делить на национально-территориальные и территориальные, то получается, что одной из разновидностей территориальной автономии является территориальная автономия...» [8, с. 106].

Думается, необходимо заменить территориальную автономию термином «государственно-территориальная автономия», которая в свою очередь и будет классифицироваться на этнотерриториальную и территориальную автономии.

Государственно-территориальная автономия – это определяемая конституцией или законом государства самостоятельность части населения государства в решении определенных

вопросов социально-экономической и культурной жизни на территории проживания этой части населения. Эта часть населения страны создает либо территориальное, либо этнотерриториальное автономное образование.

Территориальное автономное образование создается населением, не имеющим этнических отличий, но имеющим особенности хозяйства и культуры, что вызвано историческими или географическими факторами. Этнотерриториальное автономное образование создается этническим меньшинством на территории его компактного проживания.

Кроме того, государственно-территориальную автономию можно подразделить на административную и политическую (законодательную) в зависимости от компетенции автономного образования.

Политические автономии называют еще законодательными автономными образованиями. В них действуют собственные органы законодательной и исполнительной власти. Примерами таких автономий служат: Аландские острова в Финляндии, Гренландия и Фарерские острова в Дании, остров Мадейра и Азовские острова в Португалии.

Административные автономии характеризуются меньшей степенью самостоятельности. Главное их отличие от политических автономий в том, что они не имеют собственных законодательных органов и соответственно не издают своих законов. Им предоставлена определенная самостоятельность только в сфере исполнительной власти, т. е. административной сфере, поэтому такие автономии и называются административными.

Политические и административные автономии – это всегда государственно-территориальные автономии, в отличие от персональной и корпоративной автономий.

Персональная автономия основывается на добровольном признании граждан своей принадлежности к определенной национальности. Тем самым они получают право пользования достояниями своей национальной культуры, своего языка, исповедания своей религии вне зависимости от границ административно-территориальной единицы, где проживают. Иногда такую автономию в отличие от территориальной называют экстерриториальной. Данная автономия встречается в Финляндии, Швеции и Норвегии в отношении народа саами, представители которого избирают собственные парламенты.

Корпоративная автономия связана с представителями лингвистических общин (для них резервируется часть мест в государственном аппарате, а государственные служащие, работающие в районе расселения таких общностей, обязаны знать местный язык. Данная автономия имеет место в Индии.

Персональная и корпоративная автономии не имеют отношения к форме государственного устройства, как и национально-культурная автономия.

Последним, третьим, видом классификации унитарных государств в зависимости от наличия или отсутствия автономии в их составе является региональное или регионалистское унитарное государство.

Региональное государство – это унитарное государство, состоящее исключительно из автономных образований. Название «регионалистское государство» пришло из Италии, а «государство автономий» – из Испании [9, с. 521].

В 1933 году итальянский конституционалист Г. Амброзини выдвинул концепцию «регионального» государства как промежуточной формы между федеративным государством и унитарным. Данная концепция нашла отражение в Конституции 1947 года и, хотя с опозданием, была реализована в 1970 году, когда в большинстве областей были сформированы представительные органы [10, с. 321].

В Испании на всем протяжении развития страны прослеживается склонность к политической децентрализации. Такая тенденция была закреплена в Конституциях 1931 и 1978 годов. В Испании, по мнению С.П. Пожарской, существует концепция «урезанного федерализма» или «регионального» государства, в котором политическую и административную автономию могли приобрести все области, ходатайствующие об этом [11, с. 217].

У исследователей унитарных государств нет единого мнения по поводу юридической природы этой разновидности государств. Одни авторы считают, что региональное государство является переходной формой государственного

устройства от унитарного государства к федерации, другие настаивают, что это разновидность унитарного государства, третьи указывают на самостоятельный характер регионального государства в качестве отдельной формы государственного устройства.

Позиция авторов, указывающих на переходный характер региональных государств, сводится к цели их образования. Так, процесс регионализации в Италии был начат, когда было достигнуто принципиальное решение об образовании в дальнейшем федерации. Таким образом, организация власти в этих государствах приближена или почти такая же, как в федерации, но государство официально так не называется в силу различных политических причин [9, с. 521].

По мнению Э.П. Григониса и В.П. Григониса, если вся территория государства состоит из автономных образований, то такое государство называется регионалистским (от слова «регион»), что обычно означает административно-территориальные единицы высшего уровня. Такое государство, по существу, является промежуточной формой государственного устройства между унитарным государством и федерацией [4, с. 67].

Думается, что региональное государство действительно носит переходный характер от унитарного государства к федерации, но при этом все же остается разновидностью унитарного государства, так как автономия не наделяется статусом государственного образования.

В связи с этим следует согласиться с Г.Н. Андреевой в том, что «регионалистское государство», или «государство автономий», – это формально унитарное государство, составные части которого обладают автономией, в значительной степени приближенной к автономии субъектов в федерации [9, с. 521].

О соотношении статуса между федеративными и региональными государствами Я.Ю. Смирнов пишет, что различия «менее значительны, чем принято считать» [12, с. 29]. Он указывает на отличительную черту регионального государства – «наделение регионов правом принятия законов без предоставления им учредительных полномочий, то есть права принятия собственных конституций. В региональном государстве проводится разграничение между центром и регионами, при этом в отличие от федерации, где остаточная компетенция резервируется за регионами, в данном случае она закрепляется за центральной властью» [Там же].

На эти особенности региональных государств указывает и Г.А. Андреева, считающая, что «особый характер организации такого государства проявляется в том, что территория регионального государства состоит из единиц, обладающих высокой степенью автономии, в конституциях и иных актах проведено разграничение полномочий и сфер деятельности центральных органов и органов высших территориальных единиц, все высшие территориальные единицы могут иметь собственное законодательство, в высших территориальных единицах избираются законодательные и исполнительные органы» [9, с. 522].

Иного мнения о юридической природе региональных государств придерживается В.Е. Чиркин. Согласно его позиции, «региональное государство является в наши дни третьей основной формой государственно-территориального устройства» [13, с. 44]. «Обычно такие государства рассматриваются в качестве унитарных, – пишет он, – но на деле они имеют особенности, которые отличают их от сложных унитарных государств, имеющих отдельные автономные образования, и одновременно от федераций» [Там же. С. 66].

Главным признаком региональных государств, по мнению Чиркина, является то, что автономные образования своих конституций не имеют, но в конституциях государств за ними закреплены определенные полномочия, для осуществления которых они издают местные законы.

На самостоятельность регионального государства как отдельной формы государственного устройства обращает внимание и А.С. Автономов. По его мнению, превращение всех административно-территориальных единиц в автономные качественно меняет государство. Оно уже перестает быть унитарным в силу большей самостоятельности входящих в него образований, но и не превращается в федеративное, поскольку характер взаимоотношений центральных органов власти с органами регионов остается таким же, как в унитарном государстве.

А, кроме того, для регионалистского государства асимметричность, разностатусность входящих в него территориальных образований – сущностное и в принципе положительное явление. Благодаря этому удается практиковать разное отношение к различным автономным образованиям и решать старые и новые проблемы на индивидуальной основе [14, с. 224].

В.П. Стародубцев также признает региональное государство формой государственного устройства. «Региональное государство (или регионализм) – сравнительно новая форма государственного устройства. Она представляет собой политико-территориальную организацию, построенную на автономии всех региональных единиц высшего порядка» [15, с. 137].

Хотя региональное государство по своей юридической природе близко федеративному государству и часто между ними сложно найти различия, думается, что региональное государство все же остается разновидностью унитарного государства, так как включаемые автономии не обладают статусом государственных образований.

Опыт некоторых стран свидетельствует, что форма регионального государства находит все более широкое распространение. Помимо Италии и Испании, движение к такому способу государственного управления заметно в Великобритании. Однако данная форма может быть, по мнению В.Е. Чиркина, применима только в особых условиях, со сложным этническим составом населения либо с традиционно существующей автономией отдельных территорий [13, с. 66].

Таким образом, в зависимости от наличия автономного образования унитарные государства следует делить на простые (где имеются только обычные административно-территориальные единицы), сложные (включают помимо административно-территориальных единиц еще и автономные образования в виде политической либо административной автономии) и региональные (состоят исключительно из автономий).

Несмотря на то что региональное государство все же является унитарной формой государственного устройства, оно носит переходный характер и представляет собой следствие интеграции унитарной и федеративной форм государственного устройства, которую можно объяснить недостаточностью каждой их этих моделей, взятых по отдельности, так как существующие в странах общественные отношения имеют свои специфические особенности и не укладываются строго в рамки одной формы государственного устройства, что и проявляется в сближении форм государственного устройства современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Васильев, А.В.** Теория права и государства [Текст]: учебник / А.В. Васильев. – 4-е изд. – М., 2008.

2. **Кудинов, О.А.** Конституционное право зарубежных стран [Текст]: курс лекций / О.А. Кудинов. – 3-е изд., стер. – М., 2008.

3. **Хропанюк, В.Н.** Теория государства и права [Текст]: учебник для вузов / В.Н. Хропанюк; под ред. В.Г. Стрекозова. – М., 2008.

4. **Григонис, Э.П.** Конституционное право зарубежных стран [Текст] / Э.П. Григонис, В.П. Григонис. – СПб., 2006.

5. **Страшун, Б.А.** Конституционное (государственное) право зарубежных стран [Текст] / Б.А. Страшун. – 3-е изд. – Т. 1–2. – М., 1999.

6. **Комаров, А.С.** Общая теория государства и права [Текст]: учебник / А.С. Комаров. – 7-е изд. – СПб., 2006.

7. **Березовский, Д.В.** Форма государственного устройства [Текст] / Д.В. Березовский // Теория государства и права / отв. ред. А.В. Малько. – М., 2006.

8. **Иванов, И.В.** Понятие формы государственного устройства в юридической науке [Текст] / И.В. Иванов //Актуал. проблемы гуманитарной науки и гуманитарного образования. – СПб., 2007.

9. **Андреева, Г.Н.** Конституционное право зарубежных стран [Текст]: учебник / Г.Н. Андреева. – М., 2005.

10. **Федерализм**: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) [Текст]. – М., 2001.

11. **Пожарская, С.П.** Унитарное государство, совместимое с автономией национальностей и регионов [Текст] / С.П. Пожарская // Опыт Европ. федерализма. История и современность. – М., 2002.

12. **Смирнов, Я.Ю.** Вопрос о предметах ведения субъектов федерации или регионов унитарных

государств в конституциях стран СНГ, Западной Европы и Америки [Текст] / Я.Ю. Смирнов // Актуал. проблемы правоведения. – 2003. – № 1–2.

13. **Чиркин, В.Е.** Опыт зарубежного управления (государственное и муниципальное управление) [Текст] / В.Е. Чиркин. – М., 2006.

14. **Автономов, А.С.** Конституционное (государственное) право зарубежных стран [Текст] / А.С. Автономов. – М., 2005.

15. **Стародубцев, В.П.** Региональное государство как форма государственного устройства [Текст] / В.П. Стародубцев // Соврем. гуманитарные проблемы. – Вып. 3. – Волгоград: Изд-во ВА МВД России, 2006.

УДК 340.1

А.А. Тебряев, Ю.П. Конопченко

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ ЗАКОННОГО ИНТЕРЕСА

Несмотря на то что термин «законный интерес» довольно широко используется в действующем законодательстве, а словосочетание «права и законные интересы» стало настолько привычным, что употребляется порой бездумно, без вложения в него конкретного содержания, ни законодатель, ни современная наука не пришли к единому ответу на вопрос о том, что же такое законные интересы. Следовательно, необходимо разобраться в самой сущности изучаемого явления, понять, каковы его существенные свойства и качества. При этом не обойти вниманием связь субъективного права и законного интереса в рамках вопроса гносеологии последнего.

Отвечая на поставленные выше вопросы, нужно заметить, что, как уже говорилось, законодательство не содержит легального определения понятия «законный интерес», в принципе, как и многих других понятий. По мнению Н.И. Матузова, «законодатель и не обязан разъяснять каждый термин или выражение, которыми он оперирует... Следовательно их должна истолковать наука. Для этого существует доктринальное (научное) толкование» [1, с. 117].

Однако научное исследование «законного интереса» натолкнулось на ставшую для многих неразрешимой преграду. Дело в том, что анализ многочисленных определений, трактовок и характеристик понятия «законный интерес» ясно дает понять: речь в них зачастую идет о различных явлениях. Все виды трактовок данного понятия можно, по сути, свести к двум точкам зрения: одни авторы полагают, что «законные интересы» – суть непротивоправные действительные социальные интересы, другие рассматривают их как вид правового средства, наряду с субъективным правом. Даже не углубляясь в детали анализа указанных позиций, нетрудно заметить их разнонаправленность; при такой постановке вопроса законные интересы выступают как два различных явления, имеющие свое содержание, признаки, свойства, функции. Различным будет и соотношение законного интереса и субъективного права.

В.В. Кулапов в связи с этим пишет, что основная логико-семантическая трудность, объективно присутствующая в исследовании «законных интересов», в том и состоит, что данным термином именуются разные понятия. «Использование его в двух указанных смыслах является сложившейся и устойчивой научной традицией. Следование ей требует логической бдительности, поскольку она таит в себе опасность совершения ошибки, называемой “омонимия”. Эта ошибка связана с использованием многозначных терминов и происходит вследствие того, что один и тот же термин *в одном и том же рассуждении* употребляется для обозначения различных понятий» [2, с. 74].

Надо оговориться, что сведение позиций авторов в конечном итоге к двум концепциям понятия «законные интересы» произошло не само по себе. Авторы самостоятельно не причисляют себя к той или иной группе и чаще всего не акцентируют внимания на указанной

проблеме, в связи с чем часто допускают непоследовательность в своих суждениях. На это указали В.М. Баронов, М.В. Першин и И.В. Першина, полагающие, что на основании разных понятий, пусть и обозначаемых одним и тем же именем, должны строится и различные теории. Возможность построения различных теорий законного интересов определяется, по мнению авторов, также наличием в науке конкурирующих подходов к правопониманию (нормативного и широкого), которыми, в частности, продиктованы различные подходы к пониманию правоотношений [3, с. 100].

Так, в литературе существуют по сути три теории правоотношений:

• формально-правовая (согласно ей, в содержание правоотношения включаются только формально-правовые конструкции – субъективные права и обязанности);

• социальная (содержание правоотношений сводится к юридическим действиям, юридическому поведению);

• социально-правовая (авторы теории выделяют материальное содержание – фактическое поведение участников общественных отношений – и выступающее по отношению к нему формой юридическое содержание – субъективные права и обязанности) [4, с. 30–32].

В связи с вышеизложенным, по мнению В.М. Баронова, М.В. Першина и И.В. Першиной, вполне естественно ожидать подобных альтернативных решений и в разработке теории законных интересов [3, с. 100].

Соглашаясь с мнением последних авторов и учитывая наметившиеся в литературе тенденции, представляется целесообразным многочисленные суждения авторов разбить на три группы или выделить три теории «законного интереса»: социальную, формально-правовую и социально-правовую.

При такой группировке необходимо отдельно заострить внимание на том, что само определение «законного интереса», даваемое конкретным автором, прямо вытекает из трактовки им понятия «интерес» (социальный интерес). Учитывая то, что количество трактовок «интереса» (социального интереса) примерно равно количеству авторов, дающих такие трактовки, проблема познания сущности «законного интереса» выходит на новый уровень.

Все обозначенные выше нюансы крайне затрудняют как исследование материала, так и его изложение и структурирование, и требуют от исследователя определенного методологического подхода к исследованию. Поэтому, подробно рассматривая позицию каждой группы авторов, мы предпримем попытку прямо или косвенно ответить на следующие вопросы:

1. Как авторы понимают законные интересы: как вид социальных интересов или как вид правового средства?

2. Как авторы соотносят понятие «законный интерес» и субъективные права?

3. Как авторы определяют понятие «законный интерес»?

Охарактеризуем обозначенные теории «законного интереса». Как правило, авторы, которых можно отнести к представителям социальной теории законных интересов, дают так называемое негативное определение их. Так, под «законными интересами» чаще всего понимаются интересы, не нашедшие своего отражения в субъективных правах, иными словами, не гарантированные государством посредством наделения их носителей субъективными правами. Законные интересы – это непротивоправные действительные («живые») социальные интересы, тем или иным образом охраняемые государством.

По мнению авторов, «область дозволенного в правовой системе намного шире, нежели сфера действия субъективных прав, которые не охватывают собой все виды возможных поступков личности» [1, с. 120]. «Ряд интересов личности, которые законодатель мог бы признать социально значимыми, остаются вне рамок субъективных прав граждан» [5]. «Разнообразные конкретные интересы человека являются законными в том смысле, что они подпадают под сферу действия права и их реализация допускается, поощряется, охраняется правом» [6, с. 149].

Данная группа авторов, имея в виду именно такие интересы, считает, что законодатель предусмотрел следующую общую правовую норму: гражданские права и обязанности возникают также из действий граждан и организаций, которые хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают права и обязанности.

Вот одно из определений, данное представителем указанной группы – Р.Е. Гукасяном. Законный интерес (в узком смысле) – это «*социальные потребности, взятые законом под свою охрану не путем предоставления их носителям субъективных материальных прав, а предоставлением им (или же другим лицам) права прибегнуть к судебной или иным правовым формам защиты*» [7, с. 38].

Представители формально-правовой теории «законного интереса» трактуют «законные интересы» как правовые или специально-юридические средства. При этом проводится четкое разграничение законного интереса и фактического (социального) интереса. Последний лежит как в основе субъективного права, так и в основе законного интереса как правового средства.

Первым наиболее определенно высказал эту позицию Н.В. Витрук, который считает, что «законный интерес, как и юридическое право, есть возможность личности по пользованию различными социальными благами. Эта возможность выражается в правомочиях носителя законного интереса действовать определенным образом, требовать определенного поведения от обязанных лиц, органов и учреждений, обращаться за защитой к компетентным государственным органам и общественным организация» [8, с. 108–109].

Относительно набора правомочий носителя законного интереса имеет место острая дискуссия. Одни авторы солидарны с Н.В. Витруком, другие, например А.В. Малько, полагают, что у носителя законного интереса отсутствует такое правомочие, как возможность требовать определенного поведения от других лиц.

Среди авторов указанной группы наибольшее распространение получило определение «законного интереса», данное А.В. Малько и В.В. Субочевым – авторами многочисленных исследований, в том числе диссертационных исследований и монографий на тему законных интересов: «*законный интерес – это отраженная в объективном праве либо вытекающая из его общего смысла и в определенной степени гарантированная государством юридическая дозволенность, выражающаяся в стремлении субъекта пользоваться определенным социальным благом, а также в необходимых условиях обращаться за защитой к компетентным структурам – в целях удовлетворения своих интересов, не противоречащих общегосударственным*» [9, с. 73]. Это своего рода «усеченное право», «усеченная правовая возможность».

Представляется, что наиболее полно сущность законных интересов отражает социально-правовой подход.

Так, необходимо выделить и четко различать материальное и правовое содержание понятия «законный интерес». Под материальным содержанием, на наш взгляд, следует понимать фактические, «живые», не противоречащие праву социальные интересы, которыми обладают конкретные носители законных интересов и которые в конечном счете являются стимулом их действий. Именно эти социальные интересы изменчивы, подвижны, динамичны, подвержены влиянию ряда объективных и субъективных факторов. Такие интересы лежат в основе, т. е. являются материальным содержанием, не только законных интересов, но и субъективных прав.

Выделение материального содержания в таком явлении, как «законные интересы», необходимо и оправданно, потому что позволяет проследить и процесс формирования права, и процесс его реализации.

Так, в процессе формирования права именно социальные интересы, являющиеся материальной основой субъективных прав и законных интересов, подлежат анализу со стороны правотворческих органов, именно им дается непосредственная оценка, они обобщаются, группируются. Дав оценку социальным интересам гражданина, общества и государства, правотворческие органы закрепляют баланс этих интересов в праве, тем самым предоставляя возможность их реализации.

Для реализации социальных интересов в рамках права его носителю (субъекту права) необходимо дать какое-то правовое средство, с помощью которого носитель интереса сможет его удовлетворить, т. е. воспользоваться благом, являющимся предметом такого интереса. Такими правовыми средствами выступают субъективные права и «законные интересы», а точнее, их правовое содержание. Выделение материального содержания в таком понятии, как «законные интересы», особенно необходимо,

потому что они в отличие от субъективных прав далеко не всегда прямо закреплены в правовой норме. Законными являются и интересы, соответствующие принципам права, или «духу» права. По этой причине в процессе реализации законных интересов все его участники, в том числе правоприменительные органы, самостоятельно дают оценку материальному содержанию законных интересов на предмет его законности, возможности быть объектом правового регулирования (попадания в сферу правового регулирования), субъектного состава и др. Понимание законных интересов только как правового средства не позволяет объяснить возможность такого анализа.

Под правовым содержанием законных интересов следует понимать меру дозволенного, незапрещенного поведения носителя законного интереса или саму такую дозволенность. Правовое содержание является формой материального содержания.

В рамках настоящей статьи нет возможности раскрыть содержание такого рода дозволенности и проанализировать отличие законного интереса от субъективного права. Этот вопрос станет предметом других публикаций. Здесь лишь заострим внимание на сущности законных интересов, которая заключается в единстве их материального и правового содержания.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Учитывая наметившиеся в литературе тенденции, представляется целесообразным многочисленные позиции авторов относительно сущности «законных интересов» разбить на три группы или выделить три теории «законных интересов», которые условно можно назвать социальной, формально-правовой и социально-правовой.

2. Выделение трех теорий законных интересов в какой-то степени условно, произведено на основе сходства позиций авторов; авторы самостоятельно не причисляют себя к той или иной группе.

3. Представители социальной теории под законными интересами понимают непротивоправные действительные («живые») социальные интересы, которые тем или иным образом охраняются государством.

4. Представители формально-правовой теории трактуют «законные интересы» как правовые или специально-юридические средства, как юридическую дозволенность.

5. По нашему мнению, наиболее полно сущность «законных интересов» отражает социально-правовой подход, согласно которому выделяется материальное содержание (действительные – «живые» – социальные интересы) и выступающее по отношению к нему формой юридическое содержание (мера дозволенного поведения носителя законного интереса, дозволенность).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Матузов, Н.И.** Правовая система и личность [Текст] / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 292 с.

2. **Кондаков, Н.И.** Логический словарь-справочник [Текст] / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 259 с.

3. **Баронов, В.М.** Законный интерес: опыт построения теории (Критические заметки на монографию А.В. Малько и В.В. Субочева «Законные интересы как правовая категория» [Текст] / В.М. Баронов, М.В. Першин, И.В. Першина // Философия права. – 2005. – № 3.

4. **Карташов, В.Н.** Введение в общую теорию правовой системы общества. Правовые отношения и связи в юридической практике и правовой системе общества [Текст] / В.Н. Карташов. – Ярославль, 2000. Ч. 6. – 314 с.

5. **Сабикенов, С.Н.** Вопросы дальнейшего совершенствования правовой охраны интересов личности в свете новой Конституции СССР [Текст] / С.Н. Сабикенов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. – С. 204–208.

6. **Витрук, Н.В.** Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе [Текст] / Н.В. Витрук. – М.: Наука, 1979. – 229 с.

7. **Гукасян, Р.Е.** Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве [Текст] / Р.Е. Гукасян. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. – 185 с.

8. **Витрук, Н.В.** Система прав личности [Текст] / Н.В. Витрук // Права личности в социалист. об-ве. – М.: Наука, 1981. – 272 с.

9. **Малько, А.В.** Законные интересы как правовая категория [Текст] / А.В. Малько, В.В. Субочев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 359 с.

УДК [34:352](470+571)(07)

Е.Ю. Колпащикова

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В МУНИЦИПАЛЬНОМ НОРМОТВОРЧЕСТВЕ

В настоящее время институт местного самоуправления (МС) является неотъемлемым элементом правового демократического государства. В России МС гарантировано и признано Конституцией РФ в качестве одной из форм народовластия. Конституционные нормы, учреждающие МС в России, получают развитие в федеральном, региональном, а также в муниципальном нормотворчестве. Действующее законодательство к числу субъектов муниципального нормотворчества относит не только органы МС, но и жителей муниципальных образований (МО). Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года [6] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) предусматривает разнообразные формы непосредственного муниципального нормотворчества, а также участия в нем населения МО. В систему муниципальных правовых актов наряду с актами, принимаемыми органами и должностными лицами МС, входят правовые акты, принятые на местном референдуме (сходах граждан) (ст. 43 Федерального закона № 131-ФЗ). Таким образом, свое право на непосредственное муниципальное нормотворчество жители МО, обладающие избирательным правом, могут реализовать посредством участия в местных референдумах и сходах граждан. Необходимо отметить, что если до вступления в силу Федерального закона № 131-ФЗ на местных референдумах было возможно принятие уставов МО, то в соответствии с действующими правовыми нормами уставы МО могут быть приняты исключительно представительными органами МО. Следовательно, непосредственное уставное нормотворчество населения в настоящее время невозможно.

Больше всего возможностей в части непосредственного муниципального нормотворчества закон предоставляет сходам граждан. Согласно закону, в поселениях с численностью жителей, обладающих избирательным правом, не более 100 человек представительный орган может не формироваться, а полномочиями представительного органа, в том числе в области муниципального нормотворчества, наделяется сход граждан (ст. 25 Федерального закона № 131-ФЗ). Так, по данным субъектов РФ, в 22 субъектах в 83 поселениях (0,4 % всех сельских поселений) исключительные полномочия представительного органа (в том числе в области нормотворчества) осуществляются сходом граждан [2].

Правовая регламентация осуществления муниципального нормотворчества сходом граждан вызывает ряд вопросов при применении данной процедуры на практике. И в первую очередь, по мнению Н.Л. Пешина, нелогичным является подход Федерального закона № 131-ФЗ к определению максимальной численности жителей МО, которые вправе проводить сходы, так как нет принципиального отличия МО, где проживает 101 избиратель, от поселения, где число жителей МО, обладающих избирательным правом, не превышает 100 человек. Кроме того, число избирателей в таких МО может колебаться и, в соответствии с нормами Федерального закона № 131-ФЗ, система органов МС такого МО будет находиться в состоянии постоянной трансформации [9, с. 268]. С.А. Авакьян также обращает внимание на то, что «не совсем понятно, почему сходы проводятся в поселениях с численностью жителей, обладающих избирательным правом, не более 100 человек. Но почему так? А если их 200 человек, а если их 300 человек, уже нельзя проводить сходы?» [10].

Можно предположить, что законодатель, устанавливая данную норму, проводил аналогию с численностью представительного органа, учитывая, что сход граждан наделяется его полномочиями, в том числе отнесенными к исключительной компетенции представительного органа. Законодатель устанавливает требования к минимальной численности представительного органа от 7 до 35 депутатов, в зависимости от численности населения МО (ст. 35 Федерального закона № 131-ФЗ). Таким образом, именно

данное количество депутатов от имени населения МО (в основном простым большинством голосов от установленной численности депутатов) будет принимать значимые решения по вопросам местного значения, чаще всего в виде нормативных правовых актов. В то же время сход граждан правомочен при участии в нем более половины жителей поселения, обладающих избирательным правом, а решение схода граждан считается принятым, если за него проголосовало более половины участников схода граждан (ст.25 Федерального закона № 131-ФЗ). В данном случае может возникнуть проблема с явкой жителей поселения на сход граждан, даже в пределах норм, установленных законом, т. е. в количестве 50 человек и менее, а соответственно и с правомочностью схода граждан, и, как следствие, может быть затруднена работа по решению вопросов местного значения, в том числе и путем принятия нормативных правовых актов. Если в законе будет установлено, что сход граждан может осуществлять полномочия представительного органа МО и в поселениях с численностью не более 200–300 жителей, обладающих избирательным правом, то правомочный состав схода граждан для принятия решений по вопросам местного значения в этом случае будет соответственно 100 и 150 человек, собрать которых будет еще более затруднительно. Это подтверждает и тот факт, что законодатель изначально предусматривал, что в поселениях с численностью зарегистрированных избирателей не более 100 человек представительный орган не формируется, а его полномочия в обязательном порядке осуществляют жители поселения. Позже в Федеральный закон № 131-ФЗ были внесены поправки Федеральным законом от 25.12.2008 № 281-ФЗ, в соответствии с которыми жители таких поселений могут передать свои полномочия по решению вопросов местного значения органам МС муниципального района, не образуя собственного МО, а входя в состав муниципального района в качестве межселенной территории: ведь ни заставить граждан таких поселений самостоятельно решать вопросы местного значения, ни установить меры ответственности за отказ решать их непосредственно не представляется возможным.

Кроме того, Федеральный закон № 131-ФЗ не дает ответа на вопрос, какова юридическая ответственность схода граждан в случае принятия им нормативного правового акта, противоречащего Конституции РФ, федеральным и региональным законам или уставу МО, ведь сход граждан ни теоретически, ни практически распустить невозможно [4, с. 29]. В то же время в отношении органов и должностных лиц МС в законе предусмотрены меры конституционной ответственности, вплоть до досрочного прекращения полномочий (роспуск, отрешение от должности). Единственное, что в отношении схода граждан могут предпринять государственные органы власти – это вынести судебное решение об отмене нормативного акта, принятого сходом граждан, противоречащего федеральному и региональному законодательству или уставу МО.

Население МО может принимать участие в муниципальном нормотворчестве, выступая с правотворческой инициативой. Институт правотворческой инициативы граждан, который сравнительно недавно появился в российском законодательстве, представляет собой прежде всего «возможность (право) граждан участвовать в осуществлении местного самоуправления, влиять на содержание муниципальных правовых актов» [5, с. 29]. Действующий Федеральный закон № 131-ФЗ более четко и подробно, по сравнению с одноименным законом 1995 года, регулирует процедуру правотворческой инициативы населения. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ полностью относил регламентацию данной процедуры к уставам МО, за исключением положения, согласно которому проекты муниципальных нормативных актов по вопросам местного значения, внесенные населением МО в органы МС, обязательно должны быть рассмотрены, а результаты рассмотрения – официально опубликованы. В ст. 26 Федерального закона № 131-ФЗ закреплено, что с правотворческой инициативой может выступить инициативная группа граждан, обладающих избирательным правом, в порядке, установленном нормативным правовым актом представительного органа МО (т. е. не только в уставе МО).

К несомненным достоинствам данного закона можно отнести то, что его нормы ограничивают требования к максимальной численности инициативной группы граждан (не более 3 % от числа избирателей МО), устанавливают предельный срок рассмотрения органами и должностными лицами МС проекта муниципального правового акта, внесенного в порядке реализации правотворческой инициативы граждан, а также предусматривают, что в случае отсутствия нормативного правового акта представительного органа МО, регулирующего порядок реализации правотворческой инициативы граждан, принятие к рассмотрению и рассмотрение проекта муниципального правового акта, внесенного гражданами, осуществляются в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ. Таким образом, обеспечивается возможность реализации правотворческой инициативы граждан независимо от полноты и своевременности муниципального нормотворчества.

К достоинствам действующего закона можно отнести и возможность реализации правотворческой инициативы граждан не только посредством внесения проекта муниципального правового акта инициативной группой граждан (с необходимостью сбора подписей в поддержку такой инициативы), но и в рамках осуществления территориального общественного самоуправления, которое определяется в законе как самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения (ст. 27 Федерального закона № 131-ФЗ). Так, согласно п. 8 ст. 27 Федерального закона № 131-ФЗ, органы территориального общественного самоуправления вправе вносить в органы МС проекты муниципальных правовых актов, подлежащие обязательному рассмотрению этими органами и должностными лицами МС, к компетенции которых отнесено принятие указанных актов.

Если рассматривать основные стадии муниципального нормотворчества: внесение правового акта в орган МС, правомочный принимать нормативные правовые акты; рассмотрение правового акта; принятие нормативного правового акта, подписание и официальное опубликование (обнародование), можно утверждать, что участие граждан в муниципальном нормотворческом процессе при реализации ими правотворческой инициативы закон предусматривает в первых двух стадиях, так как после внесения проекта правового акта гражданами, представителям инициативной группы граждан должна быть обеспечена возможность изложения своей позиции при рассмотрении указанного проекта (ст. 26 Федерального закона № 131-ФЗ).

Чаще всего, рассматривая формы участия населения в муниципальном нормотворчестве, упоминают лишь о непосредственном нормотворчестве граждан на референдумах и сходах граждан, а также о правотворческой инициативе. В то же время действующее законодательство предусматривает и другие варианты участия жителей МО в создании муниципальных нормативных правовых актов. Так, для выявления мнения населения и его учета при принятии решений органами и должностными лицами МС местного самоуправления могут проводиться опросы граждан (ст. 31 Федерального закона № 131-ФЗ). Также в законе (п. 3 ст. 28 Федерального закона № 131-ФЗ) установлена императивная норма, согласно которой проекты отдельных муниципальных нормативных правовых актов по вопросам местного значения (в том числе устав МО) для обсуждения с участием жителей МО в обязательном порядке должны выноситься на публичные слушания. Но при этом Федеральный закон № 131-ФЗ не закрепляет обязанности органов МС принимать последующие решения, учитывая результаты публичных слушаний. Закон указывает лишь на то, что данные результаты должны быть опубликованы. Представляется необходимой регламентация порядка учета мнения населения, выраженного на публичных слушаниях, на федеральном уровне.

Таким образом, кроме осуществления непосредственного нормотворчества население МО в установленных в законе случаях может принимать участие в муниципальном нормотворческом процессе на стадии внесения проекта муниципального правового акта, его рассмотрения органом или должностным лицом МО, либо на стадии рассмотрения проекта муниципального нормативного акта на публичных слушаниях. Но граждане довольно инертно относятся к предоставляемым

им законом возможностям участия в муниципальном нормотворчестве. Вероятно, это объясняется тем, что процесс социализации большей части граждан России, обладающих избирательным правом, проходил в то время, когда МС в современном его понимании в Российской Федерации не существовало, и поэтому основные идеи МС чужды гражданам, которые продолжают относиться к нему как к «местному государственному управлению». Как отмечают К.В. Арановский и С.Д. Князев, «нельзя чрезмерно полагаться на законодательство о местном самоуправлении, поскольку оно, возможно, не сумеет вовлечь нужный состав субъектов в правоотношения, образующие данный институт, с другой стороны, оно не обязательно приведет к упразднению уже усвоенных принципов и правил, сложившихся в области местного управления» [1, с. 5]. Можно сделать вывод, что недостаточно только законодательно установить формы участия населения в осуществлении МС, в том числе и в муниципальном нормотворчестве, необходимо проводить постоянную работу, направленную на осознание гражданами своего значения и роли в нем.

Необходимо активизировать работу органов и должностных лиц МС с населением непосредственно. Представляется целесообразным осуществлять такую работу не только в форме приема граждан в депутатских приемных и проведения собраний, процент явки граждан на которые достаточно низок, но и предусмотреть в качестве одного из направлений обязательной работы с населением посещение предприятий и учреждений с целью разъяснения правовых установлений, регулирующих отношения в области МС, а также информирования граждан о работе муниципальных органов, так как, несомненно, «степень информированности населения прямо влияет на уровень активности граждан, их сознательное участие в делах местного сообщества и поддержку деятельности органов местного самоуправления» [3, с. 18].

Также следует чаще проводить опросы граждан по вопросам развития территорий МО, чтобы граждане могли ощутить себя частью местного сообщества, субъектом муниципальной власти. В настоящее время распространенной является точка зрения, что мнение отдельного индивида ничего не значит и ни на что не повлияет, что определенным образом тормозит процесс формирования гражданского общества в России, и МС в частности, как одного из институтов гражданского общества. К сожалению, учитывая, что процесс формирования институтов МС идет «сверху», а не «снизу», что логично вытекало бы из сущности местного самоуправления, одним из направлений муниципальной политики должно являться повышение правовой культуры населения с целью активизации участия граждан России в осуществлении МС, в то время как на данный момент участие жителей МО, как правило, заканчивается с окончанием муниципальных выборов, причем и в этом случае участвует лишь меньшая часть населения, учитывая низкий процент явки избирателей на муниципальные выборы по сравнению с федеральными и региональными выборами. Так, например, на выборах депутатов муниципальных советов в 2009 году в Санкт-Петербурге средний процент явки избирателей составил 17,95 % [7], а на выборах Президента РФ в 2008 году на избирательные участки пришло 68 % петербуржцев [8]. Зачастую избиратели, участвуя в избирательном процессе, не до конца понимают, какой орган власти формируется на муниципальных выборах и каковы его полномочия, не видя различий между органами государственной и муниципальной власти, что является следствием того, что «в российских условиях просматривается хроническая готовность видеть муниципальные учреждения частью “вертикали исполнительной власти”» [1, с. 5]. Но, согласно ст. 12 Конституции РФ, органы МС не входят в систему органов государственной власти, и, согласно ст. 130 Конституции РФ, именно население призвано самостоятельно решать вопросы местного значения. Таким образом, необходима постоянная целенаправленная деятельность по повышению правовой культуры населения, так как суть МС в первую очередь состоит в непосредственном решении вопросов местного значения именно членами местных сообществ, в том числе и в форме осуществления полномочий в области муниципального нормотворчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арановский, К.В.** Муниципальная реформа в России: развитие местного самоуправления или децентрализация государственной администрации? [Текст] / К.В. Арановский, С.Д. Князев // Правоведение. – 2007. – № 2. – С. 3–20.

2. **Информация** Министерства регионального развития Российской Федерации «Предварительные итоги переходного периода реализации Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва регионального развития РФ. – Режим доступа: http://www.minregion.ru/

3. **Комарова, В.В.** Институт публичных слушаний – форма народовластия (понятие, виды, правовые основы) [Текст] / В.В. Комарова // Конституц. и муниципп. право. – 2006. – № 9. – С. 18–21.

4. **Курманов, М.М.** Досрочное прекращение полномочий представительного органа муниципального образования [Текст] / М.М. Курманов // Журн. рос. права. – 2004. – № 11. – С. 27–31.

5. **Нудненко, Л.А.** Проблемы правовой регламентации правотворческой инициативы граждан в Российской Федерации [Текст] / Л.А. Нудненко // Гос. власть и местное самоуправление. – 2010. – № 2. – С. 29–31.

6. **Об общих** принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Текст]: федер. закон : [принят Гос. думой 6 октября 2003 г.] // Собр. законодательства РФ. – № 40. – Ст. 3822.

7. **Официальный** сайт Санкт-Петербургской избирательной комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.st-petersburg.izbirkom.ru/

8. **Официальный** сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cikrf.ru/

9. **Пешин, Н.Л.** Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели [Текст] / Н.Л. Пешин. – М.: Статут, 2007. – 461 с.

10. **Проблемы** реализации и перспективы развития конституционной модели российского местного самоуправления [Текст]: стенограмма «круглого стола» от 5 ноября 2003 г. // Арх. Независимого ин-та выборов.

УДК 81'33

В.В. Наумов

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Научно-практическая лаборатория независимой лингвистической экспертизы (ЛНЛЭ), организованная на факультете иностранных языков кафедрой лингвистики и м/к коммуникации в декабре 2010 года, прошла за этот короткий промежуток времени достаточно интенсивную апробацию в самых разных сферах общественной жизни Санкт-Петербурга и других городов России. Назовем лишь часть организаций из тех, с которыми ЛНЛЭ заключила и реализовала договоры на выполнение работ, связанных с экспертной оценкой языкового материала: Следственный комитет при Генпрокуратуре РФ, юридический отдел КПРФ, адвокатская группа «Вертикаль», Балтийская таможня, консалтинговая компания «Вердиктум».

Кроме того, были достаточно интересные дела с физическими и юридическими лицами, касающиеся толкования вариантного статуса антропонимов (имен и фамилий), лингвистической трактовки русских и иноязычных терминов, торговых марок и наименований. ЛНЛЭ выполнила более 20 заказов, не получив ни одной рекламации в форме обращения заказчика за повторной экспертизой в смежные организации.

Научно-исследовательская деятельность ЛНЛЭ состояла не только в ознакомлении заинтересованных студентов старших курсов

(магистров) с проблематикой лаборатории в форме еженедельных тренингов, но и в разработке новых аспектов теории лингвистической аргументации, процессах порождения и восприятия речи.

В данной статье представлен анализ нескольких эпизодов, в которых раскрываются упомянутые выше проблемы лингвистической экспертизы, а также еще одна важная составляющая этого процесса – языковая личность, выступающая и как субъект, т. е. специалист, автор экспертного заключения, и как объект, т. е. человек, являющийся автором устного или письменного текста, подлежащего атрибуции.

В основе любого текстологического анализа лежит единая общетеоретическая сентенция прикладной лингвистики «За каждым текстом стоит языковая личность», ставшая усилиями академика Ю.Н. Караулова [1] и его последователей весьма удачным логическим продолжением известной формулы Ф. Соссюра «За каждым текстом стоит языковая система».

Оба эти фактора имеют прямое отношение к механизму порождения речи, способам и формам вербального и паравербального представления языковых структур в конкретных эпизодах коммуникации. Есть еще один феномен, сопровождающий речь индивида, регулирующий эмотивный фон высказывания и в свою очередь ответственный за отбор и реализацию языковых единиц, по мнению автора текста, наиболее адекватных и уместных в данной речевой ситуации. Это психика, которая всегда была и остается неотъемлемой составляющей в механизме взаимодействия языка и мышления.

Попытаемся проиллюстрировать взаимодействие этой триады на материале одного из эпизодов деятельности лаборатории. Первое дело ЛНЛЭ было инициировано адвокатом юридического отдела КПРФ. Он представлял интересы одного из лидеров этой партии, выступившего с докладом на встрече со своими молодыми сторонниками и последователями в провинциальном городке недалеко от Москвы. Оратор не стеснялся в выражениях, характеризуя негативным образом деятельность ведущей партии современной России, правительства и президента. Каково же было удивление организаторов собрания и основного докладчика, когда их оппоненты известили о том, что располагают аудиозаписью не только самого выступления, но и дискуссии, развернувшейся после основного доклада, содержащей призывы к свержению законной власти и напоминающей по своему накалу собрания большевиков накануне Октябрьского переворота в нашей стране. Оказывается на собрании присутствовала подсадная «утка» с портативным звукозаписывающим устройством, великолепно справившаяся с заданием и не вызвавшая ни малейшего подозрения. Когда стало известно, что представители партии «Единая Россия» намерены обратиться в суд с иском по весьма неприятной статье, это дело было поручено упомянутому выше адвокату. Состоялся предварительный телефонный разговор, и текст выступления, а также наиболее «интересные» эпизоды дискуссии на следующий день были переправлены нам по электронной почте. Адвокат попросил автора данной статьи ознакомиться в общих чертах с текстом выступления и высказать свое мнение по поводу дальнейшего сотрудничества в форме договора и составления экспертного лингвистического заключения.

Прочитав текст выступления, я понял, что иск о призывах автора доклада к насильственному свержению законной власти в России не имеет судебной перспективы. Текст действительно изобиловал далеко не парламентскими выражениями, нелицеприятными историческими аналогами и эпизодами времен Великой Отечественной войны, когда враг стоял у ворот Москвы и любые действия по его уничтожению были оправданны, и, тем не менее, моя позиция была абсолютно однозначной. Оставалось уточнить у адвоката только одну деталь: был ли текст доклада написан заранее и читался оратором, либо это была спонтанная речь. Получив ответ, я изложил свои аргументы. Их суть состояла в том, что имевшее место спонтанное порождение речи в ситуации с высоким эмотивным фоном способно оказывать на автора текста такое воздействие, при котором доминирующую роль в формах вербального выражении речи играет глубинный отдел мозга под названием «таламус», не контролируемый сознанием. В общем, это был тот случай, когда связь между языком и мышлением была сугубо номинальной вследствие высокой психической

активности подкорки оратора. В нейролингвистике такая речь называется аффектированной. Она достаточно глубоко исследована и, помимо всего прочего, считается одним из проявлений анормального речевого поведения, не подлежащего правовой оценке.

Выслушав меня, адвокат поинтересовался только одним обстоятельством: если в экспертном заключении будет зафиксирован данный факт, не скажется ли это впоследствии на имидже лидера партии? Поскольку этот вопрос меня интересовал менее всего, я посоветовал адвокату передать полученную от меня информацию его доверителю и подумать вместе с ним над дальнейшими действиями.

К сожалению, а может быть к счастью, других контактов с адвокатом у меня не было и о каком-либо продолжении этого дела мне неизвестно. Скорее всего, оно не дошло до суда по указанной выше причине.

Теперь вниманию читателя будет предложен эпизод, иллюстрирующий отношения звукового языка и письма в процессе лингвистической экспертизы. Довольно часто в экспертной практике ограничиваются только лингвистической интерпретацией графического текста, оставляя вне поля зрения анализ звукозаписи, содержащей, помимо, гораздо более информативного плана выражения анализируемого текста, еще и личностные характеристики его автора, закодированные скупым и безликим набором графических средств.

Такое положение дел довольно часто имеет место в судебной практике, когда предпочитают ограничиваться анализом графического текста. В этом случае результаты экспертизы могут быть не вполне корректными, а иногда и вовсе неадекватными. Поясним эту посылку на одном из примеров из практики ЛНЛЭ, предварив его напоминанием читателю о существующем парадоксальном явлении в общей теории языка, касающемся отношений звукового языка и письма. Приведем, пожалуй, самую авторитетную точку зрения, принадлежащую Ф. Соссюру: «Язык и письмо суть две различные системы знаков: единственный смысл второй из них – служить изображением первой; объект лингвистики не в комбинации написанного слова и произносимого слова, он всецело в этом последнем. Но написанное слово столь тесно переплетается с произносимым, чьим изображением оно является, что в конце концов присваивает себе главенствующую роль; в результате, изображению речевого знака приписывается столько же или даже больше значения, нежели самому этому знаку. Это подобно утверждению, будто для ознакомления с человеком полезнее увидеть фотографию, чем его лицо» [2, с. 46].

К сказанному следует добавить, что субстанциональные различия звука и буквы обусловливают и их различные объективные свойства, порождающие совершенно разные коммуникативные возможности. Письмо, как известно, лишено таких характеристик звукового языка, как интонация, в совокупности всех ее компонентов, т. е. мелодики, пауз, тембра, темпа, других экстра- и параязыковых явлений, представляющих для квалифицированного эксперта весьма важную информацию об авторе текста.

Кроме того, рефлексивность устной речи, в отличие от письменного сообщения, имеющего a priori больший ресурс времени для его подготовки, позволяет эксперту раскрыть не только коммуникативное намерение участников беседы, но и ее скрытую интенцию, не присущую письму.

Весной 2010 года в ЛНЛЭ обратился следователь Следственного комитета при Генпрокуратуре с просьбой о проведении лингвистической экспертизы некоего текста. Его автором являлась женщина, назовем ее Х., участвовавшая в судебном разбирательстве в качестве ответчика по отчуждению у нее жилплощади. Решение суда было вынесено в пользу истца. Через некоторое время судье У., также женщине, стали звонить и угрожать расправой. В отсутствие судьи текст оскорблений и угроз озвучивался голосом, похожим на женский, и записывался автоответчиком. Судья У. обратилась в прокуратуру. Следователь, которому поручили это дело, принес в ЛНЛЭ распечатку записанного автоответчиком текста и попросил провести его анализ на предмет наличия в адресованном судье У. обращении угроз и оскорблений с их соответствующей лингвистической интерпретацией.

Предварительная квалификационная оценка текста не вызывала сомнений. На 80 % текст

состоял из бранной лексики, изощренных наборов инвективов, тщательно подобранных и выстроенных в определенной иерархической последовательности: от простых и более или менее нейтральных до отборной площадной брани, присущей только узкому кругу маргиналов, дискурс которых нормативная лексика, как правило, обходит стороной. Поэтому не составило большого труда квалифицировать соответствующим образом как текст в целом, так и отдельные его эпизоды, ответив положительным образом на вопросы заказчика о наличии в распечатке оскорблений и угроз в адрес судьи У. и обеспечив, таким образом, теоретическую базу для обвинительного приговора автору текста.

Однако на завершающей стадии работы, когда экспертное заключение, выполненное к.ф.н. Д.А. Листвиным, просматривалось мною для визирования и передачи заказчику, меня не покидало ощущение наличия в тексте, его структуре, способах построения фраз, подбора лексики, явных признаков психического нездоровья его автора. Кроме того, стало ясно, что прежде чем озвучить текст по телефону, он был записан автором и только затем начитывался.

Выяснив у следователя возможность прослушивания аудиозаписи, было решено сделать это и убедиться в правомерности наших предположений. Первое же прослушивание пленки подтвердило нашу правоту. Приглушенный тембр голоса, отсутствие в нем модуляции, т. е. повышения/понижения тона голоса на тех или иных фрагментах текста, связанных с тема-рематическим распределением информации, которое присуще психически здоровому человеку, выверенная и сбалансированная паузация текста, не свойственная спонтанной устной речи, отсутствие пауз хезитации, повторов, сбоев, обычно имеющих место в процессе порождения текстов с повышенным эмотивным фоном. Все это свидетельствовало о том, что Х. страдает одной из форм шизофрении. Оставалось только аргументировать нашу позицию, снабдив ее необходимыми ссылками на соответствую-щие положения психо- и нейролингвистики, что и было сделано. Как выяснилось впоследствии, экспертное заключение ЛНЛЭ стало поводом для отсрочки в возбуждении уголовного дела и ходатайства для проведения у подследственной психиатрической экспертизы.

Можно ли было прийти к указанному заключению только на основе анализа распечатки текста? Не рискну утверждать, однако вывод очевиден: языковая личность ярче и сильнее раскрывается в звуковой субстанции. Речь провоцирует наивного носителя языка на реализацию его реактивных качеств, которые можно спрятатьв графическом знаке. Но имеется и вторая сторона «медали», заключающаяся в приоритетах письма как объекта визуального восприятия. Но об этом чуть позже...

Есть еще одна проблема, возникающая в связи с балансом (или дисбалансом) языка и письма, обусловленная природой билингвизма. Эпизод, могущий послужить здесь неплохой иллюстрацией, имел место в последнем деле 2010 года. В ЛНЛЭ обратился адвокат К. с просьбой о встречной лингвистической экспертизе[1]. Его подзащитный, армянин, был осужден одним из районных судов Ленобласти на 1,5 года условно. Суть дела состояла в следующем. Приехавший на заработки в один из районных центров Ленобласти гражданин Армении О. просрочил время перерегистрации и был вызван по этому поводу в РОВД к участковому Г. В разговоре последний сообщает О., что в отношении его будет составлен протокол об административном правонарушении, который может стать поводом для депортации О. в Армению. Участковый принимает решение задержать О. и заставить его заплатить штраф в размере 2 тыс. рублей. Беседа участкового с О. и затем с его соотечественником М., пришедшим выручать товарища из беды, записывается на магнитную пленку. Распечатка с этой пленки впоследствии стала объектом лингвистической экспертизы, выполненной экспертом Ж., представлявшим интересы обвиняющей стороны.

Эксперт выделяет в записи разговора 14 тем, неких фрагментов текста, содержащих условную целостность плана содержания. Анализируя

[1]Встречная лингвистическая экспертиза, как правило, инициируется одной из сторон судебного разбирательства, не удовлетворенной по тем или иным причинам качеством или выводами экспертного заключения, заказанного противной стороной или судом.

каждый из этих фрагментов, Ж. приходит к выводу о том, что одной из сторон предпринимались попытки заключения сделки, т. е. решения проблемы посредством взятки, которую мог предложить участковому О. по своей инициативе, либо, что, на наш взгляд, более вероятно, участковый мог и хотел изначально спровоцировать О. на разрешение конфликта при помощи денег, проявив, таким образом, служебное рвение в рамках объявленной в нашей стране войны с коррупцией и взяточничеством.

Нас в меньшей степени интересует юридическая сторона этого дела. Разве что еще одна деталь, имеющая ключевое значение для результатов экспертизы, не нашедшая, к сожалению, должной оценки в экспертном заключении Ж. Гражданин Армении О., будучи субординативным билингвом, весьма посредственно владеющим русским языком, высказал, тем не менее, свое желание воспользоваться услугами переводчика и адвоката. Однако участковый отказал О. в помощи, мотивировав это тем, что переводчик и адвокат должны иметь соответствующий допуск, что противоречит нормам гражданского кодекса РФ. У адвоката должна быть доверенность, а не допуск, а переводчик вообще не обязан до суда предъявлять какие-либо документы, подтверждающие его легитимность.

Кроме того, для суда, определившего в данном случае необходимость лингвистической экспертизы, основанием послужила распечатка беседы участкового с О. и вторым фигурантом этого дела М., принявшим на себя основную тяжесть наказания, пытаясь опровергнуть расхожую житейскую истину «Не делай добра, не поимеешь зла».

Анализ беседы участкового с М., с одной стороны, интерпретация распечатки их разговора экспертом Ж. – с другой, и, наконец, наша оценка экспертного заключения Ж. позволяют показать читателю всю сложность и многоаспектность процесса объективной атрибуции текста и распознавания личностных характеристик его авторов.

Сразу заметим, что экспертное заключение Ж. в ряде эпизодов носит преднамеренный и претенциозный характер. Читая текст экспертизы, испытываешь невольное ощущение, что эксперт либо выполняет чью-то злую волю, либо в силу каких-то других факторов субъективно и необоснованно трактует запись беседы участкового с М.

Так, например, высказывание М.: «Что хочу – забрать товарища» интерпретируется экспертом «как демонстрация нежелания выразиться более ясно, намек на незаконный или неблаговидный характер информации, содержащейся в данных высказываниях».

Что же незаконного или неблаговидного нашел эксперт Ж. в стремлении выручить из беды товарища? Та же трактовка («нечто неблаговидное или незаконное») присуща, по мнению автора анализируемого экспертного заключения, и другим высказываниям М., например следующей незавершенной фразе: «Для этого я не первый раз, я знаю, что скажете...», имеющей, на наш взгляд, абсолютно равные шансы на благовидное и законное завершение.

Интерпретация экспертом Ж. фразы М.: «Не знаю. Сейчас такой трудные времена...» как очередного намека на некие неблаговидные и незаконные обстоятельства выглядит бездоказательно. Это всего лишь констатация факта, личностная оценка условий бытия автором высказывания, не имеющая вербального имплицитного выражения неблаговидного намерения. Однако нельзя исключать, что в звуковом выражении этой фразы имела место другая пресуппозиция.

Анализ экспертом Ж. ключевого эпизода беседы, в котором общими усилиями сторон появилось словосочетание «финансовый магарыч», проведен поверхностно и непрофессионально. Во-первых, в экспертном заключении отсутствует ссылка на словари, якобы фиксирующие такой оттенок плана содержания слова «магарыч», как «взятка, угощение в вознагражденье за что-нибудь». Во-вторых, словосочетание «финансовый магарыч», навязанное М. участковым, может быть совершенно поразному интерпретировано в языковом сознании носителей русского и армянского языков. Кроме того, эксперт Ж., на наш взгляд, претенциозно толкует содержание данного блока беседы в пользу участкового, настойчиво пытающегося спровоцировать М. на предложение взятки.

И наконец, блок беседы, содержащий информацию самого факта передачи М. денег участковому. Эксперт дает двоякое толкование фразы участкового: «Ну, давай!». Она может как

выражать согласие участкового на взятку, так и быть побуждением собеседника «к окончанию беспредметного разговора и к тому, чтобы покинуть помещение». Второй вариант трактовки содержания указанной фразы явно надуман и, как принято говорить в таких случаях, «притянут за уши». Однозначен здесь только позыв участкового получить деньги. Взволнованный их видом, он задает три вопроса о сумме взятки: «Сколько здесь денег?», «Денег сколько, два? Две тысячи рублей?». Вторая реплика, содержащая факт рассогласования грамматического рода, свидетельствует о повышенном эмотивном уровне говорящего. Нарушение грамматической нормы типично для состояния аффекта, когда сознание перестает контролировать речевое поведение носителя языка.

Вспомним эпизод с аналогичным фоном речевой ситуации и похожим состоянием говорящего, приведенный нами в начале статьи. Именно в таких случаях решающее значение может иметь аудитивный анализ записи разговора, содержащего, как правило, те или иные детали экстралингвистического порядка, которых лишена графическая распечатка. Как говорил Э. Сепир [3], даже дыхание может быть социальным. К сожалению, решающую роль для принятия решения судом, вынесшим обвинительный вердикт, сыграло мнение автора лингвистической экспертизы Ж., посчитавшего возможным ограничиться в своем заключении анализом и выводами, основанными на графической записи беседы. Но даже в этом случае позиция и заключение эксперта могли и должны быть иными. Видимо, нельзя полностью исключить ту или иную долю субъективизма в работе эксперта-лингвиста. В известной мере она (доля) закладывается на начальном этапе работы эксперта, когда происходит первичное знакомство с предметом (объектом) экспертизы, осуществляемое при посредстве третьего лица, представляющего интересы заказчика, либо непосредственно заказчиком, если таковым является физическое лицо.

Разумеется, что вполне определенное и немаловажное значение имеет материальная сторона дела. Значит ли это, что результат лингвистической экспертизы может быть заранее предрешен и обусловлен суммой вознаграждения? В ряде случаев, к сожалению, может! И дело здесь не только, и не столько в морально-этических качествах эксперта или отсутствии таковых.

Языковая (речевая) информация довольно часто представляет собой материал, анализ которого сопоставим с математической задачей, имеющей несколько вариантов решения.

Кроме того, ситуация усугубляется тем, что эксперт не обязан их выдавать заказчику даже в том случае, когда он знает эти варианты. А если учесть, что заказчик в большинстве случаев весьма приблизительно представляет себе цель и назначение лингвистической экспертизы, то ее исход и выводы могут быть далеко неоднозначными, а иногда и прямо противоположными.

Поэтому чрезвычайно важным обстоятельством, во многом обусловливающим результат экспертизы, является корректная юридическая и лингвистическая формулировка вопросов эксперту, от которой зависит способ и формы решения задачи и достижения цели. Лингвист-эксперт, будучи исполнителем, вправе предложить свою помощь в корректировке вопросов, в отношении их количества, выделения в них смысловой и логической квинтэссенции задания для экспертного заключения. О том, насколько это важно, свидетельствует следующий эпизод из деятельности ЛНЛЭ, которым мы завершим статью.

Ко мне обратилась руководитель аудиторско-консалтинговой компании «Вердиктум» (назовем эту женщину З.) с просьбой о встречной лингвистической экспертизе, касающейся названия ее фирмы. Два слова о предыстории этого дела. Основатель и глава компании «Вердиктум» З. в течение ряда лет была сотрудником другой фирмы с аналогичными функциями и сходным названием «ВЕРДИКТ». Затем она открыла свое дело и довольно успешно его осуществляла до тех пор, пока смежники из «ВЕРДИКТа» не обратились в суд с иском о признании торгового наименования «Вердиктум» неправомерным из-за его практического совпадения с названием их компании. Суд назначил лингвистическую экспертизу, которую провел, уже известный читателю по предыдущему эпизоду специалист Ж. Истец поставил перед экспертом вопрос: «Могут ли считаться торговые наименования «ВЕРДИКТ» и «Вердиктум»

сходными до степени смешения?». Суд оставил эту формулировку в силе и поручил Ж. провести экспертизу. Исследование, как несложно догадаться, привело Ж. к положительному ответу на поставленный вопрос.

Положение компании, глава которой обратилась в ЛНЛЭ за помощью, было достаточно сложным, поскольку помимо возможного решения суда о признании названия «Ведиктум» неправомерным по уже указанной причине следующим шагом противной стороны был бы иск о возмещении морального и материального ущерба на довольно крупную сумму.

Ознакомившись с экспертным заключением Ж., я пришел к выводу, что еще не все потеряно и компания «Вердиктум» имеет неплохую перспективу на конкурентное сосуществование со смежной фирмой в условиях честной рыночной борьбы за потребителя. Совместными усилиями с заказчиком мы сформулировали более четкий и недвусмысленный, нежели у противной стороны, вопрос для проведения встречной экспертизы: «Являются ли фирменные наименования «ВЕРДИКТ» и «Вердиктум» сходными до степени смешения в их звуковом и графическом восприятии?».

При постановке вопроса мы исходили из основного пункта жалобы истца, в котором внимание суда обращалось на использование в фирменном наименовании «Вердиктум» слова «ВЕРДИКТ», что, по мнению авторов жалобы, являлось стремлением ввести потребителей услуг конкурирующих фирм в заблуждение и влекло за собой материальный и моральный ущерб компании «ВЕРДИКТ», инициировавшей судебное разбирательство.

В качестве преамбулы встречной лингвистической экспертизы мы сочли необходимым заметить, что утверждение «о намерении ввести потребителей в заблуждение» подлежит проверке на соответствие действительности, ибо эта посылка истца равнозначна утверждению о том, что представители фирмы «Вердиктум» обманывали своих клиентов, а это бездоказательно по содержанию и оскорбительно по форме. Вторая характеристика, как известно, имеет соответствующую статью в ГК РФ.

Утверждение истца о том, что З. организовала фирму со сходным до степени смешения наименованием, не нашедшее на тот момент судебного подтверждения, не требовало проверки на соответствие действительности, поскольку его первая часть не противоречила законодательству, а вторая имела спорный характер. Таким образом, в преамбуле экспертного заключения, как нам казалось, мы сняли негативную информацию авторов жалобы, которая могла бы оказать на суд преждевременное и неадекватное воздействие и вызвать некорректное представление об ответчике.

Далее нужно было дезавуировать содержание лингвистической экспертизы г-на Ж., в основной своей части базирующейся на этимологическом сходстве обоих наименований, имеющих одинаковый план содержания. С этим было трудно не согласиться. Действительно, слово «ВЕРДИКТ» является составной частью слова «Вердиктум» и, как любая производная лексема, содержит в своем составе исходную основу. Например, *паровоз*, *пароход*. Однако, несмотря на то что приведенные примеры имеют в основе один корень «пар», значения слов, а также их форма отличны друг от друга. Отличия состоят всего в двух графемах (фонемах), однако вряд ли кто-либо из носителей русского языка сможет утверждать, что эти языковые знаки сходны до степени смешения. Или возьмем другой пример, не требующий комментария. Слова *беда* и *победа* тоже отличаются двумя единицами...

Заимствования, а точнее говоря, иностранные слова «ВЕРДИКТ» и «Вердиктум», ставшие предметом спора, представляют собой однокоренные слова со схожей семантикой – «верно сказанное» (lat.). Оба наименования, будучи языковыми (графическими) знаками, имеют один план содержания и разные планы выражения, подчеркивающие асимметрию языкового знака, произвольность его формы и отсутствие мотивированной связи между означаемым и означающим. Одно понятие может иметь в языке и речи несколько форм выражения, отличающихся одним, двумя и более элементами. Однако каждая из этих форм имеет самостоятельный статус и не может рассматриваться специалистами в качестве вариантов с той или иной степенью схожести.

Омофоны (*луг – лук*), омонимы (*тушь – туш*), омографы (*зАмок – замОк*) представляют собой некоторые из возможных типов совпадения плана выражения языковых элементов,

способных обусловить их неадекватное восприятие.

Так называемые квазиомонимы (слова, различающиеся одним элементом, например *стол – стул*, *ряд – род*), как правило, не вызывают затруднений при визуальном и слуховом восприятии у носителей языка, не подверженных различным типам афазии и нарушениям восприятия, обусловленным повреждениями речевых центров мозга (зоны Брока и зоны Вернике).

Спорные фирменные наименования, квалифицируемые Ж. сходными до степени смешения, отличаются друг от друга двумя фонемами и их графемными соответствиями в финали слова «Вердиктум». Основной акцент в экспертном заключении, как уже отмечалось, делается на схожесть семантики противопоставляемых лексем, что бесспорно. Однако сущность теории восприятия состоит в том, что идентификация объекта осуществляется не по его значению, а по его форме или каким-либо ее признакам. Зеленый свет светофора воспринимается людьми как разрешение движения именно в силу своего маркера, а не по причине этимологической связи этого цвета с процессом движения. Выбор зеленого цвета произошел случайно, немотивированно. Он мог бы быть и другим, но коль скоро этот цвет уже закреплен в сознании людей как разрешающий, следовательно, он приобрел уже такое свойство знака, как непроизвольность, т. е. невозможность его замены на другой цвет.

Спорные названия «ВЕРДИКТ» и «Вердиктум» не могут быть признаны языковыми знаками, сходными до степени смешения, по следующим основаниям:

1. Вряд ли носители русского языка, которых можно было бы привлечь для слухового восприятия этих слов в изолированном произнесении или контексте, обнаружили бы тенденцию массовой и неслучайной подмены одного наименования другим. Это предположение, несмотря на всю его очевидность, требует экспериментального подтверждения.

2. Еще меньше вероятность того, что визуальное восприятие указанных слов, а именно этот способ идентификации спорного языкового знака является преобладающим в документообороте обеих фирм, привело бы к указанному в пункте 1 результату. Данное предположение также может быть подтверждено (или опровергнуто) соответствующим несложным экспериментом.

3. «Психическое восприятие», на уровне которого, по мнению автора экспертного заключения Ж., возможно смешение анализируемых наименований, должно стать предметом специального исследования, хотя a priori понятно, что если на уровне «психического восприятия» возможно смешение указанных слов, то это проблемы психики, а не наименований и их авторов.

Такова в общих чертах картина этого эпизода деятельности ЛНЛЭ, представшего в виде встречного экспертного заключения на судебном заседании и достигшего своей цели. По имеющимся у меня сведениям, судья назначил третью, комиссионную экспертизу. Она должна стать завершающим этапом спора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Караулов, Ю.Н.** Язык и личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М., 1989.

2. **Соссюр, Ф.** Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. Соссюр. – М., 1933.

3. **Сепир, Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологи [Текст] / Э. Сепир. – М., 1993.

УДК 342.25:342.843(470.620)

Т.В. Чешенова

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ ВЫБОРАХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В современных демократических обществах выборы являются неотъемлемой составной частью политического процесса, его кульминацией [4, с. 13]. С одной стороны, они необходимы элитам, чтобы легитимировать свое пребывание у власти, а с другой – представляют собой едва ли не единственную реальную возможность для граждан государства участвовать в принятии политических решений как относительно того пути, по которому оно движется в целом, так и относительно персоналий политической элиты в частности [11, с. 3].

Всенародные выборы органов власти – это один из признаков демократического государства. Именно поэтому большинство государств мира, вне зависимости от их государственного устройства и политического режима, поддерживают институт выборов. В большей части муниципальных образований единственной формой непосредственной демократии, реально применяемой и ориентированной на всех дееспособных жителей соответствующих территорий, являются муниципальные выборы. Все иные институты муниципальной демократии, предусмотренные законодательством, относятся к факультативным, их использование на практике возможно, но не обязательно. Таким образом, муниципальные выборы – это зачастую единственный канал влияния населения на муниципальную власть и наиболее широко применяемый способ участия граждан в публичном властвовании на муниципальном уровне [3, с. 18].

Однако формальное наличие выборов еще не означает, что они выполняют ту функцию, которую должны выполнять в демократическом государстве, – функцию интегрирования разнородных интересов граждан. Исторический опыт показывает: выборы могут оказаться декорацией недемократического режима. Например, на протяжении всего периода существования СССР (за исключением периода Великой Отечественной войны) в нем проводились выборы депутатов Советов, но они не имели отношения к демократии [1, с. 113].

По мнению Б.В. Овчинникова, «во многих случаях результаты выборов отражают не только и даже не столько позицию самих избирателей, сколько позицию региональных и/или местных властей» [5, с. 168]. Начиная с середины 1990-х годов стала усиливаться тенденция «административного регулирования выборов». Эта тенденция – одна из составляющих общего движения в направлении к «регулируемой демократии», точнее, к «имитируемой демократии», проявляющейся как господство одной политической силы при наличии декоративных демократических атрибутов: партий, выборов и др. Особенно это касается выборов муниципального уровня. В настоящее время мы наблюдаем возрождение советской политической системы, правда на другом качественном уровне, обусловленном более явным приближением власти к материальной собственности [1, с. 117].

Во всех нормативных моделях современной демократии считается, что выборы реально отражают волеизъявление избирателей. Но практика показывает, что разработать и внедрить такую процедуру голосования и подведения итогов, чтобы этот демократический принцип стал нормой на российских выборах, пока не удается. Несмотря на весьма четкие и определенные нормы избирательного законодательства, относящиеся к проведению голосования и подведению его итогов, результаты выборов часто искажаются. Это может происходить в силу нарушений законодательства, которые можно разделить на две большие категории. Первая категория – фальсификации избирательных документов, вторая – все остальные нарушения, в том числе в процедурах проведения голосования и подсчете избирательных бюллетеней [9, с. 102].

Фальсификация в избирательной кампании – это деятельность, предполагающая преднамеренное искажение данных либо в рамках организационно-технических электоральных процедур, либо при оказании явного давления на волеизъявление избирателей. Особо деструктивными способами фальсификации считаются те, субъектами которых выступают избирательные органы. Именно от их действий во многом зависит исход выборов. И если члены избирательных комиссий становятся участниками фальсификаций, то можно говорить о деформации самой сущности института выборов [7, с. 61]. Негативные явления, систематически отмечающиеся на выборах в органы государственной власти и местного самоуправления, способны также серьезно деформировать систему народовластия. Анализ технологий манипулирования необходим для того, чтобы определить пути эффективного противодействия таким деструктивным явлениям в избирательном процессе [8, с. 24].

В настоящее время в политической науке определены следующие индикаторы устойчивых отклонений итогов выборов от среднероссийского уровня, создающие в сумме «индекс электоральной управляемости»:

1. Резко повышенная или пониженная явка на выборы.

2. Доля недействительных бюллетеней, содержащих более одной отметки о кандидате.

3. Доля бюллетеней, не содержащих отметок избирателя, т. е. добавленных пустых бюллетеней.

4. Доля бюллетеней, поданных досрочно за выбывший из списка блок и партию.

5. Доля всех недействительных бюллетеней, как слишком высокая, так и слишком низкая.

6. Аналогичный уровень голосов против всех.

7. Повышенная доля голосов в пользу победителя в данной территориальной избирательной комиссии.

8. Повышенный отрыв победителя от претендента, занявшего втрое место.

9. Суммарная доля голосов в пользу блоков и партий, занявших места с 4-го по последнее [6, с. 83]

Для поиска закономерностей и тенденций электорального процесса в России надо отказываться от привычного анализа на уровне субъектов федерации. Ведь последние слишком неоднородны. Точный анализ может вестись только на уровне компактных местных сообществ, т. е. городов и административных районов [10, с. 207].

В настоящей работе мы провели сравнительный анализ выборов на должность глав муниципальных образований Краснодарского края в период с 2004 по 2009 год, уделив особое внимание некоторым из вышеперечисленных индикаторов, и на его основе попытались выявить особенности электоральных процессов при выборах органов местного самоуправления в муниципальных образованиях среднего размера (с населением от 100 до 500 тыс. жителей).

Мы исследовали показатели голосования в трех муниципальных образованиях края: Анапе, Армавире и Сочи. Выбор вышеперечисленных городов обусловлен численностью их населения, это и промышленные и курортные города, образующие бюджет края. Краевой центр не вошел в число исследуемых городов, так как численность его населения превышает 500 тыс. человек, в связи с чем он причисляется к крупным городам. При составлении таблицы были использованы официальные статистические данные итогов выборов в муниципальных образованиях Краснодарского края [2].

Проводя анализ, мы сравнили такие параметры выборов, как явка избирателей, количество избирателей, проголосовавших вне помещения, количество недействительных бюллетеней, количество выданных открепительных удостоверений и число избирателей, проголосовавших по ним (см. таблицу).

Повышенная или пониженная явка на избирательные участки. Этот показатель традиционно зависит от административной поддержки или торможения избирательной кампании [6, с. 82]. Из данных исследования мы видим, что показатель явки на выборы органов местного самоуправления в муниципальных образованиях края год от года растет, а в Армавире и Анапе он вырос более чем на 20 %, что явно указывает на заинтересованность администрации в повышении явки.

Доля недействительных бюллетеней. Согласно пункту 14 статьи 77 Закона о выборах, недействительными являются бюллетени, содержащие более одной отметки, и бюллетени,

Результаты голосования на выборах глав муниципальных образований Краснодарского края в период с 2004 по 2009 год

Муниципальное образование и год проведения выборов		Число избирателей по списку	Число избирателей, проголосовавших			Количество недействительных бюллетеней (%)
			в день выборов (%)	досрочно (%)	вне помещения (%)	
Анапа	2004	101 012	46 427 (45,96)	183 (0,39)	2914 (6,28)	1118 (2,41)
	2006	102 517	41 380 (40,36)	465 (1,12)	2682 (6,48)	948 (2,29)
	2009	104 864	70 106 (66,85)	758 (1,08)	3338 (4,76)	1496 (2,13)
Армавир	2004	128 554	45 161 (35,13)	142 (0,31)	4123 (9,12)	1031 (2,28)
	2006	129 000	45 286 (35,11)	394 (0,87)	6970 (15,39)	1122 (2,48)
	2009	123 827	76 085 (61,45)	8755 (11,51)	12 744 (16,75)	1267 (1,67)
Сочи	2004	281 664	107 561 (37,16)	2452 (2,28)	3805 (3,54)	1039 (0,97)
	2008	286 962	130 929 (45,63)	14404 (11,0)	7243 (5,53)	1947 (1,49)
	2009	293 193	123 192 (42,01)	30965 (25,14)	15 230 (12,36)	3584 (2,91)

не содержащие отметок избирателя [6, с. 82]. Не секрет, что ослабить позиции нежелательного кандидата проще всего, добавив лишний значок на бюллетень, поданный в его пользу. В этом случае кандидат теряет голос, но растет число недействительных бюллетеней. Бюллетени, не содержащие отметок, – признак возможного «подтягивания» явки. По данным таблицы, в городах Анапе и Армавире данный показатель не претерпел кардинальных изменений, но совсем другая тенденция наблюдается в городе Сочи: здесь количество недействительных бюллетеней за анализируемый период выросло в 3 раза.

Доля бюллетеней, поданных досрочно. Институт досрочного голосования, номинально имеющий благородные задачи (дать возможность исполнить свой гражданский долг находящимся вдали от Родины или в труднодоступных ее районах), на практике чрезвычайно легко превращается в увесистый аргумент располагающих административным ресурсом чиновников.

Данный показатель также имеет тенденцию неуклонного роста, но если в Анапе число проголосовавших досрочно за исследуемый период выросло в 3 раза, то в Армавире – в 37 раз, а в Сочи количество избирателей, проголосовавших досрочно, изначально было в 6,5 раз выше, чем в Анапе и Армавире, а в 2009 году в этом муниципальном образовании досрочно проголосовали 25,14 % от числа принявших участие в голосовании.

Доля проголосовавших вне помещения. Рост данного показателя также является косвенным признаком фальсификации выборов или в лучшем случае указывает на угрожающий рост избирателей, которые по состоянию здоровья или инвалидности не способны самостоятельно прийти на избирательный участок. По данным нашего исследования, количество таких избирателей неуклонно растет. В Армавире численность

проголосовавших вне помещения выросла в 1,8 раза, в Сочи – в 3,5 раза. Обнадеживают лишь показатели города-курорта Анапы – там количество проголосовавших вне помещения уменьшилось в 1,36 раза, город действительно оправдывает название всероссийской здравницы.

Выборы в различные органы власти, ставшие неотъемлемой частью политической жизни России, уже давно привлекают внимание исследователей. В последнее время возрос интерес специалистов к региональной и муниципальной специфике электорального поведения. Тем не менее данная тема, будучи относительно новой, остается недостаточно изученной, особенно если учесть значительную политическую дифференциацию российской провинции. В настоящей работе мы попытались хотя бы частично заполнить имеющиеся пробелы, проанализировав электоральные процессы при выборах органов местного самоуправления в муниципальных образованиях Краснодарского края.

На основе результатов проведенного анализа мы могли бы сделать заключение, что в данных муниципальных образованиях выборы были сфальсифицированы, но, к сожалению, статистические процедуры для этого не пригодны по определению, так как способны только строго оценить значимость зафиксированных отклонений от некой нормы, но не в состоянии доказать сам факт нарушения [6, с. 82]. Мы можем сделать лишь вывод, что индекс управляемости избирателями в исследуемых городах края достаточно высок и существует тенденция роста этого индекса. При сохранении такой тенденции можно говорить о запрограммированности результатов выборов, т. е. дискредитации принципов организации и проведения свободных демократических выборов.

Кроме того, запрограммированность результатов голосования, вне зависимости от реальной воли людей, и порождает тот самый правовой нигилизм, которым озабочено руководство страны и о котором неоднократно заявлял Президент России. А вот уже правовой нигилизм порождает и коррупцию, и другие политические проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бузин, А.Ю.** Московские муниципальные выборы 2004 года: история фальсификации [Текст] / А.Ю. Бузин. – М., 2005.

2. **Вестник** избирательной комиссии Краснодарского края [Текст]. – Краснодар, 2004, 2006, 2009.

3. **Кынев, А.** Муниципальные выборы по новым правилам [Текст] / А. Кынев // Pro et Contra. – 2007. – № 1 (35).

4. **Мешков, П.Я.** Выборы в России: вчера, сегодня, завтра [Текст]: мат. «круглого стола» / П.Я. Мешков // Власть. – 2007. – № 4.

5. **Овчинников, Б.** Электоральная эволюция: пространство регионов и пространство партий [Текст] / Б. Овчинников // Полис. – 2000. – № 2.

6. **Орешкин, Д.Б.** География электоральной культуры и цельность России [Текст] / Д.Б. Орешкин // Там же. – 2001. – №1. – С.82–83.

7. **Парамонов, Д.О.** Методы фальсификации выборов [Текст] / Д.О. Парамонов, В.В. Кириченко. – М.: Изд-во Юж.-Рос. ин-та информац. технологий, 2003.

8. **Петухова, Е.** Рейтинги как инструмент анализа и прогноза в избирательной кампании [Текст] / Е. Петухова // Советник. – 2004. – № 11. – С. 22–24.

9. **Сатаров, Г.А.** Интернет-мониторинг выборов в России (новая гражданская инициатива Проекта «Информатика для демократии-2000+» [Текст]: аналит. докл. по результатам Проекта / Г.А. Сатаров. – М., 2001.

10. **Туровский, Р.Ф.** Региональные аспекты общероссийских выборов [Текст] / Р.Ф. Туровский // Второй электоральный цикл в России 1999–2000 гг. – М., 2002. – С. 186–214.

11. **Шумилов, А.В.** Особенности электорального процесса в российской федерации (региональный аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. полит. наук / А.В. Шумилов. – М., 2007.

УДК 811.161.1:378.14

И.И. Баранова

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДМЕТНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Уровень развития общества в XXI веке предъявляет высокие требования к профессиональной компетенции специалистов – выпускников вузов Российской Федерации. Однако одной из проблем функционирования образовательного пространства современного технического вуза остается недостаточный общий уровень мотивации студентов к учению.

Иностранные студенты, обучающиеся в российских вузах, получают высшее образование на неродном языке в условиях неродной социокультурной среды. Успешность решения этими студентами академических задач в значительной степени определяется их уровнем владения русским языком как в социокультурной, так и в учебно-профессиональной сфере общения.

Изучение мнения студентов о качестве предлагаемых образовательных услуг в курсе русского языка является одним из направлений деятельности кафедры русского языка ИМОП СПбГПУ. В результате анкетирования иностранных студентов получены данные о мотивации к изучению русского языка, о трудностях в овладении им, о степени языковой подготовки к обучению в вузе и т. д.

Результаты анкетирования иностранных студентов этапа предвузовской подготовки показали, что у большинства студентов мотивация к изучению русского языка высокая: 78 % опрошенных отметили, что изучают русский язык с интересом. Среди трудностей в овладении им 52 % респондентов назвали «говорение».

Подготовка иностранных абитуриентов к учебе в вузе предполагает формирование у студентов коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения. Ответы на вопросы анкеты свидетельствуют о том, что иностранные абитуриенты понимают важность изучения научного стиля речи в курсе русского языка на этапе предвузовской подготовки: 52 % респондентов отмечают, что они изучают научный стиль речи с интересом; 49,7 % изучают научный стиль речи, потому что это нужно; 89 % опрошенных считают, что изучение научного стиля речи поможет их будущей учебе на I курсе.

Оценивая степень своей подготовки к обучению на I курсе вуза, 76,9 % опрошенных предполагают, что смогут учиться; 12,7 % считают, что учиться им будет трудно; 94,5 % респондентов выражают желание продолжать изучение русского языка на I курсе вуза, что свидетельствует о высокой мотивации выпускников программы к изучению курса русского языка в вузе.

Анкетирование иностранных студентов I курса Санкт-Петербургского государственного политехнического университета показало, что 56 % опрошенных продолжают изучать русский язык с интересом, 47 % изучают его только потому, что это нужно. Эти данные свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что у иностранных студентов сохраняется мотивация к изучению русского языка как средства осуществления образовательной деятельности. Большинство (91 %) опрошенных отмечает, что

всегда посещают занятия по русскому языку. Безусловно, обучение в вузе ставит перед студентами более сложные практические задачи в учебно-профессиональной сфере общения и сопряжено с определенными трудностями, а именно:

• 86 % респондентов отмечают, что испытывают трудности в понимании лекций;

• 37,5 % опрошенных заявили, что им трудно участвовать в практических занятиях;

• 26,5 % испытывают затруднения при выполнении лабораторных работ;

• 12,5 % называют в числе трудностей общение с сотрудниками деканата;

• 19 % респондентов отмечают, что для них трудно общение с преподавателями;

• 33 % испытывают трудности при чтении учебной литературы;

• 26,5 % с трудом справляются с выполнением письменных заданий.

Профессиональная направленность в обучении русскому языку в вузе определяет содержание обучения на данном этапе языковой подготовки иностранных студентов. Успешность их познавательной деятельности на русском языке в значительной мере определяется уровнем сформированности языковых навыков и речевых умений в учебно-профессиональной сфере общения. Большая часть (87,5 %) респондентов подтверждают, что знание научного стиля речи помогает им учиться на I курсе.

Интеграция российской высшей школы в мировую систему образования определила необходимость уровневого подхода к владению русским языком как иностранным. Разработанная система уровней соотносится с уровнями владения другими европейскими языками. Для иностранных выпускников российских вузов профессиональная деятельность на русском языке в качестве специалиста возможна при условии достижения второго уровня владения русским языком как иностранным.

Достижение второго уровня владения русским языком как иностранным в учебно-профессиональной сфере общения предполагает формирование умений:

а) адекватно воспринимать необходимую учебно-профессиональную информацию письменных и звучащих текстов с последующей ее переработкой и изложением в устной или письменной форме;

б) участвовать в коммуникации учебно-профессионального характера:

– устанавливать контакт с собеседником, реагировать на его высказывания: задавать уточняющие вопросы, переспрашивать, обращаться с просьбой объяснить что-либо, повторить что-либо еще раз; дополнять, конкретизировать, корректировать воспринимаемую информацию;

– давать оценку полученной информации, выражать согласие/несогласие, приводить контраргументы;

– излагать свою точку зрения, разъяснять и уточнять отдельные положения своего высказывания;

– запрашивать информацию о мнении собеседника, о его оценке явления, события и др.;

– выражать заинтересованность/незаинтересованность, сомнение, уверенность в необходимости обсуждения какой-либо проблемы;

– выражать понимание/непонимание мотивов речевого поведения собеседника;

– опираться на аргумент оппонента или отталкиваться от него, приводить свои аргументы, доводы;

– делать выводы, подводить итог научной дискуссии;

в) создавать письменные речевые произведения следующих жанров: план, конспект, аннотация, рефераты разных типов, курсовая и дипломная работы, доклад, научное сообщение [1].

Важной методической задачей при формировании предметно-коммуникативной компетенции (ПКК) у иностранных студентов на всех этапах обучения русскому языку является определение содержания обучения. На этапе предвузовской подготовки единицей формирования коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения является учебно-научный текст. На вузовском этапе обучения формирование ПКК связано с необходимостью решения более сложных академических задач в учебно-профессиональной сфере общения: участвовать в заседаниях научного студенческого общества, научно-практических семинарах, конференциях, обсуждении и защите курсовой, дипломной работы. Успешное

решение данных задач предполагает умение иностранных студентов осуществлять речевое общение в устной и письменной форме в рамках общенаучной и узкоспециальной тематики, актуальной для реализации коммуникативных целей в учебной, учебно-научной и профессиональной сферах общения. Для формирования речевых умений в области говорения целесообразно, на наш взгляд, использовать в качестве единицы обучения научно-популярные тексты наряду с учебно-научными и научными текстами.

Рассмотрим, что представляют собой научно-популярные тексты с точки зрения предъявления научной информации, особенностей структурной организации и сравним их с этих позиций с научными и учебно-научными текстами.

В условиях коммуникации научно-популярный текст, как и любой другой текст, является не только средством передачи информации, но и средством включения ее в определенный социальный контекст. Специфика предъявления информации в научно-популярных текстах определяется влиянием экстралингвистических факторов, в первую очередь коммуникативных, обусловленных целевой установкой отправителя речи и образом предполагаемого получателя.

В интерпретации научно-популярного текста огромную роль играет фактор адресата. «Всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата. Удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из условий его эффективности» [2]. В трактовке понятия пресуппозиции мы в данном случае опираемся на то его понимание, которое связано с представлением говорящего о степени осведомленности адресата. Другими словами, речь идет о так называемых коммуникативных пресуппозициях. Если сравнить с этих позиций научные и научно-популярные тексты, то можно сказать, что научные тексты создаются для обмена информацией в определенной области знания, при этом осуществляется коммуникация «специалист – специалисту». Пресуппозиционный фонд, на который ориентируется создатель текста, легко установим и достаточно широк. Каждая отрасль науки накапливает свой фонд текстов, и авторы текстов добавляют новую информацию к имеющейся в существующем уже фонде. Таким образом, информация в научных текстах подводится под категорию «новое».

Научно-популярные тексты обращены к широкому кругу читателей. Коммуникация в этих текстах осуществляется по модели «специалист – неспециалисту», и это позволяет говорить об узкой пресуппозиционной базе. Необходимость установления «общего языка» с адресатом заставляет автора научно-популярного текста искать точки соприкосновения с фондом пресуппозиций адресата, локализованные не в его научном багаже, а в его бытовом опыте, что влечет за собой погашение наиболее далеких пресуппозиций. Информация в данном случае должна быть представлена как «понимаемое». Такой способ представления информации достигается в значительной мере тем, что в научно-популярном тексте доказательство научных фактов чаще осуществляется не через логику мыслительных операций, а через эмоциональную логику примера и иллюстраций. Необходимость организации и представления научных фактов через восприятие читателя выдвигает на передний план проблему диалогичности научно-популярного текста. Установление контакта с читателем входит в интенцию говорящего, речевой контакт способствует внутренней организации речевого общения.

Как отмечалось выше, информация научно-популярного текста должна быть представлена как «понимаемое». Другим важным аспектом предъявления информации в данных текстах должен быть признак «интересно». На основании научных результатов экспериментального исследования, проведенного психолингвистами [3], было установлено, что научный и научно-популярный тексты характеризуются следующими признаками: научный текст – научно, непопулярно, информативно, нехудожественно; научно-популярный текст – научно, популярно, информативно, интересно.

Очевидно, что от научно-популярного текста, как и от научного, в первую очередь ожидают получить некоторую информацию теоретического и прагматического характера. Однако научно-популярный текст характеризуется признаком «интересно», противопоставленным признаку «нехудожественно» в научном тексте. Это дает возможность рассматривать научно-популярный

текст как некоторую реорганизацию текста, характеризующегося признаками «научно» и «информативно» в той его части, которая характеризуется признаком «нехудожественно». Обращает на себя внимание тот факт, что научно-популярный текст характеризуется только положительными признаками, в нем отсутствуют запрещения на включение в него информационно разнородных структур. Таким образом, два ведущих фактора – «научно» и «интересно» определяют коммуникативную стратегию автора научно-популярного текста и формируют коммуникативную установку на реализацию познавательного интереса читателя.

Особенности структуры и языковых средств оформления содержания научно-популярных текстов, а также возможности использования научно-популярных текстов при обучении русскому языку как иностранному входят в сферу наших научных интересов. Нами предложено следующее определение *научно-популярного текста*: текст, излагающий научные сведения для неспециалиста в данной области знания и реализующий коммуникативную установку на удовлетворение познавательного интереса адресата [4].

Общее построение научно-популярного текста, отбор и дифференциация языковых средств предопределяются целевой установкой, а также прагматическими функциями адресата. Этим объясняется и нединамичность процесса тематического развертывания научно-популярного текста.

С понятием темы связывается исследование содержательной стороны текста. Тематическая информация является основой любого устного или письменного сообщения, «текст всегда раскрывает содержание той или иной темы» [5]. Тема как содержательное ядро сообщения определяет структуру текста. Определяя тему как объект рассмотрения, содержание которого раскрывается в определенном социально значимом аспекте, Е.И. Мотина выделяет две стороны темы, а именно:

1) внешнюю, подразумевающую «наименование, или название, посредством которого обозначается данный объект и аспект его рассмотрения»;

2) внутреннюю, включающую «комплекс содержательных характеристик объекта в аспекте рассмотрения, исчерпывающих представление о нем, т. е. само содержание текста, раскрывающее название (наименование) темы» [Там же]. Таким образом, тема не только именует объект, но и всесторонне раскрывает его свойства в определенно значимом аспекте.

Для научно-популярного текста характерно медленное развитие темы. Д.И. Писарев отмечал: «Во-первых, научно-популярное изложение не допускает в течении мысли той быстроты, которая уместна в чисто научном труде... В популярном сочинении каждая отдельная мысль должна быть развита подробно. Во-вторых, популярное изложение должно тщательно избегать всякой отвлеченности, каждое положение должно быть пояснено примерами» [6].

Первичное представление темы текста задано в его заголовке. Заголовок позволяет прогнозировать развертывание текста и потому может считаться значимым элементом его тематического содержания. Содержательная установка, создаваемая заголовком, превращает чтение текста в активный процесс. В научно-популярных текстах задается широкая пресуппозиция, и это отражается в заголовке. Так, например, заглавия текстов, которые заключают в себе содержание текста в самом обобщенном виде (название предмета описания «Давление», «Яркость», «Магнетизм» и т. д.), дают возможность самого широкого прогнозирования развития текста. Автор такого текста имеет возможность широкого варьирования в способах «погашения» пресуппозиций. Некоторые заголовки научно-популярных текстов носят полемический характер, например такой: «Это “вредное” трение». Данный заголовок, как и приведенные выше заглавия текстов, позволяет прогнозировать смысловое развитие текста и предположить, что его главная информативная задача – доказательство презумпции, что трение полезно. Это доказательство осуществляется автором через сравнение, иллюстрации, с помощью средств экспрессивного синтаксиса. Отметим, что для учебных текстов такие формы заголовка невозможны, так как в тексте учебника представлено канонизированное знание.

В заголовках учебно-научных текстов выделяются две программы тематического развертывания:

• первая программа связана с реализацией пресуппозиции существования и реализуется через дефиницию предмета описания;

• вторая программа представляет собой характеризацию предмета и осуществляется приписыванием предмету определенных свойств. В отличие от научно-популярного учебно-научный текст не задает широкой пресуппозиции. Главная задача текста – идентифицировать и характеризовать предмет.

Главная задача научно-популярного текста – ввести предмет описания в круг интересов читателя. Для выполнения этой задачи автору необходимо вербализовать большее количество пресуппозиций, чем, например, в учебно-научном и научном текстах. На первом месте, таким образом, оказывается не столько интенция информирования, сколько ее проявление в комплексе с другими интенциями (интерес, доказательство, убеждение). Отсюда появление в тексте ряда структурно-смысловых единиц, которые не продвигают тему текста, а реализуют интенции. К этим единицам относятся, в частности, иллюстративные комплексы, которые делают изложение более интенсивным в плане воздействия на читателя, однако ничего не добавляют в отношении содержания или объема понятия.

Таким образом, механизм тематического развертывания в научно-популярном произведении зачастую действует под прессом ограничений, накладываемых реализацией интенций, не связанных непосредственно с информированием адресата, а направленных на «погашение» пресуппозиций, понимаемых как фонд общих знаний адресанта и адресата. Презентация информации в научно-популярных текстах тесно связана с личностным аспектом изучения языка, в отличие от учебно-научных текстов, где личностный аспект представлен в меньшей степени. Этим объясняется широкое употребление в научно-популярных произведениях средств выражения оценки. Например, средствами выражения рациональной оценки в них являются:

• аксиологические предикаты групп *считать, полагать, казаться* и их свернутые аналоги: *по-моему* и т. п.

• модальные слова, обозначающие логическую оценку сообщения: *несомненно, безусловно, разумеется, в самом деле, вероятно, видимо* и т. д.

Плотность оценочных средств в научно-популярных текстах тесно связана с теми содержательными частями текста, которые реализуют иллюстрирующую функцию.

Специфика научно-популярного текста в значительной степени состоит в реализации категории диалогичности как формы отражения основной коммуникативной характеристики научно-популярного текста – познавательного интереса. В таком тексте на первый план выдвигается форма диалогичности Я – ВЫ, МЫ с ВАМИ, так как все средства направлены на поддержание интереса читателя, установление контакта с ним.

Категория диалогичности, являясь неотъемлемым сущностным признаком научно-популярных текстов, представлена в них системой взаимообусловленных средств языка. На собственно языковом уровне форма диалогичности Я – ВЫ, МЫ с ВАМИ реализуется при помощи вопросно-ответных комплексов, вводных и вставных конструкций, средств экспрессивного синтаксиса, усилительно-выделительных частиц.

С нашей точки зрения, описанные в статье функциональные особенности научно-популярных текстов позволяют считать данные тексты значимым элементом содержания обучения в курсе русского языка при формировании ПКК у иностранных студентов технических вузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Государственный образовательный стандарт** по русскому языку как иностранному. Профессиональные модули. Первый уровень. Второй уровень [Текст] / Андрюшина Н.П. и др. – М.; СПб.: Златоуст, 2000. – 56 с.

2. **Арутюнова, Н.Д.** Фактор адресата [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. СЛЯ. – 1981. – Т. 40 – С. 356–367.

3. **Сорокин, Ю.А.** Психолингвистические аспекты изучаемого текста [Текст] / Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

4. **Баранова, И.И.** Функциональные особенности научно-популярных текстов [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / И.И. Баранова. – М., 1995. – 183 с.

5. **Мотина, Е.И.** Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов [Текст] / Е.И. Мотина. – М.: Рус. яз. – 1983. – 170 с.

6. **Одинцов, В.В.** Стилистика текста [Текст] / В.В. Одинцов. – М.: Наука, 1980. – 263 с.

УДК 378.014

И.И. Баранова, К.М. Чуваева

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ И АДАПТАЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Процессы глобализации и интеграции экономических и образовательных систем различных регионов мира сопровождаются активной миграцией населения с целью получения образования и трудоустройства. В условиях интернационализации мировой образовательной системы, растущей конкуренции на международном рынке образовательных услуг интеграция российской высшей школы в мировое академическое сообщество и создание благоприятных условий для привлечения контингента иностранных учащихся в отечественные вузы представляется наиболее важными направлениями международной деятельности.

Развитие образовательного сотрудничества способствует росту академической мобильности студентов из разных стран мира, которая рассматривается как важнейший принцип формирования мирового пространства высшего образования, предусматривающий многообразные возможности для свободного перемещения студентов. Расширение парадигмы академической мобильности обусловливает совершенствование национальных образовательных систем и увеличение их вклада в социально-экономическое и культурное развитие мирового сообщества в целом.

Согласно отчету по академической мобильности студентов, подготовленному Статистическим институтом ЮНЕСКО в 2009 году, лидирующее положение в мире по числу студентов, обучающихся в зарубежных вузах, занимает Китайская Народная Республика (около 421 тыс. человек) [1, с. 36]. По данным Центра стратегических исследований Китая, граждане КНР будут доминировать на мировом образовательном рынке еще несколько десятилетий [2].

Ежегодно вузы Российской Федерации принимают на обучение на коммерческой основе и за счет средств федерального бюджета свыше 120 тыс. иностранных студентов. В количественном отношении китайские студенты, получающие образование в российских вузах, занимают второе место после студентов из государств – участников СНГ [3]. В марте 2010 года в наших вузах обучалось более 20 тыс. граждан КНР. Предполагается, что в связи с успешным развитием российско-китайских отношений в различных сферах общественной деятельности, в том числе в сфере образования, это число будет увеличиваться [4]. Однако, прогнозируя дальнейшее развитие российско-китайского сотрудничества в сфере образования, нельзя не учитывать тот факт, что число китайских студентов в российских вузах составляет не более 5 % от общего количества мобильных студентов из КНР. В связи с этим представляется необходимым исследование национально-психологических и этнокультурных особенностей китайских учащихся, а также изучение специфики их мыслительно-речевой деятельности и поведенческих стереотипов, различий в структуре национальных образовательных систем Китая и Российской Федерации, особенностей адаптации китайских студентов к условиям обучения в новой образовательной

среде и формирование межэтнической толерантности в процессе социального общения и взаимодействия китайских учащихся с представителями других культур.

Исследователи отмечают, что для представителей разных культур характерны различные формы стратегического мышления, определяющего стереотипные сценарии межкультурного взаимодействия, что обусловлено особенностями национального менталитета [5, с. 7]. В этой связи в психологии и смежных науках на основе дихотомии «Восток – Запад» традиционно выделяются синтетический восточный тип мышления (для него характерны асимметричность, образность, символичность) и аналитический западный тип мышления (его признаки – логичность, алгоритмичность, понятийность, системность). Для познания мира Восток предлагает метод созерцания и сравнения, а в западной методологии преобладает установка на эксперимент.

Созерцательное отношение человека к миру в восточной культуре отразилось и в типе философствования. Идеалом мыслителя в восточном обществе был не исследователь, всесторонне познающий окружающий его мир и преобразующий его на основе знания, а мудрец, прислушивающийся к себе и пытающийся через себя понять мир. Отсутствие противопоставления субъекта и объекта, восприятие их в единстве, нераздельности исключало появление на Востоке онтологической и гносеологической проблематики в том виде, в каком она существовала в европейской философии. В восточной философии и религии на первый план выходит этическая проблематика. В центре таких направлений философской мысли Востока, как брахманизм, индуизм, чань- и дзен-буддизм, даосизм и конфуцианство, находятся нравственные принципы человека, правила и нормы организации социальной жизни, способы психической саморегуляции [6, с. 74].

С момента своего зарождения конфуцианство служило той основой, на которой строилась система стратегий и правил поведения в китайском обществе. Конфуцианская мораль оказывала влияние на отношения в семье, публичное общение, способ выражения мыслей и проявления эмоций. Принципы конфуцианской этики переносились и в сферу образования. Процесс обучения осознавался как устоявшийся ритуал, не подлежащий изменениям.

Учебно-педагогическое общение в китайской культурной традиции базируется на следующих принципах:

- соблюдение иерархии (авторитарность преподавателя по отношению к ученику);
- «сохранение лица» учащегося;
- эмоциональная сдержанность;
- самостоятельность учащихся [7, с. 82].

Традиционно в образовательной системе Китая учащиеся выступают в роли объекта, усваивающего знания, велика важность волевых импульсов в познании, поэтому в китайской аудитории ценится способность усваивать знания, т. е. прежде всего запоминать наизусть, не выражать свои чувства, переживания, что воспринимается носителями других культур как замкнутость, необщительность. Принципы педагогики сотрудничества, действующие в европейском (в том числе и российском) образовании, непонятны для китайских учащихся, активное взаимодействие преподавателя и студента в ходе учебных занятий практически исключено.

Основу древнекитайской образовательной системы составляла подготовка к квалификационному экзамену, по итогам которого претендент получал от императора определенную должность. Во время экзамена испытуемый должен был продемонстрировать свою осведомленность в определенной области знания, цитируя работы древних ученых и философов. При этом оценивался объем памяти испытуемого, его умение составлять собственное высказывание из большого количества заимствованных фраз. Таким образом, процесс обучения строился на запоминании огромного количества материала и его воспроизведении.

Как отмечают исследователи, в основе современного образования в Китае лежат методы древнекитайской образовательной традиции и сохраняются национальные дидактические стереотипы. Китайские исследователи подтверждают, что идеи конфуцианства актуализированы и в учебном процессе современных образовательных учреждений Китая [8, с. 348].

Особенно ярко своеобразие национальных образовательных традиций проявляется при изучении китайскими учащимися иностранных языков. Своеобразие современных технологий обучения иностранным языкам в Китае заключается в следующем:

• перевод и толкование используются в качестве основных способов семантизации;

• объяснение идет как инструктирование, иногда сопоставляются две языковые системы;

• преобладает дедуктивный способ введения нового материала;

• используются преимущественно тренировочные упражнения, а также вопросно-ответные упражнения, схемы и диалоги;

• осуществляется систематический жесткий контроль;

• чтение как вид речевой деятельности имеет приоритет [9, с. 82].

Следует отметить, что на занятиях по китайскому языку учащиеся систематически занимаются переводами текстов с древнекитайского на современный китайский язык, работая со словарями. Этим объясняются возникающая у китайских студентов потребность при изучении иностранных языков обращаться к словарю в поисках значения каждой новой лексической единицы и трудности развития у них языковой догадки в процессе работы над лексикой.

Как правило, изучая иностранный язык, китайские студенты заучивают наизусть набор предлагаемых языковых конструкций, ситуативных диалогов, текстов. При этом они часто не могут использовать заученный материал репродуктивно, например при построении монологического высказывания. Учащиеся не всегда узнают заученные грамматические и речевые конструкции при чтении, особенно если они употребляются в грамматических формах, отличных от формы, представленной в качестве образца для заучивания.

Указанная тактика китайских учащихся при усвоении языкового материала также связана с традиционной системой китайского образования. Ориентированность китайцев на чтение, обдумывание и заучивание образцовых текстов была отмечена разными исследователями-синологами. Так, И.А. Алимов указывает на то, что одной из главных характерных особенностей китайской культуры является «непрерывное развитие ее письменной традиции, когда на протяжении многих веков переписывались и комментировались канонические тексты, лежавшие в основе представлений об образованности и подготавливающие самим своим существованием, непрерывным воспроизводством возникновение текстов новых» [10].

На учебных занятиях по иностранному языку в Китае основное место отведено чтению, переводу, выполнению лексико-грамматических упражнений. Китайский этнотип ориентирован прежде всего на получение знаний о языке как системе, а потом уже на его практическое использование. Для западной же методики преподавания иностранных языков характерно коммуникативно ориентированное обучение, направленное на формирование речевых умений и практическое использование языка с первых занятий. Такой подход к изучению иностранного языка представляет значительные трудности для китайских студентов и требует от них преодоления психологических барьеров в процессе учебной коммуникации.

В практике обучения иностранному языку в Китае недостаточно внимания уделяется таким видам речевой деятельности, как аудирование и говорение. Традиция заучивания материала наизусть и его воспроизведение, не предусматривающее ни анализа, ни выражения своего отношения к содержанию текста, препятствует формированию у китайских студентов навыков, необходимых при продуцировании собственного высказывания.

Эффективность усвоения иностранного языка зависит и от количественного состава учебных групп – 20 студентов и более, что не позволяет в полной мере реализовать коммуникативно-деятельностный подход в обучении и индивидуализировать учебный процесс.

При изучении русского языка китайские студенты испытывают значительные трудности на всех этапах изучения в силу имеющихся различий в системах русского и китайского языков на всех структурных уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Остановимся на некоторых существенных различиях в системах этих языков.

Основная структурная единица китайского языка представляет собой слогознак, в общем случае фиксирующий слово. Звуковым

соответствием слогознака является слог, а графическим – иероглиф. Прототипами иероглифов служили пиктограммы, т. е. графические изображения, восходящие к рисункам отдельных предметов или явлений. Каждый иероглиф китайского языка имеет трехстороннюю характеристику:

• отражает определенное значение;

• имеет специфическое произношение;

• отображается графически при помощи определенных элементов, располагаемых в определенной последовательности; число черт в иероглифе колеблется от 1 до 52.

Известно, что в китайском языке существует большое количество диалектов, при этом носители одного диалекта в отдельных случаях не понимают устную речь представителя другого диалекта. Иероглифическая письменность позволяет достигать взаимопонимания и преодолевать разобщенность между людьми, говорящими на разных диалектах, так как представители различных диалектных групп одинаково понимают текст, написанный иероглификой. Кроме того, иероглифическая организация письменности позволяет носителям китайского языка воспринимать тексты, созданные предками современных китайцев, так как смысловая основа каждого знака в подавляющем большинстве случаев остается неизменной [7, с. 23–25].

Китайская иероглифика уникальна вследствие своей мотивированности образами объектов и явлений, поэтому носители китайского языка имеют тенденцию уточнять, детализировать и конкретизировать информацию. Китайский менталитет также предполагает склонность к условности, завуалированному намеку, литературным или историческим ассоциациям, в связи с чем китайцы любят разнообразные ребусы и загадки. Китайцы мыслят конкретно-символически, тогда как русские – абстрактно-понятийно. В связи с этим в работе с китайской аудиторией необходимо максимально использовать графическую и предметную наглядность, так как наиболее развитым у данного контингента учащихся является зрительный канал восприятия информации.

Иероглифическая письменность оказала огромное влияние на формирование специфического типа мышления китайского этноса, она заключает в себе практически неограниченные возможности для выражения отвлеченных и многоплановых понятий, различных оттенков значения. Смысл текста, написанного китайской иероглификой, часто интерпретируется самим читателем, так как значения слов раскрываются не в точных и ограниченных семантических рамках, а по принципу сходства, смежности и даже противоположности.

Грамматический строй корнеизолирующего китайского языка кардинально отличается от флективного строя русского языка. В китайском языке имена существительные не различаются по родам и не изменяются по числам, в нем отсутствуют категория падежа и, как следствие, понятие о склонении. Имена прилагательные также не имеют категории склонения. В связи с этим китайским учащимся трудно разобраться в русской системе падежных окончаний.

Китайский глагол в отличие от русского может обозначать не только действие или состояние предмета, но и цель, образ действия и даже признак предмета. В китайском языке глаголы делятся на классы, но данное деление не зависит от парадигмы их изменения по лицам, в нем не представлены глагольные видовые пары, значение совершенного вида выражается контекстуально, при помощи суффиксального образования или удвоения глагола. Отсюда затруднения, возникающие у китайских учащихся при изучении категории вида.

Специфической особенностью китайской лексической системы является наличие в ней большого количества слов-сложений, часть из которых представляет собой производные единицы, создающиеся в речи по продуктивным моделям и легко распознающиеся на слух. Более того, данные образования не воспринимаются как неологизмы и функционируют в речи наряду с другими образованиями, обладающими регулярной неизменяемой воспроизводимостью. В связи с этим нормативность лексики русского языка, ее функциональная обусловленность и использование в речи сложны для понимания китайскими учащимися.

Синтаксис китайского языка характеризуется системой правил, определяющих порядок слов, варианты соединения слов в предложении, структурные особенности предложений различных типов.

Порядок слов является важнейшим средством выражения синтаксических отношений в китайском языке. Структурно фраза делится на две части: группу подлежащего и группу сказуемого. Дополнение занимает позицию после глагола и включается в состав сказуемого. Таким образом, наиболее распространенный тип китайской фразы соответствует схеме *подлежащее–сказуемое–дополнение*. Определение всегда ставится перед определяемым словом, обстоятельство во всех случаях предшествует сказуемому. Относительно свободный порядок слов русского предложения затрудняет понимание структуры русской фразы китайскими учащимися, привыкшими к фиксированному порядку слов в родном языке.

Перечисленные выше, а также большое количество других особенностей китайской языковой системы необходимо учитывать при обучении русскому языку с целью облегчения усвоения материала и прогнозирования типичных языковых и речевых ошибок китайских студентов. Кроме того, как было сказано ранее, учащиеся из Китая обладают характерными особенностями речевого поведения и отличным от носителей русского языка типом мышления и стилем овладения иностранным языком, что обусловлено различными факторами психофизиологического и этнокультурологического характера. В этой связи при обучении китайских студентов уже на начальном этапе следует учитывать специфику их мыслительно-речевой деятельности.

Начальный этап обучения в условиях иноязычной образовательной среды является наиболее сложным для адаптации иностранных студентов к новым условиям жизни и учебы в России. Китайские студенты испытывают значительные трудности при адаптации к условиям российской социокультурной среды. Перед учащимися встают проблемы универсального характера, связанные с обучением на неродном языке и изменившимися условиями проживания, а также специфические проблемы, обусловленные этнопсихологическими особенностями представителей китайской и русской этнокультур и существенной разницей в образовательных системах двух стран.

Китайские студенты, оказавшиеся в новой социокультурной и образовательной среде, испытывают естественный дискомфорт, связанный с переустройством, изменение психофизиологических процессов личности. Многочисленные трудности, возникающие в процессе начальной адаптации иностранных учащихся, могут быть связаны с различными факторами:

• влиянием климата, обусловленным сменой климатических зон, повышением и понижением температуры, изменением влажности воздуха, колебанием атмосферного давления и т. п.; сбоем биоритмов из-за смены часовых поясов, особенностей светового дня;

• экологической ситуацией, в крупных городах – состоянием воздуха, его загазованностью, превышением допустимых значений по многим параметрам и т. п.;

• изменением ассортимента продуктов питания, режима питания, вкусовых качеств пищи;

• учебно-познавательными трудностями, вызванными в первую очередь языковым барьером; преодолением различий в системах образования; адаптацией к новым требованиям и системе контроля знаний; организацией учебного процесса, технологиями обучения иностранным языкам, формированием навыков самостоятельной работы;

• коммуникативными трудностями в процессе межличностного общения на различных уровнях: с администрацией факультета, сотрудниками и преподавателями, с одной стороны, и внутри многонациональной учебной группы, учебного потока, в общежитии, на улице, в общественных местах и т. д. – с другой; традициями межличностных отношений «преподаватель–студент», «студент–студент» и др.;

• информационной перенасыщенностью на различных уровнях новой социокультурной и образовательной среды;

• бытовыми трудностями, связанными с отсутствием навыков самостоятельности, принятия решений и разрешения проблем в распределении бюджета, самообеспечения, самообслуживания и др.

Вышеперечисленные факторы крайне неблагоприятно сказываются на здоровье и психологическом состоянии китайских учащихся. Негативная физиологическая реакция организма может проявляться в обострении хронических

заболеваний, головной боли, повышении кровяного давления, расстройстве сна, быстрой утомляемости. Утомляемость в свою очередь может вызывать ухудшение памяти, особенно в процессе перевода информации из кратковременной памяти в долговременную. Отрицательная психофизиологическая реакция организма проявляется в возникновении чувства усталости, вялости, дискомфорта, плохом настроении и раздражительности, потере аппетита.

Особенности психологической адаптации китайских учащихся к условиям новой социокультурной среды обнаруживают определенную взаимосвязь с особенностями формирования межэтнической толерантности при обучении иностранных студентов в интернациональных группах. При определении стратегий формирования межэтнической толерантности в интернациональной учебной группе следует учитывать особенности структуры этнической идентичности представителей различных этнических групп как в учебной деятельности, так и во внеаудиторной работе.

Таким образом, чтобы добиться академической успешности студентов из КНР, получающих образование в вузах Российской Федерации, при организации учебного процесса следует учитывать следующие факторы:

• специфику стратегий овладения иностранными языками, обусловленную особенностями восточного и западного типов мышления;

• различия в структурах образовательных систем КНР и Российской Федерации;

• расхождения в системах русского и китайского языков на всех структурных уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом;

• особенности адаптации китайских учащихся к условиям новой академической среды российских вузов.

Интенсификации процесса обучения и повышению качества подготовки китайских абитуриентов к поступлению в вузы Российской Федерации способствует создание учебно-методических комплексов, включающих:

• лекции по системе русского языка с переводом на китайский язык;

• лингвоориентированные учебные материалы по русскому языку и общеобразовательным дисциплинам, в том числе для самостоятельной работы китайских студентов;

• каталог тестов по видам речевой деятельности, представляющих трудности для китайских учащихся (аудирование, говорение);

• курсы поддерживающего мультимедийного обучения;

• методические рекомендации для преподавателей, сотрудников и представителей административных служб вузов Российской Федерации, учитывающие особенности межличностного общения представителей китайского этноса.

Разработка специализированных адаптационных программ для китайских учащихся российских вузов способствует их успешной учебно-познавательной деятельности в условиях поликультурной образовательной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Global** Education Digest 2009. Comparing Education Statistics Across the World [Electronic resource]. – Montreal: UNESCO Institute for Statistics, 2009. – 264 p. – Режим доступа: http://www.uis.unesco.org (дата обращения: 10.10.2010).

2. **Национальный** ресурсный центр поддержки российско-китайского образовательного сотрудничества [Electronic resource] // Сайт Центра стратегических исследований Китая. – Режим доступа: http: // www.chinacenter.ru (дата обращения: 18.10.2010).

3. **Сайт** газеты «Ведомости», публикация от 28.07.2009. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/career/news/2009/07/28/809718 (дата обращения: 21.10.2010).

4. **Российское** образование для иностранных граждан [Электронный ресурс] // Сайт М-ва образования и науки РФ. – Режим доступа: http://www.russia.edu.ru/news/events/kitai/cpravka/ (дата обращения: 21.10.2010).

5. **Нестерова, О.А.** Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / О.А. Нестерова. – М., 2010. – 41 с.

6. **История** мировой культуры (мировых цивилизаций) [Текст]. – Изд. 3-е, доп. и перераб. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 544 с.

7. **Балыхина, Т.М.** От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления [Текст] / Т.М. Балыхина, Чжао Юйцзян. – М.: РУДН, 2010. – 344 с.

8. **Цзинь Синьсинь**. Гуманитарные ценности конфуцианства в формировании духовно-нравственных

качеств китайских студентов [Текст] / Цзинь Синьсинь // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – СПб., 2009. – № 96. – С. 345–349.

9. **Бобрышева, И.Е.** Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному [Текст] / И.Е. Бобрышева. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.

10. **Алимов, И.А.** Сунские авторские сборники бицзи: предварительные наблюдения [Электронный ресурс] / И.А. Алимов. – Режим доступа: http://www.pvost.org/alimov/pages/txt/misc/biji.html (дата обращения: 20.09.2010).

УДК 378,145:811.111'25

Н.И. Бызова, О.Н. Костерина

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ РАБОТЫ С ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ ТЕКСТАМИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

С конца XX века в подходе к системе высшего образования происходят значительные изменения. Подвергаются изменению его цели, задачи и содержание. Образование все чаще ориентируется на свободное развитие человека, проявление творческой инициативы и самостоятельности обучаемых. В процессе подготовки специалистов все чаще употребляют понятия «конкурентоспособность», «требования рынка», а также «мобильность» по отношению к будущим специалистам. В качестве общего определения такого интегрального социально-личностно-поведенческого феномена, как образование в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих, и выступило понятие «компетентность».

Понятие «компетентность» имеет более широкое значение, чем понятия «знания», «умения», «навыки», традиционно используемые в методике преподавания иностранных языков. Оно включает в себя эти понятия и содержит не только когнитивную и операциональную составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую [1].

В результате расширения международных связей и обмена научно-технической информацией переводческий процесс рассматривается как многоаспектная деятельность, направленная на преодоление не только языковых, но и культурных барьеров. Перевод является видом коммуникативной деятельности, при которой переводчик выполняет важную социальную функцию посредника между двумя разноязычными и разнокультурными сообществами. Для выполнения этой функции важно обладать определенными знаниями, умениями и навыками, социокультурной осведомленностью, т. е. необходимой переводческой компетенцией, формируемой в процессе обучения иностранному языку.

Создание переводческой компетенции, под которой понимается умение извлекать информацию из текста на одном языке и передавать ее путем создания текста на другом языке, способствует всестороннему развитию личности будущих переводчиков: формирует у них внимательность и чувство ответственности, умение пользоваться справочниками и дополнительными источниками информации, умение делать выбор, быстро решать переводческие задачи, обнаруживать и сопоставлять лингвистические и экстралингвистические данные.

Студенты-магистранты и аспиранты неязыкового вуза – это потенциальные переводчики специализированных текстов, поэтому совершенно необходимым является формирование

переводческой, коммуникативной, культурологической компетенций у учащихся для того, чтобы каждый из них мог адекватно воспринимать информацию на иностранном языке, а также свободно передавать реалии русского языка в профессиональном плане, используя соответствующую иноязычную терминологию.

Кроме того, для учащегося высшей школы перевод является средством, овладение которым позволит более эффективно решать профессиональные задачи, получить доступ к новым информационным ресурсам, будет способствовать повышению той самой конкурентоспособности на рынке труда, расширит квалификационные возможности.

В последнее время в нашей стране одной из самых востребованных на рынке технологий становится профессия технического писателя (ТП). Это специалист, занимающийся документированием в рамках решения технических задач. Технический писатель создает различные типы документов: руководства, спецификации, описания, отчеты. Он занимается подготовкой руководств для пользователей, описаний программного обеспечения, справочников, технических руководств, а также обеспечивает поддержку в режиме реального времени. Обычно ТП считают специалистов, рассказывающих в регламентированных письменных текстах другим специалистам о технологиях [2].

В западно-европейских странах профессия ТП получила признание еще во время Первой мировой войны в связи с развитием военной авиационной промышленности. В 1953 году в США были основаны две организации, занимающиеся совершенствованием процесса распространения технической информации (technical communication). В 1957 году эти организации объединились в Общество технических писателей и редакторов (the Society of Technical Writers and Editors). В настоящее время это общество известно как Общество технической информации (the Society of Technical Communication). Общество технической информации (ОТИ) – это некоммерческая профессиональная организация, созданная с целью развития мастерства и навыков изложения технической информации. В него входят ТП, редакторы, веб-дизайнеры, художники-графики, авторы учебных курсов и другие специалисты, делающие информацию понятной для тех специалистов, которые будут с ней работать. Растущая потребность в технических продуктах обусловила развитие технической информации. То, что изначально использовалось только для создания и редактирования методик и инструкций, стало огромным информационным полем, а также средством анализа потребностей пользователей, потребительских свойств, создания методов дистанционного обучения и многого другого [2].

По данным министерства труда США, в должностной инструкции ТП говорится, что он должен в письменной форме готовить технические материалы, такие как инструкции на оборудование, приложения, руководства по техническому обслуживанию. Возможна помощь в подготовке схем.

В настоящее время ТП выполняет гораздо больший объем работы. Современные ТП должны «разрабатывать и проектировать образовательные и информационные средства, необходимые для обеспечения безопасного, надлежащего и эффективного использования науки и технологии, интеллектуальной собственности, а также произведенных товаров и услуг. Сочетать в себе мультимедийные знания и прочные коммуникационные навыки с техническими знаниями так, чтобы обеспечить обучение посредством полного спектра возможностей пользователя, его технических знаний, визуального и слухового восприятия» [3].

В России профессия ТП достаточно молода, ее даже нет в реестре Трудового кодекса, но спрос на специалистов в этой области намного превышает предложение. Довольно часто в обязанности таких специалистов входит разработка документации как на русском, так и на английском языке. Квалифицированный перевод технического документа на иностранный язык, его локализацию и редактирование могут выполнять только специалисты в предметной области с отличным знанием иностранного языка [4].

Представляется, что студенты-магистранты и аспиранты технических вузов, являясь специалистами высокого уровня в своей предметной области, могут стать ТП при условии отличного

знания иностранного языка. Формирование навыков и умений ТП видится перспективным направлением в рамках развития переводческой компетенции у студентов-магистрантов и аспирантов в техническом вузе.

Технический писатель трансформирует сложные технические концепции и инструкции и излагает их более простым языком, чтобы пользователи смогли выполнить поставленную задачу определенным образом. Для предоставления необходимой информации ТП должен понимать, кто является реципиентом информации, а также цели и конкретные задачи, решаемые этим реципиентом. Нацеленность на реципиента объясняет характерные особенности, присущие техническим документам, основная функция которых информационная. Технический документ содержит элементы научного, официально-делового и публицистического стиля [5]. Одним из навыков ТП должно быть умение работать над стилем, поэтому в рамках формирования переводческой компетенции необходима работа над текстами по одной тематике (на русском и английском языках), но различного стиля: публицистического, научного, официально-делового, разговорного. Выявление характерных особенностей каждого стиля является целью работы с такими текстами.

В качестве примера приведем тексты, касающиеся координатно-измерительных приборов швейцарской компании «Leica Geosystems» [6]. Ниже представлен материал из рекламной брошюры, в котором выделены элементы, относящиеся к публицистическому стилю: использование превосходной степени прилагательных, обращение к реципиенту информации с использованием местоимения второго лица, наличие оценочных прилагательных, а также разговорные конструкции. Такие языковые средства используются с целью заинтересовать потенциального клиента данной продукцией.

Whether building *the fastest* car, *the biggest* plane, or *the most precise* tooling, *you need* exact measurements to improve quality and productivity. *So when it has to be right*, *professionals trust* Leica Geosystem Metrology to help collect, analyze, and present 3-dimensional (3-D) data for industrial measurement	Создаете ли Вы самую лучшую машину, самый большой самолет или самое точное оборудование, для их безупречного качества и рабочих характеристик Вам не обойтись без самых точных измерений. Поэтому, когда все должно быть точно, профессионалы доверяют «Leica Geosystem Metrology» в области сбора, анализа данных и создания трехмерных представлений для промышленных измерений
Leica Geosystem Metrology is *best-known* for its broad array of control and industrial measurement products including laser trackers, Local Positioning Technology (LPT) based systems, hand-held scanners, 3D software and high-precision total stations. Those who use Leica Metrology products every day trust them for their dependability, the value they deliver, and the *world-class* service and support *that's second to none*	Компания «Leica Geosystem Metrology» известна своим широким спектром продукции для промышленных измерений и контроля, в том числе лазерными трекерами, приборами с технологией локального позиционирования (LPT), портативными сканерами, программным обеспечением для работы с 3D-данными и высокоточными тахеометрами. Те, кто пользуется метрологической продукцией «Leica» каждый день, привыкли доверять ее качеству и надежности, а также сервису мирового уровня и непревзойденному качеству поддержки пользователей
Precision, reliability and service from Leica Geosystem Metrology	Точность, надежность и сервис от «Leica Geosystem Metrology»

Отрывок из технического описания «Абсолютного трекера Leica AT401» изобилует узкоспециальными терминами, грамматическими конструкциями, используемыми в пассивном залоге, терминологической лексикой латинского происхождения, сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями. Это характерные черты научного (книжного) стиля, который используется для информирования об устройстве прибора и понятен узкому специалисту, работающему в этой области.

The Alidade	Алидада
The lower stand assembly (*alidade*) includes everything except the telescope. The design and development of this structure *exemplifies* the depth of Leica Geosystems and Hexagon Metrology. *Components* of this alidade *are shared* between the TS30 Surveying platform, the TPS6000 Metrology platform and now the AT401 laser tracker. All of these sensors share the same *0.5 arc second angular encoders*, the same *precision level* to *gravity sensor* and the same *advanced Piezo drive technology*. Although the individual *design criteria* are different, all of these sensors share the same need for an extremely sturdy alidade. In order to guarantee *0.5" accuracy* under very demanding conditions (changing temperatures, wind, rain, etc...) a new design and manufacturing process *was required* compared to *standard total stations.* The Alidade for these sensors *was designed* with all of these parameters in mind and *utilizes a low pressure casting technology*. This *"gravity fed" casting process* is slower and more costly than standard *die-casting technology* that is common in modern total stations, but is the only way to achieve the temperature stability and stiffness that *is required* by these ultra *high accuracy sensors.*	Нижняя часть (алидада) включает в себя все, кроме зрительной трубы. Проекты и разработки, касающиеся данного узла, подчеркивают серьезность работ «Leica Geosystems» и «Hexagon Metrology». Узлы данной алидады используются в платформе TS30 и TPS6000, а теперь и в лазерном трекере AT401. Все эти приборы оснащены одинаковыми угловыми датчиками 0.5 угловых секунд, прецизионным уровнем для привязки к горизонту (компенсатором) и усовершенствованной технологией пьезоэлектрических приводов. И хотя конструктивно приборы отличаются друг от друга, всем вышеперечисленным приборам необходима особо прочная алидада. Для обеспечения точности 0.5" в сложных условиях окружающей среды (перепады температур, ветер, дождь и т.д.) потребовались новая конструкция и технология изготовления тахеометров. Алидада для данных приборов была спроектирована с учетом всех вышеперечисленных параметров, с использованием технологии литья под низким давлением. В отличие от стандартной технологии литья под давлением, используемой в современных тахеометрах, процесс такого литья является более медленным и затратным, однако только он позволяет обеспечить температурную стабильность и жесткость, необходимую для данных высокоточных приборов.

Отрывок из «Краткой инструкции по эксплуатации абсолютного трекера Leica AT401» содержит короткие и понятные предложения с глаголами в повелительном наклонении. Этот текст – продукт деятельности ТП. Он предназначен для специалистов-метрологов, производящих измерения, нуждающихся в простых и понятных инструкциях о последовательности действий.

System Setup	Настройка системы
1. *Screw* tribrach onto the tripod. 2. *Attach* the Absolute Tracker AT401 to the tribrach and *insert* a GEB241 battery. 3. *Close* the locking lever to lock the sensor unit. 4. *Attach* the tribrach clamp and AT Controller 400 on one of the tripod legs and *insert* a GEB241 battery. 5. *Connect* the sensor cable and the external temperature sensor to the AT Controller 400. 6. *Connect* the sensor cable to the Absolute Tracker AT401.	1. Завинтите трегер на штативе. 2. Закрепите абсолютный трекер AT401 на трегере и вставьте аккумуляторную батарею GEB241. 3. С целью фиксации прибора закройте фиксирующий рычаг. 4. Установите зажим трегера и контроллер AT400 на одной из опор штатива, установите в контроллер аккумуляторную батарею GEB241. 5. Подключите кабель прибора и датчик внешней температуры к контроллеру AT400. 6. Подключите кабель прибора к абсолютному трекеру AT401.

Для того чтобы выработать навыки работы над стилем технических документов, предназначенных для широкой аудитории, имеет смысл делать упражнения по исключению из синонимического ряда стилистически неподходящих слов, составлять с заданными словами и выражениями микротексты по одной тематике, но различной стилистической окраски, редактировать тексты с точки зрения адекватности стилю.

К техническим документам предъявляется требование ясности и доходчивости изложения информации. Одним из ключевых умений любого специалиста по распространению технической

информации является четкость изложения. На официальном сайте ОТИ даются некоторые рекомендации ТП: «Следует избегать пассивного залога и конструкций, состоящих из длинных предложений. Необходим список сокращений, не стоит строить догадки о том, что знает, а чего не знает пользователь» [7].

В связи с этим будут полезны: упражнения по выбору из нескольких предложенных вариантов наиболее ясного и простого для понимания варианта перевода предложения с русского на английский язык; упражнения по исключению из микротекстов повторяющихся (тавтологических) элементов; упражнения по трансформации громоздких грамматических конструкций в более простые; деление сложных предложений на несколько коротких и ясных фрагментов.

Для текстов технической документации характерно использование большого количества терминов. Для перевода технических документов с русского на английский язык от ТП требуется умение составлять глоссарий – перечень узкоспециализированных терминов в определенной области знаний с соответствиями (эквивалентами) на двух и более языках.

Для формирования глоссария ТП следует воспользоваться авторитетными научными журналами, технической документацией (техническими описаниями, спецификациями и т. д.). Многие фирмы-разработчики выпускают так называемые фирменные официальные технические описания своих продуктов, технологий «whitepaper», их можно использовать для разработки и пополнения глоссария. Существуют также словари, создаваемые специалистами в некоторых областях промышленности, содержащие термины и определения на нескольких языках (например, словарь WANO для инженеров атомной энергетики). При составлении глоссария требуется умение пользоваться словарями, справочниками, онлайн словарями, сайтами ассоциаций переводчиков, иноязычными сайтами компаний-производителей.

Рассмотрим алгоритм составления глоссария по теме «Контрольно-измерительные приборы», воспользовавшись текстом из рекламной брошюры компании «Leica Geosystem Metrology» и текстом из технического описания «Абсолютного трекера Leica AT401». На первом этапе работы над составлением глоссария ТП следует перевести текст (устно или письменно), пользуясь справочной литературой, и выделить относящиеся к теме термины. Следующим этапом будет составление глоссария в виде таблицы, предпочтительно в электронном виде в формате Microsoft Word/Excel. Существительные следует вносить в таблицу без артиклей и окончаний, глаголы – без частиц, так как в дальнейшем они могут помешать автоматическому поиску необходимого термина. Представляется логичным расположение терминов в алфавитном порядке, что существенно облегчит процесс поиска этих терминов в дальнейшем.

3D software	программное обеспечение для работы с 3D-данными	*design criteria*	конструктивные данные
3-dimensional data	трехмерные представления	*die-casting technology*	технология литья под давлением
accuracy	точность	*drive*	привод
alidade	алидада	*exact*	точный
analyze	анализировать	*exemplify*	иллюстрировать
angular encoder	угловой датчик	*gravity sensor*	уровень привязки к горизонту
collect	собирать	*guarantee*	гарантировать
component	узел	*hand-held high-accuracy sensor*	портативный, переносной высокоточный прибор
control measurement	контрольное измерение	*high-precision total station*	высокоточный тахеометр
deliver	доставлять	*industrial measurement*	промышленное измерение
dependability	надежность	*laser tracker*	лазерный трекер

Продолжение таблицы

low pressure casting technology	технологии литья под низким давлением	*share*	делить, разделить
low stand assembly	нижняя часть прибора	*standart total station*	стандартный тахеометр
precise	точный	*stiffness*	жесткость, устойчивость
precision	точность	*sturdy*	прочный, крепкий
precision level	прецизионный уровень	*support*	поддержка
present	представлять	*tooling*	инструмент, прибор
reliability	надежность	*utilize*	использовать
require	требовать		

Также возможна тематическая группировка терминов.

high-accuracy
gravity } sensor

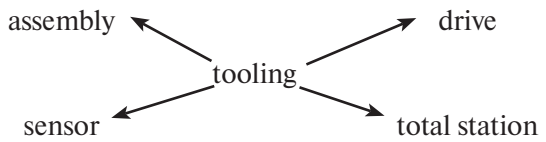
die-
low pressure } casting technology

high-precision
standard } total station

Другой способ организации глоссария – группировка терминов по частям речи, а также выделение целых фраз или предложений.

Прилагательные	Существительные	Глаголы
exact	accuracy	analyze
precise	dependability	collect
sturdy	precision	exemplify
	reliability	require
	stiffness	share

Существует вариант организации глоссария в виде различных схем (например, из одного термина исходит другой термин) и диаграмм (например, от понятия к набору частных).



На следующем этапе представляется необходимым составлять небольшие тексты на заданные темы. Полезными будут упражнения, в которых учащимся предлагается составить краткое и простое описание прибора, его устройства и условий эксплуатации.

Документы, составляемые ТП, являются регламентируемыми, т. е. при их написании автор руководствуется различными отраслевыми и промышленными стандартами. У таких документов должна быть жесткая структура: введение, основная часть, приложение. В качестве примера приведем содержание «Инструкции по эксплуатации абсолютного трекера Leica AT401»[6]:

Introduction
1. Description of the system.
2. Accessories.
3. Operation.
4. Check and adjust.
5. Care and transport.
6. Safety directions.
7. Technical data.
8. International warranty, software, license agreement.
9. Appendix.
10. Index.

Учащимся можно предложить самостоятельного выполнить задание – рассмотреть структуру нескольких документов на английском и русском языках, составить таблицу названий заглавий документов на двух языках.

На завершающем этапе можно составлять простые инструкции по эксплуатации бытовых приборов (например, написать инструкцию по эксплуатации электрического чайника) на русском языке с последующим обсуждением в группе и редактированием. Отредактированный текст следует перевести с русского на английский язык. Итоговым заданием, контролирующим объем и качество сформированных навыков и умений, может быть составление технического документа на русском и английском языках.

Основываясь на высказанных положениях, можно утверждать, что моделируемое образовательное пространство для развития умения составлять регламентированные тексты определенного стиля и переводческий глосса-рий характеризуется направленностью на овладение обучаемым учебными технологиями, формирующими его аналитические и корр-ектировочные умения, которые определяют информационную культуру обучаемого. Это означает, что обучаемый должен уметь осуществлять поиск релевантной информации по заданной теме, пользоваться справочной литературой, различными словарями, обра-батывать полученную информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Общеевропейские** компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка [Текст]. – М.: Изд-во МГЛУ, 2005.

2. **The Value** of Technical Communication [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stc.org/story

3. **What's** the difference between technical communicator and technical writer? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stc.org/story/tc_tw.asp

4. **Глаголев, В.А.** Перевод и легализация технического документа глазами специалиста по технической документации [Электронный ресурс] / В.А. Глаголев. – Режим доступа: http://www.authorit.ru

5. **Курилина, А.** Стиль технических документов [Электронный ресурс] / А. Курилина. – Режим доступа: http://www.tech-writer.ru/style/special

6. **Laser** Tracker Systems [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.leica-geosystems.com/en/Laser-Tracker-Systems_69045.htm

7. **Technical** Writer - Which Skill Sets are Important? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stc.org/story/skills.asp

УДК 803.0:659.123.1:802.0

О.И. Красавина, О.Г. Ветрова

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Прогресс науки и техники в области средств связи и передачи информации привел к взаимопроникновению цивилизаций и культур. Современный мир продолжает стремительно перестраиваться в процессе глобализации, происходит всемирная интеграция в экономической, политической, научной, экологической и культурной сферах.

Взаимодействие экономик и культур требует межъязыкового и межкультурного обслуживания, которое выражается во все возрастающей потребности в переводе и культурной адаптации. Для выполнения этой функции важно обладать определенными знаниями и навыками, а также необходимой переводческой компетенцией, формирующейся в процессе обучения иностранному языку.

В настоящее время не существует четкого определения **переводческой компетенции**. Данное понятие впервые было употреблено в 1976 году немецким ученым В. Уилсом [1, с. 7], который определяет переводческую компетенцию как:

• навыки, необходимые для переводческой деятельности;

• многокомпонентное явление, включающее владение компетенциями двух языков;

• сумму знаний двух языков;

• комплекс навыков говорения, слушания, чтения и письма.

По С. Кемпбеллу (1992) [Там же], переводческая компетенция предполагает:

• профессионализм во владении двух языков;

• психологические качества, такие как принятие решений и настойчивость.

Р.Т. Белл (1991) [Там же] определяет переводческую компетенцию как сумму знаний иностранного языка, видов текста, предмета обсуждения, навыков сопоставления, декодирования и преобразования текста. Переводческая компетенция охватывает знания грамматики, социолингвистики и дискурса.

А. Хуртадо [2] подразделяет переводческую компетенцию на лингвистическую, экстралингвистическую, текстовую, стратегическую, профессиональную и «компетенцию передачи» (*competencia de transferencia*), которую он описывает как «умение переходить с одного языка на другой, понимать текст оригинала и способность воссоздания его на другом языке без потери смысла». Согласно Хуртадо, «компетенция передачи» является основной компетенцей.

Стратегической компетенции дается следующее определение: «отдельные процессы, сознательные и бессознательные, устные и письменные, внутренние и внешние, используемые для решения задач в процессе перевода». А. Хуртадо подразделяет стратегические компетенции на стратегии:

• необходимые для понимания текста оригинала (умение распознавать различные типы дискурса, структуру текста, тип повествования, выделять основную мысль, делать логические выводы);

• переформулирования (умение перефразировать, интерпретировать);

• документирования (работа с двумя текстами параллельно, поиск информации в энциклопедиях, словарях и других документах, составление ссылок);

• памяти (данная стратегия имеет большое значение для переводчиков, предполагает использование техник для улучшения памяти, таких как создание образов и др.).

По определению В. Коллера, «переводческая компетенция – такая компетенция, которая позволяет человеку воспроизводить текст на иностранном языке в соответствии с определенными требованиями, так называемыми требованиями эквивалентности (*equivalence requirements*), данная компетенция качественно отличается от мастерства знания языка, таким образом, она отличается от лингвистической компетенции» [3].

М. Пресас (1997) указывает на то, что переводческая компетенция предполагает восприятие иностранного текста, заготовку плана перевода и воспроизведение перевода. В переводческую компетенцию он также включает «второстепенные или периферийные компетенции» (*peripheral competencies*): гибкость в переключении с одной системы кодов на другую, конфигурацию памяти, умение работать со словарями, документацией, знание предмета перевода [Там же]. Уилс, Коллер, Кемпбелл в отличие от Пресаса считают, что данные виды навыков и умений являются составляющими переводческой компетенции, и не выделяют их отдельно [1, с. 7], а Хуртадо относит их к составляющим стратегической компетенции [2].

Согласно В.Н. Комиссарову, переводческая компетенция включает в себя языковую, коммуникативную, текстообразующую, техническую компетенции, а также личностные характеристики переводчика.

Языковая компетенция представляет собой совокупность языковых средств, которыми пользуются члены языкового коллектива. Языковая компетенция предполагает знание связей, существующих между формами и значениями разных знаков.

Коммуникативная компетенция – способность переводчика к интерференции, формированию правильных выводов из речевых высказываний об их полном содержании или «смысле» на основе фоновых знаний.

Текстообразующая компетенция предполагает умение создавать тексты различного типа в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией общения, обеспечивать надлежащую структуру текста, использовать языковые единицы текста по правилам построения речевых единиц в языке, оценивать место и соотношение отдельных частей текста и воспринимать текст как связное речевое целое.

Техническая компетенция включает в себя специфические знания, навыки и умения, необходимые для выполнения данного вида деятельности.

Личностные характеристики, необходимые переводчику: психическая организация, умение сосредоточиваться, способность быстро переключать внимание, высокая эрудированность, собранность, работоспособность, скромность, тактичность и моральная этика [4, с. 329].

Как видно из приведенных выше определений, одни ученые (А. Хуртадо, М. Пресас, В.Н. Комиссаров) считают, что переводческая компетенция представляет собой комплекс компетенций, а другие (Р.Т. Белл, В. Уилс, В. Коллер) – набор характеристик.

Переводческая компетенция – это сложная и многомерная категория, включающая все те квалификационные характеристики, которые позволяют переводчику осуществлять акт межъязыковой коммуникации; способность к «переводческой» интерпретации исходного текста; владение технологией перевода; знание норм языка перевода; знание переводческих норм, определяющих выбор стратегии перевода; знание норм данного стиля и жанра текста.

Основные пути повышения профессионализма переводчика, по мнению Б. Климзо [5, с. 55], – обмен опытом, преодоление психологических барьеров и непрерывное самообразование. Всем переводчикам рекомендуется просматривать соответствующие журналы, чтобы приобрести навыки в использовании стиля научно-технической литературы (как русской, так и зарубежной), составлять удобные собственные словари и вести базу справочных данных.

Профессионализм современного переводчика во многом зависит от умений пользования ИТ (системами МТ и ТМ, справочными сайтами, электронными словарями), знаний новых инструментов коммуникации (программ быстрого обмена сообщениями), готовности приспосабливаться к новым условиям, постоянного совершенствования навыков и умений.

Индустрия переводов во всем мире за последнее десятилетие выросла в несколько раз. Изменился характер работы переводчика и требования к нему. В первую очередь изменения коснулись письменного перевода научно-технической документации.

Для современного переводческого процесса ключевое значение имеет автоматизация. Программные средства широко применяются в современной индустрии переводов и позволяют полностью или частично автоматизировать распознавание речи и текста; преобразовать различные форматы документов; извлекать термины из текста; управлять терминологией; создавать базы данных переводов; анализировать и проверять переводы.

Многие из перечисленных средств имеют решающее значение для правильной организации переводческого процесса. Применение **ТМ-технологий** (Translation Memory – база данных переводов) предполагает выявление в переводимом тексте фрагментов, переводы которых уже имеются в базе данных переводов. Это выявление получило название выравнивания, или сопоставления (*alignment*).

Фрагменты, оставшиеся непереведенными после выравнивания (сопоставления), передаются дальше для ручной обработки переводчику или системе машинного перевода (Machine Translation, MT).

Технологии машинного перевода (**МТ-технологии**) дают очень высокую производительность. Однако перевод зависит от контекста и различных коннотаций слов и словосочетаний. Не всегда возможно предоставить формализованный контекст вместе с текстом, поэтому автоматический перевод ограничен конкретными тематиками и почти всегда необходимо редактирование [6].

Принципиальное различие между двумя технологиями перевода заключается в том, что МТ-программы (*Online-переводчик компании ПРОМТ, Online-переводчик компании Google, Socrat*) рассчитаны прежде всего на любительский перевод, а ТМ-программы предназначены для использования только профессиональными переводчиками.

ТМ-технологии позволяют сократить объемы переводимого текста, увеличить скорость, обеспечить высокий уровень единообразия и качества перевода, работать с текстами в самых различных форматах. Однако скорость перевода определяется прежде всего скоростью перевода человеком, а также объемом совпадений. Если совпадений с сегментами в базе мало, то доля ручного труда очень высока. Поэтому в таких случаях существенным недостатком данной технологии является низкая скорость перевода. ТМ-технологии используются в программах *Concordance, Translation Manager, SDLX, OmegaT, WordFast, Trados* и др. [7, с. 58].

Система **Trados** – это специализированная программа для работы с базами данных, являющаяся достаточно удобной при работе с терминологическими словарями. Для каждого понятия можно указать термины в различных языках. Термины могут быть выборочно отсортированы по желанию пользователя. К примеру, для английского термина *«current»* пользователь может создать перевод по различным тематикам: в электронике – *сила электрического тока,* в технике – *поток, ход, ток*, в программировании – *исходное состояние*. Термин *«wheel»*: в технике – *вращение, ролик, колесо*, в строительстве – *ротор*, в авиастроении – *опора*, в автомобилестроении – *ручной маховик*. Данная программа позволяет отыскивать слова не только в их словарных формах, но и в других, например в другом падеже, а также находить словосочетания при измененном порядке слов.

Кроме терминов, программа Trados предлагает свободно-форматные текстовые поля (*text fields*) для внесения дополнительной описывающей информации: определения, примеры использования и т. д. Например, *a wheel* is:

• The steering device on a vehicle.
• A potter's wheel.
• A water wheel.
• A spinning wheel.
• *Games* A device used in roulette and other games of chance.
• A firework that rotates while burning.
• *Informal* A bicycle.
• An instrument to which a victim was bound for torture during the Middle Ages [8].

Программа Trados используется при переводе больших пакетов идентичных документов, например инструкций по эксплуатации и обслуживанию различного оборудования. При этом перевод часто осуществляется группой независимо работающих и живущих в разных регионах или странах переводчиков.

Другим примером использования ТМ-технологии является программа **Concordance** (в переводе с английского – «соответствие», «совпадение», «указатель, связывающий каждое словоупотребление со своим контекстом»). Данная программа превращает тексты электронного формата в своего рода базы данных. При поиске слова или фразы компьютер выдает примеры вариантов использования искомого слова (непосредственно перевод ключевого слова и/или его сочетание с другими единицами – предлогами и т. п.).

Например, при поиске термина *«gear»* программа выдаст следующий результат [9]:

1	On October 31, 200 police in riot	**gear**	dragged 48 Vietnamese out of the camp of Chi Ma Wan, injuring several children.
2	Foreign Office officials said uniformed men seen on television film wearing riot	**gear**	and carrying protective shields were correctional unit staff «on stand-by but they had « played no part in the evacuation.
3	They left the place as it was, picked up their	**gear**	and walked away.
4	He drove in low	**gear**	to the fork in the road and swung as close as possible to the entrance to the abandoned mine.

Программа Concordance строит соответствия с указанием контекста для каждого из слов, выполняет обработку текстов практически любых размеров. С ее помощью можно одновременно просматривать полный список слов, найденные соответствия и исходный текст, а также оригинальный текст. Наличие списка выбора и «черного списка» позволяет задать слова, которые должны быть включены или исключены из перевода. Существует также возможность подключить *stop list* – список слов, не относящихся к терминологии. К примеру, артикли, предлоги, общие слова (*little, large*). Concordance работает почти со всеми языками,

дает возможнсоть выбрать вариант сортировки слов: поиск фраз, учет расстановки слов при поиске, а также использовать регулярные выражения для поиска.

Главные недостатки данной программы – невозможность работы с форматами документов, отличных от текстового, и отсутствие систематизации списка сочетаемости слов [10, с. 14].

Владение информационными технологиями и автоматизированными средствами перевода является важной составляющей переводческой компетенции, включающей в себя языковую, коммуникативную, экстралингвистическую, текстообразующую и другие компетенции.

Полноценный перевод может быть выполнен только обладающим переводческой компетенцией квалифицированным специалистом в области науки или техники, с которой тематически связан исходный текст. Это означает, что, ориентируясь в своей узкопрофессиональнной сфере и владея терминологией, такой специалист должен обладать знаниями грамматики, лексики двух языков, знать в достаточной степени культуру обоих народов, учитывать экстралингвистические аспекты переводимого текста, решать сложные комплексные проблемы передачи не только информации, но и образности, недосказанности, множества разных оттенков языковых знаков оригинала, что позволяет судить о переводческой компетенции как о сложном или даже комплексном понятии.

Компетентный переводчик в отличие от машины-переводчика при выборе иноязычного эквивалента руководствуется большим количеством критериев. В их число входит не только значение каждого слова и смысл употребленных грамматических конструкций, но и понятие о ценности, новизне предлагаемой информации, возможность сжатия информации, использование стандартных формул, клише. Профессиональный переводчик может в зависимости от аудитории слушателей или читателей, которым предназначается перевод, внести в текст перевода поправки, разъяснения, замены, а также выдерживает определенный для конкретного жанра стиль изложения, строит эквиваленты отсутствующих в словарях терминов.

Использование интернет-технологий существенно облегчает работу переводчика и экономит время, позволяет ускорить процесс обмена информацией, оперативно решать возникающие проблемы по переводимому тексту. Однако ни одна из существующих электронных программ не способна предоставить качественный перевод без участия человека-переводчика, что делает актуальным обучение переводу представителей различных профессиональных направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Gutt, E.-A.** Challenges of Metarepresentation to Translation Competence [Text] / E.-A. Gutt. – Manchester: High Wycombe, 2000. – 13 с.

2. Электронный ресурс: http://www.educacion.es/redele/biblioteca/gamboa/capitulo2.pdf

3. Электронный ресурс: http://www.raco.cat/index.php/QuadernsTraduccio/article/view/70320/80555

4. **Комиссаров, В.Н.** Современное переводоведение [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М., 2002. – 424 с.

5. **Климзо, Б.** О качестве технического письменного перевода [Текст] / Б. Климзо // Мосты. – 2004. – № 1.

6. Электронный ресурс: http://www.logrus.net/publications/ru-publications/9.aspx

7. **Грабовский, В.Н.** Технология Translation Memory [Текст] / В.Н. Грабовский // Мосты. – 2004. – № 2.

8. Электронный ресурс: http://www.thefreedictionary.com/wheel

9. Электронный ресурс: http://www.lextutor.ca/

10. **Петров, В.А.** Применение программы Concordance для создания глоссария по специальности [Текст] / В.А. Петров, А.В. Гаврилова // XXXVII Неделя науки. Ч. XI. – СПб., 2008. – 172 с.

УДК 378.14 : 57

Л.И. Булавинцева

КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ БИОЛОГИИ

Становление гуманистической парадигмы в общественном сознании ведет к изменению подходов в организации различных видов деятельности. В науке и практической деятельности это проявляется в принятии ответственности за сохранение и развитие человечества и жизни на Земле. В образовании – в ориентации на развитие личности с качествами, важными для нее и общества.

Именно с гуманизацией образования связаны основные группы проблем в подготовке педагогических кадров в России. Различные аспекты изменения подготовки учителя в рассматриваемом направлении исследуются достаточно давно и глубоко (Е.В. Бондаревская, Л.М. Митина, Е.Л. Яковлева, Е.И. Рогов, Л.В. Сгонник, Ю.Г. Хлопков, Р.Х. Шайнарданов, Е.Н. Шиянов). Вместе с тем отмечается недостаточная разработанность содержания профессиональной подготовки и механизма проектирования личностно развивающего естественнонаучного образования (В.В. Краевский, Н.Г. Калиникова, Г.М. Анохина, Л.А. Прояненкова). Очевидна злободневность исследований в области методики преподавания, цель которых состоит в переводе теоретических положений гуманизации образования в способы практических действий учителя-предметника.

Особая актуальность совершенствования методической подготовки студентов-биологов связана со значением биологии как науки и учебного предмета. Биология занимает промежуточное положение между естествознанием и общественными науками, вступая в резонанс с теми и другими, являясь проводником гуманистических устремлений в другие естественные науки. Занятия по биологии должны учить милосердию, ощущению себя частью природы. Они как нельзя лучше подходят для становления человека, способного к сопереживанию, готового к свободному, гуманистически ориентированному выбору.

В теории и методике обучения биологии (И.Д. Зверев, Г.С. Калинова, А.И. Никишов, В.В. Пасечник, С.В. Суматохин, Н.Д Андреева, С.В. Алексеев, И.Н. Пономарева, В.П. Соломин, Е.Д. Грибенюк, М.И. Лахтина, Т.В. Рябова, В.Б. Мазо, Н.В. Малиновская, В.Г. Смелова, Т.Н. Юсько и др.) накоплен значительный потенциал для совершенствования методической подготовки учителя к проектированию гуманистически ориентированного образовательного процесса по биологии. Однако более детальный анализ ситуации позволяет выявить противоречия:

• между разработанностью теоретических основ гуманистически ориентированного образования и отсутствием методологии конструирования эффективных способов их воплощения в практической деятельности учителя биологии;

• необходимостью погружения студента-биолога в квазипрофессиональную деятельность по достижению целей гуманистически ориентированного образования и недостаточностью разработки методологических основ организации этой деятельности;

• требованиями перехода к личностно ориентированной модели построения учебно-воспитательного процесса в школе и необходимостью сохранения достижений предметного преподавания биологии.

Перечисленные противоречия свидетельствуют о своевременности поиска эффективных способов воплощения в практике преподавания биологии теоретических положений гуманизации образования и создания адекватной системы методической подготовки будущего учителя.

Методическая подготовка рассматривается нами как важная составляющая профессиональной подготовки, в рамках которой студенты осваивают способы решения профессиональных задач в формате преподаваемого предмета. Анализ показывает, что в специальной литературе идет разведение понятий «профессиональное образование» и «профессиональная подготовка». Процесс еще не завершен. Это естественное состояние при модернизации образования, сопровождающейся быстрым внедрением в практику результатов научных исследований.

Профессиональное образование, технология обучения специалиста (бакалавра, магистра) раскрывается через предмет деятельности, рассматриваемый как совокупность знаний о некотором фрагменте объективной реальности, отраженном соответствующим научным предметом. Профессиональная подготовка, технологии обучения профессии определяются через цель профессиональной деятельности [1]. Целью профессиональной подготовки учителя является подготовка к решению профессиональных задач.

Методическая подготовка как овладение способами решения профессиональных задач в формате преподаваемого предмета предполагает моделирование деятельности учителя биологии, чтобы будущие учителя овладели опытом решения профессиональных задач. Она не сводится к совокупности знаний (и умений) о некотором фрагменте объективной реальности, выступающих лишь средствам решения профессиональных задач. Необходимо проектирование инновационной методической подготовки студентов-биологов к преподаванию биологии в новой школе.

Для решения проблемы прежде всего необходимо с опорой на теоретические основы гуманизации образования разработать концепцию, задающую требования к целям, содержанию и структуре гуманистически ориентированной методической подготовки студентов-биологов.

Теоретические основы определены в исследованиях, выполненных в рамках личностно ориентированного (А.А. Бодалев, Е.В. Бондаревская, О.С. Газман, В.В. Сериков, И.С. Якиманская и др.), культурологического (В.В. Краевский, И.Я. Лернер, Е.О. Иванова, И.М. Осмоловская) и компетентностного (О.В. Акулова, И.С. Батракова, В.И. Байденко, В.А. Болотов, И.А. Зимняя, В.А. Козырев, Н.Ф. Радионова, А.П. Тряпицина, А.В. Хуторской и др.) подходов, дополняющих друг друга. При построении концепции гуманистически ориентированной методической подготовки мы исходили из интеграции названных подходов на основе решения общей проблемы и использования общих принципов. Все подходы нацелены на решение проблемы становления личности, готовой к гуманистически ориентированному выбору на основе создания условий для саморазвития. Поскольку личность – это самоорганизующаяся система, мы пришли к заключению, что интеграция возможна на принципах педагогической синергетики (субъектности познающего сознания, дополнительности, открытости учебной и воспитательной информации) при соблюдении условий запуска механизмов саморазвития [3].

Проведенное исследование позволило определить общую стратегию совершенствования методической подготовки студентов-биологов в контексте гуманистической парадигмы и сформулировать концепцию инновационной методической подготовки. Концепция методической подготовки представляет собой теорию в слабой версии науки и включает в себя основание, ядро, логику и следствия.

Основание. В основу концепции положена идея о том, что конечной целью школьного гуманистически ориентированного биологического образования должно быть создание условий для обретения личностью мировоззрения на основе равноценного освоения компонентов содержания образования.

При определении цели исходили из сущности гуманизации образования. В многообразии характеристик гуманистически ориентированного образования ключевым выступает положение о создании условий для саморазвития личности, способной к свободному гуманистически ориентированному выбору. Многолетние исследования убедили нас в том, что создание названных условий на уроках биологии связано с организацией учителем освоения учащимися знаний, умений, опыта творческой деятельности и эмоционально-ценностных отношений на высоком технологическом уровне. Равноценное освоение компонентов содержания образования создает условия для формирования мировоззрения. К названному обобщению привело сравнение представлений о мировоззрении и представлений об основаниях, следствием которых является достижение цели гуманистически ориентированного образования:

• с позиций педагогической синергетики – это развитие личностных структур сознания;

• с позиций культурологического подхода – это содержание образования, представленное знаниями, умениями, опытом творческой деятельности и эмоционально-ценностных отношений;

• в соответствии с основными положениями педагогической технологии Н.Е. Щурковой – это формирование: знаний – на уровне истины, отношений – на уровне идеи, умений – на уровне жизненного опыта;

• в методике обучения биологии общую гуманистическую направленность образовательного процесса Б.Д. Комиссаров связывал с единством деятельности по получению, применению и оценке знаний.

Все вышеизложенные представления изоморфны пониманию мировоззрения. В философии мировоззрение определяется как феномен сознания, обусловливающий линию поведения людей. А. Швейцер считал, что жизнь без мировоззрения представляет собой патологическое нарушение высшего чувства ориентирования [2, с. 16]. Наиболее общим в понимании мировоззрения является преставление о нем как о механизме иерархии мотивов, возникающем и действующем на основе знаний о мире, умений взаимодействовать с миром и отношений к миру (Р.А. Арцишевский, Ш.П. Балавадзе, Г.Е. Залесский, Р.С. Карпинская, Ю.А. Самарин, М. Хайдеггер, К.Г. Шалина).

В XX веке различные аспекты проблемы формирования мировоззрения школьников достаточно широко освещались в психолого-педагогической литературе (Н.А. Менчинская, Т.К. Мухина, Р.М. Рогова, В.А. Сухомлинский, Т.С. Тамбовцева, Г.И. Щукина). Много внимания этому вопросу уделено в методике преподавания биологии (Е.П. Бруновт, И.Д. Зверев, Б.Д. Комиссаров, В.Н. Максимова, А.Н. Мягкова, И.Н. Пономарева, Б.Е. Райков, С.В. Суматохин, К.П. Ягодовский). Чаще всего проблема рассматривалась с позиции направленного формирования.

В контексте гуманистической парадигмы меняется ракурс ее рассмотрения: точнее говорить не о формировании мировоззрения, а о создании условий для обретения мировоззрения самой личностью.

Условием, которое позволяет считать содействие формированию мировоззрения целью гуманистически ориентированного образовательного процесса по биологии, является проектирование учителем равноценного освоения компонентов содержания биологического образования. Принципиальная необходимость в проектировании возникает тогда, когда должен быть осуществлен «шаг развития», переход системы образования из одного состояния в другое [5].

Деятельность по проектированию процесса обучения биологии, создающую условия для формирования мировоззрения, мы считаем фундаментальной в профессиональной деятельности учителя, или основной, т. е. порождающей систему следствий. В содержательном плане под фундаментальной профессиональной деятельностью (ФПД) предлагаем понимать основную в данной профессии деятельность, ведущую к достижению запланированных результатов посредством организации всех видов деятельности вокруг поставленной цели. Содержание понятия ФПД определялось на основе рассмотрения определения терминов, входящих в круг понятия «фундаментальная профессиональная деятельность» («фундаментальный», «профессия», «деятельность»), и характеристики близких понятий («профессиональная деятельность», «фундаментальный опыт профессиональной деятельности», «фундаментальная деятельность»), содержащихся в специальной литературе (Н.А. Дука, С.Я. Казанцев, В.А. Сластенин, Н.А. Читалин) и словарях.

Источником выделения ФПД в профессии учителя биологии послужило положение о том, что профессия – это деятельность, обладающая собственной целью и имеющая собственные продукты, нормы, средства, в конечном счете детерминированные социальной функцией и технологией той сферы общественного производства, которую данная деятельность обслуживает [1]. Поскольку основной функцией, делегированной обществом учителю, является социализация личности через освоение содержания образования, проектирование равноценного освоения компонентов содержания образования, создающее условия для формирования мировоззрения, можно считать фундаментальной деятельностью учителя биологии.

В идеале высшая школа должна выпускать специалистов, полностью подготовленных к профессиональной деятельности. Поэтому выделение ФПД в качестве единицы методической подготовки и овладение ею студентами может быть важным фактором в становлении компетентного специалиста.

Ядро. В данной концепции ядром являются концептуальные положения, касающиеся

целей, содержания и *структуры* методической подготовки.

Цель и критерий эффективности методической подготовки студента к преподаванию биологии в контексте гуманистической парадигмы – это становление профессиональной компетентности, ведущее проявление которой способность к проектированию образовательного процесса по биологии, создающего условия для формирования мировоззрения, адекватного современной культуре.

В целом методическая подготовка направлена на формирование у студентов действенных методических средств осуществления гуманистически ориентированного процесса обучения биологии. К таким средствам отнесены структурные компоненты взаимосвязанной деятельности учителя и учащихся, обеспечивающие равноценное освоение компонентов содержания образования на основе:

• освоения знаний и умений в соответствии с этапами формирования понятий и умственных действий (знания и умения);

• учета наличия прямого и побочного продуктов познавательной деятельности и введений в исследования (опыт творческой деятельности);

• реализации принципов воспитания: ценности, амплификации, свободы выбора, «здесь и сейчас», субъектности (опыт эмоционально-ценностных отношений);

• реализации технологической карты воспитания и принципов научного познания (мировоззрение).

Способом приведения во взаимодействие методических средств и придания действенности методическому аппарату является метод проектирования. Результат методического проектирования – это описание отрезка процесса обучения (объект проектирования) с принципиальным обоснованием, моделью деятельности учащихся и планом деятельности учителя. Выделение объектов проектирования обусловлено необходимостью создания целостного образа гуманистически ориентированного образовательного процесса по биологии. Для названия объектов проектирования взят термин «методический объект», предложенный М.Г. Макарченко. В содержательном плане «методический объект» им рассматривается как средство реализации взаимосвязей между составляющими методической подготовки и представляет собой полную или частичную методическую обработку компонента школьного математического образования [4].

Не меняя сущности, мы вводим понятие «личностно-ориентированный методический объект». Такими объектами являются «учебный элемент урока», «урок», «экскурсия», «тема», «элективный курс», спроектированные с учетом равноценного формирования компонентов содержания образования.

Характеристики личностно ориентированного методического объекта:

• личностно ориентированный методический объект – это средство интеграции действий, направленных на равноценное освоение компонентов содержания биологического образования;

• методический объект нельзя предъявить так, чтобы все его характеристики сразу же были выражены достаточно подробно, его нужно изучать постепенно;

• методический объект изучается, разрабатывается и реализуется в квазипрофессиональной деятельности. Это позволяет студенту осмыслить его со всевозможных позиций: позиции учителя (он создает конкретный объект на бумаге и в действии), позиции учащегося (он, изучающий теорию и методику обучения биологии, должен обосновать все детали разработанного объекта) и позиции ученика (он подвергается воздействию объектов, разработанных товарищами);

• осмысление приводит к формированию целостного образа личностно ориентированного методического объекта, регулирующего сознательную целенаправленную деятельность будущего учителя;

• наращивание личностных смыслов образов личностно ориентированных методических объектов осуществляется не одноактно, а посредством учебных циклов в условиях изменения масштаба восприятия методического объекта.

Методология решения задачи проектирования учебно-воспитательного процесса по биологии, опосредующего формирование мировоззрения, является системообразующим началом конструирования *содержания* методической подготовки. Содержание разрабатывается с учетом инноваций в высшем образовании и современных представлений о сущности и закономерностях формирования всех компонентов содержания и целостного мировоззрения.

В системе многоуровневого высшего профессионального образования методическая подготовка реализуется как в педагогических вузах, так и в классических университетах. Вне зависимости от вуза, уровня подготовки студент должен быть готов к решению профессиональных задач, подчиненных цели гуманистически ориентированной школы. Поэтому необходимо выделение инварианта содержания для обеспечения гибкость методической подготовки в условиях вариативного образования.

Содержательным инвариантом является подбор профессиональных задач, направленных на решение проблемы равноценного освоения компонентов содержания образования и, как следствие, формирование мировоззрения; информация, необходимая для их решения; алгоритм решения задач. Процессуальным инвариантом – технология поэтапного формирования умения проектировать процесс равноценного освоения компонентов содержания образования по правилу: «от картинки действия – к инструкции для действия; от инструкции для действия – к реальному действию».

Структура методической подготовки представлена модулями, объединенными в дидактические циклы. Методическая подготовка предусматривает циклическое освоение методических объектов с постепенным расширением и углублением их восприятия, осмысления и применения. Учебный цикл включает: изучение изначального субъектного опыта студента, необходимого для проектирования; актуализацию необходимости изучения теории для проектирования методического объекта; этап пополнения субъектного опыта студента в процессе проектирования и реализации проекта.

Осмысление созданных студентами в квазипрофессиональной и учебно-профессиональной деятельности методических объектов обусловливает формирование готовности к осуществлению образовательного процесса по биологии в контексте гуманистической парадигмы.

Логику концепции составляют действия по построению системы методической подготовки, которые определены синергетическим подходом. Дидактические циклы строятся с соблюдением условий, необходимых для возникновения новых качеств личности с позиций педагогической синергетики (см. таблицу).

Следствия концепции – это модель гуманистически ориентированной методической подготовки как основа проектирования инновационной системы методической подготовки (см. рисунок).

Соответствие методической подготовки условиям, необходимым для возникновения новых качеств личности обучаемых

Условия	Особенности методической подготовки
Старая система должна находиться в кризисном состоянии, т. е. переживать критический момент, когда ее прежние структуры не могут справляться с требованиями новой ситуации	Имеющийся у студентов наличный объем информации недостаточен для решения профессиональных задач учителя в контексте новой парадигмы образования
Основной источник возникновения новых качеств заложен в самой системе, т. е. он внутренний. Однако для того чтобы запустить механизм самоорганизации, этот источник должен «подпитываться» извне	Для достижения критического объема информации, необходимого для проектирования студентом новых способов деятельности, выделяются содержательный и процессуальный инварианты подготовки
Новая структура в процессе эволюции и сопровождающих ее отклонений, случайностей должна самостоятельно «выжить», чтобы достигнуть должной устойчивости	Для обеспечения устойчивости деятельности по проектированию личностно ориентированного процесса обучения биологии предусмотрен самостоятельный перенос способов деятельности в новые ситуации
Гуманистическое взаимодействие возможно только тогда, когда оно выстраивается на основе ориентиров для совместного творчества, создающих внешнюю питательную среду для проявления внутренних источников саморазвития, а не только на основе привычных методов передачи знаний и формирования опыта поведения	Весь процесс обучения строится на фоне реализации совместных творческих проектов по формированию ценностного отношения к жизни во всех ее проявлениях

Цель: содействие становлению профессиональной **компетентности**, ведущее проявление которой способность к проектированию образовательного процесса по биологии, создающего условия для формирования мировоззрения

1-й дидактический цикл

Содержание: методология проектирования равноценного освоения компонентов содержания образования

Содержательный инвариант	**ФПД**	Процессуальный инвариант

Инновационная **технология** с элементами поэтапной интериоризации, учитывающая неоднородность продукта познавательной деятельности

Результат 1: накопление критического объема информации

Информация, полученная как прямой продукт познавательной деятельности	Информация, полученная как побочный продукт познавательной деятельности	Информация, полученная на основе рефлексии

2-й дидактический цикл

Содержание: проектирование равноценного освоения компонентов содержания образования в новых ситуациях

Технология сопровождения самостоятельной работы студентов

Результат 2: формирование методологической культуры

Осознание, формулирование и творческое решение педагогических задач	Конструирование и проектирование учебно-воспитательного процесса	Методическая рефлексия

Результат: становление компетентности учителя, способного грамотно решать профессиональные задачи обновленной школы

Модель методической подготовки

Динамичное, поступательное становление учителя биологии, компетентно решающего задачи проектирования гуманистически ориентированного образовательного процесса по биологии, можно ожидать с высокой долей вероятности при применении специальной системы методической подготовки, адекватной теоретической модели. Реализуемая нами методическая подготовка представлена двумя дидактическими циклами. Первый включает курс теории и методики обучения биологии, спецкурс «Проектирование гибких образовательных технологий», полевую и педагогическую практики. Второй представлен спецкурсом «Современные технологии обучения» и педагогической практикой на 5-м курсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Боровикова, С.А.** Психологическое обеспечение профессиональной деятельности [Текст] / С.А. Боровикова, Т.П. Водолазская, М.А. Дмитриева, Л.Н. Корнеева; ред. Г.С. Никифоров; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. – 152 с.

2. **Комиссаров, Б.Д.** Методологические проблемы школьного биологического образования [Текст] / Б.Д. Комиссаров. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.

3. **Кульневич, С.В.** Педагогика самоорганизации: особенности перехода к постнеклассической теории воспитания [Текст] / С.В. Кульневич // Изв. Рос. акад. образ. – 1999. – № 3. – С. 41–48.

4. **Макарченко, М.Г**. Формирование образов методических объектов как элементов профессионального контекста будущего учителя математики [Текст] / М.Г. Макарченко // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 10 (64). – С. 135–144.

5. **Школа**: проектирование развития образовательной среды [Текст] / под ред. П.И. Третьякова. – М.: Перспектива, 2010. – 328 с.

УДК 378.578

С.В. Казакова

ИЗУЧЕНИЕ АУДИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ

Инновационные процессы, происходящие в отечественном образовании, определяют потребность подготовки педагога нового образца, который способен действовать в изменившейся обстановке. В период перевода российского образования на новые государственные стандарты высшая педагогическая школа должна усовершенствоваться в области подготовки специалистов.

В педагогических научных исследованиях последних лет все чаще акцентируется внимание на необходимости широкого применения компетентностного подхода в сфере общего, среднего специального и высшего (профессионального) образования (В.И. Бондаренко, А.Н. Вербинский, Л.К. Гейхман, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, А.М. Новиков, А.В. Хуторская, С.Е. Шишов и др.). Учеными выделяются следующие ключевые компетенции в структуре педагогической компетентности:

• когнитивная (профессионально-педагогическая),

• психологическая (эмоциональная культура и психологическая зоркость),

• коммуникативная (культура общения и педагогический такт),

• риторическая (профессиональная культура речи),

• профессионально-техническая и профессионально-информационная,

• культурологическая (мировоззренческие установки, ценностные ориентации, нравственно-эстетические взгляды),

• мониторинговая культура.

О компетентностном подходе, формировании личности либо о необходимости формирования ключевых компетентностей говорится в целом ряде основных нормативных документов, регламентирующих деятельность общеобразовательных учреждений и высших учебных заведений на современном этапе (в частности, в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования, Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования).

Итак, можно констатировать, что компетентностный подход в настоящее время нашел широкое применение в различных областях науки и практики.

Модернизация отечественного образования выдвигает новые требования ко всем специалистам, в том числе и в сфере музыкального образования. В связи с вхождением в Болонский процесс встает задача изменения содержания образования, которое должно соответствовать таким новым требованиям, как компетентностный подход к подготовке специалистов в области музыкального образования (уровня бакалавров или магистров), реализация вариативности и междисциплинарности на основе индивидуально ориентированной технологии образовательного процесса. Для профессионального музыкального образования эта задача актуальна, поскольку уровень подготовки учителей музыки не всегда соответствует предъявляемым сегодня требованиям.

В соответствии с современными подходами в системе профессиональной подготовки учителя музыки возникает насущная потребность в коррекции содержания образовательных программ, чтобы они позволяли шире и полнее представить поле музыкальной культуры и возможности вхождения в нее детей и юношества.

Главная задача музыкального образования в школе – приобщение детей к музыкальной культуре. Это предполагает понимание школьниками языка музыкального искусства и владение навыками общения на этом языке, развитое музыкальное сознание и устойчивый музыкально-познавательный интерес, приобщение к мировым музыкальным ценностям и активное стремление обогащать собственный художественный опыт.

Чаще всего знакомство с музыкой у детей происходит стихийно. Музыка сопровождает человека постоянно, однако поток музыкальной информации им часто не контролируется и не осознается. Музыка в силу своей разнохарактерности и многообразия, минуя сознание, непосредственно воздействует на подсознательные и бессознательные процессы, влияет на психику и соматику детей, она способна как гармонизировать, так и усилить негативные проявления личности.

Формирование музыкальной культуры учащихся возможно при условии целенаправленной и систематической работы учителя музыки на уроках. Он способен ввести ребенка в мир звуков, научить его слушать, слышать и понимать себя и окружающих людей.

Современная педагогика музыкального образования обладает значительным потенциалом музыкального развития, образования и воспитания школьников. Однако становление музыкальной культуры учащихся невозможно без формирования их аудиальной культуры. На наш взгляд, совершенствование содержания профессиональной подготовки учителя музыки на уровне бакалавриата (4 года профессиональной подготовки) следует начинать со знакомства с феноменом аудиальной культуры и способами, формами и методами ее формирования у школьников.

Решение задач по формированию аудиальной культуры школьников вызывает острую потребность в подготовке специалистов высокой квалификации. Знание закономерностей аудиального развития детей и умение организовать учебный процесс так, чтобы ребенок научился слушать, слышать и понимать окружающий мир и себя в этом мире, чтобы взаимодействие ребенка с музыкой состоялось на более высоком уровне, являются важнейшими показателями профессионального мастерства учителя. Это может быть рассмотрено как важнейшая компетенция современного учителя музыки, на которую, в свою очередь, влияет теоретическая и практическая профессиональная подготовка.

Теоретическая часть подготовки будущих учителей музыки к формированию аудиальной культуры школьников, на наш взгляд, должна включать следующие компоненты:

1. Знакомство студентов с современными подходами в музыкальном образовании: гносеологическим, аксеологическим, акмеологическим, деятельностным и др.

2. Знакомство с предпосылками возникновения аудиальной культуры как педагогической категории и определением понятия «аудиальная культура».

3. Изучение структуры и содержания данного педагогического явления: основных структурных компонентов (эмоционально-ценностного, когнитивно-рефлексивного, деятельностно-практического); сущностных характеристик-критериев (эмоциональной отзывчивости как первой реакции ребенка на звуковой мир; познавательной активности, позволяющей не только воспринимать, но и осмысливать звуковую среду; способности субъекта реализовать в деятельности его ценностные установки); функций аудиальной культуры (человекотворческой, адаптационной, коммуникативной, информационной, знаково-семиотической, социализирующей, преобразующей, миромоделирующей, трансляционной).

4. Понимание соотношения понятий:

• «культура» (в широком смысле) – совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых людьми;

• «аудиальная культура» – совокупность материальных и духовных ценностей, связанных с восприятием и передачей звуковой информации;

• «музыкальная культура» (в широком смысле) – совокупность накопленных обществом ценностей музыкального искусства, а также деятельность людей и соответствующих учреждений по созданию, хранению, воспроизведению, распространению и использованию этих ценностей (А.И. Сохор, В.С. Цуккерман).

5. Определение места аудиальной культуры в системе общей культуры личности: «аудиальная культура» как компонент «культуры» шире «музыкальной культуры» и «речевой культуры». Она связана с восприятием и осмыслением всего спектра звуков (природных, бытовых, речевых, музыкальных и т. д.). Это более фундаментальный уровень. Без него не могут развиваться музыкальные способности ребенка.

6. Выделение основных компонентов аудиальной культуры. «Аудиальная культура» – интегрированное качество личности, в основе которого лежит способность человека воспринимать, интерпретировать и передавать шумовую, звуковую, речевую и музыкальную информацию. Из трех составляющих звуковой информации, лежащей в основе аудиальной культуры личности, – звук, речь, музыка – наиболее значимым является звук, входящий в состав слова и музыки и выступающий как универсальное средство общения между людьми, способ познания себя и мира, способ постижения окружающей звуковой среды, важной составляющей которой является музыкальное искусство.

7. Выявление взаимосвязи понятий:

• «аудиальное развитие» – в его основе лежит способность всех живых существ, в том числе и человека, принимать и перерабатывать звуковые сигналы из внешней среды, а также адекватно реагировать на них;

• «аудиальная среда» – под ней понимается целостное аудиальное поле, окружающее индивида и определенным образом воспринимаемое и интерпретируемое им;

• «аудиальная культура» – ее рассматривают как культуру восприятия, осмысления и интерпретации звуковой среды.

Профессиональная компетентность учителя предполагает использование знаний из разных отраслей науки.

Для формирования аудиальной культуры учащихся учителя музыки должны обладать знаниями в следующих областях науки:

1. Физика (раздел «Акустика» – учение о звуке). С точки зрения физики звук есть колебательные движения частиц упругой среды. Физическая акустика разграничивает звуковые параметры в соответствии с принятой системой общенаучных физических представлений о движении, энергии, пространстве, времени, массе, упругости, скорости и т. д. К основным физическим характеристикам звука физики относят частоту и интенсивность колебания. Исходя из представленных выше физических параметров, звуки подразделяют на высокие и низкие, громкие и тихие, продолжительные и короткие, слышимые и неслышимые, музыкальные и немузыкальные. Знания в области физики дают студентам общее представление о звуке, позволяют дифференцированно подойти

к шумам и звукам окружающей действительности, познать акустические основы музыки.

2. Биология (в частности, раздел «Биоакустика», которая изучает проблему восприятия звуков и их значение в мире животных). К наиболее известным подходам классификации звуковых сигналов, издаваемых и воспринимаемых животными, можно отнести: функциональный, экологофункциональный и классификацию, рассмотренную с точки зрения синтаксиса свойства последовательности звука (А.И. Константинов, А.С. Мальчевский, А.И. Мовчан, А.В. Панин, Г. Темброк). В соответствии с данными подходами предполагается, что звуки в жизни животных выполняют следующие функции: уведомляют о видовой или половой принадлежности партнеров, сообщают о возрасте и состоянии здоровья животного, предупреждают особей о неблагоприятных изменениях во внешней среде, уведомляют о занятости территории и т. д., т. е. помогают ориентироваться в пространстве, добывать пищу, увеличивать популяцию, реагировать на опасность, осуществлять простейшую коммуникацию. Сведения из области биоакустики помогут студентам сконцентрировать свое внимание на значимости шумов и звуков в мире живой природы; уяснить, что проявление звуковой активности у животных связано с процессом их адаптации и выживания. В мире животных, как и в человеческом обществе, звуки имеют определенную «ценность».

3. Анатомия и физиология слуха, которые изучают особенности строения слухового аппарата человека и механизмы звукового восприятия. Аудиальная система человека представляет комплекс органов-рецепторов, воспринимающих звуковую энергию и преобразующих ее в нервный импульс. Благодаря этому человек воспринимает сложные колебания давления как звуки. Владение информацией в области анатомии и физиологии слуха позволяет студентам уяснить специфику человеческого звуковосприятия, найти зависимость между строением аудиальной системы и возможностью «принятия» или «непринятия» звуковых сигналов.

4. Психология (раздел «Психоакустика»), исследующая законы звукового воздействия на человека. В отличие от физической акустики психоакустика изучает свойства звука, представляющие ценность в речи, музыке, восприятии различных звуков, с которыми человек встречается в природе, в быту: громкость, высота, тембр, длительность (продолжительность), пространственная локализация (В.А. Вахромеев, Е.В. Назайкинский, С.Л. Рубинштейн и др.). В зависимости от частоты колебания звуки делятся на слышимые и не слышимые человеком. Несмотря на то что некоторые звуки (инфразвуки, ультразвуки, гиперзвуки) не входят в границы диапазона слышимых звуков, их физическое и физиологическое воздействие на человека не прекращается. Оставаясь неслышимыми, инфразвуки, например, являются причиной неосознанного страха, беспокойства, раздражения, усталости.

5. Сонология, в основе которой лежит комплексное, всестороннее изучение звука как физического и психического феномена, а также как явления культуры и искусства (Дж. Михайлов). Комплексный подход к феномену звука позволяет исследовать его свойства как моделирующего механизма, отражающего многообразные процессы, происходящие в эволюции природы, развития человеческих обществ, акцентировать внимание на ценности звука для жизни человека.

6. Музыкальная психология. При изучении студентами данной науки следует обратить внимание на дифференциацию традиционно используемых понятий «восприятие», «музыкальное восприятие», «восприятие музыки». Под восприятием большинство ученых-психологов понимают процесс приема и переработки человеком различной информации, поступающей в мозг через органы чувств (А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев). «Восприятие музыки» – это прежде всего восприятие звуковых сигналов, как нечто слышимое и действующее на органы чувств (Е.В. Назайкинский). «Музыкальное восприятие» – прочувствованное и осознанное восприятие, направленное на постижение тех значений, которыми обладает музыка как искусство, как особая форма отражения действительности (Б.В. Асафьев, В.К. Белобородова, Е.Н. Назайкинский, Б.М. Теплов) [10].

Данные вопросы до сих пор в должной мере не учитывались в профессиональной подготовке учителя музыки.

Глубокого изучения требует вопрос, связанный с интонационной природой музыки: специфическое свойство, отличающее музыку от других видов искусств. Под интонацией большинство ученых-музыкантов понимает полиэлементное образование, где темброво-артикуляционные, громкостные, ритмические, темповые, звуковысотные параметры взаимодействуют друг с другом в устремленности к одному смыслу (Б.В. Асафьев, В.В. Медушевский, Е.А. Ручьевская) [11].

Важным является вопрос, связанный с информационной природой музыкального звука: «звук содержится в информации, и информация содержится в звуке» (Е.В. Назайкинский) [9]. Особенно с семиотической интерпретации музыкального языка (В.В. Медушевский, С.М. Мальцев и др.) [5].

С условиями аудиального развития детей как искусства слушать, слышать и понимать самого себя, окружающих людей, окружающий шумовой, звуковой и музыкальный мир можно познакомиться в трудах А.Ф. Лобовой [2].

Развитие профессиональной компетентности предполагает операционально-методический аспект: овладение наиболее эффективными методами работы по аудиальному развитию детей, формированию их аудиальной культуры. Среди них выделяются как традиционные методы музыкального образования: музыкального обобщения, размышления о музыке (Д.Б. Кабалевский), установления ассоциативных связей между музыкальными и зрительными образами, слуховой наглядности (Л.В. Горюнова), пластического моделирования (А.А. Пиличяускас), создания художественного контекста (Д.Б. Кабалевский), музыкальной импровизации (Н.А.Ветлугина, Г.С.Ригина), сопереживания (Н.А. Ветлугина, А.А. Мелик-Пашаев), так и современные методы аудиального и музыкального развития: моделирования художественно-творческого процесса (Л.В. Школяр); мелодического, ритмического, тембрового, вербального, пластического, графического фантазирования (А.Ф. Лобова) и др.

К авторским методам формирования аудиальной культуры школьников можно отнести следующие: «включения» в звуковую среду, звуковой импровизации, звукового сотворчества, гармонизации окружающей звуковой среды.

Важной стороной деятельности учителя музыки, позволяющей изучить способности каждого ученика и проследить динамику их развития, является педагогическая диагностика. Следовательно, необходимо познакомить студентов – будущих педагогов в области музыкального образования с основными принципами, формами и методами контроля за формированием аудиальной культуры младших школьников (принципы контроля – объективность, систематичность, наглядность), этапами проведения контрольной проверки (предварительный, текущий, тематический, итоговый контроль), современными методами диагностики, правилами разработки тестов и составления контрольных заданий, условиями проведения тестирования и использования теста в разных видах контроля, способами обработки результатов тестирования [3, 6, 7, 13].

Практическая часть подготовки будущих специалистов включает анализ содержания современных программ и методик по музыке с позиций возможностей каждой из них в формировании аудиальной культуры школьников:

1) программы по музыке для 1–4-го классов, разработанной Е.Д. Критской, Г.П. Сергеевой, Т.С. Шмагиной и направленной на осознание младшими школьниками роли музыки в повседневной жизни человека вообще, в своей собственной жизни и постижение своеобразия выражения в музыкальных произведениях чувств и мыслей человека [1];

2) программы по музыке для 1-го класса И.В. Кадобновой, В.О. Усачевой, Л.В. Школяр, в которой раскрываются безграничные возможности музыки в отображении внутреннего мира человека и окружающей жизни [8];

3) программы по музыке для детей 4–6 лет И.П. Манаковой и Н.Г. Салминой, в которой реализуется семиотический подход к анализу различных видов искусства, включая музыку: «формирование адекватного восприятия музыкального произведения возможно только через овладение музыкой как семиотической системой» [4, с. 5];

4) программы «Музыка на основе взаимодействия искусств» Н.Г. Тагильцевой, главной задачей которой является воспитание эмоциональной культуры первоклассников через

дифференцирование основных эмоциональных состояний ребенка, выявление формальной и содержательной общности музыки с различными видами искусства и жизнью, сравнение жизненных эмоций с художественными [12].

Несмотря на значимость вышеперечисленных программ в области формирования отдельных сторон аудиальной культуры, следует заметить, что в основе каждой из них лежит стремление приобщить учащихся к звуковой культуре человечества через музыкальное искусство, т. е. в большей степени каждая из них сориентирована на воспитание музыкальной культуры личности. На наш взгляд, начинать работу по формированию аудиальной культуры школьника следует с постепенного постижения ребенком звуков окружающего мира, а именно шумов и звуков, которые можно услышать дома или в школе; шумов и звуков города; шумов и звуков сельской местности, шумов и звуков природы; шумов и звуков, могущих выразить чувства и мысли человека (сигнальные, речевые музыкальные) и др. Эти и другие блоки были включены в основу авторской программы по формированию аудиальной культуры младших школьников. Главная цель ее – «научить ребенка слушать и слышать не только музыку, но и себя, и окружающий мир» [2, с. 37].

Таким образом, подход, основанный на компетенциях, широко и подробно изучается педагогическим сообществом. Компетенции являются основой образовательных стандартов нового поколения. В настоящее время компетентностный подход можно определить как своеобразный рычаг модернизации системы образования в России.

Предлагаемый нами путь – знакомство с таким явлением, как аудиальная культура, и обучение студентов способам ее формирования реализует поставленную задачу коррекции содержания музыкального профессионального образования, а введение подобного учебного курса в подготовку студентов музыкальных факультетов станет одним из шагов, реализующих компетентностный подход в сфере профессионального музыкального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Критская, Е.Д.** Музыка: 1–4 классы [Текст]: метод. пособие / Е.Д. Критская, Г.П. Сергеева, Т.С. Шмагина. – М.: Просвещение, 2004. – 207 с.
2. **Лобова, А.Ф.** Теория и практика музыкального воспитания в начальной школе [Текст]: учеб. пособие для педагогов / А.Ф. Лобова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2002. – 210 с.
3. **Мальцев, А.В.** Педагогическое тестирование [Текст]: учеб. пособие / А.В. Мальцев. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – 50 с.
4. **Манакова, И.П.** Дети. Мир звуков. Музыка [Текст] / И.П. Манакова, Н.Г. Салмина. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1991. – 256 с.
5. **Махлина, С.** Семиотика культуры и искусства [Текст] / С. Махлина. – 2-е изд., расш. и испр. – Кн. 2. – СПб.: Композитор СПб., 2003. – 340 с.
6. **Михалычев, Е.А.** Дидактическая тестология [Текст] / Е.А. Михалычев. – М.: Народное образ., 2001. – 432 с.
7. **Михеев, В.И.** Методы теории измерения в педагогике [Текст]: учеб. пособие / В.И. Михеев. – М.: Логос, 2003. – 64 с.
8. **Музыка**. Начальные классы [Текст] / И.В. Кадобнова, В.О. Усачева, Л.В. Школяр [и др.]; сост. Е.О. Яременко; ред. Э.Б. Абдуллин, Е.Д. Критская [и др.]; М-во образования РФ. – М.: Просвещение, 2002. – 161 с.
9. **Назайкинский, Е.В.** Звуковой мир музыки [Текст] / Е.В. Назайкинский. – М.: Музыка, 1988. – 254 с.
10. **Он же.** О психологии музыкального восприятия [Текст] / Е.В. Назайкинский. – М.: Музыка, 1972. – 383 с.
11. **Орлова, Е.М.** Интонационная теория Асафьева как учение о специфике музыкального мышления: История. Становление. Сущность [Текст] / Е.М. Орлова. – М.: Музыка, 1984. – 302 с.
12. **Тагильцева, Н.Г.** Воспитание эмоциональной культуры первоклассников на уроках музыки [Текст]: метод. пособие / Н.Г. Тагильцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал, гос. пед. ун-та, 1995. – 64 с.
13. **Челышкова, М.Б.** Теория и практика конструирования педагогических тестов [Текст]: учеб. пособие / М.Б. Челышкова. – М.: Логос, 2002. – 432 с.

УДК 378.147; 378.146

С.В. Калмыкова

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА В СРЕДЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ОБУЧЕНИЯ

В связи с постоянно возрастающими требованиями к уровню подготовки специалистов высшего профессионального образования необходимость изменения самой парадигмы образовательного процесса, ее концептуальной модели от «образования на всю жизнь» к «образованию через всю жизнь» стала очевидной. Смена парадигмы определяет основные тенденции развития современного образования, а именно: непрерывность, массовость, фундаментальность, индивидуализация и гуманизация, ориентация на компетентностный подход. Использование новых технологий позволяет в настоящее время организовать образовательный процесс на качественно новом уровне, значительно расширить формы и методы его организации. Одной из таких форм является дистанционное обучение. На основании определений, сформулированных А.А. Андреевым, Е.С. Полат, А.В. Хуторским [2, 5, 6], под дистанционным обучением мы будем понимать такую форму получения образования, когда взаимодействие преподавателя и студента, студентов между собой происходит на расстоянии с использованием средств информационно-коммуникационных технологий. *Дистанционная поддержка* образовательного процесса предполагает использование средств и методов, присущих дистанционному обучению, в традиционном учебном процессе вуза.

Преподаватели, получившие традиционную подготовку, не могут «с ходу» приступить к реализации инструментов дистанционного обучения в классическом образовательном процессе. Другая техника, новые возможности коммуникации, современные приемы управления требуют особой квалификации. Другими словами, необходим определенный уровень *информационно-коммуникативной компетенции* (ИКК) преподавателей, позволяющий им полноценно применять информационные и коммуникационные технологии в учебном процессе.

Используемая в исследовании система развития ИКК обусловливает создание *образовательной среды,* обеспечивающей возможность саморазвития ее участников и достижение высокой результативности учебного процесса. Такая среда названа в работе *средой дистанционной поддержки обучения* (СДПО).

Цель исследования – разработать и апробировать систему развития ИКК преподавателей при использовании средств и методов дистанционной поддержки обучения.

В качестве рабочей **гипотезы** выдвинуты следующие предположения:

1) результативное развитие ИКК преподавателей в СДПО возможно при обеспечении определенных педагогических условий, а именно:

– *организационных*, регламентирующих требования к структуре образовательной среды вуза и правила взаимодействия в ней; обусловливающих модели оценки результативности учебного процесса;

– *методических*, определяющих цели и задачи внедрения дистанционной поддержки обучения в образовательный процесс; содержащих рекомендации преподавателям по способам и методам результативного использования возможностей СДПО для различных уровней готовности субъектов учебного процесса и электронных учебных материалов; включающих методики оценки результативности учебного процесса;

– *мотивационных*, реализующих мероприятия, необходимые для повышения мотивации преподавателей как потенциальных участников СДПО и формирующие качественные изменения педагогической активности субъектов образовательного процесса;

2) результативность реализации системы развития ИКК зависит от эффективности реализации необходимых педагогических условий.

Современные теоретические исследования, касающиеся развития ИКК преподавателей

вуза, в нашем исследовании дополнены знанием о необходимости специальной подготовки, учитывающей специфику условий, в которых эта компетенция развивается. Предложенная *целостная* модель развития ИКК преподавателей в среде дистанционной поддержки обучения интегрирует условия, уровни и необходимые компоненты развития. Модель ИКК построена таким образом, чтобы способствовать формированию у преподавателей устойчивой мотивационной составляющей к анализу и совершенствованию используемого инструментария среды. Сформулированы критерии оценки и предложена методика оценки результативности деятельности преподавателя в учебной среде вследствие возросшего уровня ИКК.

Исходя из определения системы как совокупности множества частей, связанных и организованных между собой для достижения общей цели, под системой развития ИКК преподавателей в СДПО понимается целостная совокупность модели ИКК, уровневой структуры развития ИКК и необходимых условий, обеспечивающих достижение цели.

Проведенный анализ позволил выявить основные направления формирования дистанционной поддержки обучения в образовательной среде. Под образовательной средой в соответствии с определениями, данными А.В. Хуторским, В.А. Ясвиным и другими авторами [6, 7], понимается окружение обучающегося, способное обеспечивать его продуктивную деятельность, т. е. целостность специально организованных *педагогических условий* развития личности. В зависимости от конкретных условий: объема ресурсов, выделяемых на развитие среды, уровня оснащения аппаратно-программными средствами, количества учебных групп и общего числа обучающихся, разнообразия преподаваемых дисциплин и т. п., вопрос о структуре образовательной среды может решаться по-разному. Образовательное пространство с внедренными в него информационными технологиями мы называем *средой дистанционной поддержки обучения*.

На основании работ, в которых даются определения и рассматриваются различные компетенции и их компоненты (И.А. Зимняя, А.В. Хуторской и др.), введено понятие информационно-коммуникативной компетенции [3, 6]. *Информационно-коммуникативная компетенция* представляет собой синтез понятий информационной и коммуникативной компетенций. При этом под *информационной компетенцией* понимается следующее: знания, умения и навыки по самостоятельному поиску, анализу и отбору необходимой информации; навыки деятельности по отношению к ее организации, преобразованию, сохранению и передаче. Под *коммуникативной компетенцией* понимаются знания, умения и навыки взаимодействия с окружающими людьми как непосредственно, так и при помощи средств связи. Таким образом, ИКК – это сформированные умения по осуществлению результативного взаимодействия в образовательном процессе посредством информационных технологий. Уровень развития ИКК преподавателей должен позволять им эффективно организовывать работу обучающихся с использованием дистанционных технологий.

Общей стратегией развития ИКК преподавателей в СДПО является поэтапное формирование определенного уровня их ИКК. Необходимое условие его достижения – осознание преподавателем изменяющихся целей и задач образовательного процесса в СДПО в соответствии с современным уровнем развития информационных технологий.

В работе развитие компетенции рассматривается на трех последовательно усложняющихся уровнях (знания, умения, опыт). На каждом из них может быть достигнут определенный уровень сформированности ИКК. Разделение по уровням проведено в соответствии с общепринятым определением профессиональной компетенции, рассматриваемой как способности успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний при решении задач профессионального рода деятельности (рис. 1).

На рис. 1 стрелка обратной связи означает, что при изменении условий (например, при внедрении нового программного обеспечения), используя полученные знания, умения и опыт по работе в СДПО, преподаватель «наращивает» блок базовых знаний уже для новых условий и, скорее всего, более быстрыми темпами и более результативно начинает осваивать новые инструменты.

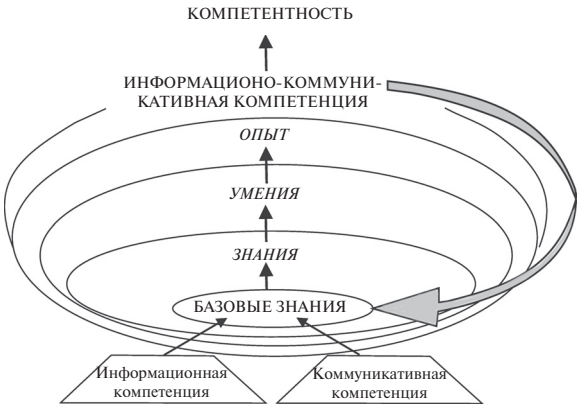


Рис. 1. Уровни развития ИКК

Разработанная модель ИКК представляет собой связанную систему целевого, деятельностного, концептуального и рефлексивного блоков (рис. 2).

Целевой блок развития ИКК позволяет осмыслить новые ценности и новую целевую направленность, связанную с педагогическим взаимодействием в среде дистанционной поддержки обучения.

Деятельностный блок предполагает формирование умений преподавателя по разработке учебных курсов, установлению взаимосвязей между ними, формированию междисциплинарных связей, организации групповой работы среди преподавателей и студентов, используя инструменты, предоставляемые средой. В соответствии с ориентирами целевого блока продуктивность деятельности анализируется через умения решать определенные педагогические задачи. Это требует от преподавателя конкретизации результатов, которые возможно получить, используя те, или иные инструменты среды.

Концептуальный блок отражает специфику развития ИКК в СДПО. Основными принципами ее являются открытость, динамичность, интегративность с другими средами. Эти принципы

Рис. 2. Модель ИКК

позволяют реализовывать адаптивность подачи материала в учебной среде и адаптивный подход к формированию ИКК преподавателей, имеющих различный начальный уровень знаний.

Рефлексивный блок формирует у преподавателей способность осознавать, производить анализ и изменять характер своей работы в СДПО в зависимости от того, какой уровень компетенции уже сформирован и какого уровня желательно достичь на данном этапе. Разработан набор критериев, позволяющий производить качественную и количественную оценку сформированной компетенции: адаптивности учебного материала в зависимости от уровня начальных знаний; оценки уровня взаимодействия; оценки привлекательности инновационных технологий; интегрирующий критерий оценки уровня достижений.

Необходимым условием развития ИКК является наличие у преподавателей определенного начального уровня подготовки, заключающегося в присутствии у него определенных компетенций: информационной и коммуникативной. Проведение оценочных мероприятий по определению начального уровня невозможно без выделения составляющих этих компетенций, способствующих формированию оценочных критериев. Анализ позволил выделить структурные компоненты этих компетенций (табл. 1).

В работе проведен анализ реализации требуемых для развития ИКК условий на различных уровнях, результаты которого приведены в табл. 2.

Таблица 1

Содержание структурных компонентов компетенций

Приложение компетенции	Компетенция	
	информационная	коммуникативная
Реальные объекты окружающей действительности, входящие в круг данной компетенции	Любые источники информации (книги, Интернет, СМИ и т. д.)	Любые «точки соприкосновения» в обществе (разговор по телефону, общение на улице и т. д.)
С какими знаниями связана данная компетенция	Знания в области информационных технологий, техники. Знания о разнообразии источников информации	Знания в области правил поведения, речевой, словарный запас. Умения в области общения (знакомство с посторонними людьми, умение вести дискуссию, поддержать разговор)
В каких способах деятельности проявляется освоение данной компетенции	Работа с любыми видами информации	Работа с людьми в любом ее проявлении (по телефону, через компьютер, очно)
На решение каких образовательных задач направлена компетенция	Самостоятельно находить необходимую информацию, применять и использовать полученные знания. Актуализировать уже имеющиеся знания	Умение работать в группе, владеть разными социальными ролями в коллективе, представлять себя, задавать вопрос, вести дискуссию
В каких предметах имеет наибольшее проявление	Информатика, предметы гуманитарного, экономического, управленческого цикла. Для большинства технических направлений важны постоянное обновление информации, и наоборот, информация о забытых технологиях	Гуманитарного цикла (управление, реклама и т. д.), экономического и естественнонаучного циклов (в том числе информатика), точные науки и т. д.
Каким должен быть минимальный уровень подготовленности, необходимый для освоения данной компетенции	Умение включить компьютер, Знакомство с операционной системой (интерфейс, структура дисков). Умение работать хотя бы в одном из редакторов и пользоваться сетью Интернет	Умение представиться, познакомиться, наладить контакт. Иметь представление о роли в коллективе

Таблица 2

Условия развития ИКК преподавателей в СДПО на различных уровнях (см. рис. 1)

Уровень	Условия		
	организационные	методические	мотивационные
Базовые знания	Использование компьютера для создания электронных материалов, организация очных лекционных и практических занятий	Наличие собственных курсов лекций, практических занятий, тестов в «традиционном» варианте	Желание расширить «диапазон» учебного процесса за счет интеграции различных технологий
Знания	Доступ к курсам, странице регистрации, базовому инструментарию среды	Материалы по изучению статических инструментов среды и внедрению их в учебный процесс	Демонстрация использования статического инструментария в учебном процессе, возможностей групповой работы над материалом
Умения	Реализация в СДПО инструментов «активного» взаимодействия преподаватель – студент. Поддержка возможности непрерывности учебного процесса	Материалы по изучению активных инструментов среды, внедрению их в учебный процесс, организации коммуникативного взаимодействия в среде	Демонстрация возможностей и проведение «пробных» коммуникативных занятий. Возможность создания своего «Учебного блока» в виде новой среды
Опыт	Функционирование СДПО в «полном объеме» (активен весь инструментарий, постоянное функционирование СДПО, как учебных, так и интегрирующих блоков)	Материалы по созданию собственных учебных сред, организации коллективной творческой работы инструментами СДПО при отсутствии визуального контакта с аудиторией	Желание расширить диапазон учебного процесса, внедряя информационные технологии в учебный процесс. Побудительным мотивом является изменение его результативности
Компетенция	Возможность организации собственного учебного пространства, наличие полного «функционала» СДПО в распоряжении преподавателей	Консультационная и техническая поддержка	Собственное видение организации учебного процесса на основании анализа получаемых результатов, не только своих, но и других работающих в среде преподавателей

При выборе программного обеспечения для реализации учебных блоков СДПО предпочтение было отдано Moodle (*Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment*) как наиболее популярной в мире системе [1]. Moodle обладает разнообразным инструментарием для представления учебно-методических материалов курса, проверки знаний и контроля успеваемости, организации индивидуальной и групповой работы.

Развитие ИКК преподавателей в СДПО включает в себя подготовку к использованию педагогического инструментария, предоставляемого этими программными продуктами на каждом отдельном уровне развития ИКК. В созданные методические рекомендации входят описание инструментария учебных блоков среды, советы преподавателям по использованию этого инструментария, методика междисциплинарного взаимодействия в среде. Описаны алгоритмы построения отдельных элементов курса, оценки тестовых заданий и оценки результативности учебного процесса. Во время подготовки раскрывается целевая направленность системы развития ИКК преподавателей в СДПО – повышение результативности учебного процесса и перевод его на качественно новый уровень за счет внедрения новых информационных технологий.

В процессе подготовки предусмотрено развитие способности преподавателя осуществлять необходимые действия по построению учебного курса поэтапно внедряя изучаемый инструментарий. Система развития ИКК преподавателей в СДПО включает пять взаимосвязанных этапов [4].

I этап предполагает знакомство с «философией», интерфейсом и основами взаимодействия с инструментами среды, а также проведение лекционных занятий, ориентированных

на вовлечение преподавателей в использование инструментария учебных блоков на основе Moodle. Демонстрируется возможность сочетания различных способов обучения, рассматриваются правила организации междисциплинарного общения в среде. Особое внимание уделяется теории построения так называемых метакурсов и метапорталов, позволяющих преподавателям организовать совместную работу над учебным материалом, рассматриваются различные способы организации этого взаимодействия в среде.

II этап отвечает за выработку навыков у преподавателя обеспечивать постоянное наличие учебных материалов в зоне доступности студентов и умение сочетать эту доступность с традиционным учебным процессом.

III этап ориентирован на овладение преподавателями активными методами обучения, а именно организацией чатов, форумов, семинаров и др., используя информационные технологии, предоставляемые средой.

IV этап позволяет преподавателю научиться создавать банки данных вопросов и на их основе формировать разноуровневое тестирование, реализуя тем самым эффективные механизмы обратной связи, получая возможность варьирования учебного материала в зависимости от познавательных способностей студентов. Реализация этих механизмов с использованием педагогического инструментария среды позволяет преподавателю с минимальными временными затратами объективно проверять знания достаточно большого количества студентов, создавать кумулятивную систему оценки. Инструменты, предоставляемые средой, позволяют ему формировать тесты с высокой степенью надежности.

V этап предусматривает освоение преподавателями элементов среды, реализующих программированное обучение. Это позволяет варьировать учебный материал в зависимости от реакции обучаемого, строить смешанную (линейную, концентрическую, спиралевидную) модель обучения. Совмещение традиционного обучения с возможностями, предоставляемыми средой, позволяет существенно увеличить объем информации, передаваемой студентам на занятиях, качественно изменить систему ведения самого занятия. На этом же этапе происходит ознакомление преподавателей с новыми (к этому моменту) возможностями среды.

Полученные результаты коротко можно сформулировать так:

1. Сегодня в среде насчитывается более 5 тыс. пользователей (2 года работы среды). Их активность в среде достаточно высока: как показывает журнал активности, сайт за день посещает **около 600** студентов. Они не только просматривают материалы, но и выполняют задания, участвуют в тестах и опросах, что также можно посмотреть в журналах активности.

2. Уровень подготовленности студентов оценивался сравнением показателей ЭГ, обучающейся с использованием СДПО, и КГ. Количество испытуемых в группах – 26 человек (две учебные группы) обучались без использования среды и 26 человек (две учебные группы) использовали среду.

Студенты ЭГ сдали экзамены успешнее (на 34 % больше «5», на 27 % меньше «2»), чем студенты групп, не использующих среду. Это говорит о качественном улучшении учебного процесса.

3. Уровень сформированного взаимодействия преподавателей в среде демонстрируют следующие показатели: из работающих в среде преподавателей 27 человек (37,6 %) реализуют совместную работу над одним и тем же курсом. Метакурсы, включая дочерние, реализованы четырьмя преподавателями (5,6 %).

4. Статистика используемых сегодня элементов среды:

Название элемента или ресурса курса	Количество	Название элемента или ресурса курса	Количество
OpenMeetings	1	Опрос	34
Scorm	1	Пояснение	395
Wiki	10	Рабочая тетрадь	48
Анкета	13	Ресурс	**3661**
База данных	13	Семинар	9
Глоссарий	72	Тест	**280**
Задание	**360**	Форум	**400**
Лекция	86	Чат	12

Экспериментальное исследование показало рост ИКК преподавателей в сформированной СДПО, а это влечет за собой рост успеваемости студентов.

Таким образом, путем переориентации преподавателей традиционной школы на разумное сочетание в образовательном процессе классических и дистанционных технологий обучения можно значительно повысить его эффективность. Считаем, что предложенная система повышения ИКК преподавателей в реализованной СДПО позволяет в кратчайшие сроки достичь максимального результата и повысить мотивационную заинтересованность преподавателей в использовании современных технологий в учебном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Learning** Management System Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.moodle.org, http://docs.moodle.org/ru/Философия (дата обращения 29.12.2009).

2. **Андреев, А.А.** Теория и практика дистанционного обучения в России [Текст]: монография / А.А. Андреев, Ж.Н. Зайцева, С.Л. Лобачев, В.И. Солдаткин, В.П. Тихомиров. – М.: МЭСИ, 2001 – 510 с.

3. **Зимняя, И.А.** Иерархическо-компонентная структура воспитательной деятельности [Текст] / И.А. Зимняя // Воспитательная деятельность как объект анализа и оценивания. – М., 2003. – 166 с.

4. **Калмыкова, С.В.** Работа преподавателя в среде Moodle [Электронный ресурс] / С.В. Калмыкова, А.И. Сурыгин. – Режим доступа: http://moodle.spbstu.ru/course/view.php?id=161 (дата обращения 25.05.2010).

5. **Полат, Е.С.** Современные педагогические и информационные технологии в системе образования [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 050706 (031000) – Педагогика и психология, 050701 (033400) – Педагогика / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина; рец. С.А. Бешенков, М.В. Моисеева. – М.: Академия, 2007. – 366 с.

6. **Хуторской, А.В**. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm (дата обращения 10.02.2010)

7. **Ясвин, В.А**. Образовательная среда: от моделирования к проектированию [Текст] / В.А. Ясвин. – 2-е изд. – М.: Смысл, 2001. – 368 с.

УДК 378.147: 802.0

Т.Е. Клец

ОБУЧЕНИЕ ДИСКУССИОННОМУ ОБЩЕНИЮ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Современные геополитические и экономические изменения в обществе, расширение международных профессиональных контактов значительно повышают требования, предъявляемые к выпускникам неязыковых вузов в области практического владения иностранным языком. В настоящее время стала очевидной потребность в квалифицированных специалистах, имеющих высокий уровень подготовки по иностранному языку и обладающих способностями осуществлять эффективную профессиональную деятельность в условиях диалога культур на основе гуманистических и демократических принципов коллективного взаимодействия.

Стратегическая цель профессионально ориентированной языковой подготовки студентов технического вуза – формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности (ИПКК), необходимой для квалифицированной информационной и творческой активности специалистов в их

профессиональной деятельности. Под ИПКК мы понимаем интегративное качество личности, выраженное в способности осуществлять культурное и профессиональное общение в контексте другой языковой и культурной среды и характеризующееся наличием совокупности компетенций, которые формируются в процессе моделирования в учебном процессе иноязычной профессиональной деятельности будущих специалистов.

Подчеркнем, что особенностью обучения иностранному языку в неязыковом вузе является профессиональная направленность языковой подготовки студентов – обучение их профессиональному, деловому общению как неотъемлемой составляющей профессиональной деятельности специалиста.

Под деловым общением понимают «межличностную зону профессиональной коммуникации» [1, с. 14]. Оно направлено на организацию и оптимизацию того или иного вида предметной деятельности: научной, коммерческой, производственной. Кроме того, деловое общение на иностранном языке является непременным условием существования международного профессионального сообщества и охватывает все аспекты его деятельности и психологии [5]. Обучение иноязычному профессионально ориентированному общению имеет целью как развитие навыков и умений иноязычного общения, так и моделирование определенных аспектов будущей профессиональной деятельности.

При организации группового учебного общения в профессионально ориентированном контексте целесообразно придерживаться основных положений интерактивного подхода как разновидности коммуникативного и личностно-деятельностного подходов к иноязычному обучению. Основываясь на положении о том, что в современной педагогической психологии и методике преподавания иностранного языка сотрудничество как совместная деятельность всех субъектов образовательного процесса принимается в качестве одной из определяющих основ обучения, мы можем констатировать, что интерактивное обучение наиболее приемлемо в профессионально-образовательном процессе технического вуза.

Отличительная особенность обучения в интерактивном режиме – организация образовательного процесса как личностно-ориентированного взаимодействия преподавателя и обучаемых, в основе которого лежит принцип диалогичности, максимально обеспечивающий благоприятные условия для реализации личностного потенциала всех участников образовательного процесса с учетом их индивидуальных особенностей и предшествующего опыта.

Анализ научных исследований, посвященных реализации интерактивного обучения в вузе (работы Т.Ю. Аветовой, Б.Ц. Бадмаева, Н.В. Баграмовой, Л.К. Гейхман, Т.Н. Добрыниной, М.В. Кларина, Е.В. Коротаевой, Е.Л. Рудневой и др.), свидетельствует, что в настоящее время педагоги-инноваторы осваивают интерактивные формы обучения, основанные на диалоговых технологиях. Исследователи рассматривают диалог как одну из базовых технологий личностно ориентированного образования, истоки развития которого заложены в идеях диалоговой концепции культуры М.М. Бахтина, где диалог определяется основной формой межличностного общения [2].

Приняв позицию, согласно которой диалог, дискуссионное общение есть цель и единственно возможный способ бытия, мы полагаем, что применение учебной дискуссии как одной из форм иноязычного обучения в интерактивном режиме является одним из перспективных направлений в конспекте современной гуманистической парадигмы высшего профессионального образования (ВПО).

Дискуссию в обучении стали более широко применять в последние десятилетия, в период демократических перемен в обществе и в системе ВПО, когда стал возможен и ценен плюрализм мнений в различных областях общественной жизни [4]. По мнению В.А. Сластенина, «проявлением этой тенденции является широкое использование диалогических форм обучения – бесед, обсуждений, дискуссий» [6, с. 202].

Исследователи рассматривают создание диалогической среды, диалогического образовательного пространства в качестве одной из наиболее важных задач, стоящих перед ВПО (М.М. Бахтин, С.В. Белова, В.С. Библер,

М. Бубер, Е.О. Галицких, В.В. Горшкова, М.С. Каган, М.В. Кларин, Л.М. Лузина и др.). Диалогическая образовательная среда влияет на выбор правил общения и способов поведения студентов. Данный выбор определяет манеру общения и стиль поведения, которые в дальнейшем проявятся в межличностных и деловых контактах будущих специалистов [3].

Таким образом, диалогические формы обучения, востребованные в современном процессе обучения иностранному языку, способствуют развитию у обучающихся ответственного отношения к культуре родного языка и языков международного общения.

Учебная дискуссия как подготовленный обмен мнениями на заданную тему является наиболее конструктивной формой аргументированного общения, которая приближается к естественному общению. Способность аргументировать формирует познавательную активность студентов, развивает рече-мыслительную деятельность, творческое и критическое мышление, «диалектический подход к общественной жизни» (Ю.К. Бабанский, Г.Г. Почепцов, В.А. Сластенин, А.М. Стояновский).

Мы рассматриваем дискуссию (от лат. discussio – исследование, рассмотрение, разбор) как публичное обсуждение или свободный вербальный обмен знаниями, информацией, идеями, мнениями по поводу какого-либо спорного вопроса или проблемы в соответствии с определенными правилами и с участием всех или отдельных участников данной формы коллективного творчества.

Программные требования к обучению иностранным языкам в неязыковом вузе предусматривают, что студенты должны овладеть навыками публичной речи, уметь вести беседу и участвовать в дискуссии, требующей предварительного сбора и систематизации фактов, критикуя позицию оппонентов в споре и отстаивая свою позицию с помощью развернутой аргументации. Более того, в перечне квалификационных требований, содержащихся в федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования уровней бакалавриата и магистратуры (ФГОС ВПО) владение навыками общения в области профессиональной деятельности на иностранном языке и навыками ведения дискуссии на научные, исторические, философские и производственные темы определяется как обязательный результат освоения дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла.

Данные требования к выпускнику вуза продиктованы необходимостью сформировать у молодых специалистов высокий уровень коммуникативной компетентности, включающей не только знание иностранных языков, способов взаимодействия с окружающим миром, но и навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе. Важными условиями современных производственных отношений являются возможность множества точек зрения, свободное их выражение, организация понимания, рефлексии и критики.

Таким образом, будущему специалисту – выпускнику технического вуза необходимо овладеть коммуникативными навыками общения, взаимопонимания с другими специалистами, иметь развитое коммуникативное мышление.

Как показывает практика, у обучающихся реальный уровень владения устноречевыми аргументированными умениями в диалогическом общении как в родном, так и в иностранном языке остается невысоким. Студенты не умеют правильно выделять предмет обсуждения, предъявлять его, выступать в качестве оппонента в споре, отстаивать и аргументировать свою точку зрения, убеждать собеседника.

Принимая во внимание вышеизложенное, мы полагаем, что применение учебной дискуссии как одной из форм иноязычного обучения в интерактивном режиме может служить эффективным средством активизации рече-мыслительной деятельности студентов, формирования социально-психологической наблюдательности, освоения навыков социальной кооперации, расширения и углубления знаний межличностного общения, обеспечения обратной связи в образовательном процессе. Как отмечает С.Д. Смирнов, «дискуссии обычно имеют более сильные последствия в форме поисковой или познавательной активности за счет эмоционального толчка, получаемого в ходе дискуссии» [7, с. 200].

На наш взгляд, диалогическая модель обучения иностранному языку, реализуемая в учебной дискуссии, имеет значительные преимущества

перед системой традиционного лингвистического обучения в неязыковом вузе, поскольку позволяет создать комфортное коммуникативное пространство для развития личности каждого студента.

В системе интерактивного обучения иностранному языку в неязыковом вузе учебная дискуссия рассматривается как метод и как особая технология. Как неимитационная интерактивная педагогическая технология принятия коллективного решения в ситуации полемического взаимодействия учебная дискуссия включает в себя другие методы и приемы обучения, например «мозговой штурм», синектику (модель группового решения проблемы на основе метафорического мышления), ролевые игры, «воображаемые ситуации» и др. В качестве метода дискуссия является непременным атрибутом любой интерактивной педагогической технологии (кейс-технологии, т. е. технологии анализа конкретных проблемных ситуаций, деловой игры, социально-психологического тренинга, проектной деятельности).

Итак, можно утверждать, что в сравнении с иными формами разговорной практики групповая дискуссия представляет собой квинтэссенцию всех видов дискуссионного обсуждения.

Проблема дискуссии как разновидности устной публичной полемической речи и как средства обучения освещается как в зарубежных, так и отечественных исследованиях (Ch. Brumfit, B. Davis, K. Johnson, A. King, C. Livingstone, D. Nunan, W. Rivers, P. Ur, Е.С. Аргустанянц, Е.С. Большакова, М.Л. Вайсбурд, Н.Н. Дианина, М.В. Кларин, Л.П. Коблова, М.А. Ковальчук, С.А. Ламзин, Р.П. Мильбуд, С.А. Милорадов, Е.С. Полат, Г.Г. Почепцов, А.В. Шадрин и др.).

Анализ научно-методической литературы, посвященной проблеме обучения дискуссии как средству прогрессирующего развития диалогических умений, позволяет нам констатировать, что в традиционной отечественной дидактике дискуссия рассматривалась как одна из возможных форм обучения, но специально не разрабатывалась как педагогический инструментарий преподавателя иностранного языка в техническом вузе. Несмотря на глубокий психологический анализ возможностей диалогового взаимодействия в обучении (Л.С. Выготский, Н.Д. Гальскова, И.А. Зимняя, Б.В. Ломов, А.Ф. Лурия, А.М. Радаев и др.), дискуссия как средство формирования ИПКК студентов инженерных специальностей требует основательного рассмотрения. В ходе проводимого исследования мы пришли к выводу, что преподаватели испытывают значительные трудности при организации коммуникативно-познавательного процесса в рамках дискуссионного общения в группе. Отмечается стихийность и непоследовательность реализации технологии диалогового взаимодействия, на занятиях мало времени уделяется коллективной коммуникативной деятельности студентов. Эпизодичность применения дискуссионных форм обучения снижает положительный эффект в развитии профессионально ориентированных умений общения, который мог бы возрасти, если бы дискуссионные занятия стали ключевыми, системообразующими элементами обучения иностранному языку при условии формирования у студентов технического вуза базового уровня владения иностранным языком.

В процессе исследовательской деятельности нами был проанализирован методический опыт преподавателей в техническом вузе. Выяснилось, что у многих из них отсутствуют необходимые компетенции и опыт работы с применением интерактивных технологий. Внедрение технологий дискуссионного общения в педагогическую практику для многих преподавателей остается сферой передового педагогического опыта.

Мы полагаем, что недостаточная научная обоснованность концепции обучения интерактивному общению в форме дискуссии как одному из компонентов языковой подготовки студентов неязыковых специальностей свидетельствует об актуальности и научной значимости исследований в этой области, а активная педагогическая проработка технологии обучения дискуссионному общению на иностранном языке является сегодня объективной необходимостью.

Решение задач по формированию навыков и умений дискуссионного общения мы видим в системной организации этого процесса, а именно в построении модели обучения иноязычному дискуссионному общению. В основе этой модели должны лежать основные принципы

компетентностного и интерактивного подходов к обучению, среди которых следует выделить:

• принцип коммуникативной направленности обучения;

• принцип учета индивидуально-психологических особенностей и личностных качеств обучающихся;

• принцип коллективного взаимодействия;

• принцип диалогического общения субъектов образовательного процесса;

• принцип профессиональной направленности (моделирование в обучении содержания, форм и условий профессиональной деятельности специалистов);

• принцип проблемного изложения учебного материала;

• принцип рефлексивности обучения, который подразумевает сознательное и критическое осмысление результатов обучения со стороны преподавателя и студентов;

• принцип единства обучения и воспитания личности профессионала.

Целью обучения дискуссионному общению в вузе мы считаем развитие не только умений логического мышления и аргументации, общих коммуникативных умений, но и умений, связанных с процедурной стороной общения, т. е. цель – научить студентов эффективно реализовывать на практике все стороны общения (коммуникативную, интерактивную, перцептивную) в их совокупности. Предлагаемая модель обучения дискуссионному общению включает в себя следующие взаимосвязанные компоненты: 1) целевой (формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности); 2) мотивационный, учитывающий учебные, познавательные и профессиональные мотивы; 3) содержательный, включающий систему языковых знаний, тематический материал, коммуникативные навыки и умения и систему упражнений; 4) процессуальный, содержащий методы, формы и средства обучения; 5) контрольно-оценочный, предусматривающий все виды контроля и самооценки (рефлексии) студентов.

Главными особенностями методики обучения дискуссионному общению являются целенаправленность, упорядоченность и обусловленная содержанием самоорганизация участников образовательного процесса. Преподаватель занимает диалогическую позицию и выступает в роли организатора, фасилитатора и эксперта процесса учебной деятельности.

В структуру обучающей модели мы включаем три уровня развития дискутивных умений: коммуникативно-репродуктивный, коммуникативно-активный, коммуникативно-интерактивный. Система упражнений представляет собой поэтапное продвижение через комплексы соответствующих упражнений (от языковых и условно-коммуникативных к коммуникативно-интерактивным и творческим). Это, на наш взгляд, является необходимым условием развития дискутивных умений для решения проблемной задачи в ходе направляемой или свободной дискуссии.

Модель дискуссионного обучения рассматривается нами как дидактическая система, направленная на формирование вторичной языковой личности, способной вступать в равноправный диалог с представителями других культур и обладающей всеми необходимыми для этого компетенциями. В ходе обучения дискуссионному общению происходит развитие ИПКК, сочетающей лингводидактические и социально-психологические компоненты как определенный набор компетенций (лингвистической, социокультурной, социолингвистической, дискурсивной, стратегической и социальной). Причем это развитие происходит за счет включения межкультурной и интерактивной составляющих, которые связаны с комплексным, качественным изменением личности – освоением сотрудничества и становлением толерантности и эмпатии. Все это делает дискуссионное обучение важнейшим элементом в процессе формирования личности выпускника вуза.

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что большой психолого-педагогический потенциал в плане развития и воспитания студентов, а также лингводидактические преимущества групповой дискуссии, когда в центре внимания обучающихся находится содержание речи и совместная деятельность, а не языковые правила, наиболее полно отвечают целям профессионально ориентированного обучения иноязычному общению. Дискуссионные формы обучения ориентированы на свободное развитие личности выпускника вуза, проявление творческой инициативы и в итоге повышают конкурентоспособность и мобильность будущих специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Астафурова, Т.Н.** Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Т.Н. Астафурова. – М., 1997.– 47 с.

2. **Бахтин, М.М.** Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1997. – 224 с.

3. **Кларин, М.В.** Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследований игры и дискуссии [Текст] / М.В. Кларин. – Рига, 1995. – 176 с.

4. **Ковальчук, М.А.** Дискуссия как средство обучения иноязычному общению [Текст]: метод. пособие для преподавателей иностр. яз. / М.А. Ковальчук. – М.: Высш. шк.; Науч.-образоват. центр «Школа Китайгородской», 2008. – 144 с.

5. **Макар, Л.В.** Обучение профессионально ориентированному общению на английском языке студентов неязыкового вуза [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л.В. Макар. – СПб., 2000. – 21 с.

6. **Сластенин, В.А.** Педагогика: инновационная деятельность [Текст] / В.А. Сластенин, Л.С. Подымова. – М.: Магистр, 1997. – 224 с.

7. **Смирнов, С.Д.** Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов / С.Д. Смирнов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2005. – 400 с.

УДК 371.9:371

Н.Ю. Корнеева

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Одной из актуальных социально-педагогических и демографических проблем современного российского социума является включение людей с ограниченными возможностями в общество. Актуальность этой проблемы объясняется многими обстоятельствами, сложившимися в современной России.

Численность детей-инвалидов с физическими, интеллектуальными, психическими и сенсорными отклонениями среди населения страны неуклонно возрастает. Если в 1995 году число детей-инвалидов в России составляло 453,7 тыс. человек, то к 2010 году оно возросло до 780 тыс. человек, что составляет 2,8 % детского населения. Ежегодно в России рождается 50 тыс. детей, признанных инвалидами с детства. В Челябинской области численность детей-инвалидов составляет 8,4 тыс. человек, т. е. 1,4 % от общей численности детей области. Все это свидетельствует о том, что в условиях перехода к рыночным отношениям в российском обществе активизировались неблагоприятные объективные условия и субъективные факторы, негативно влияющие на демографическую ситуацию. Во многих регионах ухудшается экологическая обстановка, растет травматизм, ухудшается здоровье населения, особенно женщин репродуктивного возраста. Кроме того, переход на платные медицинские услуги, трансформация жизненного уклада россиян, смена ценностных ориентаций и культурно-нравственных устоев общества позволяют предположить, что в этих условиях тенденция к увеличению численности инвалидов может сохраниться и в ближайшие годы.

Актуальность нашего исследования определяется также характерным для всего мира процессом гуманизации отношений между всеми элементами социальной структуры общества. Поэтому создание оптимальных условий для успешной адаптации детей-инвалидов является важнейшей социально-экономической и

политической задачей всех государственных и общественных структур.

В современном российском обществе наблюдается не только стабильное сокращение числа трудоспособного населения, но и сохраняется тенденция ухудшения его качественного состава на фоне роста инвалидизации детей и молодежи, что становится ощутимым ограничением экономического развития страны. В связи с этим решение основных социально-педагогических проблем детей и подростков с ограниченными возможностями, в том числе их обучение и трудоустройство, позволит во многом изменить не только положение этой группы людей в обществе, сформировать определенный уровень социокультурной толерантности к ним, но и стабилизировать трудовые ресурсы страны [3].

Современное российское законодательство, формирующее определенный уровень толерантности к людям с ограниченными возможностями, отвечает общепризнанным международным стандартам и имеет гуманистическую направленность. В России создается и функционирует сеть реабилитационных учреждений, школ-интернатов, центров социальной помощи семье и ребенку-инвалиду, спортивно-адаптивных школ для инвалидов и т. д. Тем не менее существующая государственная система реабилитации детей с ограниченными возможностями недостаточно эффективно решает их социальные и образовательные проблемы и требует разработки нового подхода.

Для повышения эффективности решения социальных проблем детей-инвалидов необходим пересмотр подходов к явлению детской инвалидности согласно сложившейся в регионах ситуации, с учетом их индивидуальных потребностей и типов семьи, видов инвалидности и других факторов. Формирование и развитие социального и трудового потенциала детей с ограниченными возможностями, их активное участие в жизни общества могли бы способствовать дальнейшему развитию экономики страны и ее стабильному функционированию.

В настоящее время накоплен достаточно богатый опыт по исследованию детской инвалидности во многих отраслях научного знания, в том числе и социально-экономической. Особое внимание уделяется анализу причин возникновения детской инвалидности и изучению проблем их адаптации к условиям социума.

Известно, что социализация представляет собой сложный процесс усвоения индивидом господствующих в обществе норм, правил поведения и ценностей, формирования у него качеств личности, активного субъекта социального взаимодействия в обществе. Теоретическими источниками исследования в этой области являются: теории когнитивного развития Ж. Пиаже и психологического анализа З. Фрейда, основанного на уравновешивании подсознательных порывов и сознания в процессе социализации ребенка; исследования М. Мид по воспитанию детей; концепция матернальной депривации Э. Гидденса; психология социализации Н. Смелзера; феноменология А. Шюца; теория«обобщенного другого» Дж.Г. Мида, согласно которой ребенок начинает осознавать себя через то, как другие ведут себя по отношению к нему, и постепенно приходит к пониманию «обобщенного другого», общих ценностей и культурных норм [2].

На основе решения коллегии Министерства общего и профессионального образования РФ от 9 февраля 1999 года № 3/1 «О психолого-педагогической и социальной реабилитации лиц с ограниченными физическими возможностями здоровья в системе образования» стала развиваться сеть учреждений НПО с адаптивной средой для выпускников коррекционных образовательных учреждений. К сожалению, профессиональное образование этой категории граждан пока не получило в нашей стране должного развития, что ограничивает их социальную защищенность и мешает решению проблемы их социализации.

Зарубежный опыт убеждает нас в том, что отстранение инвалидов от полноценного участия в общественной жизни и трудовой деятельности не только негуманно, но экономически нецелесообразно.

Сегодня выпускники коррекционных школ, специальных школ-интернатов обучаются различным профессиям и специальностям в ПТУ и колледжах.

По данным статистики, значительное число учащихся с ограниченными физическими возможностями здоровья не получает профессионального образования, поэтому актуализируется проблема профориентации и консультирования

учащихся специализированных учреждений общего образования, детских домов, интернатов, формирования у них готовности получать начальное и среднее профессиональное образование.

Большая часть таких детей, получив образование в специальных школах-интернатах или специальных группах колледжей, имеет повышенный риск деградации по следующим причинам:

• узкий круг общения (семья, интернат, сообщество инвалидов); особенности воспитания окружающего мира и определения в нем своего места; страх выхода за рамки сложившегося сообщества (глухих, слепых и др.);

• отсутствие в обществе культуры отношения к таким подросткам, а у них – коммуникативного опыта в новой для себя среде;

• ограниченные конкурентные возможностями в сравнении со здоровыми сверстниками;

• специфические сложности, определяемые патологией;

• заниженная самооценка на фоне ярко выраженного потребительства [3].

Указанные причины являются основанием для появления проблемы социализации и полноценной трудовой реабилитации данной категории молодых людей.

В настоящее время в учреждениях профобразования учащиеся с ограниченными физическими возможностями здоровья (62 % – с нарушениями в психическом развитии, 19 % – нарушениями слуха, 8 % – нарушениями опорно-двигательного аппарата, 11 % – нарушениями зрения, речи и прочими заболеваниями) обучаются по 19 профессиям НПО и 21 специальности СПО, в том числе по таким, как токарь, слесарь механосборочных работ, швея, портной, повар, мастер отделочных и строительных работ и др.

Перечень профессий и специальностей довольно широк, однако далеко не всегда они престижны и хорошо оплачиваемы, не говоря уже о трудностях передвижения инвалидов по городу, общения и неадекватном восприятии обществом.

Одной из главных проблем социальной поддержки этих подростков наряду с обучением является трудоустройство. Так, из 1500 выпускников учреждений профобразования в возрасте от 18 до 23 лет, состоящих на социальном патронаже в учреждениях социальной защиты населения, около 400 (28 %) нигде не работают. Это тоже следствие отсутствия коммуникативного опыта

Профессиональное обучение выпускников коррекционных школ может быть организовано по нескольким вариантам.

1. **Обучение в специальных (коррекционных) училищах,** что позволяет обеспечить качественное обучение большого числа учащихся с ограниченными возможностями. Эффективность функционирования таких училищ можно повысить за счет оснащенности образовательного процесса специальным оборудованием, привлечения квалифицированных специалистов, в том числе дефектологов, психологов и педагогов, владеющих технологиями специального образования.

Но, на наш взгляд, переводя выпускников из одного коррекционного учреждения в другое, пусть другого образовательного уровня, нельзя предотвратить их изолированность от здоровых детей, что сводит к минимуму все попытки изменить отношение к ним общества, работодателей и ограничивает возможность адаптироваться в социуме.

2. **Обучение в специальных (коррекционных) группах обычного училища** (интегративное учреждение НПО), обеспечивающее возможность использования в подобных группах специальных технологий, доброжелательные отношения со здоровыми детьми, приобретение выпускниками коррекционной школы не только профессиональных, но и социальных, коммуникативных навыков, участие вместе с другими обучающимися в различных конкурсах, спортивных мероприятиях, совместное прохождение производственной практики. Все это вместе взятое стирает грань между разными категориями учащихся, создает высокий уровень психологического комфорта.

3. **Совместное обучение с учащимися, имеющими нормальное физическое и умственное развитие.** Этот вариант позволяет учить ограниченное количество таких детей, в противном случае резко снижается общий темп обучения, что влечет за собой невозможность освоения профессии остальными учащимися

в установленные сроки. При этом возникает риск отторжения учащихся с отклонениями в развитии другими членами группы.

Инклюзия в образование составляет актуальное направление российской социальной политики: и по количеству проблем, которые сходятся в теме интеграции, и по необходимости осуществить мероприятия по усилению механизмов интеграции людей в образование.

Статусная позиция детей с ограниченными возможностями определяется наличием социальных барьеров со стороны общества, замедляющих процесс их социализации и включения в социум, маргинализацией этой группы населения. В этой связи актуальной является проблема адаптации детей с ограниченными возможностями к реалиям современной России.

Основной целью профессионального обучения учащихся с ограниченными физическими возможностями является формирование прочных базовых знаний, умений и навыков, позволяющих в дальнейшем адаптироваться (интегрироваться) в обществе. А их профессиональная подготовка, по нашему мнению, должна рассматриваться как основа социально-педагогической поддержки, позволяющая достигнуть и поддерживать оптимальный уровень самостоятельности и жизнедеятельности.

Учебный процесс строится на следующих принципах: педагогического оптимизма; коррекционно-компенсирующей, социально-адаптирующей направленности обучения; деятельностного подхода к обучению и воспитанию; дифференциации и индивидуализации; специального педагогического руководства [1].

Принимая на обучение учащихся с ограниченными физическими возможностями, сталкиваются со следующими проблемами: несоответствие профилей обучения в специальных (коррекционных) школах профессии, которую получают их выпускники в лицее; отсутствие необходимого учебно-программного материала; недостаточная нормативно-правовая база; подготовка специалистов, способных обучать этих подростков; медико-психолого- педагогическое сопровождение.

Практика показывает, что не каждый преподаватель может работать с такими учащимися, эффективно организовывать учебный процесс, добиваться ощутимых результатов и изменения их поведения в освоении профессии, не у всякого педагога или мастера хватает готовности, эмоционально-психологической устойчивости, толерантности во взаимоотношениях с учащимися. Часто трудно найти контакт, наладить доверительные отношения, управлять ситуацией, находить нестандартные приемы в решении конкретных задач.

Таким образом, для того чтобы обеспечить доступность качественного профессионального образования для каждого учащегося с ограниченными физическими возможностями в соответствии с его потребностями, необходимо реализовать следующие направления:

1. Совершенствование нормативно-правового обеспечения профессионального образования инвалидов. Необходимо закрепить в законодательстве вариативные условия для реализации права на образование всех категорий инвалидов с учетом особенностей их развития, включая организацию интегрированного образования. Это касается требований к созданию универсальной безбарьерной среды обучения инвалидов, включая, в частности, учебно-методическую и материально-техническую базу, кадровое обеспечение, а также систему психолого-медико-педагогического сопровождения обучающихся с нарушениями развития.

2. Совершенствование существующих моделей организации образовательного процесса для учащихся с ограниченными физическими возможностями, обеспечивающих получение качественного образования всеми лицами этой категории. Необходимо создание системы федеральных инновационных площадок в области профессионального образования инвалидов, в рамках реализации мероприятий по развитию инновационной инфраструктуры в сфере образования. Такие инновационные площадки смогут фактически выполнять функции ресурсных центров, осуществляющих координацию и организационно-методическое обеспечение развития инновационной деятельности образовательных учреждений, реализующих программы профессионального образования инвалидов. При этом такие федеральные площадки целесообразно создавать по различным направлениям, в том числе по разным уровням профессионального образования, типам

образовательных учреждений, по разным категориям нарушений развития и заболеваний обучающихся.

3. Модернизация образовательной информационной среды для получения профессионального образования инвалидами. Под этом подразумевается развитие информационных, в том числе дистанционных, образовательных технологий в сфере профессионального образования инвалидов. Для инвалидов, желающих получить профессиональное образование, вопрос о возможности обучения в дистанционной форме является не менее, если не более, актуальным, чем для детей, получающих общее образование на дому.

4. Совершенствование кадрового обеспечения образовательных учреждений, реализующих программы профессионального образования инвалидов.

5. Разработка современных моделей профессиональной реабилитации выпускников образовательных учреждений профессионального образования из числа инвалидов. Известно, что даже получение качественного профессионального образования не является гарантией последующего трудоустройства инвалида. Необходимо обеспечить создание эффективной системы трудоустройства инвалидов, получивших профессиональное образование, координацию деятельности в этом направлении органов и учреждений образования, службы занятости, службы медико-социальной экспертизы, объединений работодателей и других заинтересованных структур.

Примеры эффективного решения этой проблемы имеются. Например, в Челябинском государственном университете за период с 1998 года выпущено более 200 студентов-инвалидов, из них трудоустроено более 80 %. Красноярский государственный торгово-экономический институт с 2002 года окончили около 100 студентов-инвалидов, более 90 % из них трудоустроено (в среднем в России трудоустраивается около 20 % инвалидов). В соответствии с Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» одной из форм гарантий трудовой занятости инвалидов, способствующих повышению их конкурентоспособности на рынке труда, является резервирование рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов. В связи с этим актуальным представляется определение примерного перечня наиболее востребованных на современном рынке труда профессий, рекомендуемых для инвалидов с учетом специфики нарушений их развития (в том числе профессий, получение которых возможно в дистанционной форме).

Основная задача на этом направлении нашей деятельности сформулирована Д.А. Медведевым в его выступлении на заседании Совета при Президенте по делам инвалидов 7 апреля 2009 года: «Мы просто обязаны, – подчеркнул Президент, – создать нормальную систему образования для инвалидов, чтобы дети могли обучаться среди сверстников в обычных общеобразовательных школах и с раннего возраста не чувствовали себя изолированными от общества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Борисова, Е.М.** Индивидуальность и профессия [Текст] / Е.М. Борисова, Г.П. Логинова. – М.: Маяк, 2005. – 80 с.

2. **Буякас, Т.М.** Процесс обучения как диалог между профессиональным и личностным становлением [Текст] / Т.М. Буякас // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 2007. – № 2. – С. 69–77.

3. **Социальная** работа с инвалидами [Текст] / под ред. Е.И. Холостовой, А.И. Осадчих. – М.: Изд-во АПО, 2008. – 280 с.

УДК 53 (075.6)

В.В. Ларионов, Е.В. Лисичко, Е.И. Постникова

ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО СТАНДАРТА ДЛЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Инженерное образование является ведущим фактором в социально-экономическом развитии и мощным интеллектуальным и духовным ресурсом любого государства. Формирование у будущего инженера устойчивого методологически мотивированного и ориентированного интереса к обучению физике, умения востребовать и использовать ее научное содержание в качестве методологического, экспериментального и технологического средства инженерной внедренческой деятельности – актуальная задача в наступившем XXI веке. Несмотря на потребность общества в специалистах, способных использовать современные физические методы исследования в своих областях деятельности [1, 5], существующий стандарт обучения физике в техническом университете не способствует формированию таких специалистов. Требуется методологическая направленность учебного процесса по физике, поддержка эксперимента, связь содержания образования с наукоемкими технологиями, существенно расширяющими тематику исследований, проводимых студентами. Необходимы более конкретный стандарт и соответствующая модель применения ИКТ в обучении физике, учитывающие формирование творчества выпускников технических университетов, организацию самостоятельной учебно-исследовательской работы студентов младших курсов, отражающую внедренческий характер будущей профессиональной деятельности. Поставленная задача может быть выполнена при тщательно отобранных стандартах обучения и соответствующем мониторинге на уровне нового подхода к существующим дидактическим единицам физики.

В качестве одного из вариантов создания нового стандарта предлагается использовать структурные составляющие проблемно-ориентированного проектного обучения физике, которое предполагает интерактивное взаимодействие между субъектами учебного процесса на основе ИКТ, оперативное управление творческой самостоятельной работой студентов, ориентированной на овладение методами поиска и решения проблем, обучение внедрению их в жизнь.

Проблемно-ориентированная проектная система обучения физике в техническом вузе способствует повышению эффективности обучения, так как включает разработку проектов на семинарских занятиях из стандартных учебников и реальных учебных проектов в период учебной практики, в период выполнения лабораторных работ на основе композиционного физического практикума [2], усиливает внимание к обучению физике нестандартных явлений, наукоемким технологиям, а в качестве системообразующего элемента используется ИКТ. Критериями эффективности служат объем знаний, их прочность, умения принимать самостоятельные решения и нести ответственность за их реализацию, творческий уровень усвоения знаний, мотивация и интерес к обучению выбранной специальности. С этой целью формируются и вводятся следующие мотивационные факторы: выполнение проектов на основе методологии физики как науки; увеличение информационных ресурсов; повышение компьютерной грамотности; обеспечение самоконтроля, пропедевтической работы и тренировок; практические рекомендации и создание условий их реализации.

В теоретическом плане базой системы обучения служат: проблемное, дифференцированное и личностно ориентированное обучение; включение идей об инженерном мышлении как творческом процессе; онтодидактический подход и проектирование на всех видах учебной деятельности. Реализация подхода на занятиях проявляется в проблеме как единице учебного содержания, в

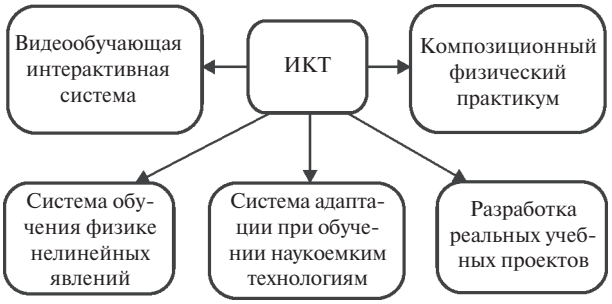


Рис. 1. Схема обучения физике в техническом университете по новому стандарту

проблемной задаче как единице учебного процесса. Проблемная ситуация – единица отношения содержания и процесса проблемно-ориентированного обучения, структурирование проблемы, выделение состава проблемных ситуаций, выделение той из них, которая решается в виде проблемной задачи. Творческая работа студентов рассматривается как поисковая учебная деятельность в процессе интерактивного взаимодействия между субъектами учебного процесса [3].

Информационно-коммуникационные технологии в системе обучения физике наиболее выразительно используются посредством композиционного физического практикума, разработки проектов на семинарских занятиях, реальных учебных проектов в период учебной практики (рис. 1). Структурирование проблемы, проблемной ситуации и проблемной задачи обеспечивает формирование физических идей на уровне проекта (рис. 2).

Видеообучающая интерактивная система – это технология, основанная на цифровом представлении физических экспериментов и опытов, их использование на семинарских занятиях, при подготовке к коллоквиумам, лабораторным работам, экзаменам в ходе текущего контроля знаний студентов [4]. Оцифрованные опыты применяют для разработки проектов.

Рис. 2. Дидактическая схема обучения физике на уровне проектов

Предлагаемый стандарт и модель включают композиционный физический практикум, содержание и структурный состав которого представлены на рис. 3.

Натурно-виртуальный – это натурный эксперимент, сопровождаемый визуализацией явлений, протекающих на микроуровне, и недоступный непосредственному наблюдению. Компьютеризированный эксперимент – сбор данных и обработка осуществляются с помощью компьютера и соответствующих датчиков. Автоматизированный эксперимент отвечает за управление процессом измерения.

Разработка проектов на семинарских занятиях по предлагаемому стандарту включает следующие этапы работы студентов (рис. 4).

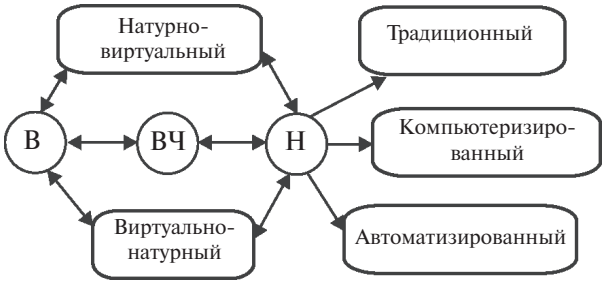


Рис. 3. Структурные составляющие композиционного физического практикума:

В – виртуальный (полностью имитирующий натурный) эксперимент; Н – натурный эксперимент; ВЧ – вычислительный эксперимент [2]

Рис. 4. Содержание этапов разработки проектов на семинарских занятиях

Для оценки уровня усвоения предметного материала и творческого уровня усвоения знаний использовалась методика поэлементного анализа выполнения заданий студентами контрольной и экспериментальной групп [1].

Уровень усвоения учебного материала студентами экспериментальных и контрольных групп (пример выборки)

Элементы анализа	Относительное число студентов, %	
	Экспериментальные группы Размер выборки N = 1281	Контрольные группы Размер выборки N = 1286
Репродуктивный	37	65
Продуктивный	45	24
Творческий	18	11

Эксперимент показывает, что большая часть студентов контрольных групп ограничивались формальным подходом, основанным на сведениях из теоретической части курса, а при экспериментировании применяли метод действий по образцу, что соответствует репродуктивному и алгоритмическому уровням усвоения (см. таблицу). Значительная часть студентов экспериментальных групп использовали для выполнения заданий композиционный способ, включая структурирование проблемы и проблемной ситуации, постановку дополнительных проблемных вопросов и создание программных средств эксперимента, проявляя продуктивный и творческий уровни усвоения.

Позитивное влияние предлагаемого стандарта и схемы обучения физике оценивалось по двум аспектам:

1. Уровень овладения методологией ведения композиционного эксперимента и системного применения ИТ при выполнении учебно-исследовательской работы (применяется прежний метод).

2. Общий уровень освоения предметных знаний и их прочность при обучении физике:

• по результатам рейтинга, экзамена и комплексных контрольных заданий;

• по оценке результатов защиты НИР, обоснованию актуальности темы, высказыванию своей точки зрения (уровень знания);

• по объяснению выбора плана исследования, его логичности (уровень понимания); самостоятельному составлению компьютерных программ (уровень применения); аргументированности ответов на конференции (уровень анализа);

• по оценке разных подходов к проблеме и самооценке в ходе выполнения проектов в составе мини-коллектива, по умению принимать самостоятельные решения и нести ответственность за их реализацию.

Исследование показало, что применение стандарта преподаватели ТПУ и ряда вузов оценивают как улучшение изучения материала – 40 %, улучшение понимания предмета – 51 %. Однако 9 % респондентов считают, что предлагаемый стандарт усложняет процесс обучения.

Необходимость обеспечения эффективности обучения физике студентов технического университета в XXI веке делает целесообразным и возможным создание универсального стандарта на основе проблемно-ориентированной системы обучения физике.

1. Стандарты на основе проблемно-ориентированной системы обучения физике позволяют формировать умения выявлять проблемные ситуации при решении познавательных задач в виде учебных проектов в условиях самостоятельной учебно-исследовательской деятельности.

2. Сочетание натурного, виртуального эксперимента и моделирования в композиционном физическом практикуме является необходимым элементом учебной лаборатории нового поколения по физике.

3. Использование в учебном процессе видеообучающей интерактивной системы на основе цифровых технологий в качестве стандарта реализует интерактивный характер обучения, осуществляет его индивидуализацию и дифференциацию, позволяет формировать мини-коллективы для самостоятельной работы студентов, объединяет обучение и контроль во взаимосвязанный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бордовский, Г.А.** Инновационные технологии при обучении физике студентов педвузов [Текст] / Г.А. Бордовский, И.Я. Ланина, Н.В. Леонова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 266 с.

2. **Ларионов, В.В.** Проблемно-ориентированное обучение физике в техническом университете [Текст] / В.В. Ларионов, Ю.И. Тюрин // Высш. образование в России. – 2009. – № 6. – С. 156–159.

3. **Лисичко, Е.В.** Формирование готовности студентов технического вуза к профессиональной деятельности в процессе изучения физики [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е.В. Лисичко. – Томск, 2009. – 21 с.

4. **Постникова, Е.И.** Демонстрационный физический эксперимент с применением цифровых технологий как средство повышения эффективности обучения физике студентов технического университета [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е.И. Постникова. – Екатеринбург, 2009. – 19 с.

5. Системы менеджмента и качества: основные положения и словарь [Текст]: ГОСТ ИСО 9000-2001. – М.: Изд-во стандартов, 2001. – 146 с.

УДК 614.842.83:053

О.А. Мокроусова

ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КАНДИДАТОВ В ЭКСПЕРТЫ ПО НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКЕ РИСКОВ

Необходимость дополнительного образования специалистов экспертных организаций (экспертов) и кандидатов в эксперты по независимой оценке рисков в области пожарной безопасности обусловлена государственно-социальным заказом общества образовательным учреждениям пожарно-технического профиля.

Процедура подготовки экспертов включает в себя следующие этапы: обучение кандидатов в эксперты, их аттестация; получение документа установленного образца, свидетельствующего о наличии необходимых знаний. Кроме того, эксперты по независимой оценке рисков не реже одного раза в пять лет должны повышать квалификацию в системе дополнительного образования [4].

При подготовке специалистов экспертных организаций и/или повышении их квалификации необходимо не только вооружить обучающихся научными знаниями, но и способствовать выработке у них практической деловитости и предприимчивости, формировать навыки активного профессионального мышления. Поэтому очень важно применять в учебном процессе методы активного обучения, организовывать проведение со слушателями учебных деловых игр, в определенной степени имитирующих профессиональные ситуации.

Понятие «игровые педагогические технологии» включает достаточно обширную группу методов и приемов организации педагогического процесса в форме разных педагогических игр [3, с. 206–207].

Под игровой технологией мы понимаем комплекс современных игровых методов, которые базируются на идеях позиционного самоопределения, проблематизации, разработке инновационных методов, учитывающих специфику современных культурно-исторических и социоэкономических ситуаций. Игровые методы обучения относятся к активным методам обучения.

Рассмотрим признаки активных методов обучения [2]:

1. Признак *проблемности*. Основная задача при организации процесса обучения состоит в том, чтобы ввести обучаемого в проблемную ситуацию, для выхода из которой (для принятия решения или нахождения ответа) ему не хватает имеющихся знаний, и он вынужден сам активно формировать новые знания с помощью преподавателя и с участием других слушателей, основываясь на известном ему чужом и своем профессиональном опыте, логике и здравом смысле. Оптимальным вариантом проблемной задачи является задача, имеющая неоднозначное решение, даже для специалиста, преподавателя.

2. Признак *адекватности учебно-познавательной деятельности характеру будущих практических (должностных) задач и функций обучаемого* делает возможным формирование эмоционально-личностного восприятия обучающимися профессиональной деятельности. Наиболее полно подходы к реализации этого признака изложены в теории контекстного обучения. Поэтому этот признак трактуется также как осуществление контекстного обучения.

3. Признак *взаимообучения*. Основой многих форм проведения занятий с применением методов активного обучения являются коллективная деятельность и дискуссионная форма обсуждения. Этот признак не отрицает индивидуализацию обучения, но требует его разумного сочетания и умелого использования.

4. Признак *индивидуализации* подразумевает требование организации учебно-познавательной деятельности с учетом индивидуальных способностей и возможностей обучающегося; развитие у обучающихся механизмов самоконтроля, саморегулирования, самообучения.

5. Реализация признака *исследования изучаемых проблем и явлений* позволяет обеспечить

формирование отправных начальных моментов навыков, необходимых для успешного самообразования, основанного на умении анализировать, обобщать, творчески подходить к использованию знаний и опыта.

6. Признак *непосредственности, самостоятельности взаимодействия обучающихся с учебной информацией*. При традиционном обучении педагог (равно как и весь используемый им комплекс дидактических средств) исполняет роль «фильтра», пропускающего через себя учебную информацию. При активизации обучения педагог отходит на уровень обучающихся и в роли помощника участвует в процессе их взаимодействии с учебным материалом, в идеале преподаватель становится руководителем их самостоятельной работы, реализуя принципы педагогики сотрудничества.

7. Признак *мотивации*. Активность как индивидуальной, так и коллективной, как самостоятельной, так и регламентируемой учебно-познавательной деятельности обучающихся, развивается и поддерживается системой мотивации. При этом к числу используемых преподавателем мотивов обучающихся относятся:

• профессиональный интерес;

творческий характер учебно-познавательной деятельности;

• состязательность, игровой характер проведения занятий;

• эмоциональное воздействие.

Активные методы обучения (дискуссии, дидактические игры, моделирование производственных ситуаций и др.) в том случае, если они отражают суть будущей профессии, формируют профессиональные качества специалистов, позволяют отрабатывать профессиональные навыки в условиях, приближенных к реальным. Анализ ошибок обучающихся, проводимый при подведении итогов, снижает вероятность их повторения в реальной действительности. Такая способность и обусловливает применение игровых методов обучения, в процессе которого обучаемый должен выполнить действия, аналогичные тем, которые могут иметь место в его профессиональной деятельности. Отличие состоит в том, что ответ на вопрос, к каким последствиям приведут предпринятые действия, в игровых ситуациях дает модель действительности, а не сама действительность. Эта особенность и является основным достоинством игровых методов обучения, так как она позволяет:

• не бояться отрицательных последствий для общества каких-либо неправильных действий обучаемых, а, наоборот, обращать это в пользу, так как приобретается опыт;

• значительно ускорять время протекания реальных процессов (например, то, что происходит в жизни в течение нескольких лет, можно сжать до нескольких часов);

• многократно повторять те или иные действия для закрепления навыков их выполнения;

• поскольку действия выполняются в обстановке «условной» (модельной) реальности, раскрепостить поведение обучаемых и стимулировать их на поиск наиболее эффективного решения.

Для образовательных учреждений государственной противопожарной службы МСЧ России эффективность применения деловых игр при подготовке кандидатов в эксперты по независимой оценке рисков в области пожарной безопасности определяется следующими положениями.

1. Содержание деловых игр отражает реальную профессиональную деятельность специалиста экспертной организации.

2. Деловые игры проводятся в образовательном процессе и сопровождаются методическим, информационным, техническим, организационным обеспечением.

3. Оценка результата игры является обязательным условием организации учебного процесса.

Выделяют структурные группы элементов игровой деятельности, которые имеют место при реализации всех форм и методов активного обучения.

1. *Проблемное содержание*. Имитационная модель – это основной, центральный элемент деловой игры. Если рассматривать весь комплекс методов активного обучения, то в основе других игровых форм вместо нее могут использоваться *творческие* (или *проблемные*) *задачи*, *ситуационные задачи, проблемные вопросы*. Вторым элементом реализации проблемного содержания выступает *игровая среда*.

2. *Организация участников игрового действия*. Этот элемент игры отражается в *способах формирования команд*, определении и *распределении ролей*.

3. *Игровое взаимодействие.* Порядок, вид и способы действий участников определяются *правилами*, описанными отдельно или в *сценарии игры.* Условия, в которых осуществляется игровое взаимодействие, называют *игровой обстановкой.*

4. *Методическое обеспечение.* Требование формирования дидактической модели игрового действия, реализации принципа двуплановости выполняется при осуществлении всех перечисленных выше игровых элементов, но только дидактическим целям служат такие игровые элементы, как *погружение*, *рефлексия* и *система оценивания.* Они обеспечивают успешность игрового действия и поэтому в наибольшей степени отвечают дидактическим целям игры. Совокупность всех игровых элементов в части их дидактической направленности трактуется как *игровая модель.*

Отбор содержания дидактических игр для использования в процессе предаттестационной подготовки кандидатов в эксперты по независимой оценке рисков осуществляется на основе контекстного подхода. Содержанием контекстного обучения выступает не только предметная сторона будущей профессиональной деятельности, заданная с помощью системы учебных задач, моделей и ситуаций, но и ее социальная сторона, воспроизводимая различными формами совместной деятельности и общения. Слушатель усваивает предметное содержание обучения и, занимая определенную позицию в системе взаимодействия участников образовательного процесса, следует принятым нормам социальных отношений и действий в той мере, в какой он здесь активен и воспитывается как личность [1].

Согласно концепции знаково-контекстного обучения, обучающиеся осуществляют в процессе обучения три основные формы деятельности: учебную, квазипрофессиональную и учебно-профессиональную, причем переход от одной формы к другой обусловливается логикой контекстного развертывания содержания обучения. Проектирование, организация и осуществление этих форм деятельности предполагает учет требований не только изучаемой науки, на основе содержания которой строится учебный процесс, но и профессиональной деятельности, включая социальное нормирование активности обучаемых. Требования профессиональной деятельности являются системообразующими, определяющими технологию обучения.

При разработке содержания дидактических игр для системы дополнительного образования специалистов экспертных организаций требуется учитывать принципы теории контекстного обучения [1]:

• имитационного моделирования конкретных условий и динамики производства;

• игрового моделирования содержания и форм инженерной деятельности;

• совместной имитации инженерной деятельности;

• диалогического общения в ходе имитации инженерной (или экспертной) деятельности;

• двуплановости;

• проблемности содержания имитационной модели и процесса ее развертывания в игровой деятельности.

Так как профессия эксперта по оценке рисков в области пожарной безопасности подразумевает продуктивную творческую деятельность, методологической основой дидактических игр является интегративный подход, позволяющий на уровне целевого и управляющего компонентов согласовывать достижение различных целей в рамках единого учебного процесса, а на уровне содержательного и контролирующего компонентов сформировать систему трансдисциплинарных знаний, умений и навыков, которые обеспечивают высокий уровень инновационного потенциала в сфере независимой оценки рисков.

При подготовке к игровой деятельности следует соблюсти следующие методические требования [6]:

• игра – логическое продолжение и завершение конкретной теоретической темы (раздела) учебной дисциплины, практическое дополнение к теме (разделу) или же завершение изучения дисциплины в целом;

• максимальная приближенность к реальным условиям профессиональной деятельности;

• создание атмосферы поиска и непринужденности;

• тщательная подготовка учебно-методической документации;

• четко сформулированные задачи, условия и правила игры;

• выявление вариантов возможных решений указанной проблемы;

• наличие необходимого оборудования.

Подготовка игры является многоступенчатой процедурой и зависит от ряда субъективных и объективных факторов. С целью облегчения процессов конструирования модели дидактической игры и придания ей гибкости используют модульный принцип, состоящий из последовательных блоков и входящих в них операций. Каждый блок характеризуется своими задачами, целями и результатами. Подготовительная операция – это однократные, логически обусловленные действия, направленные на достижение соответствующих данному блоку задач, целей и результатов.

Прогнозирование при подготовке дидактической игры дает преподавателю возможность: представить проблемную ситуацию, провести многовариантный анализ хода и результатов ролевых действий участников; выявить вероятные типовые ошибки; определить приемы, направленные на стабилизацию психологического режима занятия; установить тенденции и закономерности развития игры с учетом состава участников.

В подготовке дидактической игры можно выделить следующие операции:

1. *Выбор темы и диагностика исходной ситуации*. Темой может быть практически любой раздел учебного курса. Желательно, чтобы учебный материал имел практический выход на профессиональную деятельность или специальную учебную дисциплину.

2. *Формирование целей и задач*. Цели и задачи формируют с учетом не только темы, но и исходной ситуации. В одной ситуации, но с разными целями можно по-разному построить игру. Для этого надо соответствующим образом расставить акценты и сформулировать цели на каждом этапе или операции.

3. *Определение структуры*. Структура определяется с учетом целей, задач, темы, состава участников.

4. *Диагностика игровых качеств участников дидактической игры*. Проведение занятий в игровых формах будет эффективно, если действия преподавателя обращены не к абстрактному обучающемуся, а к конкретному человеку или группе людей. Происходит оптимизация обучения интенсивной работе преподавателя на стадии подготовки к занятию, выбора им приемов обучения и их организации.

Целесообразно перед началом серии игр провести анкетирование обучающихся, что позволит увидеть и оценить игровой коллектив, выявить то, что думают о себе сами исполнители ролевых функций, определить уровень претензий каждого участника и т. п.

5. *Диагностика объективных обстоятельств*. В данном случае рассматривается вопрос о том, где, как, когда, при каких условиях и с какими предметами будет проходить игра, т. е. оцениваются ее внешние атрибуты. По определению А.П. Панфиловой [5], учебную дидактическую игру можно рассматривать как «ветвь педагогики» и как «ветвь имитационного моделирования». Такая двойственность определяет преимущества игры в качестве «инструмента» обучения. Дидактическая игра, как и всякая другая, ставит слушателя в мнимую или условную ситуацию, задаваемую имитационной моделью, и требует выполнения мнимых (игровых) действий. Но в то же время обучаемый остается в ситуации реального учебного процесса, выполняет вполне реальные действия, по своему предметному содержанию ничем не отличающиеся от действий, осуществляемых в рамках иных форм учебного процесса (анализирует, отбирает данные, ставит и решает задачи и пр.), находится во вполне реальных отношениях с другими партнерами по игре.

Таким образом, опыт применения активных методов обучения при подготовке кандидатов в эксперты по независимой оценке рисков свидетельствует, что они являются весьма эффективным педагогическим инструментом воздействия на аудиторию. С помощью организации дидактических игр достигаются активизация обучающихся, повышение их мотивации, эмоциональное вовлечение в процесс активного освоения материала. В основе игры лежит групповая работа, которая дает навык коллективных действий, развивает интуицию и воображение, учит осознавать свою и чужую роль, мобилизует знания, умения и навыки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вербицкий, А.А.** Активное обучение в высшей школе: контекстный подход [Текст] / А.А. Вербицкий.– М.: Высш. шк., 1991. – 208 с.
2. **Григальчик, Е.К.** Обучаем иначе: стратегия активного обучения в школе [Текст] / Е.К. Григальчик, Д.И. Губаревич, И.И. Губаревич, С.В. Петрусев.– Минск: Изд-во ООО «Красико-Принт», 2001. – 128 с.
3. **Кукушкин, В.С.** Современные педагогические технологии в начальной школе [Текст]: пособие для учителя / В.С. Кукушкин. – Ростов на/Д: Феникс, 2004.
4. **Мокроусова, О.А.** Концептуальная модель подготовки кандидатов в эксперты по независимой оценке рисков в области пожарной безопасности [Текст] / О.А. Мокроусова // Сиб. пед. журн. – 2010. – № 10. – С. 155–165.
5. **Панфилова, А.П.** Инновационные педагогические технологии: активное обучение [Текст] / А.П. Панфилова. – М.: Академия, 2009. – 192 с.
6. **Сыроежин, И.М.** Методика разработки и использования деловых игр как формы активного обучения студентов [Текст] / И.М. Сыроежин, А.А. Вербицкий. – М.: НИИ ВШ, 1981. – 36 с.

УДК 377+378(088.2)

А.В. Речинский

СИСТЕМА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СПбГПУ

Актуальной задачей развития дополнительного профессионального образования являются разработка и реализация образовательных программ повышения квалификации и переподготовки специалистов с использованием инновационных форм, методов и средств обучения, учитывающих изменения, вызванные модернизацией российской экономики и производства, введением профессиональных производственных стандартов и Федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования.

Система дополнительного профессионального образования в России: перспективы развития

Дополнительное профессиональное образование (ДПО) в России – это ступень непрерывного образования, обеспечивающая конституционные права граждан Российской Федерации на всестороннее удовлетворение своих образовательных потребностей в повышении квалификации и профессиональной переподготовке после получения базового профессионального образования.

Формирование и совершенствование системы ДПО как составной части непрерывного профессионального образования являются актуальной задачей для России. Это обусловлено:

• научно-техническим и социальным прогрессом, повысившим престиж профессионального образования;

• стремительным ростом объема научно-технической информации и столь же быстрым ее устареванием;

• непрерывным изменением технологии и экономики производства, переходом к постиндустриальному этапу развития общества, требующему постоянного повышения профессиональной квалификации рабочих и специалистов;

• осознанием обществом инструментальной ценности человека, тенденции к предоставлению во все периоды его жизни возможности для саморазвития;

• вхождением России в единое европейское образовательное пространство и, как следствие, модернизацией всех ступеней и уровней профессионального образования.

Дополнительное профессиональное образование российских специалистов и преподавателей включает профессиональную переподготовку с присвоением и без присвоения дополнительной квалификации, повышение квалификации, стажировку. Профессиональная переподготовка и повышение квалификации проводятся по дополнительным профессиональным образовательным программам, формируемым в соответствии с федеральными государственными требованиями, устанавливаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования. При этом образовательные учреждения, реализующие программы ДПО, самостоятельно определяют содержание и технологию обучения через систему рабочих учебно-программных документов, таких как учебные и учебно-тематические планы, программы учебных дисциплин и другие учебно-методические материалы.

Развитие российской системы ДПО невозможно без создания ее нормативно-правового обеспечения и его постоянного совершенствования путем приведения законов, положений, нормативов в соответствие с новыми экономическими и социальными условиями жизни российского общества. Перечень документов, входящих на данном этапе в состав нормативной и учебно-программной документации ДПО, приведен в [1].

В настоящее время система высшего профессионального образования (ВПО) РФ приступает к реализации Федеральных государственных стандартов ВПО третьего поколения. В рамках ФГОС ВПО создана и внедрена уровневая система, разработаны и утверждены перечни подготовки бакалавров, магистров и специалистов, образовательный процесс организуется на базе компетентностного подхода, внедряется кредитно-модульное обучение. Все эти инновации пока не охватили систему ДПО. Все нормативные документы ДПО на настоящем этапе разработаны на базе образовательных стандартов второго поколения. Однако можно с уверенностью сказать, что в ближайшее время систему ДПО ждут кардинальные перемены, которые реализуются сегодня в профессиональном образовании через инновационные аспекты основных образовательных программ.

Система ДПО в СПбГПУ

Система ДПО в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете функционирует в соответствии с требованиями:

• действующих законов Российской Федерации [2, 3];

• приказов, инструктивных и методических документов Министерства образования и науки РФ;

• лицензии и свидетельства о государственной аккредитации.

Дополнительное профессиональное образование реализуется в СПбГПУ несколькими структурными подразделениями: факультетом подготовки и повышения квалификации преподавателей (ФППКП), факультетом переподготовки специалистов (ФПС), включающим центры и курсы повышения квалификации базовых факультетов университета, Межотраслевым институтом повышения квалификации (МИПК), общеуниверситетскими центрами ДПО и центрами повышения квалификации филиалов СПбГПУ.

Следует выделить повышение квалификации за счет бюджетных средств и на возмездной основе.

Повышение квалификации преподавателей на бюджетной основе

С 1967 года ФППКП организует учебный процесс, обеспечивающий повышение квалификации преподавателей нашего университета и других вузов России. Повышение квалификации проводится на госбюджетной основе в соответствии с утвержденным планом по всем направлениям подготовки, объявленным Минобрнауки РФ приоритетными. При этом в рамках каждого направления реализуется целый ряд образовательных программ.

В 2010 году на ФППКП реализовано обучение по семи направлениям (см. табл. 1).

Таблица 1

Перечень реализуемых направлений подготовки и численность слушателей на ФППКП СПбГПУ в 2010 году

Наименование программ	Количество слушателей
1. Информационная компетентность преподавателя	71
2. Проблемы дистанционного обучения	79
3. Проектирование образовательных программ, отвечающих требованиям ФГОС	201
4. Инновационная деятельность в образовании	100
5. Проблемы гуманитарного и социологического образования	80
6. Радиационный мониторинг окружающей среды	50
7. Комплексная безопасность. Охрана труда в системе образования	20

Всего в 2010 году повышение квалификации прошел 601 преподаватель, в том числе 66 преподавателей из других вузов (в 2009 году слушателей из других вузов было в 3 раза меньше).

В начале своей деятельности факультет обеспечивал повышение квалификации ориентировочно для 100 преподавателей, в последние годы количество слушателей составляло 500 человек, а в 2009 году было увеличено до 600 человек. Динамика контингента слушателей ФППКП СПбГПУ отражена на рис.1.

Установленные в настоящее время контрольные цифры приема слушателей превышают

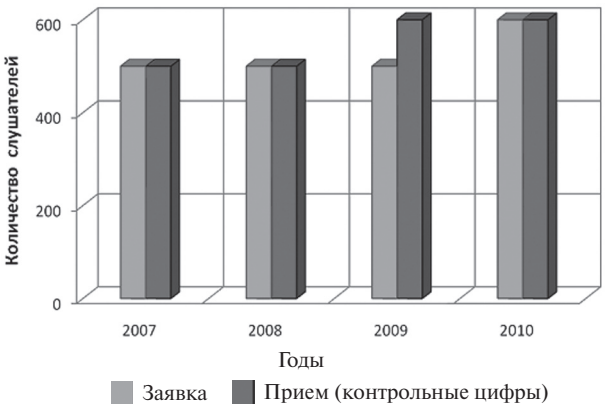


Рис. 1. Количество слушателей на ФППКП СПбГПУ в 2007–2010 годах

требуемые значения показателей государственной аккредитации (20 % от численности ППС в год) и полностью обеспечивает потребности факультетов, поэтому в ближайшее время увеличение контингента не планируется.

С 2010 года на ФППКП разработана и осуществляется на практике политика оперативного реагирования на запросы факультетов СПбГПУ:

• развернуто обучение преподавателей работе в среде Moodle для использования элементов дистанционных технологий в разных формах обучения;

• организована языковая подготовка для преподавателей с разным начальным уровнем владения иностранным языком.

Если до недавнего времени на ФППКП производился подбор преподавателей под запрашиваемые факультетами программы обучения, то с 2010 года успешно используется новая форма: ведущие преподаватели факультетов на возмездной основе проводят занятия для своих коллег по узкоспециализированным программам подготовки. По данной схеме работают факультет управления и информационных технологий, гуманитарный факультет, факультет иностранных языков, Институт международных образовательных программ (ИМОП), механико-машиностроительный факультет. По предварительным заявкам видно, что в 2011 году эта схема будет применяться и на других факультетах СПбГПУ.

Активно повышают квалификацию своих преподавателей факультеты: радиофизический, электромеханический, технической кибернетики, гуманитарный, технологии и исследования материалов, экономики и менеджмента, иностранных языков, управления и информационных технологий, инженерно-строительный, физико-механический, медицинской физики и биоинженерии, а также ИМОП.

В 2010 году семь сотрудников СПбГПУ прошли повышение квалификации в других вузах (преимущественно в ведущих московских университетах). Этот вид повышения квалификации также организуется на бюджетной основе.

На 2011 год Минобрнауки России определены приоритетные направления, по которым сформирована заявка на контрольные цифры:

• актуальные вопросы введения ФГОС и качества образования;

• основные подходы при разработке и реализации рабочих программ и технологий обучения при преподавании гуманитарных дисциплин;

• современные системы оценки качества знаний, умений и профессиональных компетенций;

• современные технологии образовательного процесса (на примере дистанционного обучения);

• информатизация образования и информационные технологии (MatLab);

• информационно-коммуникационные технологии при дистанционном образовании;

• инновационная деятельность в образовании;

• совершенствование системы подготовки научно-педагогических и педагогических кадров в области профилактики здорового образа жизни.

Заявки на 2011 год от слушателей на повышение квалификации в нашем университете и других вузах уже принимаются ФППКП.

Факультет также готов рассмотреть предложения других факультетов по организации узкопрофилированных программ с привлечением своих преподавателей.

Внебюджетное ДОП

На внебюджетной основе ДОП занимаются специализированные подразделения университета: ФПС, МИПК, а также общеуниверситетские центры ДПО и центры повышения квалификации филиалов СПбГПУ.

Являясь многопрофильным учебным комплексом, реализующим концепцию непрерывного образования в области информационных технологий, ФПС обеспечивает переподготовку лиц, имеющих высшее образование, и обучение студентов старших курсов по ряду перспективных специальностей. Факультет также ведет обучение на краткосрочных и авторизированных курсах (от двух недель до полутора месяцев) для пользователей персональных компьютеров и специалистов по сетевым технологиям. Он сертифицирован как учебный центр ведущих компаний в области информационных технологий. Обучение на ФПС организовано более чем по 70 программам ДПО.

В МИПК проводятся краткосрочные курсы и семинары, осуществляются повышение квалификации и профессиональная переподготовка по направлениям: «Оценка активов, бизнеса и инвестиций», «Управление недвижимостью», «Радиационная безопасность и контроль», «Экология» и др.

Отдельные программы переподготовки и повышения квалификации проводятся на факультетах СПбГПУ.

Всего на возмездной основе реализуется более 160 программ ДПО в следующих областях:

• информационные технологии (офисное направление и специализированные программные продукты);

• строительство (организация строительства, выполнение функций заказчика-застройщика, сметное дело, строительный контроль и др.);

• оценка стоимости и управление недвижимостью;

• радиационная безопасность и радиационный контроль;

• электрические станции (эксплуатация и модернизация оборудования);

• логистика;

• менеджмент, антикризисный менеджмент, управление проектами, проектирование инноваций, маркетинг наукоемкой продукции;

• иностранные языки;

• другое.

Наиболее активными в реализации программ по повышению квалификации являются следующие факультеты: инженерно-строительный, переподготовки специалистов, иностранных языков, инноватики, комплексной безопасности, а также МИПК.

Данные о количестве слушателей по видам повышения квалификации за последние три года приведены в табл. 2.

Стоимость обучения по образовательным программам различного уровня показана в табл. 3.

Как видно из табл. 3, минимальная стоимость обучения на 2010/11 учебный год повышается, в то время как максимальная стоимость по программам повышения квалификации снижается, максимальная граница стоимости обучения по профессиональной переподготовке увеличивается.

В табл. 4 приведен состав контингента обучающихся. Из данных таблицы видно, что представители органов власти и юридические лица составляют 50 % контингента.

Таблица 2

Количество слушателей по видам повышения квалификации за 2007–2010 годы

Виды повышения квалификации (продолжительность программы)	Учебный год		
	2007/08	2008/09	2009/10
Профессиональная переподготовка для получения дополнительной квалификации (свыше 1000 часов)	207	161	149
Профессиональная переподготовка (от 500 до 1000 часов)	211	272	213
Повышение квалификации (от 100 до 500 часов)	439	429	341
То же (от 72 до 100 часов)	7079	4456	7059
Итого:	7936	5318	7762

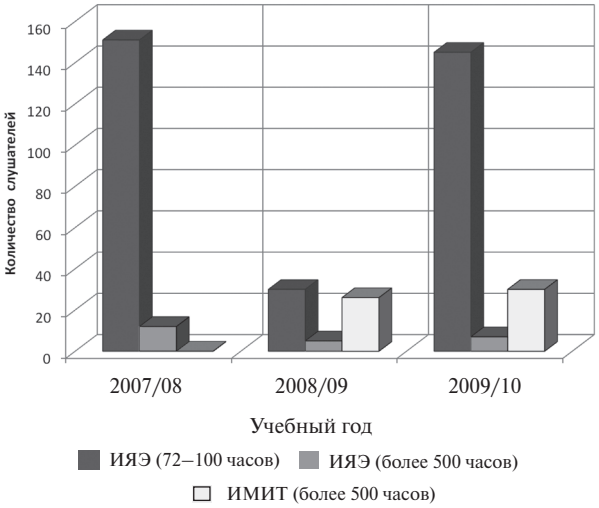


Рис. 2. Количество слушателей – участников программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки в филиалах СПбГПУ в 2007–2010 годах

Таблица 3

Стоимость обучения по образовательным программам повышения квалификации, руб.

Показатель	Программа повышения квалификации продолжительностью, часы		Профессиональная переподготовка
	72–100	101–500	
2009/10 учебный год			
Минимальный	3 100	5 000	47 500
Максимальный	39 900	49 550	88 500
2010/11 учебный год			
Минимальный	5 000	16 950	48 000
Максимальный	34 600	43 900	115 000

Таблица 4

Состав контингента обучающихся, чел.

Направления формирования контингента	2010 год	2011 год
Органы власти	60	50
Юридические лица	3845	4000
Физические лица	3857	4000
Всего:	7762	8050

Данные о количестве слушателей – участников программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки в филиалах университета представлены на рис. 2. Из диаграммы видно, что на филиалы кризис оказал большее влияние, но они смогли исправить ситуацию.

Подводя итоги по реализации программ повышения квалификации на внебюджетной основе, следует выделить основные моменты:

• в 2009/10 учебном году университету удалось восстановить докризисное количество специалистов, повышающих квалификацию;

• 50 % контингента обучающихся являются представителями предприятий и органов власти;

• за последние три учебных года в университете прошли переподготовку и повышение квалификации более 20 000 специалистов;

• существующая в стране система налогообложения не способствует развитию системы повышения квалификации в вузах;

• требования существующего законодательства ставят подразделения университета в значительно более тяжелое положение по сравнению с негосударственными компаниями, работающими на рынке в области образования;

• разрабатывается мало новых программ ДПО, ориентированных на использование уникального оборудования и программного обеспечения, имеющегося в университете.

Новые образовательные технологии в системе ДПО СПбГПУ

В системе ДПО активно применяются новые образовательные технологии (рис. 3). Так, элементы

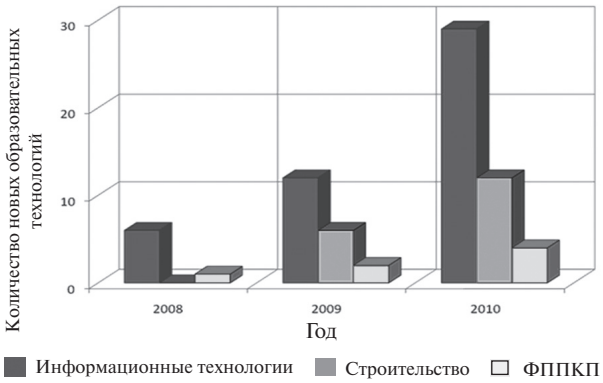


Рис. 3. Динамика применения дистанционных технологий в образовательных программах повышения квалификации

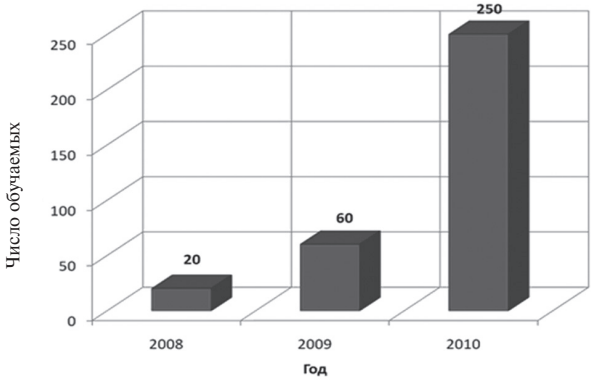


Рис. 4. Динамика количества слушателей на курсах повышения квалификации с применением элементов дистанционных технологий

дистанционных технологий широко используются в следующих образовательных программах:

• Информационные технологии:

– сети ЭВМ и телекоммуникации;

– основы построения баз данных;

– архитектура Unix;

– другое.

• Строительство:

– строительство зданий и сооружений;

– инженерные системы зданий и сооружений;

– контроль качества строительства.

Наиболее активно внедряют дистанционные технологии следующие факультеты: инженерно-строительный, переподготовки специалистов, управления и информационных технологий.

На рис. 4 отражена динамика количества слушателей на курсах, где применяются элементы дистанционных технологий.

Наиболее активными потребителями образовательных услуг с применением дистанционных технологий являются Северо-Западный, Центральный и Дальневосточный регионы. Безусловное лидерство принадлежит Санкт-Петербургу.

Представляет интерес статистика обращений: в день зафиксировано примерно 5000 обращений, из них по группам:

• слушатели, студенты и школьники – 3000–4000;

• преподаватели – 400–600;

• пользователи – 2874.

Список предприятий, сотрудники которых постоянно повышают квалификацию на базе нашего университета, достаточно обширен: ООО «Объединенные пивоварни Хейнекен», ООО «Ниссан Мэнуфэкчуринг РУС», филиал ОАО «МТС» – макрорегион «Северо-Запад», ОАО «ФСК ЕЭС» – МЭС Северо-Запада, ОАО «Императорский фарфоровый завод», ОАО «Климов», ООО «Газинформсервис», ФГУП «Гознак», ЗАО «Алкатель-Лусент», ООО «Нокиа Сименс Нетворкс», ООО НПФ «Беркут», ООО «Офисные компьютерные системы», ОАО «РЖД» и мн. др.

Основные результаты:

• за последние три учебных года в университете повысили квалификацию более 1800 преподавателей и более 20 000 специалистов;

• на постоянной основе реализуется более 160 образовательных программ;

• в учебный процесс активно внедряются новые технологии, в том числе дистанционные;

• в 2009/10 учебном году университету удалось восстановить докризисное количество специалистов, повышающих квалификацию.

Качество подготовки преподавателей и слушателей подтверждается множеством благодарственных писем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Сборник** нормативно-правовых документов по организации и содержанию образовательной деятельности в сфере дополнительного профессионального образования [Текст] / сост. В.Н. Козлов, А.В. Речинский, В.И. Никифоров, Л.В. Черненькая. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – 344 с.

2. **Об образовании** [Текст]: федер. закон РФ: принят 7 марта 2000 года, № 122-ФЗ.

3. **О высшем** и послевузовском профессиональном образовании [Текст]: федер. закон РФ: принят 22 сентября 1996 года, № 125-ФЗ.

УДК 159.9.072.59, 159.9.075

Е.П. Аксенова, В.И. Доминяк

ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ КАРЬЕРЫ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

В настоящее время все более актуальной становится разработка технологий управления карьерой, в том числе технологии самоуправления. Повышение роли субъективного фактора в развитии карьеры привело к возрастанию роли карьерного консультирования, направленного на выявление и развитие карьерного потенциала, помощь в реализации карьеры.

Карьерное консультирование студентов, достаточно широко распространенное на Западе и делающее первые шаги в России, предполагает помощь прежде всего в самостоятельном планировании карьеры, что делает процесс обучения в вузе более эффективным и целенаправленным.

Известно, что для эффективного осуществления той или иной профессиональной деятельности необходимо сочетание трех основных факторов: наличия навыков и способностей, соответствующей мотивации исполнения, а также личностных и характерологических особенностей, соответствующих характеру этой деятельности. Следовательно, только при определенном сочетании личностных, мотивационных и исполнительских компетенций можно говорить об оптимальном направлении карьерного развития.

Говоря о студенте как субъекте принятия самостоятельных решений в отношении направления развития карьеры, можно предположить, что именно от того, насколько объективной является имеющаяся в его распоряжении информация о способностях, интересах и индивидуальных особенностях, во многом зависит правильность решений о направлении карьерного развития и эффективность самостоятельных действий по их реализации.

Как профессиональный выбор, так и последующее профессиональное продвижение субъекта обусловливаются содержанием его профессиональной Я-концепции. Эта концепция как детерминанта карьерной стратегии рассматривалась в работах И.В. Афанасенко [1], С.Т. Джанерьян [2], А.А. Жданович [3] и др. Теоретически обосновано, что Я-концепция является детерминантой поведения человека, и в частности его карьерных стратегий. При этом конкретных исследований, направленных на изучение карьерных стратегий в связи с Я-концепцией, явно недостаточно.

Важность изучения индивидуальной концепции карьеры студентов определяется задачей повышения качества вузовского обучения за счет включения самого студента в процесс планирования профессиональной карьеры и соответственно более осознанного участия в процессе обучения.

В ходе исследования, проводившегося в апреле – мае 2010 года на базе трех вузов Санкт-Петербурга, была выдвинута следующая гипотеза: в карьерных ожиданиях, профессиональных интересах и Я-концепции карьеры у студентов вузов различного профиля существуют различия, которые определяются спецификой будущей профессии.

В исследовании приняли участие 76 студентов старших курсов вузов:

• СПбГПУ, Высшая школа управления и финансов – 30 человек в возрасте от 23 до 27 лет, 19 девушек и 11 юношей;

• СПбГПУ, 4-й курс факультета журналистики – 27 человек в возрасте от 15 до 21 года, 14 девушек и 13 юношей;

• СПбГИПиСР, 4-й курс факультета психологии – 20 человек в возрасте от 22 до 24 лет, 15 девушек и 5 юношей.

При проведении исследования использовались адаптированные и модифицированные методики Центра карьеры Бирмингемского

университета – «Опросник карьерных ожиданий», «Опросник профессиональных интересов» и оригинальная методика «Я-концепция карьеры» Е.П. Аксеновой. Последняя методика представляет собой многошкальный опросник, шкалы которого соответствуют шкалам «Опросника карьерных ожиданий», но состоят из утверждений, сформулированных от первого лица и выражающих представления испытуемых о себе как о субъекте карьерного развития.

Например, шкала «Направленность на достижения и социальный успех» содержит следующие утверждения:

• Я стремлюсь к карьерному росту;

• Я многое делаю для развития карьеры.

Шкала «Направленность на автономную деятельность» содержит такие утверждения:

• Я предпочитаю работать так, чтобы отвечать только за свою работу;

• В работе я стараюсь опираться только на свои силы и ресурсы.

Оригинальные тексты «Опросника карьерных ожиданий» и «Опросника профессиональных интересов» представлены на официальном сайте Бирмингемского университета (Великобритания) [4]. Нами были осуществлены прямой и обратный перевод методик, их адаптация и стандартизация на выборке российских студентов. Проверка психометрических характеристик опросников была проведена на основании результатов пилотажного исследования, в котором участвовали студенты вузов Санкт-Петербурга. Проверка внутренней согласованности шкал проведена с помощью показателя альфа Кронбаха и коэффициента межпунктовой корреляции. Внутреннюю согласованность шкал «Опросника карьерных ожиданий» и «Опросника профессиональных интересов» можно оценить как высокую для большинства шкал или приемлемую (табл. 1).

Таблица 1

Оценка внутренней согласованности шкал «Опросника карьерных ожиданий» и «Опросника профессиональных интересов» (n = 76)

Шкалы	Коэффициент альфа	Межпунктовая корреляция
«Опросник карьерных ожиданий»		
Направленность на достижения и социальный успех	0,79	0,58
Направленность на автономную деятельность	0,66	0,42
Направленность на менеджмент и высокий уровень ответственности	0,73	0,48
Направленность на баланс между работой и отдыхом	0,79	0,56
Потребность быть организованным исполнителем	0,80	0,58
Потребность быть экспертом в своей области	0,79	0,58
Направленность на профессиональное обучение	0,75	0,50
Направленность на предпринимательскую деятельность и возможность рисковать	0,73	0,48
«Опросник профессиональных интересов»		
Практичный	0,72	0,47
Предприимчивый	0,84	0,64
Социальный	0,69	0,44
Креативный	0,82	0,61
Исследовательский	0,72	0,48
Организационный	0,80	0,59

В ходе пилотажного исследования проводилась также проверка психометрических свойств оригинальной методики «Я-концепция карьеры» (табл. 2). Результаты этого исследования выявили статистически значимые корреляционные связи показателей методики «Я-концепция карьеры» с соответствующими шкалами «Опросника карьерных ожиданий». Также можно констатировать приемлемый уровень внутренней согласованности предложенной методики. Полученные результаты свидетельствуют в пользу надежности и валидности представленной методики.

Выявлено, что карьерные ожидания студентов различных вузов отличаются выраженностью тех или иных направлений развития карьеры (рис. 1).

Самый высокий уровень карьерных ожиданий для всех студенческих групп отличается по показателю «Экспертность», т. е. наиболее важным для студентов является подтверждение их профессионализма в процессе будущей работы. Это можно связать с недостаточной уверенностью студентов в своем профессионализме в настоящий момент, т. е. в период его становления.

Таблица 2

Оценка психометрических свойств методики «Я-концепция карьеры» (n = 76)

Шкалы	Коэффициент альфа	Межпунктовая корреляция	Корреляции с «Опросником карьерных-ожиданий»
Направленность на достижения и социальный успех	0,67	0,41	0,63
Направленность на автономную деятельность	0,68	0,35	0,51
Направленность на менеджмент	0,76	0,46	0,66
Направленность на баланс между работой и отдыхом	0,62	0,32	0,43
Потребность быть организованным исполнителем	0,61	0,33	0,74
Потребность быть экспертом в своей области	0,77	0,45	0,59
Направленность на профессиональное обучение	0,77	0,48	0,49
Направленность на предпринимательскую деятельность и возможность рисковать	0,75	0,46	0,62

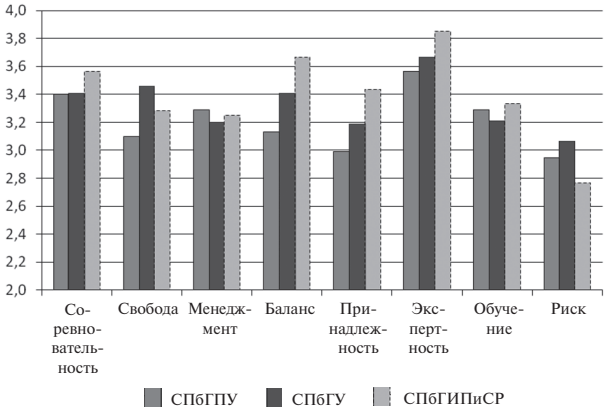


Рис. 1. Карьерные ожидания студентов разных вузов

Для студентов Политехнического университета на 2-м и 3-м местах по приоритетности ожиданий оказались соревновательность и менеджмент. Студенты этой группы хотели бы достигать в работе бóльших успехов, чем их коллеги (соревновательность), и иметь возможность руководить различными проектами и коллективами (менеджмент). Такая направленность вполне согласуется со специальностью принимавших участие в исследовании студентов (менеджмент организации).

Для студентов факультета журналистики СПбГУ на 2-м и 3-м местах по значимости находятся ожидание самостоятельности в организации своей работы (свобода) и достижение бóльших успехов, чем коллеги (соревновательность).

Для студентов-психологов наиболее важным после экспертности является ожидание гармоничного баланса между работой и отдыхом, а также возможность достигать бóльших успехов в работе, чем коллеги.

Необходимо отметить, что для всех студентов значимой направленностью оказалась соревновательность, т. е. значимость собственных достижений по сравнению с другими.

Наименее важной для студентов трех вузов является необходимость рисковать при организации нового бизнеса или нового направления работы, успех которой зависит только от них самих.

Выявлены статистически значимые различия в ожиданиях студентов Политехнического университета, СПбГУ и СПбГИПиСР. Для студентов-журналистов, по сравнению со студентами-менеджерами, бóльшую значимость имеет возможность самостоятельно организовывать свою работу и сохранять баланс между работой и отдыхом. Для студентов-психологов важно как соблюдение баланса работы и отдыха, так и чувство причастности к организации (принадлежность).

Результаты исследования Я-концепции карьеры (рис. 2) показали, что для студента-менеджера наиболее характерны представления о себе как о человеке, развивающем свои профессиональные качества, обучающемся и осваивающем новые умения и знания (экспертность и обучение). Наименее выражено в Я-концепции этих студентов представление о себе как о рядовом сотруднике организации, разделяющем ее цели и ценности. Менее важным для них также является соблюдение баланса между работой и отдыхом.

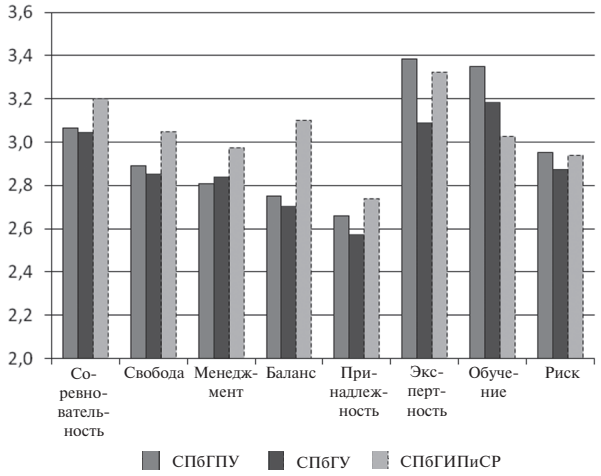


Рис. 2. Особенности Я-концепции карьеры студентов разных вузов

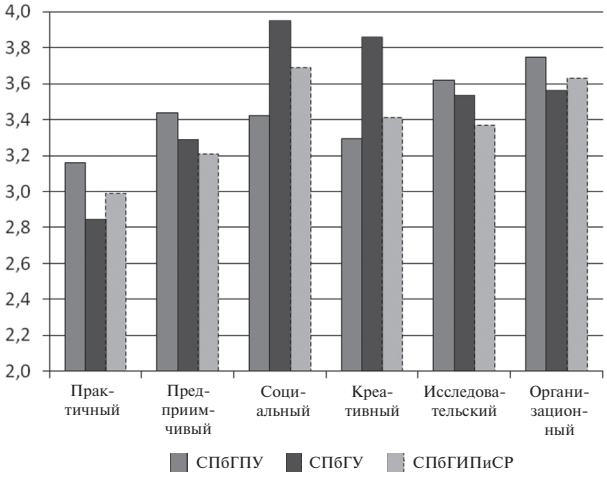


Рис. 3. Особенности профессиональных интересов студентов разных видов

Я-концепция карьеры студента факультета журналистики характеризуется сильной выраженностью представлений о себе как о профессиональном человеке, заинтересованном в дальнейшем обучении. Полученный для студентов-журналистов профиль практически совпадает с результатами, полученными для студентов-менеджеров. Статистически достоверные различия выявлены только в степени проявления ориентации на экспертность, которая выше у студентов-менеджеров.

Говоря об особенностях Я-концепции студентов-психологов, следует отметить, что их отличает стремление к сохранению жизненного баланса. Для этих учащихся очень важно, чтобы работа не вторгалась в их частную жизнь и соблюдался гармоничный баланс между работой и отдыхом.

Результаты исследования профессиональных интересов студентов вузов различных специальностей (рис. 3) показали, что у студентов-менеджеров выражены организационные, исследовательские и предпринимательские интересы. Им нравится работать над различными проектами, находить решения сложных задач, организовывать или влиять на других людей. Они могут обладать такими качествами, как амбициозность, независимость, энергичность, уверенность и энтузиазм.

Исследование выявило у студентов-психологов выраженность социальных и организационных интересов. Специалисты с такими профессиональными интересами предпочитают работать с людьми, которые делятся своими проблемами; они могут быть дружелюбными, доброжелательными, готовы помогать, обучать и информировать других.

Профессиональные интересы студентов факультета журналистики характеризуются социальной и креативной направленностью. Выявлены статистически значимые различия в проявлении этих интересов по сравнению с интересами студентов-менеджеров. Студенты-журналисты предпочитают работать с людьми, любят работать в команде, стремятся развивать свои способности и предпочитают работать, обращаясь к своему уму и чувствам. Такие интересы характерны для творчески активных, оригинальных и экспрессивных людей, которые хотят найти применение своим креативным способностям.

Таким образом, в результате исследования были получены свидетельства в пользу надежности и валидности адаптированных на выборке российских студентов методик Центра карьеры Бирмингемского университета, а также оригинальной методики «Я-концепция карьеры», используемых для карьерного консультирования студентов вузов.

Исследование, проведенное с помощью этих методик, выявило специфические различия карьерных ожиданий, профессиональных интересов и Я-концепции карьеры у студентов вузов различного профиля, которые соответствуют специфике их будущей профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Афанасенко, И.В.** Я-концепция как детерминанта карьерной стратегии у представителей технономических профессий [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / И.В. Афанасенко. – Ростов н/Д, 2005.

2. **Джанерьян, С.Т.** Профессиональная Я-концепция: системный подход [Текст]: дис. ... д-ра психол. наук / С.Т. Джанерьян. – Ростов н/Д, 2005.

3. **Жданович, А.А.** Карьерные ориентации в структуре профессиональной Я-концепции студентов [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / А.А. Жданович. – М.: Изд-во Гос. ун-та, Высш. шк. экономики, 2008.

4. Электронный ресурс: http: // www.as.bham.ac.uk / PSA – University of Birmingham.

УДК 81

З.Ш. Исаева

ТОЛЕРАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА

16 ноября 1995 года Генеральная конференция ЮНЕСКО утвердила Декларацию принципов толерантности, а в 1996 году Генеральная Ассамблея предложила ежегодно 16 ноября отмечать международный день толерантности. За прошедшие 14 лет понятие «толерантность» получило широкое распространение, ему посвящены многочисленные эссе и трактаты, оно рассматривается в альманахах и сборниках.

В настоящей статье мы попытаемся уточнить данное понятие, приведем различные точки зрения исследователей на толерантное поведение, проанализируем разновидности толерантного поведения как способа решения конфликта, а также определим правила и средства, использование которых характеризует коммуникативное поведение индивида как толерантное.

Слово *толерантность* (tolerance) пришло в английский язык в начале XV века из латинского языка (через французский) в значении «the action or practice of enduring or sustaining pain or hardship» [8, с. 112] и было схоже в нем со словом *терпение* (patience) – «the suffering or enduring (of pain, trouble, or evil) with calmness and composure» [7, с. 555]. О близости значений этих слов свидетельствует наличие общих сем (enduring, suffering, pain). Различие же в значениях слов *толерантность* и *терпение* состоит, во-первых, в том, что *толерантность* определяется через слова «action or practice», т. е. характеризуется как некое действие, имеющее временные рамки, отсутствующие в значении слова *терпение*, а во-вторых, в том, что в значении слова *терпение* указывается способ перенесения трудностей: «with calmness and composure», о чем не упоминается в определении *толерантности*.

Разница в употреблении рассматриваемых двух слов закрепляется во второй половине XVIII века, когда слово *толерантность* приобретает другое значение – «the disposition to be patient with or indulgent to the opinions or practices of others» [8, с. 112]. Сегодня это значение является основным. Его ключевые параметры: состояние – готовность быть терпимым; объект терпимого отношения – мнения, верования, поведение других людей «the one dislikes or disagrees with» [9, с. 1855].

Последний комментарий: «которые не нравятся или с которыми не согласен» указывает на конфликтный характер ситуации, в которой индивиду следует вести себя толерантно. Из сказанного следует, что толерантность призвана противодействовать конфликту.

Конфликт в конфликтологии рассматривается как «столкновение двух или более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях противодействия» [1, с. 5]. По сути конфликты делятся на *конструктивные* (созидательные) и *деструктивные* (разрушительные). Первые порождены объективными причинами, вторые – субъективными. Первые приносят пользу делу, вторые – вред. От первых уходить нельзя, от вторых – необходимо [6, с. 6].

Философское понимание толерантности часто ограничивается практикой ухода от конфликта, что соответствует *этике ненасилия*, основанной на непротивлении злу силой. А.А. Гусейнов [2, с. 77], исходя из этики ненасилия, предлагает правила, в соответствии с которыми ее сторонникам необходимо:

1) отказаться от монополии на истину, поскольку каждый человек может ошибаться;

2) критически анализировать свое поведение, пытаться выявить то, что провоцирует враждебную позицию оппонентов;

3) исходя из убеждения, что, как бы индивид ни заблуждался, он лучше того, что он делает, и в нем всегда сохраняется возможность преображения, искать такой выход, который позволил бы оппоненту сохранить достоинство и не унижал его;

4) не настаивать на своем мнении, не отвергать с ходу точку зрения оппонента, а искать приемлемые решения;

5) пытаться превращать врагов в друзей, бороться со злом, но любить людей, стоящих за ним.

Однако другие исследователи, например И.А. Ильин, считают, что полагать, чтобы «все всегда» сопротивлялись злу силой или чтобы «никто никогда» не сопротивлялся злу силой бессмысленно. Этот вопрос глубок, утончен и сложен, всякое упрощение здесь вредно и чревато ложными выводами и теориями [3, с. 7].

Опасность непротивления злу состоит в том, что отсутствие сопротивления означает приятие зла, поскольку несопротивляющийся злу рано или поздно приходит к необходимости уверить себя, что зло не совсем плохо, что в нем есть некоторые положительные черты, что их притом немало, что они, может быть, даже преобладают. Таков духовный закон: несопротивляющийся злу поглощается им и становится одержимым [Там же. С. 11–13].

Толерантное поведение, понимаемое как избегание конфликта, непротивление злу, не является способом решения проблем, напротив, уход от конфликта накапливает агрессивные настроения и тем самым порождает еще больший конфликт. «Оставлять конфликт без внимания – это все равно что оставлять в пустом доме тлеющие угли: пожара, конечно, может и не случиться, но уж если случится... Вообще аналогия между конфликтом и пожаром весьма глубока: 1) и тот и другой легче предотвратить, чем потушить; 2) в обоих случаях фактор времени может стать решающим, а промедление недопустимым» [6, с. 15].

Толерантность как терпимое отношение к личности и ее особенностям не означает только уклонение от конфликтов или только их разрешение. Исходя из факта существования конструктивных и деструктивных конфликтов, бессмысленности требования, чтобы «все всегда» или «никто никогда» не сопротивлялся злу силой, можно выделить две разновидности толерантного поведения: активное и пассивное.

Активная толерантность соответствует практике решения конфликтов в том случае, когда это представляется целесообразным, т. е. когда конфликт вызван объективными причинами и его игнорирование может способствовать возникновению конфликта еще большей силы, с еще большими разрушительными последствиями. Для того чтобы решить конфликт, конфликтующим сторонам необходимо начать переговоры.

Исследователи выделяют несколько основных способов ведения переговоров: уступчивость, жесткость и метод принципиального ведения переговоров. Тот, кто выбирает *путь уступок*, стремится избежать личного столкновения и готов ради согласия поступиться своими выгодами. Участник переговоров, выбирающий *жесткий путь*, видит в любой ситуации лишь противоборство своей и чужой воли и уверен, что всегда выигрывает тот, кто занимает более твердую позицию и дольше ее удерживает. Метод *принципиального ведения переговоров* предполагает жесткость, когда дело касается существа вопроса, и уступчивость, когда речь идет о людях. Этот метод призван

искать взаимные выгоды, а там, где интересы сторон вступают в противоречие, настаивать на решении, основанном на беспристрастных критериях, не зависящих от воли сторон [4, с. 174].

Пассивная толерантность соответствует практике уклонения от конфликта. В конфликтологии уклонение, избегание конфликтов соответствует таким *методам управления конфликтом*, как уход от конфликта и метод бездействия. Метод ухода от конфликта используется в ситуации непринципиальности и незначительности данного конфликта. Метод бездействия как разновидность метода ухода от конфликта оправдан в условиях полной неопределенности, когда невозможно просчитать варианты развития событий [5, с. 70–71].

Одной из проблем толерантности является определение ситуации как таковой, где необходимо использовать активное или пассивное толерантное поведение. Неверная оценка конфликтной ситуации как незначительной или, напротив, придание ей излишнего внимания могут привести соответственно к вседозволенности и лишней трате эмоциональных и физических сил.

Важно подчеркнуть, что понимание толерантности как попустительства, т. е. возможности процветания любых мнений, идей, поведений в обществе, некорректно. Такой подход характеризуется однобокостью: все можно (или ничего нельзя). Основой оценки какого-либо явления как хорошо/плохо должно быть нравственное чувство, основой которого выступают моральные ценности, созданные и закрепленные тем или иным обществом. Именно нравственное чувство должно быть мерилом того, с чем можно мириться, а чему необходимо противостоять, решая конфликт.

Достижению цели толерантного коммуникативного поведения, а именно решению конструктивного конфликта, могут способствовать **правила активной толерантности,** включающие следующие коммуникативные установки:

• совместное решение проблемы: не я против тебя, а мы вместе против этой проблемы или же какой-то отдельной ее составляющей;

• использование приема психологического сближения: все люди могут ошибаться;

• демонстрация стремления к продолжению дискуссии;

• свертывание противоборства, переключение на факты, а не на эмоции.

Помимо коммуникативных установок, можно выделить и **средства активного толерантного коммуникативного поведения**, способствующие разрешению конструктивного конфликта:

• акцент антагониста на субъективном восприятии высказанного протагонистом;

• оценка отдельных положений обсуждаемой проблемы, а не проблемы в целом;

• некатегоричность отрицательной оценки;

• сопровождение оценки различными маркерами неуверенности и сомнения в ее достоверности;

• позитивная оценка отдельных компонентов или свойств мнения оппонента;

• выражение отрицательной оценки в форме рекомендаций и пожеланий;

• указание на объективные причины, обусловившие появление ошибок.

Таким образом, толерантность, понимаемая как терпимое отношение к индивиду, его мнениям, верованиям, поведению, способствует урегулированию конфликтных ситуаций. Выделенные в статье две разновидности толерантного поведения – активное и пассивное соответствуют двум основным способам решения конфликта. Активное толерантное коммуникативное поведение целесообразно при разрешении объективного конфликта, возникшего по немаловажным причинам, а пассивное – при решении деструктивного конфликта, не затрагивающего принципиальных проблем.

Важным вопросом толерантности является выбор активного или пассивного толерантного поведения, поскольку в случае ошибки последствия конфликта могут усугубиться. В зависимости от своего выбора индивид использует в качестве метода управления конфликтом уход от него или набор правил и средств активного толерантного коммуникативного поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вершинин, М.С.** Конфликтология [Текст]: конспект лекций / М.С. Вершинин. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2000. – 64 с.
2. **Гусейнов, А.А.** Этика ненасилия [Текст] / А.А. Гусейнов // Вопр. филос. – 1992. – № 3. – С. 72–81.
3. **Ильин, И.А**. О сопротивлении злу силой [Текст] / И.А. Ильин. –М.: Даръ, 2005. – 464 с.
4. **Фишер, Р.** Путь к согласию (соглашение без ущерба для договаривающихся сторон) [Текст] / Р. Фишер, У. Юри // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 173–206.
5. **Цыбульская, М.В.** Конфликтология [Текст]: учеб. практ. пособие / М.В. Цыбульская, Е.С. Яхонтова. – М.: Изд-во МЭСИ, 1999. – 114 с.
6. **Шейнов, В.П.** Управление конфликтными ситуациями [Текст] / В.П. Шейнов. – Мн.: Изд-во Белорус. науч.-исслед. ин-та науч.-техн. информации и техн.-экон. исследований Госплана БССР, 1990. – 28 с.
7. **Oxford** English Dictionary [Text]. – Vol. 1–12, reprinted. – Oxford University Press, Oxford, 1961. – Vol. 7. – 1216 p.
8. **Ibid**. – Vol. 11. – 1462 p.
9. **Oxford** Dictionary of English [Text]. – 2nd ed. – Ed. by Catherine Soares, Angus Stevenson. – Oxford University Press, Oxford, 2003. – 2088 p.

УДК 159.923.2

А.А. Маленов, А.Ю. Маленова

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНЫХ СИТУАЦИЙ

Одной из главных задач учебно-профессиональной подготовки выступает формирование определенного внутриличностного содержания, потенциально обеспечивающего успешность будущей деятельности специалиста. При этом возможности психологии часто выходят за границы профессионального развития, охватывая изменение личности как на интраиндивидном уровне, так и в разных сферах интериндивидного взаимодействия. Несмотря на то что единого эталона профессионально важных качеств психолога не существует, многоплановые решения данной задачи разными авторами позволяют утверждать, что есть достаточно устойчивый набор особенностей, относимых к разным компонентам личности, составляющих основу деятельности специалиста, с одной стороны, и оценки его самоэффективности как личности в целом – с другой. Так, многие авторы (В.П. Захаров, Н.Ю. Хрящева, Р. Кочюнас, И.В. Дубровина и др.) выделяют стрессоустойчивость, самообладание, эмоциональный самоконтроль как группу профессионально важных качеств компетентного психолога.

В данной работе мы попробуем рассмотреть эти характеристики с конативной стороны, т. е. нас интересует потенциал психологического образования в области поведения личности, направленного на преодоление стрессогенных ситуаций. Основная идея в данном контексте сводится к следующему: социально ориентированный специалист психологического профиля, способствующий оптимизации внутренних ресурсов других людей, прежде всего должен использовать свои знания для работы над собой. То есть, обучая других преодолевать трудные жизненные ситуации, квалифицированный психолог сам должен уметь эффективно справляться с ними. Поскольку мы полагаем, что указанная способность может быть

сформирована в процессе обучения на психологическом факультете вуза, для проверки данной гипотезы необходимо определиться с трудной ситуацией, выступающей в качестве стрессогенной для большинства студентов и позволяющей им предпринимать совладающие действия. По мнению Л.И. Дементий, которое мы в полной мере разделяем, такой ситуацией может выступать экзаменационная аттестация обучающихся, объективно заданная, с одной стороны, и субъективно значимая – с другой [5].

Проблема экзаменационного стресса достаточно хорошо изучена в науке. К ней активно обращаются психофизиологи, психологи, педагоги, наглядно изучая вегетативные, соматические проявления организма человека под воздействием экзаменационного стресса, выделяя факторы, детерминирующие поведение личности в ситуации аттестации, создавая программы профилактической и коррекционно-развивающей работы с учащимися. Такой повышенный эмпирический интерес к экзамену обусловлен тем, что он представляет собой естественную и многократно воспроизводимую модель эмоционального стресса, позволяющую изучать реакции значительного числа испытуемых в однородных условиях, что имеет качественные и количественные преимущества [5, 7]. Поддерживая данную идею, мы также обращаемся к изучению экзаменационной ситуации, полагая, что можем расширить представление о ней за счет привлечения иных контекстов психологического анализа. Нас прежде всего интересует нормативность, типичность, повторяемость этого стрессора и его ресурсность, которые могут быть использованы для отработки своих профессионально важных качеств и стратегий поведения будущими психологами, которые в состоянии занимать внутреннюю рефлексивную позицию по отношению к ситуации и самим себе. В связи с этим исходным гипотетическим предположением для нас выступает следующее: студенты-психологи в ситуации аттестации должны достоверно чаще проявлять оптимальный уровень тревоги и эффективные стратегии преодоления экзаменационных трудностей. Прежде чем перейти к анализу полученных эмпирических результатов, следует определить основные понятия и подходы к их трактовке, составляющие теоретическую базу нашего исследования. К числу таковых относятся понятия «экзаменационная тревожность» и «копинг-поведение».

Экзаменационная тревожность, безусловно, относящаяся к эмоциональным реакциям на конкретную ситуацию, исчезает, как правило, после прекращения действия соответствующего стрессора. В связи с этим данный конструкт понимается нами как эмоциональное состояние, возникающее в определенном классе ситуаций – оценивания, проявляющееся в ожидании неуспеха в социальном взаимодействии. Расширение класса ситуаций, в которых может возникать тревожность, подобная экзаменационной, на наш взгляд, вполне оправданно. Подтверждением этому может служить мнение Ч. Спилбергера, что индивиды, характеризующиеся высокими показателями предэкзаменационной тревожности, как правило, отличаются более низким качеством и результатами деятельности в ситуациях типа экзамена, связанных с оценкой личностной адекватности [11].

Современные исследования не отрицают идею З. Фрейда, что экзаменационная тревога является эмоциональным ответом личности на социальную угрозу (или ее осознание), идущую от внешнего мира, т. е. относится к реалистическому типу реакции на обстоятельства [12]. Однако несмотря на объективную заданность экзаменационной аттестации, восприятие ее как тревожащей исходит от самого студента, его когнитивной оценки экзамена как ситуации, предъявляющей завышенные требования. В.М. Астапов отмечает, что при встрече субъекта с потенциальной угрозой всегда происходит оценка степени ее опасности и соотнесение с имеющимися ресурсами. Интерпретация раздражителя как безопасного снимает с него статус «угрозы», в противном случае значимость ситуации повышается и субъект оказывается перед необходимостью выбора из имеющихся средств наиболее оптимальных для разрешения опасной ситуации [2]. На наш взгляд, арсенал таких средств у лиц, обладающих психологическими знаниями и умениями, должен быть достаточным для устранения или снижения вредного действия стрессора.

Что касается конструкта «копинг-поведение», то в данной работе понятия «копинг», «совладание» и «преодоление» используются в качестве синонимов. Основополагающим мы считаем понимание копинга как «индивидуального способа взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями» [9, с. 21]. Из определения ясно, что совладающее поведение имеет детерминацию и на уровне личности, и на уровне среды. Поскольку в студенческом возрасте процесс формирования способов преодоления жизненных трудностей находится в активном состоянии и, следовательно, изучение копинг-стиля как устойчивой связи типа личности и стратегий совладания на данном этапе развития представляется затруднительным [5, 6, 8], наша исследовательская попытка осуществляется в рамках ситуационного подхода к копингу. Исходным для него является положение о том, что внешние воздействия, требующие преодоления, обладают определенной степенью стрессогенности и/или имеют высокую субъективную значимость для личности, и экзамен, безусловно, относится к такого родам воздействиям.

В зарубежной и отечественной психологической науке существует множество подходов к выделению стратегий совладающего поведения. Однако нас интересуют прежде всего классификации, имеющие широкий стратегический арсенал, эмпирически измеряемый адаптированными для российской выборки способами. В целом выделяемые авторами стратегии преодоления сосредоточены на трех основных сферах: оценке ситуации, решении практической проблемы и собственном эмоциональном состоянии, отношении к ситуации. К эмпирически обоснованным подходам, сопровождающимся конкретным методическим инструментарием, безусловно, относится выделение восьми способов совладания с неблагоприятными событиями, полученных С. Фолкман и Р. Лазарусом путем факторного анализа реакций индивида на стресс: противостояние; дистанцирование; самоконтроль; поиск социальной поддержки; принятие ответственности; избегание; плановое решение проблемы; позитивная переоценка [15]. Э. Фрайденберг и Р. Льюис предпочли разделить все стратегии совладающего поведения на три группы: совладание, направленное на решение проблемы; совладание, ориентированное на получение социальной поддержки; «неконструктивное совладание» [14]. Еще более сложная классификация копинг-стратегий, притязающая на комплексный подход, предложена П. Тойтс. По мнению автора, копинг-модель заключается в том, что человек изменяет, решает трудные ситуации либо когнитивно, либо поведенчески, что образует две группы копинг-стратегий, каждая из которых в свою очередь подразделяется на подгруппы в зависимости от ориентации способов на ситуацию, состояние или экспрессивное выражение [4].

Вместе с тем наиболее удобной моделью копинг-стратегий в эмпирическом плане нам видится взгляд на проблему преодоления Ч. Карвера и его сотрудников, выделяющих 15 способов совладания:

- активные действия по преодолению стресса;
- планирование противостояния источнику стресса;
- поиск активной общественной поддержки окружающих;
- поиск сочувствия или эмоциональной поддержки;
- подавление конкурирующей деятельности для более полной концентрации на источнике стресса;
- обращение за помощью к религии или высшим силам;
- извлечение пользы из ситуации через личный рост или ее положительное истолкование;
- сдерживание попыток преодоления до того момента, когда они будут полезны;
- признание факта реальности случившейся ситуации;
- активное выражение эмоциональных переживаний;
- отрицание реальности стрессовой ситуации;
- ментальное отстранение или психологический уход от цели, достижению которой мешает стрессор;
- поведенческое отстранение, отказ достичь цели, в которую вторгается источник стресса;
- временное отвлечение от решения проблемы с помощью алкоголя и/или наркотиков;
- отношение к ситуации с юмором [13].

Помимо широкого арсенала копинг-стратегий, преимуществом данной концепции является наличие методического инструментария, раскрывающего как диспозиционный (типичные реакции человека на источники стресса), так и ситуативный аспект копинг-поведения (реакции на конкретную ситуацию или в определенном промежутке времени) [13]. Так как, согласно авторитетному для нас мнению Л.И. Дементий, при использовании методического инструментария принципиально важно соотнесение его диагностических возможностей и требований того или иного подходов [4], методика Карвера является адекватной и релевантной для изучения копинга с позиции ситуационного подхода на примере экзаменационной аттестации студентов.

Еще одно неоспоримое достоинство концепции (и методики) Карвера – выделение им гипотетически продуктивных и непродуктивных копинг-стратегий, что позволяет выходить на уровень оценки эффективности совладающего поведения личности. Следует отметить, что данная проблема – успешность копинга в целом и выбираемых личностью копинг-стратегий в частности – до сих пор остается неоднозначной и носит дискуссионный характер в психологии. Единение авторов проявляется в том, что эффективность копинга как таковая должна присутствовать при взаимодействии личности и среды и может быть как-то измерена (оценена) субъектом. Гораздо сложнее обстоит дело с оценкой эффективности конкретных копинг-реакций человека, из-за многообразия трактовок которой взгляды авторов порой бывают диаметрально противоположны. В частности, Р. Лазарус, С. Фолкман, К. Муздыбаев, С.К. Нартова-Бочавер отмечают, что любые стратегии преодоления могут быть адаптивны относительно отдельных ситуации и отдельных людей, если приводят к утрате значимости ситуации как раздражителя, определяют благополучие субъекта, высвобождают его энергию для решения других задач [8, 9, 15]. Однако для других ученых такая позиция не является в должной мере убедительной, и они не оставляют попыток построения классификаций копинг-реакций, выделяя стратегии конструктивные и неконструктивные, преобразующие и самопоражающие, адаптивные и дезадаптивные [1, 13, 14].

В данном случае мы, не отрицая потенциальный положительный эффект любой стратегии копинга, все же придерживаемся последней позиции. В ситуации преодоления экзаменационных трудностей можно выделить более и менее продуктивные способы поведения студентов. Это обусловлено прежде всего тем, что экзамен относится к числу нормативных стрессогенных воздействий, имеющих определенную периодичность возникновения в жизни человека, прогнозируемых, ожидаемых и планируемых. В связи с этим экзаменуемые не только приспосабливаются к действию стрессора, но и способны оценивать эффективность своего поведения, сохраняя и закрепляя те стратегии, которые приводят к необходимому результату.

Возвращаясь к концепции Ч. Карвера и его сотрудников, следует отметить, что авторы в свою классификацию включают копинг-реакции, гипотетически адаптивные для тех ситуаций, в которых активный копинг ассоциируется с благоприятным результатом. Это стратегии планирования, поиска активной общественной поддержки, принятия, положительного истолкования и собственно активный копинг как стремление нивелировать источник стресса. Поиск эмоциональной общественной поддержки, подавление конкурирующей деятельности и сдерживание не так явно связаны с активным копингом, но авторы предсказывают, что они тоже должны быть адаптивными. Тогда как стратегии «фокус на эмоциях и их выражение», «поведенческое отстранение» и «отрицание», не являясь в принципе дезадаптивными, все же скорее не эффективны в ситуациях, требующих от субъекта активного преодоления [13]. К числу последних также, на наш взгляд, следует относить и стратегии саморазрушающего типа, в частности использование различных средств для изменения состояния сознания. В рамках концепции Карвера такой стратегией, безусловно, является использование алкоголя и наркотиков. Эту стратегию сам автор относит к дополнительным и еще до конца не изученным способам совладания, в связи с чем не дает ей оценку по критерию адаптивности.

Идею Ч. Карвера на примере стрессоров учебной деятельности подтверждают результаты ряда исследований отечественных авторов, таких как Л.И. Дементий, Т.Л. Крюкова,

И.Ф. Сибгатуллина, Л.В. Апакова, Л.Д. Зайцева, отражающие предпочтение студентами продуктивного стиля преодоления, ориентированного на решение проблемы, непродуктивному, направленному на игнорирование, дистанцирование, самообвинение, уход в себя, покорность и др.

По мнению В.А. Бодрова, используемые стратегии поведения, способы действия в стрессогенной ситуации, с одной стороны, и индивидуальные возможности (ресурсы), с другой, выступают основными факторами, формирующими механизмы психической регуляции преодоления стресса и характеризующими сущность данного процесса. Осознавая, что понятие «ресурсы» может иметь различный смысл, автор понимает ресурс как «функциональный (психологический, физиологический, профессиональный и др.) потенциал, обеспечивающий устойчивый уровень реализации активности человека и достижения ее заданных параметров на протяжении определенного отрезка времени» [3, с. 121]. Подходы к классификации ресурсов копинг-поведения преимущественно задают два направления анализа – возможности среды (внешние) и личности (внутренние). На наш взгляд, психологическое образование, первоначально выступая внешним, средовым по отношению к личности ресурсом, способно оказывать влияние на человека, формируя и усиливая его потенциал, в том числе доступный актуализации при столкновении с трудными жизненными ситуациями.

Подводя итог теоретическому анализу, можно сделать следующее общее заключение, предваряющее эмпирическое исследование. Экзаменационная аттестация выступает нормативным стрессором в учебной деятельности студента, запускающим формы поведения, направленные на совладание с ним. Несмотря на высокий уровень экзаменационной тревожности, свойственный большинству студентов в связи со значимостью ситуации аттестации, обучающиеся способны использовать и закреплять адаптивные копинг-стратегии. Данный процесс имеет определенную продолжительность, связанную с накоплением опыта преодоления трудностей экзаменационной аттестации, и, как правило, к четвертому году обучения студенты имеют целый комплекс эффективных копинг-реакций. При этом студенты психологического факультета в силу специфики учебно-профессиональной подготовки, в том числе направленной на формирование толерантного отношения к разнообразным стрессогенным факторам, находятся в более благоприятных условиях, опосредующих отношение к экзаменационным трудностям и формы поведения для их преодоления. Другими словами, психологическое образование можно рассматривать как профессиональный ресурс личности, определяемый уровнем знаний, умений, навыков и опыта деятельности. Вместе с тем последнее утверждение имеет гипотетический характер и требует эмпирической проверки, результаты которой мы и планируем изложить далее в данной работе.

В связи со сравнительным характером исследования выборка студентов Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского включала две основные группы испытуемых в зависимости от направления образования – студенты психологического факультета (основная группа – 155 человек, из которых 79 представляли 1-й курс обучения и 76 – 4-й курс) и студенты других факультетов – контрольная группа, привлеченная для установления особенностей эмоционального состояния и копинга студентов-психологов (58 человек, из них 33 первокурсника и 25 студентов 4-го курса). Предположительно результаты студентов 1-го курса не должны иметь существенных различий в силу общих возрастных признаков и отсутствия опыта специализации в рамках образовательных программ, тогда как сравнение результатов первокурсников с данными студентов 4-го курса способно выявить отличия, вызванные усилением специализации и формированием в связи с этим соответствующих профессионально важных качеств. Студенты 5-го курса были сознательно исключены из исследования, поскольку, во-первых, аттестация выступает для этой категории лиц в качестве субъективно значимой ситуации уровня события, что могло отразиться на результатах исследования и внести некоторую неоднородность в эмпирические данные (в силу этих же соображений обследование первокурсников производилось после завершения второго сессионного периода). Во-вторых, современные исследо-

вания проблемы адаптации к условиям обучения в вузе показывают, что данный процесс, как правило, продолжается около трех лет и к четвертому году обучения завершается учебно-академический период, уступая место этапу учебно-профессиональному, направленному на решение задач саморазвития, необходимость надстройки профессиональной идентичности, овладение специализированными умениями и навыками [10]. В связи с этим студенты 4-го курса факультета психологии предположительно обладают достаточным уровнем сформированности определенных стратегий поведения, направленных на совладание с трудными ситуациями, возникающими в учебной деятельности, в том числе за счет имеющихся у них специализированных знаний и умений.

Основным методом сбора эмпирических данных выступило психологическое тестирование, представленное следующим методическим инструментарием: «Шкала самооценки тревожности» Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина (методика позволяет дифференцированно измерять тревожность и как личностное свойство – уровень личностной тревожности, и как состояние – уровень ситуативной, в данном случае экзаменационной, тревожности); «Анкета оценки копинг-стратегий» C.S. Carver, M.F. Scheier, J.K. Weintrab в адаптации Л.И. Дементий (оценка ситуативного копинга: выявление стратегий, которые студенты используют для преодоления экзаменационных трудностей, а также оценка их эффективности) [4]. С целью обработки данных применялись частотный анализ, процедура ранжирования, статистические критерии значимости различий – многофункциональный критерий φ* Фишера и непараметрический критерий U Манна – Уитни.

Уровень экзаменационной тревоги студентов выступает эмпирическим референтом стрессогенности ситуации для личности. В данном случае мы полагаем, что стрессогенность экзаменационной аттестации будет иметь обратную связь с курсом обучения студентов: чем старше курс, тем ниже уровень экзаменационной тревожности студентов. При этом уровень экзаменационного стресса у студентов психологического факультета предположительно должен быть ниже, чем у студентов других профессиональных направлений, в связи с наличием специализированной подготовки первых. Результаты замера экзаменационной (ЭТ) и личностной (ЛТ) тревожности студентов, как и предполагалось, отразили ситуативность эмоциональных переживаний в период аттестации: уровень экзаменационной тревоги локализуется в области высоких значений (ср. значение 55,3 балла), заметно превышая уровень развития соответствующей личностной черты, выраженной умеренно (ср. значение 42,5 балла).

Однако нас интересует уровень стрессогенности ситуации экзамена в зависимости от этапа и направления обучения студентов. Следует отметить, что картина эмоциональных переживаний первокурсников весьма похожа – независимо от направления подготовки экзамен выступает для них мощным стрессовым фактором, тогда как среди студентов 4-го курса наблюдается большая дифференциация в оценках уровня тревожности. Для старшекурсников разных образовательных программ значимость экзамена не снижается (единичные случаи низкого уровня ЭТ), однако среди студентов-психологов группа лиц с высокими показателями тревоги значительно меньше, чем среди студентов других факультетов ($\varphi^*_{эмп} = 1{,}78$ при $\rho = 0{,}03$), при этом студенты со средними показателями ЭТ в группе «психологов» встречаются чаще ($\varphi^*_{эмп} = 1{,}5$ при $\rho = 0{,}06$). Также было установлено, что показатели ЭТ студентов 1-го и 4-го курсов, не обучающихся на факультете психологии, существенно не отличаются, т. е. опыт учебной деятельности в данном случае кардинально не меняет отношение к формам проверки и контроля. Аналогичные показатели студентов-психологов отражают тенденцию к увеличению количества учащихся со средним уровнем тревоги в ситуации аттестации ($\varphi^*_{эмп} = 1{,}44$ при $\rho = 0{,}07$) при снижении – с высоким ($\varphi^*_{эмп} = 1{,}37$ при $\rho = 0{,}08$). На наш взгляд, последнее опосредованно свидетельствует о положительной динамике – снижении экзаменационной тревоги студентов психологического факультета, как и результаты сопоставления показателей эмпирической и контрольной групп (см. табл. 1).

Таблица 1

Частота встречаемости студентов психологического (СП) и не психологического (СнП) факультетов с разным уровнем экзаменационной тревожности, %

Курс обучения	Уровень тревожности								
	Низкий			Средний			Высокий		
	СП	СнП	$\varphi^*_{эмп}$	СП	СнП	$\varphi^*_{эмп}$	СП	СнП	$\varphi^*_{эмп}$
1-й	2,5	0	1,56*	11,4	12,1	0,11	86,1	87,9	0,26
4-й	2,6	0	1,4*	19,7	8	1,5*	77,6	92	1,78**
$\varphi^*_{эмп}$	0,04	0	–	1,44*	0,52	–	1,37*	0,52	–

Примечание. В таблице указан уровень значимости различий; две звездочки (**) означают, что $\rho \leq 0,05$, одна звездочка (*) – $\rho \leq 0,1$.

Таким образом, гипотетически можно сделать следующий вывод: психологическое образование способно оказывать влияние на повышение толерантности к воздействию нормативных стрессоров, при этом значимость трудной ситуации для личности не снижается, однако повышается уровень контроля собственных эмоциональных реакций и, как следствие, подконтрольности ситуации.

Обнаруженные закономерности, в частности доказательство значимости ситуации экзамена, позволяют нам приступить к решению следующей задачи – изучению копинг-стратегий, используемых студентами для преодоления экзаменационных трудностей, и оценке их эффективности. Предположительно, студенты психологического факультета достоверно чаще должны прибегать к использованию адаптивных способов совладания, таких как «активный копинг», «планирование», «принятие», «положительное истолкование и рост», «поиск активной общественной поддержки». Тогда как избегающими должны стать стратегии «фокус на эмоциях и их выражение», «поведенческое отстранение» и «отрицание», относимые к числу скорее не адаптивных в ситуациях, требующих от субъекта активного преодоления.

Полученные результаты в целом по выборке студентов показывают, что адаптивные стратегии преобладают над дезадаптивными, что, на наш взгляд, свидетельствует о готовности и способности обучающихся продуктивно строить свое поведение в ситуации аттестации, достигая необходимого эффекта (см. табл. 2).

Таблица 2

Копинг-стратегии студентов психологического и не психологического факультетов в ситуации экзамена (средний балл)

Копинг-стратегия	Факультет психологии		Другие факультеты		Ср. балл	Ранг
	1-й курс	4-й курс	1-й курс	4-й курс		
Активный копинг	12,05	12,28	12,12	12,24	12,2	1
Планирование	12,22	12,16	12,00	11,52	11,97	3
Поиск активной общественной поддержки	11,77	9,97	11,33	11,84	11,2	5
Поиск эмоциональной поддержки	10,77	10,07	9,76	10,52	10,3	7
Подавление конкурирующей деятельности	12,76	11,88	12,03	11,64	12,1	2
Обращение к религии	7,53	7,47	7,45	6,60	7,3	12
Положительное истолкование и рост	12,44	12,93	11,30	11,04	11,9	4
Сдерживание	9,78	8,62	9,48	8,04	8,98	8
Принятие	11,06	10,53	9,76	10,24	10,4	6
Фокус на эмоциях	9,62	8,59	8,79	8,88	8,97	9
Отрицание	6,27	5,57	6,39	5,52	5,9	13
Ментальное отстранение	8,59	7,70	8,03	7,88	8,1	10
Поведенческое отстранение	5,89	5,18	6,09	5,60	5,7	14
Использование алкоголя	4,61	4,33	4,21	4,56	4,4	15
Юмор	7,92	8,22	7,48	7,48	7,8	11

Примечание. Минимальное значение – 4 балла, максимальное – 16 баллов. Ранжирование: 1-й ранг – наибольшая значимость стратегии, 15-й ранг – наименьшая.

Таким образом, современные студенты осознают необходимость усилий, направленных на удаление источника стресса – преодоление экзаменационной ситуации, концентрируясь преимущественно на этом при игнорировании других воздействий, планируя собственную деятельность, обнаруживая ресурсы для личностного роста и обращаясь за помощью к более компетентным лицам. Менее выраженными, но не отвергаемыми студентами стратегиями

поведения при столкновении с трудностями экзаменационной аттестации являются: признание факта реальности случившейся ситуации; реализация при необходимости потребности в эмоциональной поддержке; отказ от поспешных, необдуманных действий; открытое выражение, «выплеск» негативных эмоций; использование временного психологического ухода от тревожных мыслей и действий. К числу стратегий, не приводящих к успеху в ситуации экзамена, по мнению студентов, следует относить юмор, обращение за помощью к высшим силам, игнорирование стрессогенного воздействия, избегание активных попыток совладания, стремление выйти за пределы ситуации, в частности с помощью различных средств изменения состояния сознания.

Сопоставление результатов студентов 1-го курса разных направлений подготовки привело к обнаружению следующих закономерностей: студенты-психологи значительно чаще прибегают к стратегиям «принятие» ($U_{эмп}$ = 988,5 при ρ = 0,04), «положительное истолкование и рост» ($U_{эмп}$ = 948 при ρ = 0,02), «планирование» ($\varphi^*_{эмп}$ = 1,86 при ρ = 0,03) и «подавление конкурирующей деятельности» ($\varphi^*_{эмп}$ = 1,77 при ρ = 0,03) с целью преодоления экзаменационного стресса. Все перечисленные способы являются адаптивными, обеспечивающими нужный эффект в ситуации экзамена. Объяснением данной закономерности, на наш взгляд, может служить тот факт, что на факультете психологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского действует программа психологического сопровождения экзаменационной аттестации первокурсников, в связи с чем они оказываются более готовы к экзаменационной аттестации, в том числе ориентированы на оптимальные способы ее преодоления. В свою очередь различия показателей учащихся психологического факультета 1-го и 4-го курсов также существенны: при сохранении лидерства адаптивных способов совладания, для старшекурсников менее характерны стратегии копинга, связанные с поиском общественной ($U_{эмп}$ = 1850 при ρ = 0,00) и эмоциональной поддержки ($\varphi^*_{эмп}$ = 1,43 при ρ = 0,07), подавлением конкурирующей деятельности ($U_{эмп}$ =2470 при ρ = 0,05), сдерживанием ($U_{эмп}$ = 2161 при ρ = 0,02), отрицанием ($U_{эмп}$ = 2255 при ρ = 0,00), фокусом на эмоциях ($U_{эмп}$ = 2425 при ρ = 0,03), поведенческим ($U_{эмп}$ = 2508 при ρ = 0,06) и ментальным отстранением ($U_{эмп}$ = 2412 при ρ = 0,03), принятием ($\varphi^*_{эмп}$ = 1,92 при ρ = 0,02). На наш взгляд, поведение старшекурсников факультета психологии в отношении ситуации экзамена можно описать как более свободное, независимое, адаптивное (см. табл. 3).

Таблица 3

Частота встречаемости копинг-стратегий в ситуации экзамена студентов психологического и не психологического факультетов, %

Копинг-стратегии	Факультет психологии				Другие факультеты			
	1-й курс		4-й курс		1-й курс		4-й курс	
	Часто	Редко	Часто	Редко	Часто	Редко	Часто	Редко
Активный копинг	64,6	2,5	68,4	3,9	66,7	6,1	60,0	8,0
Планирование	64,6	2,5	63,2	5,3	45,5	3,0	48,0	8,0
Поиск активной общественной поддержки	53,2	6,3	28,9	22,4	48,5	6,1	64,0	16,0
Поиск эмоциональной поддержки	46,8	20,3	35,5	22,4	36,4	24,2	40,0	20,0
Подавление конкурирующей деятельности	72,2	1,3	57,9	9,2	54,6	6,1	44,0	8,0
Обращение к религии	20,3	60,8	17,1	52,6	15,2	54,6	8,0	64,0
Положительное истолкование и рост	67,1	2,5	75,0	3,9	48,5	6,1	48,0	12,0
Сдерживание	22,8	16,5	7, 9	32,9	18,2	27,3	8,0	40,0
Принятие	49,4	15,2	34,2	15,8	21,2	15,2	28,0	20,0
Фокус на эмоциях	29,1	27,9	18,4	42,1	18,2	24,2	12,0	36,0
Отрицание	0,0	67,1	1,3	86,8	3,0	69,7	0,0	84,0
Ментальное отстранение	11,4	31,7	10,5	48,7	6,1	54,6	4,0	40,0
Поведенческое отстранение	5,1	81,0	1,3	90,8	3,0	75,8	0,0	80,0
Использование алкоголя	0,0	93,7	0,0	97,4	0,0	96,9	0,0	96,0
Юмор	13,9	48,1	17,1	43,4	18,2	57,6	8,00	56,0

Примечание. Частое обращение к стратегии предполагает попадание результата в диапазон от 12 до 16 баллов, редкое – в диапазон от 4 до 7 баллов.

То есть опыт преодоления экзаменационных трудностей, а также более уверенное владение специализированными знаниями, умениями, навыками, обусловленное процессом учебно-профессиональной подготовки будущих психологов, действительно способствуют повышению уровня толерантности к нормативным стрессорам ситуаций класса оценивания.

Возвращаясь к концепции Ч. Карвера и его сотрудников, напомним, что авторы относят к гипотетически адаптивным (эффективным) стратегии принятия, планирования, поиска активной общественной поддержки, положительного истолкования и собственно активного копинга как стремления нивелировать источник стресса [13]. Все эти копинг-реакции нашли отражение в поведении студентов психологического факультета, однако в отношении некоторых из них у нас сложилось собственное мнении, отличное от исходной теоретической концепции. Речь идет преимущественно о стратегии «поиск активной общественной поддержки». Безусловно, этот способ совладания способствует достижению нужного эффекта, в том числе в ситуации экзамена, однако он предполагает поиск ресурсов во внешнем окружении, а не в самом человеке, тогда как развитие совладающей активности субъекта, на наш взгляд, должно стремиться к интернальности собственного поведения, поиску внутренних ресурсов, самостоятельности и ответственности за свои действия и их последствия. По нашему мнению, это и демонстрируют студенты старших курсов факультета психологии в отличие от своих сверстников, выбравших другие сферы профессионального развития ($U_{эмп}$ = 607,500 при ρ = 0,007). Еще одно различие, также имеющее мощные ресурсные основания, связано с ориентацией будущих психологов на личностный рост, саморазвитие, в том числе и благодаря преодолению нормативных стрессовых воздействий, что в значительно меньшей степени свойственно студентам других факультетов независимо от курса обучения ($U_{эмп}$ = 549,500 при ρ = 0,001 и $U_{эмп}$ = 948 при ρ = 0,02). На уровне тенденции также была обнаружена приоритетность стратегии «планирование» для студентов-психологов 4-го курса, превосходящая показатель по аналогичной шкале студентов контрольной группы ($\varphi^*_{эмп}$ = 1,33 при ρ = 0,09).

Единственное отличие при сопоставлении выраженности копинг-стратегий студентов, не обучающихся на факультете психологии, было установлено в отношении стратегии «сдерживание», более свойственной первокурсникам, не имеющим богатого опыта столкновения с экзаменационной аттестацией и проявляющим в связи с этим адекватную ситуации осторожность ($U_{эмп}$ = 279,000 при ρ = 0,03). На уровне тенденции к различению можно указать менее выраженное обращение к стратегии отрицания у старшекурсников ($\varphi^*_{эмп}$ = 1, 29 при ρ = 0,1) при повышении значимости для них общественной поддержки в ситуации экзамена ($\varphi^*_{эмп}$ = 1,18 при ρ = 0,1). Однако в целом можно констатировать, что при столкновении с ситуацией экзаменационной аттестации обучающиеся без учебной психологической подготовки имеют сходные стратегии копинга независимо от этапа обучения. Тогда как профиль копинг-поведения студентов-психологов существенно отличается как на разных этапах учебно-профессиональной подготовки, так и при сопоставлении с аналогичными конструктами студентов других специальностей.

В целом результаты нашего исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Ситуация экзаменационной аттестации по-прежнему остается значимой, объективно трудной (или субъективно воспринимаемой в качестве таковой) для большинства студентов, что подтверждает высокий уровень ЭТ учащихся независимо от этапа и направления учебно-профессиональной подготовки.

2. Среди будущих психологов группа лиц с высокими показателями экзаменационной тревоги значительно меньше, чем среди студентов других факультетов, что опосредованно может свидетельствовать о более высоком уровне их готовности к процедуре аттестации благодаря компетенциям, сформированным в процессе учебно-профессиональной подготовки.

3. Современные студенты с целью преодоления экзаменационных трудностей в целом предпочитают адаптивные стратегии копинга, что свидетельствует об их способности продуктивно строить свое поведение в ситуации аттестации, достигая необходимого эффекта.

4. Студенты факультета психологии достоверно чаще прибегают к эффективным стратегиям

совладания с экзаменационным стрессом, таким как «принятие», «положительное истолкование и рост», «планирование».

5. Студенты-психологи старших курсов обучения преимущественно направлены на поиск внутренних ресурсов совладания с нормативными трудностями, тогда как их сверстники, выбравшие другие сферы профессионального развития, чаще обращаются к внешним копинг-ресурсам.

Таким образом, психологическое образование, выступая внешним по отношению к студенту ресурсом, опираясь на его внутренний потенциал и субъектную позицию, создает условия для их развития, в частности формируя предпосылки эффективного преодоления трудных жизненных ситуаций как необходимого качества профессионального психолога. Перспективы дальнейшего продвижения научной мысли в заданном направлении, на наш взгляд, могут быть связаны прежде всего с расширением выборочной совокупности студентов за счет охвата представителей всех курсов обучения, а также разных возрастных групп субъектов психологического образования. Несмотря на то что метод поперечных срезов может косвенным образом свидетельствовать о динамике изучаемого явления, использование лонгитюдной формы организации исследования в данном случае все же более привлекательно, так как продольные срезы, изначально чувствительные к изменениям, позволяют восстановить их полную картину. Еще одной исследовательской перспективой нам видится расширение представления о ресурсных основаниях психологического образования, поиск новых критериев и методов оценки его потенциала для развития личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анцыферова, Л.И.** Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита [Текст] / Л.И. Анцыферова // Психол. журн. – 1994. – № 1. – С. 3–16.

2. **Астапов, В.М.** Функциональный подход к изучению тревоги [Текст] / В.М. Астапов // Там же. – 1992. – № 5. – С. 111–120.

3. **Бодров, В.А.** Проблема преодоления стресса [Текст]. Ч. 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса / В.А. Бодров // Там же. Т. 27. – 2006. – № 2. – С. 113–123.

4. **Дементий, Л.И.** К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения [Текст] / Л.И. Дементий // Журн. прикладной психол. – 2004. – № 3. – С. 20–25

5. **Она же.** Ответственность как копинг-ресурс в ситуации экзамена [Текст] / Л.И. Дементий // Теор. и эмпир. исслед. активности личности / под общ. ред. Л.И. Дементий. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2001. – С. 4–12.

6. **Крюкова, Т.Л.** Возрастные и кроскультурные различия в стратегиях совладающего поведения [Текст] / Т.Л. Крюкова // Психол. журн. – Т. 26. – 2005. – № 2. – С. 5–15.

7. **Лурия, А.Р.** Природа человеческих конфликтов: объективное изучение дезорганизации поведения человека [Текст] / А.Р. Лурия; под общ. ред. В.И. Белопольского. – М.: Когито-Центр, 2002. – 527 с.

8. **Муздыбаев, К.** Стратегия совладания с жизненными трудностями [Текст] / К. Муздыбаев // Журн. социол. и социальной антропол. – Т. 1. – 1998. – № 2. – С. 100–111.

9. **Нартова-Бочавер, С.К.** «Coping behavior» в системе понятий психологии личности [Текст] / С.К. Нартова-Бочавер // Психол. журн. – Т. 18. – 1997. – № 5. – С. 20–30.

10. **Поваренков, Ю.П.** Психологическое содержание профессионального становления человека [Текст] / Ю.П. Поваренков. – М.: Изд-во УРАО, 2002. – 160 с.

11. **Спилбергер, Ч.** Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги [Текст] / Ч. Спилбергер // Тревога и тревожность / сост. и общ. ред. В.М. Астапов. – СПб.: Питер, 2001. – С. 88–104.

12. **Фрейд, З.** Психология бессознательного [Текст] / З. Фрейд; сост. М.Г. Ярошевский. –М., 1990. – 448 с.

13. **Carver, C.S.** Assessing coping strategies: A theoretically based approach [Text] / C.S Carver, M.F. Scheier, J.K. Weintrab // J. of personality and social psychology. – Vol. 56. – 1989. – N. 2. – P. 267–283.

14. **Frydenberg, E.** Adolescent Coping Styles and Strategies [Text] / E. Frydenberg, R. Lewis // Australian J. of Guidance and Counseling. – Vol. 1. – 1991. – P. 35–43.

15. **Lazarus, R.W.** The Concept of Coping [Text] / R.W. Lazarus, S. Folkman // Stress and Coping: an anthology. – N.Y.: Columbia University Press, 1991. – P. 189–206.

УДК 37.01

Е.В. Маняпова

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Проблема приобретения людьми склонности действовать агрессивно по отношению к другим актуальна уже многие десятилетия. Социальные изменения, происходящие в нашем обществе, затронули все сферы жизнедеятельности человека. Демократизация общества и повышение степени свободы личности в сфере ее социальной активности привели к усилению негативных проявлений острых проблем, связанных с ростом насилия, конфликтности и напряженности между людьми. Наибольшую тревогу вызывает проявление агрессивности в поведении подростков.

Негативные факторы социальной ситуации развития подростка (недостатки семейного воспитания, отрицательный микроклимат в семье, как и в системе формальных и неформальных отношений с миром взрослых, психологический дискомфорт в ученическом коллективе и отрицательное влияние референтных асоциальных неформальных групп, напряженные отношения с педагогами и т. д.) создают объективные предпосылки для возникновения и проявления агрессивных форм поведения подростков, а также для формирования агрессивности как устойчивого свойства личности [1, 5, 9].

Рост деструктивных тенденций в подростковой среде обусловливает необходимость разработки наиболее эффективных методов коррекции подростковой агрессивности, предполагающих воздействие не только на само нарушение, но и в первую очередь на обусловливающие его факторы [7, 8, 10].

В своем исследовании мы предположили, что агрессивное поведение подростка – результат жизненного опыта, закрепившего в сознании субъекта суждения и оценки негативного характера, возникшие в результате неудовлетворенности сущностных личностных потребностей.

Одна из задач нашего экспериментального исследования состояла в том, чтобы изучить причины и особенности агрессивного поведения подростков с целью разработки программы психолого-педагогической коррекции. Для этого потребовалось выявить и проанализировать особенности агрессивного поведения, его основные формы, содержание и особенности жизненного опыта подростков, характеризующихся агрессивным поведением.

Выборка исследования составила 140 подростков. Это учащиеся 8-го и 9-го класса средних школ города Тобольска в возрасте 14–15 лет.

В основу нашего исследования были положены методики: проективная методика исследования личности «Hand-тест» [6], шкала агрессии Басса – Дарки [2], методика «Автобиография» Л.Ф. Бурлачук [4], методика «Сценарий жизни» Э. Берна [3] и методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей В.В. Бойко [11]. В данной работе использованы методы качественного и количественного анализа, а также методы статического анализа (пакет программ STATISTIKA for Windows, программа STATGRAFHICS Plus for Windows).

На I этапе экспериментального исследования мы провели диагностику агрессивности и выделили две группы подростков. В первую, экспериментальную, группу вошли 66 подростков, характеризующихся агрессивным поведением; показатели их агрессивности соответствовали высокому и среднему уровню. Вторую группу составили нормотипичные подростки (также 66 человек) с низкими показателями агрессивности.

На II этапе исследования мы проанализировали степень выраженности склонности к открытому агрессивному поведению, уровень и формы агрессивного поведения нормотипичных подростков и подростков с агрессивным поведением, а также показали их различие.

Результаты исследования склонности к открытому агрессивному поведению нормотипичных подростков и подростков с агрессивным поведением по методике «Hand-тест» представлены на рис. 1.

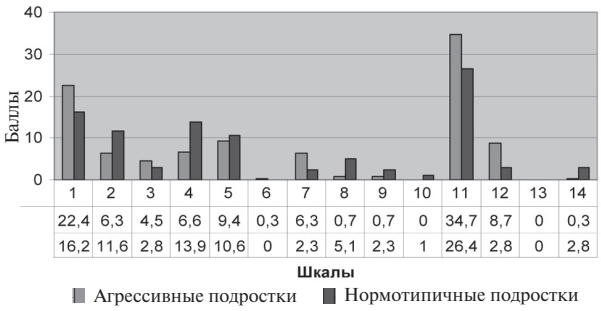


Рис. 1. Сравнительные результаты диагностики склонности к открытому агрессивному поведению нормотипичных подростков и подростков с агрессивным поведением (проективная методика «Hand-тест»):

1 – агрессия; 2 – директивность; 3 – аффектация; 4 – коммуникация; 5 – зависимость; 6 – страх; 7 – экстигибитализм; 8 – калечность; 9 – описание; 10 – напряжение; 11 – активные безличные ответы; 12 – пассивные безличные ответы; 13 – галлюцинации; 14 – отказ

Средний показатель общего количества ответов у подростков с агрессивным поведением составил 28,8, что свидетельствует о высоком уровне психологической активности и указывает на высокий энергетический потенциал и запас тенденций к действию.

Высокий процент категорий «Agg» и «Dir» (28,7) говорит о высокой вероятности проявления агрессии в открытом поведении. Эти категории объединяет отсутствие стремления считаться с другими людьми, учитывать чувства, права, намерения других в своем поведении; они не предполагают взаимных и симметричных межличностных взаимоотношений, отражают готовность к открытому агрессивному поведению, нежелание приспосабливаться к социальному окружению.

Данные показатели подтверждаются высоким процентом безличных ответов (Act + Pas) – более 43,4 %, что свидетельствует о сниженности значения социума в жизни человека, о том, что основной опыт его переживаний связан с физической средой, а не с другими людьми.

Достаточно высокий процент ответов принадлежит к категории «Dep» (9,4 %), что говорит о наличии чувства обиды за свое подчиненное положение и отражает потребность в помощи и поддержке со стороны других людей. Человек, дающий такие ответы, считает, что другие люди должны тратить на него время, уделять ему внимание, нести ответственность за его действия.

Главным показателем теста является коэффициент склонности к открытому агрессивному поведению, которая оценивается путем сравнения тенденций, отражающих готовность к агрессивному поведению, и тенденций, предполагающих кооперацию. В данной группе подростков средний коэффициент равен +2,4 балла, что позволяет говорить о высокой вероятности проявления открытого агрессивного поведения по отношению к окружающим.

Средний показатель общего количества ответов в группе нормотипичных подростков (21,6) свидетельствует о средней психологической активности испытуемых, о среднем энергетическом потенциале и средней степени активированности личности, о тенденции к деятельности.

Высокий процент двух первых категорий свидетельствует о готовности подростков нормотипичной группы к открытому агрессивному поведению, но показатель критерия «Agg» на 6,2 % ниже, чем в группе подростков, характеризующихся агрессивным поведением, что говорит о меньшей склонности к проявлению агрессивных импульсов в открытом поведении, показатель критерия «Dir» практически в 2 раза выше, чем в экспериментальной группе, что свидетельствует о высокой авторитарности и отсутствии стремления считаться с другими людьми, что характерно для всех подростков в связи со стремлением к самостоятельности, которое не удовлетворяется старшими.

Высокий процент ответов категории «Com» (он в 2 раза выше, чем в группе подростков с агрессивным поведением) является признаком высокой коммуникативности, что доказывает способность общаться на деловом уровне и строить свои отношения с окружающими не по принципу «нравится» – «не нравится», а в рациональном контексте.

Высокий процент категории «Dep» отражает потребность в помощи и поддержке со стороны других людей. Этот показатель подтверждается категориями «Act» и «Pas». Безличные ответы по данным показателям составили 29,2 %, что на 14,2 % меньше, чем в группе агрессивных подростков. Это свидетельствует о большем значении социума в жизни данной группы подростков, опыт их переживаний связан не с физической средой, а с другими людьми, что

говорит о социальной восприимчивости и чувствительности в межличностных отношениях.

Подростки из группы нормотипичных отличаются от подростков, характеризующихся агрессивным поведением, высоким процентом ответов «Crip», что указывает на наличие чувства физической неадекватности. Эти ответы отражают склонность к ипохондрии. Подростки уделяют меньше внимания данной проблеме не столько потому, что ее не существует, а в силу легкомысленного и, возможно, бездумного отношения к своему физическому состоянию и в связи с наличием более серьезных и важных проблем.

Коэффициент склонности к открытому агрессивному поведению в группе нормотипичных подростков +0,1 балла. Это говорит о том, что вероятность проявления агрессивности у них существует, но только в особо значимых ситуациях, в отличие от агрессивных подростков, у которых вероятность проявления открытого агрессивного поведения очень высока в повседневной жизни.

Результаты, полученные по методике диагностики показателей и форм агрессии Басса – Дарки в группе нормотипичных подростков и подростков с агрессивным поведением представлены на рис. 2.

Анализируя представленные на рис. 2 данные, мы можем говорить о высоком уровне проявления агрессии у группы подростков,

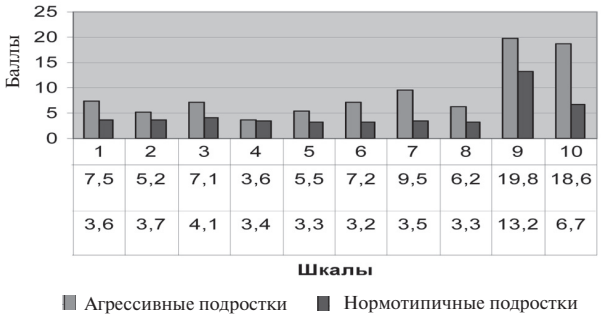


Рис. 2. Сравнительные результаты диагностики уровня и форм агрессивного поведения нормотипичных подростков и подростков с агрессивным поведением (опросник Басса – Дарки):

1 – физическая агрессия; 2 – косвенная агрессия; 3 – склонность к раздражению; 4 – негативизм; 5 – обида; 6 – подозрительность; 7 – вербальная агрессия; 8 – угрызения совести; 9 – индекс агрессивности; 10 – индекс враждебности

характеризующихся агрессивным поведением. Индексы агрессивности и враждебности (шкалы 9, 10) говорят о социальной дезадаптации подростков с агрессивным поведением. Для подростков данной группы характерны следующие формы агрессии: физическая, вербальная, косвенная, обида, раздражение, подозрительность.

Особое внимание обращает на себя индекс подозрительности. Это связано с тем, что сама среда заставляет ребенка сомневаться во всем, настораживаться, порой собственные родители пугают ребенка своей неадекватной реакцией на его поступки. Подросток ощущает себя непонятым, появляется недоверие к окружающим, к взрослым в первую очередь. Ребенку кажется, что никто его уже не сможет понять, если этого не могут сделать собственные родители. Все замечания воспринимаются остро, незначительные фразы, движения подросток принимает на свой счет, причем придает им отрицательную окраску.

Достаточно высок показатель физической агрессии, который находится в зоне дезадаптации и свидетельствует о готовности использовать физическую силу против другого лица.

Существенны индексы обиды и раздражения. Индекс обиды связан с неудовлетворенной потребностью в свободе, это подтверждают результаты методики «Hand-теста». Требования, предъявляемые взрослыми, растут, а прав ребенку больше не дается, и это сопровождается таким чувством, как раздражение.

Косвенная агрессия также имеет место в отношениях подростков. Она отличается стремлением подростков обратить на себя внимание и проявляется в «пинках», «толчках», неосторожно брошенных фразах. Большое влияние на формирование такой формы поведения оказывают негативные внутрисемейные отношения (отсутствие душевного тепла, доверия, понимания, скандалы, грубость, рукоприкладство). Вербальная агрессия проявляется через выражение негативных чувств (ссору, крик, визг), а также через содержание словесных ответов (угрозы, ругань, проклятья).

Кластерный анализ методом Варда методик «Hand-тест» и шкалы агрессии Басса – Дарки в группе подростков, характеризующихся агрессивным поведением, позволил нам распределить

подростков на пять групп по степени выраженности агрессивных тенденций и формам агрессивного поведения.

1-я группа – «директивные» (28 %). Для подростков данной группы характерны враждебность, раздражительность, подозрительность, угрызения совести, негативизм, обида, установка превосходства над другими людьми, высокая вероятность проявления агрессии в открытом поведении, нежелание приспосабливаться к социальному окружению, определенный формализм в отношениях с людьми, чувство обиды за свое подчиненное положение, незрелость личности.

2-я группа – «активные» (22 %). У подростков данной группы наиболее выражены физическая и вербальная агрессия, угрызения совести, враждебность, подозрительность, психологическая незрелость личности, низкая коммуникативность, формализм, потребность в помощи и поддержке со стороны других людей, отсутствует стремления считаться с другими людьми.

3-я группа – «зависимые» (20 %). Подростки этой группы проявляют враждебность, физическую агрессию, характеризуются психологической незрелостью личности, дисгармоничными межличностными отношениями, истероидными чертами личности, личностной дезадаптацией. Они стремятся к активной социальной жизни, сотрудничеству с другими людьми.

4-я группа – «пассивные» (17 %). Подростки данной группы враждебны, им свойственны косвенная агрессия, угрызения совести, потребность в помощи и поддержке со стороны других людей, чувство обиды за подчиненное состояние, характеризуются личностной дезадаптацией.

5-я группа – «эмоциональные» (13 %). Подростки этой группы раздражительны, враждебно настроены, характеризуются преобладанием косвенной и вербальной агрессии, негативизмом, формализмом в отношениях с другими людьми, личностной дезадаптацией. Испытывают потребность в помощи, поддержке, стремятся к приспособлению, нуждаются в социальном окружении.

На следующем этапе исследования мы проанализировали жизненный опыт нормотипичных подростков и подростков с агрессивным поведением, определили специфику жизненного опыта последних, особенности их мировосприятия, тем самым определили роль жизненного опыта в формировании агрессивного поведения.

При сравнении результатов методики «Автобиография» у нормотипичных подростков и подростков с агрессивным поведением можно отметить, что подростки, характеризующиеся агрессивным поведением, называют в среднем на четыре события меньше, чем подростки контрольной группы, что указывает на большую продуктивность, социальную адаптированность и адекватность психического состояния нормотипичных подростков.

У подростков в обеих группах количество событий прошлого превышает количество событий будущего, причем испытуемые склонны называть более отдаленные события прошлого и более близкие будущего, что указывает на значительную роль прошлого жизненного опыта. В среднем в 2 раза больше грустных событий прошлого называют подростки с агрессивным поведением, но общее количество этих событий невелико – это может указывать на беспокойство за будущее, вытеснение беспокоящих и психотравмирующих событий прошлого.

Анализируя среднее время ретроспекции и антиципации событий, следует отметить, что удаленность событий в прошлое в 2 раза больше в группе подростков с агрессивным поведением, чем в группе нормотипичных подростков, что указывает на большую степень их реализованности. Удаленность событий в будущее у нормотипичных и агрессивных подростков приблизительно одинакова, и среднее время антиципации достаточно велико, что указывает на большую степень их потенциальности.

Испытуемые нормотичичной группы больше открыты опыту настоящего, так как чем больше потенциальность и меньше реализованность, тем больше «психологически молод» человек. Испытуемые с агрессивным поведением отличаются от нормотипичных испытуемых большей психологической зрелостью.

Так как жизненный опыт личности принадлежит прошлому, мы обратились к более детальному анализу типов и видов событий прошлого в группах агрессивных и нормотипичных подростков и попытаемся определить специфику жизненного опыта подростков, характеризующихся агрессивным поведением.

В группе агрессивных подростков по количеству событий прошлого на 1-е место выходят личностно-психологические события, в группе нормотипичных – два типа событий: личностно-психологические и изменение социальной среды. Несмотря на то что личностно-психологическим событиям 1-е место принадлежит и в той, и в другой группе, это не означает, что эти события, зафиксированные испытуемыми, оказывают одинаковое влияние на их внутренний мир и жизненный опыт. События, зафиксированные испытуемыми в разных группах, существенно различаются. У нормотипичных испытуемых преобладают события позитивного характера, желательность которых у испытуемых не вызывает сомнения (первый раз влюбился, пошел в школу, поездки, путешествия, соревнования, подарили мотоцикл и т. д.), и эти события незначительно удалились в прошлое. У испытуемых с агрессивным поведением преобладают события грустные, нежелательные (начал курить, расставание с отцом, расставание с матерью, удар от мамы, освободился брат, посадили отца, посадили отчима, самая большая ошибка жизни, предательство, первая любовь, опоздал на работу, поставили «2», остался на второй год и т. д.), и удаленность этих событий в прошлое значительно больше, чем в группе нормотипичных подростков, что указывает на большую роль и значимость этих событий в жизни человека.

Изменение социальной среды в группе нормотипичных выходит на 1-е место, тогда как у агрессивных подростков событиям этого типа принадлежит лишь третья позиция. Такая ситуация в группе агрессивных подростков связана с низким уровнем социальной адаптации, как было указано выше, и с тем, что такие подростки менее восприимчивы к влияниям социальной среды, стараются принизить ее роль и значение в своей жизни.

Следовательно, в становлении и развитии агрессивного поведения подростков большую роль играет отрицательный опыт, полученный подростком в ходе своего предыдущего становления и развития.

Результаты исследования содержания жизненного опыта по типам агрессивных подростков позволили определить основные причины агрессивного поведения подростков. У директивных подростков агрессивное поведение – результат действия установки на превосходство, проявления негативизма, нежелания приспосабливаться к социальному окружению; активные ведут себя агрессивно, стремясь к самоутверждению, повышению своего статуса в референтных группах; зависимые – из-за невозможности актуализации потребности в самореализации; пассивные – вследствие социальной дезадаптации, слабости социальнозначимых связей, недовольства своим положением, защитной позиции; эмоциональные реагируют агрессивным поведением на неуверенность, тревожность, одиночество и непонимание.

Результаты методики «Сценарий жизни», подтверждающие данные, полученные с помощью методики «Автобиография», представлены в таблице.

Сценарии жизни нормотипичных подростков и подростков с агрессивным поведением (примеры ответов подростков)

Подростки с агрессивным поведением	Нормотипичные подростки
1. Как бы назывался фильм о вашей жизни?	
Неудачная жизнь в счастье. Круговорот. Бродяга по жизни. Поездка в никуда. Зебра. Несчастье от самого себя. Вся наша жизнь дерьмо! Ограниченная свобода. Черно-белая полоса жизни и т. д.	Интересная жизнь. Цветок дракона. Жизнь обычного человека. Необыкновенные приключения.

Продолжение таблицы

Подростки с агрессивным поведением	Нормотипичные подростки
2. К какому жанру относился бы этот фильм?	
Комедия – трагедия – 25 % Грустная комедия – 25 % Жизненная комедия – 40 % Приключенческая комедия – 10 %	Веселая комедия – 80 % Приключения – 20 %
3. Кто играл бы в нем главную роль, роль комика, роль злодея?	
Главная роль: Я – 80 % Я – раздолбай – 10 % Я – узник – 10 % Злодей: Я – 60 % Брат – 10 % Все – 20 % Враг – 10 % Комик: Папа – 10 % Сестра – 30 % Я – 30 % Друг – 30 % Хорошо – 25 % Счастье, любовь – 20 %	Главная роль: Я – 30 % Брат – 20 % Сестра – 5 % Другие – 45 % Злодей: Я – 50 % Подруга (друг) – 50 % Комик: Подруга – 40 % Друг – 40 % Я – 20 %
4. Чем бы заканчивался ваш фильм?	
Началом другого фильма – 5 % Не закончится – 5 % Трагедия–счастье – 45 % Проигрышем – 5 %	Счастьем – 20 % Хорошо – 20 % Весело – 20 % Никак – 35 %

Сравнивая сценарии агрессивных подростков и нормотипичных испытуемых, мы можем отметить, что установки прошлого оказывают существенное влияние на мировосприятие подростков. Они действительно сформировали в сознании агрессивных подростков оценки и суждения пессимистического и негативного характера, и дети склонны поступать так, присваивать и играть те роли, которые созданы для них в прошлом, не исходя из настоящего, т. е. мы имеем дело не просто с опытом жизни, а с жизненным опытом, являющимся определяющим в выборе моделей поведения и построения собственного образа окружающего мира. Подростки с агрессивным поведением воспринимают и осознают неоднозначную ситуацию как опасную, несущую в себе вред, угрозу, преднамеренную злость, и выбирают соответствующую модель поведения, чаще как один из наиболее эффективных, непроизвольных способов защиты или как один из способов освобождения организма от избыточной нерастраченной отрицательной энергии.

Таким образом, из результатов исследования следует, что агрессивный подросток – это подросток с аффективными лишениями в течение длительного времени своего развития, в результате чего у него сформировалось негативное, субъективное отношение к окружающему миру, реализующееся через агрессивное поведение.

Психолого-педагогическая помощь по коррекции агрессивности в поведении подростков прежде всего должна быть направлена на основные факторы, обусловливающие ее возникновение и проявление.

Наиболее продуктивным, на наш взгляд, представляется подход, исходящий из обуслов-

ленности агрессивных проявлений в личностных характеристиках и поведении не столько органическими, сколько социально-психологическими причинами. Данное обстоятельство четко раскрывается у детей подросткового возраста, когда особенно ярко проявляется зависимость личностного становления не от генетической предрасположенности, а от качественного изменения социальной позиции, жизненного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. **Бандура, А.** Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений [Текст] / А. Бандура, Р. Уолтерс; пер. с англ. Ю. Брянцевой и Б. Красовского. – М.: Апрель Пресс, 1999. – 512 с.
2. **Басс, А.** Личностная методика диагностики агрессивного поведения [Текст] / А. Басс, А. Дарки. – М.: Мысль, 1957. – 34 с.
3. **Берн, Э.** Люди, которые играют в игры [Текст] / Э. Берн. – М., 1988.
4. **Бурлачук, Л.Ф.** Психология жизненных ситуаций [Текст] / Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова. – М.: Рос. пед. агентство, 1998. – 263 с.
5. **Бурминская, Т.В.** Взаимосвязь особенностей развития личности подростков и форм агрессивных реакций [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / Т.В. Бурминская.– Ставрополь, 2004. – 199 с.
6. **Елисеев, О.П.** Практикум по психологии личности [Текст] / О.П. Елисеев. – СПб., 2003.
7. **Змановская, Е.В.** Девиантология: психология отклоняющегося поведения [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов / Е.В. Змановская. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 344 с.
8. **Ковальчук, А.В.** Педагогическая коррекция агрессивного поведения подростков [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.В. Ковальчук; Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2005. – 22 с.
9. **Корнеев, П.В.** Жизненный опыт личности [Текст] / П.В. Корнеев. – М.: Изд-во полит. лит., 1985. – 127 с.
10. **Мельникова, М.Л.** Агрессивное поведение делинквентных подростков: детерминанты и условия коррекции [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / М.Л. Мельникова; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
11. **Практическая** психодиагностика: методики и тесты [Текст]. – Самара: БАХРАХ, 1998. – 413 с.

УДК 37:001.89

Е.Н. Михайлова

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГА НА ОСНОВЕ РИСКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Изменения в образовательной политике России, модернизация общего среднего образования, введение профильного обучения, реализации целей формирования общего европейского пространства высшего образования определили новое понимание компетентности педагога. Современный педагог – это исследователь, способный к научной деятельности и постоянному саморазвитию. Решение исследовательских задач сегодня рассматривается не просто как право педагога, но и как его профессиональная обязанность, что отражено в Национальной доктрине образования РФ как «участие педагогических работников в научной исследовательской деятельности», «интеграция научных исследований с образовательным процессом», в «Рекомендациях по определению уровня квалификации педагогических и руководящих работников» и других документах. Анализ официальных требований к современному учителю, воспитателю показал, что они должны быть готовы к изучению, анализу и прогнозированию развития личности и жизнедеятельности обучающихся, к осуществлению комплексных преобразований в образовательной системе, к преодолению противоречий ее развития, т. е. быть способными решать комплекс исследовательских задач, связанных с различными сферами педагогического труда [1].

Как показывают проведенные нами диагностические исследования, практический уровень исследовательской деятельности рядового учителя зачастую остается невысоким. По классификации В.С. Безруковой [3], в которой выделены два уровня исследовательской работы учителя, численно значительно преобладает 1-й уровень:

• 1-й уровень – внедренческо-исследовательская деятельность. Суть – организация внедрения идей, состоявших в науке, описанных в ней и заимствованных из научных статей и монографий;

• 2-й уровень, более сложный – поисково-исследовательская деятельность, по характеру наиболее близкая научной. Это комплексное образование, включающее в себя креативность, творчество, умение определять зону незнания и др., методологическую подготовку (знание теории и технологии педагогического исследования). Подразделяется на два направления: выработка новых концептуальных идей и разработка новых образовательных технологий.

Нет сомнений, что увеличение количества педагогов 2-го уровня исследовательской деятельности привело бы к объединению теоретических и практических исследований, благодаря чему значительно повысилось бы их качество. Однако, как показывают наши аналитические наблюдения, большинство педагогов не осознают преимущества 2-го уровня исследовательской деятельности для себя, школы и общества, 1-й уровень наиболее распространен в современных российских школах в силу своей доступности и малой энергоемкости для педагога.

Между тем именно ориентированность на качество результата (праксеологический подход) определяет активную разработку механизмов и способов управления качеством педагогических исследований [4]. Одним из наиболее эффективных путей решения вышеназванных проблем является развитие научного направления в педагогике «Рискология исследовательской деятельности» в концепции праксеологического подхода, которое поможет каждому педагогу правильно оценить свои энергозатраты, качество и выгоды результата исследования, узнать предполагаемые риски и способы их минимизации. В самом общем определении рискология – это наука о риске, исследующая сущность риска, его причины, формы проявления и роль в жизни людей. Современный этап развития такого интегрированного направления, как рискология, ориентирован на управление рисками, возможность всестороннего просчета с целью предотвращения, избегания или минимизации риска деятельности субъекта, попавшего в сложную ситуацию или намеренно выбравшего ее, что говорит об усилении прогностической функции этой науки, в том числе и в обдасти педагогики.

Педагогическая рискология как научное направление в педагогике была основана в работах доктора педагогических наук И.Г. Абрамовой, посвященных изучению риска как педагогического феномена с новых теоретических и методологических позиций. В своем диссертационном исследовании [2] она определяет риск в сфере образования как закономерное отражение одного из современных направлений, связанного с резким увеличением доли вероятностных представлений в научном знании, признанием стихийности, случайности, неопределенности важнейшими факторами развития личности, общества; деятельностный ответ на актуальную потребность в разрешении противоречий при неясном (альтернативном) развитии противоположных тенденций в конкретных социально-педагогических условиях; многоаспектный феномен, характеризующий инновационную профессиональную деятельность, в которой объективно существуют цели, содержащие в себе обоснованный, т. е. общественно полезный, риск. В концепции педагогического риска И.Г. Абрамовой выделены стратегический риск, риск рассогласования, физический риск, диспозиционный риск, риск несоответствия, риск бездействия, технологический риск и другие виды педагогических рисков.

Что касается *рисков исследовательской деятельности педагога*, то, по нашему мнению, в целом они совпадают с перечисленными видами педагогического риска, но нуждаются в уточнении, дополнении и ранжировании в соответствии с видом (уровнем сложности) проводимого педагогом исследования. В ходе экспериментальной работы в школах города Северска Томской области на основе данных И.Г. Абрамовой нами определен минимальный перечень видов педагогического риска

исследовательской деятельности разного вида (уровня).

Стратегический риск – корреляция темы исследования педагога запросам школы, города, региона, страны, мировой системы образования (с учетом типа исследовательской работы, конечно).

Риск рассогласования – расхождение между требованиями школы (города, региона, страны, мировой системы образования) и личными интересами и возможностями педагога.

Физический риск – заболевания и психологические проблемы педагогов, занимающихся исследовательской деятельностью, заболевания и психологические проблемы учащихся как участников педагогических экспериментов.

Диспозиционный риск – степень совпадения или несовпадения целей, установок, ожиданий и запросов учителя с целями школы, города, региона, страны, отечественной системы образования.

Риск несоответствия как наличествующий уровень теоретической и практической готовности учителя проводить исследование выбранного уровня (типа, вида).

Методологический риск как недостаточный уровень методологической готовности (культура) учителя проводить исследование выбранного уровня (типа, вида).

Риск бездействия – стремление человека к минимизации энергозатрат, лени, конформизму.

Технологический риск – оптимальное/неоптимальное планирование исследовательской деятельности, оптимальное/неоптимальное проведение педагогического эксперимента, оптимальное/неоптимальное текстовое описание исследовательской деятельности.

Экономический риск – уровень готовности учителя к материально-техническим затратам на проведение исследовательской деятельности.

В самом начале своей исследовательской деятельности каждый педагог проводит самодиагностику возможностей и рисков с помощью разработанного нами комплекса диагностических методик, включающего в себя в том числе «Программу оценки рисков проведения педагогического исследования». Выделение рискологических факторов разного уровня и информированность учителя о рисках позволят не только правильно организовать исследовательскую деятельность, но и разработать комплекс мероприятий по выявлению, оценке, профилактике и минимизации предпринимаемых рисков, снабдить исследователя достоверными сведениями о возможных негативных аспектах воплощения дела, заранее предусмотреть и внести в исследовательский проект превентивные защитные меры. В этом случае было полезно заимствование опыта непедагогической сферы (экономики, менеджмента и др.), где это часто происходит в рамках антирисковой программы (программы антирисковых мероприятий). Каждый учитель составляет свою антирисковую программу с учетом уровня исследовательской деятельности, результатов самодиагностики и прогнозирования рисков. **Антирисковая программа** включает в себя три основных этапа (анализ рисков, построение антирисковой программы, воплощение антирисковых мероприятий), в целом они не противоречат принципам педагогического прогнозирования.

1-й этап. Анализ рисков исследования включает всестороннее выявление рисков и рискованных связей. Природа рисков может быть различна, но их последствия сводятся к неуспешности деятельности или ущербу субьектов исследования, так как этот этап не ограничивается выявлением рисков, он имеет целью спрогнозировать их негативные последствия (прогностическая функция).

2-й этап. Построение антирисковой программы. Охватывает антирисковые меры профилактики, включаемые в проект (плюс подавление имеющихся рисков). На этом этапе педагог может правильно оценить свои ресурсы и повысить/понизить уровень исследовательской деятельности. Особую значимость в это время приобретает научно-методическое сопровождение или модерирование педагога научно-методической службой школы.

3-й этап. Воплощение антирисковых мероприятий и осуществление исследовательской деятельности.

Итак, проанализировав понятие «Рискологические факторы», можно констатировать, что эта категория имеет распространение в область исследования педагога и может положительно влиять на качество результата исследования. Подготовительный этап исследования в

форме самодиагностики исследователя и эффективная антирисковая программа для каждого уровня исследовательской деятельности как в условиях ее свободного выбора (самообразование педагога), так и в условиях обязательной определенности (профессиональное образование любого уровня, послевузовское образование и т. д.) позволяют оптимизировать процесс исследования и добиться более значительных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аттестация** педагогических и руководящих кадров в образовании [Текст]: практ. пособие для работников органов управления образованием. – М., 1996.

2. **Абрамова, И.Г.** Теория педагогического риска [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 : защищена 1996 : утв. 1996 / Абрамова Ирина Георгиевна. – СПб., 1996. – 381 с.

3. **Безрукова, В.С.** Настольная книга педагога-исследователя [Текст] / В.С. Безрукова. – Екатеринбург: Дом учителя, 2000. – 236 с.

4. **Михайлова, Е.Н.** Праксеологический подход в исследовательской деятельности педагога [Текст] / Е.Н. Михайлова //Вестн. ТГПУ. – 2006. – Вып. 10. – С. 25–27.

УДК 316.6:159.923

Г.Г. Танасов

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В СИТУАЦИИ ПЕРЕГОВОРОВ

Возрастающая роль переговоров в разнообразных жизненных ситуациях обусловливает повышенный интерес к их изучению. Как предмет психологического исследования переговоры занимают особое место, соприкасаясь со многими областями психологического знания, но в настоящее время в отечественной науке проблема переговоров еще не оформилась в самостоятельную область психологических изысканий с необходимой опорой на теоретико-методологические конструкции и эмпирические достижения психологии общения и психологии личности [1, 2]. На Западе в науке сложилась сеть подходов к изучению переговоров. Наиболее значимые среди них: гарвардская школа (Р. Фишер, У. Юри), игровая концепция (О.Дж. Бартос, Дж.К. Харсани, П.Р. Янг), нормативный подход (С.Б. Бачарач, Э.Дж. Лавьер, М.Р. Берман, Дж. Брокк, У. Зартман, Д.Г. Пруит, Г. Раиффа), когнитивный подход (М.Х. Базерман, Г.О. Фор, К. Джонсон) и др. В отечественной науке, несмотря на практическую востребованность и значимые достижения в смежных областях психологического знания, работ, обращенных именно к проблеме переговоров, заметно меньше. Наиболее известны работы А.Г. Асмолова, Г.В. Солдатовой, В.А. Кременюк, М.М. Лебедевой, Р.И. Мокшанцева, М.А. Хрусталева, Н.Ю. Белоусовой, Г.Г. Танасова, А.С. Евдокименко и др.

В связи с возросшей активностью женщин на деловом, общественном, политическом поприще они все чаще становятся партнерами в переговорах. Несмотря на деловую ориентированность этой ситуации, и в деловом общении оппоненты остаются мужчинами и женщинами, вовлекая в обсуждаемую тему свойственный им более общий дискурс, отражающий отношение полов. Этот аспект, иногда оставаясь не проявленным, не артикулируемый собеседниками, не может не обусловливать все, что происходит между общающимися. При этом фактор пола характеризуется двойной нагрузкой. Пол субъекта переговорной ситуации обусловливает его поведение, и одновременно поведение обусловливается тем, к оппоненту какого пола адресуется субъект. Гендерный статус как существенное измерение личности, пронизывает все

уровни и пространства ее бытийности [3–5]. Но, как показывают исследования, в различных ситуациях бытийности он проявляется с различной степенью очевидности. Есть нейтральные ситуации, где маскулинное/феминное не выражены ярко, а есть ситуации, провоцирующие личность на более очевидную демонстрацию мужского/женского. К таким ситуациям относится конфликт интересов, в разрешение которого включены мужчина и женщина как оппоненты, противники и одновременно партнеры, заинтересованные в конструктивном выходе из сложной ситуации [6]. Однако научных исследований, связывающих результаты частных рассмотрений переживаний и поведения личности в ситуации деловых переговоров с психологией пола, явно недостаточно.

В свете актуальности имеющихся в современной психологической науке и социальной практике проблем представляется важным выявление закономерных связей пола личности с комплексом эмоциональных переживаний и состояний, испытываемых субъектом как в момент осознания необходимости участия в предстоящих переговорах, так и непосредственно в процессе переговоров и после завершения этапа активного обсуждения, спора и осознания достигнутого результата. Это поможет не только осознать проблемные для личности переживания и ощущения, но и найти способы преодоления трудностей.

Задачи исследования: определить влияние психических состояний на исход переговоров и выявить различия в переживаемых мужчиной и женщиной психических состояниях. В экспериментальных исследованиях, включавших опросные диагностические процедуры, принимала участие группа студентов, состоящая из 52 человек в возрасте 18–20 лет. Группа была разделена на 14 женских и 12 смешанных пар.

Выбор эксперимента как метода исследования был обоснован тем, что при изучении конфликтного взаимодействия в естественных условиях значительные трудности представляет контроль влияния различных трудно учитываемых факторов. Ситуация индуцированного конфликта интересов в эксперименте позволяет устранить сложности, связанные с контролем исследуемых переменных.

Общая схема процедуры по сбору экспериментального материала выглядела следующим образом. Преподаватель в студенческой аудитории делает объявление о содержании предстоящего занятия. Он говорит о том, что в связи с завершением семестра на занятии будет проведена аттестационно-зачетная форма работы по пройденному учебному курсу «Психология личности». Планируемая работа предполагает соревновательный характер и будет проводиться в парах. Преподаватель в случайном порядке соединяет студентов в пары и рассаживает в аудитории по два человека за рабочий стол.

Далее предлагается следовать инструкции, отражающей содержание предстоящей работы. Студенты должны индивидуально (каждый на отдельном листе) сформулировать и записать семь тезисов, по их мнению, отражающих основное в содержании концепции З. Фрейда. Завершив индивидуальную работу, студенты начинают работать в парах. Они сравнивают по очереди тезисы, образующие пары (1-й тезис, сформулированный одним из студентов, с 1-м тезисом, сформулированным другим студентом), и в результате каждого сравнения формулируют заключение о «выигрыше». Выигрывает тезис, более точно отражающий сущностную особенность концепции З. Фрейда. Возможна ситуация, при которой два тезиса аналогичны по точности и весомости. В результате сравнения семи пар тезисов формулируется общий итог, дающий возможность выявить победителя. Победитель получает зачет по учебному курсу. Проигравший сдает зачет преподавателю во время сессии в назначенное по расписанию время. Сложно представить ситуацию, при которой все семь сопоставлений не создали возможность для выявления победителя. Тем не менее, если все-таки это происходит, студенты возвращаются к своим индивидуальным листам с сформулированными тезисами и дополняют их еще двумя тезисами. После этого вновь в паре обсуждают то, что сформулировали, и определяют победителя. Это можно повторять столько раз, сколько необходимо.

Эксперимент проводился в различных студенческих аудиториях (в зависимости от факультета, специальности и изучаемого предмета задание формулировалось по-разному), и во всех случаях наблюдалась соревновательность,

азарт и стремление *договориться*, так как решение о победившем тезисе принималось внутри пары. Нередко участники эксперимента пытались освободить себя от проблемы поиска договоренности и обращались к преподавателю с просьбой, чтобы он принял решение. После отказа преподавателя сделать это пары приходили к какому-то собственному решению. В некоторых парах это потребовало нескольких этапов в работе с индивидуальными листами и последующих обсуждений, но в итоге победитель был определен во всех парах. Следует добавить, что в последующем преподаватель познакомился с содержанием всех индивидуальных листов и, конечно, поставил зачет тем студентам, которые в паре «проиграли», но при этом содержание сформулированных ими тезисов было корректным, полным и отражало самое существенное в концепции З. Фрейда.

В качестве диагностического инструментария использовался *опросник самооценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности* [7]. Методика предполагает оценку респондентом полярных суждений (например, самочувствие хорошее/плохое), характеризующих отдельные составляющие состояния, и направлена на измерение преимущественно краткосрочных, волатильных, реактивных составляющих общего психического состояния. Это позволяет получить оперативную характеристику протекания конкретных психических состояний [8].

Диагностика осуществлялась дважды. Первый раз – после объяснения процедуры предстоящей работы и разделения студентов на пары. Предполагалось, что вид работы (соревновательность, обусловленная стремлением выиграть, чтобы получить зачет по предмету), а также то, *кто* стал конкурирующим партнером, влияют на переживаемое субъектом состояние: эмоциональный тонус, интерес, комфортность и пр.

Второй раз диагностика проводилась после завершения работы и принятия в парах решения «кто выиграл». Это решение должно было быть сформулировано и зафиксировано на индивидуальных листах участников: «Я выиграл» или «Я проиграл». Предполагалось, что в зависимости от того, проиграл или выиграл участник исследования, состояние и его отдельные составляющие могут различаться. Также предполагалось различие в переживаемом участником состоянии в зависимости от того, *кому* (партнеру своего пола или противоположного) он проиграл или *у кого* выиграл.

Характер обработки первичных данных и их анализ несколько отличались от того, как это было рекомендовано в методическом пособии [7]. Использованный в данном исследовании вариант обработки эмпирического материала создавал возможности для получения более дифференцированной и подробной информации о переживаемых опрашиваемыми лицами состояниях. Сначала по каждой черте, включенной в пару полюсных характеристик, рассчитывался средний показатель (например, «самочувствие хорошее» – 1,7 балла; «самочувствие плохое» – 0,16 балла). Затем для расчета общего показателя по отдельному, определяемому методикой, параметру (например, «состояние психической активации») суммировались со знаком «плюс» результаты по чертам, свидетельствовавшим о положительной выраженности этого параметра («самочувствие хорошее» и другие черты) и со знаком «минус» результаты по чертам, свидетельствовавшим об отрицательной выраженности этого параметра («самочувствие плохое» и другие черты).

Четыре категории опрашиваемых на первом этапе были определены с учетом последующего результата:

- женщины, конкурировавшие с женщинами и выигравшие (Жж-в);
- женщины, конкурировавшие с женщинами и проигравшие (Жж-п);
- женщины, конкурировавшие с мужчинами и проигравшие (Жм-п);
- мужчины, конкурировавшие с женщинами и выигравшие (Мж-в).

(Отметим, что во всех смешанных парах выиграли мужчины.)

Результаты первого этапа исследования приведены в табл. 1.

1. *Психическая активация* (состояние нервной системы, характеризующее уровень ее возбуждения и реактивности [9]) значимо ($p < 0,01$) отличается в женских парах. Здесь отмечено значительное превосходство уровня активации у тех респонденток, которые в последствии оказались в выигрыше. Значимого

Таблица 1

Показатели психических состояний респондентов до проведения переговоров

Категория опрашиваемых	Психическая активация	Интерес	Эмоциональный тонус	Напряжение	Комфортность	Активность, запас сил
Жж-в	3,3	4,7	3,84	–1,64	0,46	3,2
Жж-п	0,8	2,26	0,54	–0,16	0,54	1,8
Жм-п	2	0,75	2	–0,75	0,25	3
Мж-в	1,25	1,75	3	2,5	3,25	3,25

различия в уровне психической активации в смешанных парах нет. Мужчины в этих парах выиграли, но уровень их активации ниже, чем у проигравших им женщин. Оценка по отдельным парам определений, формирующих показатель психологической активации, показала следующее.

Между проигравшими и выигравшими женщинами в парах утверждений «отдохнувший – усталый» и «бодрый – вялый» разницы нет. Разница по состоянию психической активации возникает только из-за расхождения оценки утверждений «желание работать – желание отдохнуть». Выигравшие женщины оценили свое состояние по этому параметру на 1,5 балла, а проигравшие в –1 балл (разница 2,5 балла) ($p < 0,01$). Как видно, высокий (или низкий) уровень «желания работать» оказывает значительное влияние на исход переговоров.

2. *Интерес* (эмоциональное состояние, связанное с осуществлением познавательной деятельности и характеризующееся побудительностью этой деятельности [9]) значимо различается в женских ($p < 0,01$) и смешанных ($p < 0,05$) парах. В обоих случаях респонденты, впоследствии выигрывавшие переговоры, отличаются повышенной оценкой интереса. Рассмотрим ее отдельные составляющие.

В женских парах разница в уровне интереса сконцентрировалась в парах утверждений «внимательный – рассеянный» и «сосредоточенный – отвлекающийся».

В смешанных парах указанные пары утверждений оценивались практически идентично, а основная разница в пользу мужчин возникла в паре утверждений «увлеченный – безучастный».

Таким образом, для успешного исхода переговоров важно наличие интереса, выраженного в высоких показателях внимания и сосредоточенности (для респондентов-женщин) и увлеченности (для респондентов-мужчин).

3. *Эмоциональный тонус* – состояние бодрости, преобладание эмоций позитивного характера, отсутствие соматической симптоматики, связанной со стрессом, напряжением, подавленностью, т. е. это противоположный полюс депрессивного состояния. Как и в случае с рассмотренными ранее психическими характеристиками состояния, оценка эмоционального тонуса значимо различается ($p < 0,01$) в женских парах между будущими победителями и проигравшими. В смешанных парах эмоциональный тонус выше у мужчин, но эта разница статистически не значима.

Суммируя, нужно отметить, что успешное протекание переговоров предполагает у субъекта превышение уровня тонуса по сравнению с оппонентом.

4. *Напряжение* (нервное напряжение) по своему влиянию предстает скорее отрицательным психическим параметром состояния в отличие от рассмотренных выше. Поэтому можно предположить, что повышенный уровень напряжения является предвестником неудачных переговоров. Это предположение подтвердилось в смешанных парах: выигравшие переговоры мужчины характеризуются отсутствием напряжения. В женских парах, наоборот, будущие победительницы имели существенно более высокий уровень напряжения ($p < 0,01$). Мужчины значительно ($p < 0,01$) отличались более слабым уровнем напряжения в сравнении со всеми тремя группами женщин.

Более подробный анализ показал:

• в женских парах основа разницы кроется в оценке пары утверждений «равнодушный – взволнованный»: будущие победительницы ощущали себя более взволнованными;

• практически такой же разрыв и в смешанных парах, но бóльшая взволнованность женщин привела их к проигрышу в переговорах с мужчинами.

Таким образом, если в женских парах победе в переговорах способствует большее волнение и связанное с этим напряжение, то в смешанных парах большее волнение женщинам в переговорах с мужчинами повредило.

5. *Комфортность* (отсутствие напряжения, наличие удобств, хорошее физическое и психологическое состояние субъекта) является антиподом напряжения. Это в полной мере подтверждают полученные результаты. Все три группы женщин, характеризуя свое состояние, отметили более высокий уровень напряжения (по сравнению с мужчинами), испытывая при этом и меньший уровень комфортности. Мужчины заметно уступают женщинам по ощущению напряженности перед переговорами и соответственно ощущают себя значительно комфортнее ($p < 0,01$) перед их началом.

Более подробный анализ показал, что дискомфорт, переживаемый женщинами из смешанных пар, связан с оценкой утверждений «довольный – недовольный». Женщины недовольны тем, что им приходится договариваться с мужчинами.

У мужчин высокие результаты по ощущению комфортности связаны с оценкой утверждений «беззаботный – озабоченный» и «довольный – недовольный». Мужчины довольны и беззаботны в преддверии ситуации конкурирования и переговоров с женщинами.

Проанализировав оценки состояния комфортности, можно сделать определенные выводы. Во-первых, одинаково невысокие показатели у женщин по уровню комфортности позволяют предположить некоторое общее, скорее отрицательное, отношение к конкурсной ситуации и переговорам, независимо от пола оппонента. Во-вторых, мужчины перед переговорами с женщинами чувствуют себя скорее комфортно. Можно заключить, что мужчины больше приспособлены к конкурентным отношениям и переговорам.

6. *Активность* (уровень активности, запас сил, спокойствие, с бóльшим акцентом на физиологических аспектах состояния респондента) оказалась практически одинаковой во всех категориях участников эксперимента, кроме женщин в женских парах, которые в последующем проиграли. У них наблюдалась сниженная активность ($p < 0,01$).

Далее переходим ко второму этапу и проанализируем произошедшие после переговоров изменения состояния (см. табл. 2).

1. Показатели *психической активации* снизились ступенчато от максимального значения (–3) у выигравших женщин до минимального (–1) у выигравших мужчин. Максимальная динамика психической активации у выигравших женщин в женских парах (цена за выигрыш?), минимальная у выигравших мужчин.

2. Оценка *интереса* также снизилась наиболее резко у выигравших женщин.

3. *Эмоциональный тонус* изменился очень разнонаправленно у разных групп респондентов. Для формулирования выводов по поводу изменений этого психического состояния, видимо, требуются дополнительные исследования. Мы

Таблица 2

Изменения, произошедшие в значениях показателей психических состояний респондентов после проведения переговоров

Категория опрашиваемых	Психическая активация	Интерес	Эмоциональный тонус	Напряжение	Комфортность	Активность, запас сил
Жж-в	–3	–2,2	–2,94	1,84	–0,76	–3,1
Жж-п	–2	–2,26	0,46	–0,24	–1,14	–2,7
Жм-п	–1,25	–1,5	–1	–1,75	–2,25	–4
Мж-в	–1	–1,25	0,75	–0,5	0	0

же только обратим внимание на очень серьезное снижение оценки эмоционального тонуса у выигравших женщин в женских парах.

4. Результаты изменения *напряжения* демонстрируют неоднозначность произошедших изменений. У выигравших женщин напряжение резко снижается ($p < 0,01$), а у выигравших мужчин, напротив, отмечено его небольшое повышение.

5. Уровень *комфортности*, характеризовавшийся невысокими значениями на первом этапе во всех группах женщин, еще более снизился. У мужчин сохранился высокий уровень комфортности. Здесь отметим максимальное среди всех групп снижение уровня комфортности у проигравших женщин в смешанных парах ($p < 0,01$), что (если учесть еще максимальный среди всех групп рост напряжения и снижение активности), вероятно, свидетельствует об определенной тяжести ведения переговоров с мужчинами.

6. Снижение *активности* (запаса сил) по прошествии процесса переговоров зафиксировано только у женщин в разной степени. Мужчины оценили свои затраты сил и полученную усталость в 0 баллов. А женщины серьезно снизили свои энергетические запасы. Максимально тяжело переговоры дались женщинам в смешанных парах.

Таким образом, зафиксированы отличия в психическом состоянии мужчин и женщин:

• перед переговорами: а) высокий уровень напряжения у женщин и практически его отсутствие у мужчин; б) разница в уровне комфорта – у мужчин он высокий, у женщин пограничное состояние с дискомфортом;

• после переговоров: а) у выигравших женщин в женских парах отмечено сильное снижение уровня психической активации, а у мужчин наблюдалось минимальное изменение психической активации; б) у выигравших женщин напряжение резко снижается, а у выигравших мужчин, напротив, отмечено его небольшое повышение.

Участие в переговорах приводит к снижению активности у женщин и усилению у них чувства дискомфорта, тогда как у мужчин высокий уровень комфортности не изменяется.

Максимальное снижение *активности* (запаса сил) отмечено у женщин в смешанных парах, т. е. переговоры с мужчинами наиболее энергозатратны для них.

В итоге можно констатировать, что переговорная ситуация воспринимается мужчинами более естественно и органично, чем женщинами, поэтому напряжение у них существенно меньше, чем у женщин, следовательно, и устают мужчины меньше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Танасов, Г.Г.** Личность как субъект переговорного процесса: бытийный подход [Текст] / Г.Г. Танасов // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005. – С. 279–294.

2. **Евдокименко, А.С.** Диагностика мотивационного профиля личности в переговорной ситуации [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / А.С. Евдокименко. – М., 2010.

3. **Знаков, В.В.** Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы [Текст] / В.В. Знаков // Психолог. журн. – 2004. – № 1. – С. 41–51.

4. **Клецина, И.С.** Психология гендерных отношений: теория и практика [Текст] / И.С. Клецина. – СПб.: Алетейя, 2004.

5. **Ожигова, Л.Н.** Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации [Текст]: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Л.Н. Ожигова – Краснодар, 2006.

6. **Танасов, Г.Г.** Особенности гендерных трансформаций мужчины и женщины: взаимодетерминированность и «заострение» черт в сложных жизненных ситуациях [Текст] / Г.Г. Танасов // Теория и практика обществ. развития. – 2010. – № 4.

7. **Прохоров, А.О.** Практикум по психологии состояний [Текст]: учеб. пособие / А.О. Прохоров. – СПб.: Речь, 2004.

8. **Спивак, Д.Л.** Религиозно-психологические аспекты старения: новые данные [Текст] / Д.Л. Спивак, А.Г. Захарчук, А.Е. Павлов [и др.] // Религиоведение. – 2007. – № 4. – С. 104–110.

9. **Кондаков, И.М.** Психология-2000 [Электронный ресурс]: иллюстрир. справ. / И.М. Кондаков // Столичн. гуманитарн. ин-т. – М., 2000. – 1 электрон. опт. диск (CD ROM).

УДК 801.394.014

А.А. Юнаковская

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА (на примере города Омска)

Город как способ организации пространства изучался с разных точек зрения с начала XX века: это *топографический* и *культурно-бытовой*, *историко-этнографический, биографо-краеведческий* и другие подходы.

К лингвистическому изучению города обращались А.А. Шахматов, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов, Р.О. Шор, Л.П. Якубинский, А.М. Селищев, В.М. Жирмунский, М.Н. Петерсон, Н.М. Каринский, В.В. Виноградов и др. Однако тема *языка города* в первой трети XX века не получила широкого распространения. Интерес к данной проблеме начал возрождаться в русистике в конце 50-х – начале 60-х годов XX века. Параллельно в науке складывалась традиция историческое изучение языка города.

Первоначально в русистике второй половины XX века преобладал *социолингвистический* подход, затем *функциональный* – проявление разновидностей общерусского языка в границах города (Разновидности городской устной речи. М., 1988; Живая речь уральского города. Свердловск, 1988; и др. Под «языком города» стали понимать неподготовленную, неофициальную речь горожан, или социально-коммуникативную систему, используемую жителями данного города.

По мере дальнейшего развития урбанистики стали появляться и развиваться различные направления. Одна из тем языка современного города – изучение речи одного города.

Ряд теоретических вопросов на обширном разговорном материале был осмыслен Н.А. Прокуровской в монографии «Город в зеркале своего языка» (Ижевск, 1996), основной целью которой была систематизация живой речи одного города – Ижевска. С конца 1980-х годов ведется работа по изучению народно-разговорной речи города Омска – собрана картотека (около 130 тыс. карточек) и сделана подборка текстов, на основе которых изданы: Словарь современного русского города (М., 2003); Гуц Е.Н. «Ассоциативный словарь подростка» (Омск, 2004); Юнаковская А.А. «Омское городское просторечие: фразеология» (Омск, 2004) и «Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале города Омска): хрестоматия» (М., 2007) и др.

В последние десятилетия активно разрабатывается тема особых национальных речевых культур, поэтому лингвисты обратились к изучению культурного пространства города. *Речекультурный* подход также применим к омскому материалу. Так, его рассмотрение с точки зрения функционирующих в границах города речевых культур позволяет говорить о том, что из них формируется упорядоченная модель. Это такие речевые культуры, как:

I. *Элитарная*, или книжная.

II. *Массовая городская*:

- среднелитературная,
- интерсоциальная, переходная,
- просторечная,
- нейтральная молодежная.

III. «*Полудиалектная*» (для «первичных» носителей «городского языка»).

IV. Воровская.

V. *Городская маргинальная* (underground).

Данную классификацию можно расширить за счет следующих компонентов:

VI. *Детская субкультура*.

VII. *Субкультура «новых русских»*.

VIII. *Субкультура антиповедения* (картежников, наркоманов и т. п.).

IX. *Досуговая субкультура*.

Каждому компоненту модели присущи свои отличительные признаки.

На данной стадии развития урбанистики внимание ученых привлекает коммуникативное пространство города (в том числе и конкретного). Один из аспектов исследований – «*риторический подход*»: рассмотрение речи горожан с точки зрения технологии речевых коммуникаций. Исходным служит положение о том, что в границах города формируется «речевой коллектив» жителей города, обладающий близкими

навыками коммуникации. Горожан объединяют прежде всего особенности коммуникативного поведения: *общительность, коллективность общения, оценочность, тематическое разнообразие, доминантность в разговоре, бескомпромиссность в споре, бытовая неулыбчивость* (данные параметры для коммуникативной характеристики русских предложены И.А. Стерниным). Общими для жителей города также являются фоновые знания и составляющие «кода города».

Собранный разговорный материал позволяет рассматривать его с точки зрения *неконфликтности – конфликтности*, степени *контактирования* и передачи *информации*. Так, видом речевого взаимодействия горожанина может быть *параллельная коммуникация* (неполный речевой контакт, отсутствие настроенности на собеседника), *диалог* (непосредственный обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами), *нулевой диалог* (отсутствие смыслового контакта) (термин М.М. Бахтина), *коммуникативная неудача* (невозможность достижения инициатором общения коммуникативной цели), *коммуникативный конфликт* (формирование несогласия между участниками общения), *коммуникативный провал* (отсутствие взаимодействия, взаимопонимания между участниками общения). Из перечисленного выше видно, что наблюдаются:

• общение, имитирующее речевое взаимодействие,

• речевое диалогическое взаимодействие,

• несостоявшееся взаимодействие или полное его отрицание.

Диалогическое взаимодействие собеседников основывается:

• на принципах *кооперации*, описанных П. Грайсом [1];

• принципах вежливости, описанных, в частности, Дж. Н. Личем [4]. Сам принцип *вежливости* можно определить как тип межличностного взаимодействия; в его основе лежит уважение к личности речевого партнера. С точки зрения речевой коммуникации принцип вежливости понимается как особая стратегия, цель которой предотвращение речевого конфликта, поддержание социального равновесия между коммуникантами. Лич утверждает, что чем вежливее речь, тем лучше, тем больше шансов сохранить хорошие отношения и добиться успеха. При этом важным компонентом успешного речевого общения является знание говорящим норм *этикетного речевого общения*, жестко предопределенных не только «традиционными» вопросами, но и обстоятельствами разговора, тональностью общения, его стилистикой. Также важен такой показатель контактирования, как выбор говорящим *эмоционального* фона (благожелательность, нейтральность, неприязнь), формирующего зону *вежливости* или *грубости*.

Под контактоустанавливающими *вежливыми* средствами понимаются средства, благоприятные для адресата и предполагающие ответную доброжелательную реакцию. Основная цель принципа вежливости – различными способами, в зависимости от типов взаимодействия коммуникантов, поддержать между ними социальное равновесие и хорошие отношения.

Важным характеризующим показателем является употребляемое *контактоустанавливающее средство*, которое повышает уровень общения: категории вежливости и речевого этикета находятся в отношениях пересечения.

При восприятии других возможны два подхода: «другие такие же, как я» и «другие не такие, как я». В первом случае наблюдается «эстетическое» восприятие «другого», в том числе и при обращении, во втором – «антиэстетическое» восприятие «другого» (как в целом человека, так и его частей). Это позволяет говорить об «экспрессивном антиэстетизме» (см. работы М.М. Бахтина). С помощью языковых единиц происходит вербализация эмоций адресанта. Одни и те же эмоции могут выражаться самыми различными способами, что зависит от ряда показателей. Важную роль в вербальном выражении эмоций играют оценка объекта, способ и активность ее выражения, взаимный дискомфорт и т. п. Выбор того или иного средства вербализации эмоций происходит в зависимости от ряда показателей, определяемых доминантой восприятия мира говорящего: «конфликтной» или «неконфликтной».

Одним из маркеров вежливости является обращение. В современных русских неофициальных или полуофициальных ситуациях (в том числе городской речи) могут быть использованы в качестве обращений единицы различного характера:

1) слова, характеризующие человека *по половому признаку* – мужчина, женщина, молодой человек, девушка и т. п.;

2) *термины родства* – мать, отец, папаша, мамаша, дядя, дяденька, дядечка, тетя, бабка, дед, бабуля, дедуля (к людям старшего поколения), сынок, дочка, внучок, внучка (к более молодым людям), брат, браток, братишка, сестра (к людям примерно того же возраста);

3) *функциональное обозначение человека* – хозяйка (к владелице дома, квартиры), хозяюшка, кассир, продавец, проводник, милиционер и т. п.;

4) единицы, выражающие *эмоционально-личностное отношение,* – бабоньки милые, бабуля, дедуля, мамуля, папуля, бабка и т. п.;

5) *зооморфизмы* (фаунонимы), орнитонимы, *ботанизмы* (флоролексемы) – зайчик, птичка, ласточка, веточка, цветочек и т. п.

Возможна незамещенная позиция в ситуации общения (Ø *Проездные, документы предъявляем* // Ø *Што, у всех проездные?* // Ø *Плотим за проезд* // Ø *Скажите, куда-то мне идти? Ездила в санаторию, теперя в профилакторию надо* (ж., 55–60 лет) и т. п.

Другое проявление кооперативной стратегии и ее тактик – использование в качестве средства поддержания контакта *комплимента.* Анализ литературы показал, что большинство ученых относят комплимент к *этикетным* речевым жанрам (РЖ), имеющим своей целью осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума [7].

Исследователь типических форм общения К.Ф. Седов отмечает, что комплимент – это жанр по преимуществу мужской речи, предполагающий установку на художественность, используемый для формирования положительной эмоции. Для жанра комплимента имеют значение как индивидуальные стили говорящих, так и личностные особенности слушающих. О.С. Иссерс рассматривает его с прагматической стороны: цель данной коммуникативной тактики – установление контакта и поддержание добрых отношений [3]. При этом комплимент она включает (вслед за Т.В. Шмелевой) в сферу адресата, который должен быть знаком с «приятным» ритуалом.

Комплимент может содержать *эмоциональную оценку*, использование которой продиктовано желанием угодить адресату, сделать ему приятное, т. е. является *оценочным* речевым жанром [6]. При этом для комплимента положительная оценка является не самоцелью, а только способом сообщить о добрых чувствах, благорасположении, возможности сказать нечто приятное собеседнику. Отмечается, что комплимент чаще всего направлен на непосредственного адресата (О.С. Иссерс, О.Н. Хорешко и др.). Для реализации комплимента степень близости коммуникантов решающей роли не играет, а его использование «оказывает на адресата не меньшее воздействие, чем похвала или одобрение» [Там же. С. 46].

Мотив использования комплимента является – желание сделать приятное собеседнику, доставить ему удовольствие, расположить к себе, понравиться ему, изменить самочувствие к лучшему. Этот мотив совпадает с коммуникативной целью комплимента (Иссерс, Хорешко).

Основанием для комплимента чаще всего в речевом общении является внешность человека. Крайне редко объектом положительной оценки становятся его нравственные качества: честность, доброта, добропорядочность. В комплименте могут оцениваться также профессиональные качества человека, его родные и близкие, предметы и вещи, важные для него.

Использование комплимента предполагает продолжение общения (здесь и сейчас), а также создание некоего эмоционального «шлейфа» для дальнейшей коммуникации.

В зависимости от интенции говорящего, степени ориентации на слушающего, эмоционального воздействия на партнера в процессе коммуникации, его реакции можно выделить виды и подвиды комплиментов:

I. Самокомплимент. Самопрезентация: *Окончил паровозный универ. Сейчас работаю на фирме. Учусь в аспирантуре. Теперь конкретно я. Рост 180, плюс-минус 2 см, масса около 78 кг ума и скромности. По натуре оптимист полный...* (м., 23 года); Самопрезентация-антитеза: *Мне 40 лет. Высокая, стройная, симпатичная. Но одинокая* (ж., 40 л.) // *Мужчина в полном расцвете сил, но со старой иномаркой* (м., 46 лет) // и т. п.

II. Прямой комплимент. Изысканный комплимент: *Знаете, мне Вас очень жаль! Наверное,*

нелегко быть такой красивой женщиной! (м., 35 лет) // *Сегодня вечером Вы как-то особенно красивы* (м., 30 лет) // и т. п.; Поздравление: *Вот кто такая наша милая именинница! Она возмутитель спокойствия восточных стран! Объясняю. Если бы Магомет знал эту прекрасную женщину, то он бы разогнал бы свой гарем! Отменил бы многоженство! Посвятил бы свою жизнь ей одной!* (м., 35 лет) // и т. п.; Характеристика – оценка знакомого адресата: *Васильевна, ты замечательная женщина!* (ж., 50 лет) // *Людмила Ивановна! Вы в самом деле очень красивая! Ни у кого не видела я таких роскошных волос и выразительных глаз!* (ж., 45 лет) // и т. п.; Характеристика – оценка аксессуаров адресата: *У Вас такая красивая помада, что Вас хочется прямо в губы поцеловать* (ж., 40 лет – ж., 45 лет) // *Клевая у тебя шапочка! Главное, она тебе идет. – Да! Я старалась!* (ж., 21 год – ж., 23 года) // и т. п.; Характеристика – оценка незнакомого адресата: *Садись, девушка. Красивая!* (м., 35 лет) // *Какие балерины здесь у нас по рынку ходят симпатичные* (м., 45 лет) // и т. п.

III. Косвенный комплимент. Передача приятной информации: *И куда мы такие нарядные собрались? – В библиотеку* (ж.,19 лет – ж., 20 лет) // *Все молодеешь? А мы ведь одногодки*?! (ж., 70 лет) // и т. п.

Специфической реакцией на комплимент является этикетное отклонение: человек внешне демонстрирует несогласие. Исследователи отмечали, что такая реакция – стереотип для русской культуры (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, М.Ю. Федосюк и др.). Этикетное отклонение комплимента можно воспринимать не как коммуникативную неудачу, а как проявление скромности адресата [6, с. 82].

Подводя промежуточный итог, можно говорить о том, что вежливость, будучи ядром «неконфликтности», предстает в качестве:

• способа показать свое отношение к коммуникативному партнеру:

• возможности проявить себя как языковую личность, соблюдающую внешние нормы общения и/или проявляющую личную доброжелательность;

• особой стратегии речевого поведения;

• средства выражения отношения к говорящему (проявление искренности или показной искренности).

С другой стороны, анализ речи жителей города Омска позволяет говорить о создании своеобразной «городской коммуникации», характерной чертой которой является «*нарушение*» или «*невыполнение*» установок существования человека в социальном пространстве. Для данного типа общения характерен *коммуникативный конфликт*. В данном случае можно говорить о модели *конфликтного поведения* (сценарии) у горожан. Известно, что в результате настроя на конфликт возможно использование таких типов речевых стратегий, как: куртуазная (тяготение к эикетным формам), инвективная (вербальная агрессия), рационально-эвристическая (негативная эмоция выражается косвенным, непрямым способом), а по характеру коммуникативного поведения языковые личности делятся на инвектиные, куртуазные, рационально-эврестические [5].

Выражение эмоций и варьирование «*конфликтного сценария*» зависят также от значимости для говорящих сложившейся ситуации, пола и типа языковой личности, знания норм этикетного речевого общения (в этом случае можно говорить о вербализации отрицательных эмоций куртуазной или инвективной личностью [Там же]). В результате конфликтного общения возникает *речевой конфликт* (РК) на основе противостояния между коммуникантами, имеющий маркеры: «вкрапления» отдельных единиц, показатели конфликта на различных языковых уровнях. Речевой конфликт может начинаться с обращения. Это единицы, выражающие *эмоционально-личностное* негативное отношение к другому (*девка, мудило, ментяра, журналюга* и т. п.), и *зооморфизмы* (фаунонимы), орнитонимы, ботанизмы (флоролексемы), имеющие дополнительные «культурные» коннотации (*козел, медведь, дятел, репей*).

Другим уровнем является создание определенной речевой формы. В городской разговорной речи можно выделить разные типы РК в зависимости от направления агрессии, количества участников и их отношения друг к другу: однонаправленный, взаимонаправленный, полинаправленный.

Однонаправленный РК возникает чаще всего в полуофициальной или неофициальной сфере при направлении агрессии к конкретному лицу или абстрагированной «социальной маске»:

Вали отсюда в свой департамент и заправляй там. Так што вали отсюда, мудила, пока я не позвонил куда надо. Хватай ноги в руки... (из речи охранника, разговаривающего с журналистом) и т. п.

Взаимонаправленный (реактивный) РК формируется в результате выражения направленной друг на друга агрессии или неприятия: (А) *Ну-ка уходите отсюдова! Здоровые лбы, а все дурачков из себя маленьких корчите! //* (Б) *Да мы еще в школе учимся //* (А) *Ты знаешь, сколько времени? Ржешь, как ретивый школьник... Пахать на тебе надо. Два часа и гы-гы-гы. Ну-ка убирайтесь по домам спать! //* (Б) *Это тебе, бабуля, спать пора. Мы, когда будем такие же старые, тоже будем спать //* (А) *Ишь ты, молодчик, умный какой. Вон иди под свои окна и ржи там сколько влезет. Чево выпялился, язык прикусил, щас милицию вызову //* (Б) *Очень страшно! У нево дядя прокурор //* (А) *Мне ваш дядя, знаешь чо, до лампочки. Мы пожилые люди. И не дерзи мне. Иди вон к своей матери и разговаривай с ей, как хочешь! Дядя... До лампочки мне твой дядя...* (ж., 64 года – м., 17 лет) // и т. п.

Полинаправленный РК может возникнуть в случае сочетания нескольких мини-конфликтов в границах одной коммуникативной ситуации при наличии более двух участников с «собственной» темой: (А) *Куда ты прешься? Не видишь, люди стоят в очереди? //* (Б) *Сама ты прешься! //* (В) *Уйди с моей ноги, козлиная рожа. Включил борзометр и лезет, как жигабина //* (Г) *Женщина, закройте рот. Я вам и слова не сказал //* (В) *Так ты лезешь, как танк //* (Д) *Успокойтесь. Орете, как в лесу //* (В) *Хамье всякое ходит, наглецы молодые* // и т. п.

На границе «неконфликтной» и «конфликтной» зон находится ***эмоционально насыщенный комплимент***: двусмысленный комплимент: *На Вашем фоне я просто красавица. Люблю с Вами гулять!* (ж., 23 года) // *Кать, а тебе нормально это платье. Ты не смотришься толстой. А то ты прям сильно была полной* (ж., 43 года) // и т. п.; антикомплимент: *Девочки! Нужно есть меньше мучного и сладкого! А то скоро в двери не пройдете* (при встрече лиц, учившихся в одной группе) (м., 35 лет) // *Я б не стала с твоими ногами такой фасончик носить!* (ж., 30 лет) // и т. п.

С другой стороны, для городских жителей крайнее проявление «небратского отношения» – создание *ситуации речевой агрессии* по определенному плану (это городской стереотип конфликтного типа) и его речевое оформление. Наиболее ярким маркером вербальной агрессии является использование *инвективы* (от лат. Invectionnis – 'нападки', 'выпады', 'брань'). Однако у понятия «инвектива» необходимо различать «*широкий смысл*» (любое проявление агрессивного отношения к оппоненту) и «*узкий смысл*» (как бранное коммуникативное средство). В последнем случае она может использоваться как «дуэльное» контактоустанавливающее средство, показатель понижения социального статуса адресата, эмоциогенный знак с «детонирующей запятой» [2] и т. п. В перечисленных случаях можно говорить о «переодевании», «смене речевого облика», намеренном «нарушении табу» и т. п. Это часть национального словаря, которая известна и понятна всем носителям русского языка, но имеет ограничение при употреблении. Также возможно варьирование конфликтного сценария в зависимости от пола и типа языковой личности и знания ею норм этикетного речевого общения (в этом случае можно говорить о куртуазной или инвективной личности). Для «конфликтной» сферы данные единицы необходимы, для «неконфликтной» – недопустимы.

Краткое представление речевого поведения горожан показало, что к разговорному материалу применим выработанный в лингвистике анализ, используемый при рассмотрении кодифицированной сферы. При этом возможно рассмотрение речевого произведения как результата речевой деятельности, так и его определяющих отдельных составляющих.

Изучение речи горожан с точки зрения технологии речевых коммуникаций позволяет говорить о том, что носители разных речевых культур города Омска обладают общими закономерностями создания «неконфликтного» и «конфликтного» дискурса. При этом речевое поведение предопределено выбранной стратегией (гармоничной и негармоничной), обстоятельствами разговора, выбранной тональностью общения, его стилистикой и т. п., имеющими традицию употребления.

Один из важнейших компонентов коммуникации – это обращения, которые являются неотъемлемым элементом культуры народа,

отражением его фоновых знаний, частью культуры поведения и общения. Также возможно использование «авторского» или «ситуативного» обращения. «Поле вежливости» в разговорной сфере занимает меньше места, чем «поле брани». Вероятно, это связано с тем, что положительное и нейтральное в русской культуре и речи отражается незначительно, а отрицательное и негативное имеет более яркое выражение, в том числе и в речевом поведении.

Итак, процесс городского общения зависит от коммуникативных намерений говорящих и реализации речевой стратегии (кооперативной и некооперативной). Первая включает вежливую, комплиментарную коммуникацию, вторая – неучтивую, конфликтную, вульгарную, грубую, инвективную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Грайс, П.** Логика и речевое общение [Текст] / П. Грайс // НЗЛ. – Вып. XVI. – М.,1985.

2. **Жельвис, В.И.** Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира [Текст] / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 1997. – 330 с.

3. **Иссерс, О.С.** Коммуникативная тактика комплимента в русской разговорной речи [Текст] / О.С. Иссерс //Городская разговорная речь и проблемы ее изучения. – Омск, 1977. – С. 56–76.

4. **Лич, Дж. Н.** Principles of Pragmatic [Text] / Дж. Н. Лич. – London, 1983.

5. **Седов, К. Ф.** Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении [Текст] / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2002. – С. 6–12.

6. **Хорешко, О.Н.** Жанровый аспект положительной оценки лица [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Хорешко. – Саратов, 2005. – 126 с.

7. **Шмелева, Т.В.** Модель речевого жанра [Текст] / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.

УДК 37.15.3

Л.М. Якушева

МОТИВАЦИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В современных условиях перед высшей школой стоит задача поднять уровень профессиональной подготовки студентов в соответствии с требованиями научно-технического прогресса и интересами государства, увеличить выпуск специалистов по новым перспективным направлениям развития науки и техники.

Термин и понятие «инновации» как новой экономической категории ввел в научный оборот австрийский (позже американский) ученый Йозеф Алоиз Шумпетер в первом десятилетии XX века. В своей работе «Теория экономического развития» (1911) он впервые рассмотрел вопросы новых комбинаций изменений в развитии (т. е. вопросы инновации) и дал полное описание инновационного процесса [5].

Инновация (нововведение) – конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности.

С точки зрения И.Т. Балабанова, инновационная деятельность – процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный

технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки [1]. Рассматривая данное определение инновационной деятельности, следует указать на отсутствие в нем понятия разработки инновации.

Инновационная деятельность означает весь без исключения инновационный процесс, начиная с появления идеи и заканчивая диффузией продукта.

Более точное определение инновационной деятельности следующее: инновационная деятельность – это процесс, направленный на разработку инноваций, реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки [5]. Научные исследования и разработки – это один из аспектов непосредственной деятельности преподавателя высшей школы.

Огромные по своей глубине, размаху и последствиям изменения в содержании, формах и структуре высшего образования резко повысили требования к руководству вузов, профессорско-преподавательскому составу, обучению и воспитанию студентов. Преподаватель становится теперь не столько носителем и передатчиком научной информации, сколько организатором познавательной деятельности студентов, их самостоятельной работы, научного творчества.

Насущная потребность в разрешении противоречий высшего образования выдвинула педагогику высшей школы в число важнейших научных дисциплин. Среди проблем, которыми занята педагогика высшей школы, одна из наиболее актуальных – проблема деятельности преподавателя вуза.

В деятельности преподавателя ярко проявляется единство четко поставленных целей обучения, воспитания, способов их достижения и реальных практических действий. Повседневный творческий труд по достижению цели – основная черта деятельности преподавателя [2].

Проектируя личность студента, преподаватель должен последовательно и четко определить конкретные учебные и воспитательные цели, подбирать соответствующий учебный материал, находить и применять способы и средства, создавать условия, способствующие достижению последовательных целей.

Обобщающую характеристику современному преподавателю вуза дала З.Ф. Есарева: «Преподаватель – это научный работник, который хорошо овладел научными методами обучения и воспитания, умело использует технические средства преподавания, непрерывно повышает свою квалификацию, активно участвует в научно-исследовательской работе, в общественной жизни» [4, с. 15].

Согласно точке зрения Б.И. Серсенваевой, психологическая структура деятельности преподавателя – это внутреннее строение, связь, соотношение и последовательность развертывания различных ее компонентов. Структура и содержание взаимосвязаны: некоторые стороны содержания раскрывают особенности тех или иных компонентов структуры. Деятельность преподавателя своеобразна не только по содержанию, но и по своей структуре, связям и соотношению познавательных, эмоциональных, волевых и мотивационных процессов, опыта, проявлениям всей личности [7].

Несмотря на многообразие психических явлений, включенных в деятельность преподавателя, имеются компоненты, которые их центрируют и выражают, – это цели и мотивы.

Цели – это представляемые результаты деятельности, они заключаются в достижении высокой успеваемости студентов, подготовке их к самостоятельному профессиональному труду, в обучении и воспитании их, формировании у них необходимых для этого знаний, навыков, умений, личных качеств. Реализация этих целей распадается на решение ряда учебных и воспитательных задач [8].

По мнению Н.В. Самоукиной, мотивы побуждают преподавателя к появлению активности и достижению целей: интерес к своей работе, понимание обязанностей, чувство ответственности за качество подготовки специалистов, желание оказать помощь студентам в овладении курсом, сформировать у них любознательность и т. д. [6]

Нами была предпринята попытка экспериментально-психологического исследования мотивационной сферы личности педагогов высшей школы. Исследование проводилось на базе Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева.

Выборку составили две группы: в первую вошли специалисты, занимающиеся инновационной деятельностью, т. е. входящие в творческую группу преподавателей, занятых разработкой какого-либо нововведения, во вторую – специалисты, занимающиеся только педагогической деятельностью. Все респонденты имеют базовое высшее педагогическое образование, многие – научную степень кандидата наук. Возрастные рамки испытуемых: от 23 до 60 лет.

Методическим инструментарием для оценки особенностей мотивации являлись комплексная методика изучения и развития мотивации профессионального самосовершенствования сотрудников. Данная методика состоит из трех анкет, изучающих понимание сотрудником самосовершенствования, мотивов, методов, используемых для самосовершенствования в профессиональной деятельности, и методики измерения мотивации достижения успехов и избегания неудач, предназначенной для того, чтобы количественно оценить, в какой степени у человека развита потребность (желание, стремление, выступающие как черта личности) добиваться успехов и избегать неудач в различных жизненных ситуациях.

Проанализировав результаты проведения комплексной методики изучения мотивации профессионального самосовершенствования сотрудников, мы выявили следующее: на вопрос «Нравится ли Вам Ваша профессия?» все опрошенные преподаватели, занимающиеся инновационной деятельностью, ответили, что очень довольны свой профессией. Во второй группе мнения разделились: 53,9 % довольны и 46,1 % скорее довольны, чем нет.

Инновационная деятельность в вузе, с одной стороны, непосредственно связана с развитым интересом к предмету профессиональной деятельности, а с другой – способствует поддержанию и развитию интереса к профессии.

По результатам опроса, у преподавателей, занимающихся инновационной деятельностью, за период работы представление о профессии изменилось только в лучшую сторону (100 % опрошенных), а у большинства (54 %) преподавателей, не занимающихся инновационной деятельностью, оно не изменилось, у 23 % изменилось в худшую сторону, у 23 % – в лучшую.

Большая часть (65 %) преподавателей, занимающихся инновационной деятельностью, не хотели бы работать по другой специальности, 35 % затруднились при ответе на данный вопрос. 78 % преподавателей, не занимающихся инновационной деятельностью, посещала мысль о смене вида деятельности, 32 % опрошенных не хотели бы работать по другой специальности.

Инновационная деятельность не только повышает интерес к профессиональной деятельности, но и способствует положительной динамике развития представлений о педагогической деятельности в вузе, а также развитию мотивации к самосовершенствованию личности в профессиональной деятельности, повышению наукоемкости педагогической деятельности.

В повседневной трудовой деятельности в первой группе близкие цели доминируют у 69 % респондентов, а далекие – у 31 %, во второй группе – соответственно у 77 и 23 %.

Преподаватели, занимающиеся инновационной деятельностью, на вопрос «В какой степени Ваша профессиональная деятельность дает Вам возможность удовлетворить потребности?» дали следующие ответы:

• возможность проявлять творчество удовлетворена: 65 % респондентов – на 40 % и 25 % – на 90 %;

• возможность роста реализована: 33 % респондентов – на 50 %; 34 % – на 70 %; 33 % – на 90 %;

• возможность самостоятельности и независимости в труде реализована: 33 % респондентов – на 60 %; 34 % – на 70 %; 33 % – на 90 %;

• потребность в новой, интересной работе удовлетворена: 33 % респондентов – на 50 %; 34 % – на 80 %; 33 % – на 90 %;

• возможность продвижения по службе реализована: 33 % респондентов – на 50 %; 34 % – на 70 %; 33 % – на 100 %;

• потребность в заработке удовлетворена: 33 % респондентов – на 40 %; 34 % – на 50 %; 33 % – на 70 %;

• потребность в общении с коллегами удовлетворена: 33 % респондентов – на 70 %; 34 % – на 90 %; 33 % – на 100 %;

• потребность пользоваться уважением удовлетворена: 34 % респондентов – на 50 %; 66 % – на 100 %;

• считаете ли Вы свою работу нужной и важной – все респонденты ответили положительно;

• работа объективно оценивается начальством: 34 % опрошенных – на 40 %; 66 % – на 100 %;

• устраивает ли оклад и результат труда: 66 % респондентов – на 50 %; 34 % – на 90 %.

Результаты опроса показывают, что большинство преподавателей, занимающихся инновационной деятельностью, имеют степень удовлетворения потребностей в профессиональной деятельности выше 50 %.

Наиболее высоко удовлетворены: потребности в проявлении творчества и росте; возможность быть самостоятельным и независимым в труде; потребности в новой, интересной работе, общении с коллегами, а также потребности пользоваться уважением и быть нужным обществу (т. е. доминируют социально значимые потребности).

Преподаватели, не занимающиеся инновационной деятельностью, на вопрос: «В какой степени Ваша профессиональная деятельность дает Вам возможность удовлетворить потребности?» ответили следующим образом:

• возможность проявлять творчество удовлетворена: 25 % респондентов – на 60 %; 25 % – на 70 %; 25 % – на 80 %; 25 % – на 90 %;

• возможность роста реализована: 25 % респондентов – на 60 %; 50 % – на 70 %; 25 % – на 90 %;

• возможность самостоятельности и независимости в труде реализована: 25 % респондентов – на 30 %; 25 % – на 70 %; 25 % – на 80 %; 25 % – на 80 %;

• потребность в новой, интересной работе удовлетворена: 50 % респондентов – на 60 %; 50 % – на 80 %;

• возможность продвижения по службе реализована: 25 % респондентов – на 20 %; 50 % – на 40 %; 25 % – на 60 %;

• потребность в заработке удовлетворена: 25 % респондентов – на 10 %; 25 % – на 40 %; 25 % – на 50 %; 25 % – на 80 %;

• потребность в общении с коллегами удовлетворена: 25 % респондентов – на 40 %; 50 % – на 60 %; 25 % – на 80 %;

• потребность пользоваться уважением удовлетворена: 50 % респондентов – на 60 %; 25 % – на 70 %; 25 % – на 80 %;

• считают свою работу нужной и важной: 25 % респондентов – на 50 %; 25 % – на 70 %; 50 % – на 80 %;

• работа объективно оценивается начальством: 25 % опрошенных – на 50 %; 25 % – на 70 %; 50 % – на 80 %;

• устраивает оклад и результат труда: 25 % респондентов – на 10 %; 50 % – на 50 % и только 25 % – на 80 %.

Результаты опроса показывают, что большинство преподавателей, не занимающихся инновационной деятельностью, имеют степень удовлетворения социальных потребностей в профессиональной деятельности выше 50 %, но материальные потребности данной категории преподавателей удовлетворены менее чем на 50 %. Отсутствуют потребности, удовлетворенные на 100 %.

Наиболее высоко удовлетворены: потребности в проявлении творчества и росте, в новой, интересной работе, а также потребности пользоваться уважением и быть нужным обществу.

У большинства преподавателей данной категории незначительно удовлетворена потребность в заработке, невысока степень удовлетворения окладом и результатами труда.

Результаты исследования мотивационной сферы преподавателей высшей школы показали, что в группе преподавателей, занимающихся инновационной деятельностью, мотив достижения успеха доминирует у 64 %, а мотив избегания неудач – у 36 %, в группе преподавателей, не занимающихся инновационной деятельностью, эти показатели соответственно 43 и 57 %.

Большинство преподавателей, занимающихся инновационной деятельностью, проявляют желание добиться успеха в своей трудовой деятельности, испытывают положительные эмоциональные переживания в связи с ожидаемым успехом, для них характерны утверждение о наличии умственных и практических действий, направленных на то, чтобы добиться успеха, развитый внутренний самоконтроль.

Педагоги, не занимающихся инновационной деятельностью, в большинстве своем не стремятся к достижению успеха в трудовой деятельности, проявляют опасение, что их постигнет неудача, испытывают отрицательные эмоциональные переживания в связи с ожиданием неудачи, целенаправленно выбирают для себя либо слишком сложные, либо слишком простые задания.

Как справедливо заметил русский ученый, хирург и анатом Н.И. Пирогов: «Отделить учебное от научного в университете нельзя. Но научное без учебного все-таки светит и греет. А учебное без научного, как бы ни была заманчива его внешность, только блестит» [7, с. 156].

Можно условно разделить преподавателей высшей школы по определенным качествам на четыре категории: первая характеризует редкое явление – сочетание ученого и педагога, человека высшей квалификации; ко второй можно отнести большого ученого, но плохого преподавателя, который не умеет увлечь студенческую аудиторию и полезен только при проектировании и консультациях; в третьей категории собрана основная масса преподавателей, несущая главную педагогическую нагрузку; четвертая характеризует людей, случайных в высшей школе.

Исследования показывают, что участие преподавателя в научно-исследовательской работе повышает эффективность его преподавательской деятельности, способствует его росту как ученого, увеличивает его творческий потенциал.

Таким образом, рост доли преподавателей, задействованных в инновационной деятельности, во многом может определяться системой работы по коррекции мотивационной системы преподавателей высшей школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Балабанов, И.Т.** Инновационный менеджмент [Текст] / И.Т. Балабанов. – СПб.: Питер, 2000. – 208 с.

2. **Дьяченко, М.И.** Психология высшей школы [Текст] / М.И. Дьяченко. – Мн.: Изд-во БГУ, 2008. – 320 с.

3. **Елисеев, О.П.** Конструктивная типология и психодиагностика личности [Текст] / О.П. Елисеев. – Псков: Мир, 2004. – 165 с.

4. **Есарева, З.Ф.** Особенности деятельности преподавателя высшей школы [Текст] / З.Ф. Есарева. – СПб.: Питер, 2003. – 111 с.

5. **Инновационный** менеджмент [Текст]. – СПб.: Питер Ком, 2005. – 283 с.

6. **Самоукина, Н.В.** Психология профессиональной деятельности [Текст] / Н.В. Самоукина. – М.: Гардарики, 2004. – 349 с.

7. **Серсенваева, Б.И.** Психология личностного и профессионального самосовершенствования будущих учителей [Текст] / Б.И. Серсенваева. – М.: КНОРУС, 2005. – 432 с.

8. **Толочек, В.А.** Современная психология труда [Текст] / В.А. Толочек. – СПб.: Питер, 2005. – 321 с.

УДК 947.084.8

А.Н. Кашеваров

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Тема предлагаемой статьи учитывает значительно возросший в постсоветской России общественный интерес к религии и Церкви. В самых различных слоях и группах населения распространены представления о том, что возрождение страны невозможно без опоры на традиционные духовные ценности российского общества, сформировавшиеся под влиянием православия. Такие взгляды естественны, поскольку православие и Православная Церковь сыграли особую роль в формировании и развитии Российского государства, русской культуры и русской нации в целом.

Изучение истории самой крупной и влиятельной из религиозных организаций России – Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) и ее взаимоотношений с государством являлось устойчивой и плодотворной традицией отечественной дореволюционной историографии в лице ее крупнейших представителей, например таких, как профессор Московской духовной академии Е.Е. Голубинский и митрополит Макарий (Булгаков) – автор многотомной «Истории Русской Церкви». Премии его памяти Российская Императорская Академия наук с 1885 по 1917 год присуждала самым значительным трудам в области богословия, истории, филологии. В 1997 году Московская Патриархия (далее – МП) вместе с правительством Москвы и РАН возродили эту традицию. Следует также отметить, что магистерская диссертация выдающегося русского историка В.О. Ключевского была посвящена теме: «Жития святых как исторический источник».

Особенно актуально изучение истории РПЦ новейшего периода, в хронологических рамках которого произошло как почти полное уничтожение институциональной Церкви, так и ее возрождение. С начала 1990-х годов сформировалось целое направление в отечественной историографии, интенсивно изучающее различные аспекты истории РПЦ в XX – начале XXI века, включая ее взаимоотношения с государством. Ныне трудами ряда исследователей, прежде всего В.А. Алексеева, О.Ю. Васильевой, М.И. Одинцова, А.Н. Кашеварова, М.В. Шкаровского, создана – без идеологических предубеждений и политических пристрастий – научная концепция взаимоотношений Советского государства и РПЦ [1, 4, 7, 8, 14, 22]. В частности, выявлены и охарактеризованы основные этапы становления и поворотов религиозной политики Советского государства 1917–1922, 1929–1932, 1941–1945, 1958–1964 и 1987–1988 годов.

Эти периоды совпадали с переломными этапами в истории Советского государства и общества: установлением в стране Советской власти, Гражданской войной и военной интервенцией, «великим переломом» конца 1920-х – начала 1930-х годов, Великой Отечественной войной, хрущевской «оттепелью» и горбачевской гласностью и перестройкой. Такое совпадение не случайно, поскольку церковная политика государства всякий раз по-своему отражает его внутреннюю политику в целом.

Наименее исследованным в новейшей истории РПЦ является период ее функционирования в постсоветской России, ее взаимоотношения с новой российской властью. Наибольшим достижением церковных историков стал первый том «Православной энциклопедии», вышедший к юбилейному 2000 году. Его научным редактором был протоиерей Владислав Цыпин, а в качестве авторов выступили как клирики РПЦ, занимающиеся историческими изысканиями, так и светские специалисты, близкие Церкви. Том, называющийся «Русская Православная Церковь», фактически представляет собой сборник статей, излагающих общую историю Церкви на Руси – в России. Современному положению Церкви в этих статьях отведено довольно много места, но в основном это сухое перечисление фактов из ежегодных отчетов патриарха и пересказ относящихся к теме положений церковного устава. Такая позиция обусловлена основной задачей именно энциклопедического издания: читатель должен получить официальную систематизированную информацию. Естественно, что ожидать аналитического изучения проблем РПЦ от этой работы не следует. В 2006 году вышла фундаментальная по объему, но в целом описательная по содержанию работа протоиерея Владислава Цыпина «История Русской Православной Церкви: синодальный и новейший периоды (1700–2005)» [20]. О критическом анализе состояния Церкви в этом случае говорить не приходится, однако историческая канва соблюдена.

Своеобразными оказались результаты деятельности исследовательской группы Кестонского института (Оксфорд), которую возглавляли историк С. Филатов и журналист А. Щипков. Группа занималась большим проектом по подготовке энциклопедии религиозной жизни в России, и изучение православия не являлось приоритетом в их работе. В тех случаях, когда авторы интересовались РПЦ, их внимание привлекали в первую очередь нетипичные ситуации и яркие, оригинальные люди. Поэтому опубликованные материалы – плод труда этой группы балансируют на грани научно-популярной литературы и путевых заметок, а выводы изобилуют большими натяжками. В 2003 году первые два тома энциклопедии «Современная религиозная жизнь России» были опубликованы. Русской Православной Церкви в ней был посвящен относительно небольшой обзор – 35 страниц вместе с библиографией [19]. Часть материалов, собранных исследовательской группой Кестонского института, вошла в книгу А. Щипкова «Во что верит Россия» [23].

Определенное значение для изучения современных проблем РПЦ имеет сборник «Религия и демократия», среди авторов которого бывшие «религиозные диссиденты», прошедшие тюрьмы и лагеря [17]. Примечательно, что основное внимание их уделено не столько состоянию Церкви в постсоветской России, сколько своим впечатлениям о пережитом и осуществлению религиозных свобод в постперестроечной России. Сложному и неоднозначному процессу возвращения РПЦ ее святынь и культурных ценностей посвящена монография А.Е. Мусина [13]. В книге проанализированы причины возникающих конфликтных ситуаций. Особо отмечен положительный опыт взаимоотношений общества, государства и Церкви в деле сохранения и использования памятников религиозной культуры.

Среди аналитиков, пишущих о современном состоянии РПЦ, следует отметить Н. Митрохина, в работах которого сделана первая попытка комплексного анализа проблем самой крупной религиозной организации постсоветского пространства [10–12].

В 2000–2003 годах целый ряд российских общественно-политических журналов посвятил свои страницы (или даже целые номера) блокам статей о внутренних проблемах РПЦ и ее взаимоотношениях с государством (журналы «Отечественные записки», «Смысл», «Полития» – вестник фонда «Российский общественно-политический центр» и др.). Начался новый этап религиозной аналитики, рассчитанной на относительно массового читателя. Таким образом был преодолен период преимущественно газетных (т. е. более упрощенных и меньших по объему публикаций), характерных для середины и второй половины 1990-х годов и представленных на страницах еженедельников «Русская мысль», «НГ-Религии» и «Радонеж». Однако в целом сохранилась ситуация, когда значительная часть публицистов и журналистов,

пишущих о РПЦ, уделяют внимание скандальным и аморальным историям, место которых в церковной жизни часто преувеличивают, чтобы порой поставить под сомнение необходимость существования РПЦ как института. Основываясь именно на таких публикациях, некоторые чиновники высказывали патриарху Кириллу, бывшему тогда председателем Отдела внешних церковных связей МП, свое мнение о желательности нескольких Православных Церквей в России, чтобы государство имело возможность выбора из них наиболее желательного партнера.

Священноначалие МП неоднократно выступало с заявлениями о том, что в средствах массовой информации Церковь зачастую рассматривается только как институт, мешающий прогрессу, и что христианские ценности в них ставятся ниже «общечеловеческих» [6, с. 10]. Особенно преуспели в этом такие издания, как «Московский комсомолец» и «Комсомольская правда».

Появлению серьезных работ по конкретным аспектам современной жизнедеятельности Церкви препятствует не только предвзятый подход к ней значительной части авторов, но и в целом закрытость самой Церкви для светских исследователей. Большинство привычных для историков типов документов о текущей работе Церкви и функционировании ее структур не публикуется. Например, никогда не публиковалось большинство распоряжений патриарха и руководителей синодальных отделов Патриархии, подготовительные материалы к журналам заседаний Синода и большинство собственно журналов, а также епархиальные отчеты, представляющие основной источник информации о деятельности территориальных подразделений Церкви, нет возможности ознакомиться и с персональными делами епископов и священников. Доступ в центральное хранилище документов МП – в архив, находящийся в рабочей резиденции патриарха в Чистом переулке, 5, – практически закрыт для исследователей. Примечательно, что даже ведущий официальный церковный историограф протоиерей Владислав Цыпин в своих основных работах ссылается на «архив Московской Патриархии» без указания фондов, дел, листов.

За последние 20 лет, прошедших после празднования 1000-летия Крещения Руси, послужившего толчком к становлению новых государственно-церковных отношений, Церковь как институциональное учреждение многократно возросла. Так, в юбилейном 1988 году РПЦ включала в себя 67 епархий, 21 монастырь, 6890 приходов, 2 Духовные академии и 3 Духовные семинарии. По данным на декабрь 2008 года, в РПЦ 157 епархий, 203 архиерея, 804 монастыря, из которых более половины в России – 478 обителей. Общее количество приходов – 29 260. Общее число духовенства – 30 670 человек, из которых 3450 диаконов и 27 216 священников. Примечательно, что в Москве действует 837 храмов (регулярно совершается богослужение в 271 храме), т. е. почти все, что уцелели от разрушения в годы государственного атеизма. Эти показатели постепенно приближаются к показателям предреволюционного периода (в 1914 году в империи было 48 тыс. храмов, свыше 50 тыс. священников и диаконов), а количество архиереев и епархий даже превосходит их число в синодальную эпоху (к ее концу было 130 архиереев в 67 епархиях) [7, с. 15].

Количество приверженцев православия в нашей стране неуклонно растет, впрочем, как и последователей других конфессий. Так, в Сибири и на Дальнем Востоке рост католических и протестантских общин в 1990-е годы несколько обгонял рост православных приходов. Но тенденция в Центральной России (за исключением некоторых Приволжских регионов и Татарстана) в целом благоприятна для РПЦ.

Русская Православная Церковь является многонациональной Поместной автокефальной Церковью. На территории России православие исповедуют помимо русских большие группы угро-финских и тюркских народов – карелы, вепсы, коми, удмурты, марийцы, мордва, чуваши, хакасы, шорцы, эвенки, якуты, чукчи, алеуты, манси, ханты, западные буряты в Иркутской области, часть калмыков, часть татар (крящены). Кроме того, его исповедуют проживающие на территории России украинцы, белорусы, молдаване, гагаузы, греки. Вообще, это почти половина этносов, живущих в настоящее время в России. Однако отмеченные выше и другие народы исповедуют православие не поголовно. Так, часть марийцев считает себя православными, другая часть

поклоняется древним языческим богам. Важно также подчеркнуть, что РПЦ – это, пожалуй, единственная организация, действующая на всей территории бывшего Советского Союза.

Ныне РПЦ влияет на многие стороны жизни общества. Например, она является субъектом самостоятельной экономической деятельности и в определенном смысле выступает общественно-политической силой. Признанием этого является тот факт, что в государственном протоколе патриарх занимает шестое место и имеет в Кремле свою резиденцию, расположенную в подклети Грановитой палаты.

Все эти факторы вместе с уроками истории, которые свидетельствуют о важной роли православия в истории России – в становлении и укреплении государственности, развитии русской культуры, формировании национального самосознания и т. п., делают настоятельной необходимостью для современного Российского государства иметь не только добрые отношения с РПЦ, основанные на взаимном уважении и доверии, но и разработанную концепцию государственно-церковных отношений и эффективные органы, способные ее реализовать.

В современных российских условиях речь может идти о двух наиболее возможных моделях отношений между властью и Церковью: сепарационной и кооперационной. Сепарационная модель подразумевает самостоятельное независимое существование государства и религиозных организаций. В тоталитарном, атеистическом государстве Церковь отдаляется от государства, что может привести к ее полному уничтожению. В подобных случаях создается специальный контрольно-репрессивный орган, который следит за отделением Церкви от государства. Церкви либо закрываются (в жестком варианте), либо им не позволяют зарабатывать деньги на существование (в мягком варианте). Сепарационная модель может существовать и в демократическом обществе. Государство не оказывает материальной помощи Церкви, но и не мешает ей зарабатывать деньги. Религиозные организации рассматриваются как субъекты рыночных отношений. При сепарационной модели отношений между государством и религиозными объединениями воздвигается своеобразная стена, поэтому никакого специального законодательства, а также курирующего органа не требуется, если речь идет о демократическом государстве. Такая практика может надежно обеспечивать равенство религий перед законом, но при этом фактически утверждается (даже навязывается) секуляризация во всех сферах государственной и общественной жизни.

Кооперационная модель не зависит от политического устройства общества, так как в ее идеальном варианте государство и Церковь являются равными партнерами. Они договариваются о взаимной поддержке, правах и взаимных обязанностях. Если в государстве одна Церковь, то больших проблем не возникает. Если конфессий много, то отношения регулируются так называемой конкордатной системой, т. е. системой договоров между государством и религиозными организациями. Таким образом, при кооперационном принципе действуют два источника правового регулирования: 1) конституция и законодательные нормы; 2) соглашения и договоренности с религиозными объединениями (разумеется, в рамках законодательства).

Кооперационный принцип или тип отношений подразумевает защиту ведущих конфессий при сохранении основных гражданских прав религиозных «меньшинств». Сложности возникают при определении традиционных – «укорененных» и нетрадиционных вероисповеданий. «Укорененные» религии пользуются налоговыми льготами, правом на проповедь в государственных учреждениях (школа, армия), государство передает им часть своих полномочий в сфере обслуживания (больницы, приюты, детские дома).

Малые Церкви, не имеющие соглашений с государством, вносятся в государственный реестр, обладают статусом юридического лица, пользуются некоторыми налоговыми льготами, но не имеют возможности вести широкую миссионерскую работу. Сомнительные религиозные группы сохраняют право на свободу совести, но регистрируются как частные организации. Деятельность, связанная с парапсихическими феноменами, лечебными эффектами, не считается, а точнее, не допускается в качестве религиозной [23, с. 23–25]. Дифференцированная система позволяет государству и религиозным организациям сотрудничать на кооперационной основе, соблюдая основные

демократические принципы. Однако следует помнить, что идеальной модели не существует.

Крушение СССР и кризисы начала 1990-х годов принесли в религиозную сферу такую свободу, какой не было даже ни в политике, ни в экономике. В этой обстановке было не до религиозной сферы. Пожалуй, ни в одной европейской стране не было такой религиозной свободы, граничащей с хаосом, как в Российской Федерации. С 1993 года государство стало пытаться как-то навести порядок в религиозной сфере. Во многом такое изменение позиции было вынужденным из-за наплыва сект. Возник проект создания министерства культов, но был отвергнут из-за страха, что это будет воссоздание в новой форме Совета по делам религий, существовавшего несколько десятилетий в атеистическом государстве.

В 1993–1997 годах была оформлена конституционно-правовая база государственно-церковных отношений и появились подразделения центральных органов власти, осуществляющие связи с религиозными объединениями. Согласно статье 14 Конституции, Российская Федерация – светское государство, никакая религия не может быть признана государственной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Статья 28 Конституции утверждает сепарационную модель государственно-церковных отношений, согласно которой религиозные организации отделены и отдалены от государства.

В 1997 году Государственная дума приняла новый Закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Известно, что в преамбуле Закона православие (но не РПЦ) упомянуто в числе четырех традиционных для России конфессий – наряду с исламом, буддизм и иудаизмом. Все православные, католики, баптисты, лютеране, буддисты согласились с положениями нового Закона.

Контроль над деятельностью зарегистрированных религиозных организаций осуществляют Департамент по делам общественных и религиозных объединений Министерства юстиции и территориальные органы этого министерства. В центре и на местах сформированы органы по взаимодействию с религиозными объединениями. В Государственной думе создан Комитет по связям с общественностью и религиозными организациями, который способен вносить поправки и коррективы в действующее законодательство о свободе совести. При Правительстве РФ образована Комиссия по вопросам религиозных объединений, куда входят главным образом чиновники разных ведомств. В Администрации Президента создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, состоящий из представителей различных конфессий. Кроме того, в каждом из субъектов Федерации при исполнительном органе существует должностное лицо, отвечающее за связи с религиозными организациями. Как правило, этот человек возглавляет небольшую структуру, которая называется Комитетом по связям с религиозными организациями.

Важно подчеркнуть, что ни одна из этих структур не совмещает в себе властные и идеологические функции и не способна заниматься выработкой государственной политики по отношению к религиозным организациям.

В современной России в разных регионах государственно-церковные отношения складываются во многом стихийно и по-разному. Общий подход в этом вопросе пока не выработан, как нет и вертикали властных структур, способных от центра до мест осуществить на практике какую-нибудь концепцию.

В начале XXI века можно констатировать постепенный отход от сепарационной модели государственно-церковных отношений (эта модель, по крайней мере, прокламируется в Конституции), а точнее, тенденцию к сочетанию сепарационной и кооперационной моделей. В связи с этим показательно, что в министерствах, заключивших с РПЦ и другими религиозными объединениями различные договоры о выполнении совместных программ, образованы постоянные отделы по взаимодействию с религиозными объединениями. На данный момент соответствующие отделы есть в 11 министерствах.

При выработке современной концепции государственно-церковных отношений, безусловно, важен учет целого ряда факторов. Начинать целесообразно с анализа исторических особенностей таких отношений в России, включая и советский период, когда государственные органы очень четко представляли себе

процессы внутри Церкви и ее возможности как в СССР, так и во внешнем мире. Поэтому по аналогии следует обратиться к анализу современного состояния РПЦ, в первую очередь ее руководства.

Как уже отмечалось выше, количество архиереев в РПЦ уже превысило их дореволюционное число – 203 вместо 130. Сегодня 149 архиереев являются правящими, 54 – викарными, 14 находятся на покое.

Епископат – это костяк управленческого аппарата РПЦ. В последние 18 лет в отсутствие Поместных Соборов именно епископат определяет политику Церкви. Высший исполнительный орган Церкви – Священный Синод сформирован только из представителей епископата. На местах именно правящий архиерей определяет всю жизнь епархии.

По гражданскому законодательству епископ может уйти на пенсию, как и все другие мужчины, в 60 лет. По церковным нормам это не возраст. Первый раз об уходе на покой епископ должен подать прошение в канцелярию МП в 75 лет. Если там сочтут, что он может служить далее (а удовлетворяют прошения только очень больных и скомпрометировавших себя архиереев), то епископ остается на своем посту еще 5–10 лет. Обычно при должности архиерей и умирает. Таким образом, в РПЦ объективно существует опасность геронтократии. Если политическая элита за последние 30 лет успела обновиться несколько раз, то высшее церковное руководство в значительной степени остается тем же, что в конце 1970-х годов. Из восьми постоянных членов Синода четверо, т. е. половина, старше 70 лет. Митрополиту Санкт-Петербургскому Владимиру (Котлярову) 81 год, другим трем митрополитам – Киевскому Владимиру (Сабодану), Белорусскому Филарету (Вахромееву) и Крутицкому Ювеналию (Пояркову) по 75 лет. Самые молодые – патриарх Кирилл (Гундяев) – 64 года, митрополит Калужский Климент (Капалин) – 61 год и митрополит Кишиневский Владимир (Контарян) – 58 лет [9, с. 66, 104–108, 272]. Примечательно, что после избрания патриархом митрополита Кирилла (Гундяева) на освободившийся пост председателя Отдела внешних церковных связей и, следовательно, постоянного члена Синода в марте 2009 года был назначен 42-летний энергичный епископ Венский и Австрийский Иларион (в настоящее время он имеет титул митрополита Волоколамского).

Среди нынешних архиереев МП более 20 человек являются соратниками и последователями выдающегося иерарха Русской Церкви XX столетия – митрополита Никодима (Ротова), занимавшего 12 лет пост председателя Отдела внешних церковных связей (далее – ОВЦС) МП и многое сделавшего для Церкви в самое трудное для нее время, когда хрущевская «оттепель» обернулась для нее трескучим морозом. Канадский исследователь Д.В. Поспеловский, основываясь на слухах, распространенных за рубежом, писал о том, что отцом будущего митрополита был секретарь Рязанского обкома коммунистической партии [16, с. 312]. В действительности же будущий митрополит родился в октябре 1929 года в деревне Фролово Кораблинского района Рязанской области в семье служащего. Его дедушка по матери был священником, и уже в отроческие годы Борис Ротов получил религиозное воспитание [21, с. 443]. Приняв в 18 лет монашеский постриг, он заочно окончил Ленинградские духовные школы и в 1960 году был назначен председателем ОВЦС МП с возведением в сан епископа и, таким образом, стал постоянным членом Синода по должности. В 1963 году возведен в сан митрополита, с 1967 года митрополит Ленинградский и Новгородский [9, с. 124]. С неутомимой энергией расширяя связи РПЦ с православными и инославными Церквями, митрополит Никодим использовал международную деятельность возглавляемого им ОВЦС для укрепления положения МП внутри страны и смягчения последствий новой антирелигиозной кампании 1958–1964 годов. Например, узнав, что под угрозой закрытия находится его родная Ленинградская духовная академия, он стал активно включать ее во внешнецерковную деятельность, пригласил на учебу студентов из Уганды. В итоге академия была спасена от закрытия [15, с. 274].

Во второй половине 1960-х годов митрополит Никодим оказывал решающее влияние на подбор кандидатов на архиерейские кафедры, ориентируясь на выпускников Духовных академий, среди которых он умел находить наиболее способных для архиерейского служения

в трудных советских условиях. Примечательно, что в составе нынешнего Синода есть «никодимовцы». В свою команду он отбирал в первую очередь молодых сотрудников подведомственного ему ОВЦС, а также студентов и преподавателей Ленинградской духовной академии. К первой группе учеников митрополита Никодима, возведенных в епископский сан, относятся двое его ближайших помощников по ОВЦС – это нынешние митрополиты Минский Филарет (Вахромеев) и Крутицкий Ювеналий (Поярков). Из более молодого поколения учеников и последователей Никодима следует отметить прежде всего его личного секретаря и ректора Ленинградских духовных школ в 1974–1984 годах, впоследствии митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева), возглавлявшего также в 1989–2009 годах ОВЦС, ныне первоиерарха РПЦ, а также митрополита Астанайского Мефодия (Немцева) и архиепископа Новгородского Льва (Церпицкого). Большинство из учеников и последователей Никодима ежегодно приезжают к дню кончины митрополита (умер 5 сентября 1978 года в Ватикане на аудиенции у новоизбранного папы Иоанна – Павла I) в Санкт-Петербург, чтобы отслужить панихиду на его могиле на Никольском кладбище Александро-Невской лавры [5]. Несмотря на то что по своему складу и характеру это разные люди, для большинства из них характерно стремление к активной общественной и проповеднической деятельности, толерантность по отношению к другим конфессиям. Безусловно, что самой заметной фигурой среди них является патриарх Кирилл. Некоторые исследователи считают, что для него характерно не только стремление к активному участию в общественной жизни, проповедничеству, но и приверженность к идее сотрудничества государства и Церкви, признание особого пути России и значимости русского народа как государственнообразующего [10, с. 180, 181].

Будучи председателем синодальной рабочей группы по выработке «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», утвержденных затем на юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года, владыка Кирилл внес значительный вклад в разработку принципиальной позиции Церкви по общественным проблемам. Касательно отношений с государством в «Основах социальной концепции» по существу подчеркивается, что власть должна учитывать исторические заслуги РПЦ в создании и сохранении российской государственности, развитии русской культуры и т. п. «Церковь вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического, культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию» [18, с. 184]. При этом РПЦ не хочет терять самостоятельности, как это было в императорской России. Примечателен тезис «Основ социальной концепции» о допустимости гражданского неповиновения христианином, когда исполнение требования закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или несомненного греха в отношении Бога и ближнего» [Там же. С. 193].

Бурный количественный рост церковных структур с наступлением религиозной свободы вызвал ряд проблем. Если число приходов РПЦ за последние 15 лет увеличилось примерно в 4 раза, академий и семинарий – в 8 раз, то монастырей почти в 40 раз (не считая еще 160 подворий, многие из которых де-факто являются самостоятельными монастырями) [10, с. 108–109]. Монастыри открывались как на местах, где они некогда существовали, так и там, где их никогда не было – на основе приходов, пожелавших передать свои храмы под монастыри, или даже на пустом месте. Среди епископов есть подлинные энтузиасты, открывающие монастыри, не имея четкого представления, откуда возьмутся насельники и где найти средства на восстановление. Например, во Владимирской епархии за последние 15 лет открыты 23 монастыря, а в Саранской – 15. Ситуация осложняется тем, что опытных монахов, имевших налаженные отношения с иерархией и умевших жить в монастырях, оказалось катастрофически мало для разворачивания в столь сжатые сроки 40-кратно увеличившейся сети монастырей. К тому же значительная часть опытных монахов, которые могли бы стать основателями и руководителями новых монастырей, были в конце 1980-х – начале 1990-х годов рукоположены в епископы. В 1990-е годы ситуация стабилизировалась и в таком состоянии продолжает

оставаться поныне – большинство насельников имеют крайне ограниченный опыт жизни в монастырях и в значительной степени остаются неофитами, находящимися под влиянием того или иного старца и строящими жизнь обители по нескольким имеющимся в их руках книжкам XIX века.

Монастыри, безусловно, важны для Церкви как символ русского православия, место сосредоточения духовной жизни и социального служения. Однако большая часть из открытых в последние 15 лет монастырей (в настоящее время их открывается примерно по 30–40 в год) не похожи на Троице-Сергиеву лавру или московский Свято-Данилов монастырь. В основном в полуразрушенных зданиях обитают общины, которые насчитывают 2–5 насельников в монашеском или послушническом чине и 5–7 трудников, в числе которых порой бывают прибившиеся бродяги, бывшие уголовники и наркоманы. Основное занятие насельников и трудников – восстановление монастырских зданий и храмов в надежде, что в отстроенные помещения придут новые люди.

По мнению некоторых представителей духовенства, процесс прихода в монастыри в целом закончился. В последние несколько лет в них поступает относительно небольшое (естественное) количество новых послушников, так как все те, кто не смог этого сделать в годы Советской власти, уже либо пришли в монастырь, либо отказались от своего желания, столкнувшись с суровым монастырским бытом (текучка послушников и трудников велика). Существует и определенная прослойка трудников-странников, кочующих из одного в монастыря в другой в поисках лучшего места. По оценке архиепископа Уфимского Никона (Васюкова), примерно 10 % трудников имеют шансы быть постриженными в монашество. В то же время сами монашествующие, особенно постриженные в молодом возрасте (до 40 лет), являются не очень стойким элементом. Потребность в нормальной сексуальной и семейной жизни приводит к уходу некоторых из них (в том числе постриженных в мантию) из монастырей.

Бурный рост приходов породил также недостаток священнослужителей, способных быть нравственными ориентирами для своей паствы, духовно окормлять верующих, вести миссионерскую, проповедническую и социальную работу, а не выступать только формальными исполнителями треб – крещений, отпеваний и т. п. Во второй половине 1990-х годов обнаружилась и другая крайность: подражая известным духовникам, некоторые священники, особенно монашествующие, стали создавать свои собственные общины последователей. При этом нередко духовное руководство с их стороны приводило к разнообразным эксцессам, вплоть до того, что так называемые старцы приказывали давно женатым семейным парам разойтись, запрещали молодым людям вступать в брак или поступать в институты. 23 декабря 1998 года патриарх Алексий II (Ридигер) на епархиальном собрании Москвы выступил с большой программной речью против явления, охарактеризованного им как младостарчество. Он обличал молодых священников, которые плохо копировали своих учителей или брались не за свое дело.

Отмеченная выше проблема осложняется аморфностью, расплывчатостью православного сознания новообращенных мирян, сравнительно недавно пришедших в церковную ограду. В представлениях многих из них православные догматы уживаются с верой в белую и черную магию, астрологию и другими суевериями, осуждаемыми Церковью. Вероятно, с учетом этого обстоятельства в новой редакции «Устава Русской Православной Церкви», принятого по докладу митрополита Кирилла (Гундяева) на юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года, перераспределены компетенции Поместного Собора и Архиерейских Соборов в сторону расширения полномочий Архиерейского Собора. В соответствии с новой редакцией Устава Поместный Собор утратил судебные функции. Объясняется это тем, что нет канонов, которые бы наделяли судебной властью в Церкви клириков и мирян, входящих в состав Пометного Собора. Зато епископы, составляющие Архиерейский Собор, судебные функции имеют. Исключительной компетенцией Архиерейского Собора также стало принятие Устава и внесение в него изменений [20, с. 678, 682].

В современных условиях каждое из трех звеньев структуры Церкви: приход – епархия – Московская Патриархия по существу самостоятельно зарабатывают себе на жизнь, т. е. имеют

свои источники финансирования. Доклад патриарха Алексия II (Ридигера) на Архиерейском Соборе в августе 2000 года не раскрывает ни общей суммы бюджета, ни структуры доходов и расходов МП. Алексий II упомянул лишь следующие показатели: перечисления епархий составляют только 5 % бюджета МП, что соответствует 14 % ее расходов на содержание духовных школ. Художественно-промышленное предприятие «Софрино» и гостиница «Даниловская» давали 55 %, спонсорские пожертвования – 40 % бюджета МП [18, с. 20]. Известны также случаи участия структур РПЦ в различных коммерческих предприятиях, например участие в группе компаний «Международное экономическое сотрудничество», которые специализировались на продаже нефти за рубеж на льготных условиях, розлив минеральной воды «Святой источник» и т. п.

Патриархия рассчитывала получать 10 % от совокупного дохода каждой епархии. Однако вместо этого епархии платили только 3–4 %, воспользовавшись тем, что пункт о налогообложении епархий в пользу МП никак не закреплен в Уставе, принятом на Архиерейском Соборе 2000 года. Общая сумма платежей епархий Патриархии в 2000 году составила 3–4 млн рублей, или около 150–180 тыс. долларов [3].

Патриарх Алексий II на Архиерейском Соборе 1997 года отмечал, что основную прибыль Патриархии принесло «управление своими временно свободными средствами, размещение их на депозитных счетах, приобретение ценных государственных бумаг», а также некоторые коммерческие предприятия РПЦ (в первую очередь художественно-промышленное предприятие «Софрино» и гостинца «Даниловская») [2, с. 65, 68].

Основной доход средний храм, как и в советское время, получает от продажи свечей. По признанию самих священников, она дает 70 % наличных средств малых и средних храмов [10, с. 136]. Почти каждый человек, посещающий храм, покупает одну или несколько свечей. При этом главным источником возрождения храмов и монастырей являются бюджетные средства или экономическая помощь со стороны крупных частных фирм и промышленных (часто полугосударственных) предприятий.

Казалось бы, в целом экономика РПЦ находится в прямой зависимости от количества посещающих храмы людей. В действительности же, как полагает Н. Митрохин, примат идеологии позволяет решать экономические задачи во многих случаях без оглядки на реальное число прихожан: в благоприятных для Церкви условиях – через контакты с властями и представителями бизнеса, в неблагоприятных (например, в дотационной провинции) – за счет мужества и стойкости духовенства, выражающихся в готовности служить бесплатно, а зарабатывать на жизнь вне приделов храма. Все это свидетельствует о том, что Церкви в отличие от большинства экономических структур практически не грозит банкротство [10, с. 122]. Этот вывод особенно важен в условиях современного экономического кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев, В.А.** Иллюзии и догмы [Текст] / В.А. Алексеев. – М., 1991.
2. **Архиерейский** Собор Русской Православной Церкви 18–23 февраля 1997 года [Текст]. – М., 1997.
3. **Бехчанова, Е.** Небесная бухгалтерия [Текст] / Е. Бехчанова //Коммерсантъ-Деньги. – 2000. – 29 ноября.
4. **Васильева, О.Ю.** Русская Православная Церковь в политике Советского государства 1943–1948 годов [Текст] / О.Ю. Васильева. – М., 2001.
5. **Вода** живая: Санкт-Петербургский церковный вестник [Текст]. – 2008. – № 9 (104).
6. **Журнал** Московской Патриархии [Текст]. – 1997. – № 11.
7. **Кашеваров, А.Н.** Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советского государства и Русской Православной Церкви. 1917–1945 [Текст] / А.Н. Кашеваров. – СПб., 1995.
8. **Он же**. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917 – 1922) [Текст] / А.Н. Кашеваров. – М., 2005.
9. **Киреев, А.** Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2002 годах [Текст] / протодиакон А. Киреев. – М., 2002.
10. **Митрохин, Н.** Русская Православная Церковь: современное состояние и актуальные проблемы [Текст] / Н. Митрохин. – М., 2004.
11. **Он же.** Русская Православная Церковь как субъект экономической деятельности [Текст] / Н. Митрохин // Эконом. деятельность Русской Православной Церкви и ее теневая составляющая. – М., 2000.

12. **Митрохин, Н.** Епископы и епархии Русской Православной Церкви [Текст] / Н. Митрохин, С. Тимофеев. – М., 1997.

13. **Мусин, А.Е.** Вопиющие камни: Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий [Текст] / А.Е. Мусин. – СПб., 2006.

14. **Одинцов, М.И.** Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом [Текст] / М.И. Одинцов. – М., 2002.

15. **Очерки** истории Санкт-Петербургской епархии [Текст]. – СПб., 1994.

16. **Поспеловский, Д.В.** Русская Православная Церковь в XX веке [Текст] / Д.В. Поспеловский. – М., 1995.

17. **Религия** и демократия: на пути к свободе совести [Текст]. – Вып. 2. – М., 1993.

18. **Сборник** документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Москва, 13–16 августа 2000 года [Текст]. – М., 2000.

19. **Современная** религиозная жизнь России: опыт систематического описания [Текст]. – Т. 1. – М., 2003.

20. **Цыпин, В.** История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700–2005) [Текст] / протоиерей В. Цыпин. – М., 2006.

21. **Он же.** История Русской Церкви. 1917–1997 [Текст] / протоиерей В. Цыпин. – М., 1997.

22. **Шкаровский, М.В.** Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) [Текст] / М.В. Шкаровский. – М., 1999.

23. **Щипков, А.** Во что верит Россия: религиозные процессы в постперестроечной России [Текст] / А. Щипков. – СПб., 1998.

УДК 9 (С) 26

С.Н. Ковалев, А.А. Михайлов

СОЗДАНИЕ БАЗ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА СССР В ЭСТОНИИ И ЛАТВИИ ОСЕНЬЮ 1939 – ВЕСНОЙ 1940 ГОДА

С началом в сентябре 1939 года Второй мировой войны политическое руководство СССР было поставлено перед необходимостью принять срочные меры по обеспечению безопасности границ страны. В свете поражения Польши для Советского Союза особенное значение приобрели взаимоотношения с ближайшими соседями, в первую очередь с занимавшими исключительно важное геостратегическое положение странами Балтийского региона: Эстонией, Латвией, Литвой. Было совершенно ясно, что даже при наличии советско-германского пакта о ненападении Советский Союз не может безучастно наблюдать за военными успехами Германии и ее приближением к своим границам. Хотя после Мюнхенского сговора 1938 года государства Прибалтики старались придерживаться курса «безоговорочного нейтралитета», опасность их захвата германскими войсками многие европейские политики осознавали как вполне реальную. Кроме того, в Эстонии было немало политиков, считавших выгодным сближение с Берлином.

28 сентября 1939 года после переговоров между СССР и Эстонией был подписан пакт о взаимопомощи сроком на 10 лет, 5 октября аналогичный пакт был заключен с Латвией. В соответствии с этими документами Советский Союз, Эстония и Латвия давали обязательство «оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы по отношению морских границ договаривающихся сторон в Балтийском море или сухопутных их границ...» [1].

Оговаривалось также, что Эстония предоставляет Советскому Союзу право иметь на островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт), а Латвия – в городах Лиепая (Либава) и Вентспилс

(Виндава) военно-морские базы и несколько аэродромов для авиации на правах аренды «по сходной цене» [2]. Для оборудования баз береговой артиллерии в «целях охраны Ирбенского пролива» Советский Союз получал право «на тех же условиях соорудить базу береговой артиллерии на побережье между Вентспилс и Питрагс» [Там же]. Точные места, отводимые для баз и аэродромов, предполагалось определить дополнительно.

Стоит отметить, что дипломаты большинства европейских стран, независимо от своего отношения к Советскому Союзу, признавали, что его действия обоснованны, ибо прочные позиции на Балтике являются для СССР необходимым условием безопасности, дают ему возможность вести противоборство, в частности с Германией.

Посланник США в Эстонии и Латвии К. Уайли в своем сообщении в Вашингтон от 3 октября при характеристике советско-эстонского пакта особо подчеркивал: «Обращаю внимание государственного департамента и на то, что порт Палдиски, а также острова Сааремаа и Хийумаа стратегически доминируют в Рижском и Финском заливах, а также угрожают Ботническому» [8, с. 75].

В целях выполнения принятых Советским Союзом обязательств его военное руководство планировало комплекс мероприятий: создание военно-морских баз и пунктов базирования кораблей; строительство береговых батарей; развитие аэродромной сети; оборудование пунктов управления войсками; развитие системы связи; проведение комплекса навигационных, гидрографических, метеорологических, топогеодезических и других мероприятий; строительство жилья для военнослужащих; строительство военных городков с парковыми зонами.

Сразу же после подписания пактов, 1 октября 1939 года нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов издал приказ № 3010 [9, с. 187], в соответствии с которым Главный морской штаб издал директиву о подготовке указаний управлениям Наркомата ВМФ по обеспечению базирования Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) на Таллин – Рогекюль и порт Палдиски. В портах Эстонии планировалось базирование: отряда кораблей – линкора «Марат», крейсера «Киров», 1-го и 2-го дивизионов эсминцев (включая четыре новых), смешанной бригады подлодок (3 «С», 8 «Щ», 6 «М») вместе с плавбазами, шести дизельных тральщиков, минного заградителя, дивизиона торпедных катеров, а также постов и радиостанций службы наблюдения и связи, охраны водного района баз. За счет «имеемых частей» формировались две батареи 130-миллиметровых (Б-13) орудий в районе Палдиски и две в районе Моонзунда (острова Даго и Эзель). Вблизи Таллина, Палдиски и Аренсбурга планировалось разместить по одной разведывательной эскадрилье. Кроме того, предполагалось разместить железнодорожный батальон в Палдиски и по одной караульной роте в Таллине и Аренсбурге [3, л. 225–226].

На этапе подготовки соглашения о базировании сил КБФ в Эстонии (а в последующем и в Латвии) 3 октября 1939 года нарком ВМФ издал приказ № 00162 о создании комиссии по выбору мест строительства батарей КБФ [Там же. Л. 320].

11 октября 1939 года с эстонской стороной были подписаны протоколы соглашения о базировании сил советского флота на островах Хийумаа (Даго) и Сааремаа (Эзель), о предоставлении Советскому Союзу в пользование участка и акватории в Палдиски (Балтийском порту) [4, с. 107–108] и временной стоянки советских военных кораблей в Таллине в течение двух лет (гавани Уус Кауба садам и Каравани садам) с отведением на Таллинском рейде якорного места к западу от створа Екатеринентальских маяков для крупных советских кораблей [10, л. 1–9].

ВМФ СССР получил право на возведение гидротехнических сооружений, гаваней, молов, причалов, жилых, складских и служебных помещений, мастерских, радиостанций, железных и грунтовых дорог, производство дноуглубительных работ и постройку прочих сооружений, обеспечивающих базирование флота, ряд рейдов и гаваней в пределах островной зоны. В бухтах Кихельконналахт и Кыйгусте было определено оборудовать базы для частей гидроавиации флота, в Палдиски (Балтийском порту) – устанавливать береговые батареи любого калибра и в любом количестве, включая батареи железнодорожные, а также зенитные батареи и прожекторные станции, возводить строения для размещения обслуживающего состава [4, с. 105, 107–108].

Вместе с тем в документах, отражающих вопросы размещения и базирования сил флота в прибалтийских базах, отмечалось, что «базы, полученные нами, были не оборудованы для стоянки большого количества кораблей». Советское военное руководство сетовало, что Эстония и Латвия «не обращали внимания» на свои базы, так как «отпускаемые субсидии для обслуживания этих баз правительствами Эстонии и Латвии исходили из потребностей своих карликовых флотов» [5, л. 28].

Наркому ВМФ 19 октября был представлен отчет специальной комиссии Военно-морской академии, которую возглавлял флагман 1 ранга С.П. Ставицкий, по созданию «артиллерийской системы обороны побережья Балтийского моря и вынесенного вперед базирования КБФ» и «Расчет противодесантной и сухопутной обороны УРов побережья Балтийского моря» [3, л. 251–269]. В пояснении к расчету противодесантной и сухопутной обороны указывалось, что представленные силы и средства являются минимальными и рассчитаны на то, что сухопутные части РККА «в основном возьмут на себя оборону от сухопутного противника», при этом указывалось на то, что ввиду отсутствия на островах Эзель и Даго сухопутных гарнизонов РККА «состав <...> морской пехоты необходимо удвоить» [Там же. Л. 269].

По итогам работы комиссия представила заключение, в котором были указаны задачи предложенных к созданию пяти укрепленных районов для обороны «входов в Финский залив и Рижский залив из Балтийского моря» [Там же. Л. 251]. Комиссия предложила создать: на входе в Финский залив Морской УР, на входе в Рижский залив УР пролива и Островной УР – для обороны фланкирующих входов в оба залива. Защита операционной базы «больших кораблей» в Палдиски возлагалась на самостоятельный укрепленный район – УР Балтийского порта. Для защиты маневренной базы в Лиепае (Либаве) перелагалось создать самостоятельный укрепленный район Либавский УР. Островной УР предназначался для защиты операционной базы легких сил в Рахуколя и маневренной базы в Куресааре (Аренсбург), а УР пролива – для защиты маневренной базы в Вентспилсе. Предлагалось маневренные силы, которые должны были действовать «на трех позициях, создаваемых в УРах», объединить под единое руководство командующего «морскими силами позиций в Балтийском море» со штабом в Хаапсалу (Гапсаль) [Там же].

Комиссия пришла к важному выводу: «Условия заключенных договоров с прибалтийскими государствами приводят к необходимости для большей устойчивости обороны всю систему береговых укреплений строить от материкового берега – по возможности на островах. Во всяком случае при получении к тому возможности полезно оборону баз, расположенных на материковом берегу, дополнить оборонительными сооружениями со стороны сухопутного фронта» [Там же. Л. 252].

Таким образом, специалисты советского ВМФ не в полной мере полагались на поддержку со стороны вооруженных сил Эстонии и Латвии в условиях возможного начала агрессии извне. Предлагалось в укрепленных районах в две очереди разместить позиции для батарей «дальнего боя», «защиты подходов», «противокатерных» для установки на них 152 орудий калибром 406–152 мм и 202 орудий калибром 45 мм, т. е. всего 354 орудия [Там же. Л. 260]. К материалам комиссии прилагались данные, относящиеся к Первой мировой войне: тогда «на вооружении береговой обороны тех же участков побережья, исключая Либаву» состояло 96 орудий калибром от 305 до 75 мм.

Нарком ВМФ 19 октября издал Приказ № 00150 «Об установке береговых, ж.-д. батарей и зенитных батарей на КБФ» [Там же. Л. 230]. Военному совету КБФ было приказано «произвести изыскания и установить батареи»: четыре трехорудийные 130-миллиметровые (Б-13) – в районах острова Малый Рогге, мысов Пакри и Кюбассар, маяка Михайловский с последующим доведением их до четырехорудийного состава; две батареи 152-миллиметровых орудий в районах островов Большой Рогге и Вормс или Кортель на временных основаниях с «последующей посадкой на бетон» [Там же]. В соответствии с приказом в районе Палдиски должен был разместиться 33-й отдельный зенитный дивизион. Было указано установить в этом же районе три четырехорудийные 76,2-миллиметровые батареи, произвести изыскания для оборудования позиций железнодорожных батарей, для установки двух батарей 180-миллиметровых

орудий в районах Симпернес и Сворбе, при этом в дальнейшем в районе Сворбе планировалось установить батарею 305-миллиметровых орудий [3, л. 230].

Во исполнение Приказа наркома ВМФ 20 октября 1939 года состоялось заседание Главного военного совета РКВМФ с повесткой дня: «О системе обороны Краснознаменного Балтийского флота». На нем были приняты решения:

«1. Начальнику ГМШ РКВМФ <...> подготовить проект решения ГВС РКВМФ и доклад в Правительство по системе обороны КБФ в Балтийском море.

2. Начальникам Инженерного и Строительного управлений РКВМФ, не дожидаясь принципиального решения этого вопроса Правительством, приступить по указаниям ГМШ РКВМФ к завозу стройматериалов, изыскательским работам в районах порта Балтийский, Оденсхольм, Симпернес, Сворбе (Церель) и проектированию строительства береговых батарей» [Там же. Л. 289].

В развитие второго решения были изданы два приказа наркома ВМФ: от 1 ноября № 00163 – о проведении изысканий под строительство объектов береговой обороны в Эстонии [Там же. Л. 292] и от 3 ноября № 00165 – «Об организации инженерных и строительных органов для выполнения оборонительного строительства в Эстонии и Латвии» [Там же. Л. 293]. Последним приказом было определено создать «линейные строительные органы – “Строительства”», к 1 декабря разработать положения «о работе строительных органов», а для руководства их деятельностью создать самостоятельные строительные отделы в Эстонии (Палдиски) и Латвии (Виндава) [Там же]. К действующему штату Строительного управления ВМФ дополнительно вводилась должность заместителя его начальника, который должен был руководить этим строительством. В Ленинграде создавался отдел снабжения для реализации выделенных фондов, децентрализованной заготовки материалов и перевалки грузов, направляемых в Эстонию и Латвию [Там же. Л. 294].

Для осуществления контроля над ходом строительства «со стороны заказчика – Инженерного управления» формировались военпредства. При Инженерном управлении ВМФ создавался отдел береговой обороны, на который возлагалось «руководство изысканиями, подготовка технической документации и руководство “Военпредствами” на строительствах» [Там же. Л. 294]. Военнный совет КБФ обязывался оказывать «всемерное содействие» создаваемым органам. Таким образом, в начале ноября 1939 года было принято решение о создании в ВМФ структуры специальных органов. Их задачей было проведение изысканий, планирование, проектирование, руководство строительством объектов инфраструктуры ВМФ в Эстонии и Латвии и осуществление контроля за ходом проводимых работ.

Наркоматом земледелия РСФСР от Ленинградского сектора изысканий «Мелиоводстроя» в распоряжение Наркомата ВМФ было откомандировано 30 человек инженерно-технического персонала с необходимым инструментом и оборудованием «для исследовательских работ» [Там же. Л. 320].

После подписания всех соглашений и проведения необходимых согласований в Правительстве СССР в соответствии с Постановлением Комитета обороны (КО) при СНК СССР № 417 сс/ов от 15 ноября 1939 года, наркомом ВМФ 19 ноября был издан Приказ № 0040 пр., в котором предписывалось: «...Немедленно приступить к организации строительства и полному развертыванию подготовительных и основных строительных работ в соответствии с объемом работ, предусмотренных настоящим приказом и организационной структурой, установленной моим приказом № 00165...» [Там же. Л. 317–321].

Упомянутым выше постановлением КО на «производство строительных работ по установке батарей и оборонных объектов на 1939–40 гг.» была утверждена смета на сумму 21 982 300 рублей [Там же. Л. 319–320].

В целях наращивания усилий по созданию береговой обороны побережья Балтийского моря 23 ноября 1939 года был издан приказ наркома ВМФ № 0042/пр «О формировании частей КБФ в 1939–1940 гг.» [5, л. 13–16], который утвердил «состав и очередность строительства батарей», этапы до 1942 года включительно и сроки завершения проводимых организационных мероприятий (изыскательские работы, проектирования, численность привлекаемых

гражданских специалистов и рабочих из СССР, а также Эстонии и Латвии), привлекаемые силы и средства от союзных наркоматов.

Так, в Эстонии в соответствии с приказами наркомов обороны и РККФ предстояло выполнить значительные по объему и сложности задачи: оборудовать свыше 108 объектов, в том числе более 50 военных городков; 24 военных аэродрома; 6 авиабаз; 3 военных порта, а также места стоянок кораблей; 25 артиллерийских батарей орудий различного калибра, из них 16 стационарных (по 4 башенных установки в каждой, кроме того, для каждой батареи оборудовались пункты управления огнем и защищенные хранилища для боеприпасов) [5, л. 13–16]. Здесь перечислены только основные объекты. Балтийская военно-морская база, согласно Приказу командующего КБФ от 4 февраля 1940 года № 0026, была сформирована 1 февраля.

Однако по мере освоения отведенных мест для базирования КБФ все острее проявлялась необходимость принятия дополнительных специальных мер, направленных на обеспечение создания и развития военной инфраструктуры. Так, в целях выполнения «Постановления КО при СНК СССР № 90сс по Палдиски» (от 25 февраля 1940 года) 27 февраля 1940 года был издан Приказ наркома ВМФ СССР № 0049, конкретизирующий задачи по выполнению указанного постановления. В соответствии с этим постановлением был утвержден «титульный список строительства военно-морской базы в Палдиски на 1940 г. на 120 млн рублей» [Там же. Л. 24]. Они выделялись из резервного фонда СНК СССР дополнительно к утвержденному Наркомвоенморфлоту объему капитальных работ, согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 декабря 1939 г.» [Там же].

Постановлением № 90сс определялось «Наркомстрою и Наркомвоенморфлоту осуществлять строительство военно-морской базы в Палдиски специально создаваемыми для этого строительными батальонами и вольнонаемными рабочими, ИТР и служащими, набираемыми в СССР». Причем уточнялось, что необходимые материалы и оборудование для строительства также должны завозиться из СССР, за исключением местных строительных материалов. Наркомом РККФ был обязан сверх установленной штатной численности для ВМФ на 1940 год сформировать и передать Наркомстрою «6 строительных батальонов, численностью по 1200 человек каждый» в следующие сроки: к 1 апреля 1940 года – 1 батальон, к 1 мая 1940 года – 2 батальона, к 1 июня – 3 батальона. НКО обязывался призвать необходимое количество призывников для формирования названных батальонов [Там же]. Следует отметить, что до выхода в свет Постановления КО при СНК СССР № 90сс от 25 февраля 1940 года Приказом наркома ВМФ от 19 ноября 1939 года № 0040 пр было определено в Калининской и Воронежской областях произвести «дополнительный набор рабочих в количестве 15 000 человек»: до 1.1.40 г. – 3000 человек и до 1.3.40 г. – 12 000 человек. Для их размещения было спланировано получить от Наркомлеса в 1940 году 50 стандартных домов: 25 – к 1 февраля и 25 – к 1 апреля 1940 года [Там же. Л. 320–321].

Также была определена численность местных рабочих (из Эстонии и Латвии), которых разрешалось нанимать «для выполнения земляных и погрузочно-разгрузочных работ и строительства жилых городков» в количестве 10 000 человек.

Следует отметить, что, уделяя строительству базы в Палдиски большое внимание, данное постановление включало в работу целый ряд наркоматов: легкой промышленности – пошив 450 палаток армейского образца и 75 теплых палаток; торговли – «организовать снабжение <...> питанием и предметами широкого потребления с тем, чтобы магазины и столовые как для строительных батальонов, так и для вольнонаемного персонала были открыты к 15 марта» [5, л. 25]; Наркомморфлот обязали обеспечить внеочередную переработку грузов Главспецгидростроя в Ленинградском порту; Наркомсудпром должен был построить для Главспецгидростроя 7 барж различного типа; Наркомату путей сообщения и Наркомморфлоту было предписано осуществлять «перевозки всех грузов на строительство базы в Палдиски наравне с воинскими перевозками» [Там же].

Таким образом, на уровне правительства СССР, комиссариата ВМФ, а также путем заключения дополнительных соглашений с правительствами Эстонии и Латвии был установлен порядок создания инфраструктуры, в первую

очередь советского ВМФ, как наиболее важной с точки зрения подписанных соглашений о взаимопомощи, так и наиболее затратной по финансовым вложениям и объемной по задачам ее строительства.

Показательным фактом является то значение, которое придавалось со стороны наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова подготовке «театра к войне в новых условиях расположения сил и средств на театре» [6, л. 31]. В своих директивах от 8 января № 15705 сс/ов, 4 апреля № 16476 сс/ов, 4 июня № 16801 сс/ов он рассматривал создаваемую оборонительную систему устья Финского залива, побережья и баз как основу подготовки театра к войне, включающую себя: «прочную оборону» баз флота, противодесантную оборону островов во взаимодействии с частями Красной Армии, оборону Финского и Рижского заливов [Там же. Л. 22], которая, по его видению, создавала условия для активных действий КБФ [Там же. Л. 72].

Мнение Н.Г. Кузнецова разделял и нарком обороны К.Е. Ворошилов. В апреле 1940 года он писал И.В. Сталину и В.М. Молотову: «Существующую дислокацию наших наземных и воздушных частей в Эстонии нахожу целесообразным изменить в сторону усиления островов Даго, Эзель и района порт Балтийский» [7, л. 185]. Он также отмечал: «Прочное удержание вместе с ВМФ островов Даго, Эзель, порта Балтийский и прилегающих к нему островов Пакри и Сденсгольм является для нас основной задачей – обороны подступов к Финскому заливу и ко всему побережью Эстонии. Имея же главные силы, как сейчас, в районе Гапсаль, мы не сможем обеспечить наземными войсками быструю помощь нашим частям, расположенным на островах и в районе порта Балтийский» [Там же].

Важность значения строительства советских военных баз для СССР на побережье Эстонии, Латвии, а также Финляндии понимали в дипломатических и военных кругах других государств. Так, временный поверенный в делах Италии в Москве Л. Маша 4 июня писал министру иностранных дел Италии Г. Чиано: «Советские претензии <...> отражают <...> намерения укрепить как можно скорее стратегические позиции СССР в Балтийском регионе. В этих целях <...> советская сторона сосредоточит все силы <...> на строительстве и военном оснащении трех балтийских портов: Балтийский (Эстония), Либава (Латвия) и Ханко (Финляндия), меньший интерес проявлен к другим базам и местностям, полученным от Балтийских государств в результате договоров, заключенных осенью прошлого года» [8, с. 174].

Создание военно-морских баз, размещение в Латвии и Литве сил Советской армии и Военно-морского флота были важным шагом в обеспечении безопасности границ СССР. Показательно также, что осенью 1939 года, когда СССР укреплял свои позиции на Балтике, начались советско-английские и советско-американские переговоры, которые в конечном счете привели к соданию антигитлеровской коалиции.

Быстрые победы Германии на Западе в начале июня 1940 года вынудили советское руководство принимать дополнительные меры по обеспечению безопасности СССР, защите его сухопутных и морских границ в преддверии неизбежной войны с Германией. На основании заключенных договоров с Эстонией, Латвией и Литвой в эти государства в июне 1940 года были введены дополнительные контингенты войск и переведены для базирования силы КБФ. Решению этих задач в значительной степени способствовала ранее проведенная работа НКВМФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Известия** [Текст]. – 1939, 29 сентября.
2. **АВП РФ**. Ф. 3а – Латвия. Д. 139.
3. **РГА ВМФ.** Ф. р-1877. Оп. 1. Д. 40.
4. **Полпреды** сообщают... [Текст]: сб. документов М.: Междунар. отношения, 1990. – 544 с.
5. **РГА ВМФ. Ф.** р-1549. Оп. 1. Д. 71.
6. **Там же.** Ф. р-92. Оп. 2. Д. 502.
7. **РГВА.** Ф. 33988. Оп. 3. Д. 369.
8. **На чаше** весов: Эстония и Советский Союз. 1940 год и его последствия [Текст] / сост. П. Варес, О. Журьяри. – Таллин: Евроуниверситет, 1999. – 470 с.
9. **Петров, П.В.** Балтийский флот. Финский гамбит [Текст] / П.В. Петров. – М.: Яуза: Эксмо, 2005. – 432 с.
10. **АВП РФ.** Ф. 06. Оп. 1. П. 21. Д. 234.

УДК 947:940.3

А.Н. Мичурин

«ОБЩЕСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ» МИНИСТРОВ ЛЕТОМ 1915 ГОДА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

Важнейшим вопросом в исследовании создания и деятельности Прогрессивного блока является вопрос о судьбе «ответственного министерства» и «министерства доверия». Это понятие появилось в российской политической жизни летом 1915 года и стало знаменем оппозиции в борьбе с правительственной бюрократией.

Все крупнейшие исследователи русского государственного права отрицали такое понятие, как «ответственность», а С.А. Котляревский прямо указывал, что помимо отрицания основными законами судебной ответственности министров еще более исключена всякая ответственность политическая. Да и сама дискуссия между членами блока подтвердила точку зрения, что ответственность – дело будущего. Представитель фракции центра Государственной думы В.П. Львов отстаивал мнение, что обсуждаемая программа хороша только при «общественном» министерстве, в противном случае необходимо стремиться к компромиссу с нынешним кабинетом.

Таким образом, к 22 августа 1915 года были выяснены ключевые моменты декларации Прогрессивного блока. Это прежде всего цели, преследуемые блоком; условия предоставления декларации правительству; степень координации между представителями Государственного совета и Государственной думы; возможность внепарламентских действий для поддержки складывающегося блока.

Прояснение отношения к новой формуле «министерства доверия» произошло на московском совещании 16 августа 1915 года у А.И. Коновалова. Несмотря на крайний скептицизм членов Государственного совета по поводу этого собрания, П.Н. Милюков отмечал его важное значение для определения отношения общественности к сложившемуся положению. Это, по-видимому, относится к той части заявлений на совещании 16 августа, что бесполезно поддерживать учреждение «неспособное выпрямиться во весь рост...». Но в целом совещание, на котором присутствовали московские депутаты, представители союза городов, общеземского союза, биржевого и купеческого обществ, а также представители московской губернской управы, высказалось за необходимость создания кабинета народной обороны. Деятельность его должна была осуществляться в тесном единении с Государственной думой.

В конце лета 1915 года Прогрессивный блок продолжал предпринимать дальнейшие шаги в борьбе за «министерство доверия», в то время как в правительстве сложился взгляд, что блок нежизнеспособен.

Например, князь А.Д. Голицын из группы центра о создании блока ничего не пишет и себя с ним не отождествляет, хотя его группа причисляется к составу блока и он сам выступал осенью 1916 года в Государственном совете с оппозиционными речами: «Поэтому виновниками случившегося я считаю Прогрессивный блок, в который по явной аберрации ума вошли даже монархисты чистой воды, самого правого направления» [1, с. 374]. Правое крыло блока всячески противилось любому упоминанию об «ответственном министерстве» на заседании 29 августа 1915 года. В.А. Бобринский заявил, что их фракция всегда выступала против парламентаризма, а С.И. Шидловский призывал остановиться на «визирате». Левое крыло призывало начать работу над списком лиц, могущих возглавить новый кабинет, причем активно выступивший член Государственного совета М.М. Ковалевский (левый) призывал блок склониться в сторону общественных деятелей: «Кн. Львов (Челноков), Гучков – ввести его в комбинацию» [2, с. 152]. Против этого выступали представители правого крыла Думы и центра Государственного совета (В.В. Меллер-Закомельский). Лидер кадетов П.Н. Милюков кардинально изменил свою позицию по сравнению с той, которую отстаивал с начала сессии 19 июля, и уже 25 августа в Государственной

думе не сомневался в том, что власть не имеет доверия народа.

В этой связи вызывает возражение позиция Н.Г. Думовой, которая считает, что в период образования блока существовала «группа политических деятелей, являющихся общепризнанными авторитетами для буржуазно-либерального лагеря в целом» [3, с. 223]. Прогрессистская газета «Утро России» 4 августа 1915 года поместила передовую статью «Министерство “настоящих людей”». В ней отмечалось: «Общество, действительно, очень часто выдвигает людей, которым “верит”, но нередко это доверие носит чисто платонический характер, не заходя дальше оваций» [4], а октябрист Н.В. Савич по поводу «министерства доверия» замечал о кадетах: «Правда, эта формула имела для них то удобство, что под нее можно было подвести министерство, возглавляемое кн. Львовым, который уже тогда ими лансировался и который никогда в Думе не получил бы необходимого большинства» [5, с. 164]. На те же затруднения указывал в Совете министров А.Д. Самарин, «ибо анкеты не было и никто истинных стремлений не ведает» [6, с. 125]. Скорее можно говорить о кратковременном выдвижении того или иного оппозиционного лидера, речи и действия которого наиболее соответствовали политическому моменту.

Списки, постоянно циркулировавшие в думских и общественных кругах, говорят именно об этом. Н.Г. Думова пишет о шести известных списках, существовавших в оппозиционных думских и общественных кругах [3, с. 55–56]. Но количество таких списков было намного больше, по крайней мере, имена, которые выдвигались в августе 1915 года, были различными. Помимо двух списков, опубликованных 13 и 14 августа в газете «Утро России» и представлявших, по мнению этой газеты, кадетский и октябристский «кабинет обороны», существуют три списка, обнаруженные Е.Д. Черменским среди бумаг Николая II, с кандидатами в министерство доверия [7, с. 98]. Существует и список, выработанный в собрании представителей левых партий на квартире С.Н. и Е.Д. Прокоповичей 6 апреля 1916 года [8, с. 234], но он составлялся позднее и не может быть отнесен к событиям, развернувшимся в августе 1915 года.

Помимо этих шести списков существовал проект о назначении бывшего председателя Государственной думы Н.А. Хомякова премьер-министром [9]. Скорее всего этот «проект» вышел из прогрессистских кругов, как и «якобы» кадетский список в газете «Утро России» от 13 августа 1915 года, который был «составлен в квартире крупного промышленника П. Рябушинского» [8, с. 234]. Существовал и собственный проект М.В. Родзянко о привлечении в новый кабинет Гучкова и Львова, причем Родзянко отводил себе должность председателя Совета министров и министра внутренних дел, о чем писал 8 августа 1915 года Д. Щепкин [10, л. 604]. Существовали два списка, рассматривавшихся на заседании Прогрессивного блока 22 августа, причем «председателем Совета министров в обоих списках значился князь Н.Б. Щербатов» [11], кандидатура которого и после встречи с министрами у П.А. Харитонова 27 августа 1915 года продолжала поддерживаться октябристами. Так, С.И. Шидловский заявил 29 августа: «Кн. Н.Б. Щербатов почти единственный министр, которому наша речь понятна. Он другой среды, другого воспитания, да и частое его пребывание в думских комиссиях научило его понимать Думу» [12]. Необходимо отметить и выступление М.М. Ковалевского о проведении списка общественных деятелей (кн. Львов, Челноков, Гучков) на заседании блока 29 августа 1915 года. Наконец, лидер правых в Государственном совете А.А. Бобринский предлагал кандидатуру С.Е. Крыжановского в председатели Совета министров и министра внутренних дел как условие возможного компромисса с Прогрессивным блоком [13].

В напряженной обстановке августа 1915 года появился слух о назначении А.А. Поливанова председателем Совета министров. Уже то, что два видных члена Государственного совета, граф В.Н. Коковцов (кружок внепартийного объединения) и А.Н. Куломзин (председатель Государственного совета), полагали, что этот слух вполне правдоподобен, и 20 августа 1915 года уточняли этот вопрос у самого Поливанова [14, с. 231–232], показывает, что кандидатура Поливанова рассматривалась в верхней палате как вполне реальная альтернатива И.Л. Горемыкину накануне открытия 22 августа 1915 года Особых совещаний по обороне.

Активно обсуждалась в середине августа 1915 года и идея о привлечении в состав существующего кабинета министров без портфелей. «Речь» 17 августа 1915 года писала о 10 министрах без портфелей: 5 – от Думы и 5 – от Государственного совета. В думском списке были представлены М.М. Алексеенко, Н.А. Хомяков, В.В. Шульгин, В.А. Маклаков. Пятое место в списке отдано А.И. Гучкову. Список лиц от Государственного совета был не составлен в связи с тем, что возник вопрос, можно ли включать в него лиц, проходивших бюрократическую школу, т. е. занимавших в то или иное время видные административные посты. Видимо, такой список и не мог быть составлен, так как один из тех, кто должен был его составить, – М.М. Ковалевский (левый) 15 августа 1915 года в «Биржевых ведомостях» решительно выступал против этого предложения [15], показав тем самым отношение левой группы Государственного совета к идее провести в Совет министров представителей оппозиции, не наделенных реальной властью.

Сам факт активного обсуждения списков «министерства доверия», различных альтернативных предложений по проведению в Совет министров общественных представителей показывал серьезность претензий парламентской оппозиции на власть и демонстрировал желание Прогрессивного блока добиваться «министерства доверия» за счет длительности сессии. Совет министров первоначально оптимистически рассматривал возможность роспуска законодательных палат. Щербатов считал, что требование длительности сессии выставляется «только для вывески». С.Д. Сазонов уверенно заявлял: «Большинство Думы определенно против длительной сессии» [6, с. 107]. Позиция министров изменилась после встречи представителей блока с министрами 27 августа у П.А. Харитонова. Все беседовавшие с представителями блока министры считали, что Дума не допускает возможности роспуска после начала переговоров. Начиная с 19 июля 1915 года, т. е. с момента открытия сессий Государственной думы и Государственного совета, вопрос о длительности стоял на первом месте. 19 июля один из лидеров правых, Марков 2-й, выступил за длительную сессию и призывал разъехаться только тогда, когда депутаты будут вполне спокойны, что все до последнего сделано для обеспечения победы. В этом вопросе он полностью солидаризировался с лидером кадетов П.Н. Милюковым. Принятие Советом старейшин Государственной думы 17 августа 1915 года плана предстоящих работ также указывало на длительный характер сессии. А.И. Шингарев сообщил следующий порядок работы: 1) закон о цензуре, 2) о почтовых служащих, 3) о кооперативах, 4) о праздничном отдыхе служащих, 5) об изменении земского положения 1890 года, 6) о введении земских учреждений на окраинах, 7) устав о ревизиях, 8) о введении трезвости навсегда, 9) закон о волостном земстве, 10) о земских и городских съездах и союзах [16]. Рассмотреть такой большой пакет законопроектов в короткой сессии не представлялось возможным.

Николай II уже 25 августа считал иначе, что и было отмечено в его письме из Ставки к императрице Александре Федоровне: «Я в восторге, что ты говорила со старым Гор[емыкиным] и утешила его. Пожалуйста, в следующий раз передай ему, что как только Гос. Совет и Дума закончат свои работы, их надо прикрыть, все равно, вернусь ли я к тому времени или еще буду находиться здесь!» [17, с. 267]. Николай II 23 августа вступит официально в должность Верховного главнокомандующего: «С твердой верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской» [18]. Однако на торжественном открытии Особых совещаний в Зимнем дворце царь удивил присутствовавших членов Государственного совета и Государственной думы своим заявлением о бесцельности дальнейших заседаний законодательных палат [19, л. 3].

Кадеты моментально отреагировали на это заявление Николая II тем, что Милюков в заседании Думы 25 августа 1915 года предостерегал императора и правительство против поспешных действий: «Г.г., я думаю, вы ясно понимаете, что при таком настроении страны роспуск Государственной Думы был бы политическим безумием» [20]. В.А. Маклаков даже начал пугать Государственную думу выступлениями рабочих, на что правые, в лице депутата Сафонова, заявили, что они улицы не боятся.

Зато в Совете министров выступления улицы серьезно опасались. Сазонов и Поливанов

предлагали 28 августа 1915 года распустить законодательные палаты по-хорошему, т. е. предлагали Н.Л. Горемыкину выступить перед Государственной думой и Государственным советом с разъяснением позиции Совета министров. При этом Поливанов рассматривал сам факт роспуска законодательных палат как повод обратиться к императору Николаю II с просьбой назначить «новых правителей, отвечающих ожиданиям страны» [6, с. 124]. Горемыкин был непоколебим и отмечал, что «рабочие беспорядки разовьются помимо, если вожаки готовы к действиям. Но я уверен, что все обойдется благополучно и что страхи преувеличены» [Там же. С. 120]. Об этом же говорит записка директора канцелярии министра путей сообщения, в которой он докладывал С.В. Рухлову 31 августа 1915 года: «По имеющимся у меня агентурным данным, я думаю, что выступления рабочих, в сколько-нибудь значительных размерах, ожидать нельзя, почему и бывшие опасения такового выступления являются преувеличенными» [21, л. 4–4об]. Забастовочное движение сентября 1915 года (114 тыс. бастующих) не приблизилось даже к своим показателям за июнь 1914 года (200 тыс. бастующих) [22, л. 7], что не давало повода говорить о его особой активности.

Общественные круги на гребне беспрецедентного успеха уже настаивали на полной смене Совета министров и замене его кабинета, во главе которого стоял бы представитель общественности. Это наиболее ярко проявилось 28 августа 1915 года в собрании общественных деятелей в Москве в квартире московского городского головы М.В. Челнокова. А.И. Коновалов считал, что, пойдя на переговоры с правительством, представители блока сделали ошибку и попали в тупик. П.П. Рябушинский находил, что работать с данным составом правительства невозможно. Ефремов и Коновалов в Петрограде договорились до того, что предлагали в случае разгона Думы не расходиться, а продолжать заседания явочным порядком. Более осторожный подход демонстрировал П.Н. Милюков, сомневавшийся в роспуске законодательных палат, но в любом случае остававшийся в рамках чисто парламентской борьбы [23, с. 31].

В Государственном совете политическая борьба до такого накала не поднималась. Большинство рядовых участников Прогрессивного блока ограничивались информационными совещаниями, происходившими 29 августа 1915 года. На этих совещаниях левой группы и группы центра рассматривался ход совещаний представителей блока с Советом министров, и в целом обе группы поддержали своих представителей. Появившееся в «Новом времени» 28 августа 1915 года сообщение о наметившемся расколе в группе центра из-за подписания В.В. Меллер-Закомельским декларации Прогрессивного блока без одобрения этого вопроса со стороны членов по назначению [24] было моментально опровергнуто в кадетской «Речи» [25] и прогрессистском «Утро России» [26]. Прогрессивный блок тем самым через средства массовой информации выражал свою жизнеспособность и подавлял в зародыше все слухи о возможном расколе и потере влияния в верхней палате. Но скрыть полностью следы двойственного отношения Государственного совета к длительной сессии не удалось. Частным образом Е.Д. Куломзина писала председателю верхней палаты А.Н. Куломзину 9 августа 1915 года: «Если допустить Думу до... прений по всевозможным посторонним вопросам, то Ты знаешь, до чего они дойдут, и пустой болтовне не будет конца» [27, л. 43об].

Наглядным подтверждением желательности краткой сессии со стороны Государственного совета стал массовый исход членов верхней палаты из Петрограда. С 19 июля по 3 сентября 1915 года число присутствующих на заседаниях Государственного совета членов уменьшилось со 152 до 96 членов [28, л. 21–112]. При этом, если при обсуждении закона об Особых совещаниях 17 августа присутствовало 127 членов верхней палаты, то при выборах членов Особых совещаний 19 августа только 104 члена. Например, член Государственного совета А.Ф. Редигер считал, что самым важным в этой сессии является одобрение Государственным советом закона об особых совещаниях и их образовании, и не видел ничего страшного в закрытии Государственного совета и Думы: «Эта сессия, с 19 июля по 3 сентября, была вначале крайне тяжела вследствие стоявшей в городе жары, кроме того, она была крайне неудобна для большинства членов обеих палат, так как была созвана неожиданно и в необычное время. Я уже говорил, что не предполагал, чтобы она могла

быть продолжительной, поэтому мы переехали в город без прислуги; но когда выяснилось, что сессия затягивается, пришлось выписать с дачи кухарку» [29, с. 400–401]. Поэтому не было ничего неожиданного в том, что 2 сентября «Утро России» заявляло, что члены верхней палаты в своем большинстве ничего «трагического во временном перерыве занятий Гос. Думы не усматривают» [30].

Таким образом, сложилась обстановка неопределенности и ожидания у руководителей Прогрессивного блока разрешения кризиса в выгодном для них русле, т. е. в виде «создания “министерства доверия”». Казалось, что власть охвачена хаосом. В Совете министров 2 сентября 1915 года рассматривался вопрос об эвакуации Киева, а министр Внутренних дел Н.Б. Щербатов рисовал безотрадную картину хаоса на железных дорогах и начала забастовок. Щербатов говорил даже о возможности нового Выборга в Москве. Его поддерживал С.Д. Сазонов, угрожавший рабочими волнениями в случае роспуска законодательных палат и московских совещаний представителей общественных организаций. Один председатель Совета министров И.Л. Горемыкин оставался спокоен среди разброда и шатания представителей власти и в соответствии с данными ему Николаем II поручениями намеревался распустить Государственную думу и Государственный совет 3 сентября 1915 года.

Этот момент фактического поражения Прогрессивного блока не уловили даже правые члены законодательных палат. Рупор правых – «Земщина» сокрушалась по поводу бездеятельности правительства, которое не преследует членов Государственного совета по назначению, вступивших в Прогрессивный блок. В правых группах верхней палаты ситуация продолжала оставаться сложной. На состоявшемся 2 сентября в Государственном совете собрании членов правой группы совместно с представителями группы правого центра была предпринята попытка склонить группу правого центра к подписанию ответной декларации правых на декларацию Прогрессивного блока. Правый центр, руководимый А.Б. Нейдгартом, отказался дать свои подписи и присоединиться к планируемой правыми обеих законодательных палат демонстрации [31, л. 4].

В Государственной думе 3 сентября сложилась взрывоопасная обстановка. На собравшемся утром сеньорен-конвенте раздавались голоса, в духе предложений Ефремова и Коновалова, объявить себя Учредительным собранием. И хотя к началу заседания Государственной думы 3 сентября 1915 года голоса радикалов остались в меньшинстве, неприятный осадок в Государственном совете от этих предложений остался. Е.Д. Куломзина отвечала 6 сентября 1915 года А.Н.Куломзину на его описание обстановки в законодательных палатах во время закрытия сессии: «С удовольствием прочли мы с Ольгой описание Заседания Государственного Совета 3-го числа, о котором ты пишешь, что оно прошло у тебя спокойно. Но зато описание Заседания в Думе произвело на меня ужасное впечатление! Боже мой! Да куда же мы идем?» [32, л. 96].

Государственная дума и Государственный совет разошлись без шума. Разочарованию представителей Прогрессивного блока не было границ. С таким трудом организованное большинство Государственной думы и присоединившаяся к этому большинству часть членов Государственного совета не смогли выполнить главного – того, ради чего и создавался Прогрессивный блок. Ситуация, сложившаяся 3 сентября 1915 года, показала, с одной стороны, возможность широкого патриотического объединения в Государственной думе и Государственном совете, а с другой – явственно обозначила проблемы, стоящие перед парламентским блоком.

Обстановка острого политического кризиса, завершившегося 3 сентября 1915 года роспуском Государственной думы и Государственного совета, перешла в затяжную борьбу за голоса избирателей и подготовку общественного мнения к новым требованиям Прогрессивного блока. Осуществить главное из этих требований – «министерство доверия» с ходу не удалось. Власть продемонстрировала, что обладает возможностями для маневра против патриотических лозунгов оппозиции. Создание Особых совещаний, в которые вошли представители законодательных палат, и одновременное прекращение парламентской сессии поставили оппозицию в безвыходное положение. Прогрессивному блоку необходимо было смириться с неизбежным и начать конструктивную работу в Особых совещаниях, одновременно консолидируя свои ряды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Голицын, А.Д.** Воспоминания [Текст] / А.Д. Голицын; сост., подгот. текста, послесл., указатель имен А.К. Голицына. – М.: Русский путь, 2008.
2. **Красный** архив. 1932. Т. 50–51/1–2/.
3. **Думова, Н.Г.** Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции [Текст] / Н.Г. Думова. – М.: Наука, 1988.
4. **Утро** России [Текст]. – 1915, 4 августа.
5. **Савич, Н.В.** Воспоминания [Текст] / Н.В. Савич. – СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993.
6. **Яхонтов, А.Н.** Тяжелые дни [Текст]: секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года / А.Н. Яхонтов // Архив русской революции. – Т. 18. – М.: Изд.центр «Терра»: Политиздат, 1993.
7. **Черменский, Е.Д.** IV Государственная дума и свержение царизма в России [Текст] / Е.Д. Черменский. – М.: Мысль, 1976.
8. **Милюков, П.Н.** Воспоминания [Текст] / П.Н. Милюков. –Т. 2. – М.: Современник, 1990.
9. **Утро** России [Текст]. – 1915, 13 августа.
10. **ГАРФ**. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031.
11. **Утро** России [Текст]. – 1915, 26 августа.
12. **Там же** [Текст]. – 29 августа.
13. **Новое** время [Текст]. –1915, 29 августа.
14. **Поливанов, А.А.** Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. [Текст] / А.А. Поливанов. – Т. 1. – М.: Высш. воен. ред. сов., 1924.
15. **Биржевые** ведомости [Текст]. – 1915, 15 августа.
16. **Новое** время [Текст]. –1915, 18 августа.
17. **Переписка** Николая и Александры Романовых. – Т. III. – М.; Пг., 1923.
18. **Правительственный** вестник [Текст]. – 1915, 26 августа.
19. **ГАРФ**. Ф. 579. Оп. 1. Д. 918.
20. **Государственная** дума. 4-й созыв, сессия 4. – Стб. 1073.
21. **РГИА**. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 235.
22. **Там же**. Ф. 23. Оп. 17. Д. 688.
23. **Буржуазия** накануне Февральской революции [Текст]. –М.; Л., 1927.
24. **Новое** время [Текст]. –1 915, 28 августа.
25. **Речь** [Текст]. – 1915, 30 августа.
26. **Утро** России [Текст]. – 1915, 30 августа.
27. **РГИА**. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 344.
28. **Там же.** Ф. 1148. Оп. 10. 1915 г. Д. 2.
29. **Редигер, А.Ф.** История моей жизни. Воспоминания военного министра [Текст]. В 2 т. / А.Ф. Редигер. – Т. 2. – М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999.
30. **Утро** России [Текст]. – 1915, 2 сентября.
31. **РГИА.** Ф. 1576. Оп. 1. Д. 235.
32. **Там же.** Ф. 1642. Оп. 1. Д. 344.

УДК 63.3(2)

А.А. Лепшеев

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА АННЫ ИОАННОВНЫ В ОТНОШЕНИИ БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН И ДВОРЯНЕ

В исторической литературе, посвященной времени правления Анны Иоанновны в 30-е годы XVIII века, зачастую используются определенные клише, такие как «бироновщина», «засилье иностранцев в государственных учреждениях», «безвременье», «мрачное десятилетие Анны Иоанновны», «продворянская политика». Ряд подобных клише можно продолжить, они еще с конца XVIII века настолько прочно вошли в практику исторических исследований, что к нашему времени стали устоявшимся фактом и продолжают тиражироваться в изданиях, включая все типы учебников.

Однако насколько справедливы приведенные стереотипы в отношении правления Анны Иоанновны? Осторожное их взламывание началось, по-видимому, в статье Е.П. Карновича «Значение бироновщины в русской истории» [1], в которой автор попытался по-новому осмыслить внутреннюю политику России

1730-х годов Тем не менее, несмотря на известный интерес историков к названному периоду, историография в целом осталась на прежних позициях. Пристальное и вдумчивое изучение проблемы внутренней политики Анны Иоанновны началось, на наш взгляд, в конце XX века, когда появилась работа Н.Н. Петрухинцева «Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г.» [2], где не довлели прежние штампы истории ее правления как «темного пятна русской истории». Акцент делается на изучении государственного подхода правительства к тем или иным вопросам, и в этой связи по-иному рисуется и «бироновщина», и «продворянская политика». Такой подход нам кажется наиболее перспективным, и в данной статье мы попытаемся проанализировать правительственную политику аннинского времени в отношении беглых крестьян без предвзятости прежних стереотипов, опираясь в исследовании на анализ законодательства указанного времени.

К 30-м годам XVIII века на фоне финансового кризиса в России одной из серьезных проблем стало бегство крестьян. Нам представляется интересным проследить взаимоотношения дворянства и правительства в процессе выхода страны из кризиса на примере позиции «о беглых», а также уточнить, насколько российское законодательство соответствует понятию «продворянского» в этом конкретном вопросе.

Категория беглых крестьян выпукло стала присутствовать в истории нашей страны с XVI века, однако в конце названного столетия ситуация с беглыми обострилась. Помещики буквально завалили Вотчинный приказ челобитными о ее решении. Понятно было, что без поддержки государства дворянству не справиться. И государство отреагировало на мольбы землевладельцев введением «урочных лет», в течение которых объявлялся сыск беглых крестьян. К 1607 году срок сыска увеличился до 15 лет. Позиция правительства в крестьянском вопросе, как правило, считалась не только уступкой дворянству, но и государственной необходимостью.

После Смуты вернулись к 5-летнему сыску. Дворяне неоднократно просили царя «отставить урочные лета», но вместо того была только удлинена исковая давность для беглых крестьян до 10 лет. Наконец, в 1646 году, предпринимая новую общую перепись, оно вняло настойчивым ходатайствам дворянства и в писцовом наказе этого года обещало, что крестьяне, их дети и братья, и дворы их после переписи «крепки будут и без урочных лет», что и было исполнено в Уложении 1649 года, узаконившем возвращение беглых крестьян по писцовым книгам 1620-х годов и по переписным 1646–1647 годов. Отмена исковой давности сама по себе не изменила юридического характера крестьянской крепости как гражданского обязательства, нарушение которого преследовалось по частному почину потерпевшего; она по сути уравнивала крестьянство с холопством, иски о котором не подлежали давности [3].

Собственно Соборное уложение и было государственной гарантией владельцам крепостных крестьян в поимке беглых. Но правительственные решения нередко ставились в зависимость от той или иной конкретной ситуации и не были однозначно поддерживающими дворянство, особенно это стало заметно в XVIII веке.

Взгляды на вопрос о «беглых» у дворян и правительства далеко не всегда совпадали. Дворянство требовало от государственных структур выполнения Уложения и скорейшего сыска и возвращения своих крестьян. Однако государство кроме этих обязательств было обременено решением других задач, которые вполне можно обозначить как геополитические. В их в число входили:

• освоение новых территорий, интересы русской колонизации;

• увеличение числа работающих на окраинных сибирских и уральских заводах.

Выполнение названных задач требовало узаконения присутствия новых людей на названных местах. Призывы к казакам селиться там особой популярностью у последних не пользовались, несмотря на предоставление ряда льгот. Реальное пополнение людской массы могло происходить от приобщения к делу «нищих, разбойников и беглых». Перед второй ревизией податного населения, по правительственным данным, беглых насчитывалось порядка 200 тыс. ревизских душ [4], т. е. в 1730-е годы на каждый год приходилось в среднем по 20 тыс. беглых, основную массу которых составляли помещичьи крестьяне.

Изучение крестьянства сопряжено с некоторыми сложностями, и прежде всего потому, что мы находим очень мало законодательных актов по крестьянам, могущих хоть как-то пролить свет на возможную попытку правительства определить абрис прав и возможностей крестьянства в рассматриваемое время. Кроме того, нет достаточной ясности в рассмотрении исследователями положений отдельных типов крестьян в 30-е годы XVIII века. Так, выделяя в первой половине XVIII века в основном четыре типа крестьян – государственные, дворцовые, монастырские, помещичьи, – историки так окончательно и не установили разницу между ними. П.К. Алефиренко пришла к выводу, что государственные и дворцовые крестьяне это почти одно и то же [5]. В.И. Селявский эти два разряда крестьянства вообще не считал крепостными [6]. Сравнивая дворцовые и помещичьи хозяйства вместе с их крестьянами Е.И. Индова определяет их схожими, как и положения их обитателей [7]. Сложность изучения заключается еще и в том, что сами четыре разряда крестьянства делятся далее: государственные крестьяне представляли собой конгломерат из 17 видов, дворцовые – из 7, помещичьи – из 2. Кроме них существовали монастырские крестьяне разных типов вотчин (определенных и заопределенных), а также категории беглых, бродяг, нищих, дезертиров, беглых на пути к рекрутству [8]. Изучение этого вопроса в такой дифференциации – предмет отдельного капитального труда.

Традиционное отношение к беглым требовало возвращения их владельцам. В мероприятиях аннинского времени отразилось колебание правительственной политики. В целом, руководствуясь законодательством петровского времени о контроле за населением по Плакату 1724 года, правительство вносило новые штрихи. Согласно Плакату 1724 года, крестьянин, уходя на заработки внутри уезда, должен был получить «отпуск» (паспорт), подписанный помещиком или в его отсутствие приказчиком (пункт 12). Указ 1731 года несколько обюрократил процедуру получения возможности дополнительного «кормления»: паспорта должны были использоваться только печатные, к подписям добавилась подпись священника. Отход крестьян за пределы уезда требовал, по Плакату, помимо письменного разрешения помещика, пропускное письмо, подписанное земским комиссаром и заверенное полковой печатью (пункт 13).

Установившиеся основные правила отхода крестьян на заработки еще более ужесточились в указах 1730-х годов. Возможность получения разрешения (паспорта) крестьянами усложнялась вследствие боязни помещиков встречаться чаще с такой социальной болезнью крестьянского общества, как побеги.

Для пресечения побегов государство высылало военные команды, а нередко использовало войска. Мера наказания за побеги предусматривалась от «на усмотрение помещиков» до смертной казни [9], при введении формальной нормы разбирательства, отчего произошел побег [10].

Для крестьян побег был возможностью (при желании) изменить свой статус, перейти в другую категорию населения, и государство, несмотря на противоречия с дворянством, иногда шло на узаконение этого изменения. Речь идет о колонизационной политике, а также о качественности работных людей на заводах. Даже будучи беглым, но уже став профессиональным работником или даже мастеровым, крестьянин оставлялся на фабрике (заводе), «дабы не чинить остановки» последним. Это положение было закреплено Указом 7 января 1736 года, и в нем же разрешено было мануфактуристам покупать крестьян на фабрики «без земель и не целыми деревнями, по крепостям» (пункт 9) [11]. Таким образом, крестьяне, не выходя из своего зависимого состояния, просто меняли стиль жизни, прикрепляясь «навечно» к индустриальным объектам. В 1730-е годы четко устанавливался срок отхода – не более трех лет, а за разрешением обращаться не только к земскому комиссару, но и к воеводе и губернатору в связи с участившимися побегами и подделкой документов [12]. Нельзя также было уходить крестьянам семьями, равно как и жениться на новых местах. Более четкая регламентация правил была известным подспорьем и для дворян, и для государства в деле осуществления контроля над подведомственным населением и возвращения беглых. Последними считались те, кто преступил вышеуказанные правила.

В петровское время законодательством было пресечено существование таких категорий населения, как «вольные» и «гулящие»

люди, их приравняли к беглым. Равно так же, чтоб «без дела и в гуляках не были», поступали и в 1730-е годы и, судя по многочисленным указам, более настойчиво [13]. В этом преемственность «великому дядюшке» вырисовывалась полной. Однако Петр I оставил проблему, разрешить которую оказалось возможным далеко не сразу.

По упомянутому Плакату 1724 года, крестьянам, овладевшим профессиональными навыками на заводах (во время отхода), было возможно остаться там, чтобы своим уходом не нанести ущерб производству. В таком случае предусматривалась компенсация помещику в размере 50 рублей за одного работника, становившегося собственностью промышленника (пункт 15). На мануфактурах, что было, естественно, выгодно их хозяевам, обитало большое количество пришлых «без паспортов» и откровенно беглых. На это обращал внимание кабинет-министр, а также один из крупнейших землевладельцев России А.П. Волынский, отмечавший, что одно из основных «убежищ беглецам – Сибирь», медные и железные заводы, «где превеликие слободы тысячами дворов беглых крестьян населены, которых за дальностью сыскивать некому». От побегов крестьян страдали многие, в том числе и сами кабинет-министры. Например, отвечая на жалобы Черкасского, правительство учреждает специальную следственную комиссию по розыску только его беглых крестьян [14].

В.Н. Татищев, будучи руководителем сибирских казенных заводов, пытался решить проблему беглых на заводах. Руководствуясь целесообразностью и «ради пользы» заводам, а впоследствии в целях развития Оренбургского края Василий Никитич практиковал поселения таковых из России и Украины соответственно и на заводах, и в колонизуемом степном крае, за что получал неоднократные выговоры. На прошения и доклады Татищева императрица с явным подозрением: «...А ныне вы доносите, что пришлых помещиковых крестьян всех выслали, а коликое число, не упоминаете...» отвечает, что необходимы в таких случаях развернутые ведомости: «Кто имены беглые высланы и кому имены помещикам отданы» [15, с. 599].

После Сенатского расследования и выборочной переписи на фабриках было установлено, что многие мастеровые оказались беглыми, общее число которых достигло 5 тыс. человек, из них помещичьих, да еще не платящих подушный оклад (так как беглые) 413 человек. Таким образом, возникла довольно щекотливая для правительства ситуация: беглых надо возвращать, но после ухода квалифицированных специалистов может быть нанесен убыток заводской, а равно и государственной казне. Из данного кризиса был найден достойный выход. Чтобы не разгребать «авгиевы конюшни» возникшей проблемы, Анна Иоанновна именным Указом от 7 января 1736 года, «чтоб те фабрики от разобрания мастеровых и работных людей в упадок и разорение не пришли», определила, что все обретающиеся при фабриках «не в простых работах» остаются там «вечно», «будь это помещиковы или беглые как окажется». За каждого такового от фабрик деньги должны были идти хозяевам в прежнем петровском размере – 50 рубей, и надбавка от 5 до 30 рублей на каждого за плату прежнюю подушных денег и отдачу в рекруты (пункт 1). Таким образом, «беглые на завода», попавшие на производства до 1736 года, переходили в иной статус, и с ними решилось все действительно мудро с точки зрения государственных интересов. Однако далее, как и в прежние годы, было объявлено, что «впредь беглых и без паспортов», особенно помещичьих крестьян, «принимать было не велено» (пункт 7). За ослушание поступали как с помещиками за содержание беглых (пункт 14) [16]. Указ от 7 января 1736 года был одним из краеугольных в аннинской политике. Этот юридический документ в целом был посвящен промышленному законодательству, связанному с обеспечением заводов рабочей силой, и в этом смысле являлся продолжением политики Петра I в поддержку предпринимателей-мануфактуристов. Кроме ссуд и льготных налогов им в 1721 году была дана возможность прикупать к фабрикам крепостных, чтобы использовать как рабочих. Но проблему рабочей силы это мероприятие не снимало. Количество вольнонаемных, оброчных посессионных крестьян не обеспечивало постоянство работных людей на заводах. Кардинальным подходом и стал обсуждаемый указ.

С другой стороны, он продемонстрировал позицию в вопросе о «беглых на заводах», т. е. они вопреки правилу и экономическим и сословным

интересам дворянства, прописанным в Соборном уложении, не возвращались помещикам, а оставались на местах, исходя из государственной необходимости развития мануфактурного производства: «Всем, которые поныне при фабриках обретаются и обучились какому-нибудь мастерству, принадлежащему к тем фабрикам и мануфактурам, а не в простых работах обретались, тем быть вечно при фабриках» [17]. По сути, получилось законодательное исключение. Впрочем, разобранный нами вопрос с контроля не снимался и во второй половине 1730-х годов, тенденции к злоупотреблению вольного толкования Указа от 7 января 1736 года пресекались именными выпадами самой императрицы, запрещавшими разных гулящих бродящих (читай – беглых) оставлять на мануфактурах. Например, указ, адресованный управляющему невьянскими заводами А.Н. Демидову, гласил: «...Помещиковых крестьян не принимать!». Собственно подобные указы посылались не только Акинфию Никитичу [18].

Вторая, крайне неприятная в сословном ключе отношения государства и дворян проблема, сопряженная с беглыми, – колонизация окраин, их охранение, нехватка людских ресурсов на занятых и занимаемых землях. Российское правительство еще с XVI века было сильно озабочено этими насущными в период активной внешней политики задачами. Говоря геополитическим языком – проводя экспансию, нужно было обеспечить закрепление ее результатов. С XVI столетия для Московского, Российского государства на геополитическом горизонте к царствованию Анны Иоанновны вырисовались следующие направления, где требовались решения о заселении пространства людскими ресурсами: южное или крымское, требующее освоения и расширения малороссийских и новороссийских территорий; юго-восточное, связанное с заселением Донской и Уральской областей; заселение Северного Приуралья, Сибири и Дальнего Востока; занятие и заселение Башкирии; занятие и заселение Предкавказья. В разное время и на различных землях данные проблемы решались по-разному, но в большинстве случаев так или иначе вставал вопрос об использовании беглых, гулящих и тому подобных людей.

Наиболее показательна в этом отношении охрана окраин «крымской степи», которая началась в XVI веке. Вместе с развивающимся засечным строительством стали использоваться мелкие упреждающие и отвлекающие удары. В качестве исполнителей выступали отдельные отряды московских ратных людей, а также казаки – сначала привлекали днепровских, а потом и донских. Одним из источников пополнения казачьих рядов были беглые крестьяне. Казаки со временем стали получать не только реестровую плату, но и «карт-бланш» действий в отношении крымских татар. Впоследствии русскими была перенята тактика самих перекопских татар. В 1559 году активность русских в степных землях была настолько очевидной, что едва ли не впервые за последние годы в Москву приходили крымские послы не только с обычными «поминочными» запросами, но и с жалобами на нападения московских людей на крымские земли. Иван IV Васильевич на жалобы отвечал с достоинством сильного правителя, знающего цену своему слову: когда будут добрые дела между нами, тогда никто не будет нападать на Крым, а хан пусть сам думает, какое состояние между ними лучше – вражда или мир. Но более всего удручали крымских ханов (в данном случае – Девлет-Гирея) упоминания царя о том, что русские люди узнали дорогу в Крым «полем и морем» и что «городы русские множатся». Приток русского населения был частью так называемой засечной политики, продолжившейся весь XVII век.

В первой половине периода правления Анны Иоанновны была проведена новая линия укреплений на окраине России, южнее той, которая появилась в конце 70-х годов прошлого столетия. Ее постройка была обусловлена тем обстоятельством, что Левобережная Малороссия, защищаемая прежде запорожскими казаками, с 1711 года после уступки Запорожья Турции оказалось в непосредственном соседстве с турецкими владениями. Когда ж началась война с Турцией, российское правительство приступило к скорейшей постройке укрепленной линии по соседству с Запорожьем. Охрана рубежей была доверена так называемым ландмилицким полкам. Еще со времен Петра I состав полков ландмилиции формировался из весьма разношерстных в социальном отношении элементов – от детей боярских

до солдат. Переведенные на подушную подать и причисленные к разряду государственных крестьян, они фактически становились однодворцами[1]. Служба в ландмилиции была крайне тяжелой, поскольку протяженность границы была слишком велика [19]. Ландмилиция стала приходить в упадок и не могла полноценно выполнять поставленную перед ней задачу обороны Юга России от набегов крымских татар [20]. Кабинет-министрам приходилось изыскивать разные способы охраны границы[2], не исключая использования для этой цели беглых.

Воистину притягательным местом для сорвавшихся с места крестьян слыл Яик. Со времен Михаила Федоровича яицкие казаки состояли на службе государства и получали от казны, как и донские, государево жалование. В Москве ими ведал сначала Посольский приказ, а с 1670 года Приказ Казанского дворца. При Петре I яицким войском ведали сначала Сенат, затем некоторое время Коллегия иностранных дел, а с 1721 года – Военная коллегия. Причина столь частых и строгих переподчинений крылась в одном: постоянный приток и прием в яицкое войско беглых. Отряженная в марте 1723 года на Яик комиссия полковника Захарова была уполномочена переписать всех казаков. Перепись констатировала, что в его состав вошло немалое число пришлых-беглых, но ни доклады по ее результатам, ни правительственные меры не смогли остановить приток беглых на Яик [21, с. 327–328].

Ситуация в среде яицких казаков осложнилась к середине 1730-х годов, когда обозначилось серьезное имущественное расслоение и потребности покровительствуемого правительством старшины разошлись с интересами основной массы войска – по казачьему «монолиту» зазмеилась глубокая трещина, предвещающая раскол.

Но вовсе не случайно она появилась именно в 1736–1737 годах, когда правительство основательно занялось включением в состав государства обширного региона, частью которого были земли яицких казаков. Поворотным моментом стала Оренбургская экспедиция – геополитический проект продвижения России в глубины Азии. Летом 1735 года был основан первоначальный Оренбург (Орская крепость). Во многом это обстоятельство спровоцировало грандиозное Башкирское восстание 1735–1740 годов, многократно умножившее казацкие службы и увеличившее их опасность. Забота об Оренбурге тоже во многом легла на плечи яицких казаков, осложнились привычные и налаженные отношения с соседними степными народами. Наряжаемые на службу казаки охотно ставили вместо себя пришельцев, а последние также охотно шли на службу, укрываясь от кары преследований. Войсковые атаманы и старшины иногда даже за деньги верстали таких людей в казаки, посылая на службу. Более того, с лета 1736 года началось строительство новых укрепленных линий с цепочкой крепостей, протянувшихся по Самаре и по Яику выше войска. На этих «живых линиях» возникало спешно набираемое по преимуществу из беглых крестьян будущее оренбургское казачье войско, правительственное и «служилое», без глубоких традиций казачьей «вольности». Его численность «по бумагам» уже в июне 1737 года составила 3040 человек [22]. Вместе с тем еще одной причиной увеличения числа «узаконения» беглых стали мероприятия главы Оренбургской экспедиции И.К. Кириллова, считавшего, что самым эффективным средством предотвращения восстаний башкир станет увеличение в крае населения русского происхождения. В здешних местностях и создаваемых крепостях ради их наполняемости русским населением разрешалось селиться всем – от отставных солдат до преступников и беглых. В отношении заселения края после смерти Кириллова его политики придерживался и новый руководитель Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев. По линиям должны были селиться и полурегулярные ландмилицкие полки. Но если в Малороссии последние и были одним из основных элементов латания дыр в широкой пограничной полосе, то ситуация на Яике явно не хотела входить в русло правительственного контроля.

[1]О статусе однодворцев см.: Ковальчук М.А., Тесля А.А. Земельная собственность в России: правовые и исторические аспекты XVIII – первая половина XIX вв. Хабаровск, 2004. С. 220–236.

[2]Например, в русское подданство были возвращены запорожские казаки, получив прощение Анны Иоанновны «за старые прегрешения». Именно они стали основной силой русской оборонительной линии.

Расширяя свои сибирские владения, российское правительство не прекращало и усилий по заселению края. Открытые там полезные ископаемые требовали рабочих рук, которыми Сибирь была крайне бедна. С другой стороны, требовались люди для защиты южных окраин Сибири. В течение XVIII века правительство направляло туда преимущественно такие элементы общества, которые, как писал М.К. Любавский, «почему-либо оказывались негодными для жительства в Европейской России» [21, с. 466]. Начиная со времени опальных стрельцов при Петре I ссылка стала господствующим видом колонизации. Правительства послепетровского времени усвоили взгляд на Сибирь как на колонию преступных и порочных элементов и принимали целый ряд указов о ее заселении. В 1729 году было велено ссылать в Сибирь разных беглых и бродяг, которых «помещики не пожелают принять обратно, дабы через то шатающихся праздных без дел и платежа подушных денег никогда не было»[3]. Замечательная формулировка Указа «если помещики не пожелают» в условиях как российского бюрократизма, так и своеволия власти становилась весьма продуктивной для реализации намеченной цели. В 1730-е годы подобная политика неточных формулировок правительства продолжилась.

Как видим, государственные интересы в деле экспансии новых земель заставляли искать варианты укоренения там русского населения. В числе прочих рассматривались и беглые помещичьи крестьяне, подлежащие по Соборному Уложению бессрочному сыску и возвращению хозяевам. В этом вопросе правительство весьма удачно лавировало между необходимостью выполнить закон и желанием иметь дополнительную возможность колонизации новых территорий, вводя в законодательство практику необходимых мер ради блага государства.

Имели место и частные случаи решения вопроса о беглых. Крепостные князя А. Черкасского, например, отправлялись в бега в Казанскую и Воронежскую губернии, где, «помыслив лукаво», купили на его имя землю и поселились без его ведома [23]. Нормы закона не разрешали приобретение вотчин таким путем. Однако было и другое мнение. А.П. Волынский произвел своеобразную попытку решения этой сложности. Он считал возвращение таких крестьян на старые места нецелесообразным. Поскольку новые земли уже освоены, то и передать их следовало владельцам крестьян, тем более что «земель пустых множество» и «можно многие тысячи людей еще населить» [24]. Колебания правительства во избежание стимулирования бегства других крестьян привели его к однозначному решению, правда, уже после смерти Анны Иоанновны – всех беглых «отвесть на прежние жилища на своих подводах» [16, с. 129].

Иначе решался вопрос, когда на карте стояли интересы казны и геополитические интересы расширения Российской империи. Многочисленные беглые, осевшие у казаков на Яике без службы и без податей, могли стать орудием для освоения степных районов. Им было предписано «под рукою объявить, чтоб они шли с Яика на службу в Оренбург» и другие городки под начало особым офицерам «впредь до указа». Явившимся по этому зову предлагалось показать, «чьи они, давно ль бежали», и с тех допросов ведомости отсылались в те провинции, откуда бежали. Их владельцам в таком случае предлагалось зачесть их за очередных рекрут [15]. Столь взаимовыгодное решение не повлекло массовой колонизации и дефицит людей должен был восполниться, по мнению правительства, ссылкой в Оренбургский край всех бродяг и нищих, годных к работам и являвшихся по своему происхождению теми же беглыми крестьянами [25]. Иногда правительство разрешало нищих «брить» в солдаты, что связано было с нехваткой рекрутов [26].

Мы видим, что в решении вопросов с беглыми крестьянами правительство следовало компромиссной тактике по отношению к дворянам, удовлетворяя по возможности их финансово-экономические интересы в виде компенсации, эквивалентной выданному за рекрута. Но максимум их пожеланий выполнить было невозможно, ибо на их пути вставали не только фискальные интересы казны, но и государственные задачи. В целом же Анна Иоанновна вела политику возвращения беглых

[3]О численности и качестве русского населения в Сибири см., например: Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 194–213.

крестьян в русле намеченных Петром I преобразований. Но сложности, связанные с неурожаями в середине 1730-х годов, выявили в ее законодательстве ряд положений.

Прежде всего, ужесточаются наказания за укрывательство беглых, равно нищих и бродяг: приказчикам и старостам «за утайку» полагалась смертная казнь. Самим же помещикам за такой поступок после «розыска» приходилось прощаться со своими имениями в пользу Дворцового ведомства [27]. Нерачительным хозяевам, позволившим своим крестьянам безнаказанно бродить по российским дорогам, по силе Указа от 14 августа 1731 года предлагалось раскрывать кошельки для уплаты штрафа [28].

Спектр наказаний самим беглецам был определен широкий: от битья батогами до смертного приговора в зависимости от здоровья, срока бегства, рецидива и возможного преступления. Совершенно ясно, что усиление строгости и жестокости правительственных постановлений должно было сдерживать потенциальных беглых «разбойников» и тем самым уменьшать их количество, чтобы не способствовать ухудшению экономического состояния поместных дворян. Однако голодное время и участившиеся побеги в связи с этим дали повод для некоторого изменения норм поимки беглых. Понимая, что жестокости только усугубят положение, правительство идет на дифференцированность подхода к беглецам, поскольку их количество все возрастало. В одну категорию входили те, кто, «учиня убыток», злодейство, сбежали, а за них другие крестьяне платят налоги. В другую попадали крестьяне, кто «от хлебной скудости бежал», а потом возвращался. Первый вариант предусматривал «как и прежде» тягчайшее наказание, второй – «меньшее». Помещичьи крестьяне наказывались по воле помещиков [29]. Подобный подход предопределял мероприятия правительства (по многочисленным просьбам дворян) по возвращению беглых, потоки которых направлялись в основном из Малороссии, Нижнего Новгорода, Смоленска, Новгорода в Казанскую, Воронежскую провинции, на Урал, в Башкирию, Оренбург.

Старавшееся проводить умеренно компромиссную политику в отношении возвращения беглых их владельцам государство, тем не менее, не могло закрыть глаза на интересы собственной казны. Когда случались противоречия между ним и дворянством, а также в большинстве сложных моментов в жизни России правительство все же умело находить здравые именно для сословной политики решения, не навредив ни одной из сторон. Вместе с тем правительственная политика продемонстрировала решимость в отстаивании именно государственных толкований, по крайней мере, в двух весьма важных вопросах. Следуя необходимости развития мануфактурного производства, беглые крестьяне, подрабатывавшие на заводах, закреплялись за последними. Тем самым ущемлялись экономические и сословные права дворянства, прописанные в Соборном уложении. Правительство не всегда ссылалось на Уложение, предусматривавшее бессрочный сыск беглых помещичьих крестьян, когда речь шла о геополитических интересах России в освоении и закреплении новых территорий, и вопреки ему использовало «беглый элемент» для увеличения количественного состава русского населения как на Волге и Яике, так и в Сибири. В решении этих двух задач законодательство Анны Иоанновны не выглядит исключительно «продворянским».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Карнович, Е.П.** Значение бироновщины в русской истории [Текст] / Е.П. Карнович // Отеч. зап. – 1873. – № 10. – С. 541–583.

2. **Петрухинцева, Н.Н.** Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. [Текст] / Н.Н. Петрухинцева. – СПб., 2001. – С. 5–302.

3. **Соборное** уложение 1649 года [Текст]. – М., 1961. –С. 160–168.

4. **Полное** собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ) [Текст]. – Т. IX. – № 6682.

5. **Алефиренко, П.К.** Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII в. [Текст] / П.К. Алефиренко. – М., 1958. – С. 216–217.

6. **Селявский, В.И.** Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II [Текст] / В.И. Селявский. – Т. 2. – СПб., 1901. – С. 731.

7. **Индова, Е.И.** Дворцовое хозяйство (1-я половина XVIII в.) [Текст] / Е.И. Индова. – М., 1964. – С. 83–88.

8. **Колесников, П.А.** Законодательство о крестьянах России в XVIII в. Социально-политическое и

правовое положение крестьянства в дореволюционной России [Текст] / П.А. Колесников. – Воронеж. 1983. –С. 116–117.

9. **ПСЗ** [Текст]. – Т. IX. – № 6612, 6533; Т. VIII. – № 5774.

10. **Там же** [Текст]. – № 6951.

11. **Там же** [Текст]. – № 6858.

12. **Там же** [Текст]. – Т. XI. – № 1619.

13. **Там же** [Текст]. – Т. VIII. –№ 5676; Т. IX. – № 6941.

14. **Там же** [Текст]. – Т. VIII. – № 5774, 6406, 5832, 6212.

15. **Волынский, А.П.** Мнения [Текст] / А.П. Волынский // Отеч. зап. – 1860. – № 6. – С. 599.

16. **Шепетов, К.Н.** Беглые крестьяне князя А.М. Черкасского в первой половине XVIII в. [Текст] / К.Н. Шепетов // История СССР. – 1963. – № 6. – С. 127–129.

17. **ПСЗ** [Текст]. – Т. IX. – № 6858.

18. **Там же** [Текст]. – № 6831, 6559.

19. **Пенской, В.В.** Украинский ландмилицкий корпус в XVIII в. [Текст] / В.В. Пенской // Вопросы истории. – 2000. – № 10. – С. 147–153.

20. **Манштейн, Х.Г.** Записки о России [Текст] / Х.Г. Манштейн. – СПб., 1875. – С. 156–158.

21. **Любавский, М.К.** Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. [Текст] / М.К. Любавский. – М., 1996. – С. 327–328.

22. **Петрухинцев, Н.Н.** Раскол на Яике [Текст] / Н.Н. Петурхинцев // Родина. – 2004. – № 5. – С. 78–81.

23. **ПСЗ** [Текст] – Т. IX. – № 6858.

24. **Там же** [Текст]. – Т. X. – № 7548.

25. **Там же** [Текст]. – Т. XI. – № 8699.

26. **Там же** [Текст]. – Т. IX. – № 6893.

27. **Там же** [Текст]. – № 7041.

28. **Там же** [Текст]. – № 6639, 6640, 7017.

29. **Там же** [Текст]. – Т. VIII. – № 5773.

УДК 433

Б. Видмарович

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Система международных отношений в течение последних двух десятилетий претерпевает значительные перемены, связанные с распадом биполярного мира и формированием новых государств, глобализацией экономических процессов и политической жизни, а также попытками им противостоять, с появлением новых очагов международной напряженности и новыми угрозами мировой безопасности. Начало XXI века было отмечено сдвигами, создающими серьезную угрозу безопасности как на региональных, так и на мировом уровне. Поэтому в решении любых политических и экономических проблем, среди которых в ряд наиболее актуальных выдвигается борьба за энергоресурсы, отношения партнерства и сотрудничества приобретают особую значимость.

Стабильность обстановки в Восточной Азии в период формирования многополярного мира очень важна для мира в целом. Этот регион характеризуется ярко выраженной неравномерностью экономического развития расположенных в нем государств, различием их политических целей и приоритетов, наличием идеологического разделения. Кроме того, в данном регионе, не обладающем собственной системой безопасности наподобие европейской, имеется ряд тлеющих и потенциальных очагов напряженности с проблемами, в решении которых сталкиваются интересы ряда стран.

Совершенно очевидно, что в таком контексте состояние и тенденции дальнейшего развития двусторонних отношений крупнейших государств региона – Китая и Японии – существенно влияют на степень безопасности региона и мира в целом.

Однако китайско-японские отношения на протяжении нескольких десятилетий отягощены рядом болезненных проблем. Важнейшей среди них является проблема территориальной принадлежности архипелага Дяоюйдао (Сэнкаку) в Восточно-Китайском море. Вопрос этот имеет большое значение, поскольку связан с проблемой энергоресурсов, т. е. энергетической безопасностью двух стран на долгосрочную перспективу.

Речь идет о небольших ненаселенных островах, расположенных в 460 км к юго-западу от японского острова Окинава и 40 км к северо-востоку от Тайваня. По окончании Второй мировой войны эти острова в составе архипелага Рюкю вначале находились под контролем США, которые использовали их в качестве военного полигона. После достижения между Японией и США договоренности о возврате островов Окинава Японии[1] и подписания соглашения о восстановлении административных прав на острова Рюкю, включая и острова Сэнкаку, в мае 1972 года состоялась официальная церемония передачи островов Рюкю под японский суверенитет.

Серьезное противостояние в вопросе о принадлежности островов началось 70-х годах XX века, после опубликования в 1968 году Экономической комиссией ООН по Азии и Дальнему Востоку заключения о возможном наличии в шельфе Восточно-Китайского моря вблизи островов Сэнкаку богатейших нефтяных запасов.

---

[1]Договор «Okinawa Reversion Agreement», подписанный в 1971 году. См. [1].

Тайвань первым предъявил Японии территориальные претензии на Сэнкаку и уже в 1969 году заявил, что месторождение находится в его территориальных водах. Официальное заявление МИД КНР о претензиях на острова Сэнкаку последовало в декабре 1971 года. Это стало началом территориальных разногласий между Японией, КНР и Тайванем. Требования о возврате островов Сэнкаку Китай сформулировал в шести основных пунктах: «(1) Китай утверждает, что право на обладание было получено на основании принципа первооткрывания – освоения еще в 1372 г.; (2) существовало мирное и длительное суверенное право обладания территориями островов, насчитывающее более пятисот лет (1372–1895); (3) Япония ранее признала и уступила проблемные острова под суверенитет КНР; (4) острова Даоюйдао не были *terra nullius*[2] в 1895 г.; (5) острова были переданы Японии на основании Симоносэкского договора в 1895 г.; и (6) острова должны быть возвращены Китаю согласно условиям Договоров военного периода и китайско-японского мирного договора 1952 г.» [2, с. 19] (точнее говоря – тайваньско-японского). При этом необходимо подчеркнуть, что официально МИД КНР, разумеется, не мог ссылаться на этот последний договор, однако позиция КНР не могла не совпадать в этом вопросе с мнением Китайской Республики в отношении незаконного владения архипелагом японской стороной (в статье 2 этого Договора говорится, что Япония отказывается от Тайваня, Пескадорских островов, Спратли и Парасельских островов). По Симоносэкскому мирному договору, завершившему японо-китайскую войну 1894–1895 годов, Япония получала о. Тайвань с прилегающими к нему островами, Пескадорские острова и Ляодунский полуостров. Однако договор между Китайской Республикой и Японией говорит о прекращении действия всех договоров, существовавших между Китаем и Японией ранее, следовательно и Симоносэкского договора. Также согласно статье 2 Сан-Францисского мирного договора с Японией, хотя в его тексте острова Сэнкаку не значатся, китайское правительство, тем не менее, мотивируя свои территориальные претензии, настаивает на том, что архипелаг Сэнкаку входит в «острова, прилегающие к Тайваню», а следовательно, должен быть возвращен Китаю.

Япония заявляла, что китайские претензии на Сэнкаку со ссылкой на исторические хроники, по которым Сэнкаку – провинция Тайваня, являются необоснованными; к тому же во время присоединения островов к Японии со стороны Китая не поступало никакого опротестования подобного решения [3]. Со своей стороны Япония в отчете, опубликованном в МИД 8 марта 1972 года, защищала свое право владения островами тем, что «(1) спорные острова были *terra nullius* в течение 1885–1995 гг.; (2) на основании Решения Кабинета министров от 14 января 1895 года Япония включила острова Сэнкаку в японскую территорию; (3) острова Сэнкаку не были включены в статью 2 Договора Симоносеки 1895 г.; (4) острова Сэнкаку не были частью территории, которую Япония уступила на основании Сан-Францисского мирного договора; (5) существовала законная передача права собственности на основании Окинавского Соглашения 1971 г.; и (6) существовало молчаливое согласие Китая в течение 1952–1970 гг.» [2, с. 18].

Тем не менее Китай серьезно возражал по нескольким причинам. Прежде всего потому, что Япония отторгла Сэнкаку в разгар войны между Китаем и Японией, и Китай, естественно, не мог предъявить никаких претензий[3] [4, с. 60–61]. С другой стороны, по окончании войны тайваньские власти также не выдвигали своих претензий на острова Рюкю и соответственно на Сэнкаку, поскольку США поддерживали режим Чан Кайши. КНР выступила против возвращения островов Сэнкаку Японии вместе с Окинавой, но инцидентов по этому вопросу не возникало[4].

---

[2]Terra nullius – латинское выражение, пришедшее из римского права, переводится как «ничья земля». Термин используется в международном праве в случае, если территория не находится под суверенитетом какого-либо государства или если государство отказалось от прав на данную территорию.

[3]О решении Кабинета министров Японии в 1895 году объявить Сэнкаку японской территорией ничего не было известно до его публикации в 1950 году в 18-м томе «Документов внешней политики Японии».

[4]Если не считать демонстрации 12 апреля 1978 года, устроенной китайскими судами в территориальных водах Японии с лозунгами о принадлежности Сэнкаку Китаю. КНР тогда заявила, что речь идет о «случайности», к которой правительство не имеет отношения. Возможно, однако, что из-за акции протеста Япония не осмелилась вести разведку нефти в шельфе архипелага. См. [5, с. 172].

Стороны сочли неуместным включение вопроса о территориальной принадлежности архипелага в Договор о мире и дружбе 1978 года[5]. Во всяком случае, стороны проявили большую сдержанность в этом вопросе и нежелание обострять ситуацию. Об этом говорит и тот факт, что Дэн Сяопин в том же 1978 году во время визита в Токио заявил, что Япония может владеть островами в течение 20–30 лет[6].

После подписания китайско-японского Договора о мире и дружбе наметились тенденции к улучшению отношений между Японией и КНР. В 1980-е годы не произошло ни одного серьезного инцидента, связанного с проблемой архипелага Сэнкаку. Другими словами, и по этому спорному вопросу, так же как и по Тайваню, в 1980-е годы значительных конфликтов не возникало. Следует подчеркнуть позицию китайской стороны, согласно которой при невозможности скорого решения вопросов, оставленных в наследство историей, необходимо искать пути для их постепенного разрешения.

Вместе с тем, несмотря на то что рассмотрение вопроса о принадлежности островов Сэнкаку было отложено на неопределенное время, китайская сторона не отказалась от своих территориальных претензий. Обострение конфликта произошло в середине 1990-х годов, когда, приняв в 1996 году Конвенцию ООН по морскому праву, и Китай, и Япония включили архипелаг Сэнкаку в свои морские экономические зоны. Введение же Японией в 1996 году 200-мильной особой экономической зоны вокруг страны дополнительно утверждало ее права на острова Дяоюйдао (Сэнкаку), что, естественно, вызвало возражения и протесты с китайской стороны. О серьезности ситуации свидетельствовало решение Китая сформировать особую оперативную военную группировку для направления ее в случае необходимости в спорный регион. Интересно, что далее этого обострение взаимоотношений не пошло: Китай проявил достаточную сдержанность в этом вопросе. С другой стороны, по наблюдению аналитиков, у Китая в любом случае достаточно сильная позиция по отношению к этой проблеме: на вооруженный конфликт из-за островов Япония не решится, «США – тем более: они не занимают определенной позиции по вопросу принадлежности островов, и поэтому их вооруженные силы за них воевать не будут» [7, с. 73].

В течение 2003–2005 годов в контексте нового ухудшения китайско-японских отношений ситуация вокруг архипелага Дяоюйдао повторно обострилась. События только что истекшего десятилетия показали, что возрастание проблемы обеспечения энергетической безопасности Китая и Японии способствовало повышению внимания к архипелагу. Результатом же принципиальности и неуступчивости сторон в вопросах принадлежности спорных территорий стали периодические обострения в данном вопросе[7].

Начало первого десятилетия XXI века было отмечено рядом конкретных действий, предпринятых Китаем в плане закрепления за собой права на обладание этими островами, и «неправомерных» и «необоснованных», с точки зрения китайской стороны, ответных мер Японии с целью оспорить это право.[8] Одной из наиболее решительных акций, призванных продемонстрировать принадлежность островов Китаю, стала высадка в марте 2004 года на Сэнкаку группы китайских активистов из Общественной федерации обороны Дяоюйдао, которым удалось обойти катера японской береговой охраны. На борту корабля они развернули плакат «Мы находимся в территориальных водах Китая», а на острове Уоцуридзима, входящем в состав архипелага Сэнкаку, установили государственный флаг КНР. Позже арестованные

[5]Следует отметить, что за два года до подписания Договора, в 1976 году, умер Мао Цзэдун, поэтому вопрос оказался замороженным.

[6]Chunichi Shimbun 14.10.1978. См. также [6].

[7]Интерес к архипелагу возник в связи с обнаружением на его территории залежей энергоносителей, а в 1999 году здесь были обнаружены значительные запасы природного газа, оцениваемые приблизительно в 200 млрд кубометров.

[8]В 1996 году Япония включила острова в эксклюзивную экономическую зону, после чего японской стороной на одном из островов был воздвигнут маяк. Позднее, в ответ на неоднократные попытки китайских «активистов» прорваться на судах к островам, Токио развернул военные учения внутри провозглашенной эксклюзивной экономической зоны.

японскими пограничниками активисты были депортированы на родину. Несмотря на то что действия граждан, очевидно, не были официально санкционированы китайским правительством, КНР достаточно резко отреагировала на действия японских властей: Пекин выразил протест по факту незаконного ареста китайских граждан, в котором он усмотрел серьезное попрание китайского суверенитета и нарушение прав человека.

С середины 2004 года Китай начал разведку месторождений природного газа всего в нескольких милях к западу от границы «исключительной морской экономической зоны» Японии на установленной еще в 2003 году вблизи островов Сэнкаку морской платформе, а позднее развернул добычу газа, установив пять платформ. Желая предотвратить возможную добычу Китаем газа с японской территории через пробуренные скважины, правительство Японии в апреле 2005 года приняло решение приступить к рассмотрению заявок японских фирм о выдаче им лицензий на добычу газа на шельфе архипелага. В частности, оно предоставило компании «Тэйкоку сэкию» лицензии на пробные бурения и последующую разработку нефтегазовых месторождений в Восточно-Китайском море, после чего последовало проведение геологоразведочных работ у восточного края зоны. Это также вызвало резкую реакцию китайских властей: МИД КНР, как и следовало ожидать, заявил Японии официальный протест. Такое решение было охарактеризовано как «откровенная провокация и нарушение интересов и суверенитета КНР»: японской стороне еще раз дали понять, что японские фирмы не могут проводить работы на территории, которую КНР считает своей. Китай отказался прекратить добычу газа из шельфа на границе между китайскими и японскими водами и вновь отверг просьбу японской стороны предоставить ей информацию о работах на шельфе. Одновременно китайская сторона оценила свои действия как правомочные, заявив, что Китай имеет «суверенное право» добывать газ в «водах, близких к побережью КНР» и не являющихся «предметом спора с Японией».

Насколько решительно был настроен Китай в вопросе отстаивания своих территориальных прав, свидетельствует демонстрация силы в 2005 году, предпринятая китайским военно-морским флотом в районе разработок газовых месторождений в Восточно-Китайском море. В этот район было направлено пять боевых кораблей. Патрульный самолет военно-морских сил самообороны Японии P-3C обнаружил пять китайских судов в 290 км к северо-западу от острова Кумэ, входящего в состав японского архипелага Окинава. По сообщениям японской стороны, группа судов включала в себя ракетный эсминец класса «Современный» водоизмещением 7940 т, два ракетных фрегата класса «Цзянгу I» водоизмещением 1702 т, военное судно водоизмещением 23 тыс. т и корабль слежения за ракетными пусками водоизмещением 6 тыс. т. Это стало первым случаем появления в районе нефтегазовых месторождений китайских боевых кораблей: КНР, таким образом, открыто продемонстрировала Японии серьезность своих намерений, не ограничиваясь более лишь резкими заявлениями, но подкрепив их действенными и угрожающими аргументами.

Необходимо отметить, что решение вопроса по согласованию части морской границы в спорном районе исключительно путем компромиссов в то время из-за ухудшения отношений казалось трудновыполнимой задачей. Это подтверждает факт разработки Японией в том же 2005 году Плана обороны островов Сэнкаку на случай возникновения военного конфликта. Ранее Япония неоднократно заявляла о возможности эскалации напряженности в отношениях с КНР в связи с началом разработок китайской нефтегазодобывающей компанией газовых месторождений в Восточно-Китайском море. Руководство Японии посчитало необходимым ввести в данный район военные корабли Управления береговой охраны страны, а также усилить военно-морскую группировку береговой охраны на своих южных границах. Таким образом, по сообщениям СМИ, Восточно-Китайское море было покрыто сторожевыми катерами китайских ВМС и японской береговой охраны. Более того, периодически возникали ситуации их прямого противостояния. Средства массовой информации также утверждали, что Управлению национальной обороны Японии спецслужбами США или Тайваня были переданы секретные сведения о нахождении в спорном

районе китайских подводных лодок. Однако после облета в сентябре 2005 года патрульными самолетами ВМС самообороны Японии спорной территории подобная информация не получила своего подтверждения.

Большую активность в вопросе о защите прав Японии в Восточно-Китайском море проявила бывшая у власти Либерально-демократическая партия, обладавшая возможностью обеспечения принятия необходимых законопроектов. Такие факты, как проект строительства современной вертолетной площадки на острове Уоцуридзима, усиление патрулирования района сторожевыми кораблями с целью демонстрации принадлежности этих островов Японии, имевшая место в 2005 году попытка национализации Японией маяка, построенного частным лицом на Дяоюйдао, были расценены китайской стороной как проявление японского милитаризма. КНР поставила их в один ряд с другими аналогичными инцидентами, которые, по ее мнению инициировали японские правые силы при скрытой поддержке официальных властей [8].

Однако китайская сторона все же не пошла на дальнейшее обострение отношений. Более того, она приняла во внимание обеспокоенность японской стороны тем, что КНР может начать добычу газа из залежей, простирающихся, по ее утверждению, в морском шельфе на японской территории. По крайней мере, по проблеме газового месторождения на Дяоюйдао в период с 2004 по 2007 год состоялось 11 раундов консультаций обеих сторон, которые, правда, окончились безрезультатно. Стороны так и не пришли к согласию: единственное, о чем они договорились еще в ходе первого раунда в 2004 году, – это готовность решать все вопросы исключительно путем переговоров, не прибегая к использованию силы. Вместе с тем на неоднократные просьбы Японии ознакомить ее с планами Китая по бурению и добыче газа на Дяоюйдао Китай отвечал неизменным отказом.

Самой большой уступкой китайской стороны в этом вопросе стало согласие на предложение Японии рассмотреть возможность совместной разработки месторождения, правда, на условиях, казавшихся неприемлемыми для Японии. Проект японской стороны, согласно которому в спорном шельфе предлагалось провести разграничительную линию, китайская сторона отвергла самым решительным образом – и в 2005 году в период резкого ухудшения отношений, и в 2006 году, когда отношения стали постепенно налаживаться. В обоих случаях официальные представители Китая упорно характеризовали японское предложение как «одностороннее», «навязываемое» китайской стороне, называя этот шаг Японии «серьезной провокацией в отношении прав Китая и норм международного права» и повторяя, что «китайская сторона сейчас ведет разработку месторождений полезных ископаемых именно в своей шельфовой зоне Восточно-Китайского моря» [9]. На пресс-конференции 9 марта 2006 года представитель МИД КНР открыто заявил: «По вопросу освоения нефтегазового месторождения «Чуньсяо» мы уже не раз излагали свою позицию. Освоение этого месторождения производится в прибрежной морской акватории Китая, по которой нет споров с японской стороной, и поэтому является нормальным осуществлением своих суверенных прав. <...> Проект, выдвинутый японской стороной... исходит из ее односторонней точки зрения, поэтому он неприемлем для китайской стороны. “Серединная линия” – односторонняя точка зрения японской стороны, которую китайская сторона никогда не принимала и никогда не примет. Для китайской стороны неприемлемо обсуждение совместного освоения при признании так называемой “серединной линии”...» [10].

Заявив свои права на обладание островами Дяоюйдао, Китай использует все возможности, чтобы постоянно напоминать об этом при малейших посягательствах на эти права японской стороной. Так, в июне 2008 года патрульный катер, принадлежавший Управлению безопасности на море Японии, в морской акватории вблизи о. Дяоюйдао столкнулся с тайваньским рыболовецким судном, в результате чего рыболовецкое судно затонуло. Официальный представитель МИД КНР, заявив о глубокой озабоченности китайского правительства по поводу столкновения, снова подчеркнул, что острова Дяоюйдао являются исконной территорией Китая и КНР обладает неоспоримым суверенитетом над ними. В этой связи китайская сторона требует от японской стороны прекратить незаконные действия в акватории вблизи о. Дяоюйдао во избежание повторения

подобных инцидентов [11]. И в следующем, 2009 году, Китай повторно выразил крайнее недовольство высказываниями тогдашнего премьер-министра Японии Таро Асо о том, что архипелаг Дяоюйдао является частью территории Японии. На очередной пресс-конференции представитель МИД КНР напомнил о серьезном представлении Японии по этому поводу, снова повторив, что Дяоюйдао и прилегающие к нему мелкие острова с древности являются частью территории Китая и любые действия и высказывания Японии, отрицающие этот факт, обречены на провал. Китай выступает за урегулирование этого спора путем переговоров. Япония должна осознать высокую чувствительность проблемы и проявлять осторожность в выступлениях и действиях, исходя из перспектив китайско-японских отношений в целях поддержания стабильности в регионе.

Таким образом, конфликт, связанный с принадлежностью архипелага Дяоюйдао, попрежнему остается без решения, которое могло бы быть приемлемым для обеих сторон[9]. Не признавая разграничительной линии, разделяющей исключительные экономические зоны государств, проведенной Японией в одностороннем порядке, Пекин предлагает подумать о совместном освоении природного газа, отложив на время все разногласия. Однако, каким именно образом этот вопрос будет решаться путем переговоров по дипломатическим каналам, как это предлагает китайская сторона, остается не вполне ясным. Кроме того, заявления Китая о том, что он вправе осуществлять дальнейшие ответные действия, ответственность за последствия которых ляжет на японскую сторону, очевидно, не оставляет Японии слишком большого выбора.

Что же касается японской позиции, то и после прихода к власти в Японии оппозиционной Демократической партии в сентябре 2009 года она не претерпела существенных изменений, поскольку лидер этой партии Ю. Хатояма заявил о преемственности в «китайском направлении». Это подтвердилось в повторных спорах касательно островов Дяоюйдао, и в 2009-м, и в течение 2010 года [12], когда обе стороны не только снова заговорили о правах и ответных мерах[10], но и подкрепили свои заявления рядом конкретных действий, выразившихся в массовых демонстрациях в отказе китайской стороны от ряда запланированных ранее встреч с представителями Японии.

И несмотря на повторную смену резкого тона на миролюбивый, ситуация выглядит не просто неутешительной, но получает новый виток на линии прогрессирующего роста противоречий между Японией и КНР. Упорство сторон в отстаивании своих интересов при одновременной крайней неуступчивости препятствует принятию конструктивного решения проблемы и приводит к откладыванию поиска выхода из ситуации на неопределенный срок. Позиция выжидания, занимаемая сторонами, накапливание сил и постоянное отслеживание действий противной стороной не оставляет слишком больших надежд на решение накопившихся проблем мирным путем.

---

[9]При этом Япония неоднозначно комментирует характер активно проводимой в последнее время Китаем деятельности в районе этих островов. Японские газеты писали, что китайцы ведут активные изыскательные работы непонятного на вид содержания. По мнению некоторых авторов, их научные и рыболовецкие суда, находясь в этом районе, под видом проводимых исследований осуществляют сбор разведывательных данных, необходимых для ведения боевых операций китайских подводных лодок. Речь ведется также о якобы изучении возможности установки подводных мин. Морские минные поля, по предположению японцев, могут предназначаться для сдерживания движения американских авианосцев в случае перерастания тайваньской проблемы в открытый вооруженный конфликт.

[10]Глава МИД Японии К. Окада заявил о необходимости принятия Японией адекватных мер в случае решения КНР в одностороннем порядке разрабатывать месторождения газа и нефти, в ответ на что официальный представитель МИД КНР подчеркнул, что «китайская сторона имеет суверенитет над месторождением Чунь Сяо... и... будет твердо отстаивать свои законные права в Восточно-Китайском море». См. официальный сайт МИД КНР. Foreign Ministry Spokesperson Ma Zhaoxu's Remarks on Exploration of Chunxiao Oil-Gas Field. 19.01.2010.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Agreement** Between the United States of America and Japan Concerning the Ryukyu Islands and the Daito Islands [Electronic resource] // NIRAIKANAI.WWMA.NET: архив яп.-амер. док. – 1971, 17 июня. – Режим доступа: http://www.niraikanai.wwma.net/pages/archive/rev71.html

2. **Caleb, W.** Security Flashpoint: International Law and the Islands Dispute in the Far East [Text] / W. Caleb // The New Zeland Postgraduate Law E-Journal. – 2005. – Iss. 2.

3. **The Basic** View on the Sovereignty over the Senkaku Islands [Electronic resource] // MOFA.GO.JP: Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2009. – Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/senkaku/senkaku.html

4. **Lohmeyer, M.** The Diaoyu / Senkaku Islands Dispute Questions of Sovereignty and Suggestions for Resolving the Dispute [Electronic resource]: дис. ... маг. юр. наук / M. Lohmeyer // University of Canterbury New Zealand 2008. – Режим доступа: http://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/10092/4085/1/thesis_fulltext.pdf

5. **Lo Chi-kin.** China's policy towards territorial disputes: the case of the South China Sea Islands [Text]. – N. Y., 1989.

6. **Cheng-China** Huang. ICE Case Studies: Diaoyu Islands Dispute [Electronic resource] // AMERICAN.EDU: American University, Washington D.C. – 1997, июнь. – Режим доступа: http://www1.american.edu/TED/ice/diaoyu.htm

7. **Семин, А.В.** Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века) [Текст] / А.В. Семин. – М.: Изд-во Ин-та. Д. Вост., 2008.

8. **Вопрос** об островах Дяоюйдао // RUSSIAN.CHINA.ORG.CN: ежеднев. интернет-изд. – 2005, 18 апреля. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/archive/china-erzhan/txt/2005-04/18/content_2169013.htm

9. **Ответы** официального представителя МИД КНР Цинь Гана на вопросы корреспондентов на очередной пресс-конференции 27 декабря 2005 года [Electronic resource] // RU.CHINESEEMBASSY.ORG: Посольство КНР в РФ. – 2005, 27 декабря. – Режим доступа: http://ru.chineseembassy.org/rus/fyrth/t228855.htm

10. **То же**, 9 марта 2006 года [Electronic resource] // SAINT-PETERSBURG.CHINA-CONSULATE.ORG: Ген. консульство КНР в С.-Петербурге. – 2006, 9 марта. – Режим доступа: http://saint-petersburg.china-consulate.org/rus/fyrth/t239920.htm

11. **Китай** выражает серьезную озабоченность по поводу столкновения японского патрульного катера с тайваньским рыболовецким судном [Electronic resource] // RUSSIAN.PEOPLE.COM.CN: интернет-изд. Жэньминь жибао. – 2008, 18 июня. – Режим доступа: http://russian.people.com.cn/31521/6432034.html

12. **Русаков, Е.М.** Ни здравого смысла, ни права (международного) [Текст] / Е.М. Русаков // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 3.

УДК 342.57

Н.В. Заяц

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Народное представительство играет важную роль в жизни каждого государства и является одним из эффективных средств управления им. Без реального участия граждан в осуществлении народного представительства невозможно построение демократического, правового государства. Однако до последнего времени ряд теоретических и практических проблем обеспечения реализации этого стержневого политического права остается нерешенным. Одна из причин такой ситуации – недостаточность комплексных фундаментальных исследований института народного представительства. В частности, как показали события последних десятилетийУкраине, проблемным оказалось участие граждан этой страны в управлении государственными делами, несмотря на то что в Конституции Украины

декларируется демократический характер государства, откуда следует, что в основании конституционного строя лежит признание народа источником власти.

На актуальность исследования народного представительства как института конституционного права указывает тот факт, что в современных европейских государствах зачастую формальное закрепление народного представительства в законодательстве не гарантирует выражение действительной воли граждан. Так, избирательные кампании опираются на механизмы манипуляции мышлением граждан, когда избиратель, как бы выражая свою волю, в действительности высказывает только чужую. Яркий пример дает молодая демократия современной Украины. Вроде бы многопартийность и существует, но избиратель голосует за ту или иную партию по закрытым спискам. Граждане имеют право на выбор, но осуществить такой выбор фактически не могут.

Обращение к проблеме институционализации народного представительства в данной статье связано с тем, что в юридической науке пока нет единства в отношении конституционно-правовой природы народного представительства, не сформировано единое представление о сущности народного представительства, учитывающее все элементы демократии.

Автор ставит своей целью теоретическое обоснование конституционно-правовой природы народного представительства на базе сравнительного (компаративного) анализа закрепления положений о народном представительстве в конституциях европейских стран.

Изучением института народного представительства занимались философы, политологи, социологи. Существенный вклад в разработку понимания народного представительства с позиции конституционного права внесли работы А.А. Булгаковой, П.А. Астафичева, Н.Т. Ведерникова, А.К. Глухаревой, Ю.К. Краснова, О.Л. Копыленка, Ю.И. Малевич, А.В. Малько, Г.В. Мальцева, Л.С. Мамута, Н.И. Матузова, М.Н. Марченко, С.В. Масленниковой, О.М. Мироненка, В.С. Нерсесянца, Б.А. Страшуна, В.Я. Тация, И.Б. Усенка, В.М. Шаповала, Ю.С. Шемшученка, Б.С. Эбзеева. По данной проблематике имеется большое количество публикаций зарубежных авторов: Б. Грофмана, Н. Умана, Х. Петкин, Б. Рассела, Р. Руза, Н. Рулана, Р. Смита, К. Суейса, Д. Фарелла, Ф. Фоннера, М. Яновица и др.

Конституционно-правовое регулирование государственного механизма в демократических и старающихся таковыми казаться государствах основывается принципе народного суверенитета. При этом источником всей власти полагается народ. Власть народа – это и есть демократия в буквальном значении слова. Она осуществляется в представительной и непосредственной формах [1, с. 231].

Представительная демократия, или представительное правление, осуществляется через государственные органы, избираемые народом. Выборные же государственные органы могут в свою очередь формировать иные государственные органы. Правовой статус общенациональных представительных органов (прежде всего парламентов), как правило, достаточно подробно определяется в конституциях.

Для выделения существенных характеристик института народного представительства в конституционном праве необходимо сначала определить, что же следует понимать под «народным представительством».

По мнению А.А. Булгаковой, народное представительство есть такой порядок участия народа в осуществлении государственной власти, при котором его волю и интересы выражают избираемые гражданами органы и должностные лица публичной власти [2, с. 3]. П.А. Астафичев дает следующее определение: «Народное представительство – это институт конституционного права, предметом которого являются общественные отношения, складывающиеся в области формирования, деятельности, прекращения полномочий и отвественности представительных органов публичной власти» [3, с. 3]. Народное представительство (читаем в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона) – это система власти народа через выборных представителей [4]. Согласно Толковому словарю, представительство – это наличие представителей в органах управления, на съездах и т. п. Представительством называют выполнение кем-либо или чем-либо обязанностей по представлению чьих-либо интересов, выполнению чьих-либо поручений, обладание правами

представлять чьи-либо интересы, выполнять поручения [5].

Как видим, единой дефиниции народного представительства нет. Одни авторы видят народное представительство через призму избирательных прав граждан, что сужает понимание изучаемого института, другие – как один из способов формирования представительных органов публичной власти, что также недостаточно раскрывает особенности народного представительства. Попробуем выделить признаки данного института.

К универсальным характеристикам (признакам) народного представительства, по мнению А.Г. Глухаревой, можно отнести следующие:

• выражение в народном представительстве верховенства народа;

• реализацию посредством народного представительства государственной власти, адекватной потребностям современного общества;

• выражение народными представителями интересов всего народа, а не какой-либо его части;

• допустимость различных механизмов формирования представительных органов при безусловном преобладании свободных выборов; коллегиальный состав представительного учреждения [6, с. 4].

Основными свойствами органов народного представительства являются выборность, коллегиальность по составу и порядку выработки и принятия решений, особый характер связи народных представителей с избирателями. Только в совокупности все названные свойства дают присущее органам публичной власти качество представительности, в силу которого они способны формулировать волю граждан и выражать их интересы в своей деятельности [7, с. 5].

Конституционно-правовая природа народного представительства заключается в том, что оно: а) служит цели реализации суверенитета народа; б) опирается преимущественно на выборный способ формирования соответствующих органов; в) предполагает качественный механизм конституционно-правового регулирования функционирования и ответственности представительных учреждений, в результате чего обеспечивается достаточная зависимость их деятельности от потребностей и интересов граждан [3, с. 6].

Социальная ценность народного представительства предопределяет необходимость представительного правления, которое выступает важнейшей формой опосредованного осуществления народом принадлежащей ему власти, а также реализации законодательных функций высшими представительными органами. В демократическом государстве недопустимо принижение роли народного представительства и тем более упразднение представительных учреждений.

Сложная природа народного представительства состоит в том, что оно является, с одной стороны, необходимым и существенным элементом в системе функционирования государственной власти и местного самоуправления, а с другой – выражением свободы личности, наделенной правомочиями на участие в управлении делами государства через своих представителей [7, с. 6].

Народное представительство должно обеспечить легитимность государственной и муниципальной власти, так как народ, прежде всего и только он, является источником таковой. Легитимность как социокультурная характеристика власти – результат эволюции общества. Итогом этой исторической эволюции стало современное конституционное государство, в котором отношения политического представительства основаны на примате права. В нем основным законом – конституцией – установлены определенные устойчивые правила и механизмы функционирования государства [8, с. 249]. Формой выражения народного представительства являются демократические выборы как наиболее легитимный способ делегирования отношений представительства и соответственно формирования легитимной политической элиты.

В идеале институт народного представительства призван противодействовать авторитаризму, ограничивать бюрократизм и коррупцию, гарантировать народу возможность влиять на власть и контролировать ее. Но на сегодня, как было уже отмечено, существует проблема формальной и контролируемой демократии. Различают непосредственную и представительскую демократию. В первом случае решения принимаются непосредственно избирателями (например, на народных собраниях,

путем референдумов), во втором – выборными учреждениями (например, парламентами). Но в современных условиях демократические институты могут становиться формальными. Чисто формальная демократия, не ограниченная содержательными требованиями, способна привести к господству массы (охлократии) или к установлению самых крайних форм административной системы, вплоть до тоталитарного общества. Формальная демократия в виде права на свободное, равное и тайное голосование как таковое не является гарантией свободы политического выбора.

Общественно опасной представляется и подконтрольная демократия. В отношении демократии, контролируемой органами государственной власти, как правило исполнительной, возникает вопрос: демократия ли это? С одной стороны, есть признаки демократии. Существует конкуренция между политическими партиями. Граждане, например, могут голосовать свободно за ту или иную партию. С другой стороны, не все партии имеют равный доступ, например, к телевидению. Существуют и так называемые административные меры, которые ограничивают деятельность оппозиционных политиков. Власти удается в той или иной степени избавиться от механизмов контроля, которые существуют в демократическом обществе. Демократические структуры и процедуры, придавая легитимность выборной власти, не определяют деятельность правительства.

В современной литературе обсуждается вопрос о разделении реального и формального народного представительства. Критерием разделения выступает то, являются ли представительные учреждения действительными властными выразителями воли и интересов народа или они выполняют эту функцию только номинально, лишь оформляя властные решения, принимаемые другими политическими структурами.

Хрестоматийным примером возникновения отчуждения представителей народа от народа является избранное в 1789 году Национальное собрание Франции. Во время Великой французской революции идея народного представительства стала истоком невиданного всплеска политической активности народа. Обсуждение кандидатур, составление депутатских наказов происходило в атмосфере большого энтузиазма. Делегирование своей воли другому вовсе не воспринималось как ее отчуждение. Никого не тревожило, что депутат, призванный к участию в политических делах, приобретает известную долю власти и тем самым становится выше своих избирателей. Конкретным инструментам воздействия избирателей на своего депутата не придавалось значения. Ж-Ж. Руссо предупреждал, что в любом представительстве заключена возможность отчуждения. В конце 1789 года Национальное собрание отменило все «связующие инструкции» (наказы) и право отзыва депутатов избирателями. Депутатский корпус отторг себя от уполномочившей его нации. Началось правление «именем народа, ради народа, но без народа», получившее завершение в системе якобинского террора. Это был поучительный урок, который показал, к чему может привести отчуждение представительного правления.

Таким образом, в странах с неустойчивым политическим режимом существует опасность, что избранные демократическим путем законодатели могут, изменив конституцию или избирательное законодательство, нарушить правила проведения выборов, вызвав не только отчуждение депутатов от электората, но и подрыв легитимности представительного органа власти. Это создает основания для социально-политического неинституционального конфликта.

Отчуждение представителей от социальных общностей, связанное с механизмом реальной власти, проявляется в неспособности народных представителей к артикуляции и реализации интересов своих избирателей, в фактическом безвластии соответствующего представительного органа. Социальным следствием такого отчуждения выступает абсентеизм – индифферентное отношение населения к политической жизни, устойчивое уклонение от участия в голосовании на выборах разных уровней. Абсентеизм нарушает систему отношений между гражданским обществом и государством [8, с. 252].

Для политической практики европейских стран характерно «приравненное к выборному (номинальное) народное представительство». В отличие от выборного народного представительства (например, палата общин британского парламента), которое объединяет депутатов,

избранных народом, подобный институт (парламент) включает представителей, являющихся народными лишь номинально, в силу самого факта вхождения в парламент (например, палата лордов и монарх).

Социально-политическая практика правового закрепления народного представительства имеет большую историю. В качестве примеров конституционного закрепления института народного представительства можно рассмотреть статью 1 Конституции Ирландии 1937 года и часть 2 § 2 Конституции Венгерской Республики 1949 года. «Вся власть в Венгерской Республике принадлежит народу, который осуществляет свой суверенитет через избранных им представителей, а также непосредственно», – говорится в Конституции этой страны. Ирландская Конституция гласит: «Ирландский народ настоящим утверждает неотъемлемое, неотчуждаемое и суверенное право избирать собственную форму правления, определять свои отношения с другими народами и развивать свою политическую, экономическую и культурную жизнь в соответствии с его собственными склонностями и традициями» [1, с. 345].

Конституция России в статье 3 провозглашает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. В Конституции Италии предусматривается, что суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его в формах и границах, установленных Конституцией.

Основной закон Германии предписывает создание в каждой общине наряду с административным органом демократически избираемого народного представительства. Поэтому в коммунах всех земель имеются два органа: 1) муниципальное народное представительство, непосредственно избираемое жителями общины на срок от 4 до 6 лет (совет общины, собрание депутатов общины, городское собрание депутатов, районное собрание), принимающее решение по всем важным вопросам, касающимся общины, и контролирующее деятельность административного органа ее управления; 2) муниципальный административный орган управления (исполнительная власть), подготавливающий решения народного представительства и осуществляющий их. Руководители административных органов управления (обербургомистр, бургомистр, магистрат, директор общинного управления; на районом уровне – оберкрайсдиректор или ландрат) избираются либо народным представительством, либо непосредственно жителями на срок от 4 до 10 лет. В некоторых землях функции председателя представительного органа и главы администрации совпадают, в других – эти функции выполняют разные лица [9, с. 378].

Историческую ценность для определения роли народного представительства в формировании современного демократического государства имеет Декларация прав человека и гражданина, принятая во Франции во время Великой французской революции 1789 года. Каждый гражданин, согласно этой Декларации, имеет равное право участвовать в выдвижении/утверждении закона и в назначении своих представителей и своих агентов. В Конституционном акте о Республике было предусмотрено, что народ непосредственно избирает представителей. Он поручает выборщикам избрание органов управления, общественных третейских посредников, судей, уголовных и гражданских. Народонаселение – единственная основа народного представительства. Каждый представитель принадлежит (является представителем) всей нации в целом [10, с. 133].

В истории Англии правовую институционализацию народного представительства обеспечивало Соглашение свободных людей, согласно которому «... верховная власть Англии и территорий, к ней принадлежащих, должна быть отныне вверена народному представительству... И для сохранения верховной власти (на все времена) полностью только в руках народных избранников мы согласны и заявляем, что ближайший и все следующие парламенты должны пользоваться своими полномочиями в течение одного года и что население должно в соответствии с этим избирать парламент ежегодно. Полномочия народных представителей должны осуществляться без согласия или содействия какого-либо другого лица или лиц...» [11, с. 115]. В Великобритании законы, которые регламентируют порядок проведения выборов в нижнюю палату парламента, называются актами о народном представительстве. Представительный характер соответствующих органов

обеспечивается тем, что они формируются путем прямых и общих выборов.

В Акте о народном представительстве Ирландии 2000 года определено, что любое лицо имеет право участвовать в голосовании в качестве избирателя на парламентских выборах по любому избирательному округу, если на день голосования оно: зарегистрировано в реестре избирателей по парламентским выборам в таком избирательном округе; не является неправоспособным по каким-либо основаниям (помимо возрастного ограничения); является либо правомочным гражданином Содружества, либо гражданином Республики Ирландия, а также если такое лицо достигло избирательного возраста [12].

Как видим, народное представительство выполняет функцию соединения суверенитета народа с государственной властью, что придает всей системе правления демократический характер. Следовательно, в конституционно-правовом отношении положение органа народного представительства всецело определяется формой правления. В парламентской республике и парламентарной (конституционной) монархии парламент, олицетворяя верховную власть, формирует и контролирует правительство, а в президентской (полупрезидентской) республике и дуалистической монархии он делит власть с главой государства, который сам формирует и контролирует правительство (это не исключает отдельных контролирующих полномочий парламента).

По мнению А.К. Глухаревой, в тоталитарных государствах народное представительство всегда фиктивно, поскольку парламент через принимаемые им законы только оформляет решения руководства правящей партии. Таким было это представительство и в СССР. Верховный Совет искусственно включал представителей всех слоев «трудового народа» и формально олицетворял верховенство власти. Он назначал и освобождал правительство, принимал законы и утверждал бюджет, но на деле не обладал даже подобием независимого и свободного органа власти. Такое народное представительство только попирало суверенитет народа [6, с. 8].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что большинство европейских конституций именно народ называют первоисточником власти. Однако, несмотря на то что в них говорится безусловно о принадлежности власти народу, формальное конституционное закрепление декларирует, но не обеспечивает реального народного представительства в выборных органах государственной власти.

Сравнительный анализ показывает, что в практике государственного управления народное представительство оформляется как институт конституционного права через совокупность правовых норм конкретного государства по реализации суверенитета народа и права гражданина государства участвовать в формировании представительских органов публичной власти, а также в установлении контроля ответственности таких органов. Конституционно-правовая трактовка четко выделяет роль народного представительства в функционировании государства, отвечая острым потребностям современной социально-политической практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Конституционное** право зарубежных стран [Текст]: учебник / под ред. Б.А. Страшуна. – М., 2000. – 880 с.

2. **Булгакова, А.А.** Народное представительство в России: исторические традиции, современное состояние, перспективы развития [Текст]: автореф. дис. ... канд. полит. наук: спец. 23.00.02 / А.А. Булгакова; Ин-т государства и права РАН. – М., 2007. – 19 с.

3. **Астафичев П.А.** Проблемы совершенствования избирательного законодательства в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юр. наук: спец. 12.00.01 / П.А. Астафичев. – Саратов, 1998. – 18 с.

4. **Энциклопедический** словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Тескт] – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

5. **Толковый** словарь русского языка [Текст] / под ред. Д.В. Дмитриева. – М., 2003. – 790 с.

6. **Глухарева, А.К.** Конституционные основы народного представительства в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юр. наук: спец 12.00.02 / А.К. Глухарева; Рос. гос. торгово-эконом. ун-т. – М., 2008. – 19 с.

7. **Масленникова, С.В.** Право граждан на народное представительство в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юр. наук: спец. 12.00.02 / С.В. Масленникова. – М., 2001. – 18 с.

8. **Общая** и прикладная политология [Текст]: учеб. пособие / под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.: МГСУ; Союз, 1997. – 992 с.

9. **Конституционное** право государств Европы [Текст] / под ред. Д.А. Ковачева. – М., 2005. – 780 с.

10. **Документы** истории Великой французской революции [Текст] / отв. ред. А.В. Адо. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – Т. 1.

11. **Соглашение** свободных людей Англии от 1 мая 1649 г. [Текст] – [4-я ред.] // Кислица Н.А. Английская буржуазная революция середины XVII века: практикум. – М., 1963. – 250 с.

12. **Акт** о народном представительстве от 9 марта 2000 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.concourt.am/

УДК 34:339.1 (47+57) (091) “17” (045)

М.С. Павшинская

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

В современной российской экономике имеется много негативных моментов. Неразвитость отечественного производства, вывоз за рубеж в основном природных ресурсов и зависимость внутреннего рынка от закупочных цен на них приводят к необходимости вмешательства государственной власти в экономику. В такой период особенно значимо изучение исторического опыта нашей страны.

В первой четверти XVIII века Российское государство являлось активным участником торговых отношений на внутреннем и, особенно, на внешнем рынке.

Правительство выступало в качестве покупателя и продавца товаров. Прежде всего закупались товары, необходимые для государственных нужд. В первой четверти XVIII века отечественная промышленность только начинала активно развиваться. Несмотря на высокие темпы этого процесса, в первые десятилетия не хватало многого для обеспечения армии и флота, реформируемого управленческого аппарата, развития самой промышленности. Часть продукции государство производило на собственных предприятиях, но значительную часть было вынуждено закупать как в России, так и за границей.

В случае поставки товаров для государственных нужд казна имела дело с подрядчиками, купцами или непосредственно с производителями продукции. При подрядном способе обеспечения армии и военно-морского флота частное физическое лицо обязывалось перед соответствующим ведомством поставить нужное количество продукции определенного качества до начала кампании по заранее установленной цене, по свободному взаимному соглашению с правительством. Указы предъявляли требования к срокам доставки и качеству поставляемой продукции.

При агентском способе заготовок уполномоченное должностное лицо, минуя подрядчиков, устанавливало прямые контакты с непосредственными производителями (землевладельцами, мясниками, хлебниками, пивоварами и т. д.), что позволяло сократить расходы казны на покупку продовольствия.

В ряде случаев военно-политическая ситуация вынуждала правительство приобретать продукцию у предпринимателей не по соглашению, а в принудительном порядке. Например, в декабре 1700 года, когда понадобился хлеб для выдачи стрельцам в Кольском остроге, Петр I велел весь хлеб, находившийся у торговых людей, «отписать на себя», а деньги

за него выдать из таможенных и кабацких доходов [1].

Чаще всего подряды на поставку продукции должны были заключаться публично с тем из участников торгов, который соглашался выполнить его на выгодных для казны условиях, т. е. по самой низкой цене. Но в связи с тем, что специального регулирования отношений по закупке продукции для государственных нужд не существовало, неоднократно выявлялись случаи безосновательного присвоения казенных средств. Например, в 1713 году обнаружились аферы А.Д. Меншикова и других близких царю вельмож – Ф.М. Апраксина, Г.И. Головкина, А.В. Кикина, заключавших такие контракты на поставку зерна в Санкт-Петербург без торгов, по самой высокой цене и на имя подставных лиц. Нарушителей обязали вернуть полученную прибыль и заплатить штраф «по полтине с рубля». Общая сумма, которую Меншиков должен был вернуть казне, составляла 144 788 рублей [2].

В итоге подрядная афера вельмож побудила царя принять несколько указов, более четко регулирующих эту сферу. Ряд указов предписывали всем казенным подрядчикам независимо от звания и чина представлять в Сенат информацию о заключенных и исполненных подрядных контрактах, в том числе о том, на чье имя был заключен договор, по итогам торгов или нет, об исполнении договора, оформлении поставки, полученных деньгах и даже принуждении к взяткам [3]. Должностные лица должны были строго следить за представлением требуемых данных.

Именной Указ от 5 июня 1715 года регламентировал максимальный размер прибыли любого подрядчика в 10 % [4]. Однако попытка ввести это ограничение потерпела поражение. Винные подрядчики отказались поставлять вино по подряду на таких условиях. Угроза потерять доходы от торговли вином заставила правительство вернуться к прежнему порядку.

В связи с недостачей в казне драгоценных металлов государство обладало исключительным правом их покупки. Разработка золотых, серебряных и медных руд разрешалась всем, в том числе и иностранцам. но продавать добываемые золото, серебро и медь можно было лишь в казну.

Правительство закупало товары не только у отечественных продавцов, но и у иностранных купцов. Последние либо привозили товары на ежегодные ярмарки в Архангельск, либо поставляли непосредственно в казну в обход ярмарки и не фиксировали их в таможенных книгах. Для расчетов с коммерсантами использовались как деньги, так и востребованные казенные товары. Миновали ярмарку в первую очередь товары стратегического назначения, поставляемые узким кругом иностранных купцов (оружие и др.). Однако иные предметы военного назначения, например сукно, седла, медь, свинец и селитра, закупались российским правительством и на самой ярмарке.

В первой четверти XVIII века на внутреннем и на внешнем рынках государство часто было и продавцом продукции. Оно выступало как рядовой торговец, иногда с правом первоочередной реализации товаров, но в большинстве случаев как монопольный продавец широкого спектра продукции. В этом отношении следует согласиться с теми исследователями, которые указывают на наличие смешанной системы казенной торговли [5].

Один из иностранцев, свидетелей торговой деятельности российского государства того времени, писал: «Здешний двор совсем превратился в купеческий: не довольствуясь монополией на лучшие товары собственной страны... (которые покупаются по низкой цене и перепродаются с большим барышом англичанам и голландцам, так как никому, кроме казны, торговать ими не позволяется) они захватывают теперь и иностранную торговлю» [6].

Продажа товаров, взятых в казенное ведение, особенно широко применялась в период правления Петра I. Тогда тяжелое финансовое положение в государстве сложилось из-за постоянного ведения войн, строительства флота, расширения промышленности и проведения масштабных реформ. Необходимость наполнить казну заставляла Петра I не только придерживаться в данном вопросе старой политики Московского царства, но и еще больше усилить государственную монополию, распространив ее на ряд новых товаров. В целом всеобъемлющая казенная монополия господствовала в России примерно с 1709 по 1719 год. Рост числа заповедных товаров достиг своего апогея в 1714 году.

Были монополизированы следующие товары: вино, табак, соль, щетина, юфть, поташ, смольчуг, смола, пенька, воск, льняное семя, конопляное масло, деготь, коломазь, мел, ревень, сало, икра, рыбий клей, корабельный лес и некоторые другие.

В поисках дополнительных источников доходов правительством устанавливались все новые монополии: на продажу игральных карт, шашек, шахмат, табачных трубок и даже дубовых гробов. Дубовые гробы были выкуплены у торговых людей и стали продаваться от казны через монастыри и церковных старост по цене вчетверо выше прежней [7].

Государственная монополия на производство и продажу вина была объявлена еще с середины XV века, однако политика правительства в отношении «питейного дела» была непоследовательной. Многочисленные петровские указы подтверждали запрет на частное виноделие. Вино продавалось из «царевых кабаков» и сдавалось на откуп, как и «питейные сборы». Такая сдача на откуп давала в ряде случаев более эффективное управление монополией и практически всегда приносила фискальную выгоду государству. Откуп винной регалии могли получить представители разных групп населения на основании заключаемого на торгах контракта с правительственными органами. Такой откупщик становился «царским поверенным» с весьма широкими полномочиями, доходы от реализации алкогольной продукции поступали в собственность царя.

Казенная монополия на торговлю табаком была введена с 1697 года, солью – с 1705 года. Винная и соляная монополии занимали, по некоторым данным, второе место в доходных статьях бюджета [8].

Царская монополия на вывоз хлеба за рубеж существовала с 1705 по 1717 год. Иностранным купцам разрешалось вывозить зерно из России лишь в тех случаях, когда урожай был хорошим и цены на зерно в Москве были не выше рубля за четверть, в частности в периоды с 1701 по 1704 и с 1713 по 1716 год.

В 1716 году российская юфть, высоко ценившаяся в Европе, была объявлена казенным товаром для облегчения военных расходов и вывозилась из Архангельска.

Заповедные товары могли подвозиться частными лицами лишь к речным, озерным или морским пристаням и затем поступали в руки представителей казны. Экспортные казенные товары вывозились главным образом самим государством, частично отдельными торговыми монополиями и откупщиками. Они облагались такой же таможенной пошлиной, что и товары частных купцов. Поэтому правительственные приказчики обязаны были правильно объявлять таможне их продажную цену.

В 1719 году Петр I формально ликвидировал торговую казенную монополию, но на некоторые товары она сохранялась.

Абсолютная власть тотально вмешивалась в хозяйственную жизнь страны, используя не столько экономические, сколько политико-правовые методы (указы, статуты, предписания) и законодательные инструменты. Государство, по сути, злоупотребляло своим правом в любой момент установить монополию на товар или вид деятельности, как правило, без должного экономического и социального основания. Такие решения постепенно приводили к тому, что монополизировались не только отдельные товары, но и сама внешняя торговля. Население страдало от откупной системы, а основная часть купечества была лишена важнейших источников накопления капиталов.

С течением времени по мере стабилизации экономической ситуации нормативное регулирование участия государства в торговых отношениях становилось более четким и эффективным, хотя и не представляло собой системного образования.

Объективно у правительства не было достаточной возможности использовать экономические формы регулирования хозяйственной деятельности. «Будучи политически сильным, государство было экономически слабым» [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **РГАДА.** Ф. 141. Оп. 8. 1700 г. Д. 420. Л. 4.

2. **Павленко, Н.И.** Петр Великий [Текст] / Н.И. Павленко. – М.: Мысль, 1994.

3. **ПСЗ** [Текст]. – Т. V. – № 2872. – С. 136.

4. **Там же** [Текст]. – № 2914. – С. 160.

5. **Исаев, И.А.** Влияние идей меркантилизма на торгово-экономическую политику России в XVIII веке [Текст] / И.А. Исаев, О.Г. Ларина // Юр. мир. – 2010. – № 6.

6. **Милюков, П.Н.** Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого [Текст] / П.Н. Милюков. – Изд. 2-е. – СПб., 1905.

7. **ПСЗ** [Текст]. – Т. IV. – № 2014. – С. 282.

8. **Новицкая, Т.Е.** Финансовое законодательство и налоговая политика России в XVIII веке [Текст] / Т.Е. Новицкая // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 11. Право. – 2003. – № 5.

9. **Гайнутдинов, Р.К.** Государственно-правовая идеология в области экономики в эпоху Петра I [Текст] / Р.К. Гайнутдинов // История гос-ва и права. – 2009. – № 20.

УДК 81'42

Е.Ю. Аликина

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ТУРИСТСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале русского и немецкого языков)

В современных когнитивно-дискурсивных исследованиях метафора определяется как универсальный механизм мышления и познания действительности, для изучения которого все активнее привлекается метафорическое моделирование. Материал в таких исследованиях организуется по принципу противопоставления двух концептуальных областей – денотата и сигнификата, или объекта осмысления и метафорической модели. Под метафорической моделью принимается понятийная область, включающая связанные семантическими отношениями элементы. Названием модели служит родовое понятие, объединяющее элементы ее таксонов. Распределение материала внутри модели производится на основании определений толковых словарей, так как метафорическая модель – это результат естественной, а не научной категоризации действительности [2]. Центральной категорией при этом является **метафорическая схема дискурса**, т. е. совокупность базовых метафорических моделей, объединяющих все выявленные в том или ином дискурсе метафоры; доминирующие метафорические модели образуют ядро метафорической схемы дискурса, а менее репрезентативные – ее периферию. Метафорическая схема дискурса выступает в качестве инструмента унифицикации метафорических моделей с целью сопоставления и сравнения результатов, полученных при исследовании дискурса в разных языках. Под дискурсом понимается вербально опосредованная деятельность в специальной сфере [1], где формируется концепт, т. е. специальное знание различного уровня абстракции (от наивного, эмпирического до научного, теоретического). Концепт имеет множество способов вербальной репрезентации, однако все это многообразие может быть сведено, по Ю.Н. Караулову, к трем формам репрезентации языка: «язык-система», «язык-текст», «язык-способность» [3].

В настоящем исследовании предпринимается попытка метафорического моделирования вербальной репрезентации туристского концепта «дестинация» в русско- и немецкоязычных туристских текстах. Минимальный фрагмент текста, в котором репрезентированы два концепта, имеющие какое-либо основание для сравнения, и из которого может быть выявлено значение, называется контекстом метафоры. Материалом исследования послужили 1800 контекстов употребления метафор из журнальных туристских статей на русском и немецком языках, опубликованных в первом десятилетии XXI века. Следует отметить, что, поскольку ключевым понятием предлагаемой концепции дискурса является деятельность, отражающая развитие личности в процессе концептуализации воспринимаемой информации с последующей ее вербализацией, а дискурс представляет собой континуум, или иерархию типов дискурсов, для которого является актуальным тот или иной тип знания (наивное, практическое, профессиональное, научное)» [1, с. 104], исследуемый тип текста мы относим к практическому типу туристского дискурса (дискурс туристов).

В связи с этим нужно сказать, что исследование метафоры в практическом дискурсе, в том числе туристском, очень актуально, так как в современном информационном обществе все больше внимания уделяется изучению процессов получения, переработки и передачи знания, а метафора здесь играет важную роль.

Признание концептуальной интеграции в качестве основного когнитивного механизма метафоры, как указывалось ранее, обусловливает выделение денотативного и сигнификативного дескрипторов. В нашем исследовании денотативным дескриптором (область метафорического осмысления) выступает туристский концепт «дестинация». На ментальном уровне он может быть представлен в виде фрейма, состоящего из 40 слотов (ландшафт, климат, кухня, культура/обычаи, достопримечательности, местное население, сервис, дикая природа/животные и т. д.).

Сигнификативный дескриптор образуют концепты наивной картины мира. На ментальном уровне они могут быть представлены в виде метафорических моделей, которые можно разделить на два базовых домена – ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА. Первый домен включает метафорические модели **Человек как биологическое существо** и **Человек как социальный субъект**, второй – **Неживая природа** и **Живая природа**.

Внутри домена ЧЕЛОВЕК самой детализированной метафорической моделью является модель **Человек как социальный субъект**, в которую входят следующие таксоны: **Быт** (видовые таксоны – в порядке убывания представленности в словаре): *материалы и вещества, предметы быта, продукты питания, одежда, помещение и интерьер*; **Культура**: *религия, искусство, архитектура, театр и кино, игра, спорт, исторические личности*; **Профессиональная деятельность**, включая таксоны **Механизм**, **Политика и война**, **Медицина**: *Рим возмутительно красив и недоступен, **как сумочка Dior** в витрине на площади Испании: на фоне ценника в несколько тысяч евро фотографируются туристы* (Geo traveler. Апрель/май 2009. С. 121); *Возьмите ром, кокосовое молоко и сок манго. Добавьте к ним ритмы меренге, трели гитар, взмахи ресниц, нагрейте на тропическом солнце и остудите в морском бризе. Встряхните – и вы получите вкусный, опьяняющий **коктейль** под названием «Доминиканская Республика»* (Там же. Ноябрь 2009/ январь 2010. С. 43); *Круиз по Волге-матушке – развлечение для настоящих славянофилов. Путешествуя по «главной улице России», можно увидеть то самое богатое историческое наследие из учебников, вплетенное самой жизнью в канву современности* (National Geographic traveler. Апрель/май 2010. С. 50); *Венеция – это **скульптура**, застывшая в мраморе где-то на рубеже XVIII и XX веков. Город, потерявший за последние 50 лет больше половины жителей. Город, у которого стоит поучиться любви к своему прошлому* (Geo traveler. Ноябрь 2009 / январь 2010. С. 112); *Aitutaki-Lagune misst 15 Kilometer von Nord nach Süd und ist vielerorts so flach, dass man wie in einer riesigen warmen **Badewanne** schwimmen und schnorcheln kann* (Reise&Preise. 4/2010. С. 22); *Auf der 52 Kilometer langen Kora, dem Ritualweg, der am Rande **des Schneejuwels** im Westen Tibets entlandführt, mischen sich reitende Hindus mit singenden Tibetern und neugierigen Travellern* (Там же. С. 93); *Doch weil der meist ungestuem gegen die Felsen klatscht, statt insanften Wellen an den Strand zu spülen, blieb Gomera (die zweitkleinste Kanareninsel) die schnelle **Tourismuskarriere** der grossen Kanarenschwestern verwehrt* (Там же. С. 110).

В метафорическую модель **Человек как биологическое существо** входят следующие видовые таксоны: **Поведение человека, Органы и их функции, Части тела, Пять чувств, Родственные отношения**: *Будва – самый шумный курортный город Черногории. Он **рано посыпается, а засыпает практически под утро*** (MINI. Август 2010. С. 180); *Возьмите такси через реку с невыговариваемым названием Гвадалквивир. Своим богатством Севилья, крупнейший порт средневековья, обязана этой мутной, наполовину заросшей **артерии*** (Geo traveler. Лето 2009. С. 74); *Es geht auch im März und April, dann sind die Pisten der Nationalparks gut befahrbar, Flussdurchquerungen sicher, an der Karibikküste **lächelt** fast immer die Sonne* (Reise&Preise. 4/2010. С. 38); *Vom Dachpool in der 34. Etage des "Pacific Regency" bietet sich ein faszinierender Blick auf Malaysias **pulsierende** Hauptstadt* (Там же. С. 63); *Lateinamerikas **Herz schlägt** in zwei Ländern: Peru und Bolivien* (Geosaison November. 2010. С. 135).

Метафорические модели домена ПРИРОДА: **Неживая природа** (видовые таксоны – **Пространство и ландшафт, Природные явления**), **Живая природа** (видовые таксоны – **Животное** и **Растение**). Примеры зооморфной метафоры:

Юрмала – это ***породистая помесь*** *Переделкина со старыми европейскими городами вроде Довиля. Весь немаленький, надо сказать, городок составлен из деревянных домиков постройки конца XIX – начала XX века, напоминающих то постройки американского юга, то английские поместья, то русские усадьбы* (National Geographic traveler. Апрель/май 2010. С. 45); *Solchen modernen Schnickschnack hat Marrakesch, die «Perle des Südens», nicht nötig. Prominente wie Michael Douglas, Brad Pitt oder Penelope Cruz umschwärmen die Stadt schon seit Jahren wie* ***die Motten*** *das Licht* (Urlaub perfeckt. 2/2010. C. 53).

В настоящей работе изучение особенностей репрезентации туристского знания в русскоязычном туристском дискурсе сопоставляется с результатами, полученными при исследовании фактического материала немецкого языка. Сравнительную характеристику метафорических моделей в практическом туристском дискурсе см. в таблице. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в практическом туристском дискурсе наиболее активной является сфера ЧЕЛОВЕК, тогда как сфера ПРИРОДА разработана значительно хуже. Во всех дискурсах доминирует таксон **Человек как социальный субъект**, хотя в немецкоязычном дискурсе по численности (73 %) он превосходит аналогичный таксон в русскоязычном дискурсе (59 %). Сфера **Человек как биологическое существо** в обоих дискурсах является вторым по активности таксоном, но в наибольшей степени он представлен в русскоязычном дискурсе (28 %). Менее репрезентативны метафорические модели **Неживая природа** и **Живая природа**, причем в обоих дискурсах таксон **Животное** более детализирован, чем таксон **Растение**.

Как показано в таблице, ядро метафорических схем в практическом туристском дискурсе обоих языков образует «рамку»: доминантная метафорическая модель занимает крайнюю правую позицию, а вторая по активности модель – крайнюю левую. При этом в немецкоязычном дискурсе «рамка» имеет тенденцию к смещению вправо.

На основании этих данных можно предположить, что метафорическое моделирование в целом обнаруживает общие тенденции концептуализации и вербализации туристского знания в обоих языках, что позволяет констатировать наличие универсальных стратегий метафоризации. Выявленная в обоих языках «рамка» свидетельствует об актуализации первичных и самых поздних концептов картины мира, поскольку структура **Человек как биологическое существо**, **Живая природа**, **Неживая природа**, **Человек как социальный субъект** отражает эволюцию донаучных представлений. Такая концептуальная структура объясняется, вероятно, тем, что практический дискурс представляет собой прагматически ориентированный тип туристского дискурса, и его когнитивной задачей является переработка специального туристского знания для более успешного восприятия его наивными носителями языка, а также фиксация результатов данной переработки в тексте. Метафора, представляя собой процесс осмысления нового знания посредством обращения к предыдущему опыту, служит в практическом туристском дискурсе «способом взаимодействия наивного и специального знания» [4]. Таким образом, метафора участвует в процессировании специального знания.

Обратимся к различиям, обнаруженным при сравнении метафорических схем разноязычных дискурсов. Так, в немецкоязычном туристском дискурсе в метафорической схеме «рамка» имеет тенденцию к движению вправо: очевидно количественное превосходство таксонов **Человек как социальный субъект** и **Неживая**

Соотношение метафорических схем в практическом туристском дискурсе русского и немецкого языков, %

Практический туристский дискурс	Человек как биологическое существо	Живая природа	Неживая природа	Человек как социальный субъект
Русский язык	36**	4	3	59*
Немецкий язык	16**	3	8	73*

*Доминантная метафорическая модель.

**Вторая по активности метафорическая модель.

природа в немецкоязычном дискурсе. В русскоязычном дискурсе наряду с таксоном **Человек как социальный субъект** доминирует таксон **Человек как биологическое существо**. Объяснение этого факта должно иметь либо культурологическое обоснование (различия в двух культурах), либо эпистемологическое (разные научные традиции, различная логика отождествления предметов), либо исходить из особенностей словообразования в двух языках. Так, исследователи в сфере туризма отмечают, что Россия включилась в мировой туризм относительно недавно и по сравнению с европейскими странами находится на стадии «первичного знакомства с миром» [5, с. 127]. Возможно, сложившиеся традиции путешествий в Германии находят отражение в дискурсе, а именно в актуализации более поздних концептов. Однако более приемлемо, по нашему мнению, объяснение, основанное на принятой в когнитивной лингвистике наивной категоризации пространства, в частности определении размеров объектов в соотнесении с размерами человеческого тела. По-видимому, в русском языке отчетливо проявляется тенденция к использованию метафор-антропонимов для обозначения объектов. Особо внимания заслуживает применение метафор данной метафорической модели в исходной по отношении к деминуативу форме для обозначения объектов, значительно превосходящих размеры тела человека, т. е. для репрезентации пространственных концептов, «антонимичных» концептам, обозначенным деминуативами: *голова поезда, нос корабля, Онежская губа, горло реки, горный хребет, подошва горы, речная артерия, сердце города, пуп земли, макушка планеты*.

Таким образом, в ходе исследования метафорических моделей в туристском дискурсе, представляющих собой способ репрезентации концепта «дестинация» (изучение метафоризации проводилось в сопоставительном аспекте на материале русского и немецкого языков), выявлено, что метафоризация в практическом туристском дискурсе в целом носит универсальный характер и способствует процессированию специального знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеева, Л.М.** Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа [Текст] / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2002. – 200 с.

2. **Баранов, А.Н.** Словарь русских политических метафор [Текст] / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.

3. **Караулов, Ю.Н.** Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

4. **Мишланова, С.Л.** Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе [Текст] / С.Л. Мишланова, Т.И. Уткина. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2008.

5. **Фенько, А.Б.** Туризм как показатель социального статуса [Текст] / А.Б. Фенько // Социолог. исслед. – 2007. – № 2. – С. 125–131.

УДК 811.111'373.21

В.И. Быканова

ДОМИНАНТНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ

Развитие науки на современном этапе во многом определяется ее антропоцентрической направленностью, что предполагает акцент как на личностную, так и на социальную и этническую составляющие последней. В лингвистике новая парадигма знаний привела к появлению целого ряда наук – психолингвистики, социолингвистики и этнолингвистики, – достигших огромных успехов в XX–XXI веках. Не менее сильно влияние антропоцентризма и на когнитивную лингвистику, в сферу интересов которой входит отражение в языке результатов познания человеком мира.

Среди всего многообразия проявлений бытия, подлежащих когниции, особое место занимает пространство. Исследование этой формы существования материи издавна привлекало внимание философов и естествоиспытателей. Вслед за ними уже в прошлом веке интерес к данной проблематике проявили представители психологической науки. Так, А.Н. Леонтьев означил в качестве центральной задачи психологии восприятия изучение того, «как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают; исследование также того, как функционирует образ мира, опосредуя деятельность индивидов в реальном мире» [4, с. 49]. Эти слова в качестве описания цели своего исследования мог бы с полным правом привести и любой лингвист-когнитивист, интересующийся проблемами концептуализации пространства (в данном исследовании термины «пространство» и «мир» полагаются взаимозаменяемыми). Хотя среди ученых нет единства в вопросе о том, на каком этапе и в какой степени язык участвует в когнитивных процессах, нет также ни малейшего сомнения в том, что в нем оказываются вербализованными результаты освоения человеком окружающего его пространства. Осознание лингвистами данного факта естественно привело к появлению целого ряда работ, в том числе имеющих фундаментальный характер, посвященных исследованию пространства и пространственных отношений. На наш взгляд, изучение способов и результатов концептуализации пространства языком не может быть полным и всесторонним без вовлечения в орбиту исследования топонимов, которые «конденсируют весь сложный комплекс культуры и психологии данного народа, неповторимый способ его образного мышления» [3, с. 17]. Однако каким бы странным это ни казалось, потенциал топонимической лексики для воссоздания ментальных моделей мира до сих пор остается серьезно недооцененным, и с момента выхода в свет в 2008 году статьи автора «О некоторых перспективах развития когнитивной лингвистики» мало что изменилось [1]. Недостаточная разработанность когнитивной топонимики и побудила нас продолжить исследования в намеченном направлении.

Как известно, жизнь представителя любого этноса протекает в реальном физическом пространстве. Этот мир воспринимается человеком, осмысляется, фиксируется и закрепляется в сознании и языке. Конструирование ментальной модели пространства представителями этноса неизбежно предполагает и включает вычленение отдельных его элементов, конституентов пространства, и следующее за этим этапом формирование пространственных концептов. Информация о том, как представители этноса воспринимают те или иные конституенты пространства, вербализуется топонимами, которые, видимо, следует рассматривать не как ярлыки, произвольно навешиваемые и перевешиваемые человеком, а как сгустки релевантной для этноса информации. Очевидно, что релевантной может быть признана только информация, относящаяся к предмету, имеющему ценность. При этом «ценность» может охватывать положительные, отрицательные и нулевые ценностные отношения, которые устанавливаются между субъектом или субъектами оценки и ее предметом [2, с. 13]. Ценностный подход позволяет прояснить давно обозначенные в

топонимике проблемы, а именно: почему одни конституенты пространства вовлекаются в номинативный процесс, а другие – нет, а также в чем причина появления пейоративных названий.

Основываясь на идее, что всякая вещь является либо хорошей, либо плохой, либо безразличной [2, с. 26], можно предположить, что «хорошие» и «плохие» конституенты пространства будут вовлекаться в топонимическую номинацию, а безразличные – нет. Выделение в пространстве конституентов, которым приписывается ценность, формирование в сознании представителей этноса связанных с ними пространственных концептов отнюдь не означает, что все они обладают равной значимостью. Наоборот, данный подход позволяет выдвинуть гипотезу о неравноценности конституентов пространства для субъектов оценки. Принятие этой гипотезы, в свою очередь, позволяет говорить о наличии и возможности выявления концептов, играющих особую роль в ментальной модели мира. Подобные концепты в дальнейшем будем именовать *доминантными*.

Выделение доминантных концептов не может быть актом лингвистического произвола, но должно основываться на четко прописанных критериях. Казалось бы, основным критерием, по которому некий концепт может быть признан доминантным, является частотность его репрезентаций. Этот критерий давно известен в лингвистике и применяется, в частности, при отборе слов, относящихся к основному словарному фонду. Однако может ли он применяться так же безусловно, когда речь идет о топонимической лексике? Да, если мы уверены в том, что весь массив топонимов, когда-либо созданных этносом на протяжении всей его истории, уцелел и доступен в настоящее время для изучения. Нет, если такая уверенность отсутствует. Принимая во внимание весь опыт ономастики, который свидетельствует о том, что этнических топосистем, сохранившихся до нашего времени без потерь, практически не существует, следует предложить другой критерий выделения доминантных концептов. Таковым, на наш взгляд, может стать критерий множественности дескриптивных признаков.

Каждый пространственный концепт может быть описан с помощью набора признаков, относящихся к перцептивному слою, слою классифицирующих признаков, антропологическому, хабитатному, ценностному, протективному, экономическому, темпоральному, локативному и событийному слоям. Признаки перцептивного слоя в свою очередь подразделяются на субстанциональные дескрипторы (дескрипторы первого типа), которые коррелируют с отдельными нерукотворными конституентами пространства, и субстанциональные дескрипторы[2], которые коррелируют с составными частями конституентов пространств или их характеристиками. Наши исследования показывают, что не все потенциально существующие слои присутствуют в структуре всех видов пространственных концептов и не все слои репрезентируются с равной степенью полноты. Эта дифференциация, на наш взгляд, порождается разной ценностью конституентов пространства для субъектов. Конституенты, обладающие большей значимостью, вызывают соответственно больший интерес со стороны представителей этноса, и у них выявляется большее количество признаков. Последние фиксируются и вербализуются топонимами.

Для каждого этноса набор особо значимых пространственных концептов будет специфическим, отличным от соответствующего набора концептов этносов-соседей. Так, например, концепт «остров» у скандинавов можно, на наш взгляд, считать доминантным, а концепт-коррелят у кельтов – нет. Структура скандинавского пространственного концепта «остров» рассматривалась на материале топонимов, зарегистрированных на территории острова Великобритания. Материалом исследования послужили 40 топонимов, которые либо являются названиями островов, либо содержат элемент *остров* (ey, holmr) в своей структуре.

При изучении пространственного концепта «остров» мы учитывали, что в коррелирующее понятие входят такие доли, как «часть суши» + «полное окружение водой». Соответствующая словарная дефиниция из словаря издательства «Макмиллан» выглядит следующим образом: «a piece of land that is completely surrounded by water» [5, с. 802].

Анализ показал, что в структуре скандинавского концепта «остров» присутствует перцептивный слой, представленный субстанциональными дескрипторами[1]. Среди них отмечены

дескрипторы, связанные с акваторией. Применительно к острову речь идет о наличии на его территории болот, которые считаются гидрообъектами, например Mousa (1).

Среди характеристик перцептивного слоя концепта «остров» присутствует рельеф. Он описан дескрипторами «кряж» Raasay (1) и «курган/холм» Hoxa (1).

Среди субстанциональных дескрипторов[1] были выявлены те, которые отражают особенности животного мира и растительности, – «сосна» Guernsay (1), «колючее дерево» Dalkey (1), «трава» Grassholm (1), «буревестник» Lundy Island (1), «олень» Jura (1), «косуля» Raasay (1), «морской котик» Orkney (1), а также «ягненок» Lambay (1), «овца» Soay, Fara, Fair Isle (3), «коза» Gateholm, Jetou (2), «теленок» Calf of Flotta (1). Правда, в отношении последнего выдвинута гипотеза о том, что название связано не с разведением на острове крупного рогатого скота, а с наличием рядом еще одного, большего по размеру острова Flotta. Отношения между островами могут напоминать отношения между коровой и теленком. Поскольку все домашние животные являются объектом разведения, а вышеперечисленные дикие животные – объектом охоты, данные дескрипторы могут рассматриваться как принадлежащие одновременно перцептивному и экономическому слоям. Возможно дескриптор «сосна» не только указывает на особенности островной растительности, но и дает представление о типичных занятиях местного населения. Сосна является хорошим строительным материалом, а скандинавы строили свои дома и корабли именно из дерева. Дескриптор «колючее дерево», если не формально, то по существу, связан с приписыванием отрицательной ценности объекту-корреляту, так как наличие деревьев с колючками затрудняет перемещение по территории и ее хозяйственное освоение.

Субстанциональный дескриптор[1] «почва» не обнаружен, но зато представлены связанные с ним субстанциональные дескрипторы[2] «каменистый» Alderney (1) и «песчаный» Handa Island, Sanday (2).

В ходе анализа была выявлена такая характеристика перцептивного концепта, как наличие природных объектов. Она представлена субстанциональным дескриптором[1] «столб» Staffa (1). Столбом в данном случае является расположенное на острове образование из базальта, вытянутое по вертикали.

Перцептивный слой пространственного скандинавского концепта «остров» описывается целым рядом субстанциональных дескрипторов[2], которые коррелируют с составными частями конституентов (атрибутов) пространства или описывают характерные для них явления/процессы. Среди них отмечены дескрипторы «морской отлив» Oronsay (2) и «течение» Stroma (1), связанные с характеристикой перцептивного слоя «акватория». Также выявлен ряд субстанциональных дескрипторов[2], коррелирующих с параметрами конституентов пространства. К ним относятся:

• *размер*: «большой» Mingulay (1) :: «маленький» (не выявлен);

• *габариты*: «высокий» Hoy (1) :: «низкий» (не выявлен);

• *поверхность*: «ровный/плоский» Flotta (1) :: «крутой» Brecqhoe (в другом толковании «склон») (1) ;

• *форма*: «раздвоенный» Skomer (1).

При анализе скандинавского концепта «остров» были обнаружены климатические дескрипторы, экспонирующие особенности климата, а именно Caldy Island, т. е. «холодный».

Слой классифицирующих признаков открыто не явлен, но косвенно с ним соотносятся субстанциональные дескрипторы[2], передающие характер почвы и наличие отливов и течений, рассмотренные нами ранее.

В структуре пространственного концепта «остров» выявлен антропологический слой, который представлен дескрипторами групп;

• *имена людей*: например, Rousay, Swansea, Anglsey (7),

• *образ жизни*: «отшельник» Papay (1) ,

• *профессия/род занятий*: «купец» Copeland Island (1).

Также присутствует протективный слой с дескриптором «укрытие» Uist (1).

Экономические дескрипторы отражают занятие скандинавов мореплаванием и торговлей. Этому слою принадлежат дескриптор «флот» Flat Holm (1) и рассмотренный выше дескриптор «купец».

С экономическим и антропологическими дескрипторами тесно связаны дескрипторы социальные. Они соотносятся с образом жизни

людей и, опосредованно, с системой ценностей, характерной для данного общества. Социальный слой репрезентирован дескриптором «богатство» Stronsay (1).

И, наконец, в структуре скандинавского пространственного концепта «остров» представлены ориентационные дескрипторы, которые содержат указание на местоположение без привязки к другому конституенту пространства. Таковым является дескриптор «западный» Westray (1).

Подводя итог рассмотрению скандинавского пространственного концепта «остров», можно сделать вывод, что он представляет собой многослойное образование. На настоящий момент выявлены перцептивный, климатический, антропологический, экономический, социальный, протективный и ориентационный слои. Слой классифицирующих признаков явно не представлен, но опосредованно дан через дескрипторы других слоев. Количество дескрипторов разнится от слоя к слою, но в целом составляет внушительное число – 29. Величина данного показателя свидетельствует о пристальном интересе скандинавов к коррелирующему конституенту действительности и о приписывании ему большой ценности. Это подтверждает нашу гипотезу о наличии доминантных концептов в идиоэтнической модели пространства и о правомерности использования критерия множественности дескриптивных признаков для выявлении доминантных концептов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Быканова, В.И.** О некоторых перспективах развития когнитивной лингвистики [Текст] / В.И. Быкова // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. – 2008. – № 5 (66). – С. 168–170.

2. **Ивин, А.А.** Основания логики оценок [Текст] / А.А. Ивин. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 229 с.

3. **Леонович, О.А.** Топонимы как источник культурологической информации [Текст] / О.А. Леонович // Вестн. ПЛУ. – № 1–2. – Пятигорск, 1997. – С. 16–20.

4. **Леонтьев, А.Н.** Ощущение и восприятие как образы предметного мира [Текст] / А.Н. Леонтьев // Познават. процессы: ощущение, восприятие / под ред. А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова, В.П. Зинченко. – М.: Педагогика, 1982, – 336 с.

5. **Macmillan** English Dictionary for Advanced Learners. New Edition. – Oxford: Macmillan, 2007. – 1748 p.

УДК 81'1

А.В. Гридасова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО КАК СИСТЕМНО-КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ

В лингвистической литературе словообразовательное гнездо (СГ) получает определение на основании нескольких критериев: общности корня, живых синхронных связей, упорядоченности и иерархии отношений в соответствии с направлением производности. Опираясь на существующие в современной лингвистике теории СГ (Е.Л. Гинзбурга, Е.А. Земской, П.А. Соболевой, А.Н. Тихонова, И.С. Улуханова, И.А. Ширшова и др.), мы исходим в понимании нашего объекта из следующих постулатов: СГ – это одна из самых сложных комплексных единиц словообразовательной подсистемы; двусторонняя единица словообразования, имеющая формальную и смысловую структуру; одна из высших форм организации обобщения производной лексики; классификационная единица, наиболее приближающаяся к естественным

классификациям; микросистема, концентрированно отражающая все основные виды языковых отношений.

Словообразовательное гнездо представляет собой системную организацию однокоренных слов, отражая характерное свойство русского непроизводного слова (корня) свободно соединяться с аффиксами и по мере удаления от исходного мотивирующего слова развертываться в формальном отношении, присоединяя к основе все новые и новые аффиксы: *мир → мир-и-ть → при-мирить → примир-ение → примирен-ец → примиренчество*. Расширение СГ происходит поступенчато и одновременно на двух осях – вертикальной и горизонтальной. Каждое производное слово занимает в гнезде свою позицию – строго определенное место, детерминированное системой и отношениями производности. Эта позиция деривата закрепляется, «прошивается» как на горизонтальной оси – в зависимости от степени удаленности от исходного мотивирующего слова, так и на вертикальной оси – в зависимости от места непосредственно мотивирующего слова и его соотношения с кодериватами.

Словообразовательное гнездо демонстрирует целый ряд специфических признаков, которые выявляются именно в гнездовой организации однокоренных слов. На наш взгляд, первый такой признак – это словообразовательная избыточность. Результатом ее является продуцирование дериватов тождественным значением, причем как на одной ступени (*носчик, носильщик, носак; сбивальный, сбивной, сбивательный*), так и на разных ступенях (*поднесение, поднос, подноска, подношение*). Вторым признаком СГ логично считать словообразовательную недостаточность, лакунарность, нереализацию предназначенной системой клетки: *черный → чернить,* но *серый → ø, красный → ø*. При теоретической интерпретации диалектики избыточности/недостаточности необходимо учитывать также мощные компенсационные процессы, процессы устранения тождественных значений. Так, отсутствие производителя действия от глагола *веровать* (по типу *получать – получатель*) заменяется субстантиватом верующий (ср. также лексическую парадигму от *корова*, представленную супплетивными образованиями *бык, теленок, говядина*, на фоне *медведь – медведица, медвежонок, медвежатина*). Третий выделяемый нами признак СГ связан с асимметрией формы и содержания, вызванной, в частности, пересечением классов слов [11], синкретизмом значений у слов разных частей речи (имен действия и качества), с повторением лексического значения через другую часть речи. Ср.: зло → злой → злоба → злобный → злобность; добро → добрый → доброта → добротный → добротность; учить → учитель → учительствовать. Четвертый признак СГ – «множественность систем», когда в СГ представлены разные участки «парадигматизованности», формирующиеся в зависимости от категориальной принадлежности производящего и производного слова, типа значения, ступени словопроизводства [15].

Как показало наше исследование, наиболее насыщенная по диапазону значений и непредсказуемая – первая ступень деривации. Все последующее пошаговое продвижение словообразовательного процесса на горизонтальной и вертикальной осях демонстрирует выбывание или частей речи, или словообразовательных значений, или словообразовательных типов из круга реализаций, угасание отдельных ветвей и полную исчерпанность деривационных возможностей всех классов на седьмой ступени. При всей своей графической прозрачности, рельефности СГ – исключительно сложное образование, это система систем, форма форм, самонастраивающееся (синергетическое) устройство, блок уникальной информации с ее турбулентными семантическими потоками. В 1980–1990-х годах при проведении семантикоцентрических исследований было обнаружено, что ни одно СГ не накладывается полностью на семантическое поле и, наоборот, семантические поля не покрывают полностью деривационные гнезда.

С формальной организацией гнезд и принципами размещения гнездовых слов в словообразовательной парадигме (СП) и словообразовательной цепи (СЦ) тесно переплетается решение вопроса, какие отношения объективируются в гнезде. Большинство ученых признают, что в СГ концентрируются парадигматические, синтагматические и иерархические отношения. Разногласия связаны с интерпретацией того, в каких единицах и в каком объеме реализуются те или иные отношения в гнезде. Одна из устоявшихся точек зрения отражена в работах

А.Н. Тихонова и Е.А. Земской: парадигматический план СГ представлен в СП, синтагматический план гнезда соотносится с СЦ.

Мы вслед за А.Н. Тихоновым и М.Ю. Казак будем придерживаться несколько иного подхода. Выделение парадигмы в словообразовании связано с поисками изоморфизма между устройством различных языковых уровней. Наибольшее распространение получило понимание СП как фрагмента гнезда – совокупности производных одной ступени от одного базового слова [13]. На наш взгляд, все СГ можно рассматривать в качестве СП с ее начальным членом и соответственно с включением такой сущностной характеристики гнезда, как направление производности. Конструктивные признаки языковой парадигмы СГ проявляет на общекатегориальном уровне абстракции, демонстрируя, во-первых, «структурно-семантические модификации исходной единицы» [8, с. 10], во-вторых, ее расширение на вертикальной и горизонтальной осях. Тождество и оппозиция представлены в корне и аффиксах. (Традиционное понимание СП как совокупности равнопроизводных от одной базы выстраивалось по модели морфологических парадигм; изоморфизм был направлен на поиск аналогий между словообразовательной и словоизменительной парадигмой. Применительно к нашему материалу при таком подходе происходит открещивание парадигмы от вершины гнезда, что методологически нецелесообразно.) Признание парадигмального устройства СГ связано не только и не столько с необходимостью установления полного или частичного изоморфизма со словоизменительным механизмом, сколько с расширением самого понятия парадигмы применительно к словообразованию. Если мы признаем гнездо парадигмальным образованием, то все его составляющие соответственно выступают как подпарадигмы. СП и СЦ – это особым образом объединенные однокоренные слова, демонстрирующие отношения тождества (корень) и различия (словообразовательный формант). СГ является, таким образом, гиперпарадигмой. Словообразовательное гнездо ведет себя как парадигмальное образование: исходные слова любой знаменательной части речи с удивительным постоянством производят всю частеречную парадигму, в гнезде происходит регуляция частей речи, взаимоиндуктирование классов с высокой степенью регулярности. Допуская нетерминологическое расширение термина «парадигма», что сейчас получило распространение в различных областях лингвистики и других наук, мы исходим из того, что именно парадигма регулирует блокировку и поощрение, замораживание процесса и его оттаивание, ветвление и обрыв цепи. В этом отношении гнездо оптимально соотносится со всеми языковыми формами, поскольку в гнезде работает полный набор частей речи. Использование идеи парадигмы применительно к гнезду в целом не только повышает его статус, но и дает возможность комплексной интерпретации самой идеи гнезда: включение гнезда в частеречный каркас, выявление минимальных и максимальных границ гнезда, закономерностей его деривационно-семантического расширения.

Внутренняя неоднородность словообразования, образующего разные участки парадигматизованности в семантическом пространстве языка, вынуждает исследователей искать системные опоры в грамматике. Выход к проблемам словообразования через общекатегориальный уровень имеет глубинные основания, поскольку морфология приспосабливает к своим требованиям и возможностям общие закономерности и способы образования новых слов [2, с. 94]. В свою очередь, словообразовательные процессы «расподобляют» категориальные значения, разводя их по лексико-грамматическим и семантическим группам. Словообразовательные группы в составе знаменательных частей речи формируют способы глагольного действия, возвратные глаголы, собирательные, вещественные, абстрактные существительные, относительные прилагательные, качественные и обстоятельственные наречия.

Переход от общекатегориальных значений к значениям деривационным сразу приводит к фиксации различного рода нерегулярностей, и попытка исследователей включить в грамматику даже «правила активного словообразования» – наиболее системного участка [3, с. 66], порождает значительное количество «исключений из правил», поэтому представление СГ в виде идеальных схем, которые являются не столько констатацией реального наличия или отсутствия производных единиц, сколько констатацией их

потенциальных возможностей [8, с. 17], должно начинаться на частеречном уровне. Мы будем подходить к системности словообразования из взаимодействия общекатегориальных значений слов (отношений между словами различных частей речи), которые пронизывают, связывают и организуют лексический состав языка. Появление в языке нового слова – морфологическим способом или путем заимствования – почти неизбежно влечет за собой появление СГ, сформированного регулярными, т. е. по сути обязательными моделями для данного класса слов. Такая предопределенность новых лексем служить базой для образования слов других классов – свидетельство продуктивной работы деривационного механизма, однако создание новых единиц любого порядка – узуальных, потенциальных и окказиональных – осуществляется в тех пределах, которые диктуются системой частей речи.

Интегративный подход к словообразованию детерминирует формализацию СГ в виде частеречных структур, частеречных моделей и частеречных зон. Частеречная структура отражает суммарные результаты размещения и организации производных единиц по категориальной принадлежности как в гнездах в целом, так и на отдельных ступенях словопроизводства. Частеречные структуры представляют собой тот грамматический каркас, общекатегориальный остов, в рамках которого осуществляются все возможные внутри и межкатегориальные взаимодействия основных четырех частей речи, однако полную информацию о корреляции производящих и производных единиц дает развертывание словопорождающего процесса на горизонтальной оси – в словообразовательных цепях, манифестирующих отношения последовательной производности.

Чтобы представить и описать СГ в виде идеальной схемы, необходимо было провести первичную обработку материала, расписать каждое СГ в десятки, сотни СЦ с конкретным лексическим наполнением. Так, было установлено, что в субстантивных гнездах образуется 10 066 словообразовательных цепей, в адъективных – 6845, в вербальных – 14 267. Далее СЦ были обобщены по категориальной характеристике всех членов цепи и сведены, «суммированы» в частеречные модели. Последние представлены в символической записи, например: модель $СГ_1Г_2П_3Н_4$, где буквой русского алфавита обозначена часть речи: С – существительное, П – прилагательное, Г – глагол, Н – наречие, а цифра внизу справа указывает на ступень словообразования: 1 – первая ступень, 2 – вторая и т. д. до 7-й ступени (максимальная глубина русского слова).

Частеречные модели, как и СЦ, имеют свою глубину, определяемую количеством деривационных шагов (П.А. Соболева), количеством словообразовательных пар или звеньев (А.Н. Тихонов), порядковым номером ступени словопроизводства. Частеречные модели различной протяженности мы предположили в качестве рабочей гипотезы объединять в частеречные, или частеречно-деривационные, зоны. В гнездах каждой анализируемой части речи образуется по четыре частеречных зоны: субстантивная (Sub-зона), адъективная (Adj-зона), вербальная (Verb-зона) и адвербиальная (Adv-зона). Организация моделей в частеречные зоны отражает расширение производной единицы первой ступени на последующих шагах.

Необходимость использования квантитативных методов в приложении к языковым фактам обосновывается в работах Б.Н. Головина, П.Н. Денисова, Н.Ю. Караулова, А.Н. Тихонова и др. Количественные подходы не являются самоцелью, за цифрами мы стремились увидеть глубинные связи и отношения в соответствии со справедливым замечанием, что «содержательный смысл имеет не сама по себе длина слова, число производных от него или частота его употребления, а найденное по этим величинам место данного слова среди других слов, его относительная ценность» [1, с. 20]. Количественные проекции в проблему распределения производных единиц по классам свидетельствуют о специфике словообразовательной категоризации, оказывающей влияние на формирование частей речи, устанавливающей приоритеты одних категорий над другими.

Являясь механизмом образования вторичных номинативных единиц, словообразование расширяет и расшатывает границы частей речи, поскольку лексические значения корня и грамматического форманта могут приходить в противоречие [12, с. 101], вторичные значения могут идти «вразрез с основными (первичными) значениями» [5, с. 52]. Значительные по объему группы слов и отдельные слова или словоформы «кочуют» из класса в класс в различных концепциях, получая в них различный

статус и квалификацию. Камнем преткновения выступают, как правило, одни и те же совокупности лексем. По большей части это производные единицы: отглагольные и отадъективные отвлеченные существительные, краткие формы и компаратив прилагательных, инфинитив, причастие, деепричастие, слова типа *прыг, скок* в составе глагола, предикативные наречия, порядковые числительные, местоименные слова и некоторые другие «проблемные» группы.

Стабильность частеречной системы возможна благодаря существованию типичных единиц в пределах каждого из основных частей речи – изосемичного подкласса слов, обладающих полным набором дифференциальных признаков своей части речи. Основу общекатегориального значения знаменательных классов слов – предметности у существительных, атемпорального признака у прилагательных, процессуального признака у глаголов – обычно образуют непроизводные слова в первичной номинативной функции [6] и первичной синтаксической функции [9]. К ним по ряду признаков примыкают неизосемичные слова [4, 10], производные значения. Таким образом, изучение словообразовательных связей между словами позволяет говорить о полевом принципе организации частей речи.

В работах по дериватологии (Е.С. Кубрякова, З.И. Резанова, М.Н. Янценецкая), в исследованиях, направленных на изучение переходности частей речи (В.В. Бабайцева, Л.В. Бортэ, Е.П. Калечиц, О.С. Ким, В.Н. Мигирин), в теории прототипов (Т. Гивон, Дж. Лакофф, С. Томсон, П. Хоппер) в частеречных иерархиях выделяются центральные и периферийные области. Дифференциация частей речи по признаку непроизводности/производности (или первичности/вторичности) выступает сущностной характеристикой, позволяющей в определенной степени преодолеть неконгруэнтность формы и содержания, с одной стороны, и отразить естественные процессы языка – с другой.

Словообразовательный критерий, признак в перечне обязательных у В.В. Бабайцевой, А.Я. Баудера, Б.Н. Головина, Г.А. Золотовой, А.А. Реформатского, приводится не всегда. Морфологический и словообразовательный критерии, не являясь универсальными, выступают психологически релевантными приметами для носителей языка и важными ориентирами при обучении в иностранной аудитории. Соотносясь с одним и тем же категориальным значением и закрепляясь за ним, языковая форма сама становится семантичной и релевантной для дифференциации частей речи. Словообразовательные суффиксы совместно с окончаниями образуют объединения, фузионные спайки, создавая целые ряды формальных разновидностей слов определенной части речи. Ср. суффиксы существительных: -ец, -ист, -ость, -ств(о), -ение, прилагательных: -н(ый), -ов(ый), -ск(ий), -ий, глаголов: -ова(ть), -ива(ть), наречий: -о, -и, по-...-ому, по-...-и и др. Морфемный состав, словоизменение и словообразование являются яркими характеристиками русского языка, имеющего широчайший диапазон средств выражения. Отражая специфику языка, структурные показатели являются действительной и «универсальной нормой» сознания, и словообразовательный критерий занимает полноценное место в ряду других критериев. Более того, дифференциация частей речи на примарные (непроизводные) и вторичные (производные) естественно осуществляется в классификационной сетке СГ. Наложение на частеречную иерархию словообразовательного критерия дает матрицу СГ, и, напротив, при наложении гнезд на систему частей речи осуществляется дифференциация знаменательных классов по принципу первичности/вторичности. Совмещение двух языковых матриц организует знаменательные части речи в два иерархических круга: предметных и признаковых слов, а в пределах каждого из классов – распределение слов по принципу непроизводности/производности.

Распределение лексикона по принципу первичности/вторичности не полностью совпадает с понятием ядра и периферии того или иного класса слов. Так, и в составе примарных существительных выделяются конкретные и абстрактные имена, а в кругу непроизводных глаголов формируются семантические поля не только действия, но состояния и отношения. Ядро наречий образуют производные единицы, и лишь сфера непроизводных прилагательных представляет собой относительно ровное поле качественных адъективов. Вместе с тем результаты словообразовательных взаимодействий не обязательно дисгармонируют с категориальными характеристиками частей речи. В целом же следует признать весьма перспективным применение к

системе знаменательных классов принципа гнездовой организации и соответственно дифференциации однокоренных слов на непроизводные/производные единицы, поскольку данный подход позволяет квалифицировать нетипичные для частей речи явления в сфере производной лексики как особый «способ представления той или иной концептуальной структуры» [7, с. 192].

Возможность описания результатов деривационных отношений с опорой на классификацию М. Докулила (модификация, мутация, транспозиция) получила общее признание в русистике. Вместе с тем в современной лингвистике пересматривается область внутрикатегориального словообразования глагола, которая традиционно относится к модификации. Исследование смысловых преобразований в кругу приставочных глаголов (Л.А. Вараксин, Г. Врубель, Е.В. Петрухина, Т.В. Попова, О.М. Соколов, М.А. Шелякин и др.) выявляет сложные отношения, в рамках которых значения префиксальных глаголов разграничивают на чистовидовые (общерезультативные), модификационные (акционсартные, деривационно-грамматические) и мутационные (словообразовательные).

В понимании лексической и синтаксической деривации мы опираемся на труды И.С. Улуханова, включающего в транспозицию отношения по модели «действие – действие» (читать – чтение) и «признак – признак» (белый – белизна, быстрый – быстро) с выделением в транспозиционных моделях разнонаправленных семантических связей [14, с. 151].

Область транспозиционных значений привлекает особое внимание отечественных и зарубежных лингвистов: традиционно считается, что коррелирующие слова (читать – чтение) тождественны по лексическому значению. Вместе с тем принадлежность слов к разным частям речи не может не отразиться на смысловом объеме вновь образованной номинативной единицы. Транспонированное в другой класс слов, лексическое значение приобретает языковые формы этого класса и начинает «жить» в языке иначе, не дублируя свои источник порождения, вступая в различные связи с другими единицами языка. Сфера транспозиции имеет равноценный статус в деривационной системе, наряду с мутацией и модификацией.

На основе проведенного исследования разработана интегративная концепция СГ, позволяющая выделить, с одной стороны, критериальные признаки частей речи, а с другой – пронаблюдать динамику в организации словообразовательных подсистем частей речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арапов, М.В.** Квантитативная лингвистика [Текст] / М.В. Арапов. – М.: Наука, 1988.
2. **Березин, Ф.М.** Общее языкознание [Текст]: учеб. пособие / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
3. **Булыгина Т.В.** Проблемы теории морфологических моделей [Текст] / Т.В. Булыгина. – М., 1977.
4. **Золотова, Г.А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст]. – Изд. 2-е, стер. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 368 с.
5. **Кацнельсон, С.Д.** Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л., 1972.
6. **Кубрякова, Е.С.** Части речи в ономасиологическом освещении [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М., 1978. – 60 с.
7. **Она же.** Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М., 2004. – 569 с.
8. **Она же.** О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании [Текст] / Е.С. Кубрякова, П.А. Соболева //Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 5–23.
9. **Курилович, Е.** Очерки по лингвистике [Текст]: сб. статей / Е. Курилович. – М., 1962.
10. **Плунгян, В.А.** Общая морфология: введение в проблематику [Текст] / В.А. Плунгян. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 384 с.
11. **Семантические** вопросы русского словообразования: значение производящего слова [Текст]. – Томск, 1991. – 271 с.
12. **Смирницкий, А.И.** Морфология английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М., 1959. – 440 с.
13. **Тихонов, А.Н.** Словообразовательный словарь русского языка [Текст] / А.Н. Тихонов. – М., 1985.
14. **Улуханов, И.С.** Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация [Текст] / И.С. Улуханов. – М., 1996. – 221 с.
15. **Шатуновский, И.Б.** Проблемы словообразовательной транспозиции [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Б. Шатуновский. – Ташкент, 1982.

УДК 81'42

Ю.С. Смирнова, С.Л. Мишланова

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕФИНИЦИОННОГО АНАЛИЗА В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

В рамках когнитивной лингвистики, как известно, изучается сложное взаимодействие языка и мышления. Данное взаимодействие рассматривается на современном уровне лингвистических знаний в рамках концептуализации – обобщения ментального опыта человека, и категоризации – формирования ментальных репрезентаций, отражающих наши знания и представления об объектах действительности, а также возможности придать восприятию мира упорядоченный характер и каким-либо образом систематизировать наблюдаемое. Когнитивная лингвистика, таким образом, способствует созданию понятийной, концептуальной картины мира, т. е. обусловливает формирование знаний субъекта и накопление общественного опыта.

В когнитивном аспекте все языковые категории рассматриваются как категории, отражающие определенные пласты человеческого опыта и передающие различные типы знаний о действительности. Иными словами, когнитивной лингвистике присущ экспансионизм, что, в свою очередь, свойственно и когнитивному терминоведению [1, с. 23], которое занимается проблемами роли специальной лексики, в частности термина, в научном познании, чем объясняется его стремление к интеграционным процессам (Л.М. Алексеева, М.Н. Володина, З.И. Комарова, В.М. Лейчик, Л.А. Манерко, С.Л. Мишланова, В.Ф. Новодранова, В.А. Татаринов и др.). Помимо этого, основные позиции когнитивного терминоведения способствуют более осмысленной организации приобретаемой информации и способов ее репрезентации, что является актуальным для исследований в рамках когнитивной парадигмы.

Цель нашего исследования – изучение когнитивных особенностей дефиниций термина как одного из способов вербальной репрезентации концепта «сепсис» в медицинском дискурсе. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- изучить когнитивную парадигму лингвистического знания и определить основные категории когнитивной лингвистики;
- выявить специфику формирования и преобразования концепта в медицинском дискурсе;
- построить субфреймы концепта «сепсис»;
- построить когнитивные модели дефиниций, репрезентирующие омонимию термина «сепсис» в медицинском дискурсе.

Методика нашего исследования основана на семантико-когнитивном и семантико-фреймовом анализе, что позволило соотнести дефиниции термина с ментальной репрезентацией концепта, а семантические компоненты определяющих выражений – с базовыми слотами определенного субфрейма.

Исследование термина в русле когнитивного терминоведения проводится с дискурсивно-когнитивной позиции, ведущими категориями которой выступают дискурс и концепт. **Дискурс** можно представить как интегративный объект, позволяющий изучать традиционные языковые явления с различных сторон в вербально опосредованной деятельности человека в специальной сфере [1, с. 23]. В рамках нашего исследования изучается **медицинский дискурс**, и под ним мы понимаем вербально опосредованную деятельность, интегрирующую в единый комплекс научное и практическое исследования нормальных и патологических состояний, а также профилактику и лечение различных заболеваний человека. В дискурсе как вербально опосредованной деятельности формируется **концепт** – «идеальная, абстрактная единица, смысл, которыми оперирует человек в процессе мышления, отражающие содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, “квантов” знания» [8, с. 92–94]. Концепт как явление многомерное имеет два основных способа репрезентации: ментальный и вербальный. На уровне ментальной репрезентации концепт

можно структурировать в виде фреймов и субфреймов – организованных структур данных, состоящих из слотов, репрезентирующих определенные фрагменты концепта [14]. В качестве вербальной репрезентации концепта могут выступать термин и его дефиниция, а также терминологические номинации. Поскольку процесс концептуализации, представленный в термине, отражает процесс познания, **термин** с позиций когнитивного терминоведения можно определить как «динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), связанное с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [9]. Термин неразрывно связан с **дефиницией** – категорией с точки зрения лингвистики сложной и неоднозначной. Так, в теории познания представлено разнообразие подходов к определению дефиниции. В рамках логического подхода дефиниция есть «пояснение значения термина и строгое фиксированное его установление» [5, с. 130] или «логический прием, позволяющий отличать изучаемый предмет от других объектов» [Там же. С. 131]. Философский подход ориентирован на понимание дефиниции как логической операции раскрытия содержания понятия. В логико-лингвистическом подходе дефиниция определяется как «словесное выражение тех специфических особенностей, которые отличают данное понятие от смежных с ним, перечисление существенных признаков дефинируемого предмета, явления, которые репрезентируют понятие» [3, с. 39]. В традиционном лингвистическом подходе дефиниция есть «метаязыковое высказывание» (Р. Якобсон) и «объяснение понятий» (П.А. Флоренский). И, наконец, с позиций дискурсивно-когнитивного подхода, согласно определению М.Н. Володиной, дефиниция – «особый способ репрезентации научно-профессионального (специального) знания [4]. Мы определяем дефиницию как синтез термина и определяющего его выражения. **Определяющее выражение** есть структурно организованный текст или, по определению В.Д. Табанаковой, «результат когнитивной деятельности человека, эксплицирующий значение термина» [13, с. 20]. Помимо термина в состав дефиниции входят **терминологические номинации**, единицы, репрезентирующие фрагменты человеческого опыта или знания, которые включены в определенный вид деятельности. Иными словами, терминологические номинации репрезентируют определенные фрагменты концепта.

В процессе дефиниционного анализа термина мы пришли к выводу, что с позиций когнитивного терминоведения стало возможным найти другие решения такого сложного и неоднозначного традиционного лингвистического вопроса, как выявленная нами **омонимия** термина. В лингвистической литературе существует несколько подходов к рассмотрению данной проблемы. Суть классического понимания омонимии как лексической категории состоит в следующем: омонимия представляет собой семантическое отношение внутренне немотивированных значений, выражаемых формально сходными знаками и различающихся в тексте благодаря контекстуальным окружениям (О.С. Ахманова, Ю.Д. Апресян, А.И. Новиков). В рамках традиционного терминоведения омонимия есть «количество элементарных смыслов», содержащихся в понятии на разных этапах развития научной мысли» [12, с. 45]. Поскольку термин является средством формирования нового профессионального понятия, с позиций когнитивного терминоведения омонимию термина можно определить как принципиально разные понятия, репрезентированные разными структурами дефиниций одного термина. Понятия возникают в процессе познавательной деятельности людей, будучи одной из форм мышления, отражающей свойства, связи и отношения предметов и явлений. Языковое выражение специального (научного) понятия – это термин. Причем научные понятия не существуют изолированно, но образуют некую совокупность, систему, обладающую определенной структурой.

Репрезентация разных структур дефиниций возможна посредством метода моделирования – процесса конструирования моделей реальных объектов с целью их изучения. Моделирование на когнитивных основаниях позволило нам понять глубинные механизмы организации путем моделирования мыслительной деятельности человека, а не только описать имеющийся материал, поскольку в центре внимания оказались не столько данные внешнего порядка, сколько структуры знания в человеческом сознании.

Таким образом, модель можно определить как концептуальную репрезентацию действительности в многообразии ее внешних и внутренних связей, существующих в виде определенной системы понятий [10, с. 21–23]. С позиций когнитивного терминоведения появление множества моделей связано с динамикой развития языковых единиц в дискурсе, которые находятся во взаимосвязи с процессами концептуализации. Так, модель мы определяем как ментальный инвариант, соотносящийся с дефинициями термина на вербальном уровне.

Итак, в ходе комплексного анализа нашего практического материала были получены следующие результаты.

Согласно логике развития и формирования, в истории любой науки выделяются два основных периода: донаучный и научный. Каждый из этих периодов репрезентирован собственными периодами, характеризующими специфику воззрений и концепций определенных наук. Так, процесс формирования концепта «сепсис» состоит из четырех периодов, совпадающих с этапами исторического развития знания и представления о сепсисе: донаучный период репрезентирован добактериальным периодом и соответственно субфреймом «сепия», а научный – субфреймами «заражение», «инфекционный процесс», «системное воспаление».

Во времена античности Гиппократ, Ибн Сина, Гален объясняли сепсис как нарушение равного объема между жидкостями, составляющими организм человека, – кровью, слизью и двумя видами желчи, в результате чего кровь портилась и приобретала цвет краски, выделяемой каракатицей – сепией. Компонентный анализ определяющих выражений в примерах (1) и (2) позволяет выделить субфрейм «сепия», репрезентирующий донаучный период знания о сепсисе.

(1) *Сепсис – это состояние человека, при котором* ***нарушается соотношение*** *между кровью, слизью и желчью, по мнению Гиппократа (IV век до н. э.)* [7, с. 26].

(2) *Сепсис – это* ***гнилокровие****, то есть образование гноя в крови* ***при избытке одной из жидкостей****, способное вызвать лихорадку, по мысли Гиппократа* [6, с. 9].

В научный период знание о сепсисе формировалось в рамках нескольких наук. Одной из них является микробиология – наука о микроскопических существах, микроорганизмах, или микробах, их жизнедеятельности и значении в жизни человека. Итальянский ученый Д. Фракасторо выдвинул гипотезу о существовании неких анимакул – «невидимых живых мельчайших существ», которые, проникая в организм человека через соприкосновение посредством различных предметов, на расстоянии или через воздух, могут вызывать смертельную болезнь. Таким образом, особенность данного периода – это факт проникновения микроорганизмов в макроорганизм, т. е. организм человека, что характеризует процесс заражения, актуализированный в первом слоте научного периода – «заражение» (3).

(3) *Сепсис – патологические изменения, развивающиеся в* ***организме больного человека*** *от* ***внедрения микробов*** [11, с. 5].

Дальнейшее развитие знания о сепсисе в научный период было представлено в концепциях инфекционных заболеваний. И.И. Мечников – первый исследователь, экспериментально и теоретически установивший ведущую роль макроорганизма в возникновении и развитии инфекционного процесса, суть которого заключается во взаимодействии макроорганизма и микроорганизмов в условиях окружающей среды.

(4) *Сепсис – тяжелое* ***инфекционное заболевание****, вызываемое* ***разнообразными возбудителями*** *и их токсинами* ***в*** ***организме раненого****, характеризующееся своеобразной реакцией организма с однотипной клинической картиной, несмотря на различие вызвавших его возбудителей* [2, с. 289].

В примере (4) семантические компоненты *разнообразные возбудители* и *организм раненого* выступают в качестве участников инфекционного процесса, возникающего в результате их взаимодействия, при котором микроорганизмы, находясь в организме человека, причиняют вред его здоровью. Сема предлога *в* актуализирует значение нахождения микроорганизмов в макроорганизме, что свидетельствует о внутреннем взаимодействии двух организмов.

В примере (5) также очевидны участники инфекционного процесса, вербализованные семантическими компонентами *гноеродные микробы* и *больной*. Атрибут *гноеродные* указывает на видовой признак микробов, инициирую-

щих гнилостные процессы в организме человека. Сема предлога *во* актуализирует значение нахождения микроорганизмов в макроорганизме, а сема компонента *распространение*, актуализирующая значение расширения спектра действия, интенсифицирует вредоносное воздействие микробов при взаимодействии с организмом человека, что также подтверждается семантическими компонентами *все*, *ткани* и *органы*:

(5) *Сепсисом называют общее тяжелое* ***инфекционное заболевание****, вызванное* *распространением* ***гноеродных микробов*** *из местного очага гнойного воспаления в кровяное русло, лимфатические пути, а из них* *во* *все ткани и органы* ***больного*** [2, с. 241].

Так, процесс взаимодействия макро- и микроорганизмов репрезентирован в субфрейме «инфекционный процесс».

Современный период развития научного знания о сепсисе характеризуется концепцией системного генерализованного воспаления, суть которого заключается в сложной комплексной реакции организма на действие патогенного раздражителя. Особенность данного процесса, происходящего в организме человека, в том, что патогенный микроб может быть элиминирован или отсутствовать в организме больного человека, однако состояние больного тяжело поддается контролю со стороны врачей-специалистов и его сложно остановить, что в результате приводит к поражению всех жизненно важных органов.

(6) *Сепсис – патологический процесс, в основе которого лежит реакция организма в виде* ***генерализованного системного воспаления****...* [11, с. 5].

В примере (6) терминологическая номинация атрибутивного типа *генерализованное системное воспаление* (смысловыми доминантами здесь выступают атрибутивные семантические компоненты *системное* и *генерализованное*) актуализирует понимание сепсиса как воспаления, затрагивающего весь организм в целом, что подтверждается семой, заложенной в семантическом компоненте *генерализованная*. Семантические компоненты *генерализованное системное воспаление* легли в основу субфрейма научного современного периода «системное воспаление».

Представленные субфреймы репрезентируют периоды развития медицинского знания по проблеме сепсис. Однако в медицинской литературе, в частности в научных статьях, монографиях, а также лексикографических источниках, были выявлены такие дефиниции, которые в своей структуре репрезентируют все этапы развития заболевания одновременно. Всего нами было выявлено 39 когнитивных моделей дефиниций, актуализирующих более одной теории или концепции знания. В когнитивных моделях дефиниций субфреймы репрезентированы следующим образом: (1) – субфрейм «сепия», (2) – субфрейм «заражение», (3) – субфрейм «инфекционный процесс», (4) – субфрейм «системное воспаление». Представим в качестве примеров несколько когнитивных моделей.

1. Модель **3-2-4**

Сепсис – генерализованная ациклическая гнойно-воспалительная ***инфекция****, вызванная условно-патогенной* ***бактериальной микрофлорой****, в основе развития которой лежит дисфункция иммунной, преимущественно фагоцитарной, системы организма с развитием неадекватного* ***системного воспалительного ответа*** [11, с. 67].

В определяющем выражении дефиниции данной когнитивной модели терминологическая номинация атрибутивного типа *генерализованная ациклическая гнойно-воспалительная инфекция,* занимающая позицию идентификации, актуализирует вид инфекционного процесса; терминологическая номинация *условно-патогенная бактериальная микрофлора* – процесс, при котором бактерии, попадая в организм человека со сниженным иммунитетом, вызывают болезни; терминологическая номинация атрибутивного типа *системный воспалительный ответ* – реакцию организма на инфекцию. Так, в данном примере репрезентированы субфреймы «инфекционный процесс», «заражение», «системное воспаление».

2. Модель **4-3**

Сепсис – ***системный воспалительный ответный синдром****, обусловленный* ***взаимодействием макро- и микроорганизмов*** [11, с. 12].

В приведенном примере терминологическая номинация атрибутивного типа *системный воспалительный ответный синдром* находится в позиции идентификации, что дает право соотнести ее с субфреймом «системное воспаление». Терминологическая номинация осложненного типа *взаимодействие макро- и микроорганизмов*

эксплицирует соответственно и субфрейм «инфекционный процесс».

3. Модель **3-3-2**

*Хирургический сепсис – **инфекционно-токсическое заболевание**, возникающее вследствие резкого **нарушения взаимоотношений** между возбудителями инфекции и факторами иммунной защиты в **первичном очаге**, что приводит к несостоятельности последних, вторичному иммунодефициту и нарушениям системы гомеостаза* [2, с. 10].

Терминологическая номинация *нарушение взаимоотношений* актуализирует деятельность микроорганизмов, причиняющих вред здоровью человека, внутри макроорганизма; терминологическая номинация *первичный очаг* – факт заражения, т. е. место изначального проникновения и распространения патогенного микроба.

4. Модель **1**

*Сепсис – это **гнилокровие**, то есть образование гноя в крови при избытке одной из жидкостей, способное вызвать лихорадку, по мысли Гиппократа* [6, с. 9].

Исходя из дефиниции термина, данная когнитивная модель репрезентирует субфрейм «сепия».

В ходе изучения формирования и модификации концепта «сепсис» мы пришли к следующим выводам;

1. Концепт как совокупность знания структурируется в виде субфреймов, репрезентирующих определенный период знания по проблеме сепсиса.

2. Субфреймы как вид ментальной репрезентации концепта вербализуются в виде совокупности дефиниций термина «сепсис».

3. Термин как динамическое явление языка способен изменять свое содержание в процессе когниции, что отражено в структуре дефиниций.

4. Дефиниции представляют собой особую когнитивную структуру, которая детерминирована определенными знаниями, полученными в процессе когниции. Более того, в зависимости от преобразования более ранних концепций и появления новых теорий дефиниция, вернее, ее структура, постоянно варьирует. Ввиду аккумуляции и продвижения научного знания одно понятие сменяется или дополняется другим понятием, при этом какое-либо из них занимает позицию доминанты. Следовательно, разные структуры дефиниций репрезентируют разные структуры знаний, что свидетельствует об омонимии термина.

Таким образом, лингвистический анализ дефиниций термина, выбранных из медицинского дискурса, позволил нам рассмотреть, как происходит осмысление и изучение проблемы сепсиса в профессиональном медицинском социуме, изучить формы его репрезентации в медицинском дискурсе, а также проследить специфику концептуализации, представленной в дефинициях термина, отражающих процесс познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеева, Л.М.** Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа [Текст] / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.

2. **Вишневский, А.А.** Военно-полевая хирургия [Текст]: рук. для врачей и студентов / А.А. Вишневский, М.И. Шрайбер. – Изд. 3-е, доп. и испр. – М.: Медицина, 1975. – 319 с.

3. **Волкова, И.Н.** Стандартизация научно-технической терминологии [Текст] / И.Н. Волкова. – М.: 1984. – 210 с.

4. **Володина, М.Н.** Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) [Текст] / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 128 с.

5. **Горский, Д.П**. Определение. Логико-методологические проблемы [Текст] / Д.П. Горский. – М.: Мысль, 1974. – 312 с.

6. **Карпов, В.П**. Классики биологии и медицины. Гиппократ [Текст] / В.П. Карпов; пер. В.И. Карпова. – М.: Гос. Изд-во биолог. и мед. лит., 1936. – 736 с.

7. **Козлов, В.К.** Сепсис: этиология, иммунопатогенез, концепция современной иммунотерапии [Текст] / В.К. Козлов. – СПб.: Диалект, 2006. – 304 с.

8. **Кубрякова, Е.С.** Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Изд-во филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

9. **Лейчик, В.М**. Терминоведение: предмет, методы, структура [Текст] / В.М. Лейчик. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.

10. **Мороховская, Э.Я**. Основные аспекты общей теории лингвистических моделей [Текст] / Э.Я. Мороховская. – Киев, 1975. – 247 с.

11. **Соринсон, С.Н**. Сепсис (этиология, патогенез, клиника, диагностика, терапия) [Текст]: краткое справочное рук. / С.Н. Соринсон. –

Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. мед. акад., 2000. – 64 с.

12. **Суперанская, А.В.** Общая терминология: вопросы теории [Текст] / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

13. **Шелов, С.Д.** Определение терминов и понятийная структура терминологии [Текст] / С.Д. Шелов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 236 с.

14. **Fillmore, Ch.J.** Some problems for case grammar [Текст]:Geoerge Washington University monograph series on languages and linguistics /Ch.J. Fillmore. – Washington, 1971. – 220 p.

УДК 81'367.7

Р.Ж. Саурбаев

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ (на материале английского и татарского языков)

Парцелляция изучается как процесс или преобразование, относящееся к компетенции синтагматического синтаксиса, в котором она рассматривается как специализированное средство распространения состава предложения. Наряду с этим, в научной литературе существует мнение, что сфера действия парцелляции шире: она затрагивает и обязательные валентные связи, что, однако, носит окказиональный характер [3, с.16].

В лингвистической литературе употребляются два термина для обозначения экспрессивного расчленения состава предложения: «парцелляция» и «сепаратизация». Первый из этих терминов употребляется в основном в исследованиях русского синтаксиса, второй – в исследованиях по синтаксису иностранных языков. Термин «парцелляция» представляется более удачным по сравнению с термином «сепаратизация» по следующим причинам. Семантическая структура слова «сепаратизация» акцентирует момент отделения, раздельности, в то время как в семантической структуре термина «парцелляция» акцентируется момент членения целого на части, что более соответствует сущности анализируемого явления.

Как уже отмечалось, по мнению Ю.В. Ванникова, парцелляция является синтаксическим процессом широкого значения и ей могут подвергаться предложения любой грамматической структуры и, кроме этого, словосочетания в составе предложения [Там же. С. 18]. Другие авторы считают, что широте парцелляции способствует дискретность языковых единиц, их членимость [5, с. 281]. Как утверждает Ж.Е. Петрашевская, «можно заключить, что сама широта этого синтаксического процесса предполагает неоднородность, которая заключается в специфике парцелляции в зависимости от структуры парцеллируемой единицы» [7, с. 153].

Парцеллированные конструкции, независимо от структурного типа исходной конструкции, делятся на основную (базовую) часть, или структуру, и отчлененную часть – парцеллят, являющиеся «сочленными компонентами речевого единства» [Там же]. При решении вопроса о структурно-смысловых связях частей парцеллированного предложения в литературе отмечается спаянность этих частей, так как в нем сохраняются смысловые и структурные связи, полностью соответствующие связям исходного

непарцеллированного предложения. Непарцеллированные и парцеллированные конструкции характеризуются идентичным составом лексических и морфологических структур. Таким образом, в конструкциях обоих типов имеется постоянство валентности и сочетаемости, которые характеризуют конституенты сравниваемых конструкции. Эти моменты дают возможность трансформации парцеллированных конструкций в сложное целое:

Some of the rooms remain a little bare. *For want of ready cash.* → *Some of the rooms remain a little bare for want of ready cash.*

Так, по мнению Ж.Е. Петрашевской, между непарцеллированными и парцеллированными конструкциями можно установить корреляцию, близкую к оппозиции, в которой интегральными признаками были бы идентичность исходного структурного типа, идентичный лексико-морфемный состав и идентичность синтаксических связей [7, с. 154].

В функциональном плане парцеллированные конструкции могут выступать как маркировано отмеченные, т. е. являются экспрессивным вариантом структурно-смысловой акцентуации, иными словами, парцеллированные конструкции характеризуются добавочным значением.

Парцеллирования сложного и осложненного предложений имеют специфические особенности. Е.В. Гулыга при анализе сложноподчиненного предложения отмечает возможность сепаратизации придаточного предложения, т. е. наличие в главном и придаточном предложениях семантических ядер, что допускает самостоятельное функционирование придаточного предложения, которое при этом все же не превращается полностью в самостоятельное. Основным условием при этом процессе является автосемантичность основного предложения, т. е. в его состав не должны входить какие-либо корреляты или другие элементы, требующие последующего раскрытия [4, с. 39].

Вместе с тем Гулыга отмечает контактное и дистантное расположение сепарированных придаточных частей, а также то, что этот процесс ведет к созданию еще большей коммуникативной нагрузки и экспрессивной окраски [Там же. С. 45].

Специфика парцеллированных конструкций простых предложений заключается в том, что парцеллят не содержит семантического ядра и, следовательно, его можно охарактеризовать как коммуникативно и структурно несамостоятельную синсемантическую единицу в составе сложного целого. Тогда можно утверждать, что смысловые и грамматические связи внутри парцеллированного простого предложения более тесные, чем в парцеллированном сложном. По мнению Ж.Е. Петрашевской, парцелляция простого предложения ведет к консолидации смысловых связей между основной связью и парцеллятом, что выражается в экспрессивной акцентуации информации, которую несет парцеллят [7, с.155].

Нужно отметить, что парцелляты очень разнообразны по своей структуре: она колеблется от единичного слова до придаточной части. Парцеллят никогда не является самостоятельным предложением в силу того, что это специфическое преобразование одного предложения.

Парцеллят квалифицируется в научной литературе как примыкающий позиционный вариант [6, с. 35].

С точки зрения семантической нагрузки парцеллированные конструкции имеют характер добавления, пояснения или уточнения информации, заключенной в основной части, поэтому, по нашему мнению, парцеллированные конструкции являются компонентом структурно-семантического осложнения предложения, так как самостоятельной единицей они не выступают, а структурно и семантически включаются в структуру базового, матричного предложения, т. е. представляют собой компонент осложнения простого предложения.

Необходимо подчеркнуть, что не все виды парцелляции могут осложнять предложение и имеют тесную связь с базовым предложением, а лишь те, которые связаны с одной предикативной линией и выступают как полупредикативные конструкции к основной, являясь при этом добавочными, пояснительными. Парцеллированные конструкции со сложными предложениями, имеющие менее тесную связь, не могут выполнять функцию осложнения предложения. Парцелляты интерпретируются как рема [1], что согласуется с положением о том, что рема всегда более сильно выражена, а парцеллированные конструкции как раз характеризуются

специфической акцентированной постпозицией, выделяясь в особую интонационную группу по отношению к основной части. Осложненные предложения с парцеллированной конструкцией строятся по коммуникативной модели T – R (ТЕМА – РЕМА) и характеризуются однонаправленностью. Парцеллированная конструкция – рема всегда постпозитивна. Как явление экспрессивного синтаксиса парцеллированные конструкции принадлежат к уровню индивидуального в языке, к сложному знаку «второго порядка» [8, с. 21].

Проиллюстрируем вышесказанное на фактическом материале.

Билгеле, үзем теләмәсәм кайтмый идем. *Кайтасы киледе* (М. Мәһдиев). – Известно, если бы не захотел возвратиться, не возвратился бы. Возвратиться хочу.

Анализируя приведенный пример, мы обнаружили, что вторая часть предложения, являющаяся парцеллированой конструкцией, структурно и семантически связана с основной частью и представляет собой ее продолжение. Это можно доказать путем объединения двух частей в одну общую:

Билгеле, үзем теләмәсәм кайтмый идем, мин кайтам инде.

Некоторые исследователи рассматривают парцелляцию как ненормативное явление, с чем мы не можем согласиться, потому что данное явление выступает как прием экспрессивного синтаксиса, используемый, как показывает языковой материал, многими современными писателями самых разных направлений.

В современной научной литературе, посвященной вопросу парцелляции, это синтаксическое явление рассматривается как специфическая разновидность присоединения. Выделение парцеллированных конструкций из области присоединения продиктовано следующими факторами: спаянностью с базовым предложением, выражением ремы предложения, использованием парцеллированных конструкций как средства экспрессии.

Как мы уже отмечали, парцелляция нередко отождествляется с присоединительными конструкциями, но при этом не учитывается разнонаправленность процессов, приводящих к образованию парцеллированных и присоединительных конструкций. При определении парцеллированных конструкций следует учитывать, что присоединительные конструкции автосемантичны, тогда как парцеллированные синсемантичны. Присоединительная конструкция синтаксически не связана с предыдущей частью сверхфразового единства. Это только добавление, разъяснение, уточнение по поводу некоторой части информации, уже переданной в предшествующей части сверхфразового единства. Предшествующая часть сверхфразового единства структурно и семантически завершена и тоже автосемантична. С синтаксической точки зрения присоединенный компонент является большей частью самостоятельным предложением. Как отмечает М.Я. Блох, «уже в определении присоединения как добавочного сообщения, связанного с предыдущим предложением, но находящегося в иной логической плоскости и т. д., заключена мысль о том, что присоединение – это связь... между отдельными, более или менее самостоятельными предложениями» [2, с. 42].

Таким образом, наиболее четко выраженные типы присоединительных конструкции – это те, в которых присоединяемый член является самостоятельной структурой, например:

I'm too old to run with a rifle. *And his isn't my war* (G. Green).

В приведенном примере из произведения Грэма Грина «Тихий американец» автор сетует, что он слишком стар для того, чтобы бегать с оружием, во второй же части он продолжает свою мысль: «...и это не моя война». Таким образом, мы видим, что вторая часть предложения более самостоятельная, т. е. автосемантична, она слабо согласуется с базовым предложением: *«Слишком стар, бегать с оружием»* и *«Это не моя война»*. Однако надо отметить, что, хотя вторая часть автосемантична, общая тематика и связь двух частей предложения все же существует, что еще раз доказывает: присоединительные конструкции являются компонентами структурно-семантического осложнения предложения.

Рассмотрим аналогичный пример из татарской речи:

Минем дәресләр алдагы чәршәмбедән. Шуңарчы ял көнгә Казанга элдертәбез. *Киенәбез. Шиком. Икебезгә дә костюм, демисезонное пальто* (М. Мәһдиев). – Мои занятия только в среду. До той поры в выходные дни

быстро съездим в Казань. Оденемся. Шиком. Для двоих костюмы, демисезонные пальто.

В приведенном отрывке из романа М. Махдиева «Фронтовики» главный герой сообщает, что у него нет уроков в среду, значит, возможна поездка в Казань, где они имеют возможность прикупить необходимую одежду. В данном предложении *Киенәбез. Шиком. Икебезгә дә костюм, демисезонное пальто* являются присоединительными конструкциями. Между базовым предложением *Шуңарчы ял көнгә Казанга элдертәбез* и присоединительными конструкциями имеется связь, но они отличаются большей автономностью и слабо согласуются, так как являются дополнением к основной части.

Рассмотрим примеры с парцеллированными конструкциями:

Минем, – диде ул Рушадка, – кесәдә кырык сигез меҥ сумм акча бар. *Аттестатка жыелган* (М. Мәһдиев). – У меня в кармане есть сорок восемь тысяч. Собрал на аттестат.

В приведенном примере мы обнаружили, что вторая часть предложения семантически тесно согласуется с базовым предложением, так как эти сорок восемь тысяч собраны для покупки аттестата. Можно трансформировать данное предложение: *Минем, – диде ул Рушадка, – кесәдә кырык сигез меҥ сумм акча бар, шул акчаҥы аттестатка жыелган идем.*

В данном случае мы рассматриваем вышеприведенный пример как парцеллированную конструкцию.

В отличие от присоединяемой парцеллированная конструкция – это не добавочная конструкция, а отчлененная часть уже существующей структуры.

В тех же случаях, когда «конструкция после точки» выступает в виде добавочной мысли к основному высказыванию, ее, несомненно, следует трактовать как присоединение, а не как парцеллят.

Парцеллированная конструкция – составная часть конструкции, являющейся высказыванием одного лица, даже в том случае, когда она выступает частью диалогического единства.

Парцеллят несет единую информацию. Продемонстрируем это явление на примере диалогических единств:

Then he knew it was coming.

– How much money have we got?

– *A hundred and forty eight dollars.* But it is all right. (W. Faulkner).

– There is always a chance.

– A big chance?

– No, but a small one.

– Don't worry. *Smoke.* (G. Greene).

Приведем аналогичный пример из татарской речи:

– Нигә бертуктаусыз көләсеҥ? Сабый бала түгел, акыл керергә вакыт.

– Гөлфирә. Кызык ич.

– Өммия. Сиҥа кызык кына булсын.

– Гөлфирә. Дөнья кызык булгач начармыни?

– Өммия. Дәү бабаҥ гомере буе кызык-кызык дип яшәде. Хәзер күрәсен, нишли. *Аҥа кызык – безгә оят*. Әйдә, керәбез (Т. Миннулин). –

– Что ты беспрестанно смеешься? Не младенческий возраст же все-таки, время быть разумным.

– Забавно же.

– Для тебя все должно быть забавным.

– Если в мире все будет забавным, разве плохо?

– Прадед всю жизнь в забаве прожил. Сейчас, видишь, до чего докатился? *Для него забава – нам позор*. Давай, зайдем.

В представленном примере парцеллированная конструкция *Аҥа кызык – безгә оят* является продолжением основного предложения и несет добавочную семантику, структурно и семантически вплетаясь в базовое предложение и осложняя его, что сближает со структурой английского языка.

Конструкции с подхватом – это с семантической точки зрения конструкция присоединения. Невозможно расчленить чужую мысль, возможно лишь внести в нее свое добавление, пояснение, например:

«You're impractical, – Charlotte said. – You are talking about security. Have you soul? – How much money have we got now, Harry?»

He looked at the meter. «*A hundred and twenty-two dollars*».

«That's it, – Pyle said. – You shouldn't be against York; you should be against the French. Their colonialism».

«*Isms and ocracies*. Give me facts. A rubber planter beats his labourer – all right. I'm against him» (G. Greene).

Присоединяемая часть является добавочным, самостоятельным компонентом, непосредственно примыкающим к первой, базовой, части.

Парцеллированная конструкция – это расчленение структуры. Любой член простого непарцеллированного предложения может быть отделен, вынесен за пределы основной части.

Таким образом, присоединяемый компонент – автосемантичная часть конструкции, в то время как парцеллят – синсемантичная составляющая базовой части парцеллированной конструкции. Присоединительные и парцеллированные конструкции выступают как элементы структурно-семантического осложнения простого предложения, тем самым делая его осложненным. Представленное языковое явление репрезентируется как универсальное в разноструктурных языках, например в современном английском и татарском.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андриевская, А.А.** Явление «сепаратизации» в стилистическом синтаксисе современной французской художественной прозы [Текст] /А.А. Андриевская // Филол. науки. – 1969. – № 3. – С. 75 – 84.

2. **Блох, М.Я.** К проблеме присоединительных связей предложений [Текст] /М.Я. Блох // Вопр. грамматики англ. яз. – М., 1969.

3. **Ванников, Ю.В.** Явление парцелляции в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Ванников. – М., 1968. – 23 с.

4. **Гулыга, Е.В.** Функционирование придаточных предложений в качестве самостоятельных [Текст] / Е.В. Гулыга // Филол. науки. – 1960. – № 4. – С. 37–48.

5. **Иванчикова, Е.А.** Парцелляция: ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции [Текст] / Е.А. Иванчикова // Рус. яз. и совет. об-во. – М., 1968. – С. 278–287.

6. **Иртеньева, Н.Ф.** Теоретическая грамматика английского языка [Текст] / Н.Ф. Иртеньева, О.М. Барсова, М.Я. Блох. – М., 1969. – 144 с.

7. **Петрашевская, Ж.Е.** Проблема выделения и классификация парцеллированных конструкции современного английского языка [Текст] / Ж.Е. Петрашевская // Вопр. теории англ. яз. – М., 1973. – С. 147–167.

8. **Степанов, Ю.С.** Семиотика [Текст] / Ю.С. Степанов. – М., 1971.

УДК 811.11

Г.Н. Филиппова

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В ходе научного изучения лингвистической синестезии в современном немецком языке производился комплексный анализ синестетических образований. Предмет рассмотрения данной статьи – структурный аспект синестезии как лингвистического явления, заключающегося в сочетании обозначений разнородных ощущений и наблюдающегося в немецком языке на разных синтаксических уровнях: слова, словосочетания и предложения.

В немецкоязычной лингвистической литературе по проблемам синестезии отмечается тенденция классифицировать ее не по синтаксическим уровням, а по количеству структурных компонентов. Как правило, в таких работах различают двух- и многокомпонентную синестезию [1, с. 73; 2, с. 38]. Проведенный нами анализ фактического материала показал, что наиболее распространена двухкомпонентная структура – имя прилагательное + имя

существительное. Это объясняется следующим: в семантике имен прилагательных доминирует значение признака, что соответствует основным функциям синестезии – отражать объективные характеристики объектов, процессов и явлений окружающего мира и одновременно выражать субъективное отношение к ним. Определяемый синестетическим образом денотат, выраженный именем существительным, обозначает объект, предмет, процесс или явление окружающей действительности.

Наибольшее количество примеров синестетических единиц, представленных в рамках, как правило, одного слова, отмечается в словарных источниках (21 % от общего количества узуальных единиц синестетического характера, полученных методом сплошной выборки из немецкоязычных толковых словарей). Это в основном сложные детерминативные прилагательные, в которых первый компонент выступает интенсифицирующим детерминатором значения второго определяемого компонента за счет привлечения лексемы иной перцептивной сферы: *bitterernst, grellweiß, quietschfidel, zartfarbig* и др. На высокую продуктивность модели подобных детерминативно-композитных прилагательных в своем исследовании на материале прилагательных цветообозначения в немецком языке указывает К. Кауфманн [3, с. 326]. Копулятивные синестетические прилагательные большей частью узуальны и используются для отражения противоречивых, разнородных ощущений в рамках одной перцептивной сферы, например сферы вкуса: *bittersüß, zartbitter* или тактильного восприятия: *feuchtkalt, feuchtheiß, feuchtwarm*. Стоит отметить, что примеры существительных, во внутренней структуре которых еще прослеживаются корни лексем, обозначающих разные ощущения, являются преимущественно терминами или квазитерминами, т. е. словами, используемыми в роли терминов: *das Farbenhören, der Farbenklang, der Farbstich, der Farbton* и т. д.

Примечателен тот факт, что у некоторых композитных слов, образованных по принципу синестезии, в контексте актуализируется то перцептивная сфера, послужившая источником синестетического переноса, то перцептивная «сфера-мишень», в направлении которой был осуществлен перенос. Обратимся к примеру: немецкое композитное существительное *Klangbild* (*звуковая форма, звучание*) состоит из лексемы *der Klang*, обозначающей объект акустического свойства, и из лексемы *das Bild*, комментирующей объект визуального восприятия. В примерах, взятых из газетных текстов, в значении данного слова актуализируется то акустический (*rhythmisch-melodisch*), то визуальный (*farbig*) перцептивный план. Иногда обе сферы ощущений соединяются друг с другом одновременно даже в пределах узкого контекста (ср. *Highlight war die Interpretation der farbigen, rhythmisch-melodischen Klangbilder und swingenden Themen der «Rhapsody in Blue» von George Gershwin* [4, с. 36]). Подобные связи обозначений разнородных ощущений усиливают семантическую когезию текста и подчеркивают интегрирующий характер синестезии.

Судя по результатам проведенного нами исследования, наибольшее распространение в немецком языке получают словосочетания синестетического характера (88 % примеров). Преобладание синестетических единиц в виде словосочетаний отмечается в работах, где исследуется синестезия на материале русского [5, с. 18; 6, с. 8], английского [7, с. 15], французского [8, с. 19] языков.

Уровень словосочетания удобен для воплощения идеи синестезии, поскольку возможность включения синестетического словосочетания в более крупный контекст позволяет полностью раскрыть потенциал синестезии как стилистического приема.

Как уже отмечалось выше, преобладающим способом сочетания слов по принципу синестезии является согласование. Этот способ определяет характер взаимозависимости определяющего и определяемого слов не только в синтаксическом плане, но и в плане содержания, в отличие от обычного словосочетания. Согласованное определение вместе с определяемым словом представляет собой в данном случае целостную, относительно законченную конструкцию, описывающую акустически воспринимаемый признак.

Вслед за М.Я. Сабанадзе, исследующей синестезию в подъязыке музыковедения на материале английского языка [9], мы также отмечаем четкое распределение функций между элементами синестетической конструкции в

современном немецком языке. Исследование синестетически осложненных конструкций обнаруживает, что один из их элементов выступает микроконтекстом, способствующим синестезации второго элемента. В таком случае он является синестезирующим. Другой элемент – синестезируемый – подвергается синестезации. Покажем утверждаемое на примере. В немецком словосочетании *warmer Ton* прилагательное *warm* в своем прямом значении *(теплый)* асемантично синестезирующему существительному *Ton*, поэтому прилагательное *warm* изменяет свое прямое значение на переносное и становится синестезируемым.

Примыкание как способ подчинительной связи соединяет части синестетической конструкции в 8 % примеров. Примыкающий синестетический элемент ведет себя относительно независимо с точки зрения формальных признаков, но семантически оба компонента такой конструкции нацелены на синестетическое описание процесса (ср. *Kalt bescheint der Mond die krause Dulderin im dunklen Hause, die vom Fenster fortstrebt...* [10, с. 283]). Примыкание часто включается в структуру согласования, поясняя, уточняя, конкретизируя описываемый признак. Примыкающий синестетический компонент может выступать средством когнитивной компактности и интенсификатором характеристики, называемой согласованным определением. Таким синестетически осложненным, интересным с точки зрения лингвостилистики является, например, описание солнечного света в словосочетании *schneidend klares Sonnenlicht* (ср. *...– aber von den Fenstern stand schon schneidend klares, unverkennbar wirkliches Sonnenlicht, Morgenlicht...* [11, с. 196]).

Небольшое количество примеров (менее 2 %) иллюстрируют управление как тип подчинительной связи внутри синестетического словосочетания. Такая низкая частотность объясняется прежде всего тем, что синестезия с морфологической точки зрения тяготеет к именам существительным и именам прилагательным, а управление, как известно, характерно в первую очередь для глаголов (ср. *Liebkost uns mit hypnotischen Tönen, während die vier Band-Herren im Hintergrund ihren Gesang dezent mit schleppenden Grooves grundieren* [12, с. 21]).

Синестезия предполагает довольно четкую и глубокую взаимосвязь компонентов синестетического выражения. Обозначение сиюминутного впечатления, мгновенного ощущения обусловливает слияние компонентов синестетической конструкции в единый, целостный образ. Такое единство образа проявляется на уровне слова и словосочетания. При включении синестезии в более крупный контекст предложения сохраняется синтаксическая связь компонентов словосочетания, но одновременно расширяются границы для реализации разнообразных функций синестетических конструкций. Актуальными в данной части рассуждения становятся термины «контактная синестезия» и соответственно «дистантная синестезия». Введение этих терминов по аналогии с другими стилистическими приемами (например, киклос) необходимо, так как структурно-синтаксические свойства данного стилистического приема невозможно исследовать, исходя только из одного критерия. Классификационным синтактико-стилистическим критерием и будет выступать принцип контактного или дистантного расположения компонентов синестетической конструкции. Логично предположить, что контактным синестезиям отводится ведущая роль. Декодирование лежащей в основе синестезии разнородности ощущений требует, как правило, ближайшего контекста.

Дистантная синестезия, элементы которой находятся на расстоянии друг от друга, имеет место, но значительно реже, чем контактная. Пример самого отдаленного расположения компонентов синестезии в материале исследования демонстрирует включение синестетического определения в ряд однородных определений (ср. *Mühelos füllte seine in allen Lagen runde Stimme den Saal, als «Vogelfreier» erklomm er zum ersten Mal erfolgreich das hohe A, und in «Dunkelrote Rosen» aus «Gasparone» gab er seiner Stimme jenes samtige, verführerische, gar nicht heldenhafte Timbre, das angenehm gemütvoll stimmte* [13, с. 10]).

Поэтому доминирующим видом синестезии в немецком языке является контактная синестезия, которой свойственна не только тесная синтаксическая, но и тонкая, богато нюансированная лексическая взаимосвязь компонентов.

Контактность совсем другого рода также релевантна для понимания природы синестетически осложненных высказываний. Предложение

обозначает ситуацию, а не отдельно воспринимаемый признак, объект или явление, т. е. соотносимо в сознании с целостным образом ситуации [14, с. 15]. Следовательно, восприятие ситуации всегда полимодально, что предполагает не только качественное многообразие впечатлений, но и наличие их взаимосвязи и интеграции [15, с. 88]. Контактность предполагает функционирование компонентов по принципу взаимного детерминизма, для которого характерна многомерность восприятия. Последнее проявляется в интеракции ощущений в нашем сознании. Отражение этого сложного процесса – взаимодействие обозначений различных перцептивных сфер на уровне номинации. При этом компоненты синестетического сочетания взаимно обусловливают друг друга. Целостный смысл не может быть понят, исходя из значения отдельно взятого элемента. Единство значения создается всем составом синестетического выражения, что сближает синестезию с фразеологизмами [16, 17].

В результате мы наблюдаем в синестезии две противоположные тенденции: с одной стороны, стремление к компактности формы, а с другой – к комплексности структуры ввиду сложной семантики. Результаты исследования, показывающие явное доминирование конструкций словосочетания, наводят на мысль о преобладании в современном немецком языке первой тенденции.

Для синестетических единиц на уровне предложения характерна более свободная структура по сравнению со синестетическими словосочетаниями благодаря возможности замены компонентов предложения в определенных границах. Большая часть примеров воплощения стилистического приема синестезии на уровне предложения является достоинством художественных и искусствоведческих текстов, в которых синестезия участвует в построении сложных многомерных образов, создавая необходимую атмосферу для разворачивающегося действия, или настраивает на определенный образ восприятия (ср. *Die reiche Orchestrierung der Farbtöne läßt sich als Ganzes sehen, das Auge kann aber auch einzelne farbige Melodien abtasten und in unterschiedliche strukturale Rhythmen zerlegen* [18, с. 58]). Синестетическая конструкция зачастую выступает маркером коммуникативной значимости информации, поэтому синестетически осложненные сочетания включаются в группу подлежащего, группу сказуемого или одновременно в группу подлежащего и сказуемого.

Анализ синтаксической структуры синестетического высказывания показал, что синестетические конструкции представляют собой соединение обозначений разнообразных ощущений преимущественно на уровне словосочетания. Совокупность взаимосвязанных ощущений предполагает довольно тесную связь компонентов, выстраивающих синестетический образ. Наиболее типичной синестетической конструкцией в немецком языке является сочетание согласованного определения, выраженного именем прилагательным, и описываемого объекта, выраженного именем существительным. Каждый компонент называет сферу соединяемых ощущений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Gross, S.** Literatur und Synästhesie: Überlegungen zum Verhältnis von Wahrnehmung, Sprache und Poetizität [Text] / S. Gross // Synästhesie. Interferenz –Transfer – Synthese der Sinne. – Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann GmbH, 2002. – S. 57–91.

2. **Theilen, I.** White Hum – literarische Synästhesie in der zeitgenössischen Literatur [Text] / I. Theilen. – Berlin: Frank&Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. – 242 S.

3. **Kaufmann, C.** Zur Semantik der Farbadjektive rosa, pink und rot. Eine korpusbasierte Vergleichsuntersuchung anhand des Farbträgerskonzepts. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie [Text] / C. Kaufmann. – München, 2006.

4. **St. Galler Tagblatt** 2008.12.08. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web

5. **Житков, А.В.** Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И.А. Бунина [Text]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Житков. – Екатеринбург, 1999. – 19 с.

6. **Майданова, Т.В.** Синестетические метафоры в художественной речи XX в. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Майданова. – М., 1992. – 16 с.

7. **Кундик, О.И.** Специфика синестезийных словосочетаний в русском и английском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.И. Кундик. – Саратов, 1997. – 19 с.

8. **Капанова, А.А.** Синестетическое использование имен прилагательных в современном французском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Капанова.– М., 1984. – 24 с.

9. **Сабанадзе, М.Я.** Синестезия в подъязыке музыковедения (на материале англ. яз. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Я. Сабанадзе. – Л., 1987. – 21 с.

10. **Morgenstern, Chr.** Alle Galgenlieder [Text] / Chr. Morgenstern. – Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co, 1989.

11. **Zweig, St.** Brief einer Unbekannten [Text] / St. Zweig. – М:. Юпитер-Интер, 2004.

12. **Hamburger Morgenpost** 2006.05.27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web

13. **Tiroler Tageszeitung** 2000.01.27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web

14. **Розенфельд, М.Я.** Перцептивный образ в структуре значения слова [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Я. Розенфельд. – Воронеж, 2009.

15. **Барабанщиков, В.А.** Восприятие и событие [Текст] / В.А. Барабанщиков. – СПб.: Алетейя, 2002.

16. **Бардовская, А.И.** Психолингвистическое исследование синестезии по методике свободного ассоциирования [Текст] / А.И. Бардовская // Слово и текст. Психолингвист. подход. – Вып. 2. – Тверь, 2004. – С. 10–16.

17. **Лаенко, Л.В.** Перцептивный признак как объект номинации [Текст] / Л.В. Лаенко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология, журналистика. – 2004. – № 2. – С. 71–77.

18. **Düchting, H.** Synästhetische Vorstellungen am Bauhaus [Text] / H. Düchting // Synästhesie. Interferenz – Transfer – Synthese der Sinne. – Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann GmbH, 2002.

УДК 316.1

Н.Л. Антонова

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ В КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Практика – предмет исследования целого ряда наук: философии, педагогики, антропологии, психологии, социологии и др. Как справедливо заметил В.В. Волков, «...формируется некоторая общая для социальных наук парадигма» [1, с. 10]. Автор определяет ее как практическую. Активизация внимания к практикам связана, на наш взгляд, с инструментальным характером использования понятия. Практики выступают неким символом, с помощью которого возможен анализ процессов и явлений в обществе с позиций действующего субъекта.

В социологический понятийный аппарат понятие «практика» пришло из философии, где она уже несколько столетий прочно вписана в систему категорий. Еще немецкая классическая философия поднимала вопросы практики, и ее основы представлены в идеалистических конструкциях И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, И. Фихте. В идеализме практика представляла внешнее выражение духовной деятельности: волевую деятельность идеи у Гегеля, нравственную деятельность у Канта и Фихте. Для Л. Фейербаха практика есть взаимодействие человека (субъекта) с природой (объектом) посредством чувственного созерцания [2, 3]. Исторической заслугой немецкой классической философии принято считать введение практики в теорию познания, позволяющее выйти на решение проблемы соотношения чувственного и рационального. Дальнейшее теоретико-философское осмысление понятие «практика» получило в материализме К. Маркса и его последователей.

Определение статуса социальной практики в социологической науке следует связать с дискуссиями о категориальном аппарате социологии в целом. Еще в 1960-х годах в отечественной социологии остро встал вопрос о необходимости развития понятийной системы социологии (Б.А. Грушин, А.Г. Здравомыслов, Ю.А. Левада, В.Э. Шляпентох, В.А. Ядов). Это было связано с тем обстоятельством, что социология, отождествляясь с историческим материализмом, использовала категории философской науки, но ей нужен был собственный аппарат для анализа общества, операционализируемый и проверяемый на эмпирическом уровне при исследовании социальных фактов. В этой связи социальная практика имплицитно становится категорией социологии, и вопрос о ней как об особой социологической категории не ставится.

В конце XX – начале XXI века в российском социологическом сообществе вновь возникает вопрос о понятийном аппарате социологии. Если в 1960-х годах предпосылкой дискуссии стало выделение категорий социологии из философии, то в наше время – их кризисное состояние. И вновь ученые не отдают должного внимания категории социальной практики. На наш взгляд, вопрос о ее статусе – вопрос решенный, кому как не социологии исследовать социальную практику. Если искать ее место в

классификации категорий, то она может быть как концептуальной, так и инструментальной. Подобное выделение возможно с позиций уровней социологического знания. В первом случае социальная практика – это фундаментальная категория макросоциологии, имеющая онтологические основания, поскольку социальная реальность есть по сути социальная практика индивидов, социальных групп и общностей. Во втором случае социальная практика как совокупность измеряемых действий и взаимодействий имеет эмпирическое уточнение и интерпретацию в конкретных случаях. Ее использование позволяет раскрыть социальные процессы и социальные связи современной общественной жизни.

Содержательное наполнение категории «социальная практика» опирается на такие понятия, как «социальные действия» и «социальные взаимодействия». Они выступают как базисные, фундаментальные, основополагающие в социологической науке. Социальные действия и взаимодействия могут принимать различные виды и формы, а в совокупности предстают как социальные практики. Социальная практика – не единичный акт; это совокупность, некая сумма устойчивых и воспроизводимых действий и взаимодействий. Устойчивость предполагает равновесие между ними и общественным порядком; воспроизводимость понимается как продолжительное во времени их повторение.

В нашем понимании социальные практики предстают как системы устойчивых, воспроизводимых социальных действий и взаимодействий индивидов, социальных групп, детерминированных нормами, имеющих пространственно-временную организацию и реализуемых в определенном социальном контексте[1] [4, с. 10]. Многообразие социальных практик ставит вопрос об их группировке Выстраивая теоретический конструкт классификации социальных практик, мы стремимся к их систематизации и упорядочению для более полного понимания социальной действительности, в которой они рождаются, функционируют, воспроизводятся.

Широкий спектр представленных в социальном мире социальных практик, их разнопорядковость и многоуровневость требуют определения критериев для выявления типов практик.

1. Первый критерий – актор социальной практики. В современной социологической литературе используются понятия субъекта и актора (актера). Зачастую в работах эти понятия используется как синонимы, однако считаем необходимым их четкое разграничение. Понятие «актор» употребляется в том случае, когда речь идет о конкретных социальных действиях, актор всегда действующий, даже если он совершает свои действия неосознанно. Оперирование понятием «субъект» предполагает рациональность сознания и поведения, способность осуществить свободный выбор. Субъект становится актором в том случае, когда совершает какие-либо действия, а актор становится субъектом в случае рационального сознательного действия [5, 6].

Использование понятия «актор» обусловлено следующими положениями. Во-первых, социальная практика есть совокупность социальных действий и взаимодействий, что прямо указывает на необходимость использования понятия актора. Во-вторых, социальные практики, рутинизируясь, становятся неосознанными, что опять же свидетельствует о правомерности обращения в анализе к понятию «социальный актор». В-третьих, акторы могут выступать субъектами социальной практики, если: а) их действия рациональны и осознанны; б) прямо или косвенно ведут к изменениям в социальных практиках. Акторами социальных практик выступают как индивиды, так и социальные группы. В соответствии с данным критерием мы выделили практики индивидуальные и групповые. Так, практику голодовки, цель которой добиться выполнения каких-либо требований со стороны работодателя или государства, могут использовать как отдельные индивиды, так и социальные группы.

2. Критерием является также степень формализации социальных практик: они могут быть формализованными и неформализованными. Формализованные социальные практики имеют четкую структуру и функции (например,

[1]Т.И. Заславская и М.А. Шабанова под социальными практиками понимают устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного поведения социальных субъектов в важнейших сферах жизнедеятельности общества.

заключение трудового договора при трудоустройстве, пенсионное обслуживание, приобретение товаров в кредит). Наличие практик такого рода в общественной жизни выступает стабилизатором общества как системы, поскольку координаты практик понятны и ясны акторам и соответствуют ожиданиям и представлениям всех субъектов социальной жизни. Зарождение неформализованных практик, как правило, идет снизу и вызывается потребностями и интересами акторов микроуровня. Со временем они могут стать формализованными (организованными, легитимными). Так, практика празднования Нового года до 2004 года показала, что дней, отведенных на отдых, явно недостаточно (население на рабочих местах продолжало празднование, эффективность трудовой деятельности была невысокой, значительная доля населения прибегала к необходимости оформления листов временной нетрудоспособности), поэтому в конце 2004 года вышел Федеральный закон «О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса РФ» № 201-ФЗ, в соответствии с которым 1, 2, 3, 4 и 5 января – новогодние каникулы – являются нерабочими праздничными днями. Закон, таким образом, был призван удовлетворить потребности населения в увеличении дней отдыха, а практика «продолжения праздника» стала легитимной.

3. Социальные практики могут выступать как формальные и неформальные (критерий – уровень формализации самих норм как детерминант практик либо в законе, либо в традиции). Формальные практики соответствуют нормам и правилам общественной жизни: если акторы принимают и разделяют их, то практика имеет характер конформизма; если же акторы принимают и реализуют на практике нормы и правила, но не разделяют их, то можно говорить об оппортунистическом характере практик. Что касается неформальных практик, то зачастую исследователи к ним относят только практики, отклоняющиеся от норм, закрепленных в законодательной базе (неправовые практики). Это узкий подход к пониманию неформальных практик, так как они могут иметь ситуативный характер и/или выступать как инновационные. Возникновение неформальных социальных практик свидетельствует о кризисных явлениях, неудовлетворенности акторов существующим социальным порядком, несоответствии формальных практик изменяющимся социальным условиям. Применение в социальной жизни неформальных практик влечет за собой социальные санкции. На наш взгляд, целесообразно ставить вопрос и о санкциях за неиспользование формальных практик. Например, неиспользование образовательным учреждением денежных средств, выделенных муниципалитетом, может привести к такой санкции, как уменьшение финансирования, утверждаемого финансово-бюджетным управлением муниципалитета (ФБУ), по определенной статье на следующий финансовый год.

4. В качестве одного из критериев выделения типов практик выступает их ориентация: существуют практики, ориентированные в будущее, на прошлое и на настоящее.

5. Критерием выступает также степень активности акторов социальных практик. Практики могут быть пассивные, нацеленные только на воспроизводство, и активные, инновационные, не только воспроизводящие, но и развивающие, привносящие новые элементы.

6. Критерий, частично связанный с предыдущим критерием, – наличие риска. Он позволяет разделить социальные практики на рисковые и безопасные. Обращаясь к практикам сдачи экзамена или зачета студентом, можно наблюдать практики как рисковые (студент не выучил материал, использует шпаргалки и т. п., отсюда повышаются риски получения неудовлетворительной оценки), так и безопасные – усвоенный материал является гарантом хорошей оценки.

7. Социальные практики можно охарактеризовать по критерию успешности / социальной эффективности. Когда речь идет об индивидуальных практиках, то правильнее использовать критерий успешности, т. е. практики следует разделить на успешные и неуспешные. Если практики групповые, то здесь можно ставить вопрос о применении критерия социальной эффективности. Вместе с тем оценка практик (как успешных/неуспешных, или эффективных/неэффективных) будет, во-первых, сдвинута во времени и, во-вторых, зависеть от субъективного мнения оценивающих.

8. Еще один критерий – длительность воспроизводства практики. Традиционные социальные

практики уходят своими корнями в прошлое и опираются на традиции и обычаи. Пересекая границы времени, традиционные практики адаптируются к новым условиям, однако их сущность остается неизменной (например, погребальные практики). Современные практики вызваны изменившимися социальными условиями, предпосылкой их становления и развития, в частности, стало развитие капитализма в конце XIX века. Современное общество – общество XXI века порождает новые социальные практики, развитие которых обусловлено мировыми глобализационными процессами.

9. На наш взгляд, самый распространенный критерий – это разделение социальных практик по сферам: практики правовые, образовательные, медицинские и др.

10. Последний из выделенных нами критериев – это статусно-ролевой критерий. Социальные практики зависят от статусно-ролевых позиций индивидов и групп, т. е. речь идет о практиках, соответствующих либо не соответствующих им. Трудно представить, чтобы слой топ-менеджеров использовал практику забастовки или голодовки в качестве протеста против сокращения в компаниях в условиях кризиса. А практика «золотых парашютов» как компенсации вполне применима в соответствии с их статусно-ролевыми позициями.

В целом социальные практики – неотъемлемый компонент жизнедеятельности индивидов, социальных групп в социуме. Социальные изменения, а точнее их направленность, зависят от социальных практик акторов, действия и взаимодействия которых, с одной стороны, воспроизводятся в соответствии с нормами, с другой – представляют непрерывный процесс преобразования социальных структур и социальной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Волков, В.В.** О концепции практики в социальных науках [Текст] / В.В. Волков // Социол. исслед. – 1997. – № 6.

2. **Гулыга, А.В.** Немецкая классическая философия [Текст] / А.В. Гулыга. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.

3. **Ильенков, Э.В.** Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии [Электронный ресурс] / Э.В. Ильенков. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/ilin_vopros/ (дата обращения 27.01.2011).

4. **Заславская, Т.И.** Социальные механизмы трансформации неправовых практик [Текст] / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Обществ. науки и современность. – 2001. – № 5.

5. **Она же.** О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса. [Текст] / Т.И. Заславская // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001.

6. **Козлова, Н.Н.** Методология анализа человеческих документов [Текст] / Н.Н. Козлова // Социол. исслед. – 2004. – № 1.

УДК 215

В.П. Горюнов

НАУКА И РЕЛИГИЯ: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

В рассмотрении проблем модернизации России обнаруживается на первый взгляд странное сочетание: базой технологической модернизации является наука, а основанием духовного прогресса провозглашается религия. Социальная модернизация включает в себя то и другое. Но странного тут ничего нет. В современном мире религиозные проблемы чаще воспринимаются и реально проявляются в виде межрелигиозных и межконфессиональных противоречий, тогда как в России обостренное внимание к религии выражается в контексте ее соотношения с наукой и места в обществе.

Человеческое существование включает в себя материальную жизнь общества и человека, социальную жизнь как систему общественных отношений между людьми, духовную жизнь в виде общественного и индивидуального сознания, а также экзистенциальность, т. е. переживание индивидами своего существования. Общественное сознание отражает общественное бытие и является его регулятором: наука обеспечивает материальную жизнь людей, идеология декларирует формы социальной организации общества, право регламентирует нормативность отношений, а искусство, мораль и религия формируют человеческую экзистенциальность – задают сплав эстетического, нравственного и религиозного содержания в сознании человека.

Человеческое существование не является целостным и устойчивым, его вышеперечисленные элементы не находятся в гармоничном отношении друг с другом: наука не обеспечивает всеобщего равенства в возможности выживания, идеология обосновывает непримиримую борьбу за существование, право возводит в закон неравенство и насилие, а человеческая экзистенциальность постоянно напряжена противоположной направленностью движущих сил в самом ее фундаменте в лице теизма и атеизма, веры и неверия в чудо. Наука ориентирует на абсолютный прогресс, вселяет в человека оптимизм и уверенность в своих силах, непоколебимые в периоды устойчивости общественного развития. Религия акцентирует внимание на трудностях, она востребована в периоды кризисов и потрясений в качестве источника надежды на благополучный исход.

Традиционно наука отвергает религию, во-первых, содержательно – как искаженное отражение мира, а во-вторых, по общественной функции – обман, ложное учение. Но, несмотря на все большие успехи науки, религия не увядает и уверенно сосуществует с наукой. Историческое противостояние религии и науки не рассудить однозначно и даже просто не обсудить непредвзято, потому что не существует такого рационального видения мира, которое бы одинаково возвышалось над признанием и отрицанием существования сверхъестественных явлений бытия. А оппозиция религии и науки заключается именно в этом вопросе. История показывает, что борьба науки с религией безрезультатна, дискуссия между ними бесплодна. Здесь требуется не изменение средств борьбы, а изменение взглядов на общество, переход к такой системе представлений о нем, в которой была бы преодолена сама альтернативность религии и науки, где борьба дополнилась бы единством.

Таким образом, надо разобраться в вопросе: наука и религия – это антиподы, взаимодополняющие друг друга вещи или нечто единое? Применительно к объяснению природы они противоположны по исходной методологии, но их противоположность здесь относительна с позиций всеобщности, недоступной конкретно-исторической ограниченности познания. Собственно проблема возникает на почве понимания человека и общества. Наука связывает природу с наличием естественной закономерности и отвергает какое-либо духовное, действующее волевое начало в объективной реальности. Религия, напротив, провозглашает наличие объективно существующей сверхъестественной силы, определяющей упорядоченность, гармонию бытия. Однако в гносеологическом плане противоположность науки и религии относительна в силу исторической относительности самой истины независимо от ее мировоззренческой принадлежности. Иначе говоря, ни наука, ни религия не могут обеспечить абсолютную достоверность своих высказываний и требуют априорного признания некоторых исходных положений. Примером может служить проблема происхождения Вселенной, решаемая наукой с помощью гипотезы Большого взрыва, а религией – с помощью мифа о творении мира Богом, но в обоих вариантах решения не выходящая за рамки допущения.

Наука и религия одинаково стремятся к непостижимому: наука – к пониманию бесконечного мира, религия – к постижению абсолютного Бога. При этом освоение научного знания сопряжено с большим интеллектуальным трудом, тогда как для религии достаточно веры. В процессе научно-рационального проникновения в сущность вещей истина предстает изменчивой, относительной, но не теряет своей стройности и упорядоченности. Духовное религиозное напряжение в попытке умопостижения сути Божественного не ведет к рациональному

просветлению, а наоборот, при большем погружении затемняется большей неопределенностью.

Даже, казалось бы, в безусловном преимуществе науки, заключающемся в том, что она обеспечивает человека реальными ресурсами жизни, а не «кормит» его мифическими пятью хлебами, наука не имеет слова последней, потому что не в состоянии обеспечить всеобщее выживание людей, и дает основания для своего отрицания, поскольку в реализации своей производственной функции оказывается бессильной в предотвращении глобальных проблем, а к тому же поставляет не только средства жизни (орала), но и средства смерти (мечи). Сциентизм, означающий не что иное, как веру в науку, находит свое отрицание в антисциентизме, т. е. в расшатывании этой веры. История демонстрирует изменение объекта и характера веры, но одновременно обнаруживает ее непреодолимость.

Что касается истолкования человеческого способа жизни, и в первую очередь духовности, человеческой экзистенциальности, т. е. истолкования человека как надприродного существа, то наука и религия здесь равноправны. Более того, религия здесь более активна и продуктивна, поскольку не только объясняет человеческую жизнь, но и задает ее позитивную практическую нормативность, например в виде заповедей, тогда как наука не в состоянии предложить ни то, ни другое. Естественного объяснения человеческому существованию как человеческому способу существования живого нет. Науке тут делать нечего, она не пытается объяснить смысложизненную функцию человеческого бытия, а скорее отрицает ее и не навязывает человеку проповедь, оставаясь в рамках чистой рациональности, объясняющей природные основания жизни людей. Но религия в отличие от интернациональной науки в своем поводырском стремлении их приобщения к Божественной благодати не указывает путь к вселенскому братству, она всегда ограничена рамками избранности, за пределами которой людям, не охваченным этими рамками, отказывается в праве на человеческую жизнь.

Научное познание атеистическое по своей сущности. Научная рациональность охватывает природу, и в этой области наука и религия несовместимы. Жизнь людей не имеет объективного основания и научного объяснения. Здесь действуют только технологии управления, теоретического объяснения нет, а есть мифы разной формы, и один из них – религия. Следовательно, в вопросе о человеке наука и религия не альтернативные антиподы. С одной стороны, они противоположны в том, что наука не дает человеку ни надежды на вечную жизнь, ни избавления от страха смерти, ни указания смысла жизни как бесконечно малого мига перед лицом вечности, наполненного пустой суетой и страданием, а религия все это предоставляет сполна и к тому же освобождает человека от конечной ответственности за свой грех, взятый Богом на себя. Тем не менее вера во всесилие науки, по сути, совпадает с религиозной верой: достижение благодати откладывается на неопределенное будущее, на некоторое «потом», когда вечная благодать будет «там». Более того, наука и религия взаимодействуют и дополняют друг друга в виде своеобразного разделения труда в процессе бескомпромиссной борьбы людей за существование – религия обозначает своих и чужих, наука обеспечивает их средствами борьбы.

Таким образом, есть основания утверждать, что наука и религия все-таки являются антиподами, между ними не может быть мира. По отношению к природе они являются противоположностями в мировоззренческом и методологическом плане, а по отношению к человеку они противоположны предметно: наука не занимается экзистенциальными проблемами и иррациональностью вообще, а религия занимается.

В условиях глобализации, ведущей к формированию новой социальной реальности, стала понятной техносоциальная формула общества, в соответствии с которой общественное производство, независимо от уровня развития, принципиально не может обеспечить всеобщее выживание людей, из чего следует его насильственный характер и наличие в обществе отношения «цель – средство» в качестве фундаментального социального отношения. Эта формула не выводится как результат научного поиска, а является сугубо философским онтологическим продуктом, давая науке методологию исследования общественной жизни,

а религии – рациональную мировоззренческую схему, позволяющую освободиться от наивных и выдуманных рассуждений по поводу нормативности человеческой жизни. В частности, в техносоциальную формулу органично вписываются понятия грехопадения, искупления, покаяния, жертвы и т. п. Она предоставляет равные возможности науке, религии и философии в построении объяснительных моделей человека.

Интерпретация библейских положений в контексте техносоциальной формулы: наказание человека трудом (в поте лица своего) и бескомпромиссной борьбой с себе подобными за существование, не имеющее в конечном счете ни высшей цели, ни смысла, кроме самого существования как такового. Человек расплатился этим за свой человеческий способ жизни, т. е. за выход из естественно-природного равновесия на основе знания, за обретение самого знания и гордыню, выразившуюся в стремлении охватить своим знанием и преобразовать окружающий мир, подчинить себе природу. Получается, что первозданный рай – это не что иное, как естественная жизнь людей в их первобытном существовании. Обречение человека на труд связано с его переходом к цивилизации, производящему способу жизни. Таким образом, первородный грех заключается в попытке вырваться за пределы естественно-природного равновесия, наказанием за что и стал не имеющий конечного позитивного результата труд.

Для того чтобы жить по определенным правилам, надо сначала просто жить, т. е. прежде чем говорить о нормах совместной жизни людей, нужно определиться с законом самой их жизни как таковой. Одно дело, когда не объяснить смысл материального существования человека в рамках абстрактного абсолютистско-прогрессивистского подхода, предполагающего отсутствие границ расширения материально-предметной жизни и достижение гипотетического коммунизма, когда человеку доступно абсолютно все, однако он не превосходит своей бесконечной малости перед лицом бесконечного универсума. Но совсем другое дело, когда в контексте действия техносоциальной формулы материальная жизнь человека не может состояться вне борьбы с себе подобными, вне превращения одного человека в средство существования другого человека, когда смысл жизни видится уже не просто в самой жизни, а в бесконечной бескомпромиссной борьбе за нее, смысл которой не объяснить уже потому, что сама жизнь не имеет смысла. Религия не дает объяснения существования человека, она лишь оправдывает его и призывает к смирению с безысходностью своего бытия.

Ощущение действия техносоциальной формулы отражается в лозунге гуманизации общественного сознания, идее антропологического поворота в философии и прочих вариантах обращения к проблеме человека. Оно означает утрату последнего Абсолюта, с признанием которого человек имел точку опоры в своей жизни, когда ему было во что верить, на что надеяться и что любить. Сначала наука вытеснила из сознания Бога и модель всеобщего спасения, а потом, отвергнув идею вечного двигателя, сама оказалась неспособной обеспечить всеобщее выживание людей. Бог умер, наука обманула, и люди остались наедине друг с другом перед лицом природы как единственной объективной реальности, при том условии, что в этом совместном существовании чья-то жизнь оказывается всего лишь простым средством другой жизни.

Историческая необходимость религиозного оформления социальной жизни вытекает не из результатов абстрактного спора о признании или отрицании существования Бога как такового, а из практики социальной борьбы. Столкновение социальных интересов – это в конечном счете столкновение в борьбе за выживание, которая объективно бескомпромиссна и потому абсолютна. Она не имеет рационального обоснования вне самого факта стремления к жизни и нуждается в опоре на идеологический абсолют, такой же всеобщий и универсальный, как сама борьба за выживание. Борьба за своего Бога есть борьба за свое исключительное право на жизнь, и наоборот, борьба против чужого Бога есть оправдание борьбы против чужой жизни. Религия является всеобщей, универсальной идеологической формой, отражающей социальный интерес. Столкновение социальных интересов наиболее последовательно отражается в сознании как борьба религиозных идей. Других устойчивых форм идеологического противостояния людей цивилизация не придумала.

Признание или отрицание существования Бога есть всего лишь разные объяснительные модели бытия. Применительно к природе они относительно противоположны, а применительно к человеку критерии их разделения отсутствуют. Кто ответит на вопрос: что такое человек? Ученый, богослов или философ? Что есть начало человека – его природа или сущность? Наука выдвигает на первый план природу человека, его существование, а сущность науке неподвластна, поскольку она выражается не в самом существовании, а в его переживании человеком. Поэтому не случайно в рамках богословия речь идет о метафизической природе человека, которая и есть его сущность.

Человек всегда был загадкой для самого себя. Если оставаться в рамках абсолютистского прогрессивизма, то будет бесконечное плетение интеллектуальных кружев в понимании человека при отсутствии единых исходных посылок в его рассмотрении, без достоверных критериев истинности. Надо идти вперед и сформулировать исходную онтологическую посылку, снять ореол загадочности с человека, а потом уже решать проблему его понимания. Иначе говоря, следует отказаться от бесконечного плетения узоров в поиске путей к объективно заданному бытию человека и перейти к решению проблем единения людей при отсутствии самой заданности его. Но поскольку рационально обосновать человеческий способ существования живого невозможно, а жить совместно и выстраивать отношения надо, то нужно иметь некие позитивные допущения, – здесь неизбежно на первый план выступает богословие.

Единство науки и религии означает социально обусловленное единство рационального и мистического в отношении к человеку, поскольку без рационального (в настоящее время научного) невозможно обеспечить материальное существование, а без мифологического, неизбежно приобретающего мистические формы, не обозначить целевые ориентиры человеческой жизни, и следовательно, не иметь мотивации, движущей силы индивидуального и общественного развития.

Тем не менее наука изначально характеризуется единством картины мира, культура также все более интернационализируется и приближается к единству, разобщенными остаются религии (церкви как социальные институты, задающие формы социальной организации), именно они остаются сферой идеологической борьбы общностей за существование. Это совсем не отвлеченный вопрос, от него не могут остаться в стороне ни ученый-теоретик, ни инженер-практик.В безмерном пространстве человеческого бытия нет ни истинных, ни ложных направлений жизни, а есть только сама жизнь, являющаяся ценностью сама по себе и в самой себе содержащая цель и смысл. Разные формы объяснения мира делятся не на более или менее истинные, а на более или менее эффективные в качестве средства выживания.

Человек, осознающий действие техносоциальной формулы, оказывается неспособным к определенной целенаправленной деятельности, поскольку любое действие, даже в рамках открыто заявленного стремления к превращению окружающих людей в средство собственного существования, не имеет рационального обоснования, оказывается бесцельным и бессмысленным. Рационально обосновать деятельностную целеустремленность, активность жизненной позиции вообще невозможно. Человек активно действует только в мифе, независимо от средств его формирования в общественном или индивидуальном сознании, будь то психотерапия, действие галлюциногенов, церковная проповедь или речь вождя-параноика. Любая вера иррациональна, но только она обеспечивает обоснование человеческой активности. Отсутствие веры обусловливает отсутствие воли к жизни, поскольку без духовной составляющей простая организменная воля слепа. Соединение сильной веры и сильной воли дает нам целеустремленную, деятельностную личность.

В прогрессивистской модели не требуется идея Бога. Вера в прогресс компенсирует страх и отчаяние перед неизбежностью смерти индивидов, жизнь которых вписывается в общую линию бесконечного прогресса и тем самым обретает смысл. Однако идея прогресса имеет объективных оснований не больше, чем идея Бога. Но в бесконечный прогресс недостаточно верить, его надо рационально обосновать, а идея Бога требует только веры.

Наука не является общечеловеческой, она есть арена соревнования и средство борьбы за выживание, у кого больше успехов в науке, тот

и побеждает. Религия тоже не может быть общечеловеческой, она тоже арена соревнования и средство борьбы за выживание, у кого более совершенная религия (идеология), тот и побеждает. Религия функционирует и как духовная компенсация невозможности всеобщего выживания (вера), и как орудие борьбы за выживание (идеология). Людям дана одна Земля. Наука не может обеспечить существование на ней всех людей. Для религии вопрос: может ли она обеспечить единство людей в Боге, компенсирующее невозможность их единства на Земле?

Наука и религия одинаково направлены на решение проблемы будущего. Как компенсировать ограниченность жизни? Человек хочет иметь будущее, он хочет жить вечно, главное для него – проблема смерти. Наука и религия дают ему надежду, но предлагают разные модели, указывают разные пути: религия – в вечной жизни на небе, атеистическая наука – в вечном прогрессе на Земле. Религия не может обойтись без веры в сверхъестественное, научный атеизм не может рационально обосновать сущность человеческой жизни. Следовательно, религия и наука – не союзники и не враги, они не могут опровергнуть друг друга.

Для того чтобы действовать, человек должен во что-то верить, на что-то надеяться и что-то любить, т. е. к чему-то стремиться. Наука не может объяснить ничего из этих трех вещей. Более того, наука не может обеспечить всеобщего выживания. Человек обречен на бескомпромиссную борьбу за существование и ищет оправдание этой борьбе. Победители и побежденные ищут объяснения своему положению как объективной данности.

Переход от животного к человеческому способу существования живого, вершиной которого является переход к цивилизации с ее фундаментальным социальным отношением в виде разделения людей на цель и средство, сопровождался возникновением веры в иной мир, подземный или небесный, компенсирующий тяжесть реальной земной жизни. В животном состоянии нет внутривидового разделения на цель и средство, животное не противопоставлено природе, оно погружено в нее и не различает в своем существовании состояния жизни и смерти. Для дикого человека смерть представлялась переселением души в иной мир, не лучший и не худший. На ранних этапах цивилизации понимание другого мира как подобия (продолжения) земного не имело ценностного содержания, иной мир тоже не был ни лучше, ни хуже реального земного, потому что жизнь еще не стала самоценностью. Она становится ценностью в зрелой цивилизации с ее классическим разделением людей на цель и средство. У людей-средств рождается вера в лучший мир, надежда на изменение своего положения в нем. Жизнь провозглашается ценностью, но на Небе, а не на Земле.

В дальнейшем по мере прогресса в предметном наполнении человеческого существования земная жизнь становится все более ценной. В современном обществе массового потребления ценность небесной жизни полностью вытесняется ценностью земной. В вопросах религии остаются две основные проблемы:

- религии как источника цели и смысла человеческого бытия, его нормативности;
- религии как источника социальной энергии, пассионарности, т. е. религии как средства, орудия борьбы за выживание.

Марксовское определение религии как опиума для народа очень точное. Наркотик является обезболивающим средством, он необходим, без него пока что не обойтись. Но одновременно это великое зло. Применительно к человеческой жизни, ее переживанию аналогично положение веры, без которой человеку не обойтись, потому что человек живет будущим (в этом еще одно существенное отличие человека от животного). Жизнь будущим есть следствие непреодолимого дефицита жизни в настоящем. Животное живет настоящим, ему не надо выходить из сферы бытия в природе, оно живет реакциями на воздействие среды. Если бы жизни хватало, человек не выделился бы из природы, т. е. не вышел бы за пределы естественно-природного равновесия. В животном мире лишние просто погибают, а человек нашел способ жизни, позволяющий не погибать всему лишнему, а расти.

Универсальной формой измененного сознания является религия, которая позволяет обреченным оправдать свое прозябание. Вместе с тем она в отличие от алкоголя и наркотика не лишает человека возможности активного социального действия, направленного на обе-

спечение своей жизни. Поэтому определение религии как опиума для народа имеет под собой объективные основания, но недостаточно корректно. Она представляет собой наименее опасную непосредственно для жизни форму зависимости, но вне своих крайних форм.

Главная проблема в поиске единого пространства науки и религии заключается в несовместимости научной и религиозной картин мира, здесь возможен только конвенциональный компромисс. С одной стороны, наука не признает сверхъестественного бытия, тогда как для религии вера в него является исходной посылкой. С другой стороны, в научной картине мира нет места человеческому способу существования живого, поскольку оно не имеет объективных оснований в природе, а для религии человеческая экзистенциальность составляет главный предмет рассмотрения, при этом главной функцией религии является установление нормативности человеческой жизни. Соответственно процесс секуляризации сознания происходит не под воздействием науки, а обусловлен самой социальной реальностью, которая в своем развитии все более разрушает нормы в качестве незыблемых абсолютов и сводит их к относительности и простой условности неких правил жизни, вырабатываемых для регулирования совместной жизни людей и служащих средством борьбы за существование.

Свобода человека является абсолютной в плоскости абсолютности его единственности существования самого по себе, поскольку нет объективной заданности человеческого бытия, кроме самого факта существования как такового. Объективный критерий в самом существовании. Однако людей много, и все стремятся к существованию, но на всех средств жизни не хватает, выживание всех не обеспечить. Следовательно, объективный критерий нормативности – борьба за существование. Здесь свобода делается относительной, потому что в борьбе кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает, все победителями быть, т. е. выжить, не могут. Коммунистический централизм лишает свободы всех в пользу некоего общего дела, либерализм, напротив, предоставляет свободу каждому, но в том и другом случае реальная свобода достается только отдельным.

Проблема сопоставимости религий в понимании нормативности. Либерализм заменяет религиозную нормативность правами человека. В контексте техносоциальной формулы общества различия представляются относительными. В этом контексте так называемой общечеловеческой морали не может быть по определению, ибо критерий нормативности – выживание. Поскольку всеобщее выживание невозможно, постольку не может быть и всеобщей, общечеловеческой нормативности.

Можно ли обойтись без религии в установлении нормативности? Можно, если такая нормативность будет общепризнанной безусловно. Здесь должна быть устойчивость, историческая преемственность. Ею в наибольшей степени обладает религия. Тем не менее в глобализирующемся мире права человека становятся более предпочтительными. Человек – гражданин мира, он сам выбирает общность – семью, корпорацию, страну. Это тоже миф, но светский, заменяющий веру в сверхъестественное верой в утопическое бытие.

Общество не может состояться без нормативности, всеобщей формой которой является мораль. Право провозглашается на основе морали и означает насилие, осуществляемое от имени всех или большинства. Разумеется, нормы могут нарушаться, но они не отрицаются по существу или по-разному интерпретируются в конкретизации добра и зла. Общепринятым является утверждение о том, что мораль вытекает из практического опыта совместной жизни. Но ее кто-то должен озвучивать и хранить.

Собственно проблема регулирования совместной жизни состоит не в трудностях организации общего действия, а в противоречии между необходимостью совместности (множественности существования) и единственностью индивидуального бытия (человек обладает индивидуальностью существования, он не может слиться с другими, передать или принять чужую боль, радость и т. п.). Человек стремится найти некую абсолютную опору, объективное основание в бытии, чтобы не раствориться бесследно в пустоте и бесконечности. Смысл жизни и состоит в том, чтобы укорениться в бытии. Здесь открываются две возможности: прогрессивистская (светская) и религиозная.

Прогрессивистская модель всеобщей нормативности опровергается техносоциальной формулой общества, религиозная отвергается научным познанием. В настоящее время предлагается следующая схема: религия, несмотря на свою мистичность, мифологичность, остается единственной хранительницей позитивной нормативности, а по сути – всей духовной культуры, сущность которой состоит в нормативности.

Но нельзя ли вообще обойтись без религиозности в обосновании нормативности? Осознать действие техносоциальной формулы общества и согласиться с тем, что жизнь конечна и не имеет объективно заданных цели и смысла. Вместе с этим осознанием отвергается какое бы то ни было объективное основание нормативности. Живи, как хочешь. Но жизнь – борьба. Хочешь – участвуй в ней, не хочешь – уйди. Если участвуешь, то какое место хочешь занять, к такому и стремись. Иначе говоря, абсолютная свобода воли, ограничиваемая лишь другими волями. При такой постановке общественное устройство, в том числе и нормативность, будет определяться более сильными группами. А внутри самих групп – отбор в борьбе между индивидами. Общество не распадется, стихийно действующий инстинкт жизни не позволит. Массовое сознание стихийно складывается и навязывает ценности, главной из которых является сама жизнь.

Абстрактное общество может обойтись без религии. Более того, оно реально существует по этой безрелигиозной (безнормативной) схеме, но опосредованно, через религию, востребованную в качестве удобной оболочки. Казалось бы, общество может отказаться от этой оболочки и перейти к непосредственной организации жизни, непосредственной нормативности. Но этого не происходит. А ведь непосредственная нормативность уже была в прошлом, в диком обществе. Но оно перешло к ее опосредованию не в поиске нормативности как таковой, а как орудию в борьбе за существование. Придет ли общество к всеобщей форме опосредования нормативности, т. е. к всеобщей религии, это другой вопрос.

Самостоятельный предмет исследования – нормативность в разных религиях. В общем виде она одна и та же, но интерпретация разная. Везде провозглашаются Бог, Добро, Любовь, а люди друг друга убивают с осознанием своей исключительности в праве на жизнь. Можно предположить, что подлинный смысл секуляризации не в отрицании Бога, а в стирании различий в его интерпретации.

В настоящее время в вопросе о соотношении науки и религии в плоскости их гипотетического сближения наиболее популярны два встречных подхода: сведение науки к религии, выражающееся в последнем и главном ее достижении – приход к идее Бога, Творца; сведение религии к науке, выражающееся в долгожданном научном доказательстве бытия Бога.

Сущность религиозной веры составляет вера в объективно заданную нормативность. При этом главное заключается не в убеждении правильности самих норм, а в неотвратимости санкций (наказания) за их нарушение. Человек обладает свободой воли, он волен нарушать нормы, но он знает о последствиях нарушения.

Без Бога все можно по двум обстоятельствам:

- нет объективных оснований самих норм;
- нет субъекта наказания (некому наказывать).

Если провозгласить некую общечеловеческую нормативность, то она окажется всего лишь навязыванием норм одних людей другим. В принципе это возможно, например в условиях культа личности. Однако личности меняются, историческая преемственность нормативности не обеспечивается.

Возможно рассуждение: «Люди нуждаются в устойчивой определенности жизни, некой всеобщей нормативности. Ее может дать только религия, поэтому пусть она будет». Но реально религия оказывается средством борьбы одних против других. Она провозглашает самые общие, абстрактные нормы, которые можно наполнить каким угодно конкретным содержанием. Единого Бога нет не из-за людей, а из-за вещей.

Сосуществование науки и религии не в том, чтобы веру подкреплять знанием, пытаться найти научные доказательства чудес или, наоборот, допускать сверхъестественное в объяснении естественного. Не может атеист частично становиться верующим, а верующий

частично становиться атеистом. Компромисса между наукой и религией не может быть. Наука холодна и бесстрастна, она не рождает Надежды на спасение и не ведет к успокоению. Религия же в ее обнадеживании объективно лицемерна. Спор атеиста и верующего должен состоять не в вопросе о существовании Бога, а в вопросе о человеческом существовании с Богом или без него. Человеку необходим Абсолют как система координат его жизнедеятельности, только в этом случае он будет жизнеспособен. Абсолют атеиста состоит в неограниченном прогрессе, но техносоциальная формула общества показывает иллюзорность этого Абсолюта и разрушает его.

Никакой взаимодополнительности в научном и религиозном понимании природных оснований существования человека не может быть в принципе. Речь идет не об абстрактном подходе к проблемам возникновения мира и человека. Наука никогда не выйдет за пределы гипотетичности того и другого, и вопрос о том, как возникла природа (Вселенная), – то ли в виде взрыва, то ли как акт творения Бога, т. е. с точки зрения конкретного механизма, – не имеет значения. В объяснении закона бытия есть теизм, пантеизм, деизм и атеизм. Противоположность теизма и атеизма в исходной методологии – либо признаем сверхъестественное и можем только верить в него, либо не признаем и ищем объективные законы природы.

Но в вопросе о существовании человека с точки зрения нормативности его бытия наука бессильна. Она может гипотетически объяснить его генезис и эволюцию, обозначить законы материально-предметной жизни, вытекающие из законов природы, но объяснить нормативность человеческого бытия, смысл и цели человеческого существования наука не может. В обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, борющихся друг с другом за свое существование. В природе нет объективного источника нормативности и смысло-жизненной заданности человеческого существования. Таким источником морали и опирающегося на нее права может быть только религия.

В обсуждении вопроса о соотношении науки и религии наблюдаются две крайности:

• полное отрицание позитивной роли религии в общественном сознании в век науки, сопровождающееся ее признанием в качестве сферы познания и его организующего начала в более ранние периоды истории;

• попытка соединить науку и религию, естественное со сверхъестественным.

Наверное, более корректно объединять не естественное со сверхъестественным, а материальное и духовное содержание человеческой жизни. Наука – источник материального. В абсолютистской (прогрессивистской) модели общества можно обойтись без Бога, поскольку, во-первых, в рамках прогресса человеческая жизнь приобретает цель и смысл, человек сам становится всемогущим (Богом), а во-вторых, в рамках прогресса можно преодолеть разобщенность людей, добиться всеобщего единства. Но это утопия. Человек обречен на вечный дефицит ресурсов жизни и вечную борьбу (с природой и друг с другом) за существование. В Боге человек находит пристанище, черпает духовные силы, обретает смысл жизни, веру в возможность спасения перед лицом вечной тьмы и пустоты. Вера дает оправдание борьбы людей за выживание и силу в этой борьбе (с природой и другими людьми).

Духовно развитый человек нуждается в вере, но не всегда обретает ее. Человек, доросший до потребности в вере, но не обретший ее, обречен на вечное сомнение и смятение. До веры можно дорасти, обрести и погрузиться в нее, но ее нельзя перерасти, т. е., обретя веру и погрузившись в нее, нельзя выйти или отказаться от нее и даже просто потерять. Тем более веру нельзя поменять, она не может быть истинной или ложной, она либо есть, либо ее нет. Вера в конечном счете состоит не в признании чуда самого по себе, а в признании объективного существования любви и добра, в которые можно только верить. Надо жить по вере, но она не должна быть слепа, нельзя непосредственно и буквально руководствоваться религиозными догмами, потому что в этом случае человеку, по меньшей мере, будет трудно достигать своих целей в жизни, а в худшем случае он рискует превратиться в игрушку в руках зла.

Постоянно стоящая перед человеком проблема выбора – выбор между добром и злом, в котором человек абсолютно свободен. Выбор означает не то, что Бог не все предусмотрел (свободен или несвободен человек от Божественной

предзаданности), выбор в том, по Богу или Дьяволу жить и действовать? Альтернатива здесь проста: человек – живое существо, сначала он должен просто жить, а уж потом переживать. Но именно по вопросу о возможности жизни выстраивается система отношений между людьми. О духовных проблемах можно говорить как о самостоятельных сущностях лишь при решении материальных проблем выживания. Если же духовное сделать независимым, оторвать от материального, то они лишаются оснований и превращаются в обыкновенное кликушество.

Наука не дает ни смысло-жизненных ориентиров существования, будь то отдельный индивид или общество в целом, ни социальной нормативности, источником которой является религия. Важно отметить, что нормативность нужна в дифференцированном обществе, она есть регулятор различия мест в социальном пространстве, а там, где все одинаковы, нормативность не нужна. Религия – не только миф сам по себе, она есть результат обобщения опыта нескольких тысячелетий совместной жизни людей. Рационально социальную нормативность не обосновать именно в силу социальной дифференцированности общества, она может быть всеобщей только в форме мифа. Чем более общество глобализируется, тем более важной становится религиозная функция социализации людей.

Мы, люди XXI столетия, живем в век науки, которая стала главным, если не единственным, источником получения ресурсов жизни. Но наряду с научной заданностью предметного содержания наша жизнь продолжает оставаться религиозно оформленной. Наука обеспечивает материальное наполнение человеческой жизни, открывает источники ресурсов в природе, религия формирует духовную жизнь, указывает объективные основания человеческого способа существования живого, его правил и смысла.

Главный Божественный призыв – любовь. Но техносоциальная формула общества является непреодолимым препятствием всеобщей любви людей друг к другу. Можно сказать, что эту формулу Бог установил для людей в качестве вечного испытания их способности оставаться людьми в условиях бескомпромиссной борьбы за существование. Или он наказал их формулой на вечный бессмысленный труд и вечную гонку друг за другом по раскручивающейся спирали избыточного существования. В таком случае всякая попытка преодоления техносоциальной формулы или установления всеобщего равенства и братства вопреки формуле должна рассматриваться как вызов и бунт против Бога, подавляемый им с помощью все новых и новых испытаний. Или возможна иная интерпретация обреченности людей на бескомпромиссную борьбу друг с другом, на которую их толкает Дьявол искушением к богатству и власти, вопреки Богу, призывающему к любви и смирению. Техносоциальная формула общества делает добродетель всеобщей любви недостижимой, а зло всеобщей борьбы реальным. В обусловленном формулой разделении людей на своих и чужих Бог призывает относиться ко всем людям как к своим, как к целям, а Дьявол искушает отношением к людям как к чужим и в качестве средств.

В соответствии с действием техносоциальной формулы в обществе нет объективно заданных норм истины, добра, красоты, а также противоположных им лжи, зла и уродства, т. е. в обществе нет ничего, кроме совместно живущих и борющихся друг с другом людей. Интеллект, разум есть всего лишь средство их выживания, порождающее в ходе борьбы миф о некой сущности разума как такового, разума самого по себе, будь то объективно существующий абсолют или некий экзистенциал субъективной реальности.

Религия причудливо соединяет в себе отрицание суеверий и колдовства с верой в сверхъестественное. По мере рационализации человеческой жизни, казалось бы, можно предположить эволюцию религии в сторону признания условности чуда и таинства. Однако, во-первых, это была бы уже не религия в строгом смысле этого слова, а во-вторых, сверхъестественна сама человеческая жизнь в той мере, в какой она приобрела сверхприродный характер и не поддается научному объяснению в своей смысло-целевой направленности независимо от успехов науки в познании естественного мира.

Проблема Бога заключается не в признании или отрицании его существования, а в признании или отрицании его необходимости. При абстрактном онтологическом подходе во-

прос о существовании Бога неразрешим, его существование не доказать и не опровергнуть, поэтому спор о нем в таком плане бесполезен. Однако без того или иного допущения не обойтись, поскольку не обойтись без исходных методологической и мировоззренческой посылок. Методологическая посылка необходима для рационального объяснения мира, мировоззренческая – для его социального и экзистенциального рассмотрения. Если Бога нет, значит, в обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов. В модели, признающей абсолютный прогресс, Бог не нужен. В релятивистской модели без Бога не обойтись, потому что он средство оправдания всего, включая саму жизнь.

Таким образом, религия и наука должны быть разведены в сознании людей по разным местам и не мешать друг другу в удовлетворении человеческих потребностей, главной из которых является сохранение и продолжение жизни. В их историческом соревновании объективно не может быть ни победы, ни поражения.

Понятие научного атеизма некорректно, но не потому, что наука отвергает существование Бога, хотя и не может ни эмпирически, ни теоретически обосновать его отрицание, а потому, что наука вообще не занимается трансцендентными сущностями (сверхъестественным). Атеизм самостоятельно выступает от имени науки.

Рациональное, формально-логически последовательное описание человеческого переживания своего существования невозможно, оно само неизбежно будет переживанием. Иначе говоря, описание или объяснение проповеди само неизбежно будет проповедью.

УДК 100.32

О.В. Канунникова

МЕТАЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Одной из актуальных проблем современной философии науки является вопрос о способах образования абстракций в гуманитарном познании. В качестве непосредственного объекта исследования в науках о человеке, культуре и обществе выступает текст как «материя» гуманитарного знания, что создает определенные трудности построения теории и требует «спецификации понятийного аппарата методологии» [1, с. 257]. В связи с этим для развития и осмысления гуманитарных наук необходим поиск особых приемов и процедур образования абстракций, построения гуманитарного теоретического знания.

В истории философии науки в анализе и обобщении знаний о явлениях окружающего мира использовались различные способы и приемы абстрагирования. Классической эпистемологии, главная задача которой разработка норм и правил для обоснования и развития познавательной деятельности, было свойственно применение формально-логического способа образования общих понятий через род и видовое отличие.

Неклассическая теория познания характеризуется расширением предметного поля исследования, изменением понимания степени и характера научности различных форм знания. Поэтому для образования абстракций в гуманитарных науках используется иной способ – метаязык.

Предпосылкой создания метаязыка как способа абстрагирования явились идеи Р. Декарта,

считавшего основным методом научного исследования дедукцию. Однако приступить к использованию этого метода, с его точки зрения, невозможно, пока не будут изучены простые элементы, полученные интуитивно или с помощью индукции. При этом Декарт выдвинул идею критериев определения простых понятий, которые должны быть ясными и неопределимыми. Взяв за основу метод рассуждения от частного к общему, он предложил выделять в сложных задачах простые компоненты, упорядочивать их и выстраивать в строгой последовательности. Суть такого подхода состояла в том, что для получения достоверного знания необходимо было свести «запутанные и темные положения к более простым» [2, с. 91], чтобы в последующем на их основе познать более сложные элементы.

Идея создания понятийных примитивов, простейших концептов-«кирпичиков» для построения и истолкования слов и терминов разрабатывалась также Г.В. Лейбницем. Он был уверен, что традиционный способ образования понятий от вида к роду не дает возможности познать сущность и индивидуальность исследуемого объекта. Лейбниц предложил иную, по сравнению с формально-логической, концепцию создания понятийных примитивов, на основе которых возникают более сложные, подобно тому, как образуются «производные числа из простых» [3, с. 133].

Данный подход, названный Лейбницем методом «универсальных характеристик», предполагал разложение сложных понятий на простые, создание «алфавита человеческих мыслей». При этом каждому простому суждению необходимо было подобрать некий характеризующий его символ по аналогии с китайскими иероглифами, разработать структурирующие принципы, установить правила и методы их использования.

Необходимость создания универсального языка-посредника в философии XX века была высказана и разрабатывалась представителями аналитической философии, которые также признавали иные, кроме формально-логических, способы образования абстракций и стремились построить унифицированный метаязык для решения определенных познавательных задач, перевода естественного языка в идеальный язык науки.

Так, Б. Рассел как один из основоположников логического позитивизма использовал элементарные понятия для построения научного знания, так как сложное должно быть построено из простых компонентов. При этом каждой понятийной единице должен соответствовать особый символ, как в алфавите, где все простые понятия, используемые для построения человеческих знаний, представлены отдельными буквами, с которыми можно обращаться точно так же, как с цифрами. Необходимость создания такого рода абстракций была обусловлена прозаичностью, многозначностью и двусмысленностью обыденного языка. Особенность его состоит в том, что две словесные формы могут иметь одно и то же значение и «в одном языке суждение может быть выражено разными способами» [4, с. 9].

Термин «метаязык» возник в математической логике и был введен представителями Львовско-Варшавской школы аналитической философии С. Лесневским и А. Тарским. Они предлагали использовать в научном анализе два разных языка, один из которых (объектный) является предметом исследования, а в терминах другого формализованного (метаязыка) строится определение истины для него. Впервые четко отделив формализованный метаязык от объектного естественного языка, они аргументировали и условия его построения. Метаязык должен включать в себя переменные более высокого логического порядка, формальные правила, семантические термины, как исходные, так и вводимые посредством некоторых определений. Кроме того, метаязык должен включать средства для описания синтаксиса языка-объекта, при этом его элементы должны быть проще, так как всякое выражение должно переводиться на метаязык.

В современных научных теориях в контексте неклассической теории познания метаязык как способ образования абстракций является своеобразным методологическим инструментом анализа и используется не только в таких разнообразных областях знания, как логика, математика, физика, но и в лингвистике, литературоведении, культурологии, когнитивных исследованиях. Метаязыковые модели строятся в данных науках на основе различных приемов, в том числе с помощью семантических примитивов.

Необходимость использования семантического метаязыка в лингвистике, с точки зрения А. Вежбицкой, обусловлена тем, что он должен служить для описания лексических, грамматических и иллокутивных значений (императив, вопрос), так как нельзя описать мир таким, какой он есть, на естественном языке, изначально задающем свою антропо- и этноцентричную картину мира. Использование метаязыка, основой которого выступают элементарные семантические единицы, примитивы, избавляет лингвистический анализ от «логических кругов и позволяет ясно и строго обрисовать и сравнить все понятия, выраженные в данном языке» [5, с. 329]. Поэтому теория семантического метаязыка Вежбицкой ставит своей задачей выделение таких выражений естественного языка, с помощью которых можно объяснить другие. К подобным исходным семантическим единицам она относит такие, как *я, кто-то, этот, один, думать, говорить* и др.

Метаязык как способ образования абстракций может быть использован в культурологии для сравнения различных национальных культур и характеров. С этой целью в исследовании национальных этносов Вежбицкая предлагает использовать «культурно обусловленные сценарии», небольшие предложения или их последовательности, с помощью которых можно уловить негласные нормы культуры какого-то сообщества и одновременно «представить эти нормы в терминах общих для них понятий» [Там же. С. 393]. Такого рода сценарии отражают негласные правила, лежащие в основе формирования личности, мышления, деятельности. Для каждой культуры они являются специфическими, но могут быть на основе семантического метаязыка обобщены, сопоставлены и интерпретированы.

Так, анализируя культурно-специфические выражения чувств на примере изучения «сценариев китайской сдержанности», Вежбицкая показывает, что, согласно китайской культуре, не следует позволять себе чувствовать «что-то очень плохое» или «что-то очень хорошее» [Там же. С. 395]. В англо-американской культуре, напротив, принято говорить о людях с похвалой – «хорошо часто говорить другим людям что-то вроде: ты сделал (делаешь) что-то (очень) хорошее» [Там же. С. 397], тогда как в японской культуре не говорят похвалу в лицо – «нехорошо говорить другим людям что-то вроде: ты сделал что-то хорошее» [Там же. С. 398]. Для подобного сравнения и сопоставления этносов и используется универсальный семантический метаязык, основой которого выступают лексические универсалии.

Благодаря концепциям метаязыка, разработанным в контексте неклассической теории познания в лингвистике и культурологии, становится возможным применение метаязыковых моделей в других сферах современного научного познания, в частности в когнитивных исследованиях, моделировании естественного интеллекта в искусственном.

Так, исследования, связанные с использованием метаязыка, приобретают актуальность в процессе разработки систем машинного перевода текстов с одних естественных языков на другие, автоматизированного поиска и построения диалоговых вопросно-ответных систем. Для реализации этих задач ведется работа по составлению толково-комбинаторного словаря русского языка, лингвистической модели «Смысл-Текст», по определению базиса языка, его аксиом и элементарных смыслов, благодаря которым описываются более сложные выражения. Лингвистическое описание в таких словарях представляет собой множество правил, заранее установленных средств, позволяющих сопоставлять и сравнивать тексты языка, что дает пользователю возможность лучше понять смысл выражения. Единицей описания в модели «Смысл-Текст» является лексема, а толкование строится как разложение исходных лексических смыслов, приводящее к семантическим атомам – элементарным, далее не разложимым смыслам.

Теория, основанная на метаязыковой модели «Смысл-Текст», используется для построения компьютерных систем и программ, основой которых является абстрагирование или «выбрасывание из конкретных понятий значительной части их содержания» [6, с. 59]. Семантические словари, созданные на базе процесса образования абстракций, позволяют эффективно реализовать разработанные алгоритмы поиска информации в текстах на естественном языке, получать необходимые знания из больших объемов информации и гарантируют высокую

степень точности результата.

На этой основе создаются анализаторы естественного языка, способные извлекать из текста информацию и создавать семантическую сеть, включающую в себя базис языка, классификатор понятий, семантический словарь и технологию анализа. Метаязыковая модель как анализатор естественного языка используется в таких системах анализа текстов, как поисковые сервера, программы слежения за потоками информации, системы документооборота, программы-переводчики, экспертные и обучающие системы.

В когнитивных науках модели метаязыка применяются с целью хранения, передачи, обработки информации, при моделировании естественных интеллектуальных, познавательных, сенсорных способностей человека. В искусственном интеллекте на основе метаязыка и с помощью разработки теорий концептуальных зависимостей, интегральных анализаторов текстов создаются модели, включающие синтез логических и контекстуально-коммуникативных средств анализа языка, процессов понимания и интерпретации, форм межчеловеческого общения, невербальных компонентов речи. Дальнейшее использование метаязыка в сфере информационных технологий связано с необходимостью дальнейшей разработки семантических моделей, позволяющих успешно решать проблемы моделирования сложности и многозначности естественного языка в искусственном интеллекте.

Таким образом, в контексте неклассической теории познания для абстрагирования используется не формально-логический способ, а метаязык. В результате его применения выделяются элементарные, неделимые единицы, семантические примитивы, с помощью которых становятся возможными лингвистический и семантический анализ языков конкретных гуманитарных наук, национальных культур, характеров, моделирование естественного интеллекта в искусственном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Микешина, Л.А.** Категоризация и особенности создания абстракций в гуманитарных науках [Текст] / Л.А. Микешина // Философия науки. Методология и история конкретных наук. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.

2. **Декарт, Р.** Сочинения [Текст]. В 2 т. Т. 1 / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989.

3. **Лейбниц, Г.В.** Сочинения [Текст]. В 4 т. Т. 1 / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1982.

4. **Рассел, Б.** Исследование значения и истины [Текст] / Б. Рассел. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллект. кн., 1999.

5. **Вежбицкая, А.** Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Рус. словари, 1997.

6. **Тузов, В.А.** Компьютерная семантика русского языка [Текст] / В.А. Тузов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.

УДК 330.11.4:001+004.946

Е.В. Малкова

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ: ФЕНОМЕН ВИРТУАЛИЗАЦИИ СТОИМОСТИ

Новый этап развития цивилизации связан с необходимостью возрастания роли философии. Это обусловлено кризисным характером развития науки и общества. В последнее десятилетие возрождается интерес к философии экономики, что определяется появлением новых тенденций социально-экономической практики, обнаруживающих противоречия современной формы хозяйствования.

Большинство развитых стран сегодня стремятся соответствовать инновационной модели развития, предлагаемой авторами теории постиндустриализма. Данный процесс стал еще более очевиден на фоне усиливающейся

кризисности всех сфер общества, в частности экономики как таковой. В системе мирового хозяйства к традиционным и казавшимся достаточно прозрачными секторам материального и нематериального производства добавилась совершенно новая, зачастую мимикрирующая под них, а фактически «проникающая» в них, сфера виртуальной экономики (ВЭ), твердо занявшей позиции нового структурного элемента мировой экономики. Таким образом, объективно возникает целый ряд вопросов, ответы на которые позволят продвинуться в определении ключевых тенденций развития общества:

1) вопрос о собственной сущности ВЭ. Появление ее часто связывают с формированием глобальной виртуальной среды в сфере социально-экономической деятельности людей;

2) на наш взгляд, наиболее важный вопрос о новом качестве современной экономики вообще, о ее внутренних чертах и процессах, приведших к появлению экономической виртуальности;

3) вопрос об изменившемся качестве основных элементов экономической реальности.

Прежде всего рассмотрим основные подходы к определению ВЭ и феномена виртуализации экономической реальности, сложившиеся в науке за последнее десятилетие. Как отмечалось выше, в большинстве трактовок ВЭ в качестве причин возникновения виртуальности в обществе и экономике выступают появление новых компьютерных технологий, формирование IT-сферы, что повлекло собой внедрение интерактивных технологий в экономику, точнее в бизнес-среду. Представители данной точки зрения вынуждены признать, что ВЭ – это чаще всего «электронная коммерция», чем информационное производство. Отметим основные черты такой ВЭ. Во-первых, она предполагает новый тип производственных отношений, для которого характерно «замещение реального продукта процессом трансакций, циркулированием электронно-цифровых потоков данных» и замещение труда «сетью кибернетического знания» [2, с. 144–145]. Во-вторых, основным субъектом ВЭ признается виртуальный класс, образуемый «киберкапиталистами» (термин введен А. Бюлем в работе «Виртуальное общество. Экономика, политика и культура под знаком киберпространства», 1997), т. е. собственниками и управляющими компаний, создающих и применяющих компьютерные технологии. В-третьих, ВЭ – это экономика, в которой создание продукта *замещается* реляционным процессом трансакций посредством компьютерных сетей. В основе функционирования ВЭ лежит рекомбинантная товарная форма (товар в виде электронных сигналов). Факт замещения постепенно превращается в факт использования в экономических процессах компьютерных симуляций, а на фоне поэтапного развития компьютерных технологий делает возможным сетевую организацию управления бизнес-средой, что приводит к децентрализации и гибкости структуры фирмы – участника такой ВЭ и постепенно внедряется в реальную экономическую практику.

Отметим, что при внимательном рассмотрении функционирования электронной экономики становится совершенно очевидно, что она не тотально виртуальна. Электроника и телекоммуникации как основные факторы информационной экономики могут быть отнесены к сфере материального производства, точнее, как считает И.Б. Полюбина [5], к отраслям с преобладающей долей материального капитала. Эти факторы образуют многовариантное поле возможностей для технологий новой экономики. ВЭ является зависимой от сферы материального производства.

Другая часть исследователей связывает появление ВЭ с ослаблением причинно-следственных связей в экономике, а точнее, с нарастанием неопределенности. Наибольшее распространение принцип неопределенности, или индетерминизма, получил в финансовой сфере. Именно финансовая сфера является наиболее информационной, применение автоматизированных технологий в управлении финансовыми потоками позволяет быстро и с минимальными издержками осуществлять финансовые операции. Кроме того, финансовая среда наиболее склонна к фиктивным процессам: раздвоение финансового капитала на действительный и фиктивный. Таким образом, для исследователей, разделяющих данную точку зрения, неизбежно отождествление ВЭ с финансовой экономикой и, более того, сведение экономики к *финансономике* [6, с. 20]. В этой связи виртуализация экономики может рассматриваться как процесс перехода к

постиндустриальным технологиям развития денежного рынка. Среди ключевых особенностей такой ВЭ представителями данного подхода называются высокая степень рефлексивности, нарастающий индетерминизм, симулятивность (замещение реальных финансовых инструментов суррогатными), иллюзорность. Иллюзорность ВЭ заключается прежде всего в проникновении и постепенном смещении мощного сектора материального производства виртуальными экономическими (финансовыми) инструментами, когда реальный процесс создания стоимости в процессе производства товара разрушается и замещается псевдорыночным формированием цены за форму продукта. Следовательно, суть ВЭ лежит в поле самообмана экономики, которая когда-то опиралась на мощный производственный сектор, а произвольное ценообразование позволяло и позволяет до сих пор скрывать процесс разрушения стоимости.

Особое место среди существующих подходов к определению ВЭ занимает концепция известного российского социолога Д.В. Иванова. С точки зрения данного исследователя, ВЭ – это экономика образов, имиджей, симуляций, именно на ее основах строится современная социальная организация. По его мнению, не стоит отдельно строить теорию ВЭ. Для исследователя важнее зафиксировать глобальный процесс изменений, характерный для общества в целом – виртуализацию общества. Последняя предстает перед нами не как единый процесс, а скорее «как серия разнородных, но направленных сходным образом тенденций в различных сферах жизнедеятельности» [1, с. 76]. Экономика является одной из таких сфер, где достаточно выразительно проступает *симуляционная практика*, лежащая в основе всего процесса виртуализации.

В современной, уже сложившейся экономической практике базовыми моментами являются *товар* как вещь, объективные свойства которой есть благо, *инновация* как разработка и внедрение новых товаров, *труд*, как продуктивная деятельность, организованная в определенное время в определенном месте, *платежеспособность* как обладание универсальным вещественным заместителем товаров – деньгами. На этих базовых моментах и строится любая хозяйственная деятельность. В новой экономике эти элементы виртуализируются в связи со смещением акцентов с производства вещи на ее потребление, с превалированием сегмента сферы услуг в структуре экономики. Поэтому проблемой становится не производство товара, а превращение его в предмет потребления. Для потребителя эта проблема выглядит как выбор не товара, а товарного знака, призванного запечатлеть в вещи ее особенность. В общем виде этот факт меняет механизм ценообразования, а главной проблемой здесь становится проблема стоимости: стоимость товара определяется социальным статусом производителя, а не наоборот, как в классическом капитализме. В этом направлении Д.В. Иванов строит собственную концепцию цены (вслед за марксизмом – императив реального производства, маржинализмом – императив потребления и монетаризмом – императив рынка). Автор называет ее виртуализмом. Суть ее в том, что цена есть функция не от стоимости, а от образа стоимости, императив «виртуального» производства. Виртуальность экономики, по Д.В. Иванову, заключается в том, что на рынке обращаются не реальные вещи, а образы товаров и имиджи фирм. Исходя из симуляции производства и стоимости, происходит виртуализация институтов рынка, *виртуализация-симуляция* труда (рабочие места организуются по-новому – вне прикрепленности к какому-либо конкретному месту, вне рамок традиционного «рабочего дня», ради решения стратегической, но единичной задачи).

Виртуализация труда, виртуальная организация работы фирмы или предприятия базируется на стремлении сконструировать некую коммуникационную сеть на основе компьютерных технологий для координации усилий компании. Такая виртуальная компания лишена вертикальной интеграции, центрального офиса, должностной иерархии и других элементов реального предприятия, «исчезает», распадается, как только будет решена фронтальная задача. Все это приводит к виртуализации капитала, природа его складывания спекулятивная; к виртуализации денег, которые из средства платежа превращаются в персонифицированный образ платежеспособности. Симуляция обладания деньгами приводит к *симуляции-виртуализации* финансов и т. д. Компьютеризация повседневной жизни вводит

в обиход виртуальную реальность в качестве компьютерных симуляций реальных вещей и поступков. Важно, например, не только то, что теперь можно совершать покупки с помощью компьютера, подключенного к узлу сети Интернет, но и то, что процесс покупки все чаще организуется как посещение виртуального магазина. Если с помощью изощренной компьютерной графики web-страница продавца симулирует расположение товаров на витрине, их осмотр и обмен на плату в виде банкнот или чека, то это следует трактовать не просто как перенос операции купли-продажи из реального пространства в виртуальное, а как симуляцию институциональной формы товарного обмена. Эта институциональная форма превращает обмен из технической операции в род экономического взаимодействия – исполнение социальных ролей покупателя и продавца. Обмен посредством сети Интернет позволяет совершать обмен без соблюдения этой институциональной формы. Однако с помощью технологий виртуальной реальности воссоздается видимость институциональности обмена. Обмен осуществляется как симуляция – виртуальный аналог реального социального взаимодействия. Общество, в традиционном его понимании, замещается киберпротезом – виртуальным магазином.

Попытка построить некую модель ВЭ как самостоятельного сектора мировой экономики или общую модель «новой экономики», обладающей чертами виртуальности, достаточно сложно в силу «незрелости» самого феномена виртуальности и неоднозначного отношения к нему исследователей и практиков (очень часто за виртуальность, и ВЭ в частности, принимают то, что не имеет прямого отношения к виртуальному). В данной статье мы лишь обозначили наиболее общие подходы к определению ВЭ, существующие в современной социальной науке.

Философское осмысление феномена ВЭ обусловливает постановку целого ряда вопросов. Во-первых, возникает вопрос о собственной природе виртуального. Следовательно, вторым вопросом является признание или отрицание виртуальности экономики, выбор контекста из существующего спектра контекстов и значений виртуального применительно к экономической реальности. Третьим вопросом, раскрывающим острую необходимость и потенциал глубокого философского осмысления современной социальной действительности, является проблема стоимости. Именно постановка и решение проблемы стоимости заключают в себе возможность определить действительные сущностные тенденции развития современного общества.

Анализ представленных подходов демонстрирует, с одной стороны, возникновение в контексте данной проблемы вопроса о новой форме процессов, создающих стоимость. В электронной коммерции стоимость создается не как таковая, а как виртуальная цепочка добавления стоимости. Суть ее заключается не в отражении воплощенного в товаре и овеществленного в нем общественного труда товаропроизводителей, а в повышении ценности товара в глазах покупателя. Виртуальная цепочка стоимости здесь образуется из целого ряда звеньев: поиск, организация, отбор, синтез и распространение информации, технические возможности и условия и т. п. При создании продукта, а точнее информационной услуги, ее стоимость будет расти по мере использования каждого из звеньев всей цепочки добавления стоимости, а также в зависимости от множества факторов (простота поиска, актуальность информации, социальная значимость, технологичность обработки найденной информации, возможность ее трансформации и т. д.). Кроме того, сложность заключается в удвоении рыночного процесса, когда в виртуальном пространстве происходит многократное копирование, умножение реальных процессов с последующим извлечением прибыли.

С другой стороны стоимость «исчезает», оказывается неуловима. Точнее, она в негативном смысле виртуальна, так как равна субъективным ожиданиям участников экономических отношений и в то же время не соразмерна реальному экономическому благу. Так, стоимость, создаваемая производными бумагами, может быть совершенно не связана со стоимостью, создаваемой первичными ценными бумагами.

Внедрение и активное использование новейших информационных технологий в экономической и социальной практике привели к изменению бизнес-ландшафта, а значит, привычных параметров основных элементов экономики. С приходом электронной экономи-

ки (коммерции) производство, а с ним и процесс создания стоимости фактически ушли на второй план и даже растворились. По мнению экономистов, в связи с требованиями современности к трансформации бизнеса приходит этап декапитализации производства. Наиболее успешны сегодня те участники рынка, которые имеют небольшой капитал, но при этом владеют брэндом. Производство в этих условиях рассредоточено на метарынке – во взаимодействии с внешними структурами, и сводится к формированию комплектов систем, узлов, поставляемых широкой сетью других внешних структур. Соответственно в данных условиях трансформации экономики процесс создания стоимости перестает быть очевидным и растворяется (фактически не измерим) в сети метарыночных связей.

Если обратиться к традиционному реальному сектору материального производства, то и там стоимость «невидима», и речь может идти в лучшем случае о себестоимости. Новая ВЭ, таким образом, ставит нас перед проблемой «исчезновения» или трансформации стоимости.

Для нового общества характерно разрушение пропорциональности между вещественным и стоимостным богатством, разрушение, разложение капитала, что влечет за собой появление идей «исчезновения стоимости» и «неэкономического общества». Однако не стоимость исчезает, исчезает ее исторически привычная форма – товарная стоимость, которая становится фактически невозможной в условиях возникновения новой исторической формы материального труда, названного К. Марксом автоматизированным, научным, всеобщим трудом. Концепция всеобщего труда получила свою разработку в трудах Пермской философской школы. Всеобщий труд историчен, в настоящее время он предстает перед нами в двух формах, несущих всеобщие и исторически конкретные черты: *услуги* (труд по оказанию услуг) и *компьютерный труд* [3]. Компьютерный труд, труд по производству информации – это и есть материальный, глубоко насыщенный научным знанием труд, представляющий собой производство *абстрактных материальных структур* (хоть и осознаваемых в идеальной форме). Информация выступает субстанцией стоимости и, вероятно, может выступать непосредственной мерой всеобщего труда. Как отмечает В.В. Орлов, будущее возможно за новой информационной теорией стоимости, которая может формироваться как «современная форма трудовой теории стоимости, вполне укладывающаяся в общую трудовую парадигму марксизма» [4, с. 242].

Виртуальность современной экономики, демонстрируя иллюзорность и симулированность социально-экономических процессов (благодаря «скрытым», свернутым, «невидимым» в пространстве-времени, имитируемым и симулируемым на базе компьютерных, информационных технологий экономическим отношениям), в то же время фиксирует расширение границ и способов функционирования экономической реальности. За тиражируемыми характеристиками виртуальной экономической реальности, такими как психологизм, рефлексивность и индетерминизм, скрывается мощь новой формы материального труда, потенциал развития общества.

Определение природы и тенденций современного феномена стоимости – задача социально-экономической науки, требующая интеграции исследовательского ресурса философии и экономики. Решение ее приблизит общество к более явному видению сценария экономического будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Иванов, Д.В.** Виртуализация общества [Электронный ресурс] / Д.В. Иванов // Социология и социальная антропология. – СПб., 1997. – Режим доступа: http://NetHistory.Ru/biblio/1043175151.html (дата обращения 28.09.2010).

2. **Гэдди, К.Дж.** Российская виртуальная экономика [Электронный ресурс] / К.Дж. Гэдди, Б.В. Икес. – Режим доступа: http: // www.wshs.org/ru/2004/jun2004/virtj30_prn.html (дата обращения 28.09.2010).

3. **Орлов, В.В.** Философия и экономика. «Рамочная» философская концепция современной трудовой теории стоимости [Текст] / В.В. Орлов // Новые идеи в философии: актуальные проблемы научной философии (Мат. Общерос. науч. конф. Пермь, 16–17 апреля 2003 г.). В 2 т. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. – Вып. 12. – Т. 1. – С. 5–25.

4. **Орлов, В.В.** Философия экономики [Текст] / В.В. Орлов, Т.С. Васильева. –Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. – 266 с.

5. **Полюбина, И.Б.** Инновационная экономика: зарубежный опыт и проблемы развития в России [Электронный ресурс] / И.Б. Полюбина. – Режим доступа: http://www.dofa.ru/Dumnaja/5_ISER/polubina.doc. (дата обращения 29.09.2010).

6. **Потемкин, А.П.** Виртуальная экономика и сюрреалистическое бытие: Россия. Порог XXI века. Экономика [Текст] / А.П. Потемкин. – М.: Инфра-М, 2000. – 592 с.

УДК 321.02 + 141.319.8 +316 (045)

М.Д. Рослякова

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА: ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В настоящее время феноменология может и должна рассматриваться не только как часть истории философии, объект исследования, практика рефлексии и анализа сознания, но и как методология, которая может быть применена в решении различных теоретических и практических исследовательских задач. В частности, она получила признание в психологии, психиатрии, социологии и может применяться в других гуманитарных дисциплинах. В данной работе мы попытаемся показать, что феноменология может быть использована в анализе способов конституирования политического субъекта в сфере реальной политики.

Говоря об особенностях феноменологического метода как анализа сферы политического, следует отметить, что основное место в нем отводится рефлексивному анализу общих оснований политики, особенностей политической экзистенции человека, а также существенных черт, определяющих человека как политического субъекта. При этом подчеркивается главенствующая роль действия как реализации человеческих способностей и возможностей.

Проблема конституирования политического субъекта подробно разбирается французским философом Полем Рикёром, который исследует ее в русле феноменологической герменевтики, пытаясь выстроить «обобщающую концепцию человека XX века» [1, с. 7].

Начиная свои рассуждения, Рикёр говорит о соотношении политики, этики и морали и предлагает употреблять термин «этика» по отношению к сфере блага и термин «мораль» по отношению к сфере долженствования. С его точки зрения, *этика не может обойтись без морали*, поскольку наше стремление к благой жизни не освобождает от императивности по той причине, что существует насилие, которое один человек может совершить по отношению к другому, т. е. сфера морали оказывается необходимой как сфера запрета или обязательств [Там же. С. 2]. Рикёр считает, что человек определяется главным образом своими способностями, *которые достигают полной реализации только в условиях политического существования*, иначе говоря, в условиях общественного состояния, и рассматривает человека, существующего в сфере политического и только там получающего возможность наиболее полно реализовать свои способности и возможности. Здесь он следует логике Аристотеля, называя человека «политическим животным».

Для доказательства этого философ проводит краткий анализ структуры того, что можно назвать индивидуальной или личностной

идентичностью. Поясняется данная структура с помощью серии вопросов, содержащих местоимение «кто»: «Кто именно говорит?», «Кто совершит то или иное действие?», «О ком повествует эта история?», «Кто несет ответственность за данный поступок или причиненный ущерб?» [1, с. 3].

1. Вопрос «Кто говорит?» является наиболее простым, если сравнивать его с другими вопросами, употребляемыми в мире языка. Лишь тот, кто способен указать на самого себя в качестве автора собственных высказываний, может дать ответ на этот вопрос и назвать самого себя «Я».

2. Второй этап формирования самости вводится вопросом: «Кто является автором этого действия?». Нужно определить того, кто совершает что-либо в качестве агента, которому может быть приписано это действие и на основании этого вменено в ответственность в моральном и юридическом плане.

3. Далее Рикёр говорит о «*повествовательном аспекте идентичности*». Здесь имеется в виду умение повествовать о своей жизни и тем самым формировать собственную идентичность, основанную на воспоминаниях: «я могу рассказать о себе» [2, с. 32].

Связующим звеном между сферой этики, политики и морали, с точки зрения Рикёра, является *справедливость*. Справедливость имеет отношение к общественным институтам в той мере, в какой последние рассматриваются с точки зрения распределения ролей, задач, преимуществ или потерь, испытываемых членами общества *при условии наличия желания жить вместе, которое превращает общество в единое целое, основанное на сотрудничестве*. И общество, рассматриваемое под таким углом зрения, является *политическим обществом* [1, с. 35].

Здесь необходимо вернуться к определению политического субъекта, становление которого предполагает, по Рикёру, *диалогичность* [2, с. 16]. Он пишет, что самость формирует свою идентичность только в структуре отношений, где диалогическое измерение преобладает над монологическим. Рикёр различает понятия «другой» и «другие». «Другой» – это субъект межличностных отношений, встреч «лицом к лицу», отношений «Я» и «ТЫ», где правила общения диктуются дружбой, любовью и прочими типами «особого» отношения к человеку. Термин «другие» может быть замен термином «любой» или «каждый», т. е. он имеет отношение к сфере дистанцированных отношений в обществе, определенных правилами общественных институтов, а не межличностного общения. Именно на этом уровне, с точки зрения Рикёра, происходит становление справедливого, поскольку эти отношения являются именно общественными. Они подразумевают равное и беспристрастное отношение к другому субъекту политического общения.

Эти черты можно назвать также основными характеристиками «человека политического», поскольку полную реализацию они получают только в сфере политики.

Итак, П. Рикёр делает акцент на тройственной основе – лингвистической, практической, повествовательной, – на которой конституируется этический субъект, могущий существовать только в обществе, а точнее, в рамках справедливых социальных институтов. Такое существование, с его точки зрения, предполагает, во-первых, диалогичность, т. е. такое отношение к Другому, при котором он воспринимается как равный мне, а во-вторых, справедливость как связующее звено между сферой морали, этики и политики.

При этом важным моментом в конструировании идентичности политического субъекта Рикёр считает нарративную идентичность как способность именовать себя, быть субъектом истории и способность быть субъектом собственных действий, считать себя автором своих поступков: человек осознает, что является субъектом деятельности, за которую несет ответственность.

В представлении Рикёра сфера политического – область наиболее полной реализации человеческих способностей, а сама область политики рассматривается как основанная на наличии желания людей жить вместе, превращающего общество в единое целое, основанное на сотрудничестве.

Для сравнения можно привести точку зрения немецкого политолога и юриста Карла Шмита. Он также говорит о несомненной важности способности (и возможности)

субъекта принимать решения, которая и делает его субъектом политики, политическим сувереном. Но Шмитт говорит не о любом решении, принимаемом государством или другим субъектом политики (хотя о других субъектах, помимо государства, он лишь вскользь упоминает), а том, что является специфически политическим решением, конституирующим саму область политики, – о различении «друга» и «врага». С его точки зрения, реально значимой является возможность определять врага и бороться с ним, заключать политические союзы, а также распоряжаться жизнью других людей и объявлять войну. Когда государство или народ утрачивают право в определении своего политического врага, они перестают быть политическими суверенами [3, с. 31].

С точки зрения Шмитта, политика характеризуется скорее как политическая противоположность – самая интенсивная, самая крайняя, до которой все другие противоречия – экономические, этические, национальные – могут обостряться, и тогда они становятся собственно политическими.

Однако оба иследователя сходятся в одном выводе, что объявление чего-то или кого-то «неполитическим» есть уже само по себе политического решение.

В целом предпринятая попытка феноменологического анализа конституирования политического субъекта дает важное следствие: объявление чего-то или кого-то «неполитическим» есть уже само по себе политического решение. Мы не можем просто сказать, что с завтрашнего дня перестаем участвовать в политической жизни своей страны, своего народы и т. п. Это будет политическое заявление. Причем решение выйти из политической системы не гарантирует автоматически такого выхода, оно лишь исключает человека из числа субъектов политики и оставляет право принимать политические решения за другими.

Так же как с позиции Ж.-П. Сартра сознательный отказ человека от своей свободы будет свободным выбором, так и сознательное решение не участвовать в политической жизни будет политическим выбором, за который, как и за всякое другое политическое решение, мы будем нести ответственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Рикёр, П.** Герменевтика. Этика. Политика [Текст]: лекции и интервью / П. Рикёр. – М.: Academia, 1995. – 160 с.

2. **Он же.** Справедливое [Текст] / П. Рикёр. – М.: Гнозис; Логос, 2005. – 304 с.

3. **Шмит, К.** Политическая теология [Текст] / К. Шмит. – М.: Канон-Пресс, 2000. – 336 с.

УДК 299.18

Р.В. Шиженский

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ ОСНОВЕ СЛАВЯНСКОЙ ВЕРСИИ INDIGENOUS RELIGIONS

Появление на Украине в середине 30-х, а в России в конце 70-х годов XX века религиозного феномена, известного как славянское неоязычество, родноверие, традиционализм и т. п., предопределило формирование в среде последователей современного нативизма своего собственного религиозно-философского базиса. Важнейшим элементом восстанавливаемого языческого мировоззрения становится своеобразный «понятийный блок», включающий три категории: «Явь», «Навь» и «Правь». По мнению немногочисленных исследователей данного

вопроса и нашим собственным наблюдениям, рассматриваемые философско-теологические понятия нашли благодатную почву практически во всех крупных folk religion организациях и объединениях России и Украины. Несмотря на свою общепризнанность и популярность, «Явь», «Правь» и «Навь» не диахронны, не синергетичны. Они не имеют единого для всего языческого мира XX–XXI веков объяснения. Данные дефиниции по-разному понимаются и трактуются идеологами конструируемого славянского язычества. Обзор родноверческих нарративных источников позволяет выделить ряд версий, раскрывающих значение этих концептов.

Наиболее распространенной трактовкой исследуемых религиозно-философских (квазифилософских) понятий, придающей последним оттенок деификации, является представление о «Яви», «Прави», «Нави» как о трех мирах славянского мифологического миропонимания. В проектируемом мифологическом «трехмирье» «Правь» – мир светлых богов, «Навь» – обитель темных божеств, «Явь» – земной мир, мир людей [3, с. 95–96; 4, с. 21].

Кроме мифологических миров, искомые понятия отождествляются также с категориями формирующейся философии славянского языческого эпохэ [16, с. 201], в которой «Прави» отводится роль божественного закона, «Явь» предстает как ощущаемый мир, «все проявленное», «Навь» – мир существующий, но недоступный нашему пониманию, «вся совокупность тонких планов Бытия».

Данные термины фигурируют и как важнейшие составляющие человеческого индивида. По мнению составителей «Календаря важнейших украинских народных праздников 2006–2007 гг.», «Правь» отвечает за моральное состояние человека, «Явь» – за его материальный достаток, «Навь» – за культуру и знания [11, с. 20–21]. Волхв Велеслав соотносит три искомых концепта с особенностями строения человеческого тела: «Правь» – чело, «Явь» – плечи, «Навь» – живот [4, с. 428]. В примечаниях к своему переводу «Велесовой книги» А.И. Асов приводит целый перечень возможных трактовок «Яви» и «Нави»: мужское и женское начало, день и ночь, смерть и жизнь, разумное и животное. В итоге своих многочисленных рассуждений автор принимает решение о соотношении «загадочной тройки» с триединым богом Родом: «Явь – это Отец, Навь – Сын, Правь – Дух» [1, с. 282–283]. Для обоснования философской составляющей рассматриваемых понятий часть писателей от альтернативной религиозности обращается к опыту Востока и находит аналоги «Яви», «Прави» и «Нави» в текстах Ригведы, учении о чакрах и т. д.

Предварительная критическая экспликация изложенных выше гипотез приводит к следующему результату: первая теория наиболее близка к широко распространенным среди мифологических систем народов мира представлениям о мироздании, мировом порядке, трехчастном делении пространства. Укладывается в «историческую версию» и представление некоторых адептов автохтонной религиозности о «Яви», «Прави» и «Нави» как об основополагающих частях Мирового древа [3, с. 95; 9, с. 50]. Примечательно, что дальнейшему структурированию в рамках «трехмирья» подвергается лишь нижний мир – «Навь». Приверженцы современного язычества делят «Навь» на две части: «Светлую Навь» (как вариант – Ирий Небесный, мир Слави) и «Темную Навь» (Пекло). Подобное деление нижнего мира находит объяснение в новой языческой мифологии. Согласно представлениям Велеслава – волхва общины «Родолюбие», «Темная Навь» – местопребывание неразвитых душ, «Светлая» – местопребывание святых душ предков [4, с. 188, 499]. Волхв Богумир дает другую трактовку мирам «Нави»: «Светлая Навь – это обитель нерожденных душ... Темная Навь – пристанище лихих духов и душ кривдников (грешников)» [3, с. 95].

Возможно, в основу современной градации потустороннего мира легли представления древних скандинавов о мироздании. В силу сохранности и относительной доступности скандинавских источников славянские натуропаты очень часто используют «мифологический багаж» северных соседей для сравнения, а иногда и для полного копирования. Кроме изначального Мирового древа, в качестве примера трехчастного деления Вселенной родноверы Украины используют и знаменитый Збручский идол [9, с. 133].

Остальные версии представляются искусственными теолого-философскими конструкциями, не имеющими под собой какой-либо исторической и религиозной основы. Несомненно, современным языческим прозелитам требуется расширить круг содержательных характеристик утверждаемого ими мифического миропорядка. Отсюда и попытки ремифологизации, стремление к реституции язычества, упорное желание части нативистов внедрить в сознание верующих целый комплекс новых религиозно-мифологических конструкций. Стремление связать представление о «Нави», «Яви» и «Прави» с инородными философскими концепциями. Другая часть пантеистической и панентеистической элиты, отвергая влияние «извне», путь заимствования и возможной реконструкции, избирает легкий путь «мифологического сочинительства».

По воле фолк-вождей языческое славянское «трехмирье» находится под покровительством целого пантеона божеств. Следует отметить, что «полномочия» богов в деле создания мироздания, контроля над ним, а также индивидуальная связь мифологических сущностей с конкретными мирами у языческих диаспор Украины и России весьма разнится. Демиургами «Яви», «Нави» и «Прави» считаются боги Род и Сварог. Защитниками и хранителями трехмирья большинство славянских адептов indigenous religions признает Перуна, Святовита. Велес – единственное божество, ассоциируемое практически у всех «этнофоров от язычества» с загробным миром «Нави». Медиатором между небесным и земным миром выступает Симаргл, посредники между миром людей и загробным миром – птицы. Встречается и более массовое деление богов по «царствам». По мнению Иггельда и Велемудра, представляющих родноверческое объединение «Круг Бера», в «Яви» господствуют Световит, Радегаст, Даждьбог Сварожич. В свою очередь «Правь» закреплена за Стрибогом, Сварогом и Перуном. Иными представляют богов верхнего мира родноверы Украины. По мнению Г. Лозко, в царстве «Прави» размещаются Лада, Даждьбог, Перун и Макошь. Подобные расхождения встречаются весьма часто.

Еще одним «ноу-хау» современных последователей язычества является соотношение трех исследуемых терминов с понятием «триглав». В языческих нарративах «триглав» выступает, как правило, в двух вариантах: непосредственно как воплощение трех искомых миров (Яви, Прави, Нави), либо как триединое божество (Сварог-Перун-Велес, соответственно Правь-Явь-Навь).

Приведенный выше материал позволяет сделать ряд выводов.

1. До сего дня нативистские объединения, отдельные лидеры этнически направленных течений Украны и России как внутри республик, так и на международном (восточнославянском) уровне не смогли выработать единой концепции, общей модели, объясняющей пропагандируемые ими религиозно-философские ценности. В основе данного утверждения лежат:

• отсутствие четкого понятийного аппарата, раскрывающего суть важнейшей терминологии – мировоззренческого базиса «Яви», «Прави», «Нави»;

• тщетные попытки современных языческих дидаскалов «населить неомифологические миры» при помощи собственных домыслов и конструкций вымышленным пантеоном, включающим в общинах России и Украины совершенно разных богов.

2. Несмотря на свою молодость, славянский нативизм двух последних веков сумел в общих чертах выстроить свою собственную религиозную систему и успешно ею манипулировать. Последствия социально актуализированной религиозной проповеди отразились в появлении новых религиозных праздников (Свято Прави), в названиях неоязыческих общин (славянская родноверческая община «Единство Прави», поселок Московский), религиозных школ (высшее духовное учебное заведение ПРАВь: Православная родноверческая академия вероведанья, Украина, г. Хмельницкий), оздоровительных методиках и даже в трактовке государственной символики [9, с. 150; 11, с. 18–19]. Успех по внедрению «неомифологических терминов» стал настолько ощутимым, что под влияние «Яви», «Прави» и «Нави» попала даже научно-публицистическая литература, в частности значительное количество всевозможных словарей, справочных

изданий по верованиям древних славян. К примеру, в «Словаре славянской мифологии» Е.А. Грушко и Ю.М. Медведева, имеющем гриф «Рекомендовано в качестве учебного пособия по русскому языку, литературе и истории в средних школах, колледжах, гимназиях и высших учебных заведениях», языческая религиозная «тройка» заявлена как «олицетворение времени в славянской космогонии» [5, с. 452], и таких примеров десятки.

Источниковая база рассматриваемых терминов крайне слаба. Если не брать во внимание фантастические версии идеологов indigenous religions (автохтонная, туземная религиозность) по поводу зарождения понятия «Прави» как универсального закона ариев в VI–III тысячелетиях до н. э. среди племен трипольской культуры, сохранения законов «Нави», «Прави» и «Яви» в вышивках украинских рушников и, наконец, сближения славянского «Явь» с семитским «Яхве», то важнейшим и практически единственным источником, фиксирующим все три искомые дефиниции, является знаменитая фальсификация середины XX века – «Влесова книга». В многочисленных изданиях, авторских переводах этого «древнейшего памятника славянской письменности» понятия «Яви», «Прави» и «Нави» встречаются не единожды. Как правило, информация автора о рассматриваемых мифологических образах носит спорадический характер и представляет собой небольшие вкрапления в основное повествование. В большинстве случаев «Явь», «Навь» и «Правь» упоминаются составителем «Влесовой книги» во время прославления того или иного божества, во время свершения важнейших, переломных событий. В целом, как и все произведение, строки, посвященные исследуемым понятиям, крайне неинформативны, туманны и бедны фактологически. В качестве примера приведем несколько отрывков авторских переводов «Влесовой книги», посвященных этиологической легенде искомой темы: «Явь – это текущее, то, что сотворено Правью. Навь же – после нее, и до нее есть Навь. А в Прави есть Явь» [1, с. 73]; «Так если сказано о нашем Диде, смерть есть Явь, потому что она текущая. Творение происходит в Прави. Нави небо есть в Прави. До того есть Навь и после того есть Навь. В Прави же есть Явь, поучимся старому» или «Явь есть текущая, а сотворена в Праве. Наве бо есть по той: до той есть Нава и по той есть Нава, а в праве есть Явь». Приведенный материал не только не проливает свет на раскрытие религиозно-философского значения «Яви», «Прави», «Нави», но и позволяет утверждать, что многочисленные продолжатели, последователи автора фальсификации, стараясь добавить в текст свою собственную «интеримарную изюминку», еще больше запутывают и без того сложный клубок «Влесовой книги» в общем и рассматриваемых терминов в частности.

Следует отдельно отметить и тот факт, что апологеты «Влесовой книги» не всегда могут дать точную трактовку «загадочной тройки». Так, Б.А. Ребиндер, опираясь на предшествующие переводы Лазаревича, Соколова, Кирпича, анализируя текст дощечки «6 В», содержащей слово «Явь», поставил напротив данного незнакомого определения знак вопроса, да и сам автор нашумевшего «памятника» Ю.П. Миролюбов [6, с. 235], упоминая «Явь», «Правь» и «Навь» в своих многочисленных сочинениях, пишет о том, что, несмотря на прилагаемые им усилия, он не смог «разыскать даже следов подобных верований в народе» [14, с. 245].

Примечательно, что и некоторые современные сторонники язычества (либо люди, сочувствующие его возрождению) признают искусственность, надуманность как минимум двух из трех терминов, выдвигаемых представителями от славянской фолк-религиозности. Составители словаря «Русское языческое мировоззрение», касаясь понятий «Яви» и «Прави», заявляют о том, что данные понятия «ни в одном из достоверных источников “в чистом виде” не встречаются» [12, с. 131, 187]. Данное предположение подтверждается и отсутствием упоминаний о «мире земном и мире божественном» в исследованиях отечественных мифологов и в большинстве справочных изданий. Справедливости ради следует отметить, что ряд словарей (словарь В.И. Даля, С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова) содержат слово «явь». Однако трактовка данного понятия ничего общего с религиозно-философскими построениями «патриархов» языческого эпохэ не имеет.

Сложнее дело обстоит с исторической судьбой «Нави» – родноверческого потустороннего мира бога Велеса. Составители упоминавшегося выше словаря «Русское языческое мировоззрение» считают «Навь» достоверным, «законным понятием» русского мифологического мировоззрения, имеющего исторические корни. Согласно их версии, «Навь» – это «мир «не явленный», невидимый, «не-явь»; часто – «мир мертвых» или собственно сам мертвец [12, с. 113]. Действительно, слово, близкое к «ново-языческой Нави» – миру мертвых, упоминается как в нарративных источниках, так и в славянском фольклоре – «навье», «навьи» и т. п. Этот термин приводят и авторы «Русского языческого мировоззрения», но почему-то в самом конце статьи, не акцентируя на нем должного внимания. «Навьи» как персонифицированные образы смерти известны по данным древнерусских летописей. В Лаврентьевской летописи о них упоминается дважды: в 1089 году в связи с приходом митрополита Иоанна – «се навье пришел» – и в 1092 году, когда загадочные навьи били жителей Полоцка [8, с. 208, 215]. Информацию о «навиях», «навьях» содержат и поучения против язычества св. Григория и св. Иоанна Златоуста. В них сообщается о молении навьям в бане. Е.В. Аничков, зафиксировавший данный обряд в начале XX века, предполагает, что эти моления сопровождались также обильными пиршествами. В болгарском фольклоре навьи – «птицеобразные души умерших, летающие по ночам, в бурю и дождь, “на злых ветрах” и кричащие, как голодные ястребы. Крик или пение этих птиц означает смерть. Нави (наваци) нападают на беременных женщин и детей, сосут их кровь, пьют молоко скотины. Их описывают в виде огромных голых птиц или в виде голых петухов размерами с орла». Опасными для человека качествами наделяют навий и жители Карпат [2, с. 246]. В смоленской традиции одно из имен водяного, также отнюдь не миролюбивого мифологического персонажа, звучит как «навной» [7, с. 455]. Разбирая этимологическое значение слова «навь» (навье, навей, навы, навей), часть ученого сообщества, наряду с другими значениями искомого понятия (мертвец, могила, корабль, душа и т. д.) считает «навь» и миром мертвых [10, с. 231; 15, с. 35]. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что данный термин использовался именно для обозначения мифических существ, насылавших на людей болезни и смерть. Дальнейшая конкретизация образа приводит к интереснейшей дилемме: считать «навов» мертвецами, заложными покойниками или бестелесными духами, приведениями? Вслед за профессором А. Соболевским, выдвинувшим свою версию разрешения данного вопроса в конце XIX века [13, с. 79], мы считаем, что изначально славяне представляли «навье» как вредоносных (?) духов (душ), время от времени тревожащих людей. В пользу подобного предположения говорит и присущий славянам обряд кремации, исключающий версию погребения тела умершего и превращения его во вредоносного заложного покойника. Признание за «навьями» качеств мифологических существ, а не загробного мира восточных славян (в качестве преисподней, того света слово «нав» засвидетельствовано в древнем чешском языке) [15, с. 35] ставит точку в вопросе «подлинности» третьего, «нижнего» неоязыческого мира.

Не вызывает сомнений факт существования у древних славян развитой мифологической системы с вполне сформированной иерархией божеств, структурированной системой мироздания и т. п. К сожалению, значительная часть языческого наследия восточнославянского мира была утеряна и воссоздается, реконструируется исследователями по отдельным рудиментам с использованием целого комплекса научных методик. Разработка современными языческими общинами России и Украины своего собственного религиозно-мифологического базиса, в том числе конструкция миров «Яви», «Прави» и «Нави», в большинстве случаев не имеет под собой сколько-нибудь значимой историко-культурной основы и вносит элементы инверсии и девальвации в сложнейший процесс поиска и восстановления религиозных основ восточнославянских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Асов, А.И.** Велесова книга [Текст] / А.И. Асов. – М.: Менеджер, 1994. – 320 с.-

2. **Бердник, Г.О.** Знаки карпатської магії: таємниця старого мольфара [Текст] / Г.О. Бердник; – К.: Гамазин, 2008. – 352 с.

3. **Влх. Богумир.** Родна Вера. Источник счастья [Текст] / Влх. Богумир. – Хмельницкий: Духовное издание Родового Огнища Родной Православной Веры, 2007. – 100 с.

4. **Велеслав.** Учение волхвов: Белая книга [Текст] / Велеслав. – М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2007. – 632 с.

5. **Грушко, Е.А.** Словарь славянской мифологии [Текст] / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – Н. Новгород: Русский купец и Братья славяне, 1996. – 476 с.

6. Козлов, В.П. Хлестаков отечественной «археологии», или три жизни А.И. Сулакадзева [Текст] / В.П. Козлов // Что думают ученые о «Велесовой книге». – СПб.: Наука, 2004. – 238 с.

7. **Криничная, Н.А.** Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов [Текст]. В 3 т. Т. 1 / Н.А. Криничная. – СПб.: Наука, 2001.

8. **Лаврентьевская** летопись / О.В. Творогов. – М.: Языки рус. культуры, 1997. – 738 с.

9. **Лозко, Г.** Коло Свароже [Текст] / Г. Лозко. – Київ: Український письменник, 2005. – 222 с.

10. **Нидерле, Л.** Славянские древности [Текст] / Л. Нидерле. – М.: Алетейа, 2000.- 592 с.

11. **Поліщук, М.І.** Календар визначних українських народних свят [Текст] / М.І. Поліщук. – Луцьк: Твердиня, 2006. – 23 с.

12. **Русское языческое мировоззрение**: пространство смыслов. Опыт словаря с пояснениями [Текст] / под ред. С. Ермакова. – М.: Ладога-100, 2008. – 208 с.

13. **Соболевский, А.** Навье и Верзіулово коло [Текст] / А. Соболевский // Рус. филол. вестн. – Варшава, 1890. – Т. XXIII.

14. **Творогов, О.В**. «Влесова книга» [Текст] / О.В. Творогов // Тр. Отдела древнерус. лит. – Л.: Наука, 1990. – Т. XLIII. – С. 170–254.

15. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка [Текст]. В 4 т. Т. III / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1987.

16. **Ямурзин, А.А**. О некоторых аспектах современного состояния язычества в Башкорстане (на примере язычества мари) [Текст] / А.А. Ямурзин // Вестн. Башкир. ун-та. – 2007. –№ 1.

УДК 82-1 Галич

Р.Ш. Абельская

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ: РОЖДЕНИЕ ОДНОГО ОБРАЗА

К осмыслению творческого наследия Александра Галича, чьи стихи и песни были под запретом в советский период, филологическая наука, по сути, только приступает. За двадцатилетие, прошедшее со времени появления первых публикаций до сего дня, о Галиче написано несколько десятков научных статей, воспоминаний, вышло несколько сборников его стихов, прозы, драматургических произведений. Разумеется, это только начало пути – Галич во многом остается загадочной фигурой в литературе второй половины XX века. Сама проблематика, связанная с его творчеством, определилась лишь в общих чертах. В настоящей работе через частный вопрос об истоках одного поэтического образа предлагается выход на актуальную проблему, вызывающую сегодня общественный и научный интерес, – о возможности утверждения этического идеала с помощью всепобеждающей силы искусства.

Когда речь идет о поэте, особое внимание привлекает тема его взгляда на природу и назначение поэзии. Для Галича этот вопрос решался в первую очередь как этический: поэт воспринимал его через призму своих христианских представлений о правде и справедливости. При этом в некоторых статьях, где рассматривалась проблема этических и религиозных взглядов А. Галича, высказывалась мысль о том, что его православие во многом осталось внешним по отношению к иудаизму, воспринятому в детстве, в семье [1, 11].

В настоящей работе мы намерены взглянуть на творчество Галича с точки зрения, скорее, эстетической (хотя и неразрывно связанной с этикой) – а именно проследить истоки одного «пленительного и негромкого» образа его поэзии, тоже идущего из детства и до сих пор остававшегося в тени его более броских «публицистических» образов и метафор.

Этот образ неожиданно возникает в стихотворении-песне «От беды моей пустяковой...» и не повторяется в других произведениях:

От беды моей пустяковой
(Хоть не прошен и не в чести),
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!.. [4, с. 365]

Песня по характеру напоминает заклинание, с помощью которого поэт пытается воскресить полузабытые детские воспоминания, всплывающие в памяти в самую трудную минуту жизни, когда его исключили из Союза писателей, а вслед за тем из Союза кинематографистов (эту обиду он помнил до конца своих дней):

И тогда, как свеча в потемки,
Вдруг из дальних приплыл годов
Звук пленительный и негромкий
Тростниковых твоих ладов [Там же. С. 366]

Стихи посвящены матери, и этим подчеркивается реальный – из детских лет – источник таинственного образа и связанных с ним ассоциаций:

...Свет ложился на подоконник,
Затевал на полу возню,
Он – охальник и беззаконник –
Забирался под простыню.

Разливался, пропахший светом,
Голос дудочки в тишине...
Только я позабыл об этом
Навсегда, как казалось мне [Там же. С. 365]

О детстве поэта известно немного. Судя по воспоминаниям современников, несмотря на свою общительность, он был человеком закрытым: «Саше сопутствовала некоторая таинственность. Он не любил говорить о делах и обстоятельствах своей жизни. <...> За ним не угадывалось детства, школы, он был человеком с Луны, сейчас бы сказали – инопланетянин. Отец у него хозяйственный работник: не то заместитель министра, не то завскладом, не то коммерческий директор завода; мать в консерватории вроде, не поет и не играет, а ведет концерты, по другим сведениям – администратор» (*из воспоминаний Ю. Нагибина*) [Там же. С. 35].

По словам дочери поэта А. Архангельской, «со стороны деда, Аркадия Самойловича Гинзбурга, все были врачи, а с бабушкиной – буржуи, фабриканты. И когда дед с бабушкой собрались пожениться, обе стороны, проявив редкое единодушие, выступили против их брака. Пришлось пожениться вопреки воле родителей. Через некоторое время у них родился мальчик, которого назвали Сашей» [2, с. 102].

Семья будущего поэта жила в Екатеринославе (ныне г. Днепропетровск), входящем в черту оседлости для еврейского населения. Согласно переписи 1897 года, в городе проживало более 40 тыс. евреев (36,3 % всех жителей) [9]. Это означает, что родители Галича росли и воспитывались в еврейской среде и под влиянием еврейской традиции. Условия, в которых начиналась жизнь будущего поэта, можно представить следующим образом: отец и мать А. Галича «были людьми довольно образованными и интеллигентными. <...> Можно уверенно утверждать, что в их семье, как и во многих подобных, знали языки идиш и украинский, немного древнееврейский... но с детьми, да и между собой говорили по-русски» [11, с. 21].

Опубликованы две фотокопии: свидетельство о рождении Александра Гинзбурга (на идише) с подписью раввина и справка с печатью екатеринославского раввината о том, что «у Арона Гинзбурга и жены его Фейги 20/7 октября 1918 г. родился сын, которому дано имя “Александр”. Вписан в трудовую книжку матери. 14/XII – 20 г.» [5, с. 400].

Эти документы дают, во-первых, аутентичные имена родителей поэта, во-вторых – время переезда семьи из Екатеринослава в Севастополь: не ранее декабря 1920 года. Переезд, по-видимому, скорее напоминал бегство из-за обстановки хаоса, погромов и непрерывных военных действий, державших в страхе мирное население.

Об ощущениях людей в атмосфере тех лет можно судить по воспоминаниям матери поэта, Фанни Борисовны, в пересказе младшего брата А. Галича – Валерия: «Как рассказывала моя мама, страх начался в гражданскую войну – сначала боялись петлюровцев, потом органов надзора, потом НКВД, потом уже и начальников отдела кадров. Страх проедал все, уровень этого страха мельчал, начинали бояться соседа за стенкой» [8, с. 513]. Переезд именно в Севастополь не был случайностью – в семье обсуждалась, но была отвергнута идея эмиграции. Разговор родителей на эту тему – одно из первых сознательных впечатлений поэта [6].

После решения остаться в России вектор устремлений семьи Гинзбургов естественным образом переориентировался, и в 1923 году семья переехала в Москву, где будущий поэт погрузился в атмосферу русской литературы, в первую очередь благодаря дяде – известному пушкинисту. Очевидно, с этого времени день его рождения стал отмечаться в семье не 20-го, а 19 октября – в день пушкинского Лицея [4, с. 13].

Итак, Галич появился на свет и рос в интеллигентной еврейской семье, каких немало было в крупных городах юга и запада Российской империи в начале XX века. Революции 1905 и 1917 годов всколыхнули и частично разрушили мир «черты». Часть еврейской интеллигенции эмигрировала – одни в Америку, другие в Палестину, – а многие из тех, кто остался, были настроены более на ассимиляцию и активное восприятие русской культуры, чем на сохранение национальных традиций. Это в полной мере относится к обстоятельствам взросления Галича. Он с наслаждением постигал русскую литературу, он сформировался русским поэтом, и многочисленные явные и скрытые аллюзии из русской поэзии в его песнях это подтверждают.

Однако его стихи, посвященные матери, содержат своеобразный «еврейский код», который позволяет приблизиться к источнику интересующего нас образа – мальчика с дудочкой.

Поэт адресовал матери две песни. В передаче радио «Свобода» (от 5.10.75), которая называется «Разговор с матерью», звучит его «Песня про острова». Галич предваряет ее следующими словами: «...И еще я вспоминаю, когда-то очень давно... мы жили в Севастополе... И вот тогда уезжали многие мои родичи, уезжали навсегда из России. И я помню, как мой отец, – это, пожалуй, одно из первых моих воспоминаний, – ...пришел и сказал: “Знаешь, давай и мы уедем”. – И ты сказала: “Нет, это наша родина. Мы отсюда не уедем. Мы попробуем здесь жить, как нам ни будет трудно”. <...> ...Я спою тебе песню, которую ты любила... сегодня я еще раз повторю ее специально для тебя» [6].

Фанни Борисовне нравилась песня о далеких «островах», где нет болезней и отчаяния, где торжествуют совесть и правда. И в них нетрудно узнать «землю обетованную» – существующую от века еврейскую грезу.

«Песня про острова» известна в нескольких вариантах. В заключительной строфе первого из них были строки:

Где не от лености и не от бедности
И нет и не было черты оседлости! [10, с. 18]

В варианте, исполненном на радио «Свобода», эти строки отсутствуют, зато во второй строфе появились другие, еще более определенно, хотя и закодированно, маркирующие «землю обетованную»:

Где виноградные
На стенах лозаньки... [6, с. 128]

Виноградная лоза как метафора земли Израиля многократно упоминается в Библии, но об этом в советское время было известно лишь немногим «посвященным», «своим». Таким образом, еврейская тема уходит в подтекст, становится потаенной, домашней, хранящей материнское тепло. В песне она не называется прямо, а передается через понятные только близкому человеку символы.

Мы вправе предположить, что и второе стихотворение («От беды моей пустяковой...») можно прочитать тем же способом, так как, во-первых, ему предпослано прямое посвящение «*моей матери*», во-вторых, оно, как и предыдущее, вписано в контекст детства.

В одном из лирических эссе барда С. Чеснокова, посвященном творчеству Галича, пересказывается «хасидская легенда» о том, как мальчик, играя на дудочке, вымолил у Всевышнего прощение для всех людей. Автор эссе любезно указал нам на источник, где он обнаружил эту историю, – биографический роман И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь»:

«Проходя мимо “Ротонды”, я увидел на террасе знакомое лицо: это был поэт Перец Маркиш... <...> За его столиком сидели... писатель из Польши Варшавский и художник, фамилию которого я забыл. <...> Не то Варшавский, не то художник рассказал историю о дудочке. Это была хасидская легенда... Легенду я запомнил и включил потом в мою книгу “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца”; книга эта малоизвестна, и я перескажу историю.

В одном из местечек Волыни был знаменитый цадик – так называли хасиды подлинных праведников (хасиды – сторонники хасидизма, религиозно-мистического течения в иудаизме, возникшего в первой половине XVIII века среди еврейского населения Волыни, Подолии и Галиции. – *Р. А.*). В местечке, как и повсюду... неправедных было вдоволь. Настал Судный день, когда, по верованиям религиозных евреев, Бог судит людей и определяет их дальнейшую судьбу. В Судный день они не едят, не пьют, пока не покажется вечерняя звезда... <...> Цадик просил Бога отпустить людям грехи, но Бог прикидывался глухим. Вдруг тишину нарушила маленькая дудочка. Среди бедноты, стоявшей позади, был портной с пятилетним сынишкой. Мальчику надоели молитвы, и он вспомнил, что у него в кармане грошовая дудочка, которую ему купил накануне отец. Все накинулись на портного: вот за такие выходки Господь покарает местечко!.. Но цадик увидел, что суровый Бог не выдержал и улыбнулся.

Вот и вся легенда. Она взволновала Маркиша, он воскликнул: “Да это об искусстве!..”» [14, с. 154–155].

В том, что Галич прочитал «Люди, годы, жизнь» в первом издании, нет ни малейшего

сомнения. Он был книжником со времен ранней юности, о чем рассказал в автобиографической повести «Генеральная репетиция» [5, с. 343]. Свидетельствуют об этом и люди, близко его знавшие, например Р. Орлова: «Саша читал массу книг на трех языках. Долгие его болезни – по книге в день» [8, с. 448]. Высказывания поэта и его знакомых подтверждают и другую истину: Галич читал книги И. Эренбурга еще до войны и вспоминал их автора в одном ряду с очень известными именами. Подобный случай описан М. Грином, общавшимся с поэтом в 1942 году и запомнившим его слова: «Так хочется поехать в Париж, пройти по улицам, описанным Дюма, Бальзаком, Гюго, посидеть в каком-нибудь кафе, как это написано у Эренбурга» [8, с. 380].

Более того, Галич был лично знаком с Эренбургом, не раз общался с ним, вел доверительные беседы [8, с. 410]. Зная все это, трудно представить, что поэт не читал самого обсуждаемого в среде интеллигенции тех лет произведения И. Эренбурга. Но в таком случае образ мальчика с дудочкой мог иметь не столько национально-религиозный (нравоучительная сказка, услышанная в детстве от матери), сколько культурологический источник («Да это об искусстве!..»). Однако, как это часто бывает, поэзия объединила в себе, казалось бы, несоединимые элементы, переплавив их в единое целое.

С одной стороны, текст стихотворения прямо связывает образ мальчика, играющего на дудочке, с далеким забытым детством, что подтверждается и картиной-воспоминанием («Свет ложился на подоконник, / Затевал на полу возню...»), и соответствующими эпитетами: «Не искал я твой *детский* след...»; «Вдруг из *дальних* приплыл годов...»; «Я под наигрыш этот *детский*...», и осознанием собственной греховности: «О тебе я не помнил, *каюсь*»; «И, как все горожане, *грешен*» (курсив наш. – *Р. А.*). Мотив покаяния и греха непосредственно соотносится с нравоучительной хасидской сказкой, посвящение матери – с общими воспоминаниями о детских годах поэта.

Таким образом, речь в стихотворении идет о духовном спасении, путь к которому был указан в детстве, но поэт им пренебрег. Символом детства – материнского мира, духовной родины – становится мальчик с дудочкой, единственный, кто знает этот путь. Обращаясь к матери, Галич говорит о том, что понятно только им двоим – о знакомой с детства еврейской сказке.

С другой стороны, это стихотворение о спасительности искусства. С помощью одного «взмаха пера» поэт превращает образ мальчика с дудочкой из сугубо национального в общекультурный и синкретический.

У Эренбурга говорится о «маленькой», «грошовой» дудочке и ни разу не употребляется эпитет «тростниковая». Нет его и в романе «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца», где герой сказки играет на «жестяной дудочке» [15, с. 206].

Сказка о мальчике с дудочкой известна очень давно как одна из историй об основателе хасидизма, прозванном Баал Шем Тов (Владеющий Благим Именем, сокращенно – Бешт). Именно так – Бештом – называет его Лазик Ройтшванец в романе Эренбурга. В книге «Люди, годы, жизнь», адресованной не только еврейской, но и более широкой – советской, а также мировой – читательской аудитории, за евреев в Судный день молится не Бешт, известный лишь в пределах еврейского мира, а обобщенный цадик (праведник). В фольклорных вариантах мальчик играет на «маленькой свистульке» из неназванного материала [3, с. 81], в другом изложении – на «деревянной дудочке» [7, с. 222].

Хасидские истории в течение столетий передавались из уст в уста, поэтому существовали во множестве вариантов. Могла ли в каком-либо из них фигурировать *тростниковая* дудочка?

Дудочка, вырезанная из тростника, встречается и в славянском фольклоре, и в античных мифах. В том и в другом случае семантика этого образа связана со смертью. В русской сказке пастух вырезает дудочку из тростинки, выросшей на могиле убитой девушки, и дудочка, если в нее подуть, рассказывает о совершенном преступлении [12, с. 282].

В древнегреческом мифе Пан делает флейту-сиринкс из тростника, в который превратилась нимфа Сиринга, спасаясь от его преследований [13, с. 419]. Таким образом,

помимо мотива смерти, тростниковая флейта Пана оказывается связанной еще и с мотивом распутства (впрочем, как и сам образ Пана, ставший в ренессансных аллегориях олицетворением этого мотива [Там же. С. 418]).

Подобная семантика, закрепленная в языческом и христианском фольклоре, противоречит дидактическому смыслу хасидской сказки – по существу, притчи – из цикла историй о праведнике Беште. Поэтому отсутствие в еврейских вариантах такого материала, как тростник, не кажется нам случайным.

Пан и менады с флейтами-сиринксами составляли свиту Диониса [Там же. С. 90] – бога вина и музыки. Вероятно, по этой причине – и во многом благодаря Ницше, воспевшему дионисийское вдохновение, – в европейской культуре тростниковая флейта приобрела дополнительный смысл – она стала одним из символов искусства.

После чтения процитированного выше эпизода из воспоминаний И. Эренбурга у Галича мог родиться образ, включающий коннотацию всепобеждающей силы искусства. В этом случае «мальчик с дудочкой тростниковой» представляет собой органический сплав двух символических образов – наивного ребенка из хасидской сказки, чья мольба о спасении достигает слуха Всевышнего быстрее, чем лицемерные молитвы взрослых, – и античного божества с тростниковой флейтой, символизирующей могучую силу искусства, которое рано или поздно победит неправду.

Собственно говоря, мальчик с тростниковой дудочкой – это и есть сам поэт, соединяющий в себе – не всегда гармонично – домашний, хранимый от посторонних глаз мир еврейского детства с русской и европейской культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абельская, Р.Ш.** Он понял правду как служение (А. Галич о предназначении поэта) [Текст] / Р.Ш. Абельская // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2009. – № 4 (68). – С. 175–182.
2. **Архангельская, А.** Когда я вернусь [Текст] / А. Архангельская // STORY. – 2008. – Май.
3. **Бубер, М.** Хасидские предания: первые наставники [Текст] / М. Бубер – М.: Республика, 1997.
4. **Галич, А.** Облака плывут, облака [Текст] / А. Галич; сост. А. Костромин. – М.: Локид: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 496 с.
5. **Он же.** Я вернусь [Текст] / А. Галич. – М.: Искусство, 1993. – 400 с.
6. **Он же.** Я выбираю свободу [Текст] / А. Галич // Глагол. – 1991. – № 3. – С. 127–128.
7. **Еврейские** сказки [Текст] / сост. Я.Л. Либерман. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001.
8. **Заклинание** Добра и Зла [Текст] / сост. Н.Г. Крейтнер. – М.: Прогресс, 1991. – 576 с.
9. **Краткая** еврейская энциклопедия: [Текст]. В 11 т. / гл. ред. И. Орен (Надель). – Иерусалим; М., 1976–2005. – Т. 2. – Кол. 361.
10. **Крылов, А.Е.** Песня про острова [Текст] / сост. А.Е. Крылов // Галич: новые статьи и материалы. – М.: ЮПАПС, 2003.
11. **Либерман, Я.Л.** Еврейство и христианство Александра Галича [Текст] / Я.Л. Либерман // Веси. – 2008. – № 9. – С. 20–26.
12. **Русские** народные сказки [Текст]. В 3 т. Т. 1. / сост. Ю.Г. Круглов. – М.: Сов. Россия, 1992.
13. **Холл, Дж.** Словарь сюжетов и символов в искусстве [Текст] Дж. Холл. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 656 с.
14. **Эренбург, И.Г.** Люди, годы, жизнь [Текст]. Кн. 3–4 / И.Г. Эренбург. – М.: Сов. писатель, 1963.
15. **Он же.** Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца [Текст] / И.Г. Эренбург. – М.: Сов. писатель : Олимп, 1991.

УДК 811.11+821.111+821.161

Н.В. Васенева

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ Б. ШОУ И Л.Н. ТОЛСТОГО

На современном этапе развития литературоведения актуален интерес к осмыслению проблем межкультурной коммуникации с акцентированием ментальных аспектов рецепции. Межнациональные связи русской и английской литератур всесторонне исследовались и продолжают изучаться отечественными литературоведами. В этом отношении осмысление эстетического и художественного диалога Б. Шоу (1856–1950) с русской литературой имеет бесспорную научную актуальность.

Эстетика и драматургия Б. Шоу сыграли важную роль в мировой культуре, способствуя развитию «новой драмы». Английский драматург стоял у истоков многих театральных течений XX века, прежде всего аналитического театра и театра абсурда. В современном отечественном литературоведении меняются акценты и ориентиры в изучении эстетики и художественного наследия этого писателя: если в советской науке Шоу воспринимался как художник-социолог и сатирик, то современные исследователи видят в нем аналитика. В современной науке эстетика и драматургия Шоу изучаются в контексте магистральных философских и художественных направлений модерна, в частности ницшеанства. В российской науке к изучению диалога Б. Шоу и русской культуры обращались такие исследователи, как А.С. Ромм, С.С. Динамов, П.С. Балашов, З.Т. Гражданская, И.Б. Канторович, В.И. Кравченко, А.Г. Образцова, Н.М. Назаров, Г.П. Немец, В.В. Чумак и др.

Б. Шоу познакомился с произведениями Л.Н. Толстого, как только они были переведены на английский язык. Э. Моод, пропагандист творчества русского писателя в Англии, во многом способствовал этому. Пересылая Толстому письма и пьесы английского драматурга, он играл роль посредника между Толстым и Шоу. Часто посредником между писателями выступал В. Чертков, проживавший в Лондоне русский эмигрант, издатель и переводчик Л.Н. Толстого. Письма, которые Шоу писал Черткову, отсылались Толстому. С пьесами Шоу русский писатель знакомился в подлиннике, не дожидаясь перевода, и делал на полях свои пометы [1, с. 11–12].

Л.Н. Толстой был убежден в том, что современная английская литература излишне обращена к внешним сторонам жизни человека, в то время как русская литература нацелена на постижение вечных религиозных и философских проблем. Русский классик воспринимал литературное служение как духовное просвещение, продолжая традиции логоцентрической культуры: «Слово – выражение мысли, мысль – проявление Божественной силы» [2, с. 294].

Эстетика Б. Шоу и его выработанная теория драмы сложились под влиянием принципов эстетики Г. Ибсена и Л.Н. Толстого. Их творчество способствовало развитию аналитического стиля английского драматурга, стремлению раскрыть глубины внутреннего мира человека, обличить фальшь современного общества, учитывая конкретные условия социальной, исторической действительности. Шоу стала близка этико-философская и сатирическая направленность творчества Толстого. Влияние его на драматургию Шоу проявилось в различных формах в конце 1890-х годов и стало магистральным в 1900-е годы.

Аллюзии и реминисценции с произведениями Толстого в пьесах английского драматурга развиваются в качественно новом ценностном ключе. Это скорее не заимствования, а диалог. Английский драматург, обращаясь к художественному миру Толстого, ищет мировоззренческие точки соприкосновения, созвучия в оценке человека и общества.

В 1898 году был опубликован перевод трактата Л.Н. Толстого «Что такое искусство», выполненный Э. Моодом. Английский драматург откликнулся на это событие рецензией, в которой разделил мнение Толстого о том, что искусство – это не источник наслаждения, его задача будоражить, активизировать интеллект и бороться с насилием в любых его формах. Толстой понимал насилие широко и многообразно:

внутри семьи, в пределах одного государства, в отношениях между народами. Насилие для неразрывно связано с суевериями государства и Церкви, которые разобщают людей. Русский писатель проповедовал: «Суеверие государства состоит в вере в том, что необходимо и благотворно, чтобы меньшинство праздных людей властвовало над большинством рабочего народа» [2, с. 6]. Искусство должно активно способствовать устранению социального и духовного зла. Данное духовное подвижничество было близко английскому драматургу, который отстаивал идеал свободной, духовно и интеллектуально развитой личности.

Эстетический диалог Б. Шоу и Л.Н. Толстого получил свое продолжение после того, как русский писатель создал свой критический очерк «О Шекспире и о драме» (1903), изданный на английском языке в 1907 году. Пьесы Шекспира определяли главным образом английский сценический репертуар. Театр нуждался в новом репертуаре и в новых идеях и художественных принципах. Толстой и Шоу отрицательно высказывались относительно мифологического возвышения Шекспира, который воспринимался большинством теоретиков искусства и критиков в качестве незыблемого авторитета, критиковали его с общих исходных позиций, но взаимных влияний друг на друга не было. В данном случае возникла близость историко-литературных позиций. Оба писателя выступили против непререкаемого эстетического авторитета мирового значения для того, чтобы доказать, что в художественном творчестве нет идеалов на все времена, что каждая эпоха порождает свои авторитеты.

В 1908–1910 годах, в конце жизни русского классика, между писателями устанавливается личный контакт, нашедший свое выражение в переписке. Л.Н. Толстой читал не только пьесы Б. Шоу, но и его публицистические, социологические работы, в частности очерк «Неприемлемость анархизма» («The impossibilities of anarchism»), в котором Шоу выступал за идейный социализм, против стихийного анархизма. В декабре 1906 года Шоу через Моода передал Толстому текст своей новой пьесы «Человек и сверхчеловек», рассчитывая укрепить взаимопонимание и получить поддержку. Толстой ответил письмом от 17 августа 1908 года, Шоу ответил ему письмом от 14 февраля 1910 года, одновременно послав Толстому свою пьесу «Разоблачение Бланко Поснета». За несколько месяцев до смерти Толстой написал еще одно письмо английскому драматургу [1, с. 42].

В предисловии к пьесе «Человек и сверхчеловек» Шоу упоминает имя Л.Н. Толстого дважды: в первый раз, когда пишет о художниках и философах, миросозерцание которых в той или иной степени близко ему: «Гете, Шелли, Шопенгауэр, Вагнер, Ибсен, Моррис, Толстой и Ницше – вот авторы, чье странное ощущение мира мне кажется более или менее подобным моему собственному» [3, с. 375], а во второй раз, когда выстраивает периодизацию художественной и критической мысли XIX века. Значимо, что английский драматург ставит Толстого в один ряд с ярчайшей фигурой «новой драмы» – Г. Ибсеном.

Л.Н. Толстой неоднозначно оценил присланную ему пьесу. Он принял главный идеологический посыл пьесы Шоу, отметив ее интеллектуальную глубину, парадоксальность, но в то же время неровность стиля и содержания. В письме от 17 августа 1908 года Толстой заверил Шоу, что особенно внимательно отнесся к отмеченным им местам – «Сцене на небесах» и приложению, названному «Справочником революционера-любителя». Толстой оценил образ Дон Жуана, в котором раскрывается стремление «познать в себе волю Бога и исполнять ее» [4, с. 646].

В «Справочнике революционера» Толстому очень импонировало критическое отношение Шоу к цивилизации и прогрессу. Русский классик почувствовал общность взглядов с английским писателем в отношении к цивилизации: «...Та совершенно справедливая мысль, что, сколько бы то и другое ни продолжалось, оно не может улучшить состояние человечества, если люди не переменятся» [Там же]. Размышления Шоу о цивилизации близки мыслям Толстого о суеверии науки. Близкой Толстому показалась и идея о life-force (жизненной силе), которая в пьесе Б. Шоу объяснялась с позиции эволюционного подхода и материализма. Витализм Толстого также исходил из того, что в основе бытия лежит сила, отождествляемая с Богом: «Всемирное, невидимое начало это, дающее жизнь всему

живому, сознаваемое нами в самих себе и признаваемое в подобных нам существах – людях, мы называем душою, само же в себе всемирное невидимое начало это, дающее жизнь всему живому, мы называем Богом» [2, с. 5]. Толстой считал должным следование мировому закону любви, духовного самосовершенствования, а не материалистическому «половому отбору». Писатель не принял в присланной пьесе Шоу ее материалистических тенденций.

В письмах Л.Н. Толстого к Б. Шоу мы видим доверительный диалог, раскрытие системы философских, жизненных принципов. В частности, в письме Толстого, написанном в апреле 1910 года, подчеркивается, «что проповедь добра обыкновенно мало действует на людей и молодые люди считают достоинством все то, что противоречит этой проповеди» [4, с. 707].

Размышляя о жанре трагикомедии, взаимодействии комического и трагического, Б. Шоу сопоставляет драматургию Г. Ибсена и Л.Н. Толстого. Он заостряет внимание на «комедийном методе» Толстого: «Нет такого драматурга, чье прикосновение было бы губительней, чем прикосновение Толстого, когда он хочет что-нибудь разрушить. Примеры этого есть в любом его романе» [5, с. 524]. Английский драматург сопоставляет стиль русского писателя с творческой манерой Ч. Диккенса и подчеркивает аналитическую и психологическую глубину Л.Н. Толстого, который при помощи художественных деталей способен раскрыть сущность человеческого характера.

В своих критических отзывах о пьесах Толстого Б. Шоу подчеркивал как их мировоззренческое своеобразие, идейную направленность, так и художественное исполнение, особенности образной системы. По мысли Шоу, в драматургии русского писателя раскрывается уродливость и лицемерность современных нравов, духовная кризисность русского дворянства. Он почувствовал автобиографизм драматургии Толстого, а также «великую разрушительную социальную силу», таящуюся в его творчестве, в его трагикомедиях, где обнажено «ничтожество и абсурдность праздной и высокомерной жизни, ради которой мы жертвуем собственной честью и счастьем наших близких» [Там же].

Драматургия русского писателя стала хорошо известной в Западной Европе, где пьесы Толстого ставились в ведущих театрах при жизни автора. В его пьесах проявляется стремление к прямому дидактизму и тяготение к эпичности. Действие в них охватывает большой временной отрезок, течет не столь стремительно и концентрируется вокруг стержневых сцен. В драмах русского писателя герои и персонажи представлены в единстве с бытом, средой, которые повлияли на их становление. С одной стороны, герои пьес Толстого обладают определенной заданностью, с другой стороны, в них проявлен внутренний конфликт.

В своих пьесах, как и в «народных рассказах», Толстой стремился быть понятным народу и созвучным народной этике. Содержательная драматургия его обращена к религиозно-этическим проблемам, отсюда обилие библейских аллюзий и реминисценций. Пьесы «Плоды просвещения», «Власть тьмы» Толстой писал языком, который, по мнению автора, был понятен народу, отсюда обилие просторечной, диалектной лексики, пословиц и поговорок. Так, например, в качестве речевой характеристики героев в драме «Власть тьмы» служат бранные выражения: «паралик ее расшиби» (Матрена), «уж постыл мне мой-то кобель носатый» (Анисья). В художественное целое пьес русский классик вводит народные песни и обряды, в частности свадебный обряд в драме «Власть тьмы».

По проблематике, стилю, композиции пьесы Л.Н. Толстого глубоко связаны с его эпическими произведениями. Так, в драме «Живой труп» один из героев носит фамилию Каренин, а действие начинается с речи Анны Павловны, образ которой созвучен образу Анны Павловны Шерер.

Источниками сюжетов драм «Власть тьмы» и «Живой труп» послужили уголовные дела и судебные процессы. В пьесе «Власть тьмы» цензура усмотрела проявления безбожия и безнравственности, поэтому к постановке на сцене она была разрешена только в 1895 году. Стержневыми в этой драме являются евангельские реминисценции, проявляющиеся в названии, эпиграфе, взятом из Евангелия от Матфея, в речах героев. Народная пословица «Коготок увяз, всей птичке пропасть» выражает ключевую этико-религиозную проблему – раскрытие разрушительной силы порока, приводящего человека к духовной смерти. Уже в земной жизни

Анисья и Никита актуализируют адское начало, не случайно Акулина называет их «псами» и «дьяволами».

Представление о нравственном идеале в драме сосредоточено в людях старшего поколения – Петре и Акиме. В начале драмы мы видим, как патриархальный миропорядок дома Петра разрушается изнутри страстями, грехом прелюбодеяния. Сила похоти Анисьи не менее страшна, чем безнравственность и слабость Никиты перед грехом. Никита выступает в роли орудия чужих и собственных страстей. Значимой деталью является то, что этот герой работал на железной дороге («чугунке»), которая в фольклорном сознании соотносится с дьявольской силой. У Никиты, как и у Анисьи, один грех влечет за собой другие: прелюбодеяние жены хозяина и слуги, отречение Никиты от поруганной девушки, убийство Петра, прелюбодеяние Никиты с дочерью Петра – Акулиной, убийство прижитого с ней ребенка, пьянство – вот цепь взаимообусловленных грехов. Логическим завершением цепочки этих грехов и пороков выступает близость Никиты к совершению самоубийства. Аким точно подмечает, что его сын потерял образ Божий, стал хуже зверя: «Завяз ты, Микишка, в грехе... Завяз ты, погруз ты, значит» [6, с. 63]. Марина также называет Никиту «зверем».

Однако в отличие от Анисьи Никита сумел покаяться перед миром, ближними и Богом, не смог вынести греха. Он не только кается на миру, но и берет всю вину на себя и готов пострадать, чтобы искупить совершенные грехи. Толстой продолжает евангельскую традицию в восприятии страстей и грехов, изнутри губящих человека. Злые помыслы и соблазны разжигаются в драме искусителями, прежде всего Матреной, и страстями других людей. С темой метафизического зла в драме неразрывно связано зло социальное: деньги, банк, город. Толстой не оправдывает своих героев ни средой, ни обстоятельствами. На примере образа Марины он подчеркивает, как человек, согрешив, все же обретает свой дом, семью и не желает больше подвергать свою душу греху. В драме раскрывается общинная психология русского крестьянства, выявляются ее концепты (мир, баба, мать сыра земля).

Драма Л.Н. Толстого «Живой труп» в художественном отношении ближе поэтике «новой драмы», в ней мы видим глубокое психологическое портретирование образа главного героя – Федора Протасова, который служит вариацией тем лишнего человека и страдающего дворянина. Конфликт в этой драме имеет как внешние формы, так и внутренние (стремление главного героя преодолеть гнетущее его состояние неприкаянности, пустоты, лицемерия общества). Федор Протасов далеко не положительный герой: он сам повинен в том, что обрек себя и своих ближних на моральные страдания. Даже самоотречение и любовь цыганки Маши не могут принести ему отдохновения. Двенадцать картин данной драмы проясняют ее этико-религиозное звучание: главный герой пьесы не находит положительного разрешения своей судьбы, не прозревает ее евангельский смысл. Федор стремится полностью убежать из социального мира, семьи – в песнях цыган ему открываются красота степной воли, естественность и простота. Однако духовная мертвенность не позволяет герою полноценно жить и любить. Если мнимое самоубийство главного героя происходит тайком, то реальное – на миру, в суде. Сцены следствия и суда раскрывают ущербность, театральность и аморальность социального суда. Сатирическое изображение следствия и суда в драме «Живой труп» созвучно роману «Воскресение». Более страшным для главного героя драмы становится суд его совести.

Л.Н. Толстой с присущим ему мастерством художественной детали раскрывает духовную слабость и лицемерие Каренина, Абрезкова. Внешний лоск, образованность, соблюдение норм приличий скрывают их внутреннюю мертвенность. За благородными порывами этих персонажей скрываются эгоистические амбиции, за внешней религиозностью – косность взглядов.

Диалог Б. Шоу с Л.Н. Толстым происходил в период творческих экспериментов английского драматурга, когда он открыл новые грани природы театральности. Английский художник стремился к сближению драматического и эпического родов литературы, к ориентации текста пьесы не только на сценическую постановку, но и на аналитическое прочтение, и в связи с этим художественное наследие русского писателя приобрело для него

особую значимость. Пьесы Шоу, как и драматические произведения Толстого, достаточно «эпичны»: они написаны прозой, герои пьес английского драматурга говорят на повседневном языке. Шоу не предпосылает пьесе обычного перечня действующих лиц, а представляет их при первом появлении резкими и характерными штрихами, которые создают не только яркий портрет, но и передают черты характера. Сценическое пространство многих пьес Шоу созвучно пространственным образам классического европейского романа: часто действие его драматических произведений протекает не в замкнутом помещении, а в саду, на террасах, на улице и т. п. Иронические и символические ремарки в пьесах Шоу выполняют ту же функцию, что и художественные детали в прозе Толстого.

Драматургия Шоу и Толстого глубоко социальна: в их произведениях современное общество изображается погрязшим в грехах и пороках. Для большинства героев этих писателей важен не человек, а его социальный статус и материальный достаток, гарантирующие, по их мнению, счастливую жизнь. Так, в комедии «Плоды просвещения» лакей Григорий, влюбленный в горничную Таню, смеется над ней, так как она предпочла ему человека, стоящего ниже его по социальной лестнице и гораздо беднее его, – Семена-буфетчика. В драматургии Толстого, как и в его поздней прозе, проявлена чудовищная бездна между крестьянами, рабочими и теми, кто обладает политической и экономической властью. В комедии «Плоды просвещения» Григорий, споря с лакеями, подчеркивает: «Отчего ж не разбирать, разве мы не люди? Это они думают, что мы не понимаем» [6, с. 181].

Генри Хиггинс в комедии Шоу «Пигмалион» абсолютно не считается с Элизой, потому что она всего лишь цветочница: «Пикеринг, как мы поступим с этим пугалом? Предложим ей сесть или вышвырнем ее за окно?» [7, с. 225]. Профессор Хиггинс предстает в комедии в роли демиурга, ставящего смелый эксперимент по преображению простого человека, судьба которого совершенно ему безразлична. В пьесах Шоу, как и в драматургии Толстого, важную смысловую нагрузку несут название, подзаголовок, имена героев и персонажей. Так, название пьесы Толстого «И свет во тьме светит» подчеркивает веру автора в духовное преображение личности. Название драмы Шоу «Дом, где разбиваются сердца» фокусирует ключевую философскую проблему пьесы, кризисность европейской культуры и интеллигенции.

Итак, Б. Шоу вступил со Л.Н. Толстым в последовательный эстетический и художественный диалог. Обращение английского драматурга к творчеству Толстого шло в контексте его изучения русской культуры, романной традиции. Все это во многом способствовало тому, что ключевой характеристикой театра Шоу стала эпичность. В вопросах эстетики Шоу и Толстой были близки по многим позициям, в частности в отрицании «хорошо сделанных пьес», в утверждении высокого социального назначения театра, в сближении сфер трагического и комического.

Б. Шоу стала близка проработка системы художественных деталей, помогающих раскрыть внутренний мир героя в прозе Л.Н. Толстого. Функцию таких эпических образных деталей выполняют ремарки в пьесах английского драматурга. Он, как и Толстой, стремится к речевой индивидуализации героев и персонажей. Творчество Толстого способствовало развитию аналитического стиля английского драматурга, его стремления раскрыть глубины внутреннего мира человека, обличить фальшь современного общества. И Толстой и Шоу провозглашают ценность человеческой личности, ее духовного мира и свободы.

Однако эстетическая и художественная близость русского и английского драматургов не умаляет сущностных расхождений в их взглядах. Б. Шоу выступал за развитие интеллектуального театра идей, доктрин, в то время как Л.Н. Толстой в своей драматургии стремился к раскрытию религиозно-этического учения. Все это говорит о том, что диалог Шоу и Толстого раскрывает диалог английской и русской культурных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Образцова, А.Г.** Бернард Шоу и русская художественная культура на рубеже XIX–XX вв. [Текст] / А.Г. Образцова. – М.: Наука, 1992. – 358 с.
2. **Толстой, Л.Н.** Путь жизни [Текст] / Л.Н. Толстой. – М.: Республика, 1993. – 432 с.
3. **Шоу, Б.** Полное собрание пьес [Текст]. В 6 т. Т. 2 / Б. Шоу. – Л. : Искусство, 1979. – 703 с.
4. **Толстой, Л.Н.** Собрание сочинений [Текст]. В 22 т. Т. 19/20 / Л.Н. Толстой. – М.: Худож. лит., 1984. – 879 с.
5. **Шоу, Б.** О драме и театре [Текст] / Б. Шоу. – М.: Иностр. лит., 1963. – 640 с.
6. **Толстой, Л.Н.** Собрание сочинений [Текст]. В 22 т. Т. 11 / Л.Н. Толстой. – М.: Худож. лит., 1982. – 503 с.
7. **Шоу, Б.** Полное собрание пьес [Текст]. В 6 т. Т. 4 / Б. Шоу. – Л. : Искусство, 1980. – 654 с.

УДК 7.033.2...7

М.А. Венщиков

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РОСПИСИ ХРАМА БОГОМАТЕРИ ОДИГИТРИИ (АФЕНДИКО) В МИСТРЕ

Во время правления Андроника II Палеолога, императора Византийской империи в 1282–1328 годах, отмечался расцвет византийской монументальной живописи, что было обусловлено проявлением интереса к художественному наследию античности. Среди исключительных по своей выразительности ансамблей, созданных в этот период в разных регионах восточнохристианского мира, фрески храма Богоматери Одигитрии (Афендико) в Мистре занимают особое место. По малопонятным причинам роспись остается практически не освещенной в искусствоведческой литературе, будучи лишь кратко упоминаемой в общих работах по истории поздневизантийской живописи, что представляет высокую актуальность и широкий диапазон для исследования. Целью данной статьи является стилистический анализ изображений, созданных в Афендико в первой четверти XIV века (в храме сохранились и более поздние фрески в капеллах), а также попытка проследить степень их вовлеченности в русло развития палеологовской живописи этого времени. Не менее важной представляется задача определить происхождение работавших в храме мастеров. Ведь, как известно, не обладавшая на тот момент самостоятельной художественной школой Мистра именно с росписи Афендико обретает точку отсчета в формировании собственных традиций.

Храм Богородицы Одигитрии был заложен около 1310 года на территории монастыря Врондохий. По всей видимости, церковь выполняла приходские функции для правителей города – кефалей, а позднее деспотов. На это указывают и ее второе ставшее общеупотребительным название – Афендико (*αφεντιχός* – благородный, аристократичный), и просторные хоры, предназначавшиеся, вероятно, для знатных прихожан. Игумен монастыря Пахомий, считавшийся одним из образованнейших людей своего времени, имел влиятельных покровителей в среде придворных интеллектуалов, многие из них были адресатами его писем. Быть может, именно близость клирика ко двору предопределила особое покровительство, которое оказывал монастырю Андроник II. В так называемой *капелле хризовулов* в южной части нартекса Афендико сохранились изображения императорских указов, подтверждающих многочисленные монастырские привилегии [8, с. 100–118].

Роспись дошла до наших дней с большими утратами, что затрудняет ее целостное

сопоставление с первоначальным обликом (иконографическая программа памятника достаточно ясно представлена в работах Г. Милле [9, pl. 92–104] и С. Дюфренн [7, pl. 10–19, schemas VII–XIII]). Но даже то немногое, что сохранилось, подтверждает сопричастность живописи Афендико общестилевой традиции, связавшей в первой четверти XIV века широкий круг памятников в Константинополе и региональных центрах. Фрески здесь пронизаны чувством художественной свободы исполнения, свойственным столичным традициям стремлением к законченному совершенству формы. Не найти уже и тени сложного сосуществования стилистических традиций, характеризующего искусство Греции второй половины XIII века и столь открыто заявившего о себе в завершенной в Мистре за несколько лет до Афендико монументальной декорации Митрополии. Но, несмотря на близость живописцев Афендико между собой в осмыслении образности, со всей определенностью указывающую на их принадлежность к единой художественной школе, ряд индивидуальных исполнительских особенностей мастеров позволяет выделить в росписи две основные стилистические группы.

К первой стилистической группе можно отнести фрески нартекса, галереи над ним и погребальной капеллы Пахомия. Для изображений этой группы характерна предельная выразительная лаконичность, проявляющая себя в отрицании всего чрезмерного в повествовании, эмоциях и отношении к форме. Удлиненные силуэты персонажей выглядят статичными и малоподвижными, их позы исполнены аристократизма, осмысленного в духе почти ритуальной сдержанности, причем столпообразность фигур еще более подчеркивает вертикальный лишенный внезапных изломов ритм складок, ниспадающих согласованным струящимся потоком. Впечатление возвышенной отстраненности образов во многом определяет неповторимый колорит росписи. Перед нами работа виртуозного живописца, холодноватые почти прозрачные краски которого с мягкими, наполненными воздухом светотеневыми переходами кажутся просвечивающими и мерцающими, подобно драгоценным камням. Его мазок спокойный, плавный, продлевается ровно столько, сколько необходимо для пластической выразительности. Карнация достаточно светлая, тени всегда нежные, эскизные, оттенков зеленой и светло-коричневой охры. Пробела лишь только указывают на детали, не выполняя при этом роли заданных акцентов, что еще более наполняет образы спокойствием, почти граничащим с равнодушием. Как и на фресках Кахрие Джами, они почти незаметны на самих ликах персонажей. Утонченному вкусу мастера не противоречит пристрастие к многоцветию, все персонажи облачены у него в разноцветные одеяния. Самые насыщенные цвета – ликующий золотой, полыхающий красный, глубокий синий умолкают здесь в диалоге с нейтрализующими оттенками – бледно-розовым, серебристо-серым, светло-изумрудным. О. Демус связывал с подобной колористической традицией такие памятники, как роспись церкви Богородицы Перивлепты в Охриде, Евангелие из Парижской национальной библиотеки, мозаики и фрески Кахрие Джами [6, с. 147]. Соглашаясь с этим, необходимо отметить, что обращение к этой *мерцающей* гамме восходит еще к середине XIII века, к непревзойденной сапочанской росписи. Более того, в Афендико, как и в Сапочанах, именно цвет становится главным стилеобразующим фактором, более всего ответственным за образное восприятие.

Еще одной особенностью стилистического видения живописца является своеобразие использованных в росписи композиционных решений. В большинстве сюжетных изображений в нартексе применен фризовый способ композиционного построения, согласно которому все персонажи сознательно изображаются в одну линию на переднем плане. Подобная пространственная организация напоминает мизансцену, разыгрываемую в непосредственной близости от зрителя. В связи с этим деление композиции на планы, как и роль ландшафта, отходят на второй план. Живописец концентрирует внимание в первую очередь на самих участниках евангельских сюжетов; для него не столь важно, где разворачиваются события – в интерьере или экстерьере, в прошлом, настоящем или будущем. Таковы сцены нартекса «Отрок Христос проповедует в храме», «Исцеление больного водянкой», а также сдвоенная сцена «Христос и самаритянка» и «Брак в Кане Галилейской».

Христос и самаритянка – Брак в Кане Галилейской

Исцеление слепорожденного – Исцеление Петровой тещи

К более сложному композиционному типу относятся объединенные пространством софита «Исцеление Петровой тещи» и «Исцеление слепорожденного». Сцены изображены с разных ракурсов так, что взгляд на персонажей первой группы падает сверху, а на персонажей второй – снизу (подобный перспективный прием П.А. Флоренский называл «разноцентренностью») [3, с. 383]. Примеры сходного композиционного решения, являющегося одной из оригинальных наработок палеологовских мастеров, можно найти в большинстве живописных ансамблей первой четверти XIV века. Такова, например, композиция мозаики «Раздача пряжи девам Израиля» в Кахрие Джами, где взгляд на архитектурные модуляции в правой и левой ее частях падает с разных ракурсов.

В Афендико *прочтение изображения* усложняется еще и дуалистическим совмещением разновременных эпизодов, которые, вырываясь из локальных темпоральных границ, создают при минимуме выразительных средств широкий повествовательный контекст. Так, в «Исцелении Петровой тещи», где взаимосвязь изображенных почти в тактильной близости фигур подобна сплетению скульптурной группы, изображено на самом деле не пять персонажей, а три – Христос, Петр и его пораженная горячкой теща. Спаситель и его первый ученик написаны дважды в практически идентичной композиционной взаимосвязи – взволнованный Петр (в первой сцене возвещающий Учителю о случившемся несчастье, во второй – наблюдающий за чудом исцеления) и спокойный, исполненный мистического самоуглубления Христос. Чтобы подчеркнуть поступательный характер взаимодополняющих эпизодов, живописец изобразил персонажей в разных по колориту одеяниях. В момент самого исцеления они оба написаны в характерной для них гамме: Петр – в голубом хитоне и золотом гиматии, Христос – в вишневом хитоне и темно-синем гиматии, тогда как в предшествующей сцене на апостоле струящееся изумрудное одеяние, на Спасителе – серебристо-серое. В этом выражено не только желание указать на обособленность двух разорванных во времени событий – просьбы об исцелении и самого исцеления, но и попытка избежать колористического однообразия сцены. Сам выбор эпизода («Исцеление слепорожденного»), расположенного в софите рядом с «Исцелением Петровой тещи», позволил живописцу выгодно сбалансировать схему объединенного ландшафта обеих сцен. С объемным полукружием городской стены справа (в первой сцене) соседствует лишь одинокая горка (во второй), указывающая на то, что момент прозрения происходит уже за городскими вратами. Фактическое отсутствие архитектурных компонентов в левой части композиции высвобождает место как для высоких силуэтов Христа и сопровождающих его апостолов на верхнем плане, так и внизу, где повторно изображен уже прозревший слепец. Таким образом, предпочтя здесь фризовости диагональный принцип композиционного построения, живописец не только выгодно отразил архитектонику софита, но и подчеркнул более свободный и динамичный характер сдвоенной сцены.

Исцеление больного водянкой

На фоне общей *бесстрастности* первой группы чуть большей определенностью эмоционального ряда наполнена сцена «Исцеление больного водянкой». На первый взгляд фигуры пяти наблюдающих за Иисусом мужчин ничем не выдают внутреннего состояния персонажей, их позы предельно статичны, даже способные к пластической выразительности руки спрятаны за подолами одеяний. Эмоциональный тон сцены задан *красноречивыми* характеристиками ликов, которые обнажают внутреннее волнение и трепет, сопряженные с показным спокойствием поз. «Говорящими» выполненные в светлой карнации лики делают тонкие, едва заметные на первый взгляд пробела, положенные на скулах, лбу и вокруг глаз. Особой выразительности достигает взгляд персонажей: глаза с черными горящими зрачками исполнены правдоподобной осмысленности и сопереживания. Полон наивного, почти детского изумления образ самого больного. Его большое одутловатое лицо и неестественно высокий лоб выдают болезнь, но глаза, широко открытые, с вздернутыми вверх ресницами, отражают, кажется, уже полную веру в исцеление.

В погребальной капелле наилучшим образом сохранилась фреска, на которой изображена группа мучеников. Колорит здесь в общих чертах соответствует холодноватой гамме живописи нартекса, с предпочтением двух основных цветов – синего и красного. Карнация выполнена деликатно, мастер практически не использует пробела, мягкими высветлениями и еле намеченными полутонами определяя моделировку ликов. Фигуры мучеников стройные и пропорциональные, с длинными шеями и головами в форме правильного овала. Всю группу связывает едва заметное ощущение светлой грусти – настроения, близкого к элегическим образам параклесиона Кахрие Джами [4, с. 48]. Само изображение мучеников в маловыразительных позах, с расставленными на ширину плеч либо, напротив, плотно прижатыми друг к другу стопами, здесь не столько обращение к архаическим традициям [1, с. 172], сколько органично вплетенный в общую канву выразительный прием, только усиливающий впечатление молитвенного предстояния.

Изображения второй стилистической группы, охватывающей апсиду, наос, боковые нефы, галереи над ними и капеллу хризовулов, отличает экспрессивная живописная манера, выявленная смело положенными, выразительными мазками. Мастера отдают предпочтение умиротворенной зеленовато-золотистой гамме, компонуя в ее рамках различные тона. В росписи использован прогрессивный для того времени способ градации тонов, играющих посредническую роль между самым сильным светом и самой интенсивной тенью. Обращаясь к нему, в первую очередь в костюмах персонажей, мастер разбивает используемый тон на несколько оттенков, от самого темного до белого, что особенно заметно в интерпретации складок в ростовых изображениях святых. Более того, если тонкие пробела только намечают контуры одеяний, то на выхваченные светом участки ткани они ложатся подобно аппликации, с явным намерением подчеркнуть выступающую форму, наделить изображение иллюзией объемности. Данный эффект усилен еще и подбором костюмов, взаимосвязь которых с персонажами выражена предельно жизнеподобно. Реалистично интерпретированы не только тяжесть и материальность одеяний, но и их функциональные особенности – низко свисающие омофоры, перекинутые через руку подолы гиматиев, широкие обнажающие запястье рукава.

Фигуры святых исполнены выдержанным достоинством позировок, чем близки к образам первой стилистической группы. Вместе с тем внешнее спокойствие нейтрализуется желанием индивидуализировать образы персонажей, передав их возраст, а иногда и этническую принадлежность, наделив их эмоциональной

окраской. Это достигается как выраженными физиогномическими особенностями (например, у некоторых святых форма головы округлая, у некоторых – в форме вытянутого овала, у других же – с широким лбом и неестественно узким подбородком), так и выразительной мимикой персонажей. Несмотря на это, у большинства из них прослеживаются и общие черты, выдающие, по всей видимости, стремление к единому типу образа (нос с небольшой горбинкой и широкими ноздрями, загнутые книзу уголки рта, миндалевидные глаза, приподнятые дугообразные брови). Но, что гораздо важнее, главной связующей образы святых из наоса чертой становится усложненный рисунок светов на их ликах. Выявляя глубокие морщины на лбу, волевые скулы или тонко очерченный нос, смелыми штрихами ложатся пробела поверх темно-зеленой или охристой основы. Особенно заметно это в сдвоенных поясных портретах святых в люнетах боковых нефов. Очевидно, что данный прием отражает аскетическую традицию византийской живописи, где внутреннее горение, экзальтация прорываются наружу сполохами пробелов. И подобное включение аскетических образов в палеологовский контекст росписи не является чем-то исключительным для времени правления Андроника II, учитывая, что различие между первым и вторым (где понятие «палеологовского» тождественно *антикизирующим* поискам византийского искусства) подразумевает не стилевую принадлежность, но сопричастность к константным для Византии образным традициям, обладающим сложившимся набором выразительных средств. Примеры подобной образной корреляции обнаруживаются в лучших столичных памятниках этого времени, мозаиках и фресках Кахрие Джами и Фетие Джами в Константинополе. Как тонко отмечает в этом отношении О.С. Попова: «В византийском и балканском искусстве первой четверти XIV века все эти устремления, классические и аскетические, уживались рядом, в одних ансамблях, и совершенно бесконфликтно» [2, с. 739].

Иного, чем в портретных изображениях, эффекта добивается живописец в эпизодах Праздничного цикла, с первого взгляда вовлекающих зрителя в свою образную структуру. Наиболее показательным в этом отношении представляется «Крещение» в южном рукаве креста. Почти монохромная гамма сцены, с использованием фисташкового, изумрудного и золотистой охры, преображается бликующей природой пробелов, мягко вплавленных в общий красочный строй. Колорит здесь, так же как и в нартексе, становится доминантой образного восприятия, но если в первом случае холодноватые мерцающие краски, оставляющие впечатление едва заметной недосказанности, предостерегают восприятие от попыток фактического постижения образов, то во втором, взволнованные и пульсирующие, они, напротив, ведут к их иллюзионистическому сопереживанию. По-другому, чем в нартексе, определена на фреске и композиционная схема. Горизонт сильно завышен, что соответствует желанию живописца отобразить протяженность Иордана и его берегов, а также с равно выгодных ракурсов показать всех участников сцены. Фигуры написанных по сторонам от Иисуса свидетелей таинства вторят контурам заданного ландшафта. Так, силуэты наблюдающих за Крещением мужчин буквально повторяют абрис полукруглого мыса, на котором они изображены, а одинокая фигура Предтечи на противоположном берегу – вздымающийся столп высокой изумрудной горки за его спиной. Подобный ландшафтный *аккомпанемент* соответствует одной из традиций композиционного построения в поздневизантийский период, свидетельствуя, наряду с использованными живописцами первой группы *фризовостью* и *разноцентренностью*, о многообразии композиционных приемов мастеров Афендико, ориентировавшихся в этом отношении на константинопольские образцы.

В куполе капеллы хризовулов некогда располагалось «Вознесение». Образ Христа ныне полностью утрачен, тогда как поддерживающие его мандорлу ангелы являются одним из самых завораживающих фрагментов росписи. Иллюзию вдохновенного, исполненного неповторимой экспрессии ангельского парения подчеркивают их развевающиеся плащи, широко распахнутые крылья, перекрещивающиеся между собой, струящиеся складки одеяний. Вместе с тем в бестелесное пространство спиритуалистической сцены вторгается почти осязаемое ощущение физического усилия.

Возносящие Христа ангелы подобны атлантам, их позы напоминают положение сидящего на одном колене человека, пытающегося удержать над своей головой тяжелую ношу. На это указывает и напряжение их широко разведенных над головой рук, и приподнятые плечи, и мученически склоненные на бок головы. Подобное сочетание бестелесного образа с пластическим реализмом интерпретации подтверждает не только высочайшую художественную одаренность живописца, но и глубокое понимание им воскрешенных традиций эллинистического искусства, с их выраженной тягой к передаче разнообразных пластических эффектов человеческого тела.

Важно отметить, что различия в выразительной интерпретации сюжетных эпизодов в наосе и нартексе определяются (наравне с индивидуальной манерой живописцев) спецификой их оптического и пространственного восприятия зрителем. Так, в нартексе, где изображения максимально приближены к нему, нет ничего броского, аффективного. Сбалансированный холодноватый колорит утратил бы свое мистическое мерцание на более отдаленном расстоянии, а выбранные здесь принципы композиционной организации с их горизонтальным и диагональным построением работают только при взгляде на них под углом девяносто градусов. В то же время для размещенных в подкупольном пространстве, отдаленных от зрителя Праздничных сцен использованы оптические акценты, облегчающие их визуальное восприятие с отдаленного расстояния. Этому эффекту способствуют и пробела, обозначающие основные детали, и соответствующая рассмотрению снизу вверх пространственная схема, согласно которой все части изображения показаны с одинаково выгодных ракурсов, и ландшафтный аккомпанемент, выделяющий силуэты персонажей. Из эпизодов изъято все лишнее – второстепенные повествовательные детали, малозначительные жесты, мимика. Поиск максимально лаконичной интерпретации определен здесь не желанием передать мистическое самоуглубление образов (как в нартексе), а конкретными условиями оптического восприятия.

Проведя исследование росписи Афендико, можно сделать следующие выводы. Используя условный принцип подразделения живописи на две стилистические группы, мы установили общий для обеих групп характер стилеобразующих истоков. Определенная здесь вариативность подходов в отношении композиционного построения, колористической моделировки, психологической интерпретации образов и пр. указывает не столько на грани дифференциации между обозначенными группами, сколько на богатый арсенал выразительных приемов, отличающий византийскую живопись данного периода. Выявление аскетических образов (портреты святых из нартекса) также не опровергает характер целостной сопричастности росписи стилевым традициям, сложившимся в период правления Андроника II Палеолога. Скорее наоборот, органичное вплетение их в общую стилистическую канву указывает на ту атмосферу эстетической бесконфликтности, характерную для этого времени.

Отвечая на вопрос о происхождении мастеров, стоит отметить, что не только условные исторические предпосылки, такие как политическая ориентация города на Константинополь, покровительство, оказанное Андроником II монастырю Врондохий, равно как и связи Пахомия в придворных кругах, но и стилистический анализ изображений убедительно указывает на их столичное происхождение. Из всей группы памятников монументальной живописи, созданных в период правления Андроника II, именно монументальная декорация Афендико кажется наиболее близкой к стилю мозаик и фресок Кахрие Джами. Среди тождественных черт и композиционная ясность, подразумевающая вместе с тем вариативность пространственной организации (см. проанализированные нами примеры фризовости, разноцентренности и архитектурного аккомпанемента), и церемониальная сдержанность эмоционального ряда, не игнорирующая эмоции как таковые, но органично вплетающая их в общую повествовательную канву (подтверждение чему находит место как в эпизодах Чудес в нартексе, так и в Праздничных сценах наоса), и отражающая еще сапочанскую традицию колористическая гамма (в нартексе) с ее мерцающими *просвечивающими* красками.

В соответствии с константинопольскими вкусами роспись Афендико полна недосказанности, тонких полунамеков. Каждая отдельная

сцена не претендует здесь на индивидуализацию духовной интенции, но обретает конечное самовыражение лишь в общей взаимосвязи образов. Сама грань между символическим подтекстом и его визуальной материализацией кажется зыбкой, почти незаметной, словно указывая на мировоззрение придворных интеллектуалов того времени, с неоплатонических позиций воспринимавших саму возможность отображения идеального, надвещественного мира. Это искусство далеко от усложненной повествовательности, свойственной региональным школам, чуждо чрезмерной детализации, затрудняющей целостность общего восприятия, равно как и почти жанровой чувственности, взывающей к эмоциональной сопричастности зрителя самой живописи более, чем ее евангельским первообразам.

Проблематичным остается вопрос датировки памятника. Отправной точкой для рассуждений на этот счет могут служить даты запечатленных на стенах юго-западной капеллы императорских хризовулов, на что указывал еще М. Хадзидакис [5, с. 67]. Первый из них относится к 1312–1313 годам, а последний, датированный 1322 годом, написан уже поверх одного из более ранних. Вероятно, на сплошь расписанных стенах придела не оставалось к тому моменту более свободного места. На 1322 год приходится и кончина игумена Пахомия. По всей видимости, именно в этот десятилетний период была выполнена основная часть росписи, хотя приступить к ней живописцы могли и ранее, в 1311-м или даже в 1310 году, а закончить (убранство наоса, нартекса и хоров) задолго до 1322 года. Очевидным является отсутствие причин, способных указать на то, что живописные работы в храме могли бы растянуться на более долгий срок. Монастырь процветал, а за росписью внимательно наблюдал игумен, заинтересованный в ее скорейшем завершении. Более того, выводы о константинопольском происхождении мастеров напоминают о достаточно коротких сроках исполнения росписей, что было характерно для столичных мастеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Лазарев, В.Н.** История византийской живописи [Текст]. В 2 т. / В.Н. Лазарев. – М.: Искусство, 1986. – Т. 1. – 332 с.

2. **Попова, О.С.** Особенности искусства Пскова [Текст] / О.С. Попова // Проблемы визант. иск-ва. Мозаики, фрески, иконы. – М.: Сев. паломник, 2006. – С. 713–753.

3. **Флоренский, П.А.** Обратная перспектива [Текст] / П.А. Флоренский // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Тарту, 1967. – Вып. 198. – С. 381–416.

4. **Acheimastou-Potamianou, M.** Mystras [Text] / M. Acheimastou-Potamianou. – Athens, 2003. – 120 p.

5. **Chatzidakis, M.** Mystras. The Medieval City and the Castle [Text] / M. Chatzidakis. – Athens, 2005. – 128 p.

6. **Demus, O.** The style of the Kariye Djami and its Place in the Development of Palaeologan Art [Text] / O. Demus // The Kariye Djami. – In 4 vol. Ed. by P. Underwood. – Princeton – N.J., 1960. – Vol. IV. – P. 109–159

7. **Dufrenne, S.** Les programmes iconographiques des églises byzantines de Mistra [Text] / S. Dufrenne. – Paris, 1970. – 67 p., 35 plan.

8. **Millet, G.** Inscriptions byzantines de Mistra [Text] / G. Millet // Bulletin de Correspondence Hellénique 23. – Athenes, 1899. – P. 97–156.

9. **Millet, G.** Monuments byzantins de Mistra. Matériaux pour l'etude de l'architecture et de la peinture en Grèce aux XIV et XV siecles [Text] / G. Millet. – Paris: Leroux, 1910. – 35 p., 152 plan.

УДК 821.161.1

О.И. Виноградова

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В «РОМАННЫХ» ПОВЕСТЯХ А.Ф. ВЕЛЬТМАНА

Александр Фомич Вельтман является одним из родоначальников русской фантастической повести. В творчестве писателя данный жанр начал развиваться в романной форме, его зарождение началось со вставных «романных» повестей.

Миросозерцание Вельтмана как начинающего писателя было предельно простым и ясным, добро и зло для него выступали преимущественно в их несложной первичной форме: это было наивное миросозерцание народной сказки. Во вставных повестях романов «Кощей бессмертный» (1833) и «Светославич, вражий питомец» (1835) часто встречаются фольклорно-мифологические элементы, составляющие фантастическую основу и служащие для раскрытия принципа двоемирия. «Романные» повести имеют относительную самостоятельность, они неразрывно связаны с основным содержанием романа, в который включены.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена тем, что, несмотря на обширные исследования романов Вельтмана, его фантастические «романные» повести не были серьезно изучены, а о фольклорно-мифологических элементах в них не упоминается даже в самых глубоких научных разработках произведений этого писателя. Думается, что изучаемый вопрос важен не только для анализа творчества Вельтмана, но и для истории русской фантастики. Фольклорно-мифологический компонент в произведениях русских фантастов занимает особое место и играет важную роль в выделении особенностей фантастических произведений различных жанровых форм.

Фантастическая вставная повесть в структуре романа А.Ф. Вельтмана «Кощей бессмертный», на которую прежде всего хотелось бы обратить внимание, посвящена истории любви русалки к пастуху Мине. Помимо этого фантастического персонажа в повести фигурируют Яга, Мокош и их сыновья. Все эти персонажи славянской мифологии не показываются открыто и не принимают прямого участия в описываемых действиях, однако они важны для раскрытия эстетики двоемирия в данном романе.

Демонологическая фантастика Вельтмана опирается именно на народные сказания. Сюжеты романов «Кощей бессмертный» и «Светославич, вражий питомец» связаны с русской историей, возможно, поэтому автор не приемлет другого вида фантастики. К тому же мистика славянского фольклора становится основным моментом русской фантастики романтизма. Прибегая к фольклорным элементам в своих романах, Вельтман объясняет некоторые реальные моменты истории, а иногда и посмеивается над ними. Вставные фантастические повести служат этой цели как нельзя лучше. Последовательный романтик, Вельтман также придерживался той точки зрения, что история и фольклор всегда дополняют друг друга и в сочетании являются определенным национальным элементом.

При создании исторических романов Вельтман использовал мифологические составляющие (и не только во вставных повестях) еще и потому, что это воспринималось многими читателями как часть культурного наследия русского народа. Некоторые исторические события писатель предпочитал объяснять именно вмешательством инфернальных сил. Это не удивительно, поскольку, как отмечают Е. Купреянова и Г. Макогоненко, авторы исторических произведений XIX века «стояли на старых антиисторических позициях, для них было характерно произвольное обращение с историческим материалом. В угоду “вымыслу”, идейным задачам авторов перекраивались известные исторические сюжеты, исторические деятели превращались в рупоры авторских идей, в условные фигуры» [2, с. 175].

Г. Флоровский определяет эту особенность совмещения исторического и фольклорно-мистического материала как «дисгармонию рационализма» [3, с. 24]. Возможно, этим

термином можно определить все фольклорно-мифологические особенности исторических произведений Вельтмана, поскольку, используя исторический, можно сказать научный, материал и при этом следуя по пути романтизма, он создал образы героев, нарушающих естественный ход бытия. Художественной особенностью творчества Вельтмана является то, что для создания образов таких героев он прибегает к фольклорно-мифологическим элементам.

Любопытно, что в романтических произведениях как 1820-х, так и 1830-х годов, когда собственно и были созданы рассматриваемые нами романы Вельтмана, фольклорно-мифологические персонажи действовали на закате дня или ночью. Однако в «романных» повестях Вельтмана представители мира потустороннего часто действуют днем или утром (повесть о Мине в «Кощее бессмертном», повесть о похитителях еще не рожденного младенца в «Светославиче, вражьем питомце»).

Однако вернемся к «романной» повести о пастухе Мине. Такой фольклорный персонаж, как русалка, довольно часто встречался в романтических произведениях, причем как в поэтических, так и прозаических. Как правило, этот персонаж приносил реальным людям смерть. У А.И. Подолинского в «Девичь-горе» (1831) русалки агрессивные, у А.В. Кольцова в «Наяде» (1831) они соблазняют людей прыгать в пучину морскую. У Вельтмана русалка становится любящим существом, которое умеет радоваться жизни, радоваться за любимого человека.

К «русалочьей» теме Вельтман обращался и ранее. С. Долгов с своем труде [1] отмечал его работу над окончанием «Русалки» А.С. Пушкина. Изложенные авторские задумки позволяют нам заметить, что уже тогда эти существа, по замыслу Вельтмана, были способны на искренние и нежные чувства.

Использование образа влюбленной русалки в повести о пастухе Мине подчеркивает основную проблему, раскрывающуюся в романтических произведениях 30-х годов XIX века: несоответствие мира реального идеалу. Красота, окружающая пастуха, кажется ему унылой ежедневной действительностью, для русалки же все это кажется прекрасным, поскольку она влюблена в земного человека.

В данной повести говорится также о детях Яги и Мокоша. Этот факт интересен тем, что в славянской мифологии чаще всего фигурирует образ Мокоши (иногда М*а*коши) как женского божества, и гораздо реже он олицетворяет свою другую ипостась – воплощение Велеса.

Образ Мокоша (в мужском обличии) используется Вельтманом также в романе «Светославич, вражий питомец», где фигурирует такой герой реального мира, как дедушка Мокош. Этот персонаж изображен как человек, казалось бы, не обладающий никакой мистичностью, но именно он находит воспитанника нечистой силы Светославича и выводит в мир действительности. Более того, именно дедушка Мокош «случайными» действиями и фразами отводит «вражьего питомца» от нечистых замыслов. Возможно, это связано еще и с тем, что на санскрите *мокша* означает освобождение, искупление. Несколько вставных повестей представляют собой рассказы именно этого персонажа, что позволяет говорить о некотором проповедническом характере данного героя, стоящего на границе реального и потустороннего миров.

Следует отметить, что мы отделяем вставные сказки и легенды с элементами чудесного от «романных» фантастических повестей, поскольку это разные литературные жанры. В рассматриваемых нами двух романах Вельтмана имеется несколько вставных легенд, но для нас они не представляют научного интереса. Вставные повести с фольклорными элементами обладают рядом особых черт и признаков, способствующих выражению авторской идеи более рельефно, чем легенды.

Одна из особенностей творчества Вельтмана состоит именно в изменении транскрипции известных фольклорно-мифологических имен. Имя Кощея в большинстве исследований фольклорно-мифологических персонажей пишется иначе: Кащей. Этот персонаж отличается враждебностью к людям. Действуя под именем Кыя, он приобретает положительные черты. Но, обретая негативный контекст, этот персонаж окончательно расстается со вторым именем. Двойное именование героя во вставной повести Вельтмана свидетельствует не только о его попытке жить двумя жизнями, но и о том, что данный герой несколько теряется в междумирье романтизма.

Множество фольклорных образов использует Вельтман и в первой вставной повести романа «Светославич, вражий питомец». В ней действует нечистая сила, и только один персонаж реален – глухонемой сторож, являющийся невольным участником событий. В этой повести основное действие происходит в мире фольклорных персонажей, однако и герои, и причина их появления связаны с миром реальным. Мистическое исчезновение младенца из утробы княгини – отправная точка дальнейшего тесного переплетения двух миров.

Особенность фантастического элемента в данном произведении Вельтмана состоит в том, что активно действующий потусторонний мир не является носителем добра, однако есть еще один мир, представителем которого отчасти является дедушка Мокош, но этот второй потусторонний мир достаточно пассивен, он только угадывается в высказываниях некоторых реальных героев. Именно этот мир идеален. Все три плана развития действия – мир исторической действительности и две ипостаси мира потустороннего – дополняют друг друга и подчеркивают недостатки мира реального. Мифология – это не зеркальное отражение действительности, но в романтических произведениях она становится многогранным кристаллом, через который автору, а следовательно, и читателю видится мир реальной действительности.

В романе «Светославич, вражий питомец», в том числе и во вставных фантастических повестях, особенно заметно своеобразное «двоение» русской фантастики начала XIX века. Используемые фольклорно-мифологические элементы заставляют фантастику маневрировать между ее самоценностью как жанра и условно-символическим приемом. Кроме того, здесь очень четко представлено двойничество, характерное для романтизма, и выражено оно преимущественно с помощью фольклорно-мифологических элементов. Введение в повествование фольклорных персонажей с соответствующей атрибутикой и образом действий раскрывает перед читателем именно борьбу космоса и хаоса в ее национальном представлении. Это не просто реализация одной из основных идей романтиков, но и раскрытие многогранности образов добра и зла. При помощи такого «фольклорного» двойничества Вельтман показывает степень взаимодействия и взаимозависимости двух миров, а также неоднозначность образов положительных и отрицательных персонажей.

Фольклорно-сказочная поэтика в творчестве Вельтмана постепенно превращается в один из путей художественного осмысления общественно-исторической реальности. Вставная фантастическая повесть появляется в романе часто во время принятия кем-либо из персонажей важного решения (например, колебания князя Владимира по поводу сражения сопровождаются сказанием о Царь-девице, что помогает ему в выборе варианта действия). Использование активных фольклорных элементов в историческом произведении демонстрирует эстетические позиции в философии народа.

Использование фольклорно-мифологических элементов в «романных» фантастических повестях Вельтмана – это образец «подлинной демонологии», которая создает в произведении ореол страшного величия злобной силы, наполняя его таинственностью и некоторым чувством обреченности.

Все мистические события в исследуемых произведениях Вельтман объясняет исключительно через фольклорно-мифологический аспект. Поскольку повествование ведется о временах, давно прошедших, а в фантастике очень важна временна́я категория *тогда* и *теперь*, следует обратить внимание на то, как писатель отмечает особенности времени. Повествуя в категории *тогда,* он смело манипулирует фольклорными образами. Более того, русская историческая фантастика просто немыслима без использования мифологических образов и сюжетов народных сказаний.

Исследовав вставные фантастические повести в романах «Кощей бессмертный» и «Светославич, вражий питомец», мы пришли к выводу, что историческая фантастика XIX века неразрывно связана с фольклорно-мифологическими деталями. Самостоятельные фантастические повести других авторов, созданные в 1820-е – 1830-е годы, свидетельствуют о характерности использования данного приема.

Таким образом, можно сказать, что использование Вельтманом во вставных повестях фольклорно-мифологического элемента было необходимо для создания историко-фантастического фона его

романов. Вставная повесть стала отправной точкой для формирования в творчестве этого писателя жанра самостоятельной повести. Фантастика некоторым образом поменялась, изменилась фантастическая временная категория. Но фольклорно-мифологический элемент в фантастических произведениях XIX века всегда указывал на ряд важнейших категорий: философско-эстетические категории народа, временной показатель, воспитательный момент. И, конечно, помимо перечисленного, эти элементы наравне с другими способами создания фантастического способствовали решению основных вопросов романтизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Долгов, С.О**. А.Ф. Вельтман и его план окончания «Русалки» Пушкина [Текст] / С.О. Долгов. – М., 1897. – 16 с.

2. **Купреянова, Е.Н.** Национальное своеобразие русской литературы [Текст]: очерки и характеристики / Е.Н. Купреянова, Г.П. Макогоненко. – Л.: Наука, 1976. – 416 с.

3. **Флоровский, Г.** Из прошлого русской мысли [Текст] / Г. Флоровский – М.: Аграф, 1998. – 431 с.

УДК 821.111

О.Л. Гиль

ОБРАЗ ВЕЛЛИНГТОНА В ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Документально-художественная биография герцога Веллингтона «Герцог» (The Duke) Р. Олдингтона впервые была издана в США в 1943 году[1], а три года спустя за создание этого жизнеописания ее автор получил старейшую литературную награду Великобритании, одну из самых престижных премий – премию Джеймса Тейта[2]. В России биография Веллингтона была опубликована под названием: «Веллингтон: Герцог: исторический роман». Не представляется возможным согласиться с подобным жанровым определением, вероятно, вызванным стремлением включить данное произведение в серию «Великие полководцы в романах». Несмотря на определенную близость жанра жизнеописания к историческому роману (в силу того, что, как известно, биографию причисляют к так называемым «пограничным жанрам», включающим в себя элементы художественной и документальной прозы), их следует разграничивать.

Книга о Веллингтоне была не первым опытом Р. Олдингтона в данном жанре: в 1925 году вышла из печати биография «Вольтер (Жизнь и творчество)». Напомнив в предисловии о том, что история жизни Вольтера хорошо известна большей части образованных людей, свою задачу Олдингтон видел в «подведении итогов», «создании путеводителя по континенту Вольтера» [1, с. 6] [перевод наш. – *О. Г.*]. Умелый подбор ярких фактов, живое изложение материала и в то же время желание по возможности сохранить беспристрастность, отличающие

[1]Aldington R. The Duke: Being and Account of the Life and Achievements of Arthur Wellesley, 1st Duke of Wellington. N.Y.: Vicing, 1943.

[2]Мемориальная премия Джеймса Тейта Блэйка (James Tait Black Memorial Prize), присуждаемая Эдинбургским университетом с 1919 года за лучшее художественное произведение или биографию, написанные на английском языке.

Олдингтона-биографа, позволили ему не только раскрыть сильные и слабые стороны натуры Вольтера, но и создать объемный портрет многогранной личности. Прекрасное знание французского языка и литературы, навыки литературного критика и талант поэта помогли биографу дать читателям представление о разносторонней литературной деятельности героя его исследования. Изучение творчества Вольтера органично соединено с повествованием о его общественной деятельности. Крайне важно и то, что биографу удалось показать, как в судьбе и работах Вольтера преломилась социальная и духовная жизнь эпохи.

Итак, к моменту начала работы над жизнеописанием Веллингтона Р. Олдингтон имел не только хорошо разработанный план, но и получил важный для него как биографа опыт. Однако наличие определенных навыков вовсе не означает, что следующее произведение станет лишь набором клише и штампов. Интересом к специфике новой книги Олдингтона и вызвано появление данной статьи.

Прежде всего, на наш взгляд, отдельного комментария заслуживает опущенный в русском переводе подзаголовок биографии Веллингтона: «Бытие и рассказ о жизни и достижениях Артура Уэлсли, первого герцога Веллингтона» (Being and Account of the Life and Achievements of Arthur Wellesley, 1st Duke of Wellington). Использование «being» в одной фразе с «the life» позволяет предположить, что биограф не просто предлагает вниманию читателей повествование о судьбе Веллингтона, но и рассматривает историю его жизни с философской точки зрения как «бытие», «существование», как некий образец, отчасти соотносимый с понятием «житие». Кроме того, если в заглавии значится лишь «Герцог», в подзаголовке появляется полное имя героя биографии, призванное, думается, подчеркнуть, что именно заслуги Веллингтона перед страной и короной позволили ему получить титул герцога.

Жизнеописанию предпосланы два фрагмента: первый – не что иное, как традиционное выражение благодарности оказавшим посильную помощь автору в подготовке рукописи; второй, содержащий выдержку из депеши Веллингтона, оказывается неким эпиграфом, таящим в себе ключ к пониманию биографом характера, убеждений и поступков героя исследования: «...Я ем соль своего короля и потому полагаю своим долгом служить ему с непоколебимым рвением и бодростью, куда бы ни направил меня или король, или его правительство» [3, с. 10].

Немалый интерес вызывает предисловие автора: не имея желания ни чрезмерно возвеличивать героя (как это было принято в викторианских жизнеописаниях), ни развенчивать восторженные представления почитателей (в традициях Л. Стрэчи и его «Выдающихся викторианцев»), биограф повествует о том, как менялось его собственное отношение к персоне Веллингтона и чем это обусловлено. Первые строки предисловия обращают читателей к детским воспоминаниям Олдингтона: «В Англии 1900 слово “Герцог” могло относиться лишь к одной персоне. <...> У меня же были основания побольше знать о «Герцоге», поскольку... школа моя выходила окнами на парк Уолмерского замка. <...> Новым ученикам школы всегда говорили: “Знаешь, здесь жил герцог Веллингтон”. <...> По-крокодильи припадая к земле, мы огибали замок и прилегающие к нему земли, при этом с завистью обсуждая предполагаемую роскошь... и великолепие. <...> Из таких впечатлений формируются незабываемые воспоминания детства, и до сего дня в слове «Герцог» я вижу отпечаток величия...» [3, с. 11–12]. Подтверждение трепетного и уважительного отношения к Веллингтону находил мальчик и в отзывах стариков: «...Смутная память о Веллингтоне более чем через половину столетия после его смерти еще обитала в сердцах людей, населявших место, где он жил и умер, и бессознательно передавалась ими собственным детям» [3, с. 14].

Однако изучение школьного курса истории, как это часто бывает, превращало Веллингтона в сознании учеников в некую застывшую на парадном портрете фигуру, абсолютно положительный и безжизненный персонаж. По мнению Олдингтона, наиболее очевидная причина такой метаморфозы кроется в разрозненности фактов, механически соединенных в учебнике: Веллингтон «возникает на мгновение, одержав бессмысленные победы при Ассайе... появляется вновь... в отведенном Ватерлоо параграфе. <...> В 1828 году...

вдруг выпрыгивает из неизвестности в качестве премьер-министра... для того лишь, чтобы с великой помпой и посреди неизменной лести его похоронили в 1852» [3, с. 14–15]. Иронию Олдингтона вызывает не только неумелое переложение истории, но и стремление викторианцев представить любую выдающуюся личность идеалом совершенства.

Вполне закономерно, что, взрослея, любой здравомыслящий человек начинает испытывать неприязнь к тем, кого старательно и навязчиво возвеличивает официальная историография. Олдингтон обращает внимание читателей на то, что и сам он, как и многие его соотечественники, стал относиться к Веллингтону «с неким неуважением. Казалось, он принадлежал к наиболее ненавистному мне типу людей: любитель охоты на лис, аристократ из ирландских протестантов, человек из Дублинского замка, англо-индиец, профессиональный солдат, не умеющий смеяться, а ржущий, как жеребец, солдафон, возражающий против отмены телесных наказаний в армии, и самым непростительным образом называвший своих солдат “подонками и отребьем”, тори, насмерть стоявший против Билля о Реформе 1832 года и противившийся многим давно назревшим в Англии переменам, небывалый любитель титулов, орденов и денежных наград» [Там же. С. 16].

Нарисовав этот нелицеприятный портрет, биограф фактически готовит читателей к последовательному его изменению на страницах книги. И более того, развенчание этого, мягко говоря, поверхностного представления о Веллингтоне следует незамедлительно. Причины умаления заслуг и личности герцога Олдингтон находит не только в «провеллингтоновской легенде», но и в «наполеоновской пропаганде», в «раздувании личности... архидиктатора» [Там же]. Так возникает любопытная параллель с современностью: напомним, что данное жизнеописание создается в разгар Второй мировой войны.

События жизни героя биографии излагаются в обычном для этого жанра хронологическом порядке. В истории рода, семейных взаимоотношениях аристократов Уэлсли биограф ищет корни характера Веллингтона, возможные причины его будущих побед и поражений. Но так как речь идет о человеке, чьи поступки определяли судьбы народов и мира, то и рассказ выходит далеко за рамки семейной хроники.

Первые строки книги весьма напоминают романный зачин: «Наша история начинается в 1769 году, который можно считать годом относительного мира, сохраняемого, как казалось, под надежным покровом древних наследственных монархий» [Там же. С. 25–26]. Однако голос Олдингтона-романиста весьма скоро заглушается голосом Олдингтона-биографа: обманчиво невозмутимое повествование сменяется анализом причин, приведших Европу к кризису.

Ключевые фигуры появляются на страницах биографии в последовательности, обусловленной степенью их влияния на европейскую политику: «Сколь бы мирным не был тот, 1769 год, по всей Европе рождались маленькие войны и предводители воинов. И величайший из них родился в августе, на Корсике. <...> Мальчика назвали Наполеоне» [Там же. С. 28].

Далее Олдингтон обращает внимание читателей на другое событие: рождение 1 мая 1769 года в Дублине шестого ребенка в семье барона Морнингтона. Недостаток сведений о детстве и юности Веллингтона приводит биографа к необходимости выдвигать предположения, оговариваясь при этом: «похоже...», «должно быть...», «и если...». Ни в коей мере не прибегая к домыслу (вполне естественному, будь это исторический роман), Олдингтон по крупицам воссоздает историю формирования взглядов и характера Веллингтона. В частности, по мнению биографа, одним из важнейших событий в судьбе молодого Артура Уэлсли стало обучение во французской военной академии, где французские аристократы «сформировали его манеры и вкус... направили его ум... [Там же. С. 42]. Закономерно, по мнению Олдингтона, то, что Веллингтон категорически не принял революцию, так как «едва ли мог видеть в своих... друзьях что-либо иное, кроме невинной и героической жертвы рассвирепевшей и обезумевшей революционной толпы...» [Там же. С. 44]. Биограф допускает, что именно в этом кроется «причина... неприязни к народным сборищам и демонстрациям» [Там же], оказавшая влияние на поведение Веллингтона в бытность его премьер-министром.

Кое-что в характере Веллингтона проясняет замечание Олдингтона о том, как, отправляя

сына в военную академию, мать «пренебрежительно бросила», что тот «годен лишь на то, чтобы быть пушечным мясом» [3, с. 45]. Пораженный жестокостью этой фразы биограф выдвигает вполне логичное предположение, что «отвергнутый Артур отступил и ушел в себя» [Там же]. Спустя некоторое время ситуация в корне изменилась, но биограф видит причины скрытности и необщительности Веллингтона в том, что любви и поддержки самых близких людей ему пришлось добиваться.

И, наконец, еще одно важное для юного Веллингтона событие: отказ родни невесты по причине его финансовой несостоятельности: «Унижение нанесло... рану, настолько глубокую, что Веллингтон всю жизнь боялся долгов и к старости успел даже позабыть, что когда-то пребывал в их сетях» [Там же. С. 60]. Вторую сторону проблемы Олдингтон обходит молчанием, однако, повествуя о карьере Уэлсли в Индии, биограф замечает, что тот погрузился в «поток флиртов и любовных интриг» [Там же. С. 76]. Биограф выдвигает вполне правдоподобное предположение, что Веллингтон разлюбил свою жену еще до брака, заключенного через многие годы, когда юная девушка превратилась в женщину с не самым подходящим для жены полководца характером и манерами.

Тем не менее герцог, по убеждению биографа, испытывал сильную потребность в любви и привязанности к кому-либо. И если в семейной жизни он потерпел фиаско, то в старости «ближайшими друзьями его были... внуки и прочие леди и джентльмены их возраста» [Там же. С. 476], которые «обожали его». Так из разрозненных фактов, не прибегая к непроверенной информации, Олдингтон постепенно выводит те качества личности Веллингтона, которые подчас оставались неизвестными поклонникам и противникам «железного герцога». Довольно скупой в целом рассказ биографа о личной жизни Веллингтона, очевидно, объясняется нежеланием уподобляться любителям фокусировать внимание на скандальных (и часто весьма далеких от истины) подробностях, с наслаждением обсуждать слабости сильных личностей.

Центральное место в биографии справедливо отводится изучению деяний Веллингтона – полководца и политика. Интересно отметить, что рассказ о военной карьере Веллингтона занимает примерно половину всего объема текста, в то время как повествование о его политической деятельности лишь третью часть. Так биограф расставляет акценты, выводя на первый план детальное повествование о событиях, повлиявших на ход жизни не только Англии, но и Европы XIX века, благополучный исход которых во многом считает заслугой Веллингтона. Недаром названием части глав стали названия мест, где происходили сражения: «Дуэро и Талавера», «Буссако и Торрес-Ведрас», «Из Фуэнтеса в Бадахос», «Саламанка и Витория» и, наконец, «Ватерлоо».

Однако Олдингтона интересует военная карьера Веллингтона с самых первых его шагов. Именно поэтому биограф считает важным дать читателям представление об английской армии XVIII века и роли герцога в ее модернизации, резюмируя: «Удивляться следует не тому, что английское войско терпело поражения, а тому, что на его долю выпадали и победы; и то, что Веллингтон... сумел... сковать из него... великолепную боевую машину... достойно восхищения» [Там же. С. 46].

«Британская армия дорого заплатила за обучение своего будущего полководца тому, как нельзя воевать» [Там же. С. 68], – таков вывод Олдингтона об итогах Голландской кампании 1790-х годов, в которой из-за «некомпетентности, коррупции и... эгоизма правительства... погибли 19 000...» [Там же. С. 67]. Подготовительной школой для Веллингтона стала и служба в Индии. За это время он «добился такого доверия европейских и туземных частей, что ради него они были готовы совершать деяния, немыслимые при других командирах» [Там же. С. 125].

Как и подобает хорошему биографу, Олдингтон не только изучал различные документы, но и посетил[3] некоторые места былых сражений в Европе. И в оценке стратегии Веллингтона биограф опирается на личный опыт: «Я... не кабинетный стратег, но во время Первой... мировой войны я получил некоторые наставления в военном деле» [Там же. С. 19]. Рассматривая одну

[3]Олдингтон побывал на местах сражений еще в 1930-е годы, когда перед ним не стояла цель создать жизнеописание Веллингтона Его привел туда естественный интерес человека к событиям прошлого.

из позиций английских войск, Олдингтон приходит к выводу, что «человек, который решил удержать ее и преуспел в своем намерении... далеко не глуп как военачальник» [3, с. 19].

Неоднократно Олдингтон вступает в полемику с теми, кто недооценивал заслуги герцога из-за недостатка информации либо намеренно искажал факты. Однако и сам биограф далеко не всегда объективен. На наш взгляд, он умаляет роль России в победе над Наполеоном. В частности, Олдингтон «забывает» о том, что если в 1812 году «более чем полумиллионная армия» [2, с. 195] Наполеона вторглась на территорию России, то возвращался он с «всего лишь 10-тысячным боеспособным войском» [Там же]. И, несмотря на то что императору вскоре удалось восстановить армию, состояла она в основном из новобранцев.

Несомненный интерес вызывает глава «Ватерлоо». Перед биографом стояла сложная задача – рассказать о том, что много раз было предметом различных размышлений и сочинений. «Ему дали армию – сырую, сборную и численно уступающую противнику, – которой надлежало противостоять величайшему генералу и лучшим солдатам того времени» [3, с. 290], – так начинается рассказ об окончательной победе над Наполеоном. Чтобы читатель ярче представил себе события тех дней, Олдингтон прослеживает их буквально по часам: «Быть может, чтобы самым правильным образом понять ход сражения, придется... разделить его на пять действий – подобно великой классической трагедии» [Там же]. Стремясь воспроизвести атмосферу боя, он словно примеряет одеяние главнокомандующего, отдающего приказы и наблюдающего за ходом сражения. Четкость фраз, лаконизм описаний, последовательный хронометраж, деловой отчет о происходящем на разных участках фронта, данные о потерях обеих воюющих сторон. А после всего этого неожиданное – для настроенных на громкие фразы о победе – сообщение биографа: «Как всегда после битвы... Герцог находился в состоянии глубокой депрессии» [Там же. С. 311]. Спокойствие и невозмутимость Веллингтона во время сражения, его кажущееся бесчувствие исчезают в тот миг, когда все празднуют победу: «Слезы катились по его щекам, и он никак не мог приободриться» [Там же. С. 313]. И читателя уже не удивляет фраза Веллингтона, которую биограф счел важным включить в данную главу: «Если не считать проигранной битвы, величайшим несчастьем на свете является битва выигранная» [Там же. С. 314].

Лишь в начале следующей главы, носящей название «Мир», биограф подводит итоги: «Мечтам Наполеона о всемирной диктатуре пришел... конец» [Там же. С. 332]. Ненавидевший войны автор одного из лучших романов о «потерянном поколении» убежден, что «преуспеть в миротворчестве много трудней, чем на поле брани» [Там же]. И Веллингтон велик, с его точки зрения, именно потому, что был победителем, «не любившим войну... он честно трудился на благо мира» [Там же]. Биограф неоднократно напоминает, что полководец «подобно многим солдатам войны 1914–1918 годов... готов был на все, “чтобы это не повторилось”. И война не пришла на континент – пока он был жив» [Там же. С. 391].

Не обходя молчанием негативную роль, которую сыграл Веллингтон в послевоенной европейской политике (например, его причастность к возвращению во Францию Бурбонов), Олдингтон предлагает читателям поразмышлять, был ли возможен в тех условиях лучший вариант. Отнюдь не желая в любом случае быть на стороне героя исследования, биограф анализирует причины его поступков, чтобы не оправдать, но понять.

Все это напрямую касается и рассказа о роли герцога во внутренней политике страны. Веллингтон окончательно вернулся в Англию лишь в 1819 году, когда ему было уже пятьдесят лет. Это дает Олдингтону право с некоторой долей иронии заметить, что его герой «не знал всего двух предметов – таких как английский народ и промышленная революция» [Там же. С. 349]. Именно с ними и боролся герцог так, что «сделался самым непопулярным человеком в Англии, причем настолько, что разгневанная толпа всерьез угрожала его жизни» [Там же]. Кроме того, будучи весьма независимым, Веллингтон «полагал, что... должен делать то, что считает... справедливым» [Там же. С. 409]. Этими причинами и объясняются, как убеждает биограф, многие весьма непопулярные решения Веллингтона. В первую очередь сказанное касается «Билля о реформе». Любопытно, что,

повествуя о происходившем, Олдингтон пользуется военной терминологией: «битва», «военные действия», «поражение» и т. д. Все это еще раз подтверждает наше мнение, что Веллингтон для биографа прежде всего великий полководец, а потом уже политик, причем весьма непопулярный. Олдингтон, тем не менее, отдает должное мужеству и здравому смыслу Веллингтона: с трудом исправив ситуацию, герцог сумел признать не только свою ошибку, но и то, что «не подходит на роль премьер-министра» [3, с. 421].

Биограф с некоторой долей облегчения переходит к рассказу о том, что «когда Герцог... оставил партийную политику... люди начали забывать неудачливого премьер-министра и вновь вспоминать победоносного генерала» [Там же. С. 438]. Но еще один эпизод играет, на наш взгляд, ключевую роль в этой части повествования: когда в 1848 году по Европе прокатилась волна революций, а в Англии выступили чартисты, испуганное правительство призвало Веллингтона. Спокойствие разрабатывающего план и отдающего приказы «седоголового солдата» передалось окружающим, и биограф не выражает и тени сомнения в том, что политики еще раз вспомнили, «сколько лет их собственная жизнь и свобода зависели от решительных суждений этого человека» [Там же. С. 469].

Завершая биографию Веллингтона рассказом о последних часах его жизни и кратким отчетом о прощании англичан с телом, Олдингтон скороговоркой перечисляет все официально отданные герцогу почести. Но неожиданно тон его резко меняется: за кажущимся формальным церемониалом он разглядел и показал читателям, что неподдельными были «скорбь и горе притихших улиц, провожавших гроб под звуки траурной музыки многих оркестров и под далекие раскаты орудийного салюта. Казалось, все думали об одном: о том, что его некому заменить» [Там же. С. 481].

«Герцог» Р. Олдингтона, безусловно, занимает одно из первых мест в ряду лучших книг об английском полководце. Серьезная подготовительная работа с разного рода источниками информации позволила биографу составить ясное представление о судьбах и событиях, ставших предметом его интереса. Но прекрасное знание истории лишь одна составляющая успеха. Как и при создании книги о Вольтере, Олдингтон умело отбирал наиболее значимые документы, самые характерные и важные факты, сплетая их воедино таким образом, что обилие разнородных данных не только не создает ощущения перегруженности текста, но позволяет биографу нарисовать портрет яркой и весьма привлекательной личности. После прочтения жизнеописания Веллингтона становится понятно, насколько обусловлена эпохой судьба английского полководца и как его деяния оказались теснейшим образом связанными с судьбами Англии, Европы и всего цивилизованного мира. Секрет привлекательности книги Олдингтона таится и в присущей ему живой и ироничной манере изложения, стремлении к беспристрастности и невозможности ее достижения из-за искренней увлеченности и эмоциональности. Полемичность «Герцога» вызывает у заинтересованного читателя желание познакомиться с биографиями, созданными другими авторами, а равно и с иными произведениями Р. Олдингтона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Aldington, R.** Voltaire [Life and Work] [Text] / R. Aldington. L.: Chatto and Windus, 1934. – 296 p.

2. **Дьяконов, И.М.** Пути истории. От древнейшего человека до наших дней [Текст] / И.М. Дьяконов. – М.: Наука, 1994. – 384 с.

3. **Олдингтон, Р.** Веллингтон: Герцог: ист. роман [Текст] / Р. Олдингтон: пер. с англ. Ю.Р. Соколова. – М.: Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2006. – 509 с.

УДК 80

А.В. Зиньковская

ПЬЕСА Б. ШОУ «ДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА» КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НЕЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Исследование языка художественной литературы тесно связано не только с изучением языковых особенностей художественных произведений, но и с выявлением типологических признаков идиостиля писателя – «своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но структурно единой системы средств и форм словесного выражения. В стиле писателя... объединены, внутренне связаны и оправданы все использованные художником общенародные языковые средства» [2, с. 4]. Эта оправданность обусловлена задачами, которые призваны решать произведения искусства, в том числе формирование эмоционального состояния человека в результате интерпретации художественного текста. В связи с этим анализ блоков информации позволяет исследователю подняться на уровень суперсинтаксиса и осмыслить эстетически мотивированные текстовые категории, оцениваемые как одно из условий декодирования своеобразного культурного кода – художественного текста и неязыковой действительности.

Каждый из образов пьесы Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» двоится и поворачивается к зрителю то обыденно-житейской, то условно-символической стороной. Иначе говоря, мы понимаем, что в процессе коммуникации «говорящий моделирует возможное понимание сообщения адресатом и выбирает лучший вариант. Адресат в свою очередь моделирует возможность понимания схожих выражений и восстанавливает передаваемый смысл, отбрасывая те варианты понимания, для которых язык предоставляет лучшие средства выражения [1, с. 107].

Эта двойственность драматического рисунка свойственна прежде всего центральному образу пьесы – образу дома-корабля, «дома, где разбиваются сердца». Выстроенное по модели корабля это странное причудливое здание ассоциируется и с английской песней о Британии как владычице морей («Правь, Британия! Британия, правь над волнами»), и с легендой о корабле-призраке («летучем голландце») и, наконец, с Ноевым ковчегом, заселенным самыми различными, зачастую причудливыми экземплярами утопающего мира. Этот «странный душераздирающий дом», «дом без всяких основ» – символический образ Англии, стоящей на грани великой исторической катастрофы.

Под крышей этого символического здания собраны люди разного возраста, разных профессий, различных имущественных и общественных положений. Но кроме этих видимых персонажей, здесь присутствует еще один, невидимый, чье незримое присутствие ощущается благодаря множеству образных деталей и томительно напряженной атмосфере пьесы. Этот персонаж может быть условно обозначен словом «судьба». Для Шоу, судя по всему, это понятие, понятие, обозначаемое этим словом, лишено мистического содержания. Судьба для него – сила исторического возмездия. Встречаясь с «роком», персонажи пьесы, по сути дела, встречаются с именно враждебной им историей, на суд которой они несут свои, как это ни грустно, обветшавшие духовные, культурные и моральные ценности.

Превратившиеся в пустые оболочки, традиционные формы духовной жизни описываемого в пьесе Шоу мира служат только масками, скрывающими духовную наготу, пустоту его представителей. Процесс духовного «оголения» обитаемый этого мира и составляет скорее всего драматическую основу пьесы. Подводя итог деятельности нескольких поколений английской интеллигенции, Шоу в свойственной ему ироничной, а то и издевательской манере приводит на суд истории своих персонажей, каждый из которых, обладая ярко выраженным индивидуальным характером, воплощает определенную тенденцию культурного и духовного «развития» Англии, имея в виду отсутствие развития страны.

К примеру, изящный джентльмен Гектор Хэшебай выступает в пьесе драматурга не только как романтик, но и как собственно олицетворение романтизма (под которым Шоу, впрочем, что очень важно, понимал не литературное направление, а определенный тип восприятия действительности). Так вот, этот пылкий фантазер был всю жизнь последовательным и вдохновенным «рыцарем лжи». Всю жизнь он обманывал себя и других своими, мягко говоря, выдумками. Конкретный пример из размышлений Элли об этом человеке.

Ellie. *He is a Socialist and despises rank, and has been in three revolutions fighting on the barricades... He saved the life of the tiger from a hunting party.*

Элли. *Он социалист, он презирает титулы и чины. И он участвовал в трех революциях, дрался на баррикадах... Он спас жизнь тигру во время охоты.*

Выдумка про спасенного Гектором тигра (*He saved the life of the tiger from a hunting party*), озвученная Элли, становится своеобразным индикатором, по которому остальные персонажи пьесы опознают его, Хэшебая, ложь, нелепость его россказней о самом себе. Мы понимаем, что именно он сам рассказывает Элли об участии революциях (*has been in three revolutions*), о презрении к чинам и наградам (*despises rank*). Этот персонаж пьесы настолько нелеп, что меняет даже собственное имя на более, как ему кажется, поэтическое – Marcus Darnley (Марк Дарнли).

Собственная реальная жизнь не удовлетворяла Гектора Хэшебая (а это пренебрежение к реальности для Б. Шоу и есть главное «преступление» романтизма), и он по-дурацки придумывал себе другую, несовместимую с его реальным обликом, т. е. полную героических подвигов и чудесных приключений. Годы шли, и его пылкое воображение, растраченное на ложь, истощалось и наконец истощилось. Гектор в итоге перестал верить самому себе, не верят ему всерьез уже и другие. Несколько примеров на эту тему.

Ellie. *Yes: splendid-looking, of course, but how can you love a liar?*

Элли. *Да, великолепная внешность, конечно. Но как можно любить лгуна?..*

Mrs Hushabye. *All his stories are made up stories...*

Миссис Хэшебай. *Зато все его рассказы – это сказки, выдумки...*

Captain Shotover. *He does nothing but tell lies to women...*

Капитан Шотовер. *Он только и умеет, что врать всякую чепуху женщинам.*

Как видно из примеров, Элли называет Гектора лжецом (*a liar*), его собственная жена отзывается о его рассказах как о сказках, выдумках (*made up stories*), капитан Шотовер убежден, что единственное, на что способен Гектор Хэшебай, – врать всякую чепуху женщинам (*tell lies to women*).

Все эти слова и сочетания слов имеют целью создать и создают в результате образ немолодого английского джентльмена, уставшего от лжи, – бывшего красавца, утратившего в конце концов веру в свою неотразимость. Об этом говорит и сам Гектор Хэшебай.

Hector. *I cultivated that appearance in the days of my vanity; and Hesione insists on my keeping it up.*

Гектор. *В дни, когда меня обуревало тщеславие, я старался сохранить эту видимость. И Гесиона настаивала, чтобы я продолжал это и сейчас.*

Гектор, таким образом, создал культ из своей внешности, он «культивировал» ее (*I cultivated that appearance*). Болезненное, по-видимому, преклонение перед своей собственной красотой привело его ко лжи, к выдумкам, неотвратимому уходу от реальной действительности.

Удачный перевод фразы *I cultivated that appearance* как «Я старался сохранить эту видимость» заметно остро подчеркивает нелепость попыток Гектора следовать иллюзиям, придуманному, нелепость не обращать внимание на реальную жизнь, пренебрегать ею. Осознание нелепости таких попыток к Гектору Хэшебаю хоть и не сразу, но приходит. Разочарования неизбежны.

Hector. *Heaven's threatening growl of disgust at us useless futile creatures... We are wrong with it. There is no sense in us. We are useless, dangerous and ought to be abolished.*

Гектор. *Это грозное рычание неба, знаменующее его отвращение к нам, жалким, бесполезным тварям... Мы – главный недостаток. Смысла в нас нет ни малейшего. Мы бесполезны, опасны. И нас следует уничтожить.*

Гектор понимает бесполезность своего существования, в равной степени как и всего окружающего его общества. Для него люди – это жалкие, бесполезные твари, в которых нет смысла (*There is no sense in us*). Вывод более чем неутешительный.

Мысль о саморазрушении, личности и общества в целом, которая будет озвучена в дальнейшем еще одним героем пьесы – капитаном Шотовером, появляется и у, скажем так, романтика Хэшебая. Для Гектора эта мысль достаточно неожиданная.

Она получает свое выражение в том числе в следующих эпитетах: *useless – бесполезный, dangerous – опасный, futile – бесполезный*.

Hector. *Think of the powers of destruction that Mangen and his mutual admiration gang wield! It's madness: it's like giving a torpedo to a badly brought up child to play at earthquakes with.*

Гектор. *Подумайте только на минуту о тех разрушительных силах, которые имеются у Менгена и у его восхищающейся друг другом шайки. Ведь это истинное сумасшествие! Все равно как дать в руки невоспитанному ребенку в качестве игрушки заряженную торпеду, пусть поиграет в землетрясение.*

Разрушение несет не только пренебрежение к реальности, но и трезвый практицизм, направленный на уничтожение всего и вся. Гектор приходит в ужас только от одной мысли, что́ могут сделать эти люди, люди из окружения Менгена.

Сравнение дельцов-марионеток с невоспитанным ребенком, играющим с заряженной торпедой (*it's like giving a torpedo to a badly brought up child to play at earthquakes with*), становится своеобразным ключом к пониманию основной идеи произведения – трагедии западной цивилизации, основанной на логике безудержного потребления, вступившей в конфликт с логикой исторического развития.

Не меньше изжила себя и так называемая философия трезвого практицизма, и Б. Шоу важно это подчеркнуть. Носитель этой философии – пожилой делец Менген – тоже весь или почти весь состоит из лжи и подделок. Поддельны его энергия, его богатство, его деловитость. У него на самом деле нет ни денег, ни практической сметки, ни деловых способностей, нет ничего за душой, кроме фальшивой репутации преуспевающего дельца, с помощью которой он умудряется кое-как держаться на поверхности жизни, а по сути, сводить кое-как концы с концами. Следующие примеры – прямая иллюстрация сказанного.

Mangan. *Well, if you want to know, I have no money and never had any.*

Менген. *Ну, если вам уж угодно знать, то у меня нет денег и никогда не было.*

Mrs Husgbye. *They call him Boss Mangan, don't they? He is a Napoleon of industry and disgustingly rich, isn't he?*

Миссис Хешебай. *Его все зовут Босс Менген, хозяин Менген, правда? Настоящий Наполеон промышленности и отвратительно богат. Верно я говорю?*

При переводе имени Менгена, что интересно, переводчики используют такой прием, как расширение (*They call him Boss Mangan – Его все зовут Босс Менген, хозяин Менген*), заменяя исходный образ на более объемный, более выразительный, основанный на детализации характеристик персонажа.

Своеобразный метонимический перенос значения осуществляется во втором рассматриваемом примере через конкретное словосочетание *Napoleon of industry – Наполеон промышленности*, которое становится здесь опознавательным знаком героя. Объем фоновых знаний легко позволяет читателю вызвать, сформировать в своем сознании ассоциации с могущественным, властным, влиятельным человеком. Слово «Наполеон», таким образом, способствует проявлению таких ассоциаций.

Интенсификатор «disgustingly», который в этом же примере использует миссис Хэшебай, характеризуя степень богатства Босса Менгена, определяет здесь уже напрямую, без экивоков отношение к данному герою (ср. *disgusting – very unpleasant or bad; awful – очень неприятный или плохой; ужасный*). Еще один пример на заданную тему:

...With a careworn, mistrustful expression, standing a little on an entirely imaginary dignity, with a dull complexion, straight, lusterless hair, and features so entirely commonplace that it's impossible to describe them.

...У него озабоченное, недоверчивое выражение лица, во всех его движениях чувствуются тщетные потуги держать себя с неким воображаемым

достоинством. Лицо серое, волосы прямые, бесцветные, черты лица до того заурядны, что о них просто нечего сказать.

Шоу в этом примере, как видно, в первой же ремарке характеризует Менгена многочисленными эпитетами, заключая их, по сути, в соответствующий лексико-семантический и образный ряд. В этом ряду прежде всего эпитеты *mistrustful – недоверчивыйй, imaginary – воображаемый, careworn – озабоченный*, а также просто определения, описывающие внешность героя: *dull complexion – серое лицо; lustreless hair – бесцветные волосы; features entirely commonplace – заурядные черты лица*. Столкновение этих образований в одном небольшом контексте как характеристика Менгена вызывает у читателей пьесы объяснимое ощущение неестественности, бесполезности и в конечном итоге нежизнеспособности этого человека, чувство протеста от «навязанного» драматургом знакомства с ним. Из всех обитателей дома-корабля именно он внушает и самому Шоу наибольшую ненависть, ибо именно «из-за таких, как он, мир превратился в кормушку для свиней» (*Are we to be kept for ever in the mud by these hogs to whom the universe is nothing but a machine for greasing their bristles and filling their snouts?..*) Чувство глубокой неприязни вызывает этот человек и у капитана Шотовера.

Captain Shotover. *To kill fellows like Mangan...*

Капитан Шотовер. *Уничтожить вот этаких, вроде Менгена...*

Враждебность и ненависть к Менгену и подобным ему людям подчеркивается для его характеристик в этом примере выбором глагола *to kill – убивать* (в русском варианте возможно «уничтожить, одолеть»). Чувство брезгливости по отношению к себе испытывает и сам Менген. Подтверждение этому – следующий пример:

Mangan. *You've been wasting your gratitude: my kind heart is all rot. I'm sick of it.*

Менген. *Так что вы зря расточали благодарность. И эти разговоры о моем добром сердце – чистейший вздор. Меня тошнит от них.*

Менген лишен человеческих чувств – ему чужды доброта и сострадание. Он, мы видим, сам говорит о своем добром сердце как о безусловном вздоре (*my kind heart is all rot*). Английское «rot», как известно, в одном из своих значений переводится как «гниение, застой»; употребление этого слова в анализируемом контексте вполне уместно, ибо оно ярко характеризует нежизнеспособность персонажа пьесы по имени Менген. В подтверждение этой мысли еще пример:

Mrs Hushabye. *Then the creature is a fraud even as a captain of industry?*

Миссис Хэшебай. *Так значит, это ничтожество даже и в качестве капитана промышленности всего лишь шарлатан чистейшей воды?*

Mazzini. *I'm afraid all the captains industry are what you call frauds.*

Мадзини. *Боюсь, что все наши капитаны промышленности такие вот, как вы говорите, шарлатаны.*

Образ гниения и распада личности на примере Менгена, а также и самой системы общества, частью которого он является, реализуется в тексте пьесы, как видно, при помощи в том числе знакового существительного «fraud» – шарлатан, обманщик, мошенник (*I'm afraid all the captains of industry аге what you call frauds – Боюсь, что все наши капитаны промышленности такие вот, как вы говорите, шарлатаны*). Следует в связи с этим обратить особое внимание на передачу на русский язык сочетания слов «captain of industry» (в русском варианте оно представлено сочетанием «капитан промышленности»). Слово «капитан» в русском языке обладает положительной коннотацией, поэтому семантический сдвиг повлек за собой смену всего образа персонажа Менгена, не предусматриваемую содержанием пьесы Б. Шоу. Русский вариант «промышленный магнат», зафиксированный в словарях, в такой ситуации был бы более удачным, так как он точнее передает задуманную автором пьесы эмотивно-оценочную информацию, содержащуюся в данном сочетании на английском языке.

Гость из Манежа, случайно очутившийся на борту корабля, Менген в итоге оказался самым беззащитным перед судом истории. Этот делец-марионетка, как и вся представляемая им система, прогнил изнутри и может держаться на плаву лишь благодаря искусственным подпоркам. Обнаружив, что эти подпорки более не спасают его, Менген слабеет и теряется в предчувствии неизбежного. Объятый предсмертной

тоской, он мечется по сумеречному дому капитана Шотовера и вместе со своим собратом по ремеслу профессиональным вором Дэном гибнет в пламени начинающегося, никак неотвратимого пожара.

Процесс распада Англии на несовместимые составляющие, с точки зрения Шоу, коснулся и сферы самых интимных человеческих эмоций, превратив и их в орудие смерти и разрушения. Любовь как яркое проявление таких эмоций не является для героев пьесы отражением искренних чувств. Она лишь повод для словоблудия.

Hector. *You're a most accursedly attractive woman.*

Гектор. *Вы чертовски пленительная женщина.*

Mrs Hushabye. *I don't believe any man can kiss Addy without falling in love with her.*

Миссис Хэшебай. *Я не думаю, чтобы кто-нибудь из мужчин мог поцеловать Эдди и не влюбиться в нее.*

Hector. *She has the diabolical family fascination.*

Гектор. *У нее есть это ваше семейное дьявольское обаяние.*

Замечательные, удивительные эпитеты (*attractive – пленительный, привлекательный, diabolical fascination – дьявольское обаяние*) характеризуют в пьесе нежность Гесионы, чувственное обаяние ее сестры леди Этеруорд, однако, ни эпитеты, ни сами героини не способны спасти гибнущий мир, в том числе и мир чувств, и вдохнуть в него живую душу. Любовь в пьесе превратилась в жестокую игру. У этих, скажем так, немолодых очаровательниц многие, если не все, уже позади, и для них не существует желанного завтрашнего дня.

Но будущего в пьесе нет и у «молодой Англии», которая представлена в ней юной Элли Дэн, стоящей на самом пороге жизни.

...The other hand down with a volume of the Temple Shakespeare in it.

...Свесив другую руку, в которой она держит томик Шекспира.

«Юная Англия» предстает перед глазами читателей с томиком Шекспира в руках (*with a volume of the Temple Shakespeare in it – в которой она держит томик Шекспира*), и это нас одновременно и очаровывает, и удручает. В самом деле, ведь почти что только именно Шекспир для девушки-красавицы – воплощение реальности, жизни, о чем она и говорит в самом конце этого своего монолога.

Ellie. *There seems to be nothing real in the world except my father and Shakespeare. Marcus's tigers are falser. Mr Mangan's millions are false; there is nothing really strong and true about Hesione but her beautiful black hair; and Lady Utterword is too pretty to be real. The one thing that was let to it was the Captain's seventh degree of concentration; and that turns out to be....*

Элли. *Выходит, что в мире нет ничего настоящего, кроме моего отца и Шекспира. Тигры Марка поддельные. Миллионы мистера Менгена поддельные. Даже в Гессионе нет ничего по-настоящему сильного и неподдельного, кроме ее прекрасных черных волос. А леди Этеруорд слишком красива, чтобы быть настоящей. Единственная вещь, которая еще для меня существовала, это была седьмая степень самосозерцания капитана. Но и это, оказывается...*

Итак, все для Элли оказывается эфемерным – и тигры Марка (*Marcus's tigers are falser*), и миллионы мистера Менгена (*Mr Mangan's millions are false*), и красота сестер (*there is nothing really strong and true about Hesione but her beautiful black hair; and Lady Utterword is too pretty to be real*), и даже пресловутая седьмая степень самосозерцания капитана Шотовера (*The one thing that was left to me was the Captain's seventh degree of concentration; and that turns out to be...*). Элли не знает, что делать, и говорит об этом прямо. Мир, в который она верила, рушится у нее на глазах. И что самое главное – худшее впереди.

Ellie. *I have a horrible fear that my heart is broken, but that heartbreak is not like what I thought it must be.*

Элли. *У меня какое-то ужасное чувство, как будто у меня сердце разбилось. Но это, оказывается, совсем не то, что я себе представляла.*

Ellie. *You see me getting a smasher right in the face that kills a whole part of my life: the best part that can never come again.*

Элли. *Вы видите, как меня ударило – ударило прямо в лицо, – и это убило целую и лучшую часть моей жизни, – ту, что уже никогда теперь не вернется.*

Элли чувствует, вернее, она уже точно знает, что сердце ее разбито (*I have a horrible fear that my heart is broken*). Элли трудно, ей не справиться,

по-видимому, с ударом, который убил целую и лучшую часть жизни девушки (*that kills a whole part of my life*), с ударом, который разрушил ее иллюзии: ее романтическую влюбленность в высокопарного лжеца Гектора, ее предполагавшийся брак, пусть и по расчету, но трудно осуждаемый брак, с богатым дельцом Менгеном.

Из всего, что завещано «юной Англии» предшествующими поколениями, наибольшей реальностью для автора пьесы, скорее всего, обладают лишь воспоминания о давно минувшем историческом прошлом его страны, в котором Шоу при всем своем не всегда справедливом, заметим, скептическом отношении к нему находит и некоторые здоровые начала. Они воплотились, как ни странно, в образе престарелого капитана Шотовера, и именно поэтому, наверное, не случайно, что девятнадцатилетняя Элли вступает в своеобразный, скажем так, духовный брак с ним. Носитель героических традиций английской истории, капитан Шотовер выступает в пьесе в роли, как ни высокомерно это звучит, некоего обвинителя на суде истории поколений, которые пришли на смену его поколению. Ее вчерашний день в лице капитана Шотовера с презрением и гневом, бескомпромиссно судит современность. Рассмотрим его приговор на конкретном примере.

Captain Shotover. *I see my daughters and their men living foolish lives of romance and sentiment and snobbery. I see you, the younger generation, turning from their romance and sentiment and snobbery to money and comfort and hard common sense.*

Капитан Шотовер. *Я вижу, как мои дочери и их мужья живут бессмысленной жизнью, все это – романтика, чувства, снобизм. Я вижу, как вы, более юное поколение, отворачиваетесь от их романтики, чувств и снобизма, предпочитая им деньги, комфорт и жестокий здравый смысл.*

Капитан Шотовер, как видно, с пренебрежением относится к романтике, чувствам, снобизму, считая их бессмысленными проявлениями жизненных интересов (*living foolish lives of romance and sentiment and snobbery*). Это с одной стороны. С другой стороны, деньги, комфорт, так называемый здравый смысл (*money and comfort and hard common sense*), эта другая крайность, тот, скажем так, трезвый практицизм, который, по его мнению, уже изжил себя, вызывают у него также вполне законное чувство брезгливости.

Дряхлый моряк, таким образом, равно чужд и поблекшему романтизму своих детей, и в не меньшей мере их убогому прозаическому практицизму. Но и он, этот человек, этот, как ни обидно это звучит, обломок далекого прошлого, не может приостановить слишком далеко зашедший процесс распада цивилизации. Об этом свидетельствует в том числе само состояние его дома, где царят хаос и беспорядок, где все обветшало, прогнило и пришло в состояние негодности. Уже много лет в его доме никто не заботится о чистоте и уюте, обитатели жилища давно махнули рукой на жизнь и по существу кое-как коротают свой век, предоставив все на свете на откуп, на разграбление «Менгенам, случаю и сатане».

Дряхлому владельцу обреченного «корабля» – этой «темницы душ, которая зовется Англией», – уже не под силу плыть против течения. Все герои пьесы понимают это, даже самые бесполезные, и только капитан Шотовер продолжает верить в чудо, в удачу.

Hector. *To blow up the human race if it goes too far. He is trying to discover a psychic ray that will explode all the explosives at the will of a Mahatma.*

Гектор. *Чтобы взорвать человечество, если оно зайдет слишком далеко. Он пытается найти некий психический луч, который взорвет все взрывчатые вещества по повелению Махатмы.*

Captain Shotover. *I will discover a ray mightier than any X-ray: a mind ray that will explode the ammunition in the belt of my adversary before he can point his gun at me.*

Капитан Шотовер. *Я открою луч более мощный, чем все эти рентгеновские лучи, духовный луч, который взорвет гранату на поясе у моего врага раньше, чем он успеет бросить ее в меня.*

Капитан, как видно из контекста, хочет изменить человечество, создав новое оружие. Особенностью этого оружия, по его мнению, должна стать его способность таким образом воздействовать на психику человека, чтобы иметь возможность переформировать его дух в соответствующем воззрениям Шотовера направлении (не случайно, может быть, луч в примере и называется психическим, духовным – *psychic, mind*). Он, капитан Шотовер, концентрирует остатки своей жизненной энергии на то, чтобы создать смертоносные орудия,

способные именно стереть с лица земли выродившееся, умирающее общество, не находя возможностей для его совершенствования. Эта символическая подробность деятельности Шотовера обобщает направление развития буржуазной западной цивилизации, цивилизации машин и толстосумов. Она в пьесе Шоу исчерпала себя, и ей осталось только одно – саморазрушение, тем более что даже творческая мысль в лице капитана Шотовера служит не жизни, а смерти. К таким выводам мы приходим, исходя из того, что значение любого знаменательного слова имеет когнитивный характер, что «когнитивные признаки носят отражательный характер, они отражают определенные стороны явлений реальной действительности» [3, с. 65], что в конце концов «семантика не просто отражает действительность как концепт, но и сообщает о ней, являясь стороной языкового знака» [Там же], в том числе и такого сложного лингвистического образования, как драматургический художественный текст.

Итак, художественный текст изучается разными науками, с разных позиций и точек зрения, на разных уровнях своего бытия, но высшей целью исследования текста является постижение его смысла, соотношение этого смысла со многими рядоположенными смыслами эпохи создания произведения, в нашем случае драматургического произведения, и эпохи его последнего прочтения, т. е. сегодняшнего дня, и постижение через это сущности человеческого бытия. Смысл произведения, адекватный самому себе, способен заметно проясниться при историческом взгляде на произведение и его место в социальной и культурологической ситуации времени его создания, при этом внутритекстовое рассмотрение произведения закономерно предшествует (как логически, так и эмпирически) его контекстуальному изучению, изучению его неязыковой действительности. В связи с этим справедливо, что, только исчерпав возможности имманентного рассмотрения художественного произведения, в дополнение к тому, что из него извлечено, следует обращать внимание на многочисленные нити, связывающие его с окружающим миром, далеким прошлым, с другими явлениями литературы и т. п. Следует также помнить, что целостность структуры и композиции художественного текста обеспечивается в конечном счете единством стоящего над ним сознания, а потому, раз смысл художественного произведения один, всякое интуитивное понимание его может быть сколь угодно близко и справедливо, но в той же мере случайно, поскольку зависит только от профессионализма и таланта исследователя, т. е. человека, его прочитавшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Борисова, Е.Г.** Языковые средства взаимодействия автора и адресата. Коррекция ожиданий адресата [Текст] / Е.Г. Борисова // Рус. яз.: истор. судьбы и современность: IV Междунар. конгр. исслед. рус. яз. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. фак., 20–23 марта 2010 г.) / Тр. и матер. – М., 2010.

2. **Виноградов, В.В.** Язык художественного произведения [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 3–26.

3. **Стернин, И.А.** Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] / И.А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики / Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 2004. – № 1. – С. 65–69.

4. **Шоу, Б.** Дом, где разбиваются сердца [Текст] / Б. Шоу // Полн. собр. пьес. В 6 т. – Т. 2. – М., 1978.

5. **Shaw, B.** Complete Plays and Prefaces [Text] / B. Shaw. – Vol. I–VII. – N. Y., 1963.

УДК 821.161.1

Г.В. Косяков

МИРООБРАЗЫ ЛИРИКИ А.С. НОРОВА

Авраам Сергеевич Норов (1795–1869) – ныне практически забытый поэт-романтик, переводчик, ученый, общественный деятель, путешественник. Он владел многими языками, включая древнегреческий и древнееврейский. Переводы и оригинальные произведения поэта в XIX веке активно печатались в литературных альманахах и журналах. Творчество Норова должным образом не изучено в отечественном литературоведении. Осмысление же его художественного наследия актуально, так как оно раскрывает магистральные поэтические, жанровые искания русских поэтов-романтиков, проявляет мировоззренческие и художественные особенности антологической лирики.

В полемическом «Послании к Панаеву» (1821) А.С. Норова мы видим критический отзыв на идиллическую картину золотого века, созданную лирическим адресатом. Жанровая форма позволила поэту преодолеть инерцию архаического стиля: послание характеризуется тоном непосредственной дружеской полемики, естественностью поэтических ассоциаций. Четырехстопный ямб на уровне ритма подчеркивает разговорный характер литературной полемики. Сатирическая направленность произведения обращена не только в литературную область, так как послание начинается и завершается ироническим изображением современника. В послании русского романтика акцентирована антитеза вечной, прекрасной природы и человечества, история которого демонстрирует примеры духовного вырождения:

Природа нам не изменяет,
Природа как была – все та, –
Кого ж из нас Адам узнает?
Так, пастушки твои – мечта! [1, с. 230].

В данном произведении мы видим процесс оформления принципа историзма, который явился одним из завоеваний романтической эстетики. Автор подчеркивает исторические и культурные особенности каждой эпохи. В то же время романтик ставит под сомнение идею исторического прогресса. Норов противопоставляет богатство и гармоничность южной природы человеческому миру, показывая глубокий культурный разрыв между величественным прошлым и настоящим: «*Мизитрой* ныне Спарта стала». Формой литературной полемики в тексте служит насыщенный конкретными пейзажными, историко-культурными деталями образный мир, противопоставленный условной образности идиллий Панаева.

В послании на смену обращению к лирическому адресату как к «певцу» приходят личностно окрашенные, непосредственные: «друг мой», Панаев. В рамки литературно-критического послания Норов вложил глубокие историософские и эстетические размышления. Наряду с этим в произведении проявляется христианское восприятие человека как венца земной природы и подобия Творца: «отблеск бога», «печать», «земли царя». Финальное обращение автора к современникам несет в себе призыв соответствовать не только «праотцам», но и своей богоподобной природе.

Ключевые для романтической баллады пейзажные образы возникают в стихотворении А.С. Норова «Чельд-Гарольд» (1824), которое атрибутировано как «*подражание немецкому*». Данное произведение представляет собой образную рецепцию русским романтиком поэтического мира Байрона, в частности его поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда»: «Паж мой! Мигом за друзьями!». В стихотворении Норова сфокусированы ключевые черты миросозерцания английского поэта и его героев: «В сумрачном углу, с мечтами...». Образный мир всего текста раскрывает сумрак души романтического героя, который не находит себе места ни среди людей, ни среди природного мира. Развитие лирической темы приобретает диалектический характер, акцентируя смену радостных мгновений и глубокого разочарования главного героя. В частности, «арф волшебный звук», вызывающий ощущение гармонии, в восприятии героя сменяется «надгробным стоном». Источник отчаяния, мертвенности находится во внутреннем

мире героя: «Сердце охладело вдруг...». Мотивный комплекс эоловой арфы в анализируемом тексте передает нарастание духовной тревоги лирического героя: «льется тон за тоном» «волн сердитых вой». Главный герой находится в смятении, в состоянии глубокой тоски: «Я и так убит тоскою...». Преодолеть свое гнетущее состояние герой стремится в природном мире.

В данном произведении проявлено характерное для романтической поэзии потенцирование духовных состояний личности в окружающий мир:

Не пойти ль на луг душистый
Иль на берег сей гористый?
Пусто там – и на горах!..
Не пойти ль в сей бор дремучий,
Где летают вранов тучи? [1, с. 232–233].

В изображении природы, как и в создании пейзажа души, мы видим контрастный переход от света к тени и мраку. Эгоцентризм и фатальное духовное одиночество романтического героя подчеркиваются кольцевой композицией.

В отрывке из *фантазии* «Очарованный узник» (1826) А.С. Норова также проявляется авторская установка на интроспекцию и исповедальность лирического субъекта, который размышляет о таинственной природе сновидения. Данное произведение также корреспондирует к поэтической концепции сна у Байрона: «Так! Человек живет вдвойне...». Лирический субъект произведения Норова воплощает в себе ключевые черты романтического героя – мечтательность и рефлексию. Образ темницы приобретает символический смысл, указывая на положение души в земном мире. Вместе с тем лирический субъект Норова в своем внутреннем мире находит неисчерпаемый источник впечатлений, творческой активности и свободы. Для лирического субъекта Норова значим процесс воплощения «бесплотной мысли», он стремится постичь глубины души, в недрах которых рождаются «безмолвные слова». Различая внешние и внутренние формы человеческой активности, внешнее и духовное зрение, лирический субъект воспринимает сновидение формой откровения духовных интенций. В анализируемом произведении сближаются различные сферы внутреннего мира человека: мечта, мысль, память. В финальной части произведения возникает традиционное для мировой литературы метафорическое сближение сна и человеческой жизни, всемирной истории, синтаксически оформленное при помощи риторических вопросов и инверсий:

Что свет не сон? Что не во сне
За племенем преходит племя?.. [1, с. 234].

Тяготение к архаическим поэтическим традициям обусловило обращение Норова к жанру дидактической поэмы: на протяжении многих лет поэт работал над созданием поэмы «Об астрономии». Натурфилософскую и историософскую направленность имеет и другая поэма Норова – «Земля», *отрывок* из которой был опубликован в альманахе «Северная лира на 1827 год». В пейзажах этого произведения проявляется одическая традиция XVIII века:

Ветр, воды и огонь, в свирепой битве споря,
Парящей смерти гимн поют, соединясь...
Пловец узнал его!.. ряд волн с другим слетясь,
Растет и пенится – и вдруг идет горами [2, с. 83]

Отрывок из поэмы «Земля» – это яркий пример акустической поэзии. Помимо аллитераций и ассонансов поэт применяет звуковые анафоры. Норов использует торжественный поэтический синтаксис и возвышенные эпитеты, метафоры. В данном лироэпическом тексте сближаются поэтические характеристики классицизма и романтизма. В композиции мы видим позицию воспарения, обозрения мироздания, характерную для од русских поэтов XVIII века. В произведении Норова возникают натурфилософские мирообразы Земли, Неба и Океана. В изображении данных мирообразов проявляется стремление к целостности. Так, в создании мирообраза Земли лирический вектор движется от вершин «огромных гор» к «дольней земле». Изначально поэт раскрывает созвучие мировых стихий. В первой строфе в изображении Земли автор использует образные ряды стихий огня и воды: «изрытая огнем», «верхи, одеянные льдом», «обильные живительной росою», «грозный Океан, как небеса, пространный». Во второй строфе образный ряд водной стихии сближается с образами небесного мира: «Эфира по волнам лиет потоки света...».

Композиция *отрывка* Норова близка философской лирике любомудров использованием принципа триады: в первой строфе в качестве тезиса выступает образное представление о

Земле, антитезисом выступает вторая строфа, раскрывающая неукротимую силу морской стихии, а синтезом служит авторский вывод в третьей строфе о величии мироздания и природы. Фрагментарная поэтическая форма подчеркивает динамику поэтической мысли, оформления философского заключения. Фрагментарная поэтическая форма послужила органичной основой для создания мирообраза вселенной.

Во второй строфе ключевым выступает мотив странствия человека в мироздании. Автор использует укорененное в мировой культуре метафорическое сближение человечества и корабля. В изображении лирического субъекта доминирует романтическая образность, прежде всего акцентирование мечтательности как ключевой характеристики внутреннего мира человека: «Я был на палубе с любимою мечтой». Кульминацией текста является сцена бури, которой предшествует зловещая тишина:

Все тщетно!.. грянул гром, ветр заиграл волнами,
Все море двинулось, и ураган уж тут!..
Уже с двух мачт верхи сломились и падут... [2, с. 82]

В изображении мирообраза Океана при всей универсальности («Северны пучины») автор стремится к образной, топографической детализации («смерть сама с мелями Вангер-Ог»). Морская бездна мифопоэтически сближается со смертью. В образном контексте возникает архаическая сюжетная модель о чудесном спасении после погружения в мир бездны, стихии, смерти.

В третьей строфе характер мирообраза Океана стремительно меняется, так как в нем, хотя и сохраняются черты непримиримой стихии («холодный и ужасный»), возникают и черты гармоничности: «Волнуйся, Океан, лазурными холмами!». Мирообраз Океана в произведении Норова соотнесен с философскими представлениями о вечности и динамичном универсуме, с этической ценностью свободы, что характерно для романтиков, в частности для поэтического миросозерцания В.А. Жуковского. В хронотопе *отрывка* Норова возникает антитеза мирообраза Океана и человеческой истории как смены поколений и царств: «На граде тлеет град, на царстве царство тлеет...». Образное представление о волнообразном характере человеческой истории на мифопоэтическом уровне сближает ее с морской стихией. Текст завершается контрастом временного и вечного:

Но по тебе вотще скользит полет веков,
С зари созданья ты свободен и суров [2, с. 82]

В художественном отношении более удачны вольные переводы Норова произведений античных поэтов. Антологическая лирика в русской романтической поэзии – это особый образный мир, в котором воспеваются быстротечная человеческая жизнь, ее чувственные радости. К переводам антологий античных поэтов обращались многие русские романтики: К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, А.А. Дельвиг, Д.П. Ознобишин, Д.В. Дашков, В.С. Печерин, Е. Бернет и др. В переводах «Из Анакреона» А.С. Норова мы видим индивидуальную творческую интерпретацию античной культуры. Переводы Норова, как и антологическая поэзия Батюшкова, отличаются образной пластичностью и конкретностью. Русский романтик создает образ «старца седого», утверждающего мудрость принятия каждого мгновения земной жизни, отрицающего мнимые формы самоутверждения человека. Данное восприятие древнегреческого поэта было в целом характерно для русских поэтов XIX века, например для А.С. Пушкина. Так, в элегии Пушкина «Гроб Анакреона» (1817) кончина поэта выражает естественное завершение празднества жизни, дружбы и любви.

Особенностью многих переводов Норова является то, что переводчик предпосылает лирическому тексту в качестве эпиграфа первую строку древнегреческих текстов. Данный прием позволяет оттенить идею межкультурного диалога, создать ощущение воскрешения античности. В антологическом стихотворении Норова «Что мне в высокой науке...» лирический зачин, представляющий собой ряд риторических вопросов, раскрывает иллюзорность славы. Мнимые формы жизнетворчества метафорически соотносятся с пустотой: «в витийстве пустом», «в воинственном звуке». Лирический сюжет текста развивается по принципу контраста. Лирический субъект утверждает гармоничное жизнетворчество, в основе которого лежит опьянение чувственной любовью и жизнью:

С этой седой головой,
Розами вечно увитой,
Молод я, старец седой! [1, с. 234]

Древнегреческая богиня любви воплощает представление об эпикурейском идеале, которое в дальнейшем конкретизируется в образе «девицы». В произведении возникает характерный для антологической поэзии образ венка из роз. Образ «венка» в поэзии Пушкина служит постоянным знаком анакреонтического типа художника: «Двойным увенчанным венком» («Княгине З.А. Волконской», 1827). Образ античного поэта в лирике Пушкина фокусирует многие эротические мотивы [3, с. 23].

Эротические детали оформляют образ поэта и в произведении Норова. Венок из роз служит символом не только поэзии, но и любви. В русской романтической поэзии мотивный комплекс вина был ключевым в создании образных рядов дружеского круга, чувственной любви, воинского подвига и поэтического творчества. В произведении Норова возникает архаическое представление о жизни как пире, во время которого человек должен осушить чашу жизни. Мифологические представления о чаше жизни были распространены у многих индоевропейских народов, в том числе у славян. В произведении Норова образ чаши является не только центром жизненного пира, но и метафорически соотносится с душой человека: «Сладкую негу в душу навей!».

В лирическом тексте мы видим четкое противопоставление мирообразов хаоса и космоса. Космос соотнесен с образными представлениями о любви, пире, а хаос – со смертью. Лирический текст завершается образным рядом смерти, ключевыми для античной культуры представлениями о загробном мире: «Нет вожделений в царстве теней!..». Норов раскрывает особенности античного миросозерцания, которое воспринимало загробный мир призрачным. Призрачное существование тени в загробном мире противопоставлено чувственной и телесной полноте земной жизни и близко небытию. Представление о призрачной тени, лишенной индивидуальной, субстанциональной жизни, широко представлено в эпической поэме Гомера «Одиссея», осмысляя которую, А.Ф. Лосев пришел к выводу: «Аид же есть просто <...> отсутствие жизни. И поэтому бытие его мрачное и тоскливое» [4, с. 74]. Драматическое осознание неотвратимого превращения человека в тень, лишенную чувств, придает жизненному пиру в произведении Норова особую экспрессию. Лирический субъект стремится обрести полноту жизни, одержать этическую победу над смертью. Схожую образность имеют и другие антологические стихотворения Норова: «Дайте, жены, дайте мне...», «Не беги меня, девица...». В данных произведениях русского романтика, как и в рассмотренном выше тексте, значимую роль играют образы цветов: «Роза в белизне лилей». В антологических стихотворениях Норова возникают метафоры, в основе которых лежит архаическое сближение стихии огня и жизни, душевных переживаний: «Видите ль, я весь в огне!».

Среди антологических стихотворений А.С. Норова особо выделяются произведения, в которых сюжетной основой служат древнегреческие мифы. Данные произведения характеризуются образной динамикой. В частности, в стихотворении «Спящею пчелой из розы...» образы Эрота и Афродиты индивидуализируются за счет диалога:

Мать дитя рукой ласкает,
Говоря: «Когда пчела
Больно так порой кусает,
Какова ж твоя стрела?..» [1, с. 235]

Поэтический синтаксис данного произведения характеризуется, с одной стороны, использованием переносов, с другой – введением синтаксических конструкций, характерных для разговорной речи. В произведении создается яркая камерная сцена диалога матери и ребенка. Данный поэтический текст, как и другие антологические стихотворения Норова, завершается вопросом, который экспрессивно обращен к читателю и включает его в лирическую ситуацию.

В антологическом стихотворении Норова «Этот бык, поверь, девица...» сюжетной основой является миф о похищении Европы Зевсом в образе быка. Весь текст представляет собой монолог, обращенный к «девице», что придает ему дополнительную эротическую семантику. Особенность монолога состоит в том, что он не только эмоционально окрашен, но и фокусирует непосредственное переживание мифа. В произведении возникает эффект соприсутствия читателя в хронотопе мифа. Яркие художественные детали помогают создать динамичную и выразительную образную картину, утверждающую силу страсти:

Как кипит широкий понт,
От двойных копыт секомый!.. [1, с. 236].

Рассмотренные выше антологические произведения Норова, датировка которых не установлена, характеризуются «умеренной» архаикой, которая вполне органична для создания образных представлений об античности и созвучна в стилевом отношении русской антологической традиции.

Антологическое стихотворение Норова «Сирийка, с греческой повязкой в волосах...» является вольным переводом произведения «Танцовщица» («Сора»), традиционно приписываемого Вергилию. Лирический зачин произведения Норова представляет собой женский портрет, который создает основу для ценностного противопоставления городской суеты и деревенской жизни, дарующей лирическому субъекту столь желанное отдохновение и возвращение к субстанциональным жизненным ценностям. И портрет, и интерьер предельно конкретны: «Средь бочек, чаш, амфор, кимвалов и гобой...». В данном антологическом произведении возникает развернутый идиллический мирообраз, утверждающий гармоничное единство человека и природы.

Схожий идиллический мирообраз мы видим у многих русских романтиков, например в элегии Жуковского «Теон и Эсхин» (1814), где в диалог вступают античная и христианская культуры [5, с. 48]. В антологическом стихотворении Норова значимой деталью лирического пейзажа служит «хладный ключ», который придает образной картине динамичность. В данном антологическом тексте четко проявлены онтологическая горизонталь и мироощущение человека, ориентированного на чувственные, земные радости. Метафорический образ «луговой постели» оттеняет мифопоэтическое представление о природном мире как космосе, где в единстве живут люди и боги: «Здесь чистая Церера, здесь Эрот и Вакх...». В вольном переводе Норова ключевым является идиллический образный ряд цветов и плодов: «лазурные фиалки», «лилий снеговых пуки», «узорчатые дыни». Данный образный ряд призван подчеркнуть идею полноты жизни, обретаемой на лоне природы. В поэтическом мире произведения значимое место занимает образ странника, целью путешествия которого выступает ночлег, соотнесенный с пиром и любовью. Апофеозом идиллической картины выступает эротическая сцена, органично вписанная при помощи образа «венка из роз» в лирический пейзаж. В лирическом контексте возникает метафорическое соотнесение гетеры с цветком. Финал данного вольного перевода Норова созвучен его переводам «Из Анакреона» антитезой прекрасной земной жизни и праха, надгробного камня, смерти. Финальный ряд восклицаний и вопросов выражает стремление к эпикурейскому наслаждению жизнью.

Как мы видим, в лирике А.С. Норова соединяются черты, присущие классицистической и романтической поэтике, что проявляется в ключевых мирообразах, в изображении внутреннего мира человека. В антологической лирике Норова акцентированы не только внешние атрибуты античной культуры, но и проявлены доминирующие черты мировосприятия древнего грека и римлянина. В антологической лирике русского романтика доминируют мирообразы космоса и жизни-пира. Русский романтик создает динамичные лирические сцены, сюжетным ядром которых служат древнегреческие мифы. По своей поэтике антологическая поэзия Норова близка произведениям Батюшкова и Жуковского.

Статья подготовлена при поддержке гранта
Президента РФ МД-6987.2010.6

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Поэты** 1820–1830-х годов [Текст] В 2 т. Т. 1. / вступ. ст. и общ. ред. Л.Я. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, 1972. – 792 с.

2. **Северная** лира на 1827 год [Текст] / отв. ред. А.Л. Гришунин. – М.: Наука, 1987. – 416 с.

3. **Постнов, О.Г.** Пушкин и смерть: опыт семантического анализа [Текст] / О.Г. Постнов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 198 с.

4. **Лосев, А.Ф.** Очерки античного символизма и мифологии [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993.– 960 с.

5. **Савельева, Л.И.** Античность в русской поэзии конца XVIII – начала XIX века [Текст] / Л.И. Савельева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 120 с.

УДК 82.091+82-94

Э.И. Коптева

ТРАДИЦИИ РИТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ В «ГРЕЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ» Д.И. ФОНВИЗИНА «КАЛЛИСФЕН»

Биография – один из ведущих жанров древней и новой литературных традиций – на протяжении многих столетий привлекает внимание авторов и читателей. Обладая рядом важнейших функций (в том числе познавательной, дидактической), биография моделирует поведение человека в мире, его характер и воздействует на самосознание читателя, что, в свою очередь, относит указанный жанр к риторическим формам.

В первой трети XVIII века светская биография в русской традиции почти отсутствует, но уже во второй трети столетия появляются переводные, в том числе авантюрные, жизнеописания Кира, Петра Великого, Евгения Савойского, королевы Елизаветы, Френсиса Бэкона, в которых проявляется интерес к душевной жизни человека [5, с. 126]. Последние десятилетия XVIII века в русской культуре ознаменованы не только новой волной популярности подобной литературы, но и трансформацией биографической прозы. О том, насколько важной оказывается эта традиция, говорит тот факт, что с 1783 года начата новая серия мемуаров, издаваемых Академией наук под руководством Е.Р. Дашковой.

Биография и автобиография в XVIII – начале XIX века формируют представления об идеальном человеке, отражая философские, религиозные, гражданские проблемы эпохи. Благодаря запискам, мемуарам, похвальным словам, биографическим историям складываются основные направления русской прозы: вымышленной и/или документальной.

Подобного рода произведения отличаются своеобразной философичностью, исходящей из самого авторского задания: осмыслить жизнь и судьбу человека в русле исторического времени и вечности. Это качество раскрывается не только на уровне идейно-тематическом, но и на формальном, что находит выражение в поиске сюжетно-композиционных и в целом стилевых принципов. В этом смысле многие русские авторы (профессиональные и непрофессиональные) обращаются к греческой и латинской риторическим традициям. Особенно важной становится опора на два типа биографии, сложившиеся в период античной классики и в эпоху эллинизма: «аналитическую» и «энергетическую», по выражению М.М. Бахтина.

Д.И. Фонвизин, работая над повестью «Каллисфен» (1786), опирается и на Плутарховы «Сравнительные жизнеописания», и на сочинения Феофраста, в том числе «Характеры», необычайно популярные в европейской литературе вообще. Как известно, труды Феофраста оказали воздействие на книгу Лабрюйера «Характеры». Русские переводы произведений Плутарха появились в середине 1750-х годов, Лабрюйера – в конце 1780-х–1790-х годах [5, с. 105, 223].

Фонвизин, по всей видимости, начинает интересоваться литературной биографией во время своей поездки во Францию в 1777–1778 годах. Сюжет его произведения о Каллисфене выстраивается на столкновении образов властителя и философа. Гибель мыслителя по приказу тирана – один из самых распространенных «вечных» сюжетов в европейском искусстве. В этой связи западные и русские авторы часто обращаются к осмыслению жизненного пути Сократа, Сенеки, Петрония. Богатая традиция биографических форм смоделировала сам образ поведения философа-ученого в европейской культуре, основными чертами которого явились: любовь к истинной мудрости, неподкупность, бескорыстие, постоянный внутренний поиск, человеколюбие и всепрощение. Очевидно, что за многие века античная культурная традиция биографии сращивалась с формами христианской агиографии.

Русская литература не осталась в стороне от этого процесса. Здесь складывается принципиальная оппозиция сильного мира сего и свободного мыслителя (ученого, автора). По мысли Ю.М. Лотмана, в этом конфликте литература

выполняет функцию, свойственную религиозному откровению в средневековой традиции: «Традиционное место церкви как хранителя истины заняла в русской культуре второй половины XVIII в. литература. Именно ей была приписана роль создателя и хранителя истины, обличителя власти, роль общественной совести. <...> Он [писатель. – *Э. К.*] мыслился как борец и праведник, призванный искупить авторитет готовностью к жертве» [8, с. 246]. Служение только земному в русской литературной традиции воспринимается как утрата духовного смысла и потеря человечности.

В биографии, созданной Фонвизиным, персонаж становится носителем идеи: Истина в образе Каллисфена противостоит Власти в образе Александра Македонского. Вместе с тем автор изображает и другое (в принципе возможное) состояние мира: стремление к гармонии мудрости и власти, а значит, высшего мира и земной юдоли. Начинается повесть с чтения письма Александра к Аристотелю: *«Возлюбленный учитель, будь уверен, что я твердо помню и точно исполняю все твои наставления; но я человек и окружен льстецами: страшусь, чтоб наконец яд лести не проник в душу мою и не отравил добрых моих склонностей. <...> Пришли ко мне достойнейшего из всех учеников твоих, который бы имел дух напоминать мне часто твои правила и укорять меня всякий раз, как я отступать от них покушуся»* [15, с. 226].

Несмотря на то что сам Александр просит философа наставить его на путь, достойный великого человека, гармония власти и мудрости оказывается недолговечной. Большая часть повести изображает путь лишений и оскорблений некогда возвышенного «державцем полумира» философа: *«Александр предпринял путешествие в Ливию ко храму Юпитера Аммона. <...> Он взял с собою весь свой совет, но над именем Каллисфена написано было рукою Александра: "позади в обозе". Философ нималейше не тронут был сим знаком холодности государя, для того что он ничем его не заслужил; всего же менее оскорблен он был явным к себе презрением придворной черни, которая, прочитав выражение: "позади в обозе", старалась оскорблять всячески Каллисфена, ласкаясь, что такое поведение против впадшего в немилость всевысочайше причтено быть может за всенижайшее и вернорабское усердие к произволению государя»* [Там же. С. 232].

Каллисфен сохраняет верность истине и в период отлучения от двора. Его поведение нисколько не меняется. Фонвизин последовательно идеализирует философа. Если в начале повествования он проверяет Каллисфена сомнением, то в последующем изображении характер философа становится еще более цельным и твердым, чуждым всякого рода сомнениям. Сопоставим:

– Меня? Меня посылаешь ко двору толь сильного монарха? – сказал Каллисфен. – Но что мне там делать? Ты знаешь, могу ли я превозносить порочные деяния государя и его любимцев! Ты учил меня почитать добродетель, исполнять ее делом и преклонять к ней смертных.

<...>

– Но при дворе царя, коего самовластие ничем не ограничено, - говорил Каллисфен, – может ли истина свободно изъясняться?

– Неужели гонения страшишься? – вопросил Аристотель.

– Боги! – возопил Каллисфен. – Вы знаете, с радостию ли исполняю долг моего служения и готов ли я вкусить смерть за истину! [Там же. С. 227].

«Слух о сих мерзостных злодеяниях воспалил рвение Каллисфена. Он вбежал в чертоги монарха, не ужасаясь ни величества его, ни множества окружающих его полководцев и сатрапов.

– Александр! – возопил он, – сим ли образом чаешь ты достоин быть алтарей? Ты друга умерщвляешь, тысячи невинных своих подданных предаешь пламени. Чудовище! Ты имени человека недостоин!» [Там же. С. 235].

Примечательно, что автор не рассказывает обо всем жизненном пути героя, а выделяет лишь самый важный «отрезок» в его финале. При этом все предшествующее рассматривается как приуготовление к подвигу философа. Подобный выбор жизненных фактов, осуществляемый автором, говорит о жанровой основе повести Фонвизина – это похвальная речь, вернее энкомион (греч. εγκώμιον – «надгробная поминальная речь»).

По мнению Бахтина, европейские формы биографии сложились как результат трансформации мистерийно-культовой схемы («истории обращения»), нашедшей выражение в философских диалогах Платона «Апология Сократа»

и «Федон», и традиции энкомиона, определившейся в защитительной речи Исократа [4, с. 58–59].

В повести Фонвизина Каллисфен – носитель идеи бескорыстного служения истине – не изображается в «момент становления», герой изначально задан как идеальный образ человека вообще. Его жизнь – это череда испытаний на верность идее. При этом в образе героя нет ничего приватного: автор-рассказчик не погружает читателя в мир его внутренних размышлений и переживаний, не изображает изменения его самосознания. Образ Каллисфена лишен рефлексии, зато он напоминает героев классических высоких жанров – эпоса и трагедии, дело всей жизни которых доказать верность самим себе и своей идее.

Подобный тип главного действующего лица характерен для всех высоких жанров классицизма, а также проявляется в философском романе и повести. По нашему мнению, сама типология образов в европейской литературе складывается под сильнейшим воздействием античной традиции, и в первую очередь античным пониманием категории характера [2, с. 23–24]. Так, философ способен различать доброе и злое в поступках человека, он наделен кротостью и великодушием, человеколюбив, простосердечен, его ум влечет истина, а не острота высказывания – все эти черты указывает Фонвизин в образе созданного им Каллисфена. В отличие от него придворные Александра соединяют «надменность» и «пышность» в своем поведении со «зверским сердцем», «лютостью» и «скотским разумом». Указанные порочные качества соответствуют таким типам Феофраста, как «льстивость», «бессовестность», «бесстыдство», «грубость», «тщеславие», «высокомерие», «злоязычие» (2, 9, 11, 15, 21, 24, 28) [14].

Очевидно, что подобное разграничение персонажей опирается на этическую систему Аристотеля, видевшего корень всех пороков в трех основных: невежестве, злобе, буйном скотстве. Эта система впоследствии была развита учениками философа, в том числе Каллисфеном, труды которого до нас не дошли, и Феофрастом, возглавившим Ликей в 322–286 годах до н. э.

У Плутарха изображение Каллисфена скорее двойственно, нежели идеально. Рассказывая об Александре Македонском, автор вводит жизнеописание Каллисфена в тот момент, когда Александр, убивший своего друга Клита, изнемогает от постигшей его утраты. Образ философа противопоставляется здесь Анаксарху из Абдер: *«Каллисфен пытался кроткой и ласковой речью смягчить горе царя, а Анаксарх, который с самого начала пошел в философии особым путем и был известен своим презрительным отношением к общепринятым взглядам, подойдя к Александру, воскликнул: “И это Александр, на которого смотрит теперь весь мир!” <...> Анаксарх внушил ему еще большую надменность и пренебрежение к законам <...> усилил его неприязнь к Каллисфену, которого царь и прежде-то недолюбливал за строгость и суровость»* [11, с. 414].

В тексте произведения Фонвизина такого персонажа, как Анаксарх, нет вообще, философу противостоит фаворит царя – Леонад [15, с. 230]. Однако сюжетно-композиционные особенности повести отсылают к поэтике синкрисиса Плутарха и в целом к риторической традиции. Кольцевая композиция объединяет тезис с синтезом. Центральная часть повести развивает основные темы и вводит антитезис. Основными архитектоническими принципами становятся симметрия и асимметрия. Эмоционально выделенной является центральная часть, тогда как начало и финал подчеркнуто умиротворенны. Так, встреча Аристотеля и Каллисфена в начале текста отражается в финале повести, где упоминается о посмертных записках философа: *«По кончине самого Аристотеля найдено в бумагах его следующее письмо Каллисфеново, писанное за несколько часов пред его смертию. Здесь предлагается оно с отметкою его друга.*

Письмо Каллисфена:

“Умираю в темнице; благодарю богов, что сподобили меня пострадать за истину. Александр слушал моих советов два дни, в которые спас я жизнь Дариева рода и избавил жителей целой области от конечного истребления. Прости!”

Отметка рукою Аристотеля:

“При государе, которого склонности не вовсе развращены, вот что честный человек в два дни сделать может!”» [Там же. С. 236].

Смерть примиряет обоих философов с миром и окружающими людьми, выделяя человеческий подвиг мыслителя как нечто незыблемое, постоянно возобновляющееся в мире

человеческих поступков, как реализованные возможность и стремление человека оставаться верным самому себе и истине. Однако способ завершения текста «включает» принцип синкрисиса, определяющий некую «сверхзадачу» автора: «эффект восхождения от конкретного к абстрактному, к универсалиям» [2, с. 163]. Главные герои и сюжетные ситуации проявляют ведущую идею повести, обозначенную в процитированных словах Аристотеля. Истинное великодушие облагораживает не только добродетельного человека, но и воздействует на его окружение.

Риторическая схема выбора [Там же. С. 166] сближает повесть Фонвизина с философским диалогом:

– Государь! – вопросил его философ, – правда ли, что ты бог?

– Правда! – отвечал Александр, покраснев и запинаясь.

– Государь! – говорил ему Каллисфен, улыбаясь, – велико твое требование, но не бойся, чтоб философия обременила тебя тяжким порицанием; она таковым мнениям только лишь смеется; но, став богом, государь, если им стать тебе угодно, помышляй, к чему обяжет тебя сие великое титло. Боги от единых благотворений познаются; за усердие к себе платят они милостями, за обожание покровительством» [15, с. 234–235]. Перед читателем разворачивается борьба идей. Поиск мудрости, живого знания о мире неостановим, тогда как высокомерие и заносчивость мертвенны и бесполезны.

Сюжет, раскрывающий антитезу одинокого мыслителя, «избранника судьбы», и «безумствующей толпы» [2, с. 167], начал осваиваться в русской литературе задолго до эпохи романтизма, и важнейшую роль в этом сыграет переосмысление античной классики. Подобная сюжетная ситуация встречается во многих произведениях русской литературы, в разных жанровых формах, например в стихотворениях Г.Р. Державина, в «Путешествии» А.Н. Радищева (явление Прямовзоры во сне путешественника), в «Почте духов» И.А. Крылова (история Великого Могола).

Принципы построения повести, риторика текста сближают указанное произведение Фонвизина с «Повестью из римской жизни» Пушкина («Цезарь путешествовал...», 1835). Обе повести имеют и фабульное сходство: Петроний, будучи оклеветан царедворцами, готовится к смерти, подобно Каллисфену. «Равнодушие» и «искренность», «игра мыслей» и афористичная речь – все эти черты римского писателя напоминают об образе, созданном Фонвизиным. Однако пушкинские лаконичность и краткость исходят из недоговоренности, умолчания, тогда как у Фонвизина – из желания точно и обобщенно представить основные человеческие характеры (философ; царь, потакающий своим слабостям; порочные царедворцы). Вместе с тем и в «отрывке» Пушкина проявляется поэтика синкрисиса: образ Петрония, оставляющего жизнь, сопоставляется с образом юного поэта, от лица которого ведется повествование. Здесь важно художественное «вживание» в одну из самых кризисных эпох римской истории [12].

Обе повести построены по принципу параболы (греч. παραβολή), сталкивающей различные исторические ситуации и выявляющей общечеловеческий вневременный смысл происходящего. В этой связи риторическая традиция организует повествование: в повести Фонвизина риторика выступает в качестве приема (дидактического задания), в то время как повесть Пушкина лишена сентенциозности. Между тем трансформация риторической культуры в литературе XIX века становится одной из важнейших проблем научных изысканий последних десятилетий [7, 13].

Параллелизм ситуаций и характеров сближает сюжет повести Фонвизина не только с Плутарховыми жизнеописаниями, но и с героическим эпосом – высшим образцом эпохи классицизма. Образ Александра в повести русского просветителя изобличает человеческую раздвоенность вообще, тогда как Каллисфен – это идея добродетели, а Леонад и другие подданные царя выражают злонамеренные пороки.

Каллисфен у Плутарха «приятен» юношам и старикам, поскольку *«вел жизнь безупречную, чистую, чуждую искательства»*, подобно Аристотелю, своему учителю, *«не уклонялся от истины, когда говорил, что отправился за Александром лишь затем, чтобы восстановить свой родной город и вернуть туда жителей», «большей частью отклонял приглашения к царскому столу»*

[11, с. 415]. Плутарх включает в свое повествование анекдоты – истории из жизни, сталкивая разные точки зрения на изображаемый характер. Так, он вводит мнение Аристотеля о том, что *«Каллисфен – прекрасный оратор, но человек неумный»* [Там же. С. 416], и сразу же возвышает образ философа, говоря, что *«Каллисфен избавил греков от большого позора, а Александра – от еще большего»* [Там же]. Мыслитель в отличие от других царедворцев не падает ниц перед царем, выпив вино и подойдя к Александру для поцелуя: *«Александр уклонился... а Каллисфен сказал громким голосом: "Что ж, одним поцелуем будет у меня меньше"»* [Там же].

Каллисфен в изображении Плутарха намеренно вызывает недовольство царя, несколько раз подряд произнося провоцирующие фразы. При этом автор выстраивает рассказ о мыслителе по принципу «возвышения/снижения». Это противоречивый, до конца не раскрытый персонаж, развернувшийся к читателю только некоторыми своими чертами. Характер у Плутарха раскрывается соответственно греческому пониманию как «отпечаток», замыслы, слова, поступки которого известны из воспоминаний других людей или пересказов, анекдотов. Благодаря подобному изображению складывается образ как «вещь в себе», не проявленная целиком, принципиально не завершенная, за счет чего возникает динамика изображения героя и его восприятия читательским сознанием.

Образ идеального в нравственном смысле человека в русской литературе апеллирует к двум традициям: святоотеческой и античной. Образ святого в отечественной словесности соотносится с образом философа в античной культуре – это две опоры русского просветительства, отраженные в прозаических опытах от Н.И. Новикова до А.Н. Радищева и Н.М. Карамзина.

С.С. Аверинцев отмечает, что категория «великая натура» восходит к Платону и подразумевает «величие души, незаурядность, значительность» [1, с. 182]. По мысли Плутарха, «великие натуры порождают не только великие добродетели, но также и великие пороки». Симптоматично, как отзовется эта нормативная концепция «великого человека» в конце XVIII века не только у Фонвизина, но и у Радищева в его «Письме другу, жительствующему в Тобольске» (1782), где автор представляет историческую и нравственную оценку деятельности Петра Великого.

Великодушие понимается в XVIII столетии как истинное благородство и добродетель. Так оно будет осмыслено, например, у Монтескье, считавшего милость высшей добродетелью государя. Так, Екатерина II, обращаясь к трудам французского философа, поставит правило для монархов: «Воздержаться, чтоб самому не судить». Все указанные мнения отсылают к аристотелевскому размышлению в «Риторике» о том, что гнев противоположен милости [3, с. 184]. В трактате Аристотеля великодушие толкуется как противоположность ничтожности: «Великодушие – добродетель, побуждающая к совершению великих благодеяний» [Там же. С. 130–131].

Идея «великой личности» трансформировалась в русской традиции в различных модификациях, став locus communis в культурной жизни XVIII века. В творчестве Карамзина образ идеального общества исходит из «Платоновой республики мудрецов», дарующей «блаженство ценой отказа от личной свободы» [10, с. 606]. Другим отголоском станет идея «добровольного жертвоприношения на алтарь отечества», отразившая мироощущение 1820-х годов [9, с. 228].

Риторическая направленность произведения Фонвизина раскрывается и в созданном автором прозаическом стиле, основными чертами которого становятся: краткость, лаконичность, афористичность. Автор применяет следующие риторические приемы: гипофору (греч. υποφορά), пролепсис (греч. πρόληψις), апофазу (греч. άποφασις), паррезию (греч. ϖαρρησία), эпиплексу (греч. έπίπληζις), этиологию (греч. αίτιολογία) [6]. Каллисфен, подобно риторическому герою трагедии, отвечает на суждение противника и отклоняет его как ложное [15, с. 231], предсказывает определенные события при определенных обстоятельствах [Там же. С. 232], устраняет ложные положения в суждении [Там же. С. 233], разворачивает откровенно-разоблачительную речь, бросая вызывающие упреки даже царю [Там же. С. 228, 235], обосновывает причины своего поведения [Там же. С. 228].

В целом указанная повесть создает у читателя впечатление хорошо сложенной речи, в которой нет ничего лишнего, а характер главного героя целостен и самодостаточен. Несмотря на выверенную логическую структуру теста, художественность раскрывается здесь и на идейном уровне, и в образной системе произведения. Целостность личности Каллисфена, созданной автором, привлекает читателя, пробуждая в нем образ возвышенного и прекрасного. Духовный смысл пути героя, его верное и бескорыстное служение истине противостоит безобразному страстному образу падшей души. Героическое и трагическое сталкиваются здесь с низменным и сатирическим. В образе Каллисфена обобщаются высокие чувства, идеальные представления о человеческой личности. Это стремление к полноте и гармонии человека и истины делает повесть Фонвизина философско-художественным произведением. По нашему мнению, прозаические опыты русских авторов последних десятилетий XVIII века предвосхитили рождение философской прозы любомудров, художественные эксперименты в позднем творчестве А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и других русских писателей начала XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аверинцев, С.С.** Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра [Текст] / С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

2. **Он же.** Риторика и истоки европейской литературной традиции [Текст] / С.С. Аверинцев. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 448 с.

3. **Аристотель**. Поэтика. Риторика [Текст] / Аристотель; пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. – СПб.: Азбука, 2000. – 348 с.

4. **Бахтин, М.М.** Эпос и роман [Текст] / М.М. Бахтин. – Там же. – 304 с.

5. **Буланин, Д.М.** История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век [Текст]. В 2 т. / Д.М. Буланин, С.И. Николаев, Р.Ю. Данилевский [и др.]; под ред. Ю.Д. Левина. – СПб.: – Дмитрий Буланин : Böhlau, 1995. – Т. I. Проза. – 316 с.

6. **Горте, М.А.** Фигуры речи [Текст]: терминолог. слов. / М.А. Горте. – М.: ЭНАС, 2007. – 208 с.

7. **Еремеев, А.Э.** Русская философская проза (1820–1830-е годы) [Текст] / А.Э. Еремеев. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. – 192 с.

8. **Лотман, Ю.М.** Архаисты и просветители [Текст] / Ю.М. Лотман // Собр. соч. Т. 1. Русская литература и культура Просвещения. – М.: ОГИ, 2000. – 536 с.

9. **Он же.** Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) [Текст] / Ю.М. Лотман.– СПб.: Искусство, 2001. – 415 с.

10. **Он же.** Карамзин [Текст] / Ю.М. Лотман. – Там же, 1997. – 832 с.

11. **Плутарх**. Избранные жизнеописания [Текст]. В 2 т. / Плутарх; пер. с древнегреч., сост. и примеч. М. Томашевской. Т. I. – М.: Правда, 1987. – 608 с.

12. **Пушкин, А.С.** Повесть из римской жизни [Текст] / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч. В 17 т. Т. 8. Кн. 1. – М.: Воскресенье, 1995. – 496 с.

13. **Теория** литературы: роды и жанры [Текст]. Т. III (Основные проблемы в историческом освещении) / под ред. Ю.Б. Борева. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 592 с.

14. **Феофраст**. Характеры [Текст] / Феофраст; пер. с древнегреч., ст. и примеч. Г.А. Стратановского.– М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993. – 124 с.

15. **Фонвизин, Д.И.** Сочинения [Текст] / Д.И. Фонвизин; сост. Н.Н. Акопова; предисл. Г.П. Макогоненко; примеч. М.В. Иванова. – М.: Правда, 1981. – 320 с.

УДК 82

А.Д. Момот

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА «LOVE» В ТЕКСТЕ СОНЕТОВ У. ШЕКСПИРА

Прагматический подход к изучению сонетов основывается в первую очередь на том, что всякий художественный текст представляет собой результат диалогического общения между писателем и читателем и поэтическая форма общения не является исключением. При таком подходе диалог между писателем и читателем можно рассматривать как коммуникативную ситуацию, включающую говорящего, адресата, а также некие пространственно-временные отношения, в которых находятся эти участники.

В ходе прагматического анализа сонетов особое внимание стоит уделить такому важному компоненту коммуникативной ситуации, как фактор адресата, в значительной степени влияющий на формирование эгореференциальных параметров текста. Учитывая то, что текст – это воплощенный в предметах физической реальности сигнал, передающий информацию от одного сознания к другому и поэтому не существующий вне воспринимающего его субъекта [2, с. 10], можно утверждать: изучение фактора адресата подразумевает выявление прагматических основ порождения и восприятия текстового произведения, всегда ориентированного на конкретного или абстрактного получателя информации. Если, например, личная переписка рассчитана на конкретного корреспондента, а круг читателей специальной научной литературы более широкий, но, тем не менее, ограниченный, то произведения художественной литературы рассчитаны часто на массового читателя. Несмотря на это, создатель речевого произведения всегда его кому-то адресует. Иными словами, по мнению Е.Г. Хомяковой, получатель информации наряду с говорящим является важным участником коммуникативной ситуации [3, с. 183].

Следует подчеркнуть, что значимость фактора адресата при порождении речевого произведения также предопределена самой природой языкового знака, социального по своему характеру. Так, В. Волошинов отмечает, что организующий центр всякого высказывания, всякого выражения – не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь. «Внутренний мир и мышление каждого человека имеет свою стабилизованную социальную аудиторию. <...> Значение ориентации слова на собеседника – чрезвычайно велико. В сущности, слово является двусторонним актом. Оно в равной степени определяется тем, чье оно, и тем, для кого оно. Слово является именно продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим. Слово – общая территория между говорящим и собеседником» (1, с. 302).

Так, полноценный анализ сонетов У. Шекспира, безусловно, требует особого внимания к взаимоотношениям говорящего и слушающего, автора и предполагаемого читателя. Разумеется, всякое художественное произведение, как уже отмечалось выше, по сути направлено на широкую аудиторию, и автор ведет повествование в настоящем месте и времени, воссоздавая иную ситуацию, место и время происхождения которой может не совпадать с текущим моментом речи, так же как автор может не совпадать с героем, а истинный читатель – с тем, с кем вступает в диалог вымышленный персонаж. Задачей подобного акта номинации является достижение определённого коммуникативного эффекта. Однако помимо этой зачастую имплицитно выраженной цели в некоторых текстах присутствует эксплицитный читатель, прекрасная дама или же какие-то абстрактные материи, к которым герой обращает свое повествование.

Непосредственно анализ прагматического компонента в сонетах У. Шекспира представляется логичным начать с определения самого героя, повествователя, который может быть отражен в тексте произведения как некое «Я» – «Я» эксплицитное, от имени которого ведется рассказ, «Я» имплицитное, т. е. не выраженное в ходе повествования вербально, но подразумеваемое. Что же касается адресата или того,

к кому обращается герой, то в подавляющем большинстве случаев в тексте сонетов представлено некое «Ты», под которым подразумевается возлюбленная женщина, «Темная» Дама героя. Адресатом может также выступать некий абстрактный читатель и само чувство любви.

В результате прагматического анализа материала удалось выявить определенное соотношение экспликации говорящего «Я» (автор) и адресата «Ты» (слушающий). Далее представляется возможным составить таблицу, отражающую, в каком качестве выступают говорящий и слушатель на материале анализируемых сонетов.

Говорящий		Адресат		
«Я» эксплицитное	«Я» имплицитное	«Ты» – возлюбленная	Абстрактный читатель	«Ты» – любовь
Сонеты 23, 37, 39, 47, 61, 90, 92, 93, 102, 104, 106, 113, 116, 117, 118, 130,147, 154	Сонет 56	Сонеты 23, 37, 39, 47, 61, 90, 92, 93, 102, 104, 117, 118	Сонеты 116, 130, 147, 154	Сонеты 56, 106, 113

Таким образом, можно сделать вывод, что в подавляющем большинстве сонетов, отражающих ситуацию любви, герой обращается от своего имени к возлюбленной и они находят эксплицитное выражение в тексте при помощи различных форм личных местоимений первого и второго лица:

Сонет 39

*O, how **thy** worth with manners may **I** sing,*
*When **thou** art all the better part of **me**?*

Сонет 37

*...Look, what is best, that best **I** wish in **thee**:*
*This wish **I** have; then ten times happy **me**!*

Сонет 61

*...Is it **thy** will **thy** image should keep open*
***My** heavy eyelids to the weary night?*

Сонет 92

*...O, what a happy title do **I** find,*
*Happy to have **thy** love, happy to die!*

Сонет 113

*Since **I** left **you**, **mine** eye is in **my** mind...*

В нескольких сонетах эксплицитно выраженный герой обращается к абстрактному читателю, о котором можно только догадываться. Им может быть как возлюбленная, присутствующая в тексте имплицитно, так и кто угодно другой. В данном случае герой предстает мечтательным рассказчиком, чья речь монологична и не подразумевает ответных реплик слушателя:

Сонет 116

*Let **me** not to the marriage of true minds*
Admit impediments. Love is not love
Which alters when it alteration finds...

Сонет 147

*...**My** love is as a fever, longing still*
For that which longer nurseth the disease...

Сонет 154

*...but **I**, my mistress' thrall,*
*Came there for cure, and this by that **I** prove,*
Love's fire heats water, water cools not love.

В довольно редких случаях герой обращается к самому понятию любви, эксплицитно выраженному существительным «**love**» или личным местоимением второго лица:

Сонет 56

*...**Sweet love**, renew thy force; be it not said*
***Thy** edge should blunter be than appetite...*

Подобное воззвание героя к любви подчеркивает глубокую интимность всей лирики Шекспира, ее отнесенность к собственным переживаниям автора, рассуждающего, по сути, с самим собой на волнующую его тему.

Как уже отмечалось ранее, немаловажную роль для прагматического анализа текста имеют пространственно-временные отношения, в рамках которых развиваются взаимоотношения и происходит общение между говорящим и слушающим. Далее обратим внимание на то, каким образом в тексте сонетов представлено время – параметр, столь необходимый для понимания структуры коммуникативной ситуации:

Сонет 39

O absence, what a torment wouldst thou prove,
Were it not thy sour leisure gave sweet leave
*To entertain **the time with thoughts of love**,*
*Which **time** and thoughts so sweetly doth deceive,*
And that thou teachest how to make one twain,
By praising him here who doth hence remain!

Разлука тяжела нам, как недуг,
*Но **временами одиноким путь***
Счастливейшим мечтам дает досуг
*И позволяет **время обмануть**.*
Разлука сердце делит пополам,
Чтоб славить друга легче было нам.

В данном случае ситуация любви имеет свое развитие в некотором временном промежутке, когда герой разлучен со своей возлюбленной. Однако, сохранив в себе чувства и мысли о ней, он имеет возможность обмануть время. Стало быть, в рассматриваемом примере время поддается персонификации и, таким образом, становится одним из действующих лиц данного сонета.

Довольно показателен с точки зрения развития коммуникативной ситуации следующий пример:

Сонет 102

*Our love was new and then but **in the spring***
When I was wont to greet it with my lays,
*As Philomel in **summer's** front doth sing*
*And stops her pipe in growth of **riper days**:*
*Not that the summer is less pleasant **now***
Than when her mournful hymns did hush the night,
But that wild music burthens every bough
And sweets grown common lose their dear delight
Therefore like her I sometime hold my tongue,
Because I would not dull you with my song.

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.
*Так соловей гремит в **полночный час***
***Весной**, но флейту забывает **летом**:*
Ночь не лишится прелести своей,
Когда его умолкнут излиянья.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
Обычной став, теряет обаянье.
И я умолк подобно соловью:
Свое пропел и больше не пою.

В этом сонете метаморфозы чувств героя особенно связаны с ходом времени: весна – лето, тогда – сейчас. Любовь меняется качественно и переходит на другой уровень, она перестает быть новой, становится чем-то обыденным и больше не вдохновляет героя на воспевание возлюбленной. В конечном счете он вовсе умолкает. Здесь время играет решающую роль: оно идет, и коммуникативная ситуация меняется вслед за ним. Однако время вновь становится бессильным перед могуществом любви:

Сонет 116

***Love's not Time's fool**, though rosy lips and cheeks*
*Within his bending **sickle's compass come**:*
*Love **alters not** with his **brief hours** and **weeks**,*
But bears it out even to the edge of doom.

Любовь – не кукла жалкая в руках
***У времени**, стирающего розы*
На пламенных устах и на щеках,
*И не **страшны ей времени угрозы**.*

Не менее наглядно представлены в сонетах и описания места, пространства, в котором происходит анализируемая ситуация.

Сонет 61

O, no! thy love, though much, is not so great:
It is my love that keeps mine eye awake;
Mine own true love that doth my rest defeat,
***To play the watchman** ever for thy sake:*
*For thee watch I whilst thou dost wake **elsewhere**,*
***From me far off**, with others **all too near**.*

О нет, любовь твоя не так сильна,
*Чтоб к моему **являться изголовью**,*
Моя, моя любовь не знает сна.
***На страже** мы стоим с моей любовью.*
Я не могу забыться сном, пока
***Ты – от меня вдали – другим близка**.*

В данном сонете герой и его любовь выступают в роли не знающих сна стражей, стоящих в незримом карауле. Кроме того, вновь возникает тема расстояния, разделяющего героя и его возлюбленную, их разного местонахождения, тема разлуки, в которой коммуникативная ситуация получает свое развитие.

Обратим внимание на другой сонет:

Сонет 113

***Since I left you**, mine eye is in my mind;*
And that which governs me to go about
Doth part his function and is partly blind,
Seems seeing, but effectually is out;
For it no form delivers to the heart
***Of bird of flower**, or **shape**, which it doth latch:*
*Of his quick **objects hath** the mind no part,*

Nor his own vision holds what it doth catch:
For if it see the rudest or ***gentlest sight****,*
The most ***sweet favour*** *or* ***deformed'st creature****,*
The ***mountain or the sea, the day or night****,*
The ***crow or dove****, it shapes them to your feature:*
Incapable of more, replete with you,
My most true mind thus makes mine eye untrue.

Со дня ***разлуки*** *— глаз в душе моей,*
А тот, которым ***путь*** *я нахожу,*
Не различает ***видимых вещей****,*
Хоть я на все по-прежнему гляжу.
Ни сердцу, ни сознанью беглый взгляд
Не может дать о виденном отчет.
Траве, цветам *и* ***птицам*** *он не рад,*
И в нем ничто подолгу не живет.
Прекрасный и уродливый предмет
В твое подобье превращает взор:
Голубку *и* ***ворону****,* ***тьму*** *и* ***свет****,*
Лазурь морскую *и* ***вершины гор****.*
Тобою полон и тебя лишен,
Мой верный взор неверный видит сон.

В данном случае описание мира вокруг героя (трава, цветы, птицы, море, горы) представляется объективно ярким, однако это не имеет для него никакого значения, поскольку во всем он видит лишь свою возлюбленную, которая находится в другом пространстве. Окружающий мир героя, каким бы прекрасным он ни был, в данном случае отходит на второй план, чем герой и спешит поделиться со своей дамой сердца в этом послании.

Еще одним примером развития коммуникативной ситуации в неких пространственных отношениях может послужить следующий сонет:

Сонет 130

I grant I never saw a goddess go;
My mistress, when she walks, ***treads on the ground:***
And yet, by heaven, I think my love as rare
As any she belied with false compare.

Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ***ступает по земле****.*
И все ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

Здесь место, а именно земля, по которой ступает возлюбленная героя, играет немаловажную роль, поскольку подчеркивается мысль о том, как божественна может быть простая земная женщина для влюбленного в нее мужчины. Впрочем, в данном случае коммуникативное сообщение, содержащее в себе довольно противоречивую похвалу, обращено вовсе не к возлюбленной, являющейся адресатом в большей части сонетов, а куда-то вовне, к абстрактному читателю.

Подводя итог, стоит заметить, что описания места не столь частотны в исследуемых сонетах. Возможно, этот факт объясняется тем, что герой сконцентрирован на собственных чувствах, а не на окружающем мире. Однако в каждом рассмотренном примере наблюдается четко структурированная коммуникативная ситуация, состоящая из взаимоотношений говорящего и слушающего в том или ином хронотопе. Прагматический анализ текстов сонетов позволил также выявить устойчивое наличие фактора адресата в исследуемом материале. Каждый сонет, преимущественно обращенный к возлюбленной героя, а порой к некому абстрактному читателю или к чувству любви, безусловно представляет собой экспрессивный речевой акт, ищущий своего слушателя вне зависимости от того, окажется ли этим слушателем дама сердца, сам герой или куда более широкая аудитория.

Суммируя все вышесказанное, стоит заметить, что наиболее распространенная в сонетах структура коммуникативной ситуации предполагает наличие эксплицитно выраженных говорящего и слушающего, находящихся в разных пространственно-временных отношениях, проще говоря, в состоянии разлуки. По всей видимости, подобные условия развития событий являются наиболее благоприятными для поэтического творчества, т. е. для создания новых коммуникативных ситуаций, хотя, по мнению Шекспира, влияние разлуки и уходящего времени на сами отношения не всегда однозначно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Волошинов, В.** Философия и социология гуманитарных наук [Текст] / В. Волошинов. – СПб., 1995.

2. **Руднев, В.П.** Прочь от реальности: исследования по философии текста [Текст] / В.П. Руднев. – М., 2000.

3. **Хомякова, Е.Г.** Эгоцентризм речемыслительной деятельности [Текст] / Е.Г. Хомякова. – СПб., 2002.

УДК 791.43.03.(47) + 792.03.(47)

Н.В. Ростова

НОВАЯ ЭСТЕТИКА В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

В истории искусства XX век характеризуется появлением новой эстетики. Так, отечественный театр начинает черпать новации через младшее искусство – кинематограф, который кладет начало формированию особой технографической среды современной культуры.

В условиях динамики культурных инноваций параллельное изучение истории театра и истории кинематографа рубежа XIX–XX веков, осмысление принципов новой эстетики представляется актуальным для современной теории искусства. Обращение к междисциплинарным искусствоведческим проблемам, не находившимся в последние десятилетия в центре внимания исследователей, делает научно значимой исследовательскую задачу представленной работы.

Экранные приемы рождались на российских подмостках спонтанно и отражали внутреннюю логику развития сценического искусства. С приходом XX века укоренение кинематографических приемов и методов на сцене становится явлением широким, а главное, осознанным. Сама фактура жизни в XX столетии, общественная ситуация одинаково много предопределяли как в театре, так и в кинематографе. Существовали точки, а иногда даже поля зрения, с которых разница между экраном и сценой просто стиралась. Приемы создания того или иного зрелища сами по себе были столь влиятельны, что подчас делали различия между игрой на сцене и игрой в кино не самой важной стороной дела. Логика развития диктовала свои условия: технографическая среда обретала черты новой эстетики, становилась объектом искусствоведческого анализа, построенного на иных, доныне невиданных принципах. Расширялся предмет искусства. Это движение оказывалось далеко не нейтральным по отношению к старшим искусствам. Именно здесь находит свое отражение сбывшийся прогноз С. Эйзенштейна об экране, который не только объяснит многое в истории искусств, но и даст возможность их дальнейшего развития.

С приходом XX века изменился быт миллионов людей, особенно горожан. Уже В. Брюсов с удивлением замечал в своих стихах: «При электричестве пишу я эти строки, // И у ворот, гудя, стоит автомобиль» [1, с. 584]. То же самое происходило в массовом быту – обыватели пользовались водопроводом, танцевали под граммофон, трамвай вытеснял конную упряжку. Было бы странно не видеть аналогичных сдвигов и в театре. Однако многие новации театр заимствовал не прямо из обыденной жизни, а через младшее искусство – кинематограф.

Вс. Мейерхольд очень мало работал в кинематографе, но много и страстно говорил и писал о нем. Его театральные поиски были чрезвычайно близки кинематографу. «Кажется, никто из театральных рецензентов не заметил, что „Лес“ совсем не театр, а кинематографическая фильма. <...> Мейерхольд по-кинематографически борется с грузом театральным; он по-кинематографически решает и монтирует сцены, он по-кинематографически заставляет играть актеров», – писал критик Н. Лебедев в «Киногазете» [2].

Мейерхольд дробил канонические тексты пьес на серию небольших игровых эпизодов. Каждому такому фрагменту действия, придавалась отточенная сценическая форма. Он изобретал для каждого отдельного эпизода особое декорационное решение или находил особое место действия. В результате каждый отрывок обладал своим особым темпоритмическим строем, своей особой драматургией, где наряду с центральными авторскими персонажами действовали побочные, вымышленные уже режиссером, как правило, бессловесные (влияние немого кино?), но очень живые и колоритные фигуры, своим существованием как бы аккомпанирующие основному действу.

Измышляя самые невероятные способы, чтобы сделать мобильной традиционно неподвижную, как бы намертво ввинченную точку

зрения театрального зрителя, сидящего в кресле зрительного зала, мастер строил пластический рисунок спектакля таким образом, чтобы действие никогда не замирало на одном месте, а внезапно перебрасывалось по всей сценической площадке, по всей ширине и глубине подмостков не только горизонтально, но и вертикально. В «Лесе», например, персонажи катались на «гигантских шагах» или брели по «дороге» где-то на уровне второго или даже третьего этажа. Таким образом, в театре удавалось успешно имитировать, присущее только кинематографу стремительное перемещение «точки съемки», что придавало оформлению всего спектакля подвижный, динамический характер.

Например, в спектакле «Трест Д.Е.»[1] использовались подвижные плоскости-щиты, динамика которых постоянно видоизменяла облик сценической площадки. Неожиданные перемещения этих щитов по подмосткам, их соединения, разъединения в мелькающих лучах прожекторов создавали, по воспоминаниям очевидцев, поразительное ощущение хода, скорости, нервности ритма сменяющихся событий. Щитов было восемь, сколочены они были из досок и выкрашены в темно-красный цвет, чтобы ассоциироваться со стенками товарных вагонов. Двигались щиты на роликах: как бы сами собой, съезжаясь, разъезжаясь, образуя всевозможные комбинации, мгновенно выстраивая нужное по ходу пьесы место действия: улицу, берлинское кафе, парламент, спортивное поле... Но стремительная смена мест действия отнюдь не единственное предназначение этих движущихся плоскостей. Функция щитов состояла еще и в том, чтобы, сочетаясь с подвижным светом прожекторов, придавать зрелищу стремительный темп, напряженный ритм, динамику. Даже тот грохот, с которым катились по сцене эти щиты, определенным образом воздействовал на восприятие зрителя. Критики дружно отмечали, что театр в данном случае бросал вызов кинематографу и в этом состязании едва ли не оказывался победителем.

Спектаклей, где Мейерхольд применял самые разные кинематографические приемы, довольно много: кроме «Д.Е.», это «Земля дыбом», «Озеро Люль», «Мандат», «Учитель Бубус» и др. Сведения об этих постановках достаточно часто встречаются в специальной литературе. Большая часть исследований театроведов посвящена влиянию конструктивизма на творчество Мейерхольда. Киномысль, исследуя феномен С. Эйзенштейна, непременно делает отсылку на его учителя. Автором настоящего исследования в рукописи монографии «Между сценой и экраном» предпринята попытка детальной реконструкции этих постановок, поэтому в небольшой статье представляется логичным уделить внимание прежде всего творчеству других режиссеров, использовавших экранный опыт на сцене. Это тем более оправданно, что имена А. Дикого, А. Курбаса, К. Марджанова в последние многие десятилетия не были востребованы теоретиками ни театра, ни кино.

Мало исследовано творчество А. Курбаса (Леся Курбаса). В его постановках в «Молодом театре» в 1917–1919 годах, а с 1922 года в театре «Березиль» также отчетливо выявляется влияние кинематографа. Осенью 1923 года Курбас написал сценарий «кинематографических интермедий» для своего спектакля «Джимми Хиггинс» (инсценировка романа Э. Синклера). Кинофрагменты, включенные в спектакль, явились не «кинематографическими интермедиями», а теми сценами романа, которые на театральных подмостках воплотить было невозможно. Так, например, в одном из экранных эпизодов спектакля Курбас показал мощный взрыв пороховых складов и панический ужас обезумевшей толпы. Сама природа этого спектакля была по сути кинематографической: полифункциональность использования киноматериалов; монтажные принципы построения сценического действия; световое, музыкальное и шумовое оформление; применение «крупных планов» и «наплывов». Поэтому кино в чистом виде вошло туда вполне органично. Курбас снял

[1]В 1923 году вышел фантастический роман И.Г. Эренбурга «Трест Д.Е. История гибели Европы» о том, как американские империалисты задумали уничтожить Европу, и к 1940 году на ее месте образовалась безлюдная пустыня. Мейерхольд предложил Эренбургу сделать из романа пьесу, нечто вроде циркового представления с агитационным апофеозом. Эренбург отказался. Журнал «Зрелища» в 1924 году анонсировал: «В Театре им. Мейерхольда принята к постановке инсценировка Подгаецкого «Трест Д.Е.» по Эренбургу и по «Туннелю» Келлермана. Ставит Вс. Мейерхольд».

небольшой кинофильм из жизни главного героя, ставший в результате смыслообразующим элементом театральной постановки. Эпизоды сценические и кинематографические сложно коррелировали в этом уникальном спектакле. Такое многоаспектное включение киноязыка в театральную лексику перекликалось с опытами Эйзенштейна. Театр, как выяснилось позже, и в этом случае делал попытку подсказывать кинематографу.

Использовал кино в театре в самых различных целях и другой выдающийся режиссер – К. Марджанов. Осенью 1928 года он основал новый театр – Второй государственный театр Грузии. В первую же постановку этого театра «Гоп-ля, мы живем!» Э. Толлера Марджанов включает кинокадры (что, кстати, предусматривалось и драматургом в пьесе) для более объемного отражения судеб персонажей. Специально снятые для спектакля кинофрагменты непосредственно вплетались в его действие. Марджанов, как и Курбас, использовал кино, чтобы показать происходившие между картинами события, которые невозможно было воплотить на сцене. Такое назначение имели, например, киноэпизоды, вмонтированные в драму К. Каладзе «Как это было»: налет казаков на деревню; нападение на поезд; сцена убийства[2] и т. д. Марджанов часто вставлял кинокадры для обострения эмоции, для показа скрытых душевных движений персонажей. В постановке пьесы А. Кутатели «Полночь миновала» он включил в ткань спектакля кино совсем в иных целях. В одном из эпизодов влюбленный юноша плачет, проливает слезы, – и вдруг освещается экран, зрители видят несколько падающих капель, они превращаются в струйку воды, в ручеек, в полноводную реку и, наконец, в морские волны. Это был гротеск, осмеивающий мнимую влюбленность. В комедии Д. Бухникашвили «Да, но...», используя сложную подсветку, Марджанов создавал эффект «цветного кино», не существовавшего еще в то время в природе. Соединяя театр с кинематографом, мастерски используя многообразные световые эффекты, он во многом предвосхитил опыты пражской «Латерна магика», появившейся тридцать с лишним лет спустя, и современного нам московского театра «Киноспектакль».

Свет в различных сценах совершенно менял одноцветные декорации, по-новому выглядели мебель и предметы на столе. Свет давал возможность выделить кадры и переднего, и «общего» плана в определенных кусках, но, что самое важное, – в освещении был соблюден стиль и характер сценической конструкции с ее прямыми и ломаными линиями. В третьем акте, оформленном простыми серыми декорациями, Марджанов при помощи освещения создавал такое впечатление, будто перед вами первоклассный европейский ресторан. Быстро мелькают кабинет за кабинетом, комнаты радиста и метрдотеля, экран (кино) и вновь кабинеты.

«...Пьеса была разбита на отдельные кадры, и темп ее действия был соразмерен с кино. Экран и сцена в спектакле так искусно сменяли друг друга, что вы не чувствовали разрыва между ними» [3, с. 81].

Изобретательно был использован свет в первом действии спектакля «Гоп-ля, мы живем!». С поднятием занавеса создавалось впечатление, будто лучи солнца, с трудом пробиваясь в маленькое решетчатое окно камеры, ложатся на ее стены желтыми полосами и бледно освещают лица арестантов. После нескольких кинокадров, которыми начиналась пьеса, постепенно возникала, словно рождаясь из мрака, холодная, едва освещенная камера с окаменелыми лицами узников. Здесь, в этой тюремной клетке бледные лучи казались лишь отражением настоящего солнца, настоящей жизни, существующей вне стен тюрьмы.

Кино было использовано и в пьесе К. Каладзе «Как это было», но совсем иначе. Этот спектакль и режиссер К. Марджанов, и художница Е. Ахвледиани оформили весьма оригинально. Он был вправлен, как картина, в раму, и хотя Марджанов не разбил пьесу на кадры, он все же умело включил в нее кино. Актеры на экране были почти такого же роста, как и на сцене, это делало незаметной смену действий на сцене и экране. Сохранились киноэпизоды, которые дают представление о том, как это происходило [4, с. 51–52].

Спектакль «Строитель Сольнес» Г. Ибсена 1931 года в Московском театре (бывш. Корш),

[2]Кинофрагменты из личного архива режиссера т/к «Культура» И. Калядина, автора и режиссера документального фильма «Котэ Марджанишвили. Пространство трагедии», 2010 год.

крупнейшая постановка в цикле последних работ К. Марджанова, представляет исключительный художественный и методологический интерес.

На черном бархатном заднике, высоко над сценой, выхваченная лучами прожекторов, возникала на миг и исчезала в просвете-«диафрагме» яйцевидной формы пантомима, разыгранная участниками спектакля. (За кулисами ставились для этого высокие станки.) По норвежским снежным горам (на тюле) в туманной дали проносилась на лыжах главная героиня Гильда, за ней две девушки, ее подруги, – и черный бархат вновь смыкался в непроницаемой глубине своей.

«Оркестр переходит в мощный гимн труда, – пишет в режиссерской экспозиции Марджанов, – в "диафрагме" на заднике сцены возникает другая пантомимная "киносцена": двое атлетов-мужчин с обнаженным торсом и напряженными мышцами, работающие над частями машин. Мелькают поршень, маховое колесо – символика работающей машины. "Большая мажорная динамика"» [4, с. 83].

А. Дикий, режиссер, пришедший в Театр Революции из МХАТа Второго, выпустил 14 февраля 1928 года один из самых художественно значимых спектаклей этого театра – «Человек с портфелем» А. Файко. Впервые актерам этого театра пришлось встретиться с режиссером, работавшим по совершенно незнакомым правилам. Дикий «остранял» правду внутреннего актерского переживания внешне кинематографической подачей. Он превратил девять картин драмы в тридцать три эпизода спектакля. К кинематографической раскадровке действия подталкивал уже сам ритм движения поезда, в котором оно зарождалось. По убегающему назад перрону уплывали фигуры провожающих и носильщиков. Двигались стенки вагона. Кинопроекция давала общий вид мчащегося состава. Из спального купе действие перебрасывалось в вагон-ресторан, где герой пьесы, профессор-карьерист Гранатов, вел решительный разговор с подлецом Лихомским, соучастником его былых контрреволюционных заговоров, а свидетелями этого разговора оказывались супруги Редуткины. Наконец, в тамбуре Гранатов сбрасывал шантажиста Лихомского под колеса громыхающего поезда, и кинокадры показывали его гибель.

Н. Акимов, оформлявший спектакль, применил приемы киномонтажа, опробованные им в 1927 году в «Разломе» Лавренева на сцене театра им. Вахтангова. В центре занавеса-ширмы раздвигалась ввысь и вширь рама, открывая игровую площадку, а к концу картины рама сдвигалась, как бы уводя в «диафрагму» сценический кадр. Воображаемый кинообъектив чувствовал себя в спектакле вольно. Он по мере надобности изменял размеры рамки, крупность плана, ракурс «кадра». Создавалась иллюзия, что по его воле стол наклоняется под углом в 45 градусов, на глазах у зрителей чудесным образом преображались, находящиеся на первом плане бытовые предметы. Рецензент А. Гидони писал: «...Галоши аршинного роста, дорожный чемодан вырастает до размеров египетского саркофага. <...> А вешалка требует для своего использования восхождения на второй этаж. На этой вешалке висит шинель, которая могла бы гарантировать от простуды жирафов зоологического сада» [5, с. 181–182].

Подобные эксперименты проводил год спустя А. Родченко, изобретая трансформирующееся оборудование для спектакля «Инга». Но Родченко преследовал скорее утилитарные цели, придумывая костюмы, декорации, складную мебель. Акимов же, художник изобретательный и ироничный, намеренно утрировал свои решения оформительских задач, пародируя моду на использование кинематографических принципов в театре. Изобразительное по назначению в его интерпретации становилось выразительным по воздействию. Когда обыденные предметы, вдруг на сцене невероятно разрастаясь, становились уже символами, мера условности изменялась. Действие отрывалось от быта. Эти исполинские предметы-символы начинали вести свой разговор. Гигантский маятник, в высоту достигший колосников, ритмично отмерял мгновения жизни Гранатова. Все действие было пронизано прямой содержательной мыслью: между видимым и сущим – разлад, причуды аберрации мешают сразу осознать истинную величину предмета, явления, личности. Выражение этой мысли и

стало «сверхзадачей» спектакля. Пьеса широко пошла по стране и была экранизирована – спектакль сам во многом предсказал ей путь на экран. Фильм, к сожалению, не сохранился. (В аннотированном каталоге художественных фильмов он значится под номером 801. «Человек с портфелем». Экранизация, 6 ч. 1800 м. Совкино/Л. 1929 г. ВЭ 6 УШ 1929 г.)

В сентябре 1930 года состоялась премьера «Первой Конной» В. Вишневского в постановке А. Дикого. Строгое по стилю, лаконичное оформление предложил художник И. Рабинович. На лестницах и помостах разного уровня с быстротой кинокадров сменялись эпизоды, временами действие перебрасывалось наплывами на экран. Обстоятельственные приметы давались скупо, через выразительную деталь: царскую казарму обозначали штандарты, натянутые на тросах, германский фронт – пушечное жерло, нацеленное на зал. Абстрагированный фон был средством обобщения, давно известным Театру Революции. И так же знакомо было вторжение в этот отвлеченный фон натуралистических подробностей. М. Астангов, с большой силой выразительности игравший исступленного офицера Икс, потом вспоминал, что никак не мог принять иные натуралистические моменты своей роли [6, с. 3].

Прямое использование опыта кино на сцене влекло за собой весьма существенные изменения в теории и практике театральной жизни. Экран вполне органично сопровождал новаторские поиски в театре. Одним из первых, кто привел экран на театральные подмостки, считается С. Эйзенштейн, поставивший спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» в Театре Пролеткульта, в который включил наряду с другими аттракционными эпизодами и кино, сняв для этого первый свой короткометражный фильм, пародирующий популярные в то время приключенческие фильмы. Этот спектакль нашумел и запомнился, отзвуки его можно угадать в знаменитом «Театре Колумба», что остроумно высмеян И. Ильфом и Е. Петровым. Но и раньше подобные идеи неоднократно предъявлялись. Например, еще в годы Гражданской войны молодые литераторы Е. Габрилович и Б. Лапин задумывались над тем, как соединить на одной сцене литературный монтаж с экранным зрелищем [7, с. 242]. Есть сведения и о других подобных попытках [8–10]. Вместе с тем опыт С. Эйзенштейна был так значителен, оказал столь существенное влияние на театрально-кинематографическую лексику, что по праву считается основополагающим. Спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» «явился экспериментом в области обобщенного метафорического выражения» [11]. Режиссер, смело разрушая театральные традиции, заимствовал для создания новых типов зрелищ приемы не только цирковых или мюзик-холльных представлений. В структуре нашумевшего спектакля в Театре Пролеткульта – в контрапункте «свободной сборки» «произвольно выбранных, самостоятельных (также и вне данной композиции и сюжетной сценки действующих) воздействий (аттракционов), но с точной установкой на определенный конечный тематический эффект – монтаж аттракционов» [12, с. 71] – декларируются новаторские монтажные принципы, которые были развиты Эйзенштейном позднее в кинематографических работах. В одном из эпизодов «Мудреца» (так иронически было впоследствии сокращено название спектакля) театральному зрителю явлен был кинематограф в чистом виде – фильм «Дневник Глумова». Таким образом Эйзенштейн раздвигал границы драматического театра в области зримой метафоры.

Сложные, далеко еще не решенные проблемы взаимоотношений между представителями различных авангардистских течений ждут своих исследователей. В частности, речь идет об известной эстетической конфронтации Д. Вертова и С. Эйзенштейна. Как раз на материале художественного синтеза театральной и экранной ткани «Мудреца» прослеживается не открытое противостояние, а, скорее, взаимообогащающее сотворчество мастеров. Именно творческая группа Вертова (оператор Б. Франциссон и др.) помогла театральному режиссеру Эйзенштейну снять и смонтировать его «первую фильму» – «Дневник Глумова». Этот же экранный материал, снятый на театральных подмостках, был включен самим Вертовым в один из выпусков «Киноправды» 1923 года под названием «Весенние

улыбки Пролеткульта». Важно заметить: одни и те же кадры явились для Эйзенштейна откровенно игровым эпизодом театрального спектакля, а для Вертова – актуальной хроникой, отражающей момент истории повседневности коллектива (в данном случае театрального коллектива). В итоге получился 120-метровый пародийно-приключенческий фильм, органично входящий в ритм пародийного спектакля. В фильме-дневнике прием трансформации образов пьесы А. Островского получил кинематографическое развитие. Конъюнктурщик Глумов, сделав кульбит, мгновенно превращался в то, о чем мечтал его визави, принадлежавший, разумеется, к сильным мира сего.

Делая «Кинодневник», Эйзенштейн, возможно, и не думал о последствиях данного шага. А между тем этот маленький фильм стал для него и его соратников практической школой кинематографической специфики. Работа над «Кинодневником» сослужила великую службу – она столкнула режиссера-новатора С. Эйзенштейна с театральной орбиты и вывела его на орбиту кинематографическую.

Законы искусства едины; они выявляются достаточно ясно в театре и в живописи, в архитектуре и дизайне, в скульптуре и словесности. Театр и кино не борются друг с другом, но театр, говоря гегелевским языком, является своим иным для кино, а кино – своим иным для театра. Это позволяет сделать вывод о взаимодополнительности поэтики театральной режиссуры и поэтики режиссуры кино. Попытка преодолеть представление о театре и кино как о двух не зависимых друг от друга видах искусств; выстроить единое историко-теоретическое пространство, интегрирующее экран и сцену, позволяет расширить научные представления об одном из важнейших периодов развития немого кино и театра, а также об идейной и художественной проблематике, сопутствующей этому развитию. Многие стороны тогдашних проблем были сняты всем ходом дальнейшего развития искусств или, по крайней мере, обрели потом совершенно другое значение, иную творческую направленность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Брюсов, В.** При электричестве [Текст] / В. Брюсов // Избр. соч. В 2 т. Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1955.
2. **Лебедев, Н.** О мейерхольдовском «Лесе». Впечатления кинематографиста [Текст] / Н. Лебедев // Киногазета. – 1924. – 19 февраля.
3. **Чхеидзе, У.** Воспоминания и статьи [Текст] / У. Чхеидзе // Хеловнеба. – 1956.
4. **Марджанишвили, К.** Творческое наследие. Воспоминания, статьи и доклады [Текст] / К. Марджанишвили // Заря Востока. – 1958.
5. **Гидони, А.** «Человек с портфелем» в Театре Революции [Текст] / А. Гидони // Соврем. Театр. – 1928. – 28 февраля.
6. **Астангов, М.** Суд актера [Текст] / М. Астангов // Совет. иск-во. – 1934. – № 27.
7. **Габрилович, Е.** Избранные сочинения [Текст]. В 3 т. Т. 2. Сценарии. Четыре четверти / Е. Габрилович. – М.: Искусство, 1983.
8. **Пиотровский, А.** Кинофикация искусств [Текст] / А. Пиотровский. – Л., 1929.
9. **Туровская, М.** Кинофикация театра [Текст] / М. Туровская // Театр. – 1981. – № 5. – С. 100–110.
10. **Февральский, А.** Мейерхольд и кино: пути к синтезу [Текст] / А. Февральский. – М., 1978.
11. **Эйзенштейн, С.** Избранные произведения [Текст]. В 6 т. Т. 2 / С. Эйзенштейн. – М.: Искусство, 1964. – С. 453–455.
12. **Он же.** Монтаж аттракционов. К постановке «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского в московском Пролеткульте [Текст] / С. Эйзенштейн // Леф. – 1923. – № 3.

УДК-746.346

Д.А. Гребенникова

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНЕРУССКОГО ЛИЦЕВОГО ШИТЬЯ

Лицевое шитье – уникальное явление древнерусской культуры. Изучение его продолжается уже второе столетие, но следует признать, что это наименее изученная область древнерусского искусства. В настоящей статье затрагивается дискуссионная тема классификационной дихотомии лицевого шитья в теории искусств. До сих пор остается открытым вопрос о его принадлежности к тому или иному виду искусства: явление ли это декоративного (декоративно-прикладного) искусства или оно относится к сфере искусства изобразительного? Еще более остро можно поставить вопрос об изучении предметов лицевого шитья как произведений церковного искусства, учитывая их роль в литургическом пространстве.

В зависимости от классификации произведения лицевого шитья применяются и соответствующие методики его исследования. В изучении средневекового художественного шитья прослеживается несколько направлений. Ряд исследователей, объединяя памятники изобразительного и орнаментального шитья, относят их к декоративно-прикладному искусству, другие рассматривают лицевое шитье во взаимосвязи с иконописью. С предельной четкостью вопрос об определении лицевого шитья как одного из видов средневекового изобразительного искусства и о необходимости комплексного изучения его был поставлен в 1968 году в докладе Н.А. Маясовой «Лицевое шитье – его особенности и методика изучения», в котором обращалось внимание на то, что при изучении памятников необходимо привлечение широкого круга произведений разных видов искусства. Метод комплексного исследования памятников в настоящее время получает все большее признание.

Рассматривая отдельные произведения лицевого шитья, трудно не согласиться со справедливостью применения к ним категорий изобразительного искусства, под которым принято понимать: специфический вид художественного творчества, создание зрительно воспринимаемых фиксированных рукотворных художественных форм; искусство отображать, воспроизводить и создавать зрительно воспринимаемую реальность с помощью изобразительных средств и с различной степенью условности.

Определение декоративно-прикладного искусства как области декоративного искусства, отвечающей за создание имеющих практическое назначение в общественном и частном быту художественных изделий, также представляется вполне применимым к предметам лицевого шитья. Произведения декоративно-прикладного искусства составляют часть предметной среды, окружающей человека, и эстетически ее обогащают. Обычно они тесно связаны с архитектурно-пространственным окружением и образуют художественный комплекс.

Многие исследователи древнерусского искусства отмечали необычайно сильное выражение ансамблевого, «хорового» начала в искусстве Древней Руси. Однако предметный ансамбль, существенной частью которого было лицевое шитье, практически не изучен, так как внимание ученых в основном сосредоточено на взаимосвязи орнаментальной живописи и скульптурной декорации с архитектурой. Здесь уместно отметить, что памятники церковного искусства средневековья (к ним можно отнести и произведения лицевого шитья) обретают свою подлинную самостоятельную ценность только в художественном организме храма, в единении с пространственной и предметной средой. Так, теоретик искусства М. Каган выделяет две ведущие составляющие декоративно-прикладного искусства: утилитарное (жизненно-практическое) и художественно-эстетическое – в смысле присоединения (прикладывания) художественной ценности. Все эти дефиниции действительно справедливы для искусства лицевого шитья.

На первом этапе изучения лицевое шитье не привлекало большого внимания исследователей искусства. Интерес к нему был скорее

«археологический»: публикации ограничивались описаниями того или иного произведения, были лишены не только попыток художественного анализа, но даже комментариев с достаточной атрибуцией. Среди первых публикаций, посвященных лицевому шитью, выделяется работа румынского ученого А.И. Одобеско «Воздýх с вышитым изображением положения Спасителя во гроб...» [5], опубликованная в 1874 году. Обращение к предметам лицевого шитья можно отметить в трудах археологических съездов, в частности в трудах VIII съезда, состоявшегося в Москве в 1890 году по материалам памятников шитья, собранных из различных монастырей, музеев и частных собраний. В 1895 году в трудах Московского археологического общества помещено исследование В.Н. Щепкина, посвященное «Памятнику золотного шитья начала XV века» [10]. В 1896 году вышел в свет труд П.И. Савваятова «Описание старинных русских утвареи, одежд, оружия, ратных доспехов и конского убора» [7] , представляющий схематические рисунки двенадцати узоров вышивок с образными названиями каждого.

Первым содержащим глубокий стилистический анализ отдельных произведений исследованием, в котором творения лицевого шитья рассматриваются как произведения искусства, можно считать статью Н.М. Щекотова «Древнерусское шитье» [9]. Статья открывала первый номер журнала «София», издававшегося с 1914 года. В том же году в журнале «Светильник» была помещена статья В.Т. Георгиевского [1] о памятниках шитья Троице-Сергиева монастыря. Эта работа носит историко-описательный характер, но она ценна тем, что информативна и богато иллюстрирована.

Начиная с 20-х годов XX столетия исследования древнерусского шитья имеют систематический характер. В 1923 году появилась работа В.А. Никольского «Древнерусское декоративное искусство» [4], в которой автор делает ряд наблюдений, намечая основные пути развития древнерусского шитья как вида декоративного искусства. Подобный подход к произведениям лицевого шитья можно обнаружить в сборнике статей «Русское искусство XVII века» (1929) [6]. Здесь опубликованы работы Е.В. Георгиевской-Дружининой «Строгановское шитье» и Е.В. Калининой «Техника древнерусского шитья и некоторые способы выполнения художественных задач». Первая статья дает содержательную картину своеобразного вида шитья, связанного со Строгановым; вторая построена на тщательном изучении художественных приемов шитья.

Изучение истории лицевого шитья и тщательное описание используемых материалов и техник продолжается и в 50-70-е годы XX века. В 1963 году вышла в свет книга А.Н. Свирина «Древнерусское шитье» [8], на страницах которой автор стремится раскрыть общий ход развития древнерусского шитья, как лицевого, так и орнаментального, в его хронологической последовательности, в связи с древними центрами русской художественной культуры. Интересны работы Л.И. Якуниной «Русское шитье жемчугом» [12], богатая историческими данными и сведениями о технике низания жемчугом, М.В. Щепкиной «Изображение русских исторических лиц в шитье XV века», рассматривающая предметы шитья [11].

Особую группу исследований составляют труды Н.А. Маясовой «Двойной покров XVI века» (1958), «Мастерская художественного шитья князей Старицких» (1960), «Древнерусское шитье» (1971, переизд. 2007) и др. В последней работе основное внимание уделено именно лицевому шитью, орнаментальные вышивки не затрагиваются. В ней рассмотрен период наибольшего расцвета искусства шитья – с XIV по XVII век, анализ памятников лицевого шитья гармонично сочетается с историко-культурной основой создания того или иного произведения.

Следует еще раз отметить, что Н.А. Маясова относит произведения лицевого шитья к изобразительному искусству по причине близости художественного и образного строя с иконой и фреской. Она пишет: «...Вопрос о том, в сфере какого искусства – декоративного или изобразительного – следует рассматривать лицевое шитье, является исходным моментом для определения задач и методики исследования данного искусства» [2]. В частности, Маясова настаивает, что художественный анализ в лицевом шитье должен строиться по принципам анализа произведений изобразительного искусства.

Н.А. Маясова приводит цитату посетившего в середине XVII века Россию Павла Алеппского:

«Каждая икона имеет соразмерную со своей величиной пелену, спускающуюся до земли; на ней вышито то же изображение, что и на иконе... Шитье на пеленах было исполнено так искусно, что казалось, что сверху до низу – все икона, что изображение на доске и шитье на материи одно и то же» [3, с. 11]. Первый памятник, в котором наиболее явственно видны черты национального искусства, – воздух княгини Марьи (1389), выдающееся произведение предрублевского периода древнерусского искусства. В нем отразились и триумф Куликовской победы, и драматическая напряженность эпохи собирания земель молодым Московским государством. По внутреннему психологическому содержанию воздух «Спас Нерукотворный» можно поставить в один ряд с такими произведениями этого времени, как иконы «Борис и Глеб» (на конях) и, особенно, «Архангел Михаил» – храмовой иконой московского Архангельского собора.

Следует согласиться, что традиции лицевого шитья тесно связаны с иконографическими и цветовыми традициями древней иконописи. Лицевое шитье – это своего рода «живопись иглой». Еще отцы VII Вселенского Собора, утвердившие догмат иконопочитания, говорили об учительной и назидательной роли изображений в церкви. По определению богословов, икона есть богословие в красках. К этому определению иконы можно добавить и другие: икона – это откровение Божие, выраженное в линиях и красках; икона – это воплощенная молитва.

Как и прочие виды церковного искусства, лицевое шитье пришло на Русь из Византии. Высочайшее художественное и техническое мастерство византийских мастеров получило свое логическое продолжение и техническое развитие в художественном творчестве Руси, вместе с этим сохранив и во многом преумножив уже сформировавшиеся традиции старых мастеров. Ранние памятники, за исключением воздуха 1389 года, и стилистически, и по технике шитья еще в полной мере лежат в русле общевизантийской традиции. К ней можно отнести и отдельные произведения первой половины XV века: «голубую» плащаницу из Троице-Сергиева монастыря (Сергиево-Посадский музей-заповедник) и палицу «Воскресение Христово» (1439) Андроникова монастыря княгини Ульянии, снохи Владимира Андреевича Серпуховского (Музей им. Андрея Рублева, Москва).

В произведениях лицевого шитья новгородского и московского круга второй половины XV – начала XVI века заметны художественные черты (типология ликов, орнаменты, колорит) и технические приемы (шитье доличное «в настил» так называемым «двойным» швом) южнославянского и молдо-влахийского шитья.

С конца XV века ведущее место занимают царицыны мастерские, во главе которых стоят великие княгини Софья Палеолог и Соломония Сабурова, царицы Анастасия Романова и Ирина Годунова. Постепенно возрастает драгоценная декоративность шитья. Образы становятся более изысканными и репрезентативными. Все чаще одежды шьются золотыми нитями «в прикреп», причем прикрепы ярких шелковых нитей образуют многочисленные орнаменты, иногда имитирующие узоры иноземных тканей. Цветной шелк, серебро и золото дополняют друг друга, они равноправны в художественном строе произведения. Широко используются жемчуг и драгоценные камни. Вершиной шитья XVI века стало творчество мастерской княгини Евфросинии Старицкой, работы которой датируются 1558–1566 годами. Произведения мастерской Старицкой оказали большое влияние на шитье второй половины XVI–XVII века, особенно на плащаницы 1561 и 1565 годов, вложенные Евфросинией в Троице-Сергиев монастырь (Сергиево-Посадский музей-заповедник), Успенский собор Московского Кремля (Успенский собор Смоленска) и в Кирилло-Белозерский монастырь. В них соединились эмоциональная напряженность, пластическая выразительность образа с высокой декоративностью отдельных деталей и произведения в целом.

Как проявление декоративно-прикладного искусства лицевое шитье всегда имело утилитарное назначение в ансамбле храмового комплекса. Однако, если исходить из специфики лицевого шитья как вида церковного искусства, нельзя не отметить, что помимо его прикладного значения чрезвычайно важен литургический аспект. Практическое применение лицевого шитья в храмовом ансамбле нашло наибольшее художественное воплощение именно в литургическом богослужении.

Наглядным примером дихотомии сложности дефиниций понятия лицевого шитья представляются такие предметы, как плащаницы (греч. Επιτάφιος – плат большого размера с вышитым или живописным изображением лежащего во гробе Иисуса Христа или усопшей Богородицы) и подвесные пелены. Плащаница употребляется в православной церкви во время богослужения и Великой пятницы и Великой субботы (с изображением Иисуса Христа), а также в богослужении Успения (с изображением Богородицы). Изначально в поздневизантийском (начиная с XIV века) богослужении Великой субботы использовался, по-видимому, сравнительно небольшой литургический покров – «возду́х», не имевший в ходе предпасхальной службы самостоятельной функции (им покрывалось Евангелие во время «входа с Евангелием» на утрене). С течением времени, однако, этот покров превратился в самостоятельный богослужебный предмет, роль которого в богослужении Страстной седмицы значительно увеличилась. Появились особые воздухи, предназначенные для богослужения Великой субботы, хотя довольно долго их вынос совершался во время того же входа на утрене. После него плащаницу возлагали на престол, где она оставалась в течение послепасхального периода (сначала на протяжении Светлой седмицы, затем – вплоть до отдания Пасхи). Сам термин «плащаница» в этом контексте начинает употребляться в русских богослужебных книгах с конца XVI века.

Священное Писание свидетельствует о богооткровенном происхождении искусства украшения тканей шитыми изображениями: «Господь исполнил мудростью сердце... вышивателя по голубой, пурпуровой, червленой и виссонной ткани и ткачей, составляющих искусные ткани» (Исх. 35, 35). Первыми образцами церковного лицевого шитья стали завесы ветхозаветной скинии: «И сделай завесу из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и крученого виссона; искусною работой должны быть сделаны на ней херувимы» (Исх. 26. 31–33).

Следует отметить важную особенность лицевого шитья – его сакральную богословскую символику. Так, например, литургические покровцы и воздух, появившиеся по необходимости предохранять Святые Дары, символизировали по ходу литургии то рождественские, то погребальные пелены, а воздух – камень гроба, а в целом указывали на непостижимую телесными очами и умом божественность Святых Даров.

Отразились в иконографии литургических покровов вспыхнувшие в Византии в XII веке евхаристические споры. Изображения на воздухах были призваны утвердить божественную суть Евхаристии, реальность Голгофской жертвы. Таким образом, со времен Византии иконография литургических покровов отражала богословские споры и глубину византийской богословской мысли. В теснейшей связи с литургическим богослужением, которое складывается из многих видимых и невидимых действий, состоит лицевое шитье как вид церковного искусства.

Итак, древнерусское лицевое шитье – сложное культурное явление. История его развития многогранна. Изучение произведений шитья требует применения синтеза методик изучения изобразительного и декоративного (декоративно-прикладного) искусства, а также богословской мысли. Можно предположить, что из-за отсутствия комплексного исследования произведений лицевого шитья в неразрывной связи с художественным ансамблем дискуссионным остается вопрос о классификационной принадлежности их к декоративно-прикладному или изобразительному искусству. Оба исследовательских направления имеют своих сторонников и не являются взаимоисключающими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Георгиевский, В.Т.** Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры [Текст] / В.Т. Георгиевский //Светильник. – 1914. – № 11–12. – С. 3–27.

2. **Маясова, Н.А.** Методика исследования памятников древнерусского лицевого шитья [Текст] / Н.А. Маясова // Матер. исслед. – Вып. 1. – М.: Гос. музей Моск. Кремля, 1973. – С. 111–131.

3. **Она же.** Методика исследования памятников древнерусского лицевого шитья [Текст] / Н.А. Маясова // Убрус. – 2003. – № 1.

4. **Никольский, В.А.** Древнерусское декоративное искусство [Текст] / В.А. Никольский. – Пг., 1923.

5. **Одобеско, А.И.** Воздух с вышитым изображением положения Спасителя во гроб, пожертвованный

в 1601 г. в русский Тихвинский монастырь и найденный в Быстрицком монастыре в Валахии [Текст] / А.И. Одобеско; пер. с фр. // Древности / Тр. ИМАО. – Т. IV. – М., 1874. – С. 1–36.

6. **Русское** искусство XVII века [Текст]. – Л., 1929.

7. **Савваитова, П.И.** Описание старинных русских утвареи, одежд, оружия, ратных доспехов и конского убора [Текст] / П.И. Савваитова. – М.: Тип. Императорской Академии наук, 1896.

8. **Свирин, А.Н.** Древнерусское шитье [Текст] / А.Н. Свирин. – М., 1963.

9. **Щекотов, Н.М.** Древнерусское шитье [Текст] / Н.М. Щекотов // София. – 1914. – № 1.

10. **Щепкин, В.Н.** Памятник золотного шитья начала XV века // Древности / Тр. ИМАО. – Т. XV, вып. 1. – М, 1894.

11. **Щепкина, М.В.** Изображение русских исторических лиц в шитье XV века [Текст] / М.В. Щепкина //Сб. тр. Гос. истор. музея. – Вып.12. – М., 1954.

12. **Якунина, Л.И.** Русское шитье жемчугом [Текст] / Л.И. Якунина. – М., 1955.

Н.А. Нарышкина-Прокудина-Горская

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ
Часть 3. «ЧТОБ НЕ ПОРВАЛАСЬ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ВРЕМЕН»
Прокудины-Горские (XVIII–XXI ВЕКА)

Самым известным сегодня представителем рода Прокудиных-Горских является **Сергей Михайлович Прокудин-Горский** – изобретатель цветной фотографии. Его знают на всех континентах [1].

Исследователям известны «проходящие» по многим старинным родословцам отважные воеводы Древней Руси Прокудины-Горские [2].

Однако и в XVIII веке, во времена новой России, становления Российской империи, укрепления ее могущества, Прокудины-Горские служили Отечеству, «не щадя живота своего».

В роду Прокудиных-Горских были гусары, кавалергарды, кирасиры, кавалеристы – все «конники», всадники, стрелки. Это шло от «первого человека из Золотой Орды» – татарского князя (мурзы Муссы), ставшего на Куликовом поле в решительной битве за государственность Руси другом Дмитрию Донскому и породнившегося затем с Рюриками. Это сохранялось в генах, в плоти и крови.

Стремительность, отвага, острый глаз. «Всегда на коне». Все офицеры лейб-гвардии конных войск России, которые защиту своей страны считали не профессией, но честью.

«Чтоб не порвалась связующая нить времен», обратимся к портретной галерее моих предков, к реконструкции этих исторических портретов, основанной на подлинных документах, современных научных изысканиях, а также на семейных преданиях и документах семейного архива.

А.С. Пушкин, занимаясь историей своего рода, писал: «Устные свидетельства об исторических личностях точнее говорят о времени, нежели труды самых добросовестных историков».

«Восстанавливая» жизнь дорогих мне людей, я еще и еще раз перечитывала их пожелтевшие письма, работала в архивах, расспрашивала знакомых и незнакомых мне людей, искала адреса...

Итак, Отечество и судьбы.

Меценат и покровитель искусств **Петр Иванович Прокудин-Горский**, который в Нижнем Новгороде в XVIII веке являлся, по выражению князя М.И. Долгорукова, тем, «что Шереметев в Москве», имел двух братьев – **Неофита** и **Михаила**.

Неофит Иванович был, как указывает «Владимирский родословец» [3], гвардейцем Измайловского полка, затем директором казенной палаты. Интересна судьба его сына **Алексея Неофитовича (Нефедовича) Прокудина-Горского (1785–1827).** В 15 лет он уже мушкетер! Считал себя исключительно везучим, не боялся никаких превратностей судьбы, пригнувшись к шее коня, мчался вперед и, словно судьбу, крепко держал в руках уздечку.

Затем стал кирасиром. «Сокрушительный удар сомкнутого строя рослых всадников на мощных конях» – таково назначение кирасир в бою. Сапоги кирасир с медными шпорами, треугольная шляпа с султаном из белых перьев. На

поединок шли в латах. Наступательное оружие – шпага с золоченым эфесом и два пистолета с золоченой оправой. Шпагой Алексей Неофитович владел виртуозно!

Участвовал в сражении под Аустерлицем, которое историки именовали как «роковое», ибо тогда русская гвардия, жертвуя собой, спасала беспорядочно отступавшие войска союзников.

Награжден орденом Святой Анны 4-й степени. Орден этот, учрежденный в память о дочери Петра I Анне Петровне, имел девиз: «Любящим правду, благочестие и верность». Это исключительно военная награда, ею отмечали особо отличившихся офицеров. Звезду ордена Святой Анны носили на правой стороне груди, а знак – красный эмалевый крест на золотом фоне под мечами и короной – на эфесе холодного оружия: шпаги, сабли или кортика. Отсюда и другое название этого ордена: Аннинское оружие. Затем на этом оружии кроме знака ордена Святой Анны стали помещать надпись «За храбрость». Храбрость же Алексея Прокудина-Горского не знала границ, в самых жестоких схватках он почти щеголял ею, возникая перед самым носом у противника.

Выйдя в отставку и поселившись в своем имении Круглые Паны Нижегородской губернии, в 20 верстах от Саровской пустыни, Алексей Неофитович посвятил жизнь делам милосердия. Ничего не жалел для нищих, больных и сирот. О нем писали, что «памятниками его благочестия» служили построенные им церкви.

Алексей Неофитович Прокудин-Горский пожертвовал в Успенский собор Московского Кремля большую икону «Распятие» в «богато украшенном» окладе. Икона славилась своей красотой и роскошью обрамления. И как указывается в «Сборнике биографий кавалергардов» [4], во всех упоминаниях об Успенском соборе эта икона значилась всегда как «Прокудинская».

Алексей Неофитович стал другом и любимым учеником чудотворца преподобного старца Серафима Саровского. Об этом говорится в «Воспоминаниях» Надежды Аксаковой, дочери известного писателя – автора прекрасной сказки «Аленький цветочек». Она представила читателю Алексея Неофитовича как соседа по имению, который свое милосердие простер до того, что «раздал бедным все свое имущество», обрисовав его как высокого господина в отставном гусарском мундире, человека еще молодого по гибкости стана и блеску черных глубоких глаз, старца же по седине в усах и по морщинам, бороздившим высокий лоб [5].

«Выполняя просьбу богомольцев, Алексей Неофитович быстро прошел к двери в толстой стене монастырского приюта отшельника, нагнулся к невысокому дверному проему и с уверенностью друга дома с улыбкой уже готового привета на лице мягко проговорил знакомым нам грудным тенором:

– Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас.

Но и на его симпатичный голос не послышалось ответа из-за двери.

– Коли Вам, Алексей Неофитович, не ответил, стало быть, старца-то и в келлии нет».

Когда читаешь написанное Аксаковой, то видишь Алексея Неофитовича перед собой как живого, и мне он представляется очень похожим на моего деда Владимира Михайловича Прокудина-Горского.

«Алексею Неофитовичу Серафимом Саровским был заранее предсказан день кончины: “В Покров”. Когда наступил праздник Покров, в Нижнем Новгороде стало твориться что-то невообразимое. Все стремились к дому, где квартировал Алексей Неофитович. Весь город спешил туда.

– Ну что наш Прокудин? – спрашивали всех, кто выходил из дома.

– Что ваш Прокудин, – отвечал доктор, – здоровее всех нас и проживет до ста лет.

Вдруг дверь наверху распахнулась, и опрометью вниз по ступеням сбежал бледный как смерть лакей: “Умирает!”. Умер тот, кого бедные и богатые называли другом нищих и убогих».

Под звон колоколов длинная вереница людей потянулась проститься с Прокудиным-Горским, со своим благодетелем и целителем. Горько оплакивали его кончину, на плечах несли гроб до могилы. «Может статься, в Нижнем Новгороде или в окрестностях Сарова и сейчас найдется кто-либо, помнивший смерть Прокудина-Горского», – пишет Н. Аксакова [Там же].

Брат Петра и Неофита **Михаил Иванович Прокудин-Горский (1744 –1813)** был гвардейцем и литератором. В детстве его, как и братьев, записали в Измайловский полк. В 15 лет он был зачислен «дворянином посольства» в свиту чрезвычайного посланника в Константинополе князя Г.И. Шаховского.

По возвращении посольства в Россию Михаил Иванович поступил на действительную службу в лейб-гвардии Преображенский полк, учрежденный Петром I. Преображенцы зарекомендовали себя отважными воинами: когда молодой шведский король Карл XII под Нарвой повел свои войска в атаку со словами «Нам ли бояться мужиков московских?», именно преображенцы и семеновцы, «огородившись рогатками», дали врагу дружный отпор и остановили его стремительный натиск. Своей стойкостью они спасли русскую армию от разгрома, удерживая позиции у единственной переправы через реку Нарову, давая возможность остаткам армии отступить. Карл XII был восхищен мужеством «мужиков московских» [6].

В доме моего деда под Орлом висел живописный портрет Михаила Ивановича в мундире гвардейца Преображенского полка и со стопкой книг. В нижнем углу холста красовалась маленькая пушка и весы – символ справедливости. По тому, как весы «наезжали» на пушечку, можно было предположить, что портрет выполнен самоучкой, скорее всего, домашним художником.

Выйдя в отставку, Михаил Иванович вернулся в родной Владимир, служил асессором в Палате гражданского суда Владимирского наместничества. Избирался предводителем дворянства в Киржачском уезде.

Михаил Иванович был человеком разносторонних дарований и активной жизненной позиции. Он состоял «членом вольного Российского собрания, что в Императорском Московском университете». Подробнее о жизненном пути и литературном творчестве Михаила Ивановича можно узнать из современного издания «Словаря русских писателей XVIII века» [7]. Здесь же отметим только, что активная выборная и литераторская деятельность Михаила Ивановича сблизила его со многими достойными людьми. Свое первое произведение «Уединенные размышления» он посвятил своему другу М.Ф. Соймонову (1730–1804) – сенатору, одному из организаторов горного дела в России (его отец Ф.И. Соймонов был автором первой печатной карты и первого «описания» Каспийского моря, одним из организаторов первых морских плаваний в Тихом океане). Во время эпидемии чумы в Москве в 1770–1772 годах Михаил Иванович остался в городе, чтобы помочь своему другу генерал-губернатору П.Д. Еропкину, который ради «надзора за здравием» жителей первопрестольной прибегал к самым экстраординарным мерам. Здесь пригодилась молодая энергия Михаила Ивановича.

Деятельность Михаила Ивановича на посту предводителя дворянства высоко оценил генерал-губернатор Р.Л. Воронцов. Он отмечал также, что М.И. Прокудин-Горский «особливое свое изъявил усердие» в открытии Владимирского и Тамбовского наместничеств.

Михаил Иванович был плодовитым писателем, его перу принадлежат несколько пьес, торжественных «Речей» и даже методическое пособие «Сокращенное познание математики от начала арифметики до фортификации или военной архитектуры. С приличными тому чертежами, изданное в пользу Российского благородного юношества». Струна просветительства, видимо, не замолкала в его душе. Может быть отсюда, от пособий «для благородного юношества», и проистекает у автора этих строк та же непреодолимая страсть писать, писать для следующих поколений.

У Михаила Ивановича была дочь **Прасковья** и три сына – **Лев**, **Сергей** и **Николай**. Его старший сын **Лев Михайлович Прокудин-Горский (1772–1843)**, похороненый в Москве на Ваганьковском кладбище, умер почти одновременно с М.Ю. Лермонтовым. Он также служил в лейб-гвардии гусарском полку. Был участником знаменитого сражения под Аустерлицем, которое описал Лев Толстой в романе «Война и мир».

Лев Михайлович видел тогда Кутузова и запомнил выражение его лица в тот момент, когда под натиском французов солдаты дрогнули. Наш знаменосец был сражен вражеской пулей. Лев подхватил знамя и с криком «Ура-а!» ринулся навстречу отступавшим. Он услышал, как несколько голосов поддержали его крик. В ту минуту, выполняя свой долг, делая то, что единственно нужно было делать, Лев чувствовал себя одним из самых счастливых. Ему был пожалован орден Святой Анны IV степени.

В Российской национальной библиотеке сохранились письма 52-летнего Льва Михайловича, раскрывающие его как человека строгих правил и благородной души. Подписаны они по-старинному: «Остаюсь Вам всегда преданный слуга и друг Лев Прокудин-Горский» [8].

Второй сын Михаила Ивановича – **Сергей Михайлович Прокудин-Горский**, как указывает «Владимирский родословец» [3], родился в 1792 году. В Отечественную войну 1812 года он пошел во Владимирское ополчение. С 1827 по 1840 год был земским исправником.

В последнее время появились новые сведения. В сентябре 2010 года я получила письмо от исследователя наследия изобретателя цветной фотографии С.М. Прокудина-Горского – В. Дрючина. Он писал, что его друг, исследователь-энтузиаст В. Ратников, ездил в деревню Фуникова Гора и город Киржач и привез фотографии надгробного памятника Сергея Михайловича, расположенного возле церкви Михаила Архангела Архангельского погоста. На фотографии хорошо видны надписи, сделанные на памятнике полтора века назад:

Под сим камнем погребено тело
Сергія Михайловича Прокудина-Горского
Родившегося 1789 года (?) сентября
Скончавшегося 1841 года (?) января
Житія его было 51 год 4 месяца
Путь его совершается (?) 25 сентября.

Трогает сердце надпись на боковой стороне могильного камня:

Тебе, добрейший из людей
Наш незабвенный другъ
Съ сердечной горестью в глазах
И сокрушенъ.

Глядя на эту фотографию, нельзя не вспомнить строки Пушкина, для которого история его рода была неотделима от истории Отечества:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Обнаруженная могила Сергея Михайловича Прокудина-Горского позволяет уточнить даты его жизни. Родился он не в 1792 году, как указано во «Владимирском родословце», а на три года раньше – в 1789-м, а умер в январе 1841-го. Уточнения незначительные по датам, но ценны тем, что могут быть приняты как бесспорные временные координаты.

Поваленный надгробный памятник, вросший в землю деревянный домик и старые дубы – это все, что осталось от деревни Фуникова Гора, что связывает нас с древней нашей историей, с нашей седой стариной.

Будучи в городе Киржаче, где Михаил Иванович был предводителем дворянства, В. Ратников предложил директору местного историко-краеведческого музея открыть в нем экспозицию, посвященную Прокудиным-Горским, жизнь которых с XVI века находила отражение во владимирских родословцах. Выставка уже открыта. Славные традиции и события многовековой истории России, отразившиеся в истории рода Прокудиных-Горских, не будут забыты. И мы не будем говорить, как часто теперь говорим: «Россия славная, но забытая», но скажем: «Россия достославная и досточтимая».

Из «Владимирского родословца» [3] известно, что у Сергея Михайловича было два сына – **Егор** и **Михаил**, оба гвардейцы. **Георгий (Егор) Сергеевич Прокудин-Горский** служил в Чугуевском уланском полку. Затем был лесничим, земским исправником, мировым посредником Покровского уезда Владимирской губернии. Впоследствии, как и его дед Михаил Иванович, стал писателем. До нас дошла фотография, сделанная с живописного портрета Егора Сергеевича: из темноты фона выступает бледное лицо с густыми черными бровями и глазами «с раскосинкой». В нем есть что-то неуловимое, присущее почти всем представителям этого рода, как бы исходящее от «самого Чингисхана».

Произведения Егора Сергеевича пользовались популярностью и утверждали новый жанр в литературе – «рассказы охотника», жанр, мастером которого был обессмертивший свое имя И.С. Тургенев. На страницах книг Егора Прокудина-Горского мы встречаемся с интересными людьми и необычными ситуациями. Круговая чаша чудаков-охотников, гитара, костры под песню глухаря, и среди всего этого настоящий «лесовик» Егор Прокудин-Горский [9].

Другой сын Сергея Михайловича – **Михаил Сергеевич Прокудин-Горский (1833 – после 1882)**, могила которого обнаружена совсем недовно, был прапорщиком лейб-егерского Бородинского Его

Величества полка (егеря – отборные стрелки, предназначенные для разведки), участвовал в обороне Севастополя в 1853–1854 годах, а также в Альминском и Инкерманском сражениях, в битвах на Сапун-горе и Черной речке [10].

За время, которое Михаил Сергеевич провел на севастопольских бастионах, начав службу двадцатилетним юношей, он сильно изменился, привык к постоянному чувству опасности, близкой смерти. На его глазах гибли прибывавшие на бастионы солдаты, но появлялись новые, совсем молодые, быстро привыкавшие к опасности, смерти и подвигу. И он все более убеждался: русский солдат ведет себя так, словно нет у него страха перед смертью. Даже в поражении солдаты оставались героями, не терявшими высоту духа российского воинства.

В мирное время Михаил Сергеевич стал заседателем Покровской дворянской опеки и мировым судьей. Его дом славился гостеприимством. Когда гостей было много, старинные двери, постоянно открываясь и закрываясь, издавали певучие звуки, как будто вели музыкальную мелодию. Отсюда родилась шутка: «Ходить к Прокудиным-Горским под музыку» [8]. Парадные двери украшал герб, вырезанный из дерева.

В Отечественную войну 1812 года, когда Наполеон вторгся на территорию России, многие дворяне шли в ополчение и жаловали на него деньги. В ополчение пошел и третий сын Михаила Ивановича Прокудина-Горского – **Николай Михайлович Прокудин-Горский** (дед моего деда), будучи совсем мальчиком, как Петя Ростов.

Семейное предание сохранило один из эпизодов его походной жизни. Возвращаясь однажды вечером в лагерь и проходя мимо кладбища, он услышал доносившиеся оттуда стоны. Рядом с поваленными надгробиями Николенька увидел лицо мертвеца... только глаза живые. Луна освещала это лицо и саблю европейского образца, лежавшую рядом. Николенька понимал: одно дело враг в бою, другое дело – раненый. Как Пушкин писал: «В бою мы павших не топтали...». Юный Прокудин-Горский перевязал раненому ногу своим шарфом, дал ему глотнуть воды и потащил на себе в лагерь. Здесь выяснилось, что это не враг, а «друг» – офицер союзной армии, направлявшийся в русский штаб с дипломатическим поручением. Ядром убило его лошадь, он оказался засыпанным землей и придавленным мертвой лошадью. Долго он пролежал так, сутки, а может, и больше...

Прощаясь, раненый произнес: «Господь Вас храни. Европа не забудет великодушия русского офицера». Через некоторое время пришла реляция, благодарность неизвестному русскому офицеру за «содействие дипломатической миссии». Но Николенька в силу свойственной всем Прокудиным-Горским скромности промолчал («о чем там говорить»), так никто и не узнал имени ополченца, представленного к дворянской медали 1812 года.

Сын Николая Михайловича – **Михаил Николаевич Прокудин-Горский (**отец моего деда) в военное время служил в гренадерском полку, а в мирное – в Императорском человеколюбивом обществе. Родился он в 1837-м, в год смерти Пушкина. Поэт был для него примером для подражания. Пушкин, изучая жизнь своих предков, с осуждением говорил: «У нас некоторые гордятся больше звездой, чем славой своих предков». Михаил Николаевич мог подписаться и под другим пушкинским изречением: «*Изучение истории дворянских родов России есть изучение истории российского народа*». Хорошо зная многие страницы жизни своих предков, Михаил Николаевич взялся за составление летописи, саги о Прокудиных-Горских, начиная с Куликова поля...

В 1863 году у Михаила Николаевича родился старший сын **Сергей** – будущий изобретатель цветной фотографии, в 1878 году – средний сын, названный в честь деда **Николаем**, а в 1879 году – младший сын **Владимир** (мой дед).

Николай Михайлович Прокудин-Горский в 17 лет поступил на военную службу. Защищая честь любимой женщины, дрался на дуэли, причем, делая это, объяснялся ей в любви. И хотя затем он был отослан сначала в Ташкент и далее в Мукден, в Маньчжурскую армию, любящим сердцам все же удалось через несколько лет соединиться.

Николай Михайлович имел множество наград за лучшие показания в офицерской стрельбе. Был настоящим снайпером. Дома его называли Стрелком [11].

Сохранилась сильно выцветшая старинная семейная фотография, с которой смотрят люди яркие, благородные, никогда мною не виденные, но такие близкие и родные. На этой фотографии можно узнать Николая Михайловича и его жену, а также его братьев и сестер. Наверное, семья Ростовых из «Войны и мира» выглядела бы на фотографии приблизительно так же. Возможно, эту фотографию делал известный фотограф и химик Сергей Михайлович Прокудин-Горский. В верхнем ряду выделяется романтик Владимир Михайлович Прокудин-Горский. В этой молодой веселой компании он единственный сохраняет серьезность. Всадник, скачущий навстречу жизненным бурям. Кавалерийский офицер. Домашнее прозвище «Рыцарь».

О **Владимире Михайловиче Прокудине-Горском** (моем деде) я многое узнала от его товарища по юнкерскому кавалерийскому училищу Дмитрия Несвицкого. Например, он рассказывал, что, будучи прекрасным наездником, Владимир Михайлович держал первые места на конных скачках. Во время одной из них, когда весь ипподром гудел от напряжения, а зрители вскочили с мест, «болея» за него, Владимир дал возможность обойти себя, передав тем самым лавры победителя незнакомому публике юному всаднику. На возмущенные реплики, что он, «сильнейший», уступил первенство, спокойно ответил: «Среди офицеров должны быть первые, последних быть не должно...».

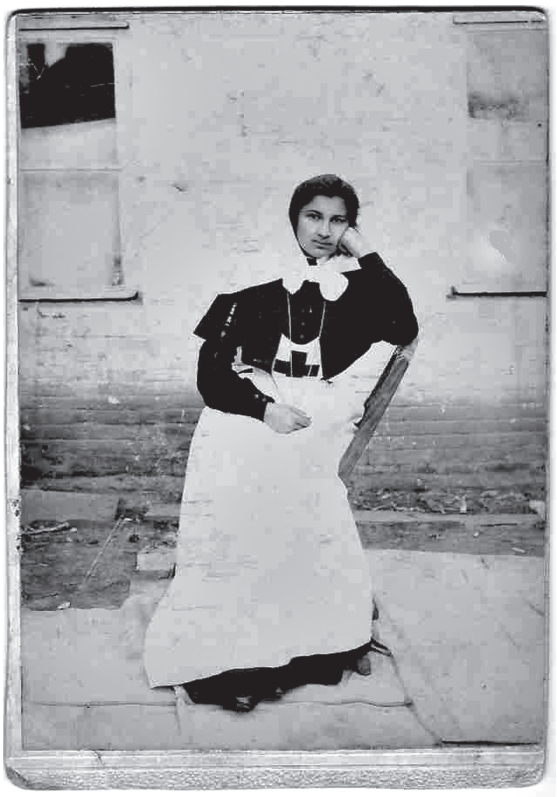
В 1905 году во время Русско-японской войны Владимир Михайлович был командирован в город Двинец для формирования 6 военно-санитарных транспортов. Стал командиром 41 военно-санитарного транспорта.

С 1907 по 1913 год избирался земским начальником в Тверской губернии. К нему обращались даже из других городов, верили, что решит по справедливости. В дворянском собрании стали сетовать, что Владимир Михайлович слишком много времени тратит на чужие беды, да и просьбы-то из другой губернии. Он отвечал: «На дворянском гербе Прокудиных-Горских вот уже полтысячи лет знак справедливости – весы правосудия. Справедливость не принадлежит губерниям. Ее исповедовали мои прадеды, ее будут исповедовать мои правнуки».

Когда началась Первая мировая война, пошел на фронт в кавалерийский полк. О его храбрости ходили легенды. Уходя на фронт, Владимир Михайлович отдал в воинскую часть своих лучших скаковых лошадей. В своем доме под Орлом разместил лазарет для раненых.

Он был стремительным в бою, сдержанным в общении, преданным своим друзьям и нежным к «своим двум Машенькам» – жене и дочке.

Со своей будущей женой **Марией Петровной Пушковой (1889–1920)**, которую называл своей «чудотворной иконой», Владимир Михайлович познакомился во время Первой мировой войны. Мария Петровна закончила хирургическое отделение сестер милосердия Общины Святой Евгении в Санкт-Петербурге под патронатом принцессы Е.М. Ольденбургской. Прямо из Общины совсем девочкой поехала в зону боевых действий Русско-японской войны. В семейном архиве сохранились ее письма с фронта, из Мукдена, Порт-Артура [12]. Имела награды: медали «За храбрость», «За попечение о раненых и больных воинах», «За мужество», серебряную медаль «В память Русско-японской



Мария Петровна Прокудина-Горская (Пушкова), сестра милосердия трех войн – Русско-японской, Первой мировой и Гражданской, бабушка автора

войны 1904–1905 гг.», а также серебряный с эмалью знак «За оборону Порт-Артура».

Мария Петровна была красавица. Когда своим голосом, звеневшим как серебряный колокольчик, она заводила в лазарете печальную «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», раненые смахивали слезы.

После венчания Мария Петровна и Владимир Михайлович Прокудины-Горские некоторое время жили в Петербурге. На балах в Офицерском собрании они считались одной из самых красивых пар. Ходили в Мариинский театр. Владимир Михайлович был знаком с примой Матильдой Кшесинской и вместе с женой часто заходил к ней. Примадонна повторяла одну и ту же любезность, что «Вольдемару (Владимиру Михайловичу) нет равных в мазурке, а императорская сцена многое теряет оттого, что чаровница Мари (Мария Петровна) не выходит на нее».

Когда у Марии Петровны должен был родиться ребенок, семья переехала в Отрадное, что под Орлом.

Дом Владимира Михайловича, в котором два года размещался лазарет, обветшал, поэтому Прокудины-Горские поместились во флигеле. Он был кремового цвета, и Мария Петровна назвала его «Бисквитным домиком». Там и родилась **Мария Владимировна Прокудина-Горская** (моя мама). Она многое помнит из жизни «Бисквитного домика». И «Портретную», где висели в старинных рамах потемневшие портреты Прокудиных-Горских, и любимую «Лошадиную комнату» ее папы, где были картины и рисунки, на которых изображены лошади. Помнит, как к ним приезжали ее тети и дяди, дарили ей игрушки. Помнит, как приезжал в Отрадное известный на всю Россию фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский – «дядя Сележа»...

Флигель дома Прокудиных-Горских в Отрадном под Орлом

Но вскоре счастливая детская жизнь с мамой и папой в «Бисквитном домике» закончилась. Пришли чужие люди, чтобы их «эк-спро-при-ировать». Старый полуразрушенный дом и флигель в Отрадном стал срочно нужен новым властям. Всю многочисленную семью Прокудиных-Горских разметало так, что и следов не осталось. Дом в Отрадном оказался сожженным, пропали библиотека, рукописи, живописное собрание портретов Прокудиных-Горских.

Мария Петровна погибла, защищая раненых в лазарете, где лежали и «красные», и «белые». Она пыталась преградить путь в палату подвыпившим бандитам. В воздухе мелькнули шашки... Она упала беззвучно. Умирая, Мария Петровна звала то Володю, своего мужа, то дочку Машеньку.

Пятилетняя Машенька Прокудина-Горская осталась сиротой. Ее взяла к себе тетя, родная сестра Марии Петровны – **Пелагея Петровна Нарышкина (Пушкова**). В эпоху бурь и потрясений школьная учительница Пелагея Петровна удочерила Машеньку, дала ей свою фамилию, посвятила ей всю жизнь без остатка. Умерла Пелагея Петровна в 1960 году. Я называла ее бабушкой.

Прошли годы. В 2005 году мы нашли наконец могилу маминого папы. И вот я стою

Машенька Прокудина-Горская, мама автора

Леонид Никитич
и Пелагея Петровна Нарышкины

Н.А. Нарышкина-Прокудина-Горская дома возле портретов деда и бабушки

перед его надгробной плитой. Разгребаю руками землю на могиле, выравнивая ее. Стебли ландыша пробиваются сквозь прошлогодние листья... Что происходило с моим дедом, какие испытания выпали на его долю?..

А на фотографии, которая висит у нас дома, Владимир Михайлович еще молодой, красивый. Руки его, сложенные на коленях, точно такие же, как у моей мамы и у меня... На обороте фотографии выцветшими от времени чернилами рукой жены Марии Петровны написано: «Мое счастье».

Мой дед Владимир Прокудин-Горский, русский офицер, человек чести, гордился своими предками, «колыбель имевшими в России». Представители не одного поколения этого древнего рода отдали жизнь за Россию. И при Минине и Пожарском, и в Отечественную войну с Наполеоном...

Сражались они не для наград – для Отечества...

Старинный род, давший России столько мужественных и отважных воинов...

Сама история предстает перед нами в их лицах...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Нарышкина-Прокудина-Горская, Н.А.** Моя родословная [Текст]. Ч. 2. Цвет России. Изобретатель цветной фотографии Сергей Михайлович Прокудин-Горский / Н.А. Нарышкина-Прокудина-Горская // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2010. – № 2.

2. **Она же**. Моя родословная [Текст]. Ч. 1. Потомственные московские дворяне Прокудины-Горские. История родового герба / Н.А. Нарышкина-Прокудина-Горская // Там же. – № 1.

3. **Фролов, Н.В.** Владимирский родословец [Текст] / Н.В. Фролов. – Ковров: БЭСТ-В, 1999.

4. **Сборник** биографий кавалергардов.1801–1826 [Текст] / сост. под ред. С.А. Панчулидзева. – СПб., 1906. – С. 124.

5. **Радость** моя [Текст]: сб. рассказов, стихов о преподобном Серафиме Саровском. – М.: Даниловский благовестник, 1997.

6. **Чичерин, А**. История лейб-гвардии Преображенского полка [Текст]. Т. 4. – СПб., 1883. – С. 135.

7. **Словарь** русских писателей XVIII века [Текст]. – Л.; СПб., 1988–1999. – С. 496–497.

8. **Нарышкина-Прокудина-Горская, Н.А.** В дружбе с Дмитрием Донским, в родстве с Рюриком [Текст] / Н.А. Нарышкина-Прокудина-Горская // История Петербурга. – 2010. – № 2.

9. **Архангельский, В.** По старой Орловской дороге [Текст] / В. Архангельский, В. Герман, Г. Иванов [и др.] //Охотничьи просторы. Кн. 6. – М., 1956.

10. **Рерберг, П.Ф.** Севастопольцы: сборник портретов участников обороны Севастополя в 1854–1855 гг. / П.Ф. Рерберг. – Вып. 3 – СПб., 1907.

11. **Нарышкина-Прокудина-Горская, Н.А.** Русские фамилии [Текст] / Н.А. Нарышкина-Прокудина-Горская // Семейная сага. – Русский міръ. Пространство и время русской культуры. – 2008. – № 1.

12. **Она же.** Письма из семейного архива [Текст] / Н.А. Нарышкина-Прокудина-Горская // Лит. знакомства. – 2010. – № 1.

Е.Н. Болотникова

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Соловьева С.В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти: монография / С.В. Соловьева. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. – 248 с.

Предлагаемая вниманию читателя работа масштабна и по своему замыслу, и по исполнению. Как справедливо отмечает в Предисловии к монографии С.В. Соловьева, «настало время быть “за”, на стороне власти». Столь броское заявление идет вразрез с принятой в нынешних интеллектуальных кругах практикой. Философский дискурс, успешно освободившийся (по многим причинам) от идеологического пресса за последние тридцать лет, теперь уже в рамках новой традиции занимает критическую (в смысле негативистскую) позицию в отношении власти. Речь идет о власти-насилии, власти-цензуре, власти-диктате. На конференциях и в многочисленных публикациях авторитетных журналов дискутируется вопрос о механизмах и приемах властвования, достоинствах и недостатках демократической и авторитарной моделей политического управления, поднимается вопрос о возможности «человеческого измерения» власти. Вместе с тем в пылу и жажде интеллектуального протеста упускается из виду тот факт, что в действительности человеческого бытия власть маркирует себя, являет себя в многочисленных формах и видах, далеко отстоящих от политических дебатов и выборных механизмов. Исходный пункт рассуждений о власти для автора – ее неполитическое измерение.

Эта позиция не уменьшает значение власти, не ограничивает поле исследования, а, наоборот, выводит автора в пространство философского осмысления власти во всем многообразии ее форм и способов существования. Методология, на основании которой конструируется собственное видение власти, экзистенциально-феноменологическая. Опора на М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Кожева, М. Бахтина, С. Хоружего придает работе фундаментальное звучание. Это позволяет говорить не о модернистском или постмодернистском прочтении власти, но о попытке ее серьезного анализа в актуальном философском поле. Обращение к названным авторам дает надежду на критическую (в кантовском понимании), актуальную и при этом положительную перспективу всего исследовательского проекта.

С.В. Соловьева считает, что «власть – способ на(у)правления силой, энергией, это способность свершения события» (С. 10), при этом важно, что «власть и событие не совпадают, но событие понимается как то, что возникает в результате действия власти» (С. 11). В таком ракурсе власть предстает фундаментальной константой человеческого существования. Она являет себя в событиях, придавая им мощь и силу, делает разрез живой ткани экзистенциального существования человека, разделяя его на «до» и «после». Именно так разделяется жизнь человека, его понимание себя и мира в целом при столкновении с собственностью, любовью и совестью. Этот план анализа власти

автор разворачивает в главе «Экзистенциальная природа власти».

Власть в перспективе владения как власть над вещью раскрывается через стратегии авантюры, стяжательства и труда. С учетом степени риска каждая из стратегий с определенной долей вероятности приводит к приобретению собственности, и соответственно выбор стратегии экзистенциально укоренен в человеке, связан с его внутренней силой и энергией, готовностью владеть, управлять и нести ответственность за собственность либо оказаться во власти вещей.

Самая яркая часть книги, несомненно, посвящена власти призывания, признания другого – власти любви. Автор аргументирует раскрытие сложнейших философских нюансов рассуждения с помощью поэзии, обращается к экзистенциальному опыту и великим литературным произведениям. Любовь в перспективе власти обозначается в связи с опасностью, конфликтом и борьбой. Стратегией завоевания власти в любви автор считает соблазн в том значении, в котором он представлен в текстах Ж. Бодрийяра.

Власть над вещью – это предметная, внешняя по отношению к человеку перспектива рассмотрения власти. Власть любви неизбежно связывает человека с Другим, Иным, с опытом Ничто. Целостной, законченной проекцию исследования делает обращение автора к одному из наиболее сложных феноменов и стратегий существования власти – к совести. Совесть, понятая как власть человека над самим собой, раскрывается через потрясение и побег. Не уводя читателя в мировоззренческие и этические рассуждения, оставаясь в философском поле, С.В. Соловьевой удается аргументировать следующее определение совести: «власть совести событийна, в ее свершение входят три составляющие – сила, возвращение, вызов и ответ, а также другой, который обладает силой, способной интенсифицировать, призывать к свершению события совестливого переживания» (С. 158).

Таким образом, экзистенциальная природа власти раскрывается в наиболее значимых для человека регионах бытия – онтическое пространство бытия вещей, бытия Другого и бытия самости маркируется событиями, сила и сама возможность которых укоренена в онтологии власти.

Авторское прочтение феноменов любви, совести и владения собственностью как событийных, силовых энергийных полей, в координатах которых определяется человеческое существование, вырастает в тексте на прочном фундаменте – анализе и критике классических и современных философских, политических, экономических теорий и подходов. Тот абрис, который получают в тексте книги известные работы С.Л. Франка, А. Смита, А. Кожева, Платона, Ж. Агамбена, М. Фуко и многих других, сам оказывается заряженным энергией и силой.

Властью автора и силой движения его мысли читатель во второй главе обретает представление о властной природе феноменов социального. К ним С.В. Соловьева относит священное и технику. Эти понятия, поставленные рядом, на первый взгляд с трудом могут быть сопряжены между собой. Техника динамична и прогрессивна, священное самотождественно, изначально понимается в культуре как вневременное. Однако выбор не случаен.

Автор показывает, что и техника и священное суть такие пространства социальной реальности, в которых, в зависимости от избытка или недостатка силы, человек определяет самое себя. Техника и священное – это маркеры, константы, столпы общественной организации жизни, они имеют властную природу, обладают силой и значением, оказывают предельное влияние на человеческое бытие и входят в экзистенциальное самопонимание человека.

Представленная монография оставляет множество вопросов внимательному читателю. Каковы перспективы экзистенциального самоопределения человека в постмодернистскую эпоху в связи с тем, что вещь и собственность постепенно переходят из реального мира в виртуальный? Как возможна совместность в любви, понятой через соблазн? Возможно ли выбраться из-под тотального господства техники? Есть ли шанс у человека в социальной реальности избежать освящения, сакрализации чего бы то ни было?

Но и эти, и, возможно, многие другие вопросы, инициируемые текстом монографии С.В. Соловьевой, образуют поле рассуждения,

имеющее четко сформулированные автором координаты. Та сила и энергия, с которой написана книга, распространяется далеко за ее фактические пределы. А ближайшая возможность подтверждения событийной природы власти заключается в том, что сама эта работа, ее содержание могут стать для читателя подлинным событием.

В.А. Серкова

ОБЗОР НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ТУРЦИИ И РОССИИ В ИСТОРИИ»

5 октября 2010 года в Стамбульском университете состоялась конференция «Взаимоотношения и взаимовлияние Турции и России в истории» («Turkish-Russian Relations throughout History»). Преподаватели Санкт-Петербургского государственного политехнического университета и Стамбульского государственного университета представили доклады, посвященные многовековым отношениям России и Турции. Приводим краткий обзор материалов конференции.

В докладе доктора исторических наук, профессора С.Б. Ульяновой «Формирование базовых представлений о Турции и русско-турецких отношениях в школьных учебниках по истории России в XX – начале XXI века» проанализированы русско-турецкие отношения на материале 15 учебников по русской истории, изданных с 1907 по 2009 год. Докладчик подчеркнул, что «в современном обществе каркас исторической памяти составляет история, почерпнутая из школьного учебника, который формирует образ национальной идентичности, историческую память и коллективные представления о прошлом. И если курс всеобщей истории, вольно или невольно, приобретает страноведческие черты, то в курсе истории своей страны закладываются оценочные моменты, так как другие национально-государственные или конфессиональные общности рассматриваются в контексте “свои – чужие”».

По выборке из 26 сюжетов с XII по XIX век (до 1878 года) С.Б. Ульянова показала, как русско-турецкие отношения связаны с общим контекстом европейской политики и как менялись акценты в зависимости от политики России, не только внешней, но и внутренней. В исторической ретроспективе докладчиком проанализированы ключевые мотивы учебников по истории, формирующих массовые представления о Турции, от дореволюционных до современных. Характеризуя в целом интерпретации событий истории в учебниках, докладчик отметил, что «если в дореволюционных учебниках в трактовке Турции преобладал конфессиональный дискурс (противостояние христианства и ислама), а в советских – классовый (критика царизма), то сегодня авторы учебников рассматривают русско-турецкие отношения в геополитическом контексте. Причем если в дореволюционных учебниках, например, речь шла о турках как об этносе, о нации, то в советских и современных учебниках речь идет об Османской империи, о государстве». Отношения двух государств, двух империй, чьи геополитические интересы часто вызывали войны, «далеко не всегда справедливые и обоснованные (с обеих сторон)», могут и должны меняться благодаря не в последнюю очередь усилиям гуманитариев, ориентирующихся на диалог, понимание и интерес к своей и чужой истории и культуре.

Доклад кандидата исторических наук, доцента кафедры истории гуманитарного факультета СПбГПУ А.Н. Мичурина «Политические деятели Турецкой Республики в описаниях и документах российских военно-политических

миссий» посвящен развенчанию «идеалистической точки зрения на советско-турецкие отношения периода кемалистской революции» и анализу «изначальных фундаментальных противоречий в советско-турецких отношениях 20-х годов». Особую ценность исследования, изложенные в докладе, имеют в силу того, что в них приведены новые данные из советских архивных документов, опубликованных лишь в начале XXI века. Исторический контекст, в котором осуществлялась политика Советского государства, многое проясняет в отношении российской политики к событиям, связанным с формированием национального Турецкого государства. Временные тактические союзы кемалистов и советских руководителей, как отметил докладчик, во многом определялись усилиями конкретных политических деятелей с обеих сторон, и история показала, что состав участников большой политики постоянно менялся, а это свидетельствует о колебаниях и об отсутствии общей политической стратегии.

А.Н. Мичурин подробно изложил все перипетии отношений с Джемалем Энвер-пашой, которого «долгое время держали <...> про запас, как карту в политической игре против Кемаля-паши». В докладе подробно освещена миссия М. Фрунзе, закончившаяся подписанием договора. Докладчик сравнил два различных свидетельства одного и того же события – Фрунзе и поверенного в делах РСФСР в Турции В. Михайлова. «Отношения России и Турции, – отмечает А.Н. Мичурин, – переживали сложные и подчас драматичные периоды. В них редко присутствовала искренняя дружба, зачастую сближение было вызвано не общими интересами, а общими неприятностями и общими врагами. Но даже на фоне трудной российско-турецкой истории взаимоотношений период начала 20-х годов XX века отличается особым “политическим романтизмом” и попыткой выйти далеко за пределы протокольных дипломатических отношений».

В докладе доктора философских наук, профессора В.П. Горюнова «Россия и Турция: единство и различие модели великодержавности» проанализированы основы и принципы великодержавной политики в универсальных и особенных формах и проявлениях. Идея великодержавности, по мнению докладчика, в одинаковой степени определяет политику России и Турции в отношении к окружающим странам и регионам. В докладе показаны субъективное и объективное содержание политики и идеологии великодержавности, военные, экономические и материально-технические средства, идеологические ресурсы, способствующие проведению политики господства. В.П. Горюнов отметил, что «принадлежность человека к великой державе не ограничивается национально-государственными рамками, она выражается и в принадлежности к великой культуре, цивилизации или великой религии». Докладчик остановился и на особенностях так называемого имперского сознания, поскольку, как он справедливо полагает, «осознание принадлежности к великой державе компенсирует возможную ущербность индивидуального положения человека», упомянув значение идеологического мифа как средства управления и поддержания власти. В докладе обращено внимание на исторические формы великодержавного господства – завоевание территории, колонизация, неоколонизация и, наконец, информационно-технологическая экономическая зависимость. Современность охарактеризована тем, что одни страны выбиваются в лидеры мирового управления, информации и сервиса, в то время как другие территориально превращаются в центры «мирового материального производства по всему его циклу – от добычи сырья до захоронения отходов». Тенденция новейшей формы империализма состоит в формировании глобальных полюсов мира: господствующего, организованного и социально сплоченного, и угнетаемого, дезорганизованного и разобщенного. Глобалистическая модель мирового порядка диктует новые стратегические правила участия в распределении жизненных ресурсов. Россия, так же как и Турция, может вернуть, по мнению В.П. Горюнова, статус великой державы. Объединение усилий, единая стратегия, единое евразийское пространство могут стать залогом успеха в этом многосложном деле.

Доклад кандидата исторических наук, доцента Е.А. Ростовцева «Образ чужого в исторической памяти россиян: Турция в текстах русской литературы (XIX–XX вв.)», подготовленный в соавторстве с ассистентом кафедры истории СПбГПУ И.В. Сидорчуком, посвящен

формированию «образа» Османской империи (Турции) и «турок» в историческом сознании и национальной памяти россиян на материале художественной литературы. Литература является одним из самых распространенных и доступных источников знаний по истории. Подбор литературных текстов (среди них как произведения классической русской литературы, так и популярная беллетристика XX века) осуществлялся на основе произведений, вошедших в школьную программу по литературе, и по принципу популярности у читающей публики по данным книжной статистики и социологии чтения (период с 1965 по 2007 год). «Турецкая тема» в докладе раскрыта в двух аспектах: как пример формирования «образа чужого» и как основа отношения сегодняшних россиян к Турции, «к стране, с которой уже около столетия у России не было военных конфликтов и многие десятилетия складывались позитивные отношения на официальном уровне». Литература эксплуатирует этнокультурные стереотипы, или обобщенные образы этнического или конфессионального соседа, формирующиеся по культурным, расовым, языковым признакам, меняющимся в зависимости от исторической эпохи. Историческая память является одним из источников формирования «образа чужого». Турция была геополитическим соперником России, и поэтому образ турка формировался на основе представления о военном противнике. После русско-турецких войн времен правления Екатерины Великой, как подчеркнул докладчик, Россия стала самой сильной и могущественной страной в Европе. Эти события не могли не отобразиться в русской литературе, но особенно часто в ней упоминается Русско-турецкая война 1877–1878 годов, при этом характерны неоднозначные оценки как хода, так и результатов этой войны. Имеет значение и геополитический расклад на территориях, сопредельных России и Турции (на землях северного Причерноморья, буферных территориях, турецкой территории). Угнетение балканских славян, идея пантюркизма, тема «турецкого плена» – вот основные сюжеты, особенно часто появлявшиеся в русской литературе. Тем не менее эти уже устаревающие стереотипы, «живущие тенями прошлого», со временем должны вытесняться, с точки зрения докладчика, «общими ценностями и целями цивилизационного уровня».

Доклад доктора социологических наук, профессора И.Е. Тимерманиса «Социальные настроения студенческой молодежи и их ориентация в образовательном процессе» основан на изучении данных опросов по состоянию индивидуальных и групповых настроений студентов Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Одна из задач этого исследования – «изучение общественного настроения, т. е. изучение состояния чувств и умонастроений в современной среде студенческой молодежи». Респодентов опрашивали относительно настроений, здоровья, отношения к учебе, общественных ценностей, оценки социального здоровья, чувства агрессии, самооценки (проблемы во взаимоотношениях с другими людьми, общественное признание, отношение к образованию, чувство ответственности, склонность к саморазрушению и т. д.). На основании данных опросов выявлялись общие тенденции и параметры для диагностики нравственных мотивов, социальных потребностей, сформированных индивидуальных мнений и умонастроений. Проводилась диагностика нравственных мотивов, социальных потребностей, сформированных индивидуальных мнений и умонастроений. В ходе исследований выявлено, что почти одна треть студенческой молодежи предполагает учебу в течение всей жизни, что студенты, получающие образование по гуманитарным дисциплинам, более настроены на процесс непрерывного образования, чем студенты, выбравшие естественнонаучную сферу. Следует отметить, что три группы опрашиваемых в той или иной степени оценили состояние социального самочувствия молодежи преимущественно как проблемное и неудовлетворительное. Основываясь на высказанных мнениях респондентов, И.Е. Тимерманис отметил, что «нравственные оценки ими своих мотивов поведения и самосознания вполне адекватны оценке социального здоровья как одного из критериев личного здоровья и здоровья общества».

В основу доклада доктора исторических наук, профессора А.А. Михайлова «Русские военные агенты о Турции второй половины XIX – начала XX века» легли материалы Российского государственного военно-исторического архива, находящегося в Москве, где насчитывает-

ся 901 единица хранения за период с 1658 по 1917 год. А.А. Михайлов подробно описал порядок назначения на должность военных агентов (причем, как показал докладчик, разведкой занимались многие служащие Министерства иностранных дел: послы, посланники, консулы), органы, осуществляющие организацию и контроль деятельности военных агентов, структуру ведомств, курирующих их работу, источники получения информации, отношения с дипломатическим корпусом и с министерствами, личные качества агентов. Записки, составленные военными агентами, зачастую служили основой информации для принятия самых важных политических решений. Поскольку так называемый «восточный вопрос» имел особое значение во внешней российской политике XIX – начала XX века, донесения военных агентов были чрезвычайно важны. А.А. Михайлов показал, что донесения военных агентов касались самых разнообразных военных и политических вопросов: состояния укреплений (включая карты местности и планы), бюджета Турецкой империи по военно-инженерной части, состояния финансов страны в целом, военных наборов в различных частях Османской империи, железнодорожного строительства, планов реорганизации турецкой армии, данных о росте влияния на султанское правительство западных держав, а также сведений о деятельности европейских промышленников по снабжению турецкой армии вооружением, составе офицеров турецкой армии, об умонастроениях среди турецкого офицерства и т. д. Докладчик осветил деятельность некоторых военных агентов (В.Н. Филиппова, Н.Н. Пешкова, Э.Х. Калнина, И.А. Хольмсена), а также связанных с ними военных деятелей и дипломатов (Н.Н. Обручева, А.Р. Деннета, А.И. Гиппиуса, А.Д. Эбергарда, В.Н. Шебеко). В заключение своего доклада А.А. Михайлов отметил, что «документы военных агентов представляют собой интереснейший и разнообразный комплекс источников по истории русско-турецких отношений, который нуждается в глубоком изучении».

В докладе доктора философских наук, профессора В.А. Серковой «Описание храма Софии Константинопольской русскими авторами» приведено несколько источников, содержащих описания величайшей византийской святыни – храма св. Софии Константинопольской, прославившегося как «чудо и слава века». Храм возведен малоазийскими зодчими Анфимием из Траллеса и Исидором из Милета. Архитектура этого храма поистине удивительна. И внешне храм производит впечатление своими внушительными размерами, но нужно войти внутрь, чтобы по достоинству оценить продуманность в соединении разнообразных внушительных пространственных объемов, связанных в одно целое с невиданной до того органичностью. Пространственная целостность составляет стержень всех многообразных впечатлений, которые можно извлечь из созерцания этого собора. Как во всяком совершенном творении, именно рисунок пустоты и представляет в архитектурном произведении основную эстетическую ценность.

В знаменитом письме Епифания Премудрого Кириллу Тверскому, относящемся к началу XV века, собор представляется не просто самым лучшим христианским храмом, но воплощением идеального церковного устройства. Епифаний Премудрый, один из замечательных русских авторов, жил на рубеже XIV и XV веков, подвизался в Троице-Сергиевом монастыре, знал многих знаменитых людей своего времени, в том числе Феофана Грека, о котором идет речь в письме. Интересен тот факт, что автор письма описывает то, чего никогда не видел. Оригинальность и ценность этого письменного источника состоит именно в том, что в нем зафиксированы не непосредственное созерцание собора и не воспроизведенные по памяти впечатления, но совершенно иного рода представления. Источником описания являются, вероятно, образцы тех церквей, которые мог видеть Епифаний на Руси в начале XV столетия. Характерную внутреннюю пространственную перегруженность, дробность и затесненность, возникающую из-за множества куполов и, следовательно, из-за массивности внутренних опор и тяжести цилиндрических сводов, «описывает» Епифаний в качестве константинопольской святыни, перенеся особенности местного русского зодчества как норму на главную византийскую святыню.

Николай Гумилев, побывавший в св. Софии на пять веков позднее, описывает ее в «Африканском дневнике» и наделяет совершенно

иными характеристиками. Вопрос состоит в том, откуда в «непосредственных» описаниях константинопольского собора у Н. Гумилева берется «чистый фантазм» готики, который прямо влияет на форму того, что является перед ним как некая «другая реальность».

Еще одно описание того же самого храма дано в «Путешествии в Стамбул» И. Бродского. В нем еще явственнее проступает влияние частных обстоятельств в производстве содержания описываемого предмета. Появление автора в константинопольских пределах столь же случайно, сколь и закономерно. Причина путешествия в Стамбул – неразрешимая неприкаянность писателя и ностальгия, заставляющая его перемещаться по параллели и меридиану, на пересечении которых стоит Ленинград. Накладывание на матрицу Ленинграда разных точек пространства приводит к тому, что наш путешественник всегда стремится в Ленинград и всегда оказывается «не там». В описании И. Бродского скептицизм по отношению к возможности объективного определения предмета описания совершенно очевиден.

Многообразие и противоречивость впечатлений, отраженных в трех описаниях, отчасти спровоцированы самой идеей конструкции – идеей материального воплощения сверхрационального порядка, во многом обусловливающей смыслы описаний. По мнению докладчика, «существенна для производимых описаний “естественная установка сознания”, основной смысл которой состоит в том, что все характеристики храма, данные четырьмя авторами, относятся не к структуре восприятия-сознания как такового, а к его объективированному образу». Другими словами, нигде ни одним автором не высказано ни малейшего сомнения в том, что храм св. Софии является «на деле» таким, каким они его описывают. Несмотря на множество интерпретаций (включая и ту, которую можно характеризовать как историко-культурологический комментарий), суть «реального собора св. Софии» остается непроясненной. Таким образом, описывая реальный объект – «вот-этот-собор-который-располагается-здесь-непосредственно», четыре автора приходят к столь различным результатам, что встают вопросы: какой предмет имелся в виду и является ли он одним и тем же? Главное, что извлекается из множественных характеристик храма, по мнению докладчика, заключается в том, что «реальное», которое представляет собой предмет описания разных авторов, обнаруживает свою ментальную природу. Вывод, который напрашивается как результат сравнения этих описаний, следующий: они имеют точки опоры в самом «объекте» в той же мере, в какой в самих наблюдающих. При этом здравый смысл требует, чтобы на полюсе объектности описание стремилось к адекватным сущностным характеристикам (в пределе они сводятся к указыванию на объект, потому что даже имя объекта выражается, как правило, неоднозначно – православный храм, мечеть, музей). На полюсе субъектности описание беспредельно расширяется в бесконечном многообразии предикатов.

Преподаватели Стамбульского государственного университета подготовили доклады по сходной проблематике. Также была поднята тема отражения образа России в турецких учебниках истории (доклад Нил Тюркер Текин «Образ России в учебниках социологии и истории для начальной и средней школы»). Доцентом, доктором Эмине Инаныр был подготовлен доклад «Образ Стамбула в произведениях русской письменности XV–XVI веков». Доктор исторических наук, доцент Али Фуат Оренч озвучил доклад «Историческая роль турецкого флота в османо-русских отношениях XIX века». Доцент, доктор отделения византийской культуры факультета литературы Асну-Билбан Йалчин подготовила сообщение «Исследования российскими учеными наследия и памятников Византии в Стамбуле и их значение для турецкой науки». Доктор исторических наук, доцент факультета литературы Мустафа Айдын выступил с темой «Кавказский регион в период с 1830 по 1850-е годы». Доктор наук, профессор кафедры турецкого языка и литературы Исмаил Караджа осветил проблему «Образ России в исторических романах, написанных после Танзимата». Доктор наук, профессор факультета литературы Мурат А. Каравелиоглу рассказал о знаменитом тюрколог Николае Федоровиче Катанове и его коллекции, находящейся в Стамбульском государственном университете.

В дискуссиях и обсуждениях докладов принимали участие студенты Стамбульского государственного университета.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ

АБЕЛЬСКАЯ Раиса Шолемовна – *кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.*
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 15
тел. (343) 375-44-14
rashelabelskaya@mail.ru

АКСЕНОВА Елена Петровна – *ассистент кафедры организационной психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.*
199178, Санкт-Петербург, В.О., 12-я линия, 13а
тел. (812) 329-08-81art27330@yandex.ru

АЛИКИНА Екатерина Юрьевна – *соискатель кафедры лингводидактики Пермского государственного университета.*
614000, Пермь, ул. Букирева, 15
тел. (342) 2-396-477
katyaalikina@yandex.ru

АНТОНОВА Наталья Леонидовна – *кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии факультета политологии и социологии Уральского государственного университета.*
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 24
тел.: (343) 350-73-68
n-tata@mail.ru

БАРАНОВА Ирина Ивановна – *доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28
тел. (812) 322-56-32 (309, 307)
ira7799@mail.ru

БОЛОТНИКОВА Елена Николаевна – *кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Самарской государственной сельскохозяйственной академии, Институт управленческих технологий и аграрного рынка.*
443056, Самара, пр. Масленникова, 37
тел. (846)334-11-55
vlad_lena@mail.ru

БУЛАВИНЦЕВА Людмила Ивановна – *кандидат педагогических наук, доцент кафедры зоологии и анатомии естественно-географического факультета Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.*
241036, Брянск, ул. Бежицкая, 14
тел. (4832) 66-69-16
lib-58-timob@yandex.ru

БЫЗОВА Надежда Ивановна – *аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-97-84

БЫКАНОВА Валентина Игоревна – *доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английского языка для физических факультетов №2 факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-94-65
valvox@yandex.ru

ВАСЕНЕВА Надежда Владимировна – *аспирант кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций; старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков Омской гуманитарной академии.*
644105, Омск, ул 4-я Челюскинцев, 2 А
тел. (3812) 28-47-43 (приемная ректора)
vaseneva.nadia@yandex.ru

ВЕНЩИКОВ Михаил Анатольевич – *аспирант кафедры истории русского искусства исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета*
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
тел. (812) 323-12-74
e-mail: mikhail22@rambler.ru

ВЕТРОВА Ольга Григорьевна – *кандидат филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел.: (812) 297-78-18
olgrivet@yandex.ru

ВИДМАРОВИЧ Бранимир – *аспирант Института международных отношений и внешней политики МГИМО (У) МИД РФ.*
119454, Москва, пр. Вернадского, 76
тел. (495) 434-00-89
vidmarovic@yahoo.com

ВИНОГРАДОВА Олеся Игоревна – *аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания Белгородского государственного университета, преподаватель кафедры русского языка и естественных дисциплин Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова.*
308012, Белгород, ул. Костюкова, 46
тел. (4722) 30-99-19
olesiavinogradova@rambler.ru

ГИЛЬ Ольга Львовна – *доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Омского государственного педагогического университета*
644099, Омск, ул. Партизанская, 4а
тел. (3812) 23-37-73
ne_hill_o@mail.ru

ГОРЮНОВ Валерий Павлович – *профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-87-01
goryunov42@mail.ru

ГРЕБЕННИКОВА Дина Александровна – *старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной культуры гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, соискатель кафедры искусствоведения и культурологии Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-66-22
29din@rambler.ru, Ya.dina-nastya@yandex.ru

ГРИДАСОВА Альбина Владимировна – *кандидат педагогических наук, доцент Армавирского лингвистического социального института Армавирской государственной педагогической академии.*
352900, Краснодарский край, Армавир, ул. Кирова, д. 22-24
тел. (86137)4-80-16
bogdanova_m82@mail.ru

ДОМИНЯК Владислав Игоревич – *кандидат психологических наук, доцент кафедры инженерной педагогики и психологии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-66-22
vdominiak@spbstu.ru

ЗАЯЦ Наталия Владимировна – *докторант докторантуры и адъюнктуры Национальной академии внутренних дел Украины; кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права.*
03035, Украина, Киев, пл. Соломенская, 1
Alabama1111@bigmir.net

ЗИНЬКОВСКАЯ Анастасия Владимировна – *декан переводческого факультета, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института экономики, права и гуманитарных специальностей.*
350018, Краснодар, ул. Сормовская, 12/6
тел.: (861) 231-85-63
anastassiat@rambler.ru

ИСАЕВА Заира Шахбановна – *аспирант кафедры английской филологии факультета иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена.*
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
тел. (812) 571-22-77
zaira_isaeva@list.ru

КАЗАКОВА Светлана Викторовна – *кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыкального образования Уральского государственного педагогического университета.*
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 6
тел. (343) 371-19-82
f20543@olympus.ru

КАЛМЫКОВА Светлана Владимировна – *старший преподаватель кафедры управления в социально-экономических системах факультета управления и информационных технологий; соискатель кафедры математики Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 329-47-41
kalmykovas@mail.ru

КАНУННИКОВА Ольга Витальевна – *преподаватель английского языка Вологодского института права и экономики ФСИН России; аспирант кафедры философии Вологодского государственного педагогического университета.*
160035, Вологда, ул. С. Орлова, 6
тел. (8172) 72-16-04
rus_olgak@rambler.ru

КАШЕВАРОВ Анатолий Николаевич – *доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-96-91

КЛЕЦ Татьяна Евгеньевна – *соискатель ученой степени кандидата педагогических наук по кафедре английского языка № 2 (для физических факультетов) факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; старший преподаватель кафедры иностранных языков Псковского государственного политехнического института, заместитель декана механико-машиностроительн*ого факультета.
180000, Псков, ул. Л. Толстого, д. 4
тел. (8112) 79-76-99 (кафедра ин. яз.), (8112) 79-76-84 (деканат ММФ)
kte63@yandex.ru

КОВАЛЕВ Сергей Николаевич – *кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона Российской Федерации Института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.*
191055, Санкт-Петербург, Дворцовая пл. , д. 10
тел. (812)494-23-50

КОЛПАЩИКОВА Елена Юрьевна – *аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Института правоведения и предпринимательства.*
196601, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Малая, 8
тел. (812) 465-28-13 (кафедра)
ejrk@rambler.ru

КОНОПЧЕНКО Юлия Петровна – *ассистент кафедры «Теория и история государства и права» юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-69-76
konopchenko@mail.ru

КОПТЕВА Элеонора Ивановна – *доцент, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры литературы Омского государственного педагогического университета.*
644099, Омск, ул. Партизанская, 4 а
тел. (3812) 23-37-73
eleonora_kopteva@mail.ru

КОРНЕЕВА Наталья Юрьевна – *кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования ППИ Челябинского государственного педагогического университета; докторант ЧГПУ.*
454080, Челябинск, пр. Ленина, 69
тел. (8-351) 268-96-50
kny.ppi@mail.ru

КОСТЕРИНА Ольга Николаевна – *кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-97-84
olga_kosterina@mail.ru

КОСЯКОВ Геннадий Викторович – *доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Омского государственного педагогического университета.*
644099, Омск, наб. Тухачевского, д. 14
тел. (3812) 23-37-73 (кафедра литературы)
gen777kos@mail.ru

КРАСАВИНА Ольга Игоревна – *аспирант кафедры прикладной лингвистики факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-78-18
oliakrasotochka@yandex.ru

ЛАРИОНОВ Виталий Васильевич – *профессор, доктор педагогических наук, профессор кафедры общей физики Физико-технического института Томского политехнического университета.*
634050, Томск, пр. Ленина, 30
тел. (3822) 56-34-40
larvv@sibmail.com

ЛЕПШЕЕВ Александр Алимпиевич – *доцент кафедры истории и общей экономической теории Санкт-Петербургского института машиностроения.*
195197, Санкт-Петербург, Полюстровский пр., 14
тел. (812) 541-20-81, 540-58-45
alepsheev@mail.ru

ЛИСИЧКО Елена Владимировна – *кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и экспериментальной физики Института физики высоких технологий Томского политехнического университета.*
634050, Томск, пр. Ленина, 30
тел. (3822) 56-41-58
elena_lis@mail.ru

МАЛЕНОВ Александр Александрович – *заведующий психологической лабораторией, соискатель факультета психологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.*
644077, Омск-77, пр. Мира, 55-А
тел. (3812) 67-12-06 (деканат); (3812) 67-21-18 (кафедра)
malyonov@univer.omsk.su, malyonov@mail.ru

МАЛЕНОВА Арина Юрьевна – *доцент кафедры социальной психологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук.*
644077, Омск-77, пр. Мира, 55-А
тел. (3812) 67-12-06 (деканат); (3812) 67-21-18 (кафедра)
malyonova@mail.ru

МАЛКОВА Елена Вячеславовна – *кандидат философских наук, заведующая кафедрой общих гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин Пермского института экономики и финансов; докторант кафедры философии Пермского государственного университета.*
614000, Пермь, ул. Куйбышева, 98а
тел. (342) 238-86-61
ev-malkova@yandex.ru, emalkova@pief.ru

МАНЯПОВА Елена Васильевна – *старший преподаватель кафедры практической психологии и педагогики Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева.*
626150, Тобольск, ул. Знаменского, 58
тел. (34511) 5-02-82
lev3106@mail.ru

МИХАЙЛОВ Андрей Александрович – *доктор исторических наук, профессор кафедры истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-96-91
draqun66@mail.ru

МИХАЙЛОВА Елена Николаевна – *кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики послевузовского образования Томского государственного педагогического университета.*
634061, Томск, ул. Киевская, 60
тел. (3822) 62-17-45
ElenaNMihailova@yandex.ru

МИЧУРИН Алексей Николаевич – *доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-96-91(кафедра)
michurinspb@mail.ru

МИШЛАНОВА Светлана Леонидовна – *доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики Пермского государственного университета, заведующая кафедрой лингводидактики.*
614000, Пермь, ул. Букирева, 15
тел. (342) 2-396-477
mishlanovas@mail.ru

МОКРОУСОВА Ольга Анатольевна – *кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры пожарной безопасности в строительстве Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России.*
620062, Екатеринбург, ул. Мира, 22
тел. (343) 360-81-44
olgamokrousova@mail.ru

МОМОТ Анастасия Демидовна – *аспирант кафедры английской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.*
199034, Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., 11
тел. (812) 328-95-15
momotanastasia@gmail.com

МУРЕЙКО Лариса Валериановна – *кандидат философских наук, докторант кафедры философии РГПУ им. А.И.Герцена.*
197046, Санкт-Петербург, ул. М. Посадская, 26
тел. (812) 232-31-57
lamureiko@mail.ru

НАРЫШКИНА-ПРОКУДИНА-ГОРСКАЯ *Наталья Андреевна* – *доктор искусствоведения, действительный член Академии гуманитарных наук и Академии истории культуры, профессор Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28
narnatali@yandex.ru

НАУМОВ Владимир Викторович – *доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-97-84
vladimir_naumov_@mail.ru

ПАВШИНСКАЯ Мария Сергеевна – *аспирант кафедры государственного и международного права Московского государственного университета приборостроения и информатики; ассистент кафедры международного права и основ правоведения Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова.*
163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4
тел. (8182) 65-06-33
pmips@rambler.ru

ПОСТНИКОВА Екатерина Ивановна – *кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и экспериментальной физики Института физики высоких технологий Томского политехнического университета.*
634050, Томск, пр. Ленина, 30
тел. (3822) 56-44-58
katyapost@mail.ru

ПРОТАСЕНКО Ирина Николаевна – *кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.*
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
тел. (812) 328-94-21, доб. 1848
irina.protasenko@mail.ru

РЕЧИНСКИЙ Александр Витальевич – *проректор по информатизации в образовании, кандидат технических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
office_vicerector.inf@spbstu.ru

РОСЛЯКОВА Мария Дмитриевна – *аспирант кафедры философии, ассистент Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова.*
163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4
тел. (8182) 668-32-62 (кафедра)
glen.arkhangelsk@mail.ru

РОСТОВА Нина Владимировна – *кандидат искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой телевизионных, радио- и интернет-технологий Института масс-медиа Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).*
125993, ГСП-3, Москва, Миусинская пл., 6
тел. (499) 973 42 36
nrostova@inbox.ru

САЙПУЛЛАЕВ Магомедмурат Абдулаевич – *учитель права и истории, ассистент и аспирант кафедры отечественной истории Дагестанского государственного педагогического университета.*
367003, Россия, Махачкала, ул. Ярагского, 57
тел. (8722) 67-09-28
Saipullaev.murad1981@yandex.ru

САУРБАЕВ Ришат Журкенович – *кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранной филологии Павлодарского государственного педагогического института.*
193237, Республика Казахстан, Павлодар, ул. Торайгырова, 58
тел. (7182) 55-24-89
rishat_1062@mail.ru

СЕРКОВА Вера Анатольевна – *доктор философских наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной культуры гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-66-22
henrypooshel@rambler.ru

СИМАНОВА Нина Александровна – *аспирант кафедры философии и права Пермского государственного технического университета.*
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29
ninelka79@rambler.ru

СМИРНОВА Юлия Сергеевна – *аспирант кафедры лингводидактики Пермского государственного университета.*
614000, Пермь, ул. Букирева, 15
тел. (342) 2-396-477
yupiters@rambler.ru

СНЕТКОВ Виталий Николаевич – *доктор политических наук, профессор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел: (812) 2976976,
deanery@jurist.spbstu.ru

ТАНАСОВ Георгий Георгиевич – *кандидат психологических наук, докторант, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета.*
350040, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
TanasovG@mail.kuban.ru

ТЕБРЯЕВ Александр Александрович – *доцент кафедры «Гражданское и международное право» юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-69-76

ФИЛИППОВА Галина Николаевна – *старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета.*
163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17
тел. (8182) 644998 (кафедра)
g.filippova910@yandex.ru

ФОМИНА Наталия Александровна – *ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел: (812) 297-69-76
fominanatasha20@rambler.ru

ФРОЛОВА Светлана Леонидовна – *кандидат педагогических наук, главный специалист учебно-методического отдела, доцент кафедры «Иностранные языки и речевая коммуникация» Института сервиса (г. Москва) (филиал) Российского государственного университета туризма и сервиса.*
109456, Москва, 1-й Вешняковский проезд, 1, стр. 7
тел. (495) 967-78-63
slfrolova@gmail.com

ЧЕШЕНОВА Татьяна Валерьевна – *преподаватель обществознания в Государственном общеобразовательном учреждении Кадетская школа-интернат «Новороссийский казачий кадетский корпус», соискатель ученой степени кандидата наук кафедры политологии Кубанского государственного университета.*
353900, Новороссийск, ул. Победы, 6
тел. (8617) 64-45-74
773921@mail.ru ; kravchenkot@pochta.ru

ЧУВАЕВА Ксения Максимовна – *старший преподаватель кафедры русского языка Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 322-56-32 (309, 307)
ksushona@bk.ru

ШИЖЕНСКИЙ Роман Витальевич – *кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижегородского государственного педагогического университета.*

603950, Н. Новгород, ГСП-37, ул. Ульянова, 1, исторический факультет

тел. (831) 436-40-42 (кафедра)

heit@inbox.ru

http://shizhenskiy.ru

ЮНАКОВСКАЯ Алла Анатольевна – *доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания филологического факультета Омского государственного университета.*

644045, Омск, пр.Мира, 55а

тел. (3812) 22-98-20 (кафедра)

a.yunakovskaja@mail.ru

ЯКУШЕВА Людмила Михайловна – *заведующая кафедрой практической психологии и педагогики, доцент кафедры практической психологии и педагогики, кандидат психологических наук Тобольской государственной социально-педагогическая академии им. Д.И. Менделеева.*

626150, Тобольск, ул. Знаменского,

тел. (345 6) 22-45-84

milay.78@mail.ru

АННОТАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мурейко Л.В. MASS-MEDIA: К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОДА

Проблема социального кода анализируется в аспекте контроля производимого в обществе смысла действия. Точкой пересечения социально-культурного кода и средств массовой коммуникации является нейтрально-безличная по отношению к конкретному субъекту или пустая форма коммуникативных возможностей, запускающая множество интерпретирующих ее коммуникативных актов. Подчеркивается беспрецедентное стремление власти к всеохватывающему контролю смысла посредством массовой коммуникации.

MASS-MEDIA, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОД, ВЛАСТЬ, БИНАРНАЯ СХЕМА, ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ.

Симанова Н.А. ПОНИМАНИЕ КАК ОСНОВНАЯ НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Рассматривается роль «особого» отношения к «особому» человеку. Решается проблема понимания людей, живущих в пространстве ограниченной возможности бытия, что рассматривается как элемент становления человечности и формирования личности. Исторические нормативные системы (мораль и право) предлагается дополнить новой нормативной системой информационного общества – пониманием.

НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА, САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ, ОГРАНИЧЕННОСТЬ БЫТИЯ, ПРЕАДАПТАЦИЯ, ДИАЛОГИЧНОЕ ПОНИМАНИЕ, КУЛЬТУРА, БИФУРКАЦИЯ.

Сайпуллаев М.А. ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ (на материале Республики Дагестан)

Исследуются проблемы, касающиеся состояния и перспектив региональной отраслевой вузовской и академической науки в России в условиях формирования рыночных механизмов. Обосновывается необходимость разработки и внедрения новой научно-технической политики с учетом межрегиональных различий и в соответствии с реалиями, запросами и тенденциями современного общественного развития.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, НАУКА, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ, ВЫСШАЯ ШКОЛА, НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД.

Протасенко И.Н. БОНАПАРТИЗМ КАК МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Статья посвящена философскому анализу моделей власти как моделей социальной субъектности в контексте социально-политических преобразований. Раскрывается соотношение понятий «субъект», «субъективность», «субъектность». Особое внимание уделено проблеме субъектности в условиях генезиса бонапартизма. Делается вывод, что бонапартизм как модель социальной субъектности четко разводит и соотносит смысловые и формальные границы власти и подчинения. Именно в этом проявляется специфика бонапартизма как режима авторитарной власти, закономерно возникающего в ситуации политической бессубъектности после крупнейших революций и/или в условиях системного кризиса.

БОНАПАРТИЗМ, СУБЪЕКТ, СУБЪЕКТИВНОСТЬ, СУБЪЕКТНОСТЬ, БЕССУБЪЕКТНОСТЬ, СОЦИАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО.

Фролова С.Л. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИДЕАЛА

Дан анализ понятия «идеал», произведена его экстраполяция в сферу профессиональной деятельности. Введено понятие «профессиональный идеал». Рассмотрена педагогическая сущность профессионального идеала, обусловленная его духовно-нравственным содержанием.

ИДЕАЛ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ.

Снетков В.Н., Фомина Н.А. КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ УНИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВ

Статья посвящена классификации унитарных государств. В основе классификации лежат такие критерии, как уровень централизации власти и состав унитарного государства.

УНИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО, ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО, КЛАССИФИКАЦИЯ, СОСТАВ ГОСУДАРСТВА.

Тебряев А.А., Конопченко Ю.П. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ ЗАКОННОГО ИНТЕРЕСА

Статья представляет собой классификацию подходов к определению сущности законного интереса. Авторы предлагают разбить все существующие теории на две группы: социальную и формально-правовую. В статье указываются отличительные характеристики указанных групп, а также предлагается и раскрывается иная теория сущности законного интереса –социально-правовая.

ИНТЕРЕС, ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС, СУЩНОСТЬ, ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО, НОРМА ПРАВА, ТЕОРИЯ.

Колпащикова Е.Ю. УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В МУНИЦИПАЛЬНОМ НОРМОТВОРЧЕСТВЕ

В статье исследуется институт участия граждан в муниципальном нормотворчестве. В результате проведенного анализа выявлены некоторые проблемы, возникающие при реализации правовых норм, устанавливающих возможность участия граждан в муниципальном нормотворческом процессе, и предложены пути их решения.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ, НАРОДОВЛАСТИЕ, ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА, ПУБЛИЧНЫЕ СЛУШАНИЯ, УЧЕТ МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ, СХОД ГРАЖДАН, РЕФЕРЕНДУМ, ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ, МУНИЦИПАЛЬНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО.

Наумов В.В. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассмотрены проблемы атрибуции звукового и графического текстов в рамках лингвистической экспертизы. Субстанциональные различия языкового материала, как явствует из анализа ряда эпизодов деятельности лаборатории независимой лингвистической экспертизы, обусловливают разные способы и формы экспертной работы, нередко приводящие авторов заключений к прямо противоположным результатам. Анализируется субъективный фактор. Личность эксперта, уровень его профессионализма играют ключевую роль в процессе анализа текста, что находит свое выражение в решениях судебных и правоохранительных органов, квалифицирующих с позиций закона автора текста.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА, МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕМ И НЕ НОСИТЕЛЕМ ЯЗЫКА, НЕЙРОЛИНГВИСТИКА.

Чешенова Т.В. ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ ВЫБОРАХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Представлены данные сравнительного анализа особенностей прохождения выборов в муниципальных образованиях Краснодарского края с численностью населения до 500 тыс. человек. Выявлены тенденции роста некоторых электоральных показателей. Это указывает на влияние внешних факторов на ход и результат исследуемых электоральных процессов, в связи с чем можно говорить о дискредитации принципов организации и проведения свободных демократических выборов.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС, ИЗБИРАТЕЛИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ, ОРГАНЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ, БЮЛЛЕТЕНЬ, ДОСРОЧНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ, ФАЛЬСИФИКАЦИЯ.

Баранова И.И. ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДМЕТНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Статья посвящена проблемам профессиональной направленности обучения русскому языку иностранных студентов на этапе предвузовской подготовки и на I курсе технического вуза. Рассмотрены вопросы содержания обучения, особенности текста как единицы обучения; дано описание структурной организации научно-популярных текстов как значимого элемента обучения иностранных студентов русскому языку в учебно-профессиональной сфере.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ, УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ОБЩЕНИЯ, ПРЕДМЕТНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТЕКСТ.

Баранова И.И., Чуваева К.М. ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ И АДАПТАЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются проблемы обучения китайских студентов в условиях поликультурного образовательного пространства российских вузов, особенности формирования коммуникативной компетенции китайских учащихся. Проанализирована специфика их адаптации к условиям новой социокультурной среды.

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА, АДАПТАЦИЯ, МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ, РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ, УЧАЩИЕСЯ ИЗ КНР.

Бызова Н.И., Костерина О.Н. ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ РАБОТЫ С ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ ТЕКСТАМИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Рассмотрена переводческая компетенция, а также навыки работы с терминологической лексикой и специализированными текстами, составления глоссария на примере английского языка. Такие навыки способствуют развитию у студентов технического вуза профессиональной компетенции и позволяют им стать конкурентоспособными специалистами.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, ТЕХНИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ, НАВЫКИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПИСАТЕЛЯ, ГЛОССАРИЙ ТЕРМИНОВ.

Красавина О.И., Ветрова О.Г. ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Для современного переводческого процесса ключевое значение имеет автоматизация. Программные средства широко применяются в процессе перевода научно-технических текстов, позволяют преобразовать различные форматы документов, извлекать термины из текста, управлять терминологией, анализировать и проверять переводы. В данной работе анализируются вопросы использования информационных технологий как инструмента формирования переводческой компетенции, рассматриваются отдельные знания и умения, составляющие данную компетенцию.

АВТОМАТИЗАЦИЯ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, СИСТЕМЫ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА, ТЕРМИНОЛОГИЯ.

Булавинцева Л.И. КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ БИОЛОГИИ

Изложены основы проектирования методической подготовки студентов биологов в контексте гуманистической парадигмы. Предложено понятие «фундаментальная профессиональная деятельность». Дано обоснование принципа выделения фундаментальной профессиональной деятельности как ведущего принципа проектирования системы подготовки учителя.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА, ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ МЕТОДИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА, СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ИНВАРИАНТ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНВАРИАНТ, КРИТИЧЕСКИЙ ОБЪЕМ ИНФОРМАЦИИ.

Казакова С.В. ИЗУЧЕНИЕ АУДИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ

В статье ставится проблема развития профессиональной компетентности студентов – будущих учителей музыки. Акцентируется внимание на формировании аудиальной культуры школьников. Обосновывается необходимость введения образовательного курса для студентов – будущих педагогов, в основе которого лежит понимание специфики аудиальной культуры и способов ее освоения.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, АУДИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, АУДИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ, АУДИАЛЬНАЯ СРЕДА, МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.

Калмыкова С.В. РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА В СРЕДЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ОБУЧЕНИЯ

Предложена система развития информационно-коммуникативной компетенции преподавателей в сформированной среде дистанционной поддержки обучения. Система представляет собой целостную совокупность модели ИКК, уровневой структуры развития ИКК и необходимых условий, обеспечивающих достижение цели.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, СРЕДА ДИСТАНЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ОБУЧЕНИЯ, МОДЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ, ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

Клец Т.Е. ОБУЧЕНИЕ ДИСКУССИОННОМУ ОБЩЕНИЮ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Представлены сущностные характеристики интерактивной технологии обучения дискуссионному общению, определена ее роль в системе профессионально ориентированной языковой подготовки студентов. Кратко описаны основные компоненты интерактивной модели обучения дискуссионному общению.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА, ИНТЕРАКТИВНЫЙ ПОДХОД, ДИСКУССИОННОЕ ОБЩЕНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ.

Корнеева Н.Ю. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Раскрыты проблемы профессионального образования и пути выбора профессии учащимися с ограниченными физическими возможностями. Рассмотрены основные направления получения профессионального образования данной категорией учащихся.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ, УЧАЩИЕСЯ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ, ПРОФЕССИЯ.

Ларионов В.В., Лисичко Е.В., Постникова Е.И. ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО СТАНДАРТА ДЛЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Рассмотрен образовательный стандарт на основе проблемно-ориентированной системы обучения физике, включающий мониторинг процесса обучения, взаимосвязанную систему обучения и контроль на основе информационно-коммуникационных технологий. Программно-педагогические средства, используемые для реализации данного стандарта, являются интегрирующим и системообразующим элементом в обучении физике. Вследствие расширения проблемного поля обучения ориентация в учебной деятельности смещается и корректируется в сторону формирования физических идей на уровне учебного проекта для реализации будущими инженерами ресурсоэффективных технологий. Новый стандарт соответствует идее национального исследовательского технического университета.

ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПРОЕКТНАЯ СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.

Мокроусова О.А. ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КАНДИДАТОВ В ЭКСПЕРТЫ ПО НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКЕ РИСКОВ

Ориентация на современные игровые технологии в процессе обучения стала одним из значимых компонентов стратегии перестройки образования в высших учебных заведениях системы МЧС России. В статье акцентируется внимание на применении игровых технологий в процессе обучения при подготовке кандидатов в эксперты по независимой оценке рисков.

АКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ, ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ, НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА РИСКОВ, КАНДИДАТЫ В ЭКСПЕРТЫ.

Речинский А.В. СИСТЕМА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СПбГПУ

Система дополнительного профессионального образования (ДПО) в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете функционирует в соответствии с требованиями действующего законодательства, по всем направлениям подготовки, объявленным Министерством образования и науки РФ приоритетными. При разработке новых программ повышения квалификации учитываются современные тенденции развития образования, изменения в российской экономике, потребности работодателей. Совершенствование программ повышения квалификации и переподготовки специалистов, разработка нормативно-правового обеспечения, внедрение современных информационных технологий, включая технологии дистанционного обучения, использование инновационных форм и методов обучения позволяют успешно развивать систему ДПО в СПбГПУ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (ДПО), ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (ВПО), ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ (ФГОС) ВПО, СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ, ТЕХНОЛОГИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ.

Аксенова Е.П., Доминяк В.И. ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ КАРЬЕРЫ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Приведены данные о карьерных ожиданиях, профессиональных интересах и особенностях Я-концепции карьеры студентов разных вузов. Приводятся свидетельства в пользу надежности и валидности методик Центра карьеры Бирмингемского университета, а также авторской методики «Я-концепция карьеры» для их изучения.

КАРЬЕРНЫЕ ОЖИДАНИЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ, Я-КОНЦЕПЦИЯ КАРЬЕРЫ, КАРЬЕРНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ.

Исаева З.Ш. ТОЛЕРАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА

Рассматриваются различные точки зрения исследователей на толерантное поведение, дан анализ разновидностей толерантного коммуникативного поведения как способа решения конфликта, определены правила и средства, характеризующие коммуникативное поведение субъекта как толерантное.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ, КОНФЛИКТ, АКТИВНАЯ И ПАССИВНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ.

Маленов А.А., Маленова А.Ю. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНЫХ СИТУАЦИЙ

Приведены теоретические предпосылки и эмпирические результаты изучения психологического образования как копинг-ресурса личности. На примере экзаменационной аттестации доказано преобладание эффективных способов совладающего (копинг) поведения у студентов психологического факультета.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ЭКЗАМЕНАЦИОННАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ, СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ.

Маняпова Е.В. ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена изучению особенностей агрессивного поведения подростков. Представлены результаты эмпирического исследования, в котором показана взаимосвязь агрессивного поведения и жизненного опыта подростков.

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, АГРЕССИЯ, АГРЕССИВНОСТЬ, АГРЕССИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, КОРРЕКЦИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ, ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ.

Михайлова Е.Н. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГА В КОНЦЕПЦИИ РИСКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Рассмотрены вопросы повышения качества педагогических и психологических исследований в концепции рискологии. Основным механизмом улучшения качества исследования педагога, по мнению автора, является составление антирисковой программы исследовательской деятельности педагога.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РИСКОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РИСКИ, РИСКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА, АНТИРИСКОВАЯ ПРОГРАММА.

Танасов Г.Г. ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В СИТУАЦИИ ПЕРЕГОВОРОВ

Рассмотрены вопросы: какие психические состояния возникают у мужчин и женщин перед переговорами и после них и какое влияние эти состояния оказывают на исход переговоров.

ПЕРЕГОВОРЫ, ПОЛ, ГЕНДЕР, ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ.

Юнаковская А.А. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА (на примере города Омска)

Рассмотрены типы речевого поведения жителей одного города: «неконфликтное» и «конфликтное». Для первого характерно соблюдение правил вежливости, для второго – несоблюдение их.

ГОРОД, УРБАНИСТИКА, «ЯЗЫК ГОРОДА», РИТОРИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ, ВЕЖЛИВОСТЬ, ОБРАЩЕНИЕ, КОНФЛИКТНОСТЬ, ГРУБОСТЬ, РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ, ИНВЕКТИВА.

Якушева Л.М. МОТИВАЦИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Рассмотрены психологические проблемы профессиональной деятельности преподавателя высшей школы, охарактеризованы ее цели и мотивы в контексте понятий «инновация», «инновационная деятельность». На эмпирическом уровне описаны особенности мотивации профессиональной деятельности и личности преподавателя высшей школы.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ, ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МОТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

Кашеваров А.Н. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Проанализированы основные аспекты современного состояния Русской Православной Церкви. Особое внимание уделено государственно-церковным отношениям, количественным и качественным изменениям в основных элементах структуры Церкви, их материально-финансовому положению.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ, МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ, ЕПИСКОП, ЕПАРХИЯ, МОНАСТЫРЬ, ПРИХОД.

Ковалев С.Н., Михайлов А.А. СОЗДАНИЕ БАЗ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА СССР В ЭСТОНИИ И ЛАТВИИ ОСЕНЬЮ 1939 – ВЕСНОЙ 1940 ГОДА

Раскрыты важные направления деятельности советского военного руководства по обеспечению пребывания советских военных кораблей и военной защите Балтийского побережья в Эстонии и Латвии в сложных политических условиях начала Второй мировой войны. Проанализированы соответствующие статьи советско-эстонского и советско-латвийского пактов о взаимопомощи и конкретные меры Народного комиссариата Военно-морского флота СССР по созданию баз, формированию отряда кораблей, сооружению артиллерийских батарей, аэродромов

и др. Статья построена на архивных материалах и содержит новые факты о военно-политической обстановке в Балтийском регионе в 1939–1940 годах.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ПАКТЫ О ВЗАИМОПОМОЩИ, ВОЕННО-МОРСКИЕ БАЗЫ, БЕРЕГОВАЯ АРТИЛЛЕРИЯ, УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН, БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАНИЦ.

Мичурин А.Н. «ОБЩЕСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ» МИНИСТРОВ ЛЕТОМ 1915 ГОДА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

Рассмотрены вопросы, связанные с политической борьбой в Государственном совете и Государственной думе в годы Первой мировой войны, особенности организационной работы Прогрессивного блока во время общественно-политического кризиса 1915–1917 годов, влияние отдельных вопросов на целостность этого политического объединения.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА, ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК.

Лепшеев А.А. ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА АННЫ ИОАННОВНЫ В ОТНОШЕНИИ БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН И ДВОРЯНЕ

В статье исследуются взаимоотношения дворянства и правительства в процессе выхода из кризиса, связанного с бегством крестьян. Дворяне были заинтересованы в жесткой государственной политике в отношении сыска беглых крестьян в соответствии с нормами Уложения 1649 года и требовали этого от правительства Анны Иоанновны. Однако интересы государства в этом отношении вступали в противоречие с интересами дворянства.

ПРАВИТЕЛЬСТВО АННЫ ИОАННОВНЫ, ДВОРЯНЕ, КРЕСТЬЯНСТВО.

Видмарович Б. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Статья посвящена одному из наиболее актуальных вопросов в китайско-японских отношениях – спору о принадлежности архипелага Дяоюйдао. Автор дает историческую справку о сути спора, конкретизированного в положениях, выдвинутых Китаем после окончания Второй мировой войны, и возражениях японской стороны. Исследована динамика постепенного обострения спора, вызванного наличием богатых залежей энергоресурсов, в конце 1990-х годов и в первом десятилетии XXI века.

КИТАЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, АРХИПЕЛАГ, ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ.

Заяц Н.В. ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Дано определение понятия народного представительства как института конституционного права. Рассмотрены разновидности закрепления права на народное представительство в конституциях европейских стран.

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО, ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА, ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ.

Павшинская М.С. ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Рассмотрены правовые аспекты участия Российского государства в торговых отношениях в качестве продавца и покупателя товаров. Проанализированы особенности регулирования подрядных отношений на закупку продукции для государственных нужд. Исследован процесс закрепления и реализации правительством монопольного права торговли казенными товарами.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ТОРГОВЛЯ, ПОДРЯД, КАЗЕННАЯ МОНОПОЛИЯ, ОТКУП.

Аликина Е.Ю. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ТУРИСТСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале русского и немецкого языков)

Рассмотрены возможности моделирования для исследования метафоризации в туристском дискурсе. Проведен сопоставительный анализ метафорических моделей в туристском дискурсе русского и немецкого языков.

ТУРИСТСКИЙ ДИСКУРС, МЕТАФОРА, КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ.

Быканова В.И. ДОМИНАНТНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ

Рассмотрены возможность и критерии выделения доминантных пространственных концептов. Проанализирована структура скандинавского пространственного концепта «остров».

ПРОСТРАНСТВО, КОНЦЕПТ, ДОМИНАНТНЫЙ, ТОПОНИМ.

Гридасова А.В. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО КАК СИСТЕМНО-КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ

Грамматикоцентрическая концепция языка восходит к традициям описания морфологии и словообразования как единого целостного объекта. На обобщенном категориальном уровне словообразовательное гнездо представляет собой парадигмальную языковую структуру, фиксирующую закономерные взаимоотношения между частями речи.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО, МИКРОСИСТЕМА, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ, ЛАКУНАРНОСТЬ, СИНКРЕТИЗМ, МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СИСТЕМ, ПАРАДИГМА.

Смирнова Ю.С., Мишланова С.Л. КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕФИНИЦИОННОГО АНАЛИЗА В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассмотрены основные теоретические положения современной парадигмы лингвистического знания. Представлен анализ дефиниций термина «сепсис» в медицинском дискурсе. Раскрыта роль дефиниций как способа репрезентации формирования и преобразования специального знания в профессиональной сфере.

ДИСКУРС, МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС, КОНЦЕПТ, ТЕРМИН, ДЕФИНИЦИЯ, ОМОНИМИЯ, КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ.

Саурбаев Р.Ж. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ (на материале английского и татарского языков)

Автор впервые выдвигает идею о структурно-семантическом осложнении предложения парцеллированными конструкциями и присоединением.

ПАРЦЕЛЛИРОВАННАЯ КОНСТРУКЦИЯ, ПРИСОЕДИНЕНИЕ, СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ.

Филиппова Г.Н. СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию синтаксических характеристик синестезии современного немецкого языка. Будучи представленными в форме слова, словосочетания и предложения, синестетические образования отличаются тесной лексической и синтаксической взаимосвязью компонентов.

СИНЕСТЕЗИЯ, СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, СИНТАКСИС, СЛОВО, СЛОВОСОЧЕТАНИЕ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Антонова Н.Л. ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ В КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Рассмотрена проблема оснований в классификации социальных практик. Представлено определение социальных практик, выделены возможные критерии для классификации.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ СОЦИОЛОГИИ, СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ВИДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК, СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, АКТОР.

Горюнов В.П. НАУКА И РЕЛИГИЯ: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

В объяснении природы наука и религия противоположны по исходной методологии. В истолковании человека как надприродного существа они равноправны, что вытекает из социально обусловленного единства рационального и мистического в понимании человека. Рационально обосновать деятельностную активность человека невозможно, поскольку его бытие в своей основе имеет насильственный характер, общество характеризуется отношением «цель – средство» в качестве фундаментального отношения и не может формулировать цели вне рамок социальной утопии или религиозного мифа.

ВЕРА, ВЫЖИВАНИЕ, НАСИЛИЕ, НАУКА, ПОЗНАНИЕ, ПРИРОДА, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, РЕЛИГИЯ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ, ТРУД, ЧЕЛОВЕК.

Канунникова О.В. МЕТАЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Дан анализ метаязыка как способа образования абстракций в гуманитарных науках, показана специфика исследования, сопоставления и осмысления общих понятий в лингвистике, психологии культуры на основе выделения семантических примитивов, культурно обусловленных сценариев.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ, МЕТАЯЗЫК, СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИМИТИВЫ, КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СЦЕНАРИИ, МЕТАЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ.

Малкова Е.В. ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ: ФЕНОМЕН ВИРТУАЛИЗАЦИИ СТОИМОСТИ

Рассмотрена точка зрения исследователей второй половины XX – начала XXI века на современную экономику как виртуальную. Наряду с этим сделано предположение, что становление «новой экономики» с чертами виртуализации может рассматриваться через призму трансформации феномена стоимости.

ВИРТУАЛЬНОЕ, ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ВИРТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА, ВИРТУАЛИЗАЦИЯ, ЦЕНА, СТОИМОСТЬ.

Рослякова М.Д. КОНСТИТУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА: ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Предпринята попытка феноменологического анализа конституирования политического субъекта в сфере реальной политики на примере антропологии П. Рикера. Исследуются основные черты, определяющие человека как политического субъекта.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД, СУБЪЕКТ ПОЛИТИКИ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ, СВОБОДА, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Шиженский Р.В. К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ ОСНОВЕ СЛАВЯНСКОЙ ВЕРСИИ INDIGENOUS RELIGIONS

Статья посвящена анализу наиболее популярного и тенденциозного религиозно-философского базиса современного славянского язычества. В результате исследования удалось выявить вариативность, присущую тройственному мифологическому (псевдомифологическому) концепту «Яви», «Прави» и «Нави», и установить искусственность последнего.

ТУЗЕМНЫЕ (МЕСТНЫЕ) РЕЛИГИИ, НЕОЯЗЫЧЕСТВО, ТЕРМИНОЛОГИЯ, МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МИРЫ, ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА, ВЛЕСОВА КНИГА.

Абельская Р.Ш. АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ: РОЖДЕНИЕ ОДНОГО ОБРАЗА

Впервые прослежены историко-биографические, литературные, мифологические истоки одного загадочного поэтического образа А. Галича. Показано, что в этом образе поэт соединил элементы дидактической хасидской сказки и античного мифа. Подчеркивается, что вопрос природы и назначения поэзии решался Галичем как этический.

ТРОСТНИКОВАЯ ДУДОЧКА, ХАСИДСКАЯ СКАЗКА, ДЕТСТВО, МАТЬ, ФЛЕЙТА ПАНА, СИЛА ИСКУССТВА.

Васенева Н.В. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ Б. ШОУ И Л.Н. ТОЛСТОГО

Статья посвящена изучению эстетического диалога Б. Шоу и Л.Н. Толстого. Автор изучает влияние творчества Толстого на формирование эстетической концепции Шоу. В статье выявляются ключевые характеристики драматургии Шоу.

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ, ЭПИЧЕСКИЙ ТЕАТР, НОВАЯ ДРАМА, Б. ШОУ.

Венщиков М.А. К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РОСПИСИ ХРАМА БОГОМАТЕРИ ОДИГИТРИИ (АФЕНДИКО) В МИСТРЕ

Дан стилистический анализ росписи храма Афендико в Мистре. Фрески разделены на две основные стилистические группы, исходя из индивидуального отношения живописцев к колориту, композиции и типу образов в нартексе и наосе храма.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, КОМПОЗИЦИЯ, КОЛОРИТ, ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, ПРОБЕЛА, АСКЕТИЧЕСКИЙ, ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ, ПАЛЕОЛОГОВСКИЙ.

Виноградова О.И. ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В «РОМАННЫХ» ПОВЕСТЯХ А.Ф. ВЕЛЬТМАНА

Рассмотрены особенности вставных «романных» фантастических повестей А.Ф. Вельтмана. Дан анализ специфики употребления фольклорно-мифологических элементов в художественном изложении исторических событий.

ФАНТАСТИКА, ПОВЕСТЬ, РОМАН, СЛАВЯНСКИЙ ФОЛЬКЛОР, ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ, РОМАНТИЗМ, А.Ф. ВЕЛЬТМАН.

Гиль О.Л. ОБРАЗ ВЕЛЛИНГТОНА В ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Исследуются идейно-композиционные особенности биографии Р. Олдингтона «Герцог». Выявлены особенности творческой манеры писателя. Также предмет интереса автора данной статьи – развитие образа Веллингтона в книге «Герцог».

БИОГРАФИЯ, ЖАНР, АВТОР, ГЕРОЙ, ОБРАЗ, ИСТОРИЯ, ВЕЛЛИНГТОН.

Зиньковская А.В. ПЬЕСА Б. ШОУ «ДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА» КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НЕЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется одна из пьес Б. Шоу как средство отражения и формирования неязыковой действительности. Рассмотрен лексико-семантический и образный ряд, которым пользовался автор пьесы.

ПЬЕСА, НЕЯЗЫКОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ОБРАЗ ПЕРСОНАЖА.

Косяков Г.В. МИРООБРАЗЫ ЛИРИКИ А.С. НОРОВА

Статья посвящена изучению художественного и мировоззренческого своеобразия лирики малоизученного русского романтика А.С. Норова. Раскрыты особенности хронотопов и системы образов произведений романтика. В статье осмысляется художественная онтология лирики русского романтика.

А.С. НОРОВ, РОМАНТИЗМ, МИРООБРАЗ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОНТОЛОГИЯ.

Коптева Э.И. ТРАДИЦИИ РИТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ В «ГРЕЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ» Д.И. ФОНВИЗИНА «КАЛЛИСФЕН»

Автор обращается к проблеме развития биографических форм в русской историко-литературной традиции конца XVIII – начала XIX века. Рассмотрены принципы конструирования биографии философа в повести Д.И. Фонвизина: «срастание» идеализированного и «энергетического» типов повествования (традиции Феофраста и Плутарха), а также воздействие таких риторических форм, как энкомион (εγκώμιον), парабола (ϖαραβολή), синкрисис (σύγκρισις) и др.

БИОГРАФИЯ, РИТОРИКА ТЕКСТА, ПОЭТИКА СИНКРИСИСА, КОНЦЕПЦИЯ «ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА».

Момот А.Д. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА «LOVE» В ТЕКСТЕ СОНЕТОВ У. ШЕКСПИРА

Дан анализ развития взаимоотношений между говорящим и адресатом в рамках определенного хронотопа, заданного коммуникативной ситуацией, которую предполагает поэтическое произведение – в данном случае сонет – с точки зрения его прагматической составляющей.

ПРАГМАТИКА, КОММУНИКАЦИЯ, НОМИНАЦИЯ, ЭКСПЛИКАЦИЯ, ИМПЛИКАЦИЯ, КОГНИТИВНЫЙ, АВТОР, ЧИТАТЕЛЬ, АДРЕСАТ, ПЕРСОНАЖ, СИТУАЦИЯ, ХРОНОТОП, ТЕКСТ, СОНЕТ.

Ростова Н.В. НОВАЯ ЭСТЕТИКА В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

В поле зрения автора малоисследованные вопросы взаимосвязанности сценического и экранного искусств рубежа XIX–XX веков в России. В статье исследуется влияние кинематографических приемов на театральное искусство в условиях технографической среды, потребовавшей новой эстетики. Подчеркивается, что в начале XX века отечественный театр стал перенимать новации у кинематографа.

ТЕМПОРИТМИЧЕСКИЙ, КИНОГАЗЕТА, Л. КУРБАС, ДНЕВНИК ГЛУМОВА, ОЗЕРО ЛЮЛЬ, А. ФАЙКО, К. МАРДЖАНОВ.

Гребенникова Д.А. К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНЕРУССКОГО ЛИЦЕВОГО ШИТЬЯ

Рассмотрен вопрос о принадлежности лицевого шитья к декоративно-прикладному и изобразительному искусству. Дан обзор методик исследования лицевого шитья в зависимости от классификации произведений.

ЛИЦЕВОЕ ШИТЬЕ, ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО, РУКОДЕЛИЕ, ИКОНОПИСЬ.

ABSTRACTS

KEYWORDS

Mureyko L.V. MASS-MEDIA: TO THE PROBLEM OF SOCIO-CULTURAL CODE

The problem of social code is analyzed in the aspect of control produced a sense of community. Point of intersection of social-cultural code, and the mass media is a neutral, impersonal respect to a particular subject, or an empty form of communication capabilities, which is a unified, structural framework for interpreting the plural of communicative acts. Feature of power in modern society is that today it through mass media tends to an unprecedented all-embracing sense of control of all social processes.

MASS-MEDIA, SOCIO-CULTURAL CODE, POWER, BINARY SCHEME, IMPERSONAL.

Simanova N.A. UNDERSTANDING AS A BASIC NORMATIVE SYSTEM OF THE INFORMATION-ORIENTED SOCIETY

In the article we consider the role of a «special» relationship to a «special» person. We find a solution to the problem of understanding those people who live in a space of limited capacity for the existence that is considered as the element of a humanity emergence and formation of the individuality. It is offered to complete such historical normative systems as morality and right with a new normative system – understanding.

NORMATIVE SYSTEM, SELF-EVOLUTION, LIMITATION OF EXISTENCE, PREADAPTATION, DIALOGIC UNDERSTANDING, CULTURE, BIFURCATION.

Saypullaev M.A. PROBLEMS OF RUSSIAN REGIONAL POLICY IN THE FIELD OF SCIENCE AND TECHNOLOGY (on the material of Dagestan Republic)

This article is devoted to the research of the problems concerning the state and the perspective of the regional academic science, branch of science and the science of Institution of higher education in the conditions of market mechanism formation. There is a necessity of elaborating and introductions of new scientific and technical policy taking into account interregional differences and in conformity with realities, aspirations and tendencies of modern social development.

REGIONAL POLITICS, SCIENCE, SCIENTIFIC-TECHNICAL ELABORATIONS, HIGH SCHOOL, SCIENTIFIC RESEARCH, PROGRAMME-OBJECTIVE METHOD.

Protasenko I.N. BONAPARTISM AS A MODEL OF SOCIAL SUBJECTIVENESS

The article is devoted to the philosophical analysis of power models as models social subjectiveness in the context of sociopolitical transformations. The correlation between the concepts of a subject, subjectivity, subjectiveness is revealed. The special focus is made on the problem of subjectiveness in the conditions of Bonapartism genesis. The conclusion is that Bonapartism as a model of social subjectiveness precisely discriminates and juxtaposes the semantic and formal borders of power and submission. It is in this that the specificity of Bonapartism as the mode of the authoritarian power, which arises naturally in the situation of political absence of/lack of subjectiveness after the great-scale revolutions and/or in the state of system crisis, manifests itself.

BONAPARTISM, SUBJECT, SUBJECTIVITY, SUBJECTIVENESS, ABSENCE OF/LACK OF SUBJECTIVENESS, A SOCIAL MANAGEMENT.

Frolova S.L. THE SPIRITUAL AND MORAL BASIS OF PROFESSIONAL IDEAL

In the article the concept «ideal» is considered, its extrapolation into professional sphere is implemented and the concept «professional ideal» is introduced. The author substantiates the pedagogical essence of professional ideal that is conditional on the spiritual and moral basis of its substance.

IDEAL, PROFESSIONAL IDEAL.

Snetkov V.N., Fomina N.A. CRITERIA OF CLASSIFICATION OF UNITARY STATES

This article is dedicated to the classification of unitary states. The basis of the classification are such criteria as level of centralization of the power and structure of the unitary state lie.

UNITARY STATE, CENTRALIZATION, REGIONAL STATE, CLASSIFY, STATE STRUCTURE.

Tebryaev A.A., Konopchenko J.P. SOCIO-LEGAL THEORY OF LEGAL INTEREST

This article provides taxonomy of legacy approaches to definition of essence of legal interest. The authors propose to attribute all existing theories to one of the two groups: either social or formally-legal. Detailed descriptions of both classes of theories are provided. A new alternative socio-legal theory that does not belong to either of the two other groups is proposed.

INTEREST, LEGAL INTEREST, ESSENCE, LEGAL MEANS, RULE OF LAW, THEORY.

Kolpaschikova E.Y. CITIZEN PARTICIPATION IN MUNICIPAL RULEMAKING

The article deals with the institution of citizen participation in municipal rulemaking. The analysis revealed some problems that arise in the implementation of legal norms that establish the possibility of citizen participation in municipal rulemaking process, and the ways of their solution.

LOCAL SELF-GOVERNMENT, PEOPLE'S POWER, LAWMAKING INITIATIVE, PUBLIC HEARINGS, RECORD OF OPINION OF THE POPULATION, MEETING OF CITIZENS, REFERENDUM, LEGAL CULTURE, MUNICIPAL RULEMAKING.

Naumov V.V. LINGUISTIC PERSONALITY AS SUBJECT AND OBJECT OF LINGUISTIC EXPERTISE

Problems of phonic and graphic text attribution within the framework of linguistic expertise are considered. As it goes from the analysis of the independent linguistic expertise laboratory experience, substantive differences in linguistic material stipulate different ways and forms of expert work, sometimes leading experts to antithetical results. Subjective factor is also analyzed, as expert's personality and his professionalism level play a key role in text analysis process, which results in the verdict of judicial and law-enforcement bodies, expressing legal view of the text author.

LINGUISTIC IDENTITY, LINGUISTIC EXPERTISE, MECHANISM OF SPEECH AND WRITING GENERATION AND PERCEPTION BY NATIVE AND NON-NATIVE SPEAKERS, NEUROLINGUISTICS.

Cheshenova T.V. FEATURES OF ELECTORAL PROCESSES AT ELECTIONS OF LOCAL GOVERNMENT INSTITUTIONS IN MUNICIPAL FORMATIONS OF KRASNODAR REGION

The article are presented data of the comparative analysis of features of course of elections in average size municipal formations of Krasnodar region with a population up to 500 thousand people. Tendencies of growth of some electoral parameters come to light. It specifies influence of external factors on a course and result of investigated electoral processes that can speak about discredit of principles of the organization and carrying out of free democratic elections

ELECTORAL PROCESS, VOTERS, DEMOCRATIC ELECTIONS, INSTITUTE OF MUNICIPAL MANAGEMENT, THE BULLETIN, PRESCHEDULE VOTING, FALSIFICATION.

Baranova I.I. BASIC LINGUOMETHODICAL ELEMENTS OF FORMING OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITIES

The article deals with the problems of professional orientation of teaching Russian as a foreign language at the pre-foundation course and main courses of technical University. In given clause the structure of scientific-popular texts is described.

RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE, PROFESSIONAL SPHERE OF COMMUNICATION, COMMUNICATIVE COMPETENCE, LEARNING CONTENT, SCIENTIFIC-POPULAR TEXT.

Baranova I.I., Chuvaeva K.M. TEACHING CHINESE STUDENTS IN POLYCULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AND THEIR ADAPTATION TO RUSSIAN HIGH SCHOOL

In given clause the problems of teaching Chinese students in polycultural educational environment of Russian high school are observed, the formation of communicative competence of Chinese learners and their adaptation to new social-cultural conditions are considered.

POLYCULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT, ADAPTATION, INTER-ETHNIC TOLERANCE, RUSSIAN AS A SECOND LANGUAGE, CHINESE LEARNERS.

Byzova N.I., Kosterina O.N. FORMATION OF GLOSSARY AND TEXT PROCESSING SKILLS AS AN ELEMENT OF TRANSLATION COMPETENCE

The article gives the idea of what translation competence is and how to form the skills of technical writing, processing different texts, and make up glossary lists with the use of the English language. These skills enable students of technical universities to achieve their professional goals and be competitive at the present day job market.

TRANSLATION COMPETENCE, TECHNICAL WRITER, TECHNICAL WRITING SKILLS, GLOSSARY OF TERMS.

Krasavina O.I., Vetrova O.G. COMPUTER-AIDED TECHNICAL TRANSLATION AS A COMPONENT OF TRANSLATION COMPETENCE

The automation has become crucial in the translation process nowadays. Software tools are widely used in scientific and technical translation enabling to convert different document formats, extract terms from a text, manage terminology, analyze

and verify translations. This report analyzes the usage of information technologies as one of the main components of translation competence, describes skills and knowledge necessary for the acquisition of translation competence.

AUTOMATION, SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION, TRANSLATION COMPETENCE, MACHINE TRANSLATION SYSTEMS, TERMINOLOGY.

Bulavintseva L.I. THE CONCEPT OF HUMANISTICALLY-ORIENTED METHODOLOGICAL TRAINING OF A PROSPECTIVE BIOLOGY TEACHER

The author works out the grounds for designing methodological training of a biology teacher within the framework of the humanistic paradigm. The notion «fundamental professional activity» was suggested. The principle of singling out the fundamental professional activity is considered the leading one in the system of teachers' training.

PROFESSIONAL TRAINING, FUNDAMENTAL PROFESSIONAL ACTIVITY, PERSONALLY-ORIENTED METHODOLOGICAL OBJECT, HUMANISTIC PARADIGM, INFORMATORY INVARIANTS, PROCEDURAL INVARIANTS, INFORMATION CRITICAL VOLUME.

Kazakova S.V. STUDYING AUDIAL CULTURES AS A CONDITION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE TEACHER OF MUSIC

In given article the problem of development of professional competence of students – the future teachers of music is put. The attention to formation audio-cultures of schoolboys is brought. Necessity of introduction of an educational rate for students – future teachers in which basis the understanding of specificity audio-cultures and ways of its development lays proves.

PROFESSIONAL MUSIC EDUCATION, AUDIAL CULTURE, AUDIAL DEVELOPMENT, AUDIAL ENVIRONMENT, MUSICAL CULTURE.

Kalmykova S.V. DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCE OF TEACHERS IN HIGH SCHOOL IN THE REMOTE SUPPORT TRAINING ENVIRONMENT

Proposed a system development of information and communication competence of teachers in the remote support training environment. The system represents a complete set of model ICC, tiered structure of the ICC and the necessary conditions for achieving the goal.

INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCE, ENVIRONMENT OF REMOTE SUPPORT TRAINING, MODEL OF INFORMATION-COMMUNICATION COMPETENCE, TEACHER TRAINING

Klets T.Y. DISCUSSION TEACHING IN PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TRANING OF TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS

The article focuses on group discussion as one of the basic interactive pedagogical technologies in professionally oriented foreign language training. The main characteristics of a group discussion are considered. The basic components of the interactive model of discussion skills forming are offered.

PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TRAINING, INTERACTIVE APPROACH, GROUP DISCUSSION, COMMUNICATIVE SKILLS, FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION.

Korneyeva N.Ju. MODERN PROBLEMS OF VOCATIONAL TRAINING OF PUPILS WITH THE LIMITED PHYSICAL POSSIBILITIES

Problems of vocational training and a way of a choice by pupils with the limited physical possibilities of the future trade are opened. The basic directions of reception of vocational training of the given category of pupils are considered.

VOCATIONAL TRAINING, PUPILS WITH THE LIMITED PHYSICAL POSSIBILITIES, PROFESSIONAL ORIENTATION, TRADE.

Larionov V.V., Lisichko E.V., Postnikova E.I. FORMING OF UNIVERSAL STANDARD FOR METHODOLOGICALLY ORIENTED TEACHING PHYSICS IN TECHNICAL UNIVERSITY

The article discusses the standard on the basis of problem-oriented system of teaching physics, including the monitoring of the learning process, an interconnected system of training and supervision on the basis of information and communication technologies. Software and teaching tools used to implement this standard, integrating and becoming an element in the proposed scheme. At the same time preserve the fundamental training and tailored to specific technical college. Due to the expansion of the problem field training orientation in training activities shifted and adjusted in the direction of the formation of ideas in physics at the level of the training project to implement resource-efficient technologies of the future engineers. The new standard consistent with the idea of a national research and technical university.

PROBLEM-ORIENTED PROJECT SYSTEM OF TEACHING, PEDAGOGICAL CONDITIONS, INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES.

Mokrousova O.A. APPLYING GAMING OF TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF TEACHING OF CANDIDATES WHO ARE GOING TO BECOME THE EXPERTS IN INDEPENDENT RISK ASSESSMENT

Applying gaming technologies in the process of teaching of candidates who are going to become the experts in independent risk assessment. The focus on modern gaming technologies in the process of teaching became one of the important components of reorganization strategy in education of higher education institutions of the system MChS (EMERCOM) in Russia. The article focuses on applying gaming technologies in the process of teaching during training of candidates who are going to become the experts in independent risk assessment.

ACTIVE TEACHING, GAMING TECHNOLOGIES FOR THE PURPOSE OF TEACHING, INDEPENDENT RISK ASSESSMENT, CANDIDATES WHO ARE GOING TO BECOME EXPERTS.

Rechinskiy A.V. SYSTEM OF COMPLEMENTARY PROFESSIONAL EDUCATION AT StPBSPU

System of complementary professional education (CPE) at St. Petersburg State Polytechnic University (StPSPU) is functioning in accordance with the requirements of active legislation in all areas of training, which were announced as priority by the Ministry on Education and Science of Russian Federation. While designing of new programs for improvement of qualification the modern trends in development of education, changes in Russian economy, demands of employers are taken into consideration. Perfection of programs for improvement of qualification and retraining of specialists, creation of legal-regulatory support for programs, implementation of modern IT, including technologies for distance learning, using of innovative forms and techniques in learning – brings to successful development of the system of CPE at StPSPU.

COMPLEME\NTARY PROFESSIONAL EDUCATION (CPE), HIGH PROFESSIONAL EDUCATION (HPE), FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD (FSES) ON HPE, MODERN INFORMATIONAL TECHNOLOGIES OF LEARNING, TECHNOLOGIES FOR DISTANCE LEARNING.

Aksenova E.P., Dominyak V.I. PECULIARITIES OF SELF-CONCEPT CAREER UNIVERSITY STUDENTS

The data on career aspirations, vocational interests and characteristics of self-concept career university students. Provides evidence for the reliability and validity of the methods of the Career Centre, University of Birmingham and the author's technique «career self-concept» for the study of career aspirations.

CAREER EXPECTATIONS, CAREER INTERESTS, CAREER SELF-CONCEPT, CAREER COUNSELING.

Isaeva Z.Sh. TOLERANT BEHAVIOUR AS A WAY OF CONFLICT SOLVING

The article studies different views on the tolerance problem, tolerant behaviour is also analyzed and considered as conflict solving, rules and ways of communicative tolerant behaviour are enumerated the use of which characterizes a person as a tolerant one.

TOLERANCE, CONFLICT, ACTIVE AND PASSIVE TOLERANCE.

Malenov A.A., Malenova A.U. PSYCHOLOGICAL EDUCATION AS RESOURCE OF COPING DIFFICULT SITUATIONS

The article is devoted to the theoretical preconditions and empirical results of studying of psychological education as coping-resource of the person. On an example of examination certification prevalence of effective ways coping-behavior at students of psychological faculty is proved.

PSYCHOLOGICAL EDUCATION, EXAMINING ANXIETY, COPING-BEHAVIOR, EFFICIENCY.

Manyapova E.V. AGGRESSIVE BEHAVIOR FEATURES OF THE MODERN TEENAGERS

The article is devoted to analysis of aggressive behavior features of the modern teenagers. The results of empirical research in which the interrelation of aggressive behavior and life experience of teenagers is shown are presented.

AGGRESSIVE BEHAVIOR, AGGRESSION, AGGRESSIVENESS, AGGRESSIVE ACTIONS, CORRECTION OF AGGRESSIVE BEHAVIOR, LIFE EXPERIENCE.

Mikhailova E.N. PEDAGOGUE'S RESEARCH ACTIVITIES IN CONCEPTION OF RISKOLOGY

The present article reviews the issues of improvement of quality of the pedagogical and psychological research in conception of riskology. In the opinion of the author, the main mechanism of improvement of the quality of the pedagogue's research work is creation of risk mitigation program of the pedagogue's research activity.

RESEARCH ACTIVITY, PRAXEOLOGY, RISKOLOGY, RISKS OF PEDAGOG, RISKS OF PEDAGOG'S RESEARCH WORK, RISK MITIGATION PROGRAM.

Tanasov G.G. MENTAL STATES OF MAN AND WOMAN IN THE SITUATION OF NEGOTIATIONS

In the article two questions are considered: what mental states arise at men and women before and after negotiations and what influence on the outcome of negotiations they have.

NEGOTIATIONS, SEX, GENDER, MENTAL STATES.

Yunakovskaya A.A. SPEECH BEHAVIOR OF CITIZENS (on example of Omsk)

Types of speech behavior of citizens of one city are considered «unconfictive» and «disputed». For the first type observance of rules of politeness, for the second – their non- observance.

CITY, URBANISTICS, «CITY LANGUAGE», RHETORIC OF EVERYDAY LIFE, URBANITY, ADDRESS, CONFLICT, RUDENESS, VERBAL AGGRESSION, INVECTIVE.

Jakusheva L.M. MOTIVATION OF THE HIGHER SCHOOL TEACHERS' INNOVATIVE ACTIVITY

The psychological problems of the higher school are considered in this article. General idea «innovation», «innovative activity» is given. Psychological fundamentals of professional higher school teachers' work are considered, the purposes and motives of professional higher school teachers' work are characterized.

PSYCHOLOGICAL FUNDAMENTALS OF PROFESSIONAL HIGHER SCHOOL TEACHERS' WORK, INNOVATIVE ACTIVITY, MOTIVES OF PROFESSIONAL HIGHER SCHOOL TEACHERS' WORK.

Kashevarov A.N. CURRENT STATE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

In this article the basic aspects of a current state of Russian Orthodox Church are analysed. Particular attention is paid to the state-church relations, qualitative and quantitative changes in key elements of the structure of the Church, their material and financial situation.

STATE-CHURCH RELATIONS, RELIGIOUS REVIVAL, THE MOSCOW PATRIARCHATE, BISHOP, DIOCESE, MONASTERY, PARISH.

Kovalyov S.N., Mikhailov A.A. THE CONSTRUCTION OF THE BALTIC SOVIET NAVY BASES IN ESTONIA AND LATVIA IN AUTUMN OF 1939 – SPRING OF 1940

The article reveals very important trends of Soviet military activity aiming at protection of the Baltic Sea coast of Estonia and Latvia in complicated political conditions of the Second World War outbreak. Appropriate articles by Soviet-Estonian and Soviet-Latvian mutual assistance pacts were accurately studied, as well as specific measures by National Navy Commissariat on construction of navy bases , forming of the squadron of warships, building coastal artillery batteries, airfields etc. The article is entirely based on archive material; it contains so far unknown facts about military and political situation in the Baltic Region in 1939-1940.

THE SECOND WORLD WAR, MUTUAL ASSISTANCE PACTS, NAVY BASE, BALTIK FLEET, COASTAL ARTILLERY, FORTIFIED REGION, SAFETY OF FRONTIERS.

Michurin A.N. THE PUBLIC CABINET IN THE SUMMER OF 1915 AND POLITICAL OPPOSITION

The article regards the questions connected with the political struggle in the State Council and the State Duma during World War I, the peculiarities of organization work of the Progressive Blok during the social and political crisis in 1915–1917, the influence of some matters on the integrity of its political existence.

PUBLIC CABINET, STATE COUNCIL, STATE DUMA, PROGRESSIVE BLOK.

Lepsheev A.A. ANNA IOANNOVNA'S GOVERNMENT POLICY CONCERNING FUGITIVE PEASANTS AND NOBLEMEN

In article relationships of nobility and the government during an output from the crisis connected with escape of peasants are investigated. Noblemen have been interested in a rigid state policy concerning investigation of fugitive peasants according to norms of Code of 1649 and required it of Anna Ioannovna's government. However interests of the state in this respect conflicted to interests of nobility.

ANNA IOANNOVNA'S GOVERNMENT, NOBLEMEN, PEASANTRY.

Vidmarovic B. TERRITORIAL DISPUTES IN THE EAST CHINA SEA

The article is dedicated to one of the most current issues in sino-japanese relations – the issue of territorial claims of Senkaku (Diaoyu) islands. The author provides a historical background of the dispute based, on one hand, on the points brought forward by PRC after World war II and on Japanese objection on the other. Dynamics of dispute's gradual exacerbation from the end of 20th to the first decade of 21st century, caused by discovery of rich oil and gas supplies under the isles, is analyzed.

SINO-JAPANESE RELATIONS, ARCHIPELAGO, ENERGETIC SECURITY, TERRITORIAL DISPUTES.

Zaiats N.V. FEATURES OF CONSTITUTIONAL NATURE OF THE HUMAN REPRESENTATION IN THE EUROPEAN COUNTRIES

The definition of human representation as an institution of constitutional law is determined, forms of securing the right to human representation in the constitutions of European countries are considered.

HUMAN REPRESENTATION, REPRESENTATIVE GOVERNING, DEMOCRATIC ELECTIONS.

Pavshinskaya M.S. LEGAL BASIS OF THE RUSSIAN STATE PARTICIPATION IN TRADE RELATIONS IN THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY

The article deals with the legal aspects of the participation of the Russian state in the trade relations as a seller and buyer of goods. The features of regulation of contract relations for the purchase of goods for state needs are analyzed. The process of consolidation and implementation the government monopoly of trade in goods is investigated.

LEGAL REGULATION, TRADE, ROW, STATE MONOPOLY, EASTATE.

Alikina E.Yu. METAPHOR MODELING IN TOURISTIC DISCOURSE (on the base of Russian and English languages)

The article deals with using metaphor modeling in studies of metaphorization in touristic discourse. The comparative analysis is carried out in pragmatic touristic discourse in the Russian and German languages.

TOURISTIC DISCOURSE, METAPHOR, CONCEPTUAL INTEGRATION, METAPHORICAL MODEL.

Bykanova V. I. DOMINANT SPATIAL CONCEPTS

The article deals with the possibility and criteria of dominant concepts identification. The structure of the Scandinavian spatial concept «island» is analyzed.

SPACE, CONCEPT, DOMINANT, PLACE-NAME.

Gridasova A.V. DERIVATIONAL NEST AS SYSTEM AND CATEGORICAL ORGANIZATION OF COGNATE WORDS

Grammatical centric conception of the language dates back to the traditions of the description of morphology and word formation as a single holistic object. At the general categorical level the derivational nest represents a paradigmal language formation demonstrating natural interrelations between the parts of speech. Derivational nest acts as hyperparadigm which includes the entire amount of structural components (subparadigms) as well as the tops of the nests.

DERIVATIONAL NEST, MICROSYSTEM, DERIVATIONAL REDUNDANCY, LACUNARITY, SYNCRETISM, A PLURALITY OF SYSTEMS, PARADIGM.

Smirnova Yu.S., Mishlanova S.L. COGNITIVE PECULIARITIES OF DEFINITION ANALYSIS IN MEDICAL DISCOURSE

The article represents general theoretical points of modern knowledge paradigm in linguistics. The analysis of definitions of medical term *sepsis* was shown. We also tried to demonstrate the role of definitions as one of the representation means of forming and modification of special knowledge in special sphere.

DISCOURSE. MEDICAL DISCOURSE. CONCEPT. TERM. DEFINITION. HOMONYMY. COGNITIVE MODEL.

Saurbayev R.Zh. STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF THE SEPARATED CONSTRUCTIONS (on the material of the English and Tatar languages)

In the present article considers the problem of the separated constructions and its delimitation from annexation. The author advances the idea of the structural semantic composition of the sentence with the separated constructions and the annexations.

SEPARATED CONSTRUCTIONS, ANNEXATION, STRUCTURAL-SEMANTIC COMPOSITION.

Philippova G.N. THE STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF SYNAESTHETICAL UNITS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

The paper studies syntactic characteristics of synaesthesia in the modern German language. Synaestestic units represented as a word, a word combination or a sentence have a close lexical and syntactic connection between the components.

SYNAESTHESIA, STRUCTURAL CHARACTERISTICS, SYNTAX, WORD, WORD COMBINATION, SENTENCE.

Antonova N.L. THE PROBLEM OF FOUNDATION IN CLASSIFICATION OF SOCIAL PRACTICES

The article deals with the problem of foundation in classification of social practices. Presented the definition of social practices, highlighted the possible criteria for classification.

CONCEPTUAL APPARATUS OF SOCIOLOGY, SOCIAL PRACTICES, FORMS OF SOCIAL PRACTICES, SOCIAL ACTION AND INTERACTION, ACTOR.

Goryunov V.P. SCIENCE AND RELIGION: UNITY AND STRUGGLE OF OPPOSITES

Science and religion are opposed in their explaining of nature according to the original methodology. In the interpretation of man as supernatural being, they are equal, this comes from socially conditioned unity of the rational and mystical understanding of man. It is impossible to rationally explain human activity, because its existence basically has a violent nature, society is

characterized by the «goal – means» ratio as a fundamental relationship and it cannot formulate goals beyond the scope of social utopias and religious myth.

FAITH, SURVIVAL, VIOLENCE, SCIENCE, KNOWLEDGE, NATURE, RATIONALITY, RELIGION, SUPERNATURAL, LABOR, MAN.

Kanunnikova O.V. METALANGUAGE IN THE FRAMEWORK OF NON-CLASSICAL THEORY OF KNOWLEDGE

Metalanguage is analyzed in the article as a method used to generate abstractions in humanities, the specific features of research, correlation and comprehension of general abstract concepts in linguistics and psychology of culture on the basis of semantic primitives and culture-specific configurations are shown.

PHILOSOPHY OF SCIENCE, NON-CLASSICAL THEORY OF COGNITION, METALANGUAGE, SEMANTIC PRIMITIVES, CULTURE-SPECIFIC CONFIGURATIONS, METALANGUAGE MODELING.

Malkova E.V. PHILOSOPHY OF ECONOMY: PHENOMENON OF THE VIRTUALIZATION OF VALUE

The article presents the ideas of investigators of the second half of the 20th century – beginning of the 21st century about modern economy as a virtual economy. At the sometime, it is supposed that the emergence of «new economy» with features of virtualization can be viewed through the prism of the transformation of the phenomenon of value.

VIRTUAL, VIRTUAL REALITY, VIRTUAL ECONOMY, VIRTUALIZATION, COST, VALUE.

Roslyakova M.D. INSTITUTIONALIZATION OF THE POLITICAL SUBJECT: EXPERIENCE OF THE PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS

Attempt of the phenomenological analysis of an institutionalization of the political subject in sphere of a real policy on an example of anthropology of P. Rieker is undertaken. The basic lines defining the person as the political subject are investigated.

PHENOMENOLOGICAL METHOD, THE SUBJECT OF A POLICY, POLITICAL, FREEDOM, RESPONSIBILITY, JUSTICE.

Shizhenskiy R.V. THE QUESTION ABOUT THE RELIGIOUS BASIS OF SLAVIC VERSION INDIGENOUS RELIGIONS

Article is devoted the analysis of the most popular and tendentious of religious-philosophical basis of modern slavic paganism. As a result of research it was possible to reveal variability inherent triple mythological (pseudo-mythological) concept «Yav», «Prav» and «Nav» and to establish artificiality of the last.

INDIGENOUS RELIGIONS, NEOPAGANISM, TERMINOLOGY, MYTHOLOGICAL WORLDS, SOURCE BASE, VLES BOOK.

Abelskaya R.Sh. ALEXANDER GALICH: BIRTH OF ONE IMAGE

For the first time the present paper explores historical and biographical, as well as literature and mythological origins of one mysterious poetical image by Alexander Galich, and does so from an aesthetic point of view, though inextricably connected with ethics. The article demonstrates that the poet combined in this image both elements of didactic Hasidic fable and ancient myth.

REED PIPE, HASIDIC FABLE, CHILDHOOD, MOTHER, PAN FLUTE, POWER OF ART.

Vaseneva N.V. AESTHETIC DIALOG BETWEEN B. SHAW AND L.N. TOLSTOY

The article studies a literary dialog between B. Shaw and L.N. Tolstoy. The influence of Tolstoy's creative activity on forming Shaw's aesthetic concept is examined by the author. The main characteristics of Shaw's theatre are discovered.

AESTHETIC DIALOG, EPIC THEATRE. NEW DRAMA, SHAW.

Venshchikov M.A. ON STYLISTIC FEATURES OF THE FRESCOES OF THE CHURCH HODIGITRIA-AFENDIKO IN MYSTRAS

The article is devoted to the stylistic analysis of the monumental painting of the church Aphendiko in Mystra. The compartition of the frescoes in two stylistic groups is regarded by the treatment of the painters to coloration, composition and type of image.

STYLISTIC FEATURES, COMPOSITION, COLORATION, EXPRESSION, WHITE HIGHLIGHTS, ASCETIC, HELLENISTIC, PALAIOLOGAN.

Vinogradova O. I. FOLKLORE AND MYTHOLOGICAL ELEMENTS IN THE VELTMAN'S «ROMANCE» NOVELS

This article discusses fantastic Veltman's novels pertaining to the genre fiction. Investigated the story, which are part of the novels. We consider the implementation of the features of this genre and methods of transmission main ideas through the elements of folklore and mythology in presenting the history of Russia.

FICTION, NOVELS, SLAVIC FOLKLORE, A FANTASTIC ELEMENT, ROMANTICISM, VELTMAN.

Hill O.L. THE IMAGE OF WELLINGTON IN THE DOCUMENTARY FICTION LITERATURE

The paper studies relation of ideas and composition of the biography «The Duke» by R. Aldington reveals the particular his creative work. And development the image of Wellington is analyzed in this paper.

BIOGRAPHY, GENRE, WRITER, HERO, IMAGE, HISTORY, WELLINGTON.

Zinkovskaya A.V. B. SHAW'S «HEARTBREAK HOUSE» AS MEANS OF REFLECTION AND FORMATION OF NON-LINGUISTIC REALITY

The article represents analysis of B. Show's play as means of reflection and formation of non-linguistic reality. Lexico-semantic and figurative integrity which was used by the author of the play is examined here.

PLAY, NON-LINGUISTIC REALITY, CHARACTER'S IMAGE.

Kosyakov G.V. WORLD-IMAGES OF POETRY BY A.S. NOROV

The article studies artistic and ideological originality of little-known Russian romantic A.S. Norov. The work describes the features of chronotopes and the system of images of poet's works. The article interprets artistic ontology of Russian romantic.

A.S. NOROV, ROMANTICISM, WORLD-IMAGE, ARTISTIC ONTOLOGY.

Kopteva E.I. THE TRADITIONS OF THE RHETORICAL BIOGRAPHY AT THE D.I. FONVIZIN'S «GREEK STORY» «KALLISPHEN»

This article is pay attention to the evolution's problem of the biographical forms at Russian historical-literary tradition from final 18th to start 19th ages. So at this article is considering the structural biography's philosopher at the D.I. Fonvizin's story: the union of the idealized and «energetic» narrative types (Pheophrast's and Plutarch's traditions) and the rhetorical forms (εγκώμιον, παραβολή, σύγκρισις).

BIOGRAPHY, RHETORIC OF THE TEXT, POETIC OF THE SYNCRISIS, CONCEPTION OF THE «GREAT MAN».

Momot A.D. PRAGMATIC COMPONENT OF THE CONCEPT OF LOVE REPRESENTED IN THE SONNETS BY W. SHAKESPEARE

This article deals with the different levels of explication of the interaction between the author and the reader in the definite chronotope which is determined by the communicative situation implied in the text of a sonnet according to the pragmatic approach.

PRAGMATICS, COMMUNICATION, NOMINATION, EXPLICATION, IMPLICATION, COGNITIVE, AUTHOR, READER, ADDRESSEE, CHARACTER, CHRONOTOPE, SITUATION, TEXT, SONNET.

Rostova N.V. NEW AESTHETICS IN CONDITIONS OF TECHNOGRAPHICAL ENVIRONMENT: CINEMATIC AND PERFORMING ARTS

In sight of the author are scantily explored questions of coherence of scenic and screen arts of boundary XIX-XX centuries in Russia. The author considers theatre and cinema like parallel processes and comes to conclusions both about unity of arts and about specificity of their existing. Author research at the statue an influence of cinematographic ways on theatric art in conditions of tehnografic environment, which had demanded new aesthetics. In particular, there is talking about searching innovations with coming XX century using younger art – cinematograph.

TEMPORHYTHMIC, FILM NEWSPAPER, A. KURBAS, GLUMOV'S DIARY, LAKE LYUL, A. FAIKO, K. MARDZHANOV

Grebennikova D.A. METHODOLOGIES OF RESEARCH OF THE OLD RUSSIAN ICON – PAINTING EMBROIDERY

The article focuses on the history of Old Russian icon – painting embroidery and its typological problems of definition. It deals with duality of attribution which permit to rate it as crafts or fine art or icon painting. Author argued the inclusive position, united all concepts illustrated with the unique embroidery pieces of Art.

ICON PAINTING EMBROIDERY, OLD RUSSIAN ART, CRAFTS, ICON PAINTING.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ СПбГПУ

№ 1 (118) 2011

Серия «Гуманитарные и общественные науки»

Учредитель – Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Издание зарегистрировано в Госкомпечати РФ, свидетельство № 013165 от 23.12.94

Редакция

д-р техн. наук, профессор *В.Н. Козлов* – председатель редакционной коллегии
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – ответственный секретарь
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
канд. филос. наук *А.С. Сафонова* – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – *С.В. Горячева*

Директор Издательства Политехнического университета *А.В. Иванов*

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 15.03.2011. Формат 60x84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,6. Уч.-изд. л. 45,6. Тираж 1000. Заказ 28

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства: 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.